3 1761 08821304 6

Полное собраніе сочиненій

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

Изданіе Н. Г. Мартынова.

Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
LR
G857

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

Polnoe Sobranie
Sochinenij, t. 8

СОЧИНЕНІЙ

Дм. Вас. Григоровича.

---

t. 8

ТОМЪ ВОСЬМОЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

1890.

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

РОМАНЫ и ОЧЕРКИ.

1857—1860 гг.

Д. В. ГРИГОРОВИЧА.

v. 8

462783
6.6.47

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе книгопродавца Н. Г. МАРТЫНОВА.

1890.

Типо-Литографія и Фототипія В. И. Штейнъ. Почтамтская ул., № 13.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

		стр.
1857.	Въ ожиданіи парома. Разсказъ	1
1857.	Почтенные люди	45
1857.	Кошка и мышка. Повѣсть	85
1859.	Пахатникъ и бархатникъ	164
1860.	Два генерала. Романъ	249

ПОВѢСТИ, РАЗСКАЗЫ

и

РОМАНЫ

1857—1860 гг.

ВЪ ОЖИДАНІИ ПАРОМА.

(РАЗСКАЗЪ).

Кого хоть разъ въ жизни не застигали на нашихъ дорогахъ продолжительное ненастье, весенняя распутица или позднее осеннее время, тому, можетъ быть, лишнее описывать все, что претерпѣваетъ въ такихъ случаяхъ путешественникъ. Достаточно сказать, что курная изба, со всею ея грязью, вонью и духотою, привѣтствуется тогда съ величайшею радостью.

На мою долю выпали и грязь, и ненастье. Апрѣль стоялъ на половинѣ; зимній путь прекратился; но ѣхать пока еще можно было; почва, благодаря возвратившимся морозамъ и постоянному холодному вѣтру, держалась довольно твердо. Вдругъ вѣтеръ повернулъ съ юга; по прошествіи какого-нибудь часа, небо покрылось тучами, и частый, теплый дождь зашумѣлъ со всѣхъ сторонъ. Воздухъ сдѣлался такъ мягокъ, что земля видимо почти распускалась; низменныя мѣста дороги и колеи наливались водою; въ ровныхъ мѣстахъ было еще хуже: глина навивалась на колеса цѣлыми ворохами и мѣшала двигаться. Я торопилъ, однакожъ, ямщика. Намъ предстоялъ переѣздъ черезъ Оку. Принимая въ соображеніе время и погоду, мы легко могли засѣсть на этомъ берегу, въ слу-

чаѣ, если замѣшкаемъ. До перевоза осталось верстъ шестнадцать, — сущая бездѣлица, кажется! По желѣзной дорогѣ проѣхать такое пространство — полчаса, по шоссе — часъ, много полтора; но надо замѣтить, мы пробирались такъ-называемымъ большимъ почтовымъ трактомъ; какъ всѣ пути такого рода, дорога наша отличалась отъ полей кое-гдѣ торчавшими по сторонамъ ветелками. Тутъ уже нѣтъ возможности разсчислить время, соображаясь съ числомъ верстъ; можете благополучно проѣхать отъ станціи до станціи; можете также просидѣть въ какой-нибудь котловинѣ, и всего чаще, подъ какимъ-нибудь мостомъ, цѣлыя сутки.

Мы едва тащились. Время отъ времени попадались подводы съ мукою, которыя безнадежно бились посреди дороги; мы подсобляли имъ выкарабкаться и продолжали путь, чтобы полверсты далѣе засѣсть, въ свою очередь, и ждать, пока не выручатъ оставшіеся позади и только-что нами же вырученные люди. Въ такомъ обмѣнѣ услугъ заключались, можно сказать, путевыя впечатлѣнія и развлеченія.

Гладкая, пустынная, какъ степь, мѣстность убѣгала во всѣ стороны; всюду мелькала темная, взбудораженная почва, по которой хлесталъ ливень; встрѣчались сломанныя оси, чахлыя ветлы и стаи галокъ, которыя, какъ бы въ контрастъ грустной неподвижности всего остальнаго, проносились стрѣлою надъ нашими головами. Не помню, чтобы было когда-нибудь такъ печально на землѣ и на небѣ! Весеннее время года перемежается въ средней полосѣ Россіи періодами, гдѣ рѣшительно не разберешь, что происходитъ въ природѣ: признаки весны исчезаютъ совершенно; кажется, скорѣе наступила суровая, опустошительная осень; птицы, прилетѣвшія при первомъ тепломъ вѣтрѣ, Богъ вѣсть куда всѣ попрячутся; сѣрый туманъ застилаетъ окрестность; отчаянная глушь воцаряется всюду; обнаженныя деревья, обливаемыя дождемъ и колеблемыя вѣтромъ, уныло гудятъ, дополняя тоску, которая сама собою вливается въ душу...

Былъ уже часъ восьмой вечера, когда, сквозь частую сѣть дождя и начинающіяся сумерки, блеснулъ въ отда-

леніи одинъ изъ поворотовъ Оки. Но прежде чѣмъ попасть на перевозъ, слѣдовало проѣхать длинную-длинную деревню, раскинутую по низменному берегу. Улица буквально запружена была лошадьми, подводами и народомъ, ждавшимъ очереди. Нечего было думать ѣхать далѣе; надо было остановиться при самомъ въѣздѣ въ деревню.

— Гдѣ паромъ, на той или на этой сторонѣ? спросилъ я, какъ только выровнялся съ ближайшими возами.

— Паромъ ушелъ... отозвалось нѣсколько голосовъ.

— Давно ли?

— Съ утра ушелъ!

— Какъ, съ утра?..

— Съ утра... Канатъ порвался у парома... онъ и ушелъ...

Дождь промочилъ во многихъ мѣстахъ мое платье, и я продрогъ до костей; но при этомъ извѣстіи меня въ жаръ кинуло. Кромѣ того, что я спѣшилъ достигнуть цѣли своей поѣздки, мнѣ слишкомъ хорошо было извѣстно, что̀ значитъ дожидаться возстановленія порядка, когда наблюденія за порядкомъ, передаваясь отъ одного лица къ другому, переходятъ наконецъ къ мелкимъ властямъ, а мелкія власти, послѣ дружескаго объясненія съ содержателемъ перевоза, предоставляютъ послѣднему полную свободу дѣйствовать и распоряжаться по своему произволу.

Я рѣшился оставить лошадей, взять чемоданъ и попытаться переѣхать на лодкѣ. Съ такою мыслію направился я къ рѣкѣ. Съ каждымъ шагомъ впередъ, труднѣе было двигаться. Улица, окутанная уже полумракомъ, представляла совершенную кашу изъ подводъ, людей и лошадей; все это располагалось зря, безъ всякаго порядка, тискалось и сбивалось, уходя въ грязь по колѣно и по ступицу; иная телѣга стояла прямо, другая поперекъ; въ одномъ мѣстѣ голова лошади упиралась въ возъ, въ другомъ—заднія ноги животнаго тѣсно жались къ сосѣднимъ колесамъ; трудно было понять, какъ все это могло уставиться такимъ образомъ; но еще труднѣе было понять, какъ все это разъѣдется, какъ отцѣпится одна ось отъ другой, какъ двинутся колеса безъ того, чтобы не переломать ноги бѣднымъ клячамъ. Нескончаемый этотъ лабиринтъ неожиданно прерывался гуртомъ воловъ, которые

неподвижно лежали подъ дождемъ и смутно обозначались въ сѣдомъ парѣ, клубившемся надъ ними. На самомъ берегу, у спуска къ косогору, стояли толпы народа. Крики, говоръ и шлепанье по грязи—все это мѣшалось съ грохотомъ рѣки, шумѣвшей отъ падавшаго на нее дождя, съ плескомъ волнъ. Не было возможности разобрать цѣлой рѣчи; посреди говора, ясно только слышалось: «куда лѣзешь! народъ! начальство не позволяетъ!.. слышь: начальство!..» Слова эти, произносимыя съ сильнымъ малороссійскимъ акцентомъ, принадлежали сухопарому, рябому инвалиду очень мирнаго вида, который тутъ и тамъ появлялся съ тоненькою хворостинкой въ рукѣ. Этотъ же самый инвалидъ, на вопросъ мой: можно-ли проѣхать въ лодкѣ? отвѣчалъ, что это никакъ невозможно, что лодка была привязана къ парому, и ее унесло вмѣстѣ съ нимъ; а что вотъ какъ пріѣдетъ паромъ, тогда, пожалуй, можно и на лодкѣ переѣхать...

Скрѣпивъ сердце, я отправился назадъ искать ночлега.

Сколько ни странствуйте по нашимъ дорогамъ, сколько ни испытывайте всякаго рода дорожныхъ бѣдствій, при каждой новой поѣздкѣ вамъ непремѣнно встрѣтится новый, еще не извѣданный случай. Мнѣ, по крайней мѣрѣ, ни разу не приводилось быть жертвой порваннаго каната, хотя я много разъ слышалъ о подобныхъ случаяхъ. Этотъ канатъ не выходилъ у меня изъ головы. «Отчего-бы ему оборваться?.. разсуждалъ я мысленно:—отчего могло произойдти все это?.. надо думать, вотъ какъ было: конторщикъ или управитель какого-нибудь помѣщика купилъ дешевенькія сѣмена конопли (въ расходной книгѣ выставлены были, разумѣется, сѣмена первѣйшаго сорта и самыя дорогія): уродилась плохая конопель, изъ нея вышла плохая пакля; управитель или конторщикъ ловко подсунулъ ее купцу-поставщику, который, въ свою очередь, ловко подсунулъ ее канатному фабриканту. Фабрикантъ началъ вить изъ нея особеннаго рода дешевенькіе канаты, предназначаемые на продажу лицамъ, не больно свѣдущимъ въ дѣлѣ веревочнаго производства. Содержатель парома былъ не настолько дуракъ, чтобы покупать дорогой канатъ, когда подъ руками находится дешевый. Авось

сдержитъ! думалъ онъ, не видя даже лично для себя никакой потери, въ случаѣ, если и не сдержитъ; народу, съѣзжающемуся къ его перевозу, все равно, дѣваться больше вѣдь некуда,—хочешь не хочешь, переѣзжай здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ; ближе сорока верстъ въ обѣ стороны нѣтъ парома: потери, слѣдовательно, никакой нѣтъ для содержателя перевоза; бояться ему также нечего, послѣ предварительнаго переговора съ мелкими властями. Восходя такимъ образомъ къ источнику безпорядка, я мысленно говорилъ: «но отчего-же, наконецъ, такая круговая порука взаимнаго надувательства и недобросовѣстности?.. Отчего-же все это?.. Отчего?..»

Совсѣмъ уже стемнѣло и въ окнахъ зажигались огни, когда я возвратился къ своему ямщику. Мы направились къ ближайшей избѣ. Но такъ уже суждено было, чтобы въ этотъ день испытывать однѣ неудачи: въ избѣ скопилась цѣлая орда, не оставалось свободнаго уголка. Насъ отправили въ избу насупротивъ, увѣряя, что тамъ найдемъ много свободнаго мѣста; изба принадлежала бурмистру; онъ держалъ горницу и пускалъ однихъ купцовъ и помѣщиковъ.

На этотъ разъ дѣйствительность далеко даже превзошла ожиданія. У бурмистра нашелъ я трехъ человѣкъ; съ первыхъ словъ оказалось, что то были проѣзжіе помѣщики, претерпѣвавшіе одинаковую со мною участь. Всѣ трое сидѣли вокругъ стола, уснащеннаго стаканами и блюдечками: тутъ-же возносился самоваръ, шипѣвшій самымъ привлекательнымъ образомъ. Минутъ черезъ десять, переодѣтый и обогрѣтый, сидѣлъ я между ними со стаканомъ чая, радушно предложеннымъ мнѣ сосѣдомъ, человѣкомъ среднихъ лѣтъ, весьма симпатической наружности, закутаннымъ въ коричневое пальто, повязаннымъ чернымъ галстукомъ, пропускавшимъ бѣлые и тонкіе воротнички рубашки. Второй сосѣдъ былъ миніатюрный, худенькій, но живой и веселый господинъ съ крошечнымъ бѣлокурымъ лицомъ, отличавшимся необыкновенною подвижностью. Третій представлялъ изъ себя толстяка лѣтъ шестидесяти, съ шарообразною сѣдоватою головою, сѣрыми глазами навыкатѣ и коротенькой шеей; онъ си-

дѣлъ безъ галстука, въ халатѣ и туфляхъ, покуривая изъ коротенькаго чубука, залѣпленнаго сургучомъ, — обстоятельство, заставлявшее его поддерживать свободною рукою животъ, который, отъ чрезмѣрнаго сотрясенія туловища, приходилъ всякій разъ въ сильное колебаніе. Повидимому, ему тѣсно было даже въ халатѣ; онъ ѣхалъ, видно, на своихъ: подъ ногами его стоялъ тяжеловѣсный поставецъ, а шагахъ въ двухъ подымалась широкая, пышно взбитая перина съ ситцевымъ одѣяломъ и подушками.

Въ промежутокъ этихъ десяти минутъ, какъ я вошелъ въ избу, онъ слова не промолвилъ; во все время сохранялъ онъ какой-то неловкій, сконфуженный видъ, пыхтѣлъ и краснѣлъ, бросая, особенно на меня, недовѣрчивые, косые взгляды; компанія, очевидно, стѣсняла его. Первымъ поводомъ къ бесѣдѣ послужилъ, разумѣется, безпорядокъ, которому обязаны мы были нашимъ столкновеніемъ.

— Мошенники! неожиданно пробурчалъ толстякъ, къ совершенному удовольствію маленькаго живого господина, который, казалось, только и ждалъ, чтобы разразиться смѣхомъ.

Замѣчаніе толстяка произнесено было такимъ мрачнымъ, такимъ недовольно-комическимъ тономъ, что дѣйствительно трудно было удержаться.

— Чего вы смѣетесь? Конечно, мошенники! повторилъ онъ, дико поглядывая на весельчака.

— Еще-бы не мошенники!.. Развѣ я заступаюсь? возразилъ тотъ, продолжая надрываться: — впрочемъ, намъ съ вами нечего много жаловаться, подхватилъ онъ преднамѣреннымъ какимъ-то тономъ и какъ-бы желая подразнить старика: — намъ съ вами грѣхъ роптать; одно развѣ: домой позже пріѣдемъ! Что-жъ касается до всего остального—мы здѣсь блаженствуемъ, — именно блаженствуемъ! видите: сидимъ въ теплой избѣ, пьемъ чай... вашъ человѣкъ даже вамъ перину постлалъ. Чего-же еще?.. Нѣтъ, скажите-ка лучше, каково-то теперь бѣдному мужичонку, что стоитъ на улицѣ, вотъ что! каково этому мужичонку, который не только не пьетъ чаю теперь и не уснетъ на перинѣ, но которому нечѣмъ даже за

ночлегъ отдать, чтобы отъ дождя спрятаться? Скажите-ка лучше, — ему каково?.. Вотъ, добавилъ маленькій господинъ, живо обратясь ко мнѣ и насмѣшливо прищуривая глазки по направленію къ толстяку:—вотъ они говорили намъ, что все это ровнехонько ничего не значитъ, что мужикъ привыкъ ко всему этому...

— Разумѣется, привыкъ! произнесъ толстякъ, нахмуривая брови и какъ-то бокомъ пятясь на своемъ стулѣ.

— Ну, а какъ вы думаете, заговорилъ въ свою очередь господинъ въ коричневомъ пальто, холодно поглядывая на толстяка:—думаете-ли вы, что этотъ мужикъ, у котораго, по вашему мнѣнію, кожа должна быть дубовая, привыкъ-ли онъ, напримѣръ, платить за хлѣбъ для себя собственно и за овесъ и сѣно для своей лошади, привыкъ-ли онъ платить втри-дорога противъ того, что въ самомъ дѣлѣ стоитъ овесъ, сѣно и хлѣбъ? Не думаю, чтобъ это было ему нипочемъ!.. А между тѣмъ, могу васъ увѣрить, весь этотъ народъ, который вы видѣли здѣсь на улицѣ, находится въ такомъ положеніи! присовокупилъ онъ, перемѣняя голосъ и обратясь ко мнѣ:—я самъ спрашивалъ: тутъ есть бѣдняки, которые ужъ третьи сутки дожидаются; извѣстно: человѣку надо ѣсть, надо, чтобъ и лошадь сыта была; какъ-же не воспользоваться такимъ случаемъ? ломи съ него за все втри-дорога! Такихъ случаевъ, какъ тотъ, которому обязаны мы нашей встрѣчей, только и ждутъ обыватели прирѣчныхъ деревень! Надо было видѣть, что происходило въ этой самой деревнѣ (и нѣтъ причинъ, чтобы въ другихъ не было того-же самаго) во время половодья, недѣли двѣ назадъ; я давно привыкъ ко всему этому, но, признаюсь, послѣдній разъ, пришелъ въ ужасъ: подводъ съѣхалось, я думаю, больше, чѣмъ теперь; большая часть возвращалась изъ Москвы послѣ обоза; Ока восемь дёнъ стояла въ разливѣ, восемь денъ не было возможности попасть на ту сторону! Хлѣба, сами, полагаю, знаете, весною остается уже немного: у другого, если семья большая, въ февралѣ ужъ весь вышелъ; объ овсѣ и сѣнѣ говорить нечего! И наконецъ, не напасешься всего этого дней на десять, которые необходимы для переѣзда изъ деревни въ Москву и обратно.

Вотъ тутъ-то поглядѣли-бы вы, что здѣсь происходило: кто продавалъ одежду для того, чтобы прокормиться, а время, надо замѣтить, было самое холодное и дождливое; кто продавалъ лошадь, чтобы не дать ей издохнуть съ голоду, кто сани сбывалъ... Всѣ эти предметы отдавались, разумѣется, за самую бездѣлицу; проѣзжающій находился въ рукахъ обывателей, которые, нимало не стѣсняясь совѣстью, просто грабили! Я вамъ говорю: такая картина, что не приведи Богъ во второй разъ видѣть!.. а придется, непремѣнно придется, потому что я каждую весну и осень проѣзжаю по этой дорогѣ...

Разговоръ, къ которому тотчасъ-же присталъ маленькій живой господинъ, завязался на эту тему. Мы совсѣмъ почти забыли толстяка; онъ, впрочемъ, молчалъ; казалось, онъ не доволенъ былъ предметомъ бесѣды. Переходя отъ одного вопроса къ другому, мы невольно коснулись быта народа и нравственныхъ его свойствъ. Мнѣнія были очень различны; мы вообще такъ мало обращаемъ вниманія на народъ, такъ мало знаемъ его, что иначе быть не могло; перебравъ хорошія качества нашего простолюдина, мы пришли къ его недостаткамъ; тутъ мнѣнія еще рѣзче стали отличаться одно отъ другого. Одного болѣе всего возмущала жадность къ барышу, часто даже заглушающая совѣсть и религіозное чувство; другой нападалъ на отсутствіе крѣпкаго нравственнаго начала, на малодушіе и безхарактерность; маленькій господинъ съ жаромъ обвинялъ мужика въ лѣности, которую часто даже прикладываетъ онъ къ личнымъ своимъ интересамъ. Хотя маленькій господинъ очевидно увлекался собственными словами и черезчуръ горячился, сужденія его показывали человѣка, не лишеннаго наблюдательности и много обращавшагося съ народомъ. По мѣрѣ того, какъ говорилъ онъ, толстякъ замѣтно дѣлался внимательнѣе, онъ началъ даже поддакивать, утвердительно потряхивалъ головою и время отъ времени бросалъ на меня и моего сосѣда торжествующіе взгляды. Слово за словомъ, рѣчь коснулась той роли, которую играютъ страсти въ душѣ простолюдина.

— Я имѣю основаніе думать, что страсти вообще, то-есть какъ благородныя, такъ и неблагородныя, оди-

наково свойственны всякому человѣческому роду безъ различія состояній... сказалъ собесѣдникъ въ коричневомъ пальто:—на мои глаза (думаю и на ваши точно также), не существуетъ между людьми другой разницы, какъ та, которую даютъ бо̀льшая или ме́ньшая степень развитія и образованія; но въ дѣлѣ страстей, мнѣ, по-крайней-мѣрѣ, такъ кажется, образованіе и развитіе не имѣютъ большого значенія; они помогаютъ только страсти иначе выразиться, смягчаютъ форму; дѣйствіе страсти, сущность нравственнаго процеса остается все та же...

Такое мнѣніе не встрѣтило возраженія ни съ моей стороны, ни со стороны маленькаго господина. Казалось, это удивило толстяка; до настоящей минуты, онъ не переставалъ моргать намъ обоимъ съ видомъ взаимнаго соучастія, какъ-бы ожидая, что вотъ-вотъ оба мы разразимся смѣхомъ; обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ раздулъ губы и отвернулся съ видомъ пренебреженія, какъ-будто хотѣлъ сказать: «Ну, опять запороли чепуху!..»

— Мнѣ извѣстно изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ, продолжалъ между-тѣмъ господинъ, начавшій разговоръ:— знаю вѣрно, что въ нашихъ тюрьмахъ, напримѣръ, на три тысячи преступниковъ среднимъ числомъ находится около восьмисотъ такихъ, которыхъ страсти, я разумѣю сердечныя страсти, довели до преступленія; такая пропорція что-нибудь доказываетъ въ пользу нашего общаго мнѣнія! Я убѣжденъ въ этомъ. Постоянно живу въ деревнѣ, постоянно наблюдаю; всего насмотрѣлся. Не далѣе какъ прошлою осенью былъ у меня случай съ однимъ изъ этихъ вялыхъ и апатичныхъ, какъ вы ихъ называете... Пожалуй, я разскажу вамъ, если не скучно...

Я и маленькій сосѣдъ мой выразили готовность слушать. Толстякъ ничего не сказалъ; онъ явно предупрежденъ былъ противъ разсказчика; щетинистыя брови его выпрямились однакожъ и пухлое лицо повернулось въ нашу сторону. Господинъ въ коричневомъ пальто обрѣзалъ сигару, налилъ новый стаканъ чаю и началъ такимъ образомъ:

— Я замѣтилъ, кажется, что происшествіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, случилось осенью; но осенью оно

собственно только кончилось; началось гораздо раньше,— весною прошлаго года.—Верстахъ во ста отсюда, за Окою, находится у меня деревушка, вѣрнѣе, выселки изъ другой деревни, гдѣ я провожу обыкновенно лѣто; выселки отъ меня версты двѣ; народъ на оброкѣ; но ни разстояніе, ни оброчное положеніе не мѣшаютъ мнѣ знать очень хорошо, что тамъ дѣлается. Надо вамъ сказать, я самъ занимаюсь своимъ хозяйствомъ; это не весело, если хотите; куда какъ не весело! но я дѣлаю это изъ убѣжденія; дѣйствуя такимъ образомъ, мнѣ кажется, я исполняю свой долгъ, — это разъ; и наконецъ я приношу этимъ дѣйствительную, существенную пользу моимъ крестьянамъ, такую пользу, какую не могъ бы принести самый лучшій, добросовѣстный управитель...

— Ужъ это точно! вымолвилъ толстякъ съ увѣренностію:—эти управители—всѣ мошенники; кругомъ тебя обворуютъ.

— Совершенно справедливо! произнесъ разсказчикъ, посылая ему самый серьезный поклонъ:—вы угадали мою мысль! — Но все это, господа, дѣло постороннее; я коснулся всего этого съ тою только цѣлью, чтобы понятнѣе было, какимъ образомъ могъ я извѣдать подробности моего разсказа. Итакъ, я зналъ болѣе или менѣе всѣхъ выселовскихъ мужиковъ. Въ числѣ ихъ былъ одинъ, который особенно всегда возбуждалъ мое любопытство; это потому, можетъ-быть, что я зналъ его менѣе другихъ. Такого рода личность легко впрочемъ могла ускользнуть отъ самаго наблюдательнаго глаза; въ жизнь мою не видалъ я человѣка болѣе безцвѣтнаго: не было ни наружной черты, ни факта изъ жизни, которые могли бы служить для поясненія его характера. Представьте себѣ жидкую, въ высшей степени разварную фигуру, съ подслѣповатымъ бѣлокурымъ лицомъ, усыпаннымъ веснушками, длинною головою, странно какъ-то приплюснутою на лбу,—головою, которая держалась всегда насторону и сонливо клонилась къ землѣ. Глядя издали, вы бы непремѣнно сказали: «надъ чѣмъ такъ крѣпко задумался этотъ мужичокъ? вѣрно пришибло его какимъ-нибудь горемъ»... Вблизи оказывалось, что какъ въ глазахъ его, такъ и во всѣхъ

чертахъ царствовало полнѣйшее отсутствіе жизни и даже мысли. Непомѣрная апатія и вялость еще рѣзче проявлялись, когда онъ ходилъ или принимался дѣло дѣлать: длинныя руки болтались словно сами собою; ноги, несмотря на худобу, тяжело передвигались, подгибались въ колѣняхъ, переплетались какъ у пьянаго; онъ не пилъ однакожъ, капли въ ротъ не бралъ, — не на что было. Присоедините къ этому страшную неряшливость; она какъ-бы дополняла жалкій видъ наружности. Не помню, чтобы явился онъ когда-нибудь безъ прорѣхи или зацѣпины; въ одеждѣ его непремѣнно чего-нибудь да не доставало: или мѣховой обшивки вокругъ шапки, или веревочки на одномъ лаптѣ, или цѣлаго плеча на полушубкѣ; и сколько бы ни пропекало его морозомъ въ прорванное мѣсто—онъ, на другой день, выходилъ съ тою же прорѣхой, какъ и наканунѣ. Та же самая распущенность была и въ домашнемъ быту его, и въ хозяйствѣ, и въ полѣ; у другихъ, напримѣръ, озими или яровое бархатомъ стелется; у него, смотришь, на десятинѣ тѣ же прорѣхи, что на рубахѣ; вездѣ плѣшины; гдѣ густо, гдѣ нѣтъ ничего... И между тѣмъ, не было возможности взыскивать съ него, заставить его быть расторопнѣе, дѣятельнѣе,—заставить, чтобъ дѣло шло иначе...

На этомъ мѣстѣ разсказа хрипѣнье толстяка перешло въ удушье, и онъ началъ выказывать сильнѣйшіе знаки нетерпѣнія.

— Вамъ, кажется, угодно что-то сказать?.. обратился къ нему разсказчикъ.

— Что ужъ тутъ говорить! комически-безнадежнымъ тономъ промолвилъ толстякъ: — а вотъ я вамъ скажу, подхватилъ онъ съ сердцемъ:—посѣчь бы его хорошенько, этого мужика,—такъ ничего бы этого не было... отличный былъ бы мужикъ.

— Вотъ оно что значитъ настоящій-то хозяинъ! воскликнулъ весельчакъ, стараясь сохранить серьезный и даже почтительный видъ:—вашу руку, милостивый государь, вашу руку! я всегда питалъ искреннее, глубочайшее уваженіе къ практическимъ людямъ;—всегда! заключилъ онъ, потрясая жирную руку толстяка, который, повиди-

мому, недоумѣвалъ, какъ принять все это: за настоящую ли монету или за насмѣшку.

— Теперь, довершилъ веселый господинъ, обратившись къ разсказчику: — позвольте просить васъ продолжать: вы сказали, что нельзя было прицѣпиться къ этому мужику...

— Я, по-крайней-мѣрѣ, не могъ этого сдѣлать, подхватилъ разсказчикъ: — духу не доставало. Онъ рѣшительно, хоть кого бы, впрочемъ, обезоружилъ своею кротостью. Иной разъ идешь мимо его поля, невольно возьметъ досада: такъ-бы вотъ, кажется, и разругалъ его и тотчасъ же заставилъ передѣлать, перепахать; но при видѣ несчастной этой фигуры, покрытой заплатами, при видѣ этого смиреннаго лица, опущеннаго къ землѣ, только отвернешься да пройдешь поскорѣе мимо. Вся эта распущенность слишкомъ уже очевидно происходила скорѣе отъ внутренняго безсилія, отъ врожденной, свойственной его природѣ лѣности и апатіи, чѣмъ отъ преднамѣренности, лѣности или вообще порочнаго какого-нибудь свойства.

«Имъ, наконецъ, и безъ того уже много помыкали. Если безотвѣтные, кроткіе люди играютъ жалкую роль въ образованномъ обществѣ, можете судить, въ какое положеніе ставятъ такія свойства въ кругу народа! Онъ находился во всеобщемъ пренебреженіи; каждый надъ нимъ трунилъ, подсмѣивался. Не было примѣра однакожъ, чтобы онъ, съ своей стороны, кого-нибудь облаялъ; онъ не подавалъ голоса даже въ такомъ дѣлѣ, когда очевидно приходило ему въ накладъ; онъ всегда молча повиновался. Надо думать, что кроткій и смиренный по природѣ своей, онъ въ дѣтствѣ былъ сильно загнанъ или запуганъ. Тѣмъ только и обозначалось присутствіе его въ выселкахъ, что поле его и изба занимали тамъ мѣсто; на самомъ дѣлѣ, онъ какъ-будто не существовалъ. Возьмите также въ разсчетъ дѣйствительно самую безотрадную домашнюю обстановку: дѣтей куча, ни брата въ домѣ на подмогу, ни старика; поневолѣ упадешь духомъ и одурѣешь! Тутъ же, кстати, одно къ одному, жена попалась ему такая же ничтожная, какъ и самъ онъ. Попадись баба смѣтливая,

расторопная, смышленая,—дѣло, разумѣется, шло бы другимъ порядкомъ. У насъ часто встрѣчаются бабы, которыя вертятъ и хозяйствомъ, и мужемъ, любо смотрѣть, какъ распоряжаются! Мнѣніе, будто въ домашнемъ быту народа жена играетъ второстепенную роль и всегда подчинена мужу — ошибочное мнѣніе; второстепенная роль точно присуждена ей обычаемъ; но обычай существуетъ только въ памяти народа, на словахъ существуетъ; это ничего, что мужъ иной разъ поколотитъ; онъ поколотилъ, а она все-таки свое возьметъ. Бываетъ даже, что цѣлой деревней управляютъ бабы: заведется какая-нибудь тетка Маланья, да въ дворнѣ еще Аграфена, да къ нимъ присоединится еще мельничиха; одна къ старостѣ подольщается, другая къ конторщику, третья за носъ водитъ мужа, который въ свой чередъ имѣетъ вліяніе на конторщика и на старосту. Староста, конторщикъ и мельникъ воюютъ на міру, надрываются; Маланья, Аграфена и мельничиха виду не подаютъ, такъ только какъ-бы невзначай встрѣчаются и шепчутся, — а дѣло, — смотришь, — дѣло дѣлается по-ихнему.

«Къ несчастію, жена Якова (такъ звали моего мужика) не изъ такихъ была. Она принадлежала къ разряду такъ называемыхъ плаксъ, канючекъ. Пустѣйшая была баба. Вотъ ее смѣло можно было упрекнуть въ лѣности! Она положительно выказывала явное нерасположеніе къ труду; даже дома рѣдко чѣмъ-нибудь занималась; вѣчно сидитъ, бывало, у сосѣдокъ или шляется по окрестнымъ деревнямъ, навѣщая кумушекъ; жалобы на бѣдность и сѣтованія на судьбу служили только придиркою къ тому, чтобы поболтать, языкъ поточить. Съ мужемъ жила она, однакожъ, смирно; мнѣ сказывали только, будто они никогда другъ съ другомъ не разговаривали; онъ молчитъ и она молчитъ, и все это не потому, чтобы имѣли они что-нибудь другъ противъ друга,—вовсе нѣтъ; такъ просто; говорить, видно не о чемъ было. Меня всегда удивляло, какъ, при такихъ странныхъ отношеніяхъ, могли у нихъ ежегодно рождаться дѣти;— а ежегодно рождались, семеро ребятишекъ было. Въ домѣ находилась еще мать Якова; но ее пока считать нечего; все равно, что была

она, что нѣтъ. Она уже пятый годъ не сходила съ печки; параличъ свелъ ей лѣвую руку и ногу. Казалось бы, что при такой обстановкѣ, особенно при такихъ характерахъ, трудно ожидать въ этой семьѣ драматическаго эпизода; по всѣмъ даннымъ, этотъ Яковъ, поживши своею жалкою жизнью, долженъ бы сойдти въ могилу, не оставивъ послѣ себя малѣйшаго слѣда, даже воспоминанія... Случилось, однакожъ, иначе; вотъ какъ это было.

«Одинъ изъ выселовскихъ мужиковъ, который былъ позажиточнѣе, нанялъ работницу. Взялъ онъ ее изъ-за рѣки, верстъ за десять, на какой-то миткалевой фабрикѣ. Женщина эта (она, забылъ вамъ сказать, была вдова и бездѣтна) пользовалась даже между фабричными не совсѣмъ благонадежной репутаціей: значитъ, ужъ хороша была. Ее знали въ околоткѣ подъ именемъ рябой Марѳутки.

«Послѣ того, какъ кончилась исторія, которую вамъ разсказываю, я имѣлъ случай ее видѣть; трудно представить наружность болѣе непривлекательную: лицо пухлое, рябое; носъ комомъ; изъ себя коротышъ какой-то; къ тому же, было ужь ей лѣтъ сорокъ, можетъ даже и съ хвостикомъ. Но, не смотря на все это, въ выселкахъ нашлись поклонники. Марѳутка эта была, впрочемъ, баба бойкая, разбитная; она отлично играла на гармоникѣ, могла выплясывать часа по три безъ отдыха, знала наперечетъ всѣ мѣстныя пѣсни и обладала такимъ звонкимъ, пронзительнымъ голосомъ, что за версту отличишь его въ хороводѣ.

«Съ первыхъ же дней стала она какъ бѣсъ на выселкахъ: съ одними вступила въ тѣсную дружбу, съ другими успѣла поссориться. Число поклонниковъ замѣтно возрастало. Недѣли черезъ три послѣ ея прибытія, произошла даже маленькая свалка: она подралась съ одною изъ бабъ, которая, не знаю, основательно или неосновательно, но только приревновала ее къ мужу. Прошла Святая, наступила и пахота. Мужики стали выѣзжать въ поле; отправился и нашъ Яковъ съ ними.

«Въ одинъ изъ этихъ дней, мужикъ, нанимавшій Марѳу, послалъ ее за чѣмъ-то въ сосѣднюю деревню; дорога лежала черезъ тѣ самыя поля, на которыхъ работалъ на-

родъ; нива Якова примыкала къ дорогѣ. Проходя мимо, Марѳа остановилась. До того времени, нужно замѣтить, Марѳа слова не сказала съ Яковомъ; по всей вѣроятности, рѣдко даже съ нимъ встрѣчалась; но, вѣроятно, она имѣла о немъ нѣкоторое понятіе, слышала, по крайней мѣрѣ, какъ надъ нимъ подтрунивали, и, проходя мимо, вздумалось ей въ свою очередь побалагурить. Бѣдность мужика, его вялая, кислая наружность служатъ вѣрнымъ подтвержденіемъ, что у Марѳы, кромѣ балагурства, не было другого повода вступать съ нимъ въ бесѣду. Какъ начался разговоръ, въ чемъ состоялъ онъ—неизвѣстно; но послѣ этой встрѣчи бесѣды ихъ стали повторяться. Хотя встрѣчи происходили какъ-бы случайно, онѣ не ускользнули отъ глазъ любопытныхъ; это дало новую пищу смѣяться надъ Яковомъ. Марѳа сама, казалось, потѣшалась надъ нимъ вмѣстѣ съ другими; а между тѣмъ ловила случаи попадаться ему на дорогѣ. Многіе видѣли, какъ иной разъ Яковъ торчалъ гдѣ-нибудь за угломъ или подлѣ рощи, переминался на одномъ мѣстѣ нѣсколько часовъ сряду и очевидно ждалъ чего-то; при встрѣчѣ съ кѣмъ-нибудь изъ крестьянъ, онъ вдругъ раскисалъ, щурился и съ пристыженнымъ, крайне жалкимъ и неловкимъ видомъ направлялся домой.

«Не могу сказать вамъ, какіе способы пустила въ ходъ Марѳа, чтобы приворожить къ себѣ, сбить съ толку и наконецъ совершенно погубить этого человѣка; послѣ говорили, будто все это случилось по наговору; она, говорили, опоила его какимъ-то зельемъ; но это пустяки, разумѣется. Еще труднѣе объяснить, какимъ образомъ страсть,—я говорю: страсть, потому-что нельзя дать другого названія чувству, которое овладѣло Яковомъ, и наконецъ, по заключенію этой исторіи, сами вы увидите, что одна безумная страсть въ силѣ одурманить до такой степени человѣка,—какимъ образомъ, повторяю вамъ, это вялое, повидимому совершенно безжизненное, кислое и робкое существо могло такъ сильно привязаться къ женщинѣ, которая явно вела постыдную жизнь,—словомъ, отвратительная была во всѣхъ отношеніяхъ. Началось съ того, что Яковъ пришелъ однажды домой безъ полушубка; онъ

разсказалъ, что снялъ его и положилъ на межу передъ тѣмъ, чтобы сѣять; вернувшись къ межѣ, полушубка уже не было: его украли. Это случилось въ началѣ недѣли; въ слѣдующее затѣмъ воскресенье Марѳа явилась въ новомъ, красномъ, какъ маковъ цвѣтъ, платкѣ и новыхъ котахъ.

— Фу ты, какъ расфрантилась! говорили бабы:— откуда у тебя все это?..

— Давно было; въ сундучкѣ лежало! возразила безъ малѣйшей запинки Марѳа; пухлое лицо ея лоснилось отъ удовольствія и багровѣло какъ красный сафьянъ.

«Въ этотъ день голосъ ея немолчно дребезжалъ на выселовской улицѣ; она превзошла самоё себя и въ пляскѣ, и въ пѣсняхъ. Въ скоромъ времени, со двора Якова, ночью, унесены были корыто, чугунокъ и лошадиная сбруя. Съ женою своею Яковъ не вступалъ почти въ объясненіе по этому предмету; но въ разговорѣ со старухой-матерью выказалъ рѣшительное недоумѣніе касательно того, какъ могли пропасть эти вещи: онъ въ эту ночь, какъ нарочно, спалъ на дворѣ. Спустя нѣсколько дней, у Марѳы завелся новый передникъ, запонка, серьги и позументъ на подолѣ понёвы. Короче сказать, по мѣрѣ того, какъ у Якова происходили пропажи,—а такіе случаи повторялись чаще и чаще,—Марѳа покрывалась обновками... Ясно, что въ выселкахъ завелся воръ, который преимущественно избралъ домъ Якова, хотя въ этомъ домѣ меньше было чего взять, чѣмъ въ другихъ...

— Какой тутъ воръ! нетерпѣливо перебилъ толстякъ, поглядывая съ пренебреженіемъ на разсказчика:—какой воръ! Вамъ сказали: воръ!—вы этому и повѣрили... Этотъ же самый Яковъ, котораго вы такъ жалѣете,—онъ самъ таскалъ у себя! Утащитъ, мерзавецъ, продастъ, да Марѳѣ этой и купитъ обновку.

— Можетъ ли быть? спросилъ съ напряженнымъ изумленіемъ весельчакъ, переглядываясь со мною и разсказчикомъ.

— Разумѣется! возразилъ толстякъ.

— Они совершенно правы! подхватилъ разсказчикъ, сдерживая улыбку:—воръ точно былъ не кто другой,

какъ Яковъ; объ этомъ давно даже догадались всѣ бабы; всѣмъ рѣшительно извѣстно было, что Яковъ тащитъ все изъ своего дома, закладываетъ у цѣловальника,— и на вырученныя деньги наряжаетъ Марѳу. Нашлись люди—стали ему выговаривать; но больше проходу не было отъ насмѣшекъ: стоило Якову на улицу высунуться—изъ-за угла ужь непремѣнно кто-нибудь кричитъ: «Яковъ, ступай скорѣй, Марѳа дожидается!....» и тому подобное. Смѣялись также и надъ Марѳой; но, вообще она держала себя такъ бойко, такъ осаживала тѣхъ, кто приступалъ къ ней, что насмѣшки никогда не переходили за предѣлъ шутки; даже мужикъ, нанимавшій ее, не дѣлалъ ей замѣчаній; его останавливало вѣроятно опасеніе лишиться дешевой и ловкой работницы; потому-что, надо сказать, Марѳа, мимо продѣлокъ своихъ, могла, когда хотѣла, заткнуть за поясъ самаго здоровеннаго батрака. Замѣчательнѣе всего, что Яковъ не встрѣчалъ малѣйшаго препятствія со стороны домашнихъ; жена словомъ не обмолвилась,—виду не показывала, что что-нибудь знаетъ. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ открылись отношенія между Марѳой и Яковомъ, жена совсѣмъ почти дома не сидѣла; уйдетъ въ поле или къ рѣкѣ, ляжетъ ничкомъ на земь и давай выть; голоситъ, словно по покойникѣ. Но чаще всего забиралась она къ дальнимъ родственникамъ и сосѣдямъ; тамъ уже выгружала она свои горести и, казалось, тѣмъ охотнѣе это дѣлала, чѣмъ больше находилось слушателей. Мало или, вѣрнѣе сказать, вовсе почти не заботясь о дѣтяхъ, она колотилась теперь головою, говоря о нихъ; говорила, что вотъ пустилъ-де разбойникъ по міру сиротинокъ горькихъ; остались они, черви малые, одни какъ нива безъ огорода,—и проч., и проч. Дѣти, между-тѣмъ, бѣгали по улицѣ оборванные, неумытые; весьма вѣроятно, часто даже бывали голодны... Разъ только, одинъ единственный разъ, старуха-мать Якова попрекнула сына. Приходитъ онъ въ избу; никого тамъ не было кромѣ старухи; по обыкновенію, лежала она на печкѣ.

— Яковъ! говоритъ она.

Онъ подошелъ.

— Что, матушка?

Надъ верхней перекладиной печки показалась сѣдая косматая голова и два мутные глаза пристально на него устремились.

— Яковъ, произнесла старуха, не спуская съ него глазъ:—Яковъ, что ты это затѣялъ,—разбойникъ, а?..

«Больше ничего не сказала она; но самъ Яковъ признавался потомъ, что весь этотъ день ходилъ какъ шальной; словно тоска давила его, и онъ нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Но минулъ день—и все пошло опять своимъ порядкомъ.

«Передъ людьми и міромъ Яковъ оставался тѣмъ-же робкимъ, безотвѣтнымъ, смирнымъ человѣкомъ; онъ постоянно молчалъ; знака сопротивленія не показывалъ, когда староста, не зная ужъ чѣмъ остановить его, переговоривъ предварительно со стариками, началъ водить его въ пустой сѣнной сарай и наказывать. Все это рѣшительно, однакожъ, ни къ чему не послужило. Стыдъ, совѣсть, самый страхъ, — все заглушала несчастная привязанность; это было что-то похожее на запой, противъ котораго всѣ средства оказывались безсильными. Въ домѣ его постепенно, одна за другою, исчезли: телка, двѣ овцы, горшки,—словомъ, все, что могло превращаться у цѣловальника въ наличныя деньги. Марѳа выходила по воскресеньямъ великолѣпная какъ пава, день-деньской грызла орѣхи; начали даже часто замѣчать ее навеселѣ. Наступило подъ конецъ совершенное раззореніе; въ избѣ остались только лавки, стѣны, оборванные ребятишки, да старуха, которая, съ того дня, какъ сдѣлала первый намекъ сыну, дала словно обѣтъ молчанія: слова не произносила она, хотя все видѣла, все замѣчала. Придутъ къ ней сосѣдки и родственницы, принесутъ ей и внучатамъ творожку или хлѣба, начнутъ разсказывать про сына, ругаютъ его, соболѣзнуютъ о дѣтяхъ,—старуха слова не промолвитъ: сидитъ, понуря голову, молчитъ, точно дѣло не до нея совсѣмъ. Она представляла совершенную противуположность снохѣ, которая всѣмъ уже надоѣла своими слезами и жалобами.»

— Позвольте, почтеннѣйшій, позвольте, прервалъ тол-

стякъ, насмѣшливо прищуривая заплывшіе свои глазки:— какъ-же вы-то, вы, сударь мой, никакихъ мѣръ не принимали противъ такого безпорядка?..

— Признаюсь, я самъ хотѣлъ сдѣлать вамъ тотъ-же вопросъ, замѣтилъ маленькій господинъ.

«Къ сожалѣнію, меня въ ту пору не было. Я пріѣхалъ домой къ концу уборки, когда Яковъ дошелъ уже до того положенія, о которомъ я говорилъ вамъ. Первымъ распоряженіемъ моимъ было отдать приказаніе, чтобы Марѳу непремѣнно выслали изъ выселокъ; потомъ велѣлъ я призвать Якова. Сначала я сильно-было на него напустился; но подумавъ, въ ту же минуту, что всѣ эти разсказы о его продѣлкахъ могли быть преувеличены (мысль, которая невольно рождалась при воспоминаніи о его жизни и характерѣ), обезоруженный, сверхъ того, робкимъ, совершенно потеряннымъ видомъ этого человѣка, который стоялъ передо мной съ опущенною головою, дрожалъ какъ осиновый листъ и обливался холоднымъ потомъ,—я перемѣнилъ грозный тонъ на увѣщательный; всячески началъ я его усовѣщивать; говорилъ о грѣхѣ, о семействѣ, о голодныхъ дѣтяхъ, и такъ далѣе. Во все время онъ не проронилъ слова, не сдѣлалъ движенія: онъ казался убитымъ, подавленнымъ совѣстью и раскаяніемъ; изъ-подъ жиденькихъ волосъ, на половину закрывавшихъ лицо его, я замѣтилъ слезы, которыя текли по щекамъ и разбѣгались по морщинамъ. Я выслалъ его, строго наказавъ старостѣ докладывать мнѣ о томъ, какъ пойдетъ теперь житье Якова.

«Прошелъ мѣсяцъ; я не слышалъ малѣйшей жалобы. Между нимъ и Марѳой, которая перешла версты за двѣ въ сельцо Лысково, прекратились, казалось, всѣ сношенія. Я начиналъ уже радоваться такой перемѣнѣ, какъ вдругъ узнаю, что все пошло опять на прежній ладъ; узнаю, что Яковъ продалъ свою единственную лошадь, а деньги дѣвалъ неизвѣстно куда; должно быть, Марѳѣ отдалъ. Теперь необходимо слѣдовало уже рѣшиться на энергическую мѣру; но, признаюсь, въ чемъ должна была состоять эта мѣра—я не могъ придумать. Отдать въ солдаты человѣка сорока-пяти лѣтъ не было возможности;

посадить въ острогъ, хотя-бы временно, нельзя безъ причины, установленной закономъ; не говоря уже объ отвращеніи подвергнуть его домашнему наказанію (къ счастію, ограниченному правительствомъ), но и эта мѣра была уже приведена въ дѣйствіе безъ малѣйшей пользы. Отправилъ-бы его на поселенье,—не принесъ-бы я ровно никакой пользы его семейству. Кромѣ того, каждая изъ этихъ мѣръ казалась мнѣ черезчуръ ужъ сильною для человѣка, который хотя и служилъ худымъ примѣромъ остальнымъ крестьянамъ, хотя требовалъ наказанія, но самъ по себѣ не сдѣлалъ ничего особенно-рѣзко преступнаго. Съ нашей пошлой привычкой судить легко или рутинно о нравственныхъ свойствахъ простого класса, я вѣрить не хотѣлъ въ искренность Якова; я не предвидѣлъ, чѣмъ все это могло кончиться; напротивъ, хотя было не до смѣху, — мнѣ смѣшнымъ казался этотъ новый кавалеръ Дегріе, явившійся у меня въ выселкахъ. Какъ бы то ни было, я не зналъ, на что рѣшиться. Вотъ, однакожъ, чѣмъ все это кончилось.

«Въ послѣдствіи объяснилось, что въ этотъ послѣдній мѣсяцъ между Марѳою и Яковомъ вышла разладица. Причиной была, разумѣется, Марѳа; ей безъ сомнѣнія въ голову не приходило, не могла даже понимать она и думать о томъ, какого рода чувство влекло къ ней бѣднаго мужика; видя, что взять съ него больше нечего, она стала вдругъ отъ него отбиваться. Кроткій нравъ мужика поощрялъ ее дѣйствовать грубо и безцеремонно. Она усвоилась въ деревнѣ Лысковѣ такъ же скоро, какъ въ выселкахъ, и такъ же скоро нашла тамъ обожателей. Она попалась Якову въ рощѣ (роща отдѣляла Лысково отъ выселокъ), попалась ему съ работникомъ лысковской мельницы. Раза два потомъ, Яковъ, слѣдившій за нею украдкой, видѣлъ, какъ входила она въ кабакъ вмѣстѣ съ тѣмъ же работникомъ. Обращеніе ея съ Яковомъ, когда онъ началъ упрекать ее, проникнуто было дерзостью и наглостью самою возмутительною; она какъ-бы не понимала, чего хотѣлъ отъ нея мужикъ, съ чего онъ къ ней привязывался. Яковъ, между-тѣмъ, день ото дня дѣлался сумрачнѣе. Это замѣтила его жена, мать и многіе даже изъ

постороннихъ людей. Всѣ они сами потомъ говорили объ этомъ. Въ такомъ-то положеніи, вѣроятно, онъ и рѣшился продать лошадь. Можетъ-быть тутъ ревность дѣйствовала; но всего вѣроятнѣе, какъ человѣкъ слабый, безхарактерный, не могъ онъ совладать съ собою, не могъ перенести мысли о разлукѣ. Ослѣпленный страстью, онъ впередъ не загадывалъ; страхъ и послѣдствія, ожидавшія его послѣ продажи лошади — все это исчезло при одной надеждѣ, что авось-либо Марѳа снова съ нимъ сойдется, авось все пойдетъ у нихъ, хоть на время, да пойдетъ по-прежнему, а тамъ, послѣ... но о томъ, что послѣ будетъ, онъ, вѣроятно, даже и не думалъ. Такъ, по крайней мѣрѣ, кажется все это теперь, когда дѣло уже кончено. Кончилось это, какъ я вамъ сказывалъ, прошлою осенью.

«Выселовскіе мужики купили въ Лысковѣ десятину лѣсу для топлива. Пришли они ко мнѣ проситься на рубку. Я совѣтовалъ повременить, потому что день, выбранный ими, вовсе не отвѣчалъ такому дѣлу: вѣтеръ ревѣлъ въ поляхъ, какъ голодный волкъ, и безъ пощады рвалъ послѣдніе листья; на горизонтѣ видимо росли тяжеловѣсныя тучи; даль застилалась сумракомъ; холодно не было, но рука стыла на воздухѣ; все предвѣщало или грозу, или продолжительное ненастье. Я представлялъ имъ всевозможные резоны, говорилъ, что дорога изъ лѣсу идетъ въ гору, и что, въ случаѣ дождя, лошадямъ тяжко будетъ тащить возы, навьюченные лѣсомъ; говорилъ, что самыя дрова, смоченныя дождемъ, не просохнутъ до самаго снѣга; но нашъ мужикъ если ужъ что заломитъ, ничѣмъ его не удержишь: поставили на своемъ, поѣхали. Такъ-какъ дѣло было мірское, съ ними отправился Яковъ. Началась рубка. Въ то же время, и въ томъ же лѣсу, лысковскія бабы собирали валежникъ; тутъ также и Марѳа была. Подсмотрѣвъ, когда она осталась одна, Яковъ подошелъ къ ней. Съ чего началось у нихъ—никто не знаетъ: надо думать, обращеніе Марѳы было черезчуръ уже грубо и жестоко, потому-что самъ Яковъ возвысилъ голосъ; отъ словъ перешло у нихъ къ брани, и наконецъ, Яковъ, потерявъ, видно, терпѣніе, замахнулся и ударилъ ее въ лицо. Марѳѣ ничего не стоило отвѣтить тѣмъ же; но тутъ она вдругъ,

ни съ того, ни съ сего, повалилась на земь и стала звать на помощь; она кричала во всю мочь, что Яковъ убилъ ее до-смерти. Когда прибѣжали на голосъ, Яковъ стоялъ у дерева; на разспросы товарищей онъ ничего не отвѣчалъ: у него точно языкъ отнялся. Марѳа, между-тѣмъ, продолжала кататься по землѣ и кричала, что ее убили. Видя, что никакого толку изъ этого не выходитъ, только народъ смѣется, она встала, разразилась бранью и пошла своею дорогой; ее проводили насмѣшками, добрая часть которыхъ выпала, конечно, на долю Якова.

«Въ мірскомъ дѣлѣ, какъ и слѣдуетъ, впрочемъ, быть, не то, что на барщинѣ: время терять не любятъ, посмѣялись — и опять за работу. Но то, что я предсказывалъ мужикамъ, поневолѣ укоротило ихъ дѣятельность; къ полудню тучи окончательно заволокли небо, и дождь пошелъ, какъ изъ ведра. Нечего было думать продолжать работу.

Вернувшись домой, Яковъ показался домашнимъ чуднымъ какимъ-то; такъ они сами потомъ выразились. Не касаясь уже того, что онъ ни съ кѣмъ слова не молвилъ, ему не сидѣлось на мѣстѣ: то встанетъ, то сядетъ, то выйдетъ въ сѣни, то обойдетъ вокругъ двора, и снова прійдетъ въ избу; и все это дѣлалъ онъ безо всякой причины, самъ, повидимому, не сознавая даже того, что дѣлалъ. Рѣка у насъ не очень далеко: стòитъ обогнуть крестьянскія риги и пройдти лугъ. Яковъ нѣсколько разъ отправлялся на рѣку. Движимая любопытствомъ, возбуждаемымъ загадочнымъ поведеніемъ мужа, жена выходила изъ избы и за нимъ наблюдала: подойдетъ Яковъ къ рѣкѣ и начнетъ ходить взадъ и впередъ по берегу; или спустится къ водѣ, постоитъ-постоитъ, словно въ раздумьи какомъ-то, и снова на верхъ подымется. Разъ быстрыми шагами направился онъ къ рощѣ, совсѣмъ уже подошелъ къ опушкѣ, и снова вернулся въ деревню. Во все время дождь лилъ, не переставая, вѣтеръ ревѣлъ съ тою же силой, какъ и утромъ. Яковъ ничего не замѣчалъ какъ-будто; онъ продолжалъ бродить у себя по двору и по окрестности. Наконецъ наступила ночь. Въ выселкахъ всѣ улеглись и заснули. Несмотря на то, что дождь и вѣ-

теръ превратились съ наступленіемъ ночи въ бурю, — Яковъ все еще не возвращался. Онъ пришелъ домой около полуночи; жена и дѣти давно спали. Онъ тихо вошелъ въ избу и сѣлъ на лавку.

«По прошествіи нѣкотораго времени, онъ всталъ, бережно подобрался къ печкѣ, нащупалъ въ потемкахъ стремечки, по которымъ взбираются на печь, и сѣлъ подлѣ матери. Она не спала; но Яковъ не могъ разобрать этого: старуха лежала неподвижно и молчала. Руки Якова дрожали такъ сильно, что нѣсколько разъ провелъ онъ ими по воздуху, прежде чѣмъ нащупалъ старуху.

— Кто тутъ? — спросила она, какъ-бы пробуждаясь отъ сна.

— Я, матушка!..

— Что ты?..

— Матушка, произнесъ Яковъ: — нѣтъ больше моей моченьки... Матушка, я убью ее!..

— Кого? спросила старуха, сохраняя прежнюю неподвижность; только голосъ ея словно нѣсколько оживился.

— Ты, матушка, продолжалъ Яковъ: — ты хоша ничего не говорила, но все видѣла, — видѣла все мое разоренье... мою погибель... Заѣла она всю мою жизнь, змѣя подколодная... Моченьки моей нѣту... я убью ее!..

«Выраженія Якова, при объясненіи съ матерью, были вѣроятно энергичнѣе, можетъ статься совсѣмъ даже другія; приблизительно, въ общихъ словахъ, передаю то, что слышалъ, что показала потомъ сама старуха. Вообще во всей этой исторіи нѣтъ ничего вымышленнаго; точь-въ-точь разсказываю, какъ дѣло происходило въ дѣйствительности; слѣдствіе, которое при мнѣ происходило, и показанія дѣйствующихъ лицъ при допросѣ доставили мнѣ всѣ свѣдѣнія.

«Старуха-мать осталась, повидимому, совершенно безчувственною къ словамъ сына; она не сдѣлала малѣйшаго замѣчанія, слова не промолвила. Но когда Яковъ въ третій разъ повторилъ: «Матушка, я убью ее!..» она медленно приподнялась на локтѣ, кряхтя и охая, слѣзла съ печки и принялась суетливо шарить въ углу, гдѣ стоялъ

столъ. Яковъ слѣзъ также съ печи и слѣдовалъ за матерью. Старуха нащупала въ ящикѣ ножъ и молча сунула его сыну, который тотчасъ же бросился изъ избы.

По прошествіи часу, выселовскій народъ пробужденъ былъ страшными криками; всѣ впопыхахъ высыпали на улицу. У околицы нашли Якова; онъ лежалъ ничкомъ на дорогѣ, страшно билъ себя кулаками въ грудь и голову, и кричалъ во весь голосъ: «Батюшки, вяжите меня!.. Я убилъ ее!.. Батюшки, вяжите! убилъ ее, убилъ!..» Выбѣжавъ тогда съ ножомъ изъ избы, онъ пустился сломя голову въ Лысково, ворвался въ клѣть, гдѣ спала Марѳа, и нанесъ ей сряду, одну за другою, восемьнадцать ранъ!.. каждая была смертельна.

Съ послѣдними словами, толстый господинъ, слушавшій разсказъ очень равнодушно, разразился вдругъ противъ Якова самою энергическою, крупною бранью. Онъ какъ-будто давно уже вывелъ свое заключеніе объ этомъ человѣкѣ и ждалъ только окончанія исторіи, чтобы высказаться. Но къ великому удивленію нашему тотчасъ-же открылось, что помѣщикъ выходилъ такъ сильно изъ себя вовсе не потому, чтобы возмущалъ его поступокъ Якова; преступленіе само по себѣ было въ глазахъ его самою обыкновенною вещью: такіе случаи часто встрѣчаются, чего же и ждать отъ полудикаго человѣка! — негодованіе толстяка выходило совсѣмъ изъ другого источника: Яковъ на столько заслуживалъ вниманія и возбуждалъ негодованія, на сколько шашни его и потомъ убійство навлекли хлопотъ, безпокойствъ и неудовольствій барину; шутка платить теперь за него и семейство подушныя до слѣдующей ревизіи! А слѣдствіе-то!—слѣдствіе, котораго не было бы безъ этого мошеника Якова и которое такъ убыточно для вотчины и слѣдовательно для помѣщика! Словомъ, во всей этой исторіи толстякъ видѣлъ одного только барина; у него не было другой точки зрѣнія. Мораль его объясненій состояла въ томъ, что послабленія покуда не годятся и ведутъ только, неминуемо ведутъ помѣщика къ убыткамъ и непріятностямъ.

— У васъ, сударь мой, заключилъ онъ: — у васъ, судя по тому, какъ вы о народѣ судите, люди попросту

отъ жиру бѣсятся,—именно отъ жиру! У меня бы этого не случилось; нѣтъ, шутишь! Заведись такой мужикъ, я бы далъ ему Марѳу!.. Этотъ вашъ Яковъ просто мошенникъ, я вамъ скажу; бестія продувная, сударь мой!.. да-съ, продувная бестія, который такъ только смирнячкомъ прикидывался! А вы еще заступаетесь, сударь мой, да еще жалѣете...

— Конечно, жалѣю, какъ и слѣдуетъ жалѣть всякаго человѣка, который почему бы то ни было гибнетъ но; не знаю, съ чего вы берете, что я заступаюсь! возразилъ разсказчикъ: — я привелъ этотъ фактъ единственно потому, что рѣчь, если помните, зашла у насъ о страстяхъ въ простомъ классѣ народа...

— Какія тутъ страсти, сударь мой! какія страсти! нетерпѣливо перебилъ толстякъ тономъ пренебреженія: — все это баловство одно... Какія нашли вы еще страсти!..

— Полноте, господа! ну, стоитъ ли спорить объ этомъ! воскликнулъ маленькій собесѣдникъ: — повѣрьте, вы ихъ не убѣдите! подхватилъ онъ, обратившись къ разсказчику и мигая на толстяка:—пусть каждый остается при своемъ мнѣніи... Знаете ли что? чѣмъ спорить, разскажу-ка я вамъ лучше другую исторію... Она отчасти идетъ подъ ладъ той, которую мы сейчасъ слушали... Тутъ, съ одной стороны, дѣйствуетъ крестьянка, простая деревенская дѣвушка; съ другой — сынъ богатаго фабриканта: малый грамотный, взросшій посреди достатка, даже нѣкоторымъ образомъ шлифованный. Вы говорили, что развитіе и образованіе умягчаетъ человѣческую природу, что страсти человѣка образованнаго невольно уже какъ-то принимаютъ облагороженную форму... Предстоитъ увидѣть, на сколько внѣшняя шлифовка или полуразвитіе лучше, въ нравственномъ смыслѣ,—на сколько лучше они самаго полнаго невѣжества... промолвилъ онъ, украдкой взглянувъ на толстяка.—Предупреждаю васъ, происшествіе, о которомъ пойдетъ рѣчь, еще трагичнѣе того, которое вы разсказывали... оно такого рода, что будь здѣсь барышня, я бы не сталъ передавать его... Хотите слушать? Вѣдь все равно, въ ожиданіи парома намъ нечего дѣлать...

Одинъ толстякъ не согласился, казалось, съ такимъ

мнѣніемъ; онъ предпочелъ, повидимому, возлечь на перину и предаться сладкому отдыху. Увидѣвъ, что я и господинъ въ коричневомъ пальто просили начать исторію и приготовлялись слушать, онъ остался на своемъ стулѣ.

«Дѣло, господа, происходило въ Ярославской губерніи, началъ маленькій господинъ, откашливаясь:—тамъ, какъ вы вѣроятно знаете, сплошь и рядомъ попадаются деревни, въ которыхъ почти совсѣмъ нѣтъ мужиковъ: они не живутъ дома. Большая часть молодцовъ, которые въ Москвѣ, Петербургѣ и губернскихъ городахъ покрикиваютъ: «Пельсины, лимоны хорошъ!..» — «Вотъ садова ма-а-лина!..» и проч.; большая часть того народа, который погуливаетъ по городскимъ улицамъ съ лотками на головѣ, а по проселкамъ — съ коробами за спиною; всѣ почти лавочники, зеленщики, пивовары, цѣловальники, мелкіе торгаши, — спросите у любого изъ нихъ: откуда?—онъ почти навѣрное скажетъ: ярославецъ! Домой, на побывку, приходятъ они по большей части въ зиму. Въ деревняхъ остаются однѣ бабы, дѣвки, ребята да старики, которымъ бродячая жизнь уже не подъ силу.

«Въ одной изъ такихъ деревень жило, между-прочимъ, семейство, состоящее изъ бабы и ея дочери, дѣвушки лѣтъ семнадцати; мужъ бабы, отецъ дѣвушки, торговалъ въ Петербургѣ. Мать держала дочь въ большой строгости; это бы еще куда ни шло: но дѣло въ томъ, что строгость эта имѣла характеръ самый безсмысленный и безтолковый; сама мать, впрочемъ, была женщина въ высшей степени взбалмошная, отчасти даже глуповатая, — съ придурью, какъ въ деревняхъ говорится. Сегодня, напримѣръ, привязывается ко всякой бездѣлицѣ; дочь шагу не смѣй ступить безъ спросу, не смѣй выйдти на улицу,—ругаетъ ее наповалъ, какъ съ дубу рветъ; упрекаетъ ее въ такихъ вещахъ, которыя дѣвушкѣ даже во снѣ не грезились; иной разъ даже и поколотитъ; и все это безъ всякаго основанія, такъ себѣ, здорово живешь! Въ другое время, опять-таки безъ причины, ластится къ дочери, сама съ ней заговариваетъ и всячески выхвалять станетъ. Бѣдная дѣвушка рѣшительно сбивалась съ толку и не знала, какъ принаровиться къ матери. Такая без-

толковщина въ обращеніи съ дѣтьми безпрерывно встрѣчается въ простонародьи; живя въ деревнѣ, на каждомъ шагу видишь такого рода сцены: положимъ, ребенокъ заплакалъ, мать сломя голову кидается на него съ вѣникомъ: «Ахъ ты, пострѣлъ окаянный! Уймешься ли ты?.. вотъ же тебѣ! вотъ тебѣ!.. Перестань, говорятъ! перестань!.. Ну, нà пирожка... нà пирожка... А, такъ ты вотъ какъ, не унимаешься!.. Вотъ же тебѣ! вотъ тебѣ!..» и вѣникъ снова пускается въ ходъ; потомъ опять слышно: «Ну, уймись!.. ну, нà пирожка»... т. д.

«Въ серединѣ лѣта, когда случилась исторія, мать удвоила вдругъ строгость; покажись ей, что между дочерью и однимъ очень молоденькимъ парнемъ, который доживалъ послѣднее лѣто въ деревнѣ, завелись шашни. Собственно говоря, особенныхъ шашней не было; дѣвушка находилась неотлучно при матери, и если встрѣчалась съ парнемъ, такъ только на улицѣ и при народѣ. Могло статься, что парень часто торчалъ подлѣ дѣвушки; чаще другихъ ловилъ ее, играя въ горѣлки. Но глупой взбалмошной бабѣ довольно было подозрѣній; не разспросивъ, не вывѣдавъ дѣла, она накинулась на дочь, и съ того-же дня стала запирать ее на ночь въ лѣтничекъ, родъ клѣти, которая примыкала къ сѣнямъ. Какъ только пригонятъ скотину, отдоятъ коровъ, отужинаютъ и уберутся старуха ведетъ дочь въ лѣтникъ и запираетъ ее тамъ на запоръ вплоть до зари.

«Около этого времени въ деревнѣ явилось новое лицо, сынъ фабриканта изъ той-же губерніи. Явился онъ вотъ по какому случаю: отецъ его купилъ у владѣтеля деревни нѣсколько десятинъ земли, съ цѣлью выстроить фабрику для тканья полотенъ. Началась стройка; но вскорѣ другія заботы отозвали старика, и онъ послалъ на свое мѣсто сына; хотѣлось, видно, ему начать пріучать парня къ дѣлу. Парню стукнуло уже двадцать-два года: до настоящей минуты онъ сидѣлъ въ лавкѣ, отмѣривалъ холстъ и ситецъ и перемигивался съ мѣщанками. Основываясь, вѣроятно, на томъ, отецъ далъ ему въ руководители и помощники своего прикащика. Пріѣхавъ въ деревню, хозяйскій сынъ и прикащикъ помѣстились наймомъ въ избѣ одного крестьянина.

«Отношенія между молодымъ человѣкомъ и прикащикомъ были такого рода: послѣдній, постепенно втихомолку отъ родителей, потакалъ дурнымъ наклонностямъ перваго: этимъ способомъ онъ совершенно овладѣлъ молодымъ человѣкомъ; онъ влѣзъ къ нему въ душу и какъ хотѣлъ, такъ и вертѣлъ имъ. Все это дѣлалось, разумѣется, неспроста; прикащикъ имѣлъ свои виды; хозяинъ былъ старъ; сынъ долженъ былъ наслѣдовать всѣмъ имѣньемъ. Вообще этотъ прикащикъ былъ мошенникъ и плутъ первой руки; кромѣ того, что онъ развращалъ сына, онъ и отца обкрадывалъ; впрочемъ, хорошъ былъ также и молодой купчикъ; они другъ друга стоили, не смотря, что послѣднему минуло только двадцать-два года.

«Дня два-три послѣ пріѣзда въ деревню, прикащикъ выводитъ купчика на улицу и говоритъ:—«Ну, говоритъ, какая только здѣсь есть дѣвушка,—чудо! говоритъ. Передъ ней всѣ эти бабы, что вы вечоръ выхваляли, самая, то есть, выходитъ мразь,—сволочь нестоющая!..» — «Какая дѣвушка? Гдѣ?..» спрашиваетъ купчикъ. Прикащикъ указываетъ на избу бабы, которая жила съ дочерью и о которой я вамъ сказывалъ. Купчикъ случайно увидѣлъ дѣвушку; она ему очень понравилась. Началъ онъ ухаживать; караулилъ ее на улицѣ, старался заговаривать при встрѣчахъ, прохаживался мимо оконъ; изо всего этого вышло только то, что юноша чаще видѣлъ кулакъ матери, высунутый изъ окошка, чѣмъ самую дочку. Дѣвушка, съ своей стороны, или пряталась, или попросту отворачивалась. Быть-можетъ, поступала она такимъ образомъ изъ страха; скромность, робость также можетъ-быть тутъ дѣйствовали; безъ этихъ послѣднихъ свойствъ не могла бы она выносить такъ безропотно обращеніе взбалмошной матери. Ничего нѣтъ мудренаго, если невниманіе дѣвушки происходило также отъ того, что въ самомъ дѣлѣ нравился ей молодой парень, за котораго такъ доставалось ей отъ матери. Какъ бы тамъ ни было, купчикъ отъѣхалъ ни съ чѣмъ, какъ говорится. Онъ передалъ свои неудачи прикащику. «Ничего, говоритъ тотъ:—это значитъ не такъ взялись за дѣло; манера не годится; надо взять дѣло въ другую сторону; ничего,

наша будетъ; не извольте ничего себѣ безпокоиться! Вы, говоритъ, главное, виду теперь не показывайте... дайте мнѣ уладить дѣло... Практика эта намъ знакома!..» Узнавъ отъ хозяйки, а также и отъ другихъ бабъ, подробности о житьѣ-бытьѣ матери и дочери, прикащикъ выдумалъ такую штуку: молодой человѣкъ долженъ былъ пробраться въ лѣтничекъ до того времени, пока мать не запретъ тамъ дочку; ему слѣдовало завалиться куда-нибудь за лавку, за сундукъ, и во всю ночь пролежать такъ смирно, чтобы дѣвушка никакъ не могла подозрѣвать его присутствія; онъ долженъ былъ показаться тогда только, когда мать отворитъ лѣтникъ, чтобы выпустить дѣвушку. Купчикъ рѣшительно не понималъ, къ чему ведетъ такая штука; прикащикъ сказалъ, чтобъ онъ только слушался; слушаться будетъ—увидитъ, къ чему поведетъ выдумка. Въ тотъ же вечеръ купчикъ и его товарищъ прокрались къ ригѣ матери; выждавъ минуту, когда старуха и ея дочь вышли на улицу встрѣчать стадо, — купчикъ бросился въ лѣтникъ и спрятался; прикащикъ повторилъ ему свои наставленія и скрылся.

«Съ наступленіемъ ночи, мать, какъ это обыкновенно дѣлается, запираетъ дѣвушку; молодой человѣкъ слышитъ, какъ она раздѣвается и ложится спать; онъ находился отъ нея въ какихъ-нибудь двухъ-трехъ шагахъ, но не отступилъ однако-жъ, на волосъ отъ того, что говорилъ прикащикъ: во всю ночь не повернулся, не кашлянулъ. На зарѣ дѣвушка одѣлась и стала стучаться въ дверь. Въ ту самую секунду, какъ старуха отворила лѣтникъ, купчикъ ловко вышелъ изъ своей засады и показался подлѣ дѣвушки...

«Предоставляю вамъ самимъ судить объ изумленіи матери и особенно дочери. Не успѣла бѣдная дѣвочка придти въ себя, мать яростно на нее бросилась и принялась колотить ее нà-смерть; послѣ этого старуха какъ-бы вдругъ очнулась, повернулась къ купчику и повалилась ему въ ноги:—Батюшка, говоритъ, не погуби только! взмилуйся, касатикъ!.. никому не разславляй, батюшка, объ этомъ дѣлѣ! не срами, касатикъ! никому не разсказывай!..»

«Молодой человѣкъ, смекнувши, къ чему могла по-

вести выдумка прикащика, поспѣшилъ успокоить старуху: онъ клялся, что ничего никому не скажетъ, и съ того-же утра смѣлѣе приступилъ къ дѣвушкѣ. Въ отвѣтъ на это, она только заливалась-плакала и осыпала его проклятіями. Жизнь ея сдѣлалась окончательно невыносимою: съ одной стороны неотступно приставалъ купчикъ, который внушалъ ей страхъ и ужасъ, съ другой — не было житья отъ матери, которая била ее съ утра до вечера. Прикащикъ между тѣмъ не переставалъ разспрашивать, какъ идутъ дѣла. Купчикъ сначала лгалъ: говорилъ, что все идетъ превосходно, что дѣло увѣнчалось блистательнѣйшимъ успѣхомъ; но разъ какъ-то, послѣ сотаго неудачнаго приступа, передалъ ему всю правду.—«О чемъ-же вы думаете? говоритъ прикащикъ:—развѣ не знаете: мужъ узнаетъ, убьетъ меня до смерти! Ужъ коли грѣхъ такой случился, такъ, по крайности, чтобы мужъ не зналъ!.. онѣ всѣ таковы; сначала слышать не хотятъ, плачутъ, манерничаютъ, а тамъ, посмотрите-ка, сама начнетъ бѣгать да ластиться, отбою даже не будетъ... Объ ней нечего думать; главная статья—больше на мать напирайте; постращайте хорошенько старуху-то; скажите, что обо всемъ размолвите по деревнѣ; увидите,—дѣло тогда само собою сладится».

«Молодой человѣкъ согласился, что дѣло точно пойдетъ тогда вѣрнѣе; но прежде, однако-жъ, чѣмъ исполнить совѣтъ, попытался онъ обратиться сначала снова къ дѣвушкѣ и взять лаской. Дѣвушка, какъ и прежде, слышать ничего не хочетъ. Юноша приходитъ разъ къ старухѣ и говоритъ:

— «Послушай, говоритъ, тетка;—что-жъ она?.. Коли денегъ понадобится, мы въ этомъ не постоимъ; и подарки, и все такое... я хоть сейчасъ. А только не вели ей ломаться... Теперь ужъ поздно, говоритъ.

«Старуха опять бухъ въ ноги:

— «Кормилецъ, молчи только, не сказывай! мужъ узнаетъ—убьетъ до смерти... Ахъ она дура этакая, проклятая!..

«Накидывается она опять на дѣвушку и давай бить. Та только рыдаетъ, да головой о стѣны стукается. Та-

кого рода сцены повторялись разъ и два; дѣло все-таки не двигалось вопреки обѣщаніямъ совѣтчика. Потерявъ наконецъ терпѣніе, юноша объявляетъ напрямикъ матери, что если дочь станетъ еще ломаться, — онъ рѣшительно начнетъ разсказывать по деревнѣ обо всемъ случившемся. Малый, какъ видно, былъ съ характеромъ. Объясненіе это происходило вечеромъ, послѣ пригона скотины. Купчикъ, дѣйствуя, вѣроятно, по совѣту прикащика, нарочно выбралъ такое время; онъ какъ-будто не сомнѣвался уже въ успѣхѣ и билъ навѣрняка. Началось съ того, что мать снова бросилась таскать дѣвушку; она пришла въ такое бѣшенство, что, не случись тутъ купчика, она сдѣлала-бы дочь калѣкой. Послѣ этого, старуха силою втаскиваетъ дочь въ лѣтникъ, кланяется въ ноги купчику, умоляетъ его молчать, сама ведетъ въ лѣтникъ и запираетъ съ дочерью...

«Очутившись наединѣ съ дѣвушкой, купчикъ замѣтилъ не безъ удивленія, что она уже болѣе не плачетъ. Ободренный этимъ, начинаетъ онъ разговаривать. Она не бранитъ его, не проклинаетъ какъ прежде; она даже не отворачивается. Какъ окаменѣлая стоитъ она подлѣ постели; изрѣдка, подъ платкомъ, накинутымъ на плечи и совсѣмъ почти заслоняющимъ лицо ея, пробѣгаетъ судорожная дрожь; юноша объясняетъ себѣ это робостью и, ободренный болѣе и болѣе, садится подлѣ нея; она не дѣлаетъ даже сопротивленій, когда онъ начинаетъ обнимать ее. Не отвѣчая на его ласки, не смотря на него, не произнося ни слова, она совершенно ему покоряется. Одного только никакъ не могъ онъ добиться: не могъ онъ добиться отъ нея живого слова, она точно онѣмѣла. Впрочемъ, не много заботился онъ объ этомъ. На зарѣ, когда старуха отворила лѣтникъ, торжествующее лицо купчика доказывало, что онъ былъ очень доволенъ собою. Оставивъ дѣвушку въ лѣтникѣ, онъ отозвалъ старуху въ избу; ему хотѣлось сдѣлать ей подарокъ. Въ ту минуту, какъ онъ полѣзъ въ карманъ за деньгами, — въ дверяхъ неожиданно показалась дѣвушка. Лицо ея было блѣдно, растрепанные волосы разсыпались по плечамъ, въ чертахъ проступало такое отчаяніе, что мать и самъ купчикъ испу-

гались. Дѣвушка сдѣлала два шага, взглянула на мать, произнесла проклятіе, схватила, какъ-бы въ безпамятствѣ какомъ-то—схватила себя руками за голову и кинулась изъ избы. Мать пустилась за нею въ догонку; дѣвушка какъ словно исчезла; купчикъ присоединился къ старухѣ; стали искать: обошли всѣ закоулки, обшарили ригу — нигдѣ нѣтъ; начали распрашивать сосѣдей: не видалъ-ли кто?—никто не видалъ... Словомъ, искали весь день—и нигдѣ не нашли. Къ вечеру только отыскалась она... отыскалась—на днѣ пруда, который тянулся за деревней...— Ну, какъ вы объ этомъ скажете? заключилъ разсказчикъ, неожиданно обращаясь къ толстяку: — какъ вы скажете: съ чего утопилась эта бѣдная дѣвушка? Что заставило ее поступить такимъ образомъ?..

— Съ чего утопилась? возразилъ толстякъ съ невыразимымъ спокойствіемъ:—извѣстно, съ чего утопилась:— сдуру!..

— Вы рѣшительно, стало быть, отвергаете въ простомъ человѣкѣ всякаго рода благородныя движенія души и даже чувство честности? воскликнулъ господинъ въ коричневомъ пальто, вдругъ разгорячаясь, такъ что краска выступила на лицѣ его: — по-вашему, надо думать, люди только тѣ, которые, какъ мы съ вами, носимъ халаты, куримъ табакъ, земли не пашемъ, въ избѣ не живемъ, нужды не терпимъ, да знаемъ, что есть на свѣтѣ Франція и были когда-то римляне?.. Мы одни, стало быть, подхватилъ онъ, не замѣчая нашихъ взглядовъ, которые ясно говорили ему о безполезности такихъ объясненій: — одни мы можемъ чувствовать благородно и думать по-человѣчески?.. На чемъ-же вы все это основываете? Вы человѣкъ уже пожилой, не можете-же вы говорить безъ основанія...

— Эхъ, господа, перестаньте Бога ради! охота-же вамъ! снова вмѣшался, и съ тою-же поспѣшностью, какъ и прежде, маленькій господинъ:—разговоры такого рода рѣшительно ни къ чему не ведутъ; вы ихъ не убѣдите, они— васъ; убѣждать, слѣдовательно, безполезно... Не лучше-ли, право, чтобы кто нибудь изъ васъ разсказалъ еще какую нибудь исторію? Самое краснорѣчивѣйшее разсужденіе, какъ

сказалъ одинъ изъ нашихъ писателей, не стоитъ самаго мелкаго разсказа, взятаго только изъ дѣйствительной жизни, и который могъ-бы служить фактомъ... Только фактъ что-нибудь значитъ, остальное все туманъ... Основываясь на этомъ, позвольте, я разскажу вамъ происшествіе, которое пришло мнѣ на память. Я разсказываю плохо, но вы простите неловкость, мѣшковатость слога за смыслъ. Къ тому-же, я нахожу, мы довольно уже говорили о мужикахъ... Кромѣ того, все, что ни говорилось, проникнуто было какимъ-то мракомъ, чѣмъ-то дикимъ, грубымъ, необузданнымъ... Для разнообразія разскажу исторію изъ другого быта: начать съ того, что исторія эта не мрачнаго свойства; и потомъ, тутъ идетъ рѣчь о людяхъ, которые... ну, да вы сейчасъ увидите... присовокупилъ онъ, окидывая насъ лукавымъ взглядомъ и какъ-бы приглашая не спускать глазъ съ толстяка, къ которому, какъ казалось, преимущественно хотѣлъ онъ обратить рѣчь.—Вотъ въ чемъ дѣло: верстахъ въ трехъ отъ меня жили, и теперь еще, слава Богу, живутъ и благоденствуютъ два помѣщика; одного зовутъ Кондѣй Ильичъ, другого—Михайло Васильичъ; фамиліи ихъ вамъ знать не для чего; онѣ не громки и притомъ не придадутъ интереса разсказу; безъ нихъ обойдемся. Кондѣй Ильичъ человѣкъ вида могущественнаго, сановитаго, ростъ богатырскій, косая сажень въ плечахъ; весь онъ точно цѣликомъ изъ, дубоваго пня вырубленъ; въ жизнь не видалъ я такихъ огромныхъ ступней, такихъ кулаковъ и мускуловъ, какъ у Кондѣя Ильича; его, кажется, ядромъ не убьешь. Михайло Васильичъ представляетъ изъ себя человѣка тоже коренастаго, но коротенькаго, съ глазами, которые какъ словно чему-то изумились и застыли навсегда въ такомъ видѣ. Въ характерѣ Кондѣя Ильича есть что-то героическое, соотвѣтствующее его осанкѣ: онъ смѣлъ, отваженъ, дѣйствуетъ всегда на-проломъ и рѣшителенъ въ высшей степени. Случается-ли ему, напримѣръ, разсердиться на Михайла Васильича, — а это случается часто,—онъ тотчасъ-же отыскиваетъ его, идетъ къ нему, и съ прямотою, свойственною благороднымъ людямъ, говоритъ: «Ты подлецъ и скотина!» Михайло Ва-

сильичъ обыкновенно ничего на это не отвѣчаетъ; не можетъ онъ вообще похвастать храбростью и прямизною нрава; онъ скорѣе беретъ умомъ и хитростью. Разсердившись на сосѣда, онъ тщательно всегда скрываетъ настоящія свои чувства, старается даже избѣгать его, но, съ той-же минуты, бѣжитъ на мельницу, къ прикащику сосѣдней деревни, къ пономарю и другимъ лицамъ, и наскажетъ всегда такихъ ужасовъ про Кондѣя Ильича и его семью, что у робкихъ людей пробѣгаетъ холодъ въ затылкѣ. У Кондѣя Ильича девять душъ; у Михайла Васильича семь: каждому изъ этихъ мужей уже около пятидесяти лѣтъ; словомъ, оба почтеннаго возраста.

«Съ лѣтами, враждебныя чувства, которыя питаютъ они другъ противъ друга, нимало не умягчаются; напротивъ, съ годами вражда только усиливается; она, надо думать, перешла къ нимъ по наслѣдству отъ родителей, которые точно такъ-же ненавидѣли другъ друга и разъ такъ даже шибко схватились, что сбѣжавшіеся шестнадцать мужиковъ того и другого никакъ не могли разнять ихъ.

«Впрочемъ, самая обстановка двухъ помѣщиковъ такого рода, что неминуемо должна разжигать ихъ другъ противъ друга; дома ихъ, поставленные еще покойными родителями, находятся на разстояніи шести саженъ; они обращены лицомъ другъ къ другу и раздѣляются дворикомъ. До сихъ поръ не рѣшено, кому принадлежитъ дворикъ. Объ этомъ обстоятельствѣ спорили одинаково безуспѣшно отцы и теперь спорятъ дѣти; какъ тѣ, такъ и эти сотни разъ прибѣгали къ мѣстному начальству и подавали несчетное число прошеній о томъ, чтобы разъ навсегда опредѣлили, кому владѣть дворикомъ; мѣстное начальство являлось, но всякій разъ, какъ между родителями, такъ и между настоящими владѣльцами, подымалась такая война, что начальство отказывалось напрямикъ отъ всякаго посредничества; оно уже радобыло, когда могло растащить ссорившихся. Какъ Кондѣю Ильичу, такъ и Михайлу Васильичу нѣтъ ни малѣйшей надобности въ этомъ дворикѣ; ими въ этомъ случаѣ управляетъ та мысль, что тотъ, кто уступитъ дво-

рикъ, дастъ случай восторжествовать надъ собою врагу; другой причины не существуетъ. Какъ-бы тамъ ни было, несчастный дворикъ служилъ и служитъ основою и театромъ всѣхъ событій, совершающихся въ этомъ уголкѣ нашего уѣзда, который, не мѣшаетъ замѣтить, богатъ такими уголками. Раздраженіе одного семейства противъ другого такъ сильно, что самое неуловимое обстоятельство способно подлить масло въ огонь. Бываетъ вотъ какъ: индѣйскій пѣтухъ Кондѣя Ильича, прогуливаясь по двору, станетъ, напримѣръ, противъ оконъ Михайла Васильича, распушитъ хвостъ и буркнетъ свою пѣсню; Михайло Васильичъ принимаетъ это тотчасъ-же въ обидную для себя сторону.—Мошенники, говоритъ, нарочно подучили его!

«Въ ту-же секунду, изъ-за угла летитъ на пѣтуха палка; супруга Кондѣя Ильича стремится на выручку пѣтуха; супруга Михайла Васильича выбѣгаетъ къ ней навстрѣчу; на крикъ изъ обоихъ домовъ вылетаютъ какъ пули, одинъ за другимъ, Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ: за ними бѣгутъ дѣти, потомъ золовки, свояченицы (у обоихъ число душъ собственной семьи втрое превышаетъ число душъ крестьянъ). Черезъ минуту дворъ представляетъ одну движущуюся кучу людей, изъ которой во всѣ стороны торчатъ и болтаются руки, ноги и головы. И хорошо еще, еслибъ одинъ дворикъ служилъ театромъ и поводомъ для такихъ сценъ! Управляемые тѣмъ-же чувствомъ, которое мѣшаетъ имъ покончить съ раздѣломъ дворика, они до-сихъ поръ еще остаются черезполосными; ихъ, если хотите, давно размежевали, вырыли даже межевыя ямы и столбы поставили; но это ни къ чему не служитъ; такъ бываетъ, впрочемъ, у многихъ помѣщиковъ, которые не чета Кондѣю Ильичу и Михайлу Васильичу. Кондѣй Ильичъ подозрѣваетъ, что Михайло Васильичъ подкупилъ землемѣра; Михаилъ Васильичъ питаетъ съ своей стороны тѣ-же подозрѣнія: оба владѣютъ тѣми-же участками, какими владѣли ихъ отцы и прадѣды. Рига Кондѣя Ильича до-сихъ поръ открывается на землю Михайла Васильича; бабы Михайла Васильича полощутъ бѣлье въ пруду сосѣда: народъ и

семья Кондѣя Ильича пользуются водою изъ колодца Михайла Васильича. При малѣйшей ссорѣ, Михайло Васильичъ ставитъ у колодца мужика съ дубиной; Кондѣй Ильичъ бѣжитъ къ пруду, принимаетъ героическую позу, машетъ кулаками и кричитъ:

— «Подойди только,—разобью въ дребезги!..

«Однимъ словомъ, вражда, существовавшая нѣкогда между Иваномъ Иванычемъ и Иваномъ Никифорычемъ Гоголя, ровно ничего не значитъ противъ той, которая существуетъ между Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ.»

— Что это вы, сударь мой, разсказываете! позвольте вамъ замѣтить, промолвилъ толстякъ съ замѣтнымъ неудовольствіемъ;—гдѣ вы видѣли такихъ помѣщиковъ?..

— Если вамъ не угодно вѣрить, что во всемъ этомъ не прибавлено ни одного слова, не выдумано ни одной черты,—не хотите-ли сдѣлать мнѣ честь отправиться со мною ко мнѣ въ деревню; мы отсюда всего шестьдесятъ верстъ; намъ даже можетъ быть по дорогѣ; я сочту за особенное удовольствіе познакомить васъ съ Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ; пожалуй, познакомлю васъ и съ другими, которые ни въ чемъ имъ не уступаютъ... Господа, промолвилъ маленькій разсказчикъ, обратясь къ намъ:—неужто вы также не даете вѣры моему разсказу? Неужто вамъ не случалось встрѣчать такихъ помѣщиковъ, какъ мои сосѣди?

Господинъ въ коричневомъ пальто вѣрилъ совершенно; мало того: онъ насчиталъ до десятка Кондѣевъ Ильичей въ своемъ уѣздѣ; я съ своей стороны вызвался познакомить присутствующихъ также съ десяткомъ лицъ, которыя шли совершенно подъ стать героямъ, описаннымъ разсказчикомъ.

— Можетъ, и есть такіе, только я не видалъ, не приводилось!.. пробормоталъ толстякъ: — и наконецъ, какіе-же это помѣщики?.. такъ, мелюзга какая-то...

— Конечно, мелюзга, но все же они помѣщики!..

— Семь душъ всего! какіе помѣщики! упорствовалъ толстякъ:—это тоже мелочь, которую вотъ этотъ вашъ Гоголь описывалъ... они не идутъ въ счетъ...

— Ну, нѣтъ: сосчитайте-ка ихъ, — кушъ выйдетъ порядочный! перебилъ господинъ въ коричневомъ пальто; а вы Гоголя читали? перебилъ онъ.

— Читалъ; такъ-же все преувеличиваетъ и во всемъ прибавляетъ... Такихъ людей, какъ онъ описываетъ, никогда не было...

— Ну, этого опять также нельзя сказать! подхватилъ господинъ въ коричневомъ пальто, который обращался теперь къ толстяку неохотно и явно раздражался, когда говорилъ съ нимъ:—по-моему, напротивъ, нельзя не согласиться, что Гоголь не только не увеличивалъ, но даже смягчалъ, значительно смягчалъ каждое лицо, которое описывалъ; это особенно относится къ помѣщикамъ. Выставляя Собакевичей и Ноздревыхъ, онъ, если смѣю такъ выразиться, беретъ только одну сторону своихъ героевъ; они гадки и пошлы, какъ частныя личности. Описывая нашего брата, русскаго помѣщика, — одной этой стороны мало. Представьте себѣ, во сколько разъ Собакевичи и Ноздревы показались бы намъ гаже, еслибъ Гоголь захотѣлъ выставить ихъ не только какъ мужей, отцовъ семейства, словомъ, какъ частныхъ лицъ, — но еще и какъ помѣщиковъ? Всякій изъ насъ помѣщикъ. Въ этомъ отношеніи мы находимся въ исключительномъ положеніи; положеніе это такъ тѣсно вяжется съ нашимъ существованіемъ, отъ него въ такой зависимости наша жизнь, что, описывая одно, необходимо коснуться другого, чтобы описаніе было полно. Я могу быть отличнымъ отцомъ и скверным помѣщикомъ; примѣрнымъ мужемъ и, изъ любви къ женѣ, раззорять крестьянъ, покупая женѣ шляпки и шали, и т. д. Гоголь не трогалъ этой стороны своихъ героевъ по многимъ причинамъ. Выставь-ка онъ Собакевича и Ноздрева, какъ помѣщиковъ,—они, можетъ-быть, превратились-бы въ злодѣевъ; Гоголю не хотѣлось этого... Мнѣ, признаться, всегда жаль, что онъ не дѣлалъ этого... Повторяю: наша жизнь слишкомъ тѣсно связывается съ этимъ помѣщичьимъ положеніемъ, оно играетъ въ нашемъ обществѣ слишкомъ большую роль, чтобы можно было упускать его изъ виду, описывая нашего брата! По-моему, невозможно даже имѣть вѣрнаго по-

нятія о комъ-нибудь изъ насъ, не руководствуясь въ отношеніи другъ къ другу такимъ соображеніемъ, или, пожалуй, пословицей: покажи на дѣлѣ, каковъ ты помѣщикъ,—и я скажу тебѣ, что ты за человѣкъ!

— Совершенно справедливо! подхватилъ маленькій господинъ:—именно: дай мнѣ только понять, каковъ ты, какъ помѣщикъ,—и я скажу, что ты за человѣкъ! присовокупилъ онъ, украдкою взглянувъ на толстяка: — но, послушайте, хотя я скажу теперь общее мѣсто, истину, давно уже всѣмъ извѣстную, заслуга Гоголя останется все-таки неизмѣримо-огромна! Уже одно то, что онъ внесъ въ нашу литературу правду!—правду, которой до него не было, и которая не мѣшаетъ Гоголю быть великимъ поэтомъ! Положимъ, выставилъ онъ частныхъ лицъ, какъ вы говорите, но за то какъ поразительно они вѣрны въ смыслѣ общечеловѣческомъ! Что ни лицо—то типъ! Онъ точно собралъ всю нашу братью, раздѣлилъ по кучкамъ, каждую кучку посадилъ въ особую клѣтку и сказалъ: это Собакевичи, это Маниловы, эту Чичиковы, и т. д.,—просто клеймо положилъ! Многіе до-сихъ-поръ еще не любятъ Гоголя, именно, кажется, за эту сортировку! У меня, напримѣръ, тысяча душъ, я задаю обѣды, задираю свой глупый носъ, кричу на выборахъ; Гоголь объяснилъ каждому, что я ни кто другой, какъ Собакевичъ; меня иначе не зовутъ, какъ Собакевичемъ; согласитесь, это очень вѣдь непріятно!... добавилъ маленькій господинъ, засмѣялся и снова бросилъ косвенный взглядъ на толстяка, который сидѣлъ, мрачно насупивъ брови, и дышалъ особенно тяжело какъ-то:—но мы, однакожъ, далеко зашли, господа! Позвольте кончить мою исторію. Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ, точно такъ же, какъ жены ихъ, свояченицы, тёщи и проч., чрезвычайно, между-тѣмъ, заботились о томъ, какъ думаютъ и что говорятъ объ нихъ сосѣди; дома дрались они, какъ какіе-нибудь бойцы и мясники; внѣ дома оба лѣзли изъ кожи, чтобы казаться настоящими помѣщиками. Съ семью и девятью душами не уѣдешь далеко по части важности; тщеславіе—плохая пожива! Для поддержки общественнаго мнѣнія, Кондѣй Ильичъ держитъ пару кобылъ, на кото-

рыхъ подкатываетъ къ церковной паперти, или является на ярмарки со своимъ семействомъ; у Михайла Васильича одна только лошадь, и, вмѣсто тарантаса, телѣжка; но къ телѣжкѣ своей придѣлалъ онъ складныя подножки, какъ у тарантаса, и выкрасилъ ее темнобурой краской; на лошади щегольская сбруя, съ мѣдною оковкою, которая такъ сіяетъ на солнцѣ, что рѣшительно ослѣпляетъ глаза. Оба, на ярмаркахъ и на городскихъ праздникахъ, поминутно выходятъ изъ своихъ экипажей, забѣгаютъ на видныя мѣста и кричатъ кучеру: «Эй подавай!» Особенно надо любоваться Кондѣемъ Ильичемъ и Михайломъ Васильичемъ, когда они входятъ въ церковь, сопровождаемые своимъ семействомъ. Кондѣй Ильичъ гордо, важно проходитъ всегда мимо помѣщиковъ; нужно видѣть, какъ, ведя свое семейство, расталкиваетъ онъ вправо и влѣво народъ, заслоняющій дорогу, и съ какимъ озабоченнымъ видомъ говоритъ: «Посторонись! посторонись!» Михайло Васильичъ ведетъ себя гораздо деликатнѣе: при входѣ въ церковь, онъ оставляетъ семью, протискивается къ каждому помѣщику и, все равно, знакомъ ли онъ съ нимъ, или нѣтъ, протягиваетъ на-отмашь руку и освѣдомляется о здоровьи. Онъ старается внушить всѣмъ, что онъ свой братъ. Онъ и жена его ведутъ тѣсную дружбу съ дьячкомъ и дьякономъ, нарочно съ тою цѣлью, чтобы въ концѣ обѣдни имъ, время отъ времени, подносили просвиру. Когда въ первый разъ удостоились они этой чести, жена Кондѣя Ильича вошла тотчасъ же въ тѣснѣйшія сношенія съ попадьей; теперь просвиру подносятъ какъ женѣ Кондѣя Ильича, такъ и женѣ Михайла Васильича.

«Не смотря, однакожъ, на толчки свои и величавый видъ, Кондѣй Ильичъ пользуется въ народѣ несравненно большею популярностью, чѣмъ сосѣдъ его. Кондѣй Ильичъ держитъ себя такъ гордо передъ мужиками и бабами только при постороннихъ,—особенно передъ помѣщиками; дома живетъ онъ за панибрата со своими мужиками: ходитъ къ нимъ въ избу, пируетъ у нихъ на крестинахъ и свадьбахъ, хлебаетъ съ ними щи изъ одной чашки и пр.; онъ вообще невзыскателенъ въ работѣ, и если иной

разъ котораго изъ нихъ поколотитъ, то это скорѣе потому, что онъ не въ духѣ, чѣмъ на основаніи какой-нибудь другой причины; мужики не ставятъ ему этого въ укоръ; они любятъ Кондѣя Ильича. Михайло Васильичъ никогда не дерется, но за то обращеніе его сухо и холодно; фамильярность съ крѣпостными считаетъ онъ несовмѣстною съ достоинствомъ дворянина и помѣщика; онъ требуетъ, главное, чтобы мужикъ и баба уважали его; требуетъ, чтобы называли его бариномъ, жену его барыней, дѣтей барченками; любитъ, чтобы мужикъ, при видѣ его, снималъ издали шапку, а баба отвѣшивала низкій поклонъ. Мужикъ и баба терпѣть его не могутъ, называютъ его гордецомъ, чуфарой...

«Но оставимъ все это; надо вамъ передать теперь одно маленькое событіе, которое случилось прошлою осенью; въ событіи этомъ нѣтъ ничего, кромѣ самаго обыкновеннаго. Это было въ сентябрѣ; не помню, они изъ-за чего-то опять поссорились. Михайло Васильичъ, по принятому издавна правилу, пустился тотчасъ же къ мельнику, управителю и пономарю; но потому ли, что злоба бушевала въ немъ сильнѣе обыкновеннаго, или находился онъ въ особомъ припадкѣ вдохновенія,—онъ наговорилъ такихъ ужасовъ про сосѣда, что подъ конецъ самъ даже испугался. Разсказы легко могли дойти до слуха Кондѣя Ильича; съ нимъ, какъ извѣстно, шутить было не совсѣмъ выгодно. Михайло Васильичъ, съ дѣтства, можно сказать, питалъ къ нему непобѣдимый страхъ, и чувство это, хотя тщательно имъ скрываемое, служило главнымъ основаніемъ ненависти къ сосѣду; что-жъ мудренаго—отъ одного взгляда Кондѣя Ильича могъ бы, кажется, вскочить волдырь на лицѣ врага; ударъ долженъ былъ превращать врага въ блинъ! Подъ вліяніемъ своихъ опасеній, Михайло Васильичъ цѣлыя трое сутокъ не выходилъ изъ дому; онъ передалъ женѣ свои мысли; на общемъ семейномъ совѣщаніи рѣшено было прекратить разъ навсегда всѣ сношенія съ злодѣемъ (такъ звали могучаго Кондѣя Ильича). Для этой цѣли, Михайло Васильичъ, въ ту же ночь, собралъ своихъ семерыхъ мужиковъ, настрогалъ кольевъ, нарубилъ хворосту, и до

зари воздвигъ плетень, который заслонилъ домъ его отъ дома врага. Все это было превосходно придумано; оставалось удивляться, какъ до-сихъ-поръ подобная мысль не приходила въ голову хитрому Михайлу Васильичу; но, къ несчастію, въ горячкѣ своей Михайло Васильичъ не сообразилъ одного обстоятельства: плетень какъ разъ пришелся противъ риги врага! Иначе, впрочемъ, нельзя было устроить; заднія ворота риги Кондѣя Ильича отворялись на землю сосѣда; рига стояла подлѣ дома.

«На другое утро, Кондѣй Ильичъ выходитъ съ мужиками вѣять рожь; отворяютъ ворота риги, чтобы дать ходъ вѣтру;—«что за чортъ,—плетень!» Не сомнѣваясь, что это было сдѣлано съ цѣлью досадить ему, Кондѣй Ильичъ подошелъ къ плетню, приперъ плечомъ и своротилъ его; но усиліе, употребленное имъ, не было разсчитано; онъ потерялъ балансъ и рухнулся вмѣстѣ съ плетнемъ на-земь. Не успѣлъ онъ очнуться, какъ Михайло Васильичъ налетѣлъ на него со всѣхъ ногъ и далъ ему оплеуху. Такая необычайная рѣшимость и храбрость со стороны Михайла Васильича объясняется тѣмъ, что уже слишкомъ много, вѣроятно, накипѣло злобы въ его сердцѣ; имъ овладѣло, надо думать, что-то въ родѣ корсиканской вендетты, какая-то необузданная жажда мести и бѣшенства. Кондѣй Ильичъ вскочилъ на ноги, взглянулъ, замахнулся—и Михайло Васильичъ лежалъ уже разбитый въ дребезги у ногъ врага; на крикъ сбѣжались жены, золовки, свояченицы и дѣти; картина, какъ можете судить, была торжественная; все умолкло; наступила тишина; но это только была тишина передъ грозою. Полчаса спустя Михайло Васильичъ, перевязанный и упакованный, сидѣлъ въ расписной телѣжкѣ своей и катилъ во всю мочь по дорогѣ къ уѣздному городу; за нимъ поспѣвалъ во всѣ лопатки Кондѣй Ильичъ въ своемъ тарантасѣ. Оба стремились къ губернскому предводителю, который жилъ въ деревнѣ, подлѣ самаго города. Каждый выбивался изъ силъ, чтобы поспѣть первымъ. Они пріѣхали вмѣстѣ, однакожъ, вмѣстѣ ворвались въ прихожую предводителя и оттуда, послѣ доклада, вмѣстѣ бросились къ дверямъ, гдѣ и завязли.

— Господа, сказалъ предводитель, смекнувъ, въ чемъ дѣло, что, мимоходомъ сказать, было не легко, потому что оба помѣщика говорили въ одно время, опровергали клятвенно другъ друга, и раза два даже чуть-было не сцѣпились:—господа, я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать!.. Отъ всѣхъ этихъ исторій я начинаю терять голову... Не говоря уже о срамѣ, потому что, господа, вы все-таки дворяне... но... но такого рода исторіи служатъ еще сверхъ-того дурнымъ примѣромъ... Ей-Богу, это ужасно...

«Предводитель обратился къ Михайлу Васильичу и просилъ разсказать обстоятельно, какъ было дѣло. Кондѣй Ильичъ тотчасъ же было вмѣшался, но предводитель попросилъ его помолчать до времени.

— Помилуйте, ваше превосходительство, сказалъ Кондѣй Ильичъ: — за что же ему такое предпочтеніе?.. за что? вы прежде меня должны выслушать; я первый получилъ оскорбленіе!..

— Можетъ быть, можетъ быть, возразилъ предводитель:—но только я сужу по тому, что вижу... Вашъ сосѣдъ разбитъ совершенно... тогда какъ вы невредимы... тутъ уже улика на лицо...

«При этомъ, Кондѣй Ильичъ отступилъ три шага; сердце его закипѣло и переполнилось негодованіемъ; онъ скрестилъ руки на могучей груди своей и произнесъ голосомъ человѣка, сраженнаго несправедливостью судьбы и людей:

— «Ваше превосходительство, гдѣ же справедливость?.. чѣмъ же я виноватъ, что у меня тѣло крѣпкое и знаковъ не остается?..»

— Ваше благородіе, парòмъ пригнали!.. неожиданно прокричалъ бородастый хозяинъ избы, появляясь въ дверяхъ.

Трудно передать дѣйствіе, которое произвело на всѣхъ насъ такое извѣстіе. Разсказчикъ остановился посреди своей фразы. Впрочемъ, и то надо сказать, вздумай онъ продолжать, никто, конечно, не сталъ бы его слушать; всѣ бросились къ шапкамъ, шинелямъ и калошамъ. Толстякъ, кряхтя и задыхаясь отъ суетливости, въ одно и

то же время запахивалъ халатъ, убиралъ чайныя ложечки, запиралъ поставецъ и звалъ во весь голосъ лакея. Тишина въ избѣ, прерываемая только голосомъ разсказчика и рѣдкими возраженіями слушателей, уступила мѣсто страшной вознѣ, нетерпѣливымъ возгласамъ и суматохѣ.

Но что значитъ этотъ переходъ отъ тишины къ вознѣ и шуму, сравнительно съ тою перемѣною, которая произошла между отношеніями присутствующихъ? Минуту назадъ, троихъ изъ насъ тѣсно какъ-будто связывала одна общая мысль; мы невольно тянулись внутренно другъ къ другу; силою этой мысли чувствовали другъ къ другу что-то близкое, родственное; одинъ мигъ, одно слово, одно пустое восклицаніе: «паромъ пригнали»,—и все это сродство также неизгладимо исчезло, какъ дымъ, когда дунетъ вѣтеръ; мы были уже чужими, перестали существовать даже одинъ для другого; самая мысль, которая сродняла насъ, была забыта. У всѣхъ была теперь одна мысль: какъ бы опередить другъ друга, поспѣть скорѣе на паромъ и занять тамъ удобное, покойное мѣсто. Что же осталось бы отъ этой мысли и куда дѣлось бы то святое чувство, которое пробудила въ насъ мысль, еслибъ вмѣсто перспективы занять мѣсто на паромѣ, — передъ нами открылась бы другая, болѣе важная выгода?..

Минутъ черезъ пять, мы уже ощупью пробирались между возами и, завязая въ грязи, перегоняли другъ друга съ такимъ же комическимъ усердіемъ, какъ Кондѣй Ильичъ и Михайло Васильичъ, когда спѣшили они къ предводителю.

Извѣстіе о приходѣ парома привело улицу въ сильное движеніе. Посреди непроницаемаго мрака бурной ненастной ночи, раздавались крики, брань, скрипъ телѣгъ и нескончаемое шлепанье по лужамъ; все рвалось къ рѣкѣ: безпорядокъ былъ не вообразимый. Съ помощью локтей, иногда даже пинковъ, мы подвигались, однакожъ, благополучно. Никто изъ насъ не думалъ теперь о бѣдномъ мужичкѣ, который стоялъ подъ дождемъ; никому уже въ голову не приходило уступить этому мужичку то мѣсто на паромѣ, котораго ждалъ онъ нѣсколько сутокъ, — каждый изъ насъ, безъ сомнѣнія, встрѣтилъ бы съ на-

смѣшкою и негодованіемъ того, кто не шутя сдѣлалъ бы намъ такое предложеніе. А сколько между тѣмъ истиннаго, неподдѣльнаго жара было въ словахъ господина въ коричневомъ пальто! Какъ горячо мы ему сочувствовали и готовы были распинаться за наши убѣжденія! Какой же толкъ въ этомъ жарѣ и убѣжденіяхъ?

Первымъ нашимъ дѣломъ, какъ только вошли мы на паромъ, было сунуть скорѣе перевозчикамъ денегъ, чтобы они поскорѣе только отчаливали (въ этомъ случаѣ мы дѣйствовали, надо сказать, съ замѣчательнымъ единодушіемъ и снова, казалось, одна общая мысль насъ на секунду связала). Причалъ ловко отняли, и мы благополучно отвалили отъ берега.

Дождь лилъ ливмя. Уныло гудѣлъ вѣтеръ, всплескивая волны рѣки, едва отдѣлявшейся отъ темныхъ, пустынныхъ береговъ и еще болѣе темнаго неба, которое облегало, казалось, всю землю и мрачно смотрѣло...

ПОЧТЕННЫЕ ЛЮДИ,

ОБРЕМЕНЕННЫЕ МНОГОЧИСЛЕННЫМЪ СЕМЕЙСТВОМЪ.

„Le désir universel et immodéré des emplois publics est la pire des maladies sociales; elle crée une foule d'affamés capables de toutes les fureurs pour satisfaire leur appétit, et propres à toutes les bassesses, dès qu'ils sont rassasiés. Un peuple des solliciteurs est le dernier des peuples: il n'y a pas d'ignominie par où on ne puisse le faire passer".

Montalembert.

Вообще говоря, изъ числа «почтенныхъ людей»... Позвольте, впрочемъ, не лишнимъ будетъ сказать, что послужило поводомъ къ наблюденіямъ надъ почтенными людьми.

Года два назадъ, случилось мнѣ послать въ лавочку купить стеариновую свѣчку; ее принесли завернутую въ листѣ, исписанномъ тѣмъ четкимъ почеркомъ, который называютъ обыкновенно канцелярскимъ. Съ первыхъ же строкъ рукопись возбудила мое любопытство; она заключалась въ слѣдующемъ:

«...Никогда не забыть мнѣ этого вечера! Онъ врѣзался неизгладимыми чертами въ моей памяти: насъ собралось человѣкъ тридцать, съ цѣлью составить подписку и основательно обсудить, кому заказать серебряный кубокъ,

который рѣшено было поднести «въ знакъ признательности» начальнику, отставленному отъ должности за неспособность; такъ, по крайней мѣрѣ, разсказывали. Намъ очень хорошо извѣстно было, что это служило ему въ то же время наградой и повышеніемъ, потому-что ему давали мѣсто несравненно болѣе значительное прежняго. Тѣмъ не менѣе, слухи о его неспособности, сдѣлавшіеся, такъ сказать, офиціальными, глубоко оскорбляли насъ и самымъ невольнымъ образомъ повергали общество въ состояніе, близкое къ унынію.

Въ первую минуту, когда предложена была подписка, лица присутствующихъ изобразили отрадное воодушевленіе; помнится, начались горячія пренія, споры, увѣщанія съ одной стороны, крики и даже брань съ другой; но потомъ, когда чинъ, имя, отчество и фамилія послѣдняго изъ насъ занесены были на листъ и дѣло съ кубкомъ рѣшено было отдать Сазикову,—все какъ рукой сняло; воодушевленіе уступило мѣсто сосредоточенному раздумью, лбы нахмурились, и общество погрузилось въ молчаніе. Взглянувъ на насъ, можно было думать, что тутъ собрались не чиновники, но лица, «заѣденныя горькой средой», короче сказать, такія лица, которыя, говорятъ, нынѣ въ большой модѣ. Скука была смертельная; чтобы покончить съ нею, двое-трое взялись уже за шляпы. Въ самую эту минуту, одинъ изъ присутствующихъ, молодой человѣкъ, только-что опредѣлившійся на службу, выступилъ впередъ, обвелъ глазами общество и обратился къ намъ съ такими словами: «Мнѣ кажется, господа, мы слишкомъ уже предаемся меланхоліи... чтобы разсѣять ее, предложу вамъ вопросъ, который давно вертится у меня на языкѣ: вамъ, безъ сомнѣнія, знакома общая всѣмъ намъ способность умиляться передъ тѣмъ, что въ сущности не заслуживаетъ плевка, — и главное: извѣстна та непомѣрная щедрость, съ какою готовы мы всегда надѣлять эпитетами: *почтенный*, *многоуважаемый*, *достойный*, и пр.,— такихъ людей, которые не стоятъ выѣденнаго яйца... Желалъ бы я спросить васъ, милостивые государи, изъ какого источника вытекаютъ такія свойства?!..»

Не могу вамъ передать, какъ непріятно подѣйствовала

на меня эта выходка. Начать съ того, она была совершенно неумѣстна и, вдобавокъ, принадлежала человѣку, который былъ по лѣтамъ и чину моложе присутствующихъ и долженъ былъ держать себя скромнѣе всѣхъ. Наконецъ, самоувѣренность тона, что-то задорное и непочтительное, лежавшее въ основаніи предложеннаго имъ вопроса,—все это не заслуживало отвѣта. Къ сожалѣнію не всѣ раздѣляютъ мой образъ мыслей. Нашлись люди, которые не постыдились возражать молодому выскочкѣ; слово за словомъ, завязался общій разговоръ и, къ великому моему удивленію, въ немъ приняли участіе даже тѣ, на которыхъ привыкъ я смотрѣть съ уваженіемъ. Удивленіе мое возрасло еще болѣе, когда я сталъ прислушиваться: одни приписывали щедрость въ отношеніи къ хвалебнымъ эпитетамъ—нравственной распущенности, другіе видѣли въ этомъ лѣнь; третьи — отсутствіе того начала, изъ котораго составляется общественное мнѣніе; четвертые основывали все на добродушіи, которое смѣясь называли: перележавшимъ гороховымъ киселемъ... да, это ихъ собственное выраженіе! И представьте, хоть бы одинъ высказалъ настоящую причину, хоть бы одинъ нашелся объяснить все это великодушіемъ, столь свойственнымъ нашей природѣ!

Быть-можетъ, я отсталъ отъ того, что принято теперь называть прогрессомъ и современнымъ развитіемъ; но все равно, я сохраню до гробовой доски свои убѣжденія, я твердъ въ нихъ и горжусь ими! Еще въ дѣтствѣ, читая старинныя христоматіи, я всегда съ жадностью пробѣгалъ глазами страницу, гдѣ опредѣлялся характеръ народовъ:

Испанецъ—гордъ.
Французъ—легкомысленъ.
Итальянецъ—страстенъ.
Турокъ—ревнивъ.
Нѣмецъ—разсудителенъ.

и т. д., и когда доходилъ до опредѣленія: «Русскій—великодушенъ», я гордо подымалъ голову, сердце мое билось сильнѣе, и слезы невольно струились по щекамъ моимъ.

Всосавъ, такъ сказать, съ молокомъ подобное убѣжденіе, я, какъ вы можете себѣ представить, не могъ оставаться равнодушнымъ слушателемъ того, что говорилось въ настоящую минуту; сердце мое вскипѣло отъ негодованія; я открылъ уже ротъ, чтобы высказать свое мнѣніе, но въ эту минуту выступилъ нашъ совѣтникъ, и я поневолѣ долженъ былъ замолкнуть.

Предоставляю вамъ судить о моихъ чувствованіяхъ, когда я услышалъ слѣдующее:

«Милостивые государи, сказалъ совѣтникъ голосомъ, покрывшимъ на минуту всѣ голоса (съ первыхъ его словъ и движеній я могъ заключить, что онъ, такъ же какъ и я, затронутъ за живое), «милостивые государи! Прислушиваясь къ сужденіямъ вашимъ по поводу вопроса... страннаго вопроса... скажу болѣе, не совсѣмъ умѣстнаго вопроса, предложеннаго здѣсь молодымъ человѣкомъ, я, признаюсь, отказывался вѣрить ушамъ своимъ... Какъ! вы приписываете лѣности, нравственной распущенности и т. д. такія свойства нашего характера, которыя, можно сказать, служатъ лучшимъ его украшеніемъ! Да, милостивые государи, лучшимъ украшеніемъ! скажу болѣе: приносятъ намъ величайшую честь, потому-то настоящій источникъ этихъ свойствъ не лѣность, не распущенность, какъ вамъ угодно было выразиться, но то широкое, то безграничное великодушіе, которымъ природа, столь щедрая всегда въ дарахъ своихъ, такъ обильно надѣлила душу каждаго изъ насъ! Отвергать этого вы не можете, милостивые государи, ни въ какомъ случаѣ не можете! Не можете вслѣдствіе того же самаго великодушнаго свойства, которое, я убѣжденъ, кроется въ сердцѣ каждаго изъ васъ! Неужели то, что ежедневно свершается въ глазахъ вашихъ, не достаточно подтверждаетъ слова мои? Неужели, говоря объ этомъ, мнѣ нужно прибѣгать къ доказательствамъ?..» («Прибѣгайте! Прибѣгайте!» раздалось нѣсколько голосовъ; я взглянулъ на совѣтника: въ жизнь свою не видалъ я лица, сіявшаго болѣе благороднымъ чувствомъ). «Доказательствъ!» воскликнулъ совѣтникъ, воодушевляясь и простирая впередъ руку: «доказательствъ! — онѣ вездѣ, всюду, во всемъ, мило-

стивые государи! Да, во всемъ! Что скажете вы, напримѣръ, касательно общаго похвальнаго стремленія занимать видныя мѣста на службѣ отечества,—приносить для этой цѣли всевозможныя жертвы, тратить деньги, унижаться передъ людьми, которыхъ часто не уважаешь.— и все это—имѣя въ виду только пользу отечества! Что скажете вы о благородствѣ, съ какимъ вообще всѣ начальствующія лица отказываются отъ собственныхъ интересовъ въ пользу подчиненныхъ и нижнихъ чиновъ, ввѣренныхъ ихъ отеческому попеченію? Какое заключеніе выведете вы изъ того стократъ счастливаго случая, который занесъ меня въ провинцію на выборы ратниковъ во время крымской кампаніи? Я видѣлъ собственными глазами, какъ многіе изъ богатыхъ помѣщиковъ, удостоенные чести выбора въ ополченцы, въ защитники отечества, великодушно уступали мѣста свои бѣднѣйшимъ изъ своихъ собратовъ и даже потомъ награждали ихъ деньгами! Что доказываетъ все это? Но зачѣмъ идти такъ далеко? Возьмемъ хоть то обстоятельство, которое соединило всѣхъ насъ здѣсь, въ этой залѣ. Нашъ начальникъ (голосъ совѣтника понизился; онъ очевидно былъ тронутъ и не могъ громко выговаривать слова) лишается мѣста и въ то же время получаетъ другое, которое несравненно почетнѣе и даже выгоднѣе перваго! Что-жъ это такое, если не великодушіе? (Правда! Правда! закричало нѣсколько человѣкъ.) Требуются ли еще новыя доказательства, милостивые государи? продолжалъ благородный ораторъ:—требуются ли они?.. И наконецъ, милостивые государи, позвольте замѣтить: отвергая такъ легкомысленно присутствіе въ насъ великодушія, вы сами себѣ жестоко противорѣчили! Сколько разъ, при мнѣ, каждый изъ насъ давалъ эпитетъ *почтеннаго*, основываясь на томъ только, что у человѣка сѣдые волосы, и не разбирая того, что онъ шуллеръ и взяточникъ; сколько разъ, руководимые благороднымъ порывомъ души, говорили вы и писали: *достойный*, *многоуважаемый* такому господину, вся заслуга котораго состояла только въ томъ, что у него было много дѣтей!.. Наконецъ, не съ каждымъ ли изъ насъ, и чуть ли не каждый день, повто-

ряется такое обстоятельство: сидимъ мы у себя дома или въ гостяхъ; рѣчь идетъ, положимъ, о какомъ-нибудь Петрѣ Петровичѣ: — Негодяй! говоритъ одинъ. — Отъявленный мерзавецъ! подхватываетъ второй.—Представьте... начинаетъ третій, и тутъ же разсказываетъ такой фактъ о Петрѣ Петровичѣ, что мурашки пробѣгаютъ по тѣлу. Въ самую эту минуту, въ дверяхъ показывается Петръ Петровичъ! и что-жъ? Мы все забываемъ въ ту же секунду, бросаемся къ нему на встрѣчу, кричимъ: почтенный Петръ Петровичъ! сажаемъ его подлѣ себя, жмемъ ему руки и предлагаемъ карточку!.. Что же это такое, какъ не избытокъ того великодушія, которое, позвольте мнѣ повторить, составляетъ основу и вмѣстѣ съ тѣмъ лучшее украшеніе каждой истинно возвышенной души!»

При послѣднихъ словахъ я долѣе уже не могъ владѣть собою; слезы хлынули изъ глазъ моихъ и, чтобы скрыть ихъ, я поспѣшилъ взять шляпу и выбѣжалъ изъ собранія...»

Здѣсь оканчивался листъ.

Признаюсь чистосердечно, чтеніе это было для меня чѣмъ-то въ родѣ «новаго слова»,—того самаго новаго слова, которое высказалъ А. Григорьевъ въ давнемъ *Москвитянинѣ;* оно мигомъ расширило мой кругозоръ и переставило мою точку зрѣнія въ отношеніи къ самому себѣ и всему меня окружающему. Я не подозрѣвалъ въ себѣ столько великодушія, или, скорѣе, столько нравственной распущенности, потому-что доводы, представленные почтеннымъ совѣтникомъ, показались мнѣ скорѣе пристрастными, чѣмъ справедливыми.

До-сихъ-поръ мнѣ въ голову не приходило давать какое-нибудь значеніе эпитетамъ: «почтенный, многоуважаемый» и проч.; я разсыпалъ ихъ по привычкѣ встрѣчному и поперечному; мало того: стоило назвать кого-нибудь при мнѣ «почтеннымъ», я совершенно удовлетворялся такимъ опредѣленіемъ. «Почтенный, думалъ я, чего-же больше? этимъ все сказано; господинъ этотъ заслуживаетъ отнынѣ и во вѣкъ полнаго моего уваженія!» Успокаивая себя такимъ образомъ въ отношеніи къ почтеннымъ людямъ, изъ которыхъ состояло тогда для меня чуть ли не

все человѣчество, я рисковалъ окончательно притупить свои наблюдательныя способности.

Прочитавъ рукопись, я съ того же дня далъ себѣ слово воздерживаться отъ тупоумной довѣрчивости. Какъ только раздавалось подлѣ меня слово: «почтенный», я настораживалъ уши какъ заяцъ, заслышавшій лай;—какъ молодой, или, все равно, старый писатель, который войдя въ кофейную, наполненную народомъ, старается прислушаться къ сужденіямъ о его произведеніи, только-что напечатанномъ. Стоило спросить мнѣ: «кто этотъ господинъ?» и получить въ отвѣтъ: «почтенный человѣкъ!»—я начиналъ уже подробно о немъ спрашивать, старался дать себѣ ясный отчетъ въ его дѣйствіяхъ, старался подбиться къ нему ближе, съ тѣмъ, чтобъ окончательно увѣриться, на сколько онъ въ самомъ дѣлѣ заслуживаетъ почтенія.

Занятіе это увлекло меня. Мало-по-малу «почтенный человѣкъ» сдѣлался моею спеціальностью. Я наблюдалъ его въ домашнемъ быту, на улицѣ, въ общественной жизни, на поприщѣ гражданской и военной службы.

Результатъ моихъ наблюденій былъ такого свойства, что прежнія мои вѣрованія положительно опрокинулись навзничь.

Теперь уже ясно для меня: какъ не все то золото, что блеститъ, такъ не все то почтенно, что носитъ такое названіе. Мысль стара, если хотите; но что же новаго подъ луною, если не считать мыслей и взглядовъ, заложенныхъ въ основаніе нашихъ журналовъ!

Такъ-какъ я каждый вечеръ записываю свои наблюденія, то у меня самымъ незамѣтнымъ образомъ составилась толстѣйшая рукопись. Современемъ, я издамъ ее въ свѣтъ подъ общимъ названіемъ: *Изслѣдованія о почтенныхъ людяхъ на поприщѣ гражданскомъ и въ частной жизни.*

Я преднамѣренно выпустилъ изъ нея все, что тамъ говорится о лицахъ дѣйствительно почтенныхъ. Выставляя ихъ въ контрастъ «сомнительнымъ или несостоятельнымъ почтеннымъ людямъ», я думалъ сначала этимъ способомъ достигнуть двухъ цѣлей: принести должную дань уваженія первымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ придать вторымъ

больше рельефности. Разсудивъ однакожъ, я нашелъ, что это будетъ совершенно лишнее: истинно почтенные люди не нуждаются въ защитѣ и даже уваженіи частныхъ лицъ; они совершенно довольствуются общественнымъ уваженіемъ; всякая похвала даже противна имъ, сколько я замѣтилъ. Что же касается до «несостоятельныхъ почтенныхъ людей», они сами по себѣ довольно ярки и выпуклы.

Не странно ли думать однакожъ, что лица эти, несмотря на свою очевидную яркость, проскользали до-сихъ-поръ, такъ сказать, незамѣтно, или, по крайней мѣрѣ, мало останавливали на себѣ вниманіе наблюдателя!

Иначе, согласитесь, съ какой стати стали бы ихъ такъ часто мѣшать съ лицами точно почтенными, стали бы ихъ ставить на одну доску, давать имъ въ обществѣ одинаковое положеніе?

Вопросъ, очевидно, такъ важенъ, что давно требуетъ разрѣшенія.

И въ самомъ дѣлѣ, гдѣ же награда истинной добродѣтели, когда поминутно и съ такимъ легкомысліемъ навязываютъ ее встрѣчному и поперечному? Этимъ способомъ добродѣтель скоро потеряетъ всю свою цѣну. Это особенно обидно въ послѣднее время, когда, какъ нарочно, все дорожаетъ,—даже самые обиходные, грубые жизненные предметы. Вы проживаете годы, не видите серебрянаго рубля, между-тѣмъ какъ не проходитъ такого дня, чтобы не встрѣтить нѣсколько добродѣтельныхъ почтенныхъ людей.

Избытокъ одного и недостатокъ другого,—воля ваша, что-то подозрительно.

Скромно надѣемся, что книга наша, указывая, въ чемъ состоитъ, по нашему мнѣнію, несостоятельность многихъ почтенныхъ людей, удешевитъ ихъ въ глазахъ читателя и тѣмъ самымъ возвыситъ цѣну тѣхъ, которые въ самомъ дѣлѣ заслуживаютъ названія «почтенныхъ».

Для образчика приведемъ отрывокъ подъ названіемъ:

«Почтенные люди, обремененные многочисленнымъ семействомъ».

ОБЩІЯ ЧЕРТЫ.

Лица, составляющія категорію «почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ», такъ многочисленны, оттѣнки, отличающіе ихъ другъ отъ друга, такъ разнообразны, что нѣтъ возможности опредѣлить ихъ физіономію положительными чертами, какъ это дѣлается, напримѣръ, въ нашихъ паспортахъ; скажутъ: «лицо круглое, носъ прямой, подбородокъ круглый, ротъ круглый, глаза сѣрые»,—и типъ русскаго человѣка бросается вамъ въ глаза словно отпечатанный.

Наконецъ, для насъ не столько нужна точность физическаго портрета, сколько нравственнаго.

Касательно внѣшности, достаточно будетъ сказать, что «почтенному человѣку, обремененному многочисленнымъ семействомъ», бываетъ обыкновенно отъ сорока-пяти лѣтъ до семидесяти-пяти. Встрѣчаются, конечно, исключенія: есть люди, которые такъ рано женятся! Есть также старички, которые, перейдя даже за семидесятилѣтній возрастъ, сохраняютъ столько еще свѣжести и силы, что дѣйствуютъ совершенно самостоятельно и такимъ образомъ принимаютъ на себя всю отвѣтственность въ своихъ поступкахъ.

Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе, вступаютъ въ категорію «несостоятельныхъ» тогда только, когда дѣйствія ихъ отвѣчаютъ слѣдующей аксіомѣ: «каждый смертный, обремененный семействомъ, пользуется по всей справедливости названіемъ *почтеннаго* и неприкосновененъ до-тѣхъ-поръ, пока не проникается убѣжденіемъ, что многочисленность семейства даетъ ему несомнѣнное право на вниманіе общества и на полученіе доходнаго казеннаго мѣста».

Изъ этого вовсе не слѣдуетъ заключать, что такъ какъ одни достаточные люди могутъ не тяготиться семействомъ и обойдтись безъ мѣста, — стòитъ быть бѣднымъ, чтобъ поступить въ разрядъ «несостоятельныхъ».

Вовсе не такъ.

Напротивъ, чѣмъ бѣднѣе семейный человѣкъ, тѣмъ меньше у него шансовъ быть «несостоятельнымъ». Какъ

только самъ онъ не виноватъ въ своей бѣдности, онъ можетъ хлопотать о мѣстѣ сколько ему угодно, можетъ прибѣгать къ покровительству сильныхъ міра сего, можетъ даже, если найдетъ полезнымъ, трогать чувствительныя сердца частымъ повтореніемъ фразы: «обремененъ многочисленнымъ семействомъ!» Крайность, нужда въ кускѣ хлѣба служатъ ему прямымъ оправданіемъ.

Когда бѣдный семьянинъ, получивъ мѣсто, перестаетъ канючить, довольствуется своимъ положеніемъ и, чтобы сохранить его, начинаетъ работать какъ лошадь, онъ прямо уже переходитъ въ разрядъ истинно-почтенныхъ людей, достойныхъ всякаго уваженія.

Въ первоначальной рукописи приведено было множество такихъ примѣровъ; но, какъ уже сказано; я выбросилъ ихъ, чтобы спеціально заняться лицами, которыя, бывъ совершенно обезпечены, идутъ тѣмъ не менѣе по стопамъ бѣдняковъ и дѣйствуютъ на основаніи вышеприведенной аксіомы. Но этого еще мало: чтобы попасть въ самый центръ круга «сомнительныхъ», необходимо преслѣдовать свою цѣль съ особымъ упорствомъ, необходимо пускать въ ходъ интриги, давать взятки, краснорѣчиво говорить о собственномъ достоинствѣ и добродѣтеляхъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, тереться въ переднихъ, ползать и унижаться передъ сильными, необходимо сознавать собственное свое превосходство, какъ человѣка просвѣщеннаго, передъ бѣднякомъ, и оскорбляться тѣмъ, что онъ осмѣливается идти по одной дорогѣ съ вами; а главное, необходимо искать мѣста съ тѣмъ, чтобъ оно служило ступенью къ другимъ мѣстамъ, чтобы на всѣхъ этихъ мѣстахъ получать какъ можно больше жалованья и ровно ничего не дѣлать.

Послѣднее соображеніе даетъ уже право на генеральскій чинъ въ категоріи „несостоятельныхъ почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ».

Они представляютъ, такъ сказать, совершеннѣйшій антиподъ тѣхъ, которые стремятся занять мѣсто съ цѣлью работать и быть полезными; впрочемъ, такъ какъ послѣдніе легко еще могутъ заблуждаться на счетъ себя, могутъ основывать свои стремленія на личномъ самолюбіи и тщеславіи, вѣрнѣе будетъ сказать, что первые антиподъ

тѣхъ, которыхъ въ ту или другую должность призываетъ общество, имѣющее несомнѣнныя доказательства въ ихъ способностяхъ, опытѣ, трудолюбіи и знаніи дѣла.

«Несостоятельные», кромѣ независимаго состоянія, должны еще имѣть нѣкоторое общественное положеніе.

Это ясно.

Извѣстно, что сермяга, лохмотья, прорванные локти дѣйствуютъ болѣе на улицахъ, даже въ глухихъ переулкахъ, чѣмъ въ пріемныхъ и раззолоченныхъ салонахъ сильныхъ міра сего; имъ даже въ голову не можетъ придти туда затесаться.

Можно сказать безъ преувеличенія: нѣтъ почти общественнаго положенія, которое не давало бы своего числа индивидуумовъ въ категорію «несостоятельныхъ почтенныхъ людей». Между ними въ изобиліи встрѣчаются помѣщики, домовладѣльцы, лица отставныя, служащіе по разнымъ вѣдомствамъ, литераторы, музыканты, ученые и даже художники.

Здѣсь слѣдовало бы, по-настоящему, приложить таблицу, которая сразу опредѣляла бы, какое именно изъ этихъ общественныхъ положеній даетъ болѣе обильную цифру «несостоятельныхъ»; но пока еще нельзя этого сдѣлать. Вообще у насъ нигдѣ такъ не легко сбиться съ толку, какъ въ точномъ опредѣленіи общественнаго положенія. Не на каждомъ ли шагу встрѣчается, напримѣръ, такое обстоятельство:

— Кто этотъ господинъ? спрашиваете вы.

— N. N., литераторъ (или все равно, живописецъ).

— Такъ это онъ! Я много слышалъ о немъ и его семействѣ отъ одного помѣщика, который сосѣдъ ему по имѣнью. N. N., стало быть, не только литераторъ, но еще и помѣщикъ?

— Да; но онъ рѣдко бываетъ въ своемъ помѣстьи.

— Отчего же? Тамъ бы, кажется, всего лучше было ему работать.

— А служба!

— Какая служба?

— Да вѣдь онъ служитъ въ министерствѣ!

— Изъ какого же рожна онъ служитъ, прости Господи! Вѣдь онъ помѣщикъ и сверхъ-того еще литераторъ: онъ зарабатываетъ деньги трудомъ и кромѣ того получаетъ доходы съ имѣнія; чего-жъ ему еще?..

— Да, конечно... но, знаете, надо вникнуть въ его обстоятельства: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ...

Прошу сказать послѣ этого, къ какому общественному положенію причислить N. N.? Что онъ, литераторъ, помѣщикъ или чиновникъ?

Примѣчаніе. Семейные литераторы на службѣ преимущественно принадлежатъ къ разряду «несостоятельныхъ». Кромѣ того, что литературный трудъ при талантѣ или трудолюбіи отлично теперь вознаграждается, литераторъ-чиновникъ подбивается всегда къ такому мѣсту, которое, прибавляя въ его жизни значительную долю комфорта, не отрывало бы его вмѣстѣ съ тѣмъ отъ поэтическихъ занятій. Замѣчено также, что служащій литераторъ болѣе другихъ раздражается, негодуетъ и считаетъ вопіющею несправедливостью, когда осмѣливаются его безпокоить служебными обязанностями, возлагаемыми на него крупнымъ жалованьемъ.

Гдѣ, на какой почвѣ, въ какихъ пространствахъ дѣйствуютъ по преимуществу «сомнительные почтенные люди»?

На это отвѣчать не трудно: отъ невскихъ береговъ до величаваго Эльбруса и даже дальше; отъ западныхъ нашихъ границъ вплоть до устья Амура.

Москва и, особенно, Санктъ-Петербургъ служатъ главнымъ театромъ дѣйствій.

Не имѣя возможности распространиться подробнѣе, раздѣлимъ общую семью «несостоятельныхъ» на три главные разряда: 1) *неслужащіе*, 2) *тѣ, которые въ отставкѣ*, 3) *состоящіе на дѣйствительной службѣ.*

I.

НЕСЛУЖАЩІЕ.

Передъ нами разстилаются во всѣ стороны неоглядныя поля; рожь давно выколосилась и переливается изъ края въ край золотыми волнами; надъ нею, въ голубомъ небѣ, звонко, весело заливаются жаворонки; теплый вѣ-

терокъ сладко щекочетъ ноздри нѣжнымъ запахомъ полевыхъ цвѣтовъ. Но что значитъ этотъ ароматъ передъ тѣмъ, который носится надъ палисадникомъ помѣщичьяго дома? Домъ виднѣется въ сторонѣ отъ деревни и тѣшитъ глазъ своею красною тесовою крышей, выступающею на темномъ фонѣ стараго липоваго сада. Какой милый, привлекательный видъ! Широкій балконъ защищенъ отъ солнца полосатыми маркизами; вы сходите шестью ступенями въ палисадникъ; оттуда открывается видъ на луга и прудъ съ наклоненными головастыми ветлами...

Пріятное впечатлѣніе нимало не нарушается при входѣ въ домъ; напротивъ того, хозяйка дома — милѣйшая изъ женщинъ; хозяинъ — добрѣйшій изъ людей; васъ обступаетъ толпа дѣтей, одинъ привлекательнѣе другого. Съ перваго взгляда вы убѣждаетесь, что жизнь проходитъ здѣсь въ мирѣ, довольствѣ, счастіи. Васъ ведутъ въ гостиную и усаживаютъ на мягкій диванъ; вокругъ разсыпаны въ изобиліи кипсеки, изящныя бездѣлушки, картины, обличающія тонкій вкусъ и высокую степень просвѣщенія.

Но не станемъ распространяться о жизни помѣщика; къ чему повторять то, что столько разъ и притомъ съ такою поразительною вѣрностью описывалось нашими повѣствователями?

Разъ, въ этомъ домѣ, даже въ этой самой гостиной, происходилъ такой разговоръ:

— Сколько всего-на-все получаемъ мы въ годъ доходу? спрашиваетъ жена.

— Если считать сады и мельницу, выйдетъ около пяти тысячъ, возражаетъ мужъ, устремляя грустный взглядъ черезъ дверь въ палисадникъ, облитый солнцемъ:— какъ видишь, продолжаетъ онъ: — съ такими деньгами намъ невозможно жить въ Москвѣ или Петербургѣ и пользоваться всѣмъ, чѣмъ здѣсь пользуемся; здѣсь мы живемъ соотвѣтственно нашему положенію; тамъ, съ тѣми же средствами, принуждены будемъ жить чуть ли не бѣдняками!.. А между-тѣмъ, переѣхать необходимо; ты сама это знаешь: необходимо оставить этотъ домъ, который такъ милъ, необходимо проститься съ тихою жизнью,

которая намъ обоимъ такъ по сердцу! Мы должны принести эту жертву для дѣтей... Ты, конечно, хорошо приготовила Катю и Машу, но онѣ уже въ такомъ возрастѣ, что имъ необходимъ фундаментальный учитель музыки; необходимъ такъ-же учитель англійскаго языка (теперь это неизбѣжно, всѣ учатся по-англійски), такъ-же учитель танцевъ; cela développe! Что-жь касается Пети и Васи, ими тоже пора серьезно заняться; я, конечно, готовъ былъ бы отдать ихъ въ пансіонъ, къ какому-нибудь хорошему учителю, который взялся бы приготовить ихъ основательно, готовъ былъ бы разстаться съ ними...

— Нѣтъ, нѣтъ, ни за что! съ жаромъ перебиваетъ жена.

— То-то и есть! И тебѣ больно, и мнѣ также. Изъ этого слѣдуетъ, что надо ѣхать въ столицу; но какъ это сдѣлать? Вотъ вопросъ... Какъ тамъ жить при нашихъ теперешнихъ средствахъ?.. Другого выхода нѣтъ, какъ поступить на службу и занять какое-нибудь мѣсто...

— Какое же мѣсто? спрашиваетъ жена.

— Все равно, мой другъ: все равно, лишь бы только отвѣчало оно моему общественному положенію и, вмѣстѣ съ тѣмъ, позволяло при нашихъ обстоятельствахъ сводить концы съ концами...

Прислушиваясь къ такимъ разговорамъ, сколько разъ восклицалъ я внутренно: «Остановись, милѣйшій изъ людей! Остановись, не досказывай послѣдней мысли! Разсуди, что любое мѣсто, которое ты такъ случайно займешь, требуетъ своего рода знанія и дѣятельности; подумай, что нѣтъ мѣста, которое не отвѣчало бы какой-нибудь общественной или государственной потребности, что въ сущности одно и то же; не приготовленный удовлетворить этой потребности, вы выполнишь ее криво и косо, вѣроятно, совсѣмъ не выполнишь, и это будетъ еще лучшее изъ того, что ты сдѣлаешь! Съ твоими пятью тысячами дохода, дѣти твои получатъ прекрасное образованіе; не встрѣчаемъ ли мы на каждомъ шагу дѣтей бѣдныхъ родителей, которые отлично воспитаны и образованы? Не часто ли видимъ мы, что чѣмъ больше стоили дѣти, тѣмъ меньше стоятъ они впослѣдствіи! Понимаю, что тебѣ

грустно разстаться съ удобствами и комфортомъ, тебя окружающими; даже глубоко сочувствую этому; но какъ быть? пожмись немножко, поубавь барской спеси, принеси эту жертву для дѣтей, какъ самъ ты прекрасно выразился!..»

Вы спросите, можетъ быть, почему я восклицалъ только внутренно и не высказывалъ своихъ мыслей явно друзьямъ моимъ?

Пробовалъ, неоднократно пробовалъ; но это обыкновенно ни къ чему не вело, или вело къ тому, что въ дружескія наши отношенія проникала такая порція холоду, которая окончательно ихъ замораживала.

Попробуйте-ка идти противъ убѣжденій, всосанныхъ съ молокомъ!—убѣжденій, которыя состоятъ въ томъ, что мѣста существуютъ исключительно для поправленія нашихъ домашнихъ обстоятельствъ; что казна и общество, располагающія мѣстами,—что-то въ родѣ богадѣленъ, гдѣ должны поить и кормить каждаго, кому только вздумается жить даромъ!

Все это столько разъ опрокидывало наповалъ собственныя мои убѣжденія, что я наконецъ упалъ духомъ и рѣшился никому ничего не говорить.

Иногда причина, заставляющая искать мѣсто, бываетъ такого рода:

Домъ, полосатыя маркизы, дѣти, палисадникъ, мягкій диванъ,—словомъ, вся внѣшняя и внутренняя обстановка могутъ, пожалуй, оставаться тѣ же; но только старшій сынъ Петенька ни за что не хочетъ учиться. Онъ переходитъ изъ одного пансіона въ другой, оттуда къ учителямъ, въ гимназію, изъ гимназіи снова отдаютъ его учителямъ, а между-тѣмъ малому минуло уже шестнадцать лѣтъ.

На семейномъ совѣтѣ рѣшаютъ наконецъ опредѣлить его юнкеромъ; тутъ же, кстати, рѣшаютъ, что мальчикъ съ младенчества обнаруживалъ всегда военныя наклонности; папаша припоминаетъ, какъ обрадовался разъ Петя, когда ему подарили пушку, барабанъ и каску; бабушка утверждаетъ, что любимѣйшею игрой Пети были всегда оловянные солдатики; тетушка безъ слезъ припомнить не

можетъ, какъ Петя всегда радовался, когда позволяли ему ѣздить верхомъ на сѣромъ коренникѣ и т. д. Проходитъ годъ, другой: Петя рѣшительно объявляетъ, что онъ скорѣе застрѣлится, чѣмъ останется служить въ пѣхотѣ; онъ во что бы ни стало хочетъ быть уланомъ или гусаромъ.

— Петя, другъ мой, — слабо, хотя тоскливо, возражаютъ отецъ и мать: — въ кавалеріи служить такъ дорого; мы не захотимъ, чтобы ты былъ хуже другихъ... и т. д.

Плачутъ, плачутъ, но покупаютъ лошадь, заказываютъ форму и дѣлаютъ походный нессесеръ подъ аплике.

Все это, конечно, стòитъ много денегъ, — не считая тѣхъ, которыя втихомолку суетъ мать, и тѣхъ, которыя тратитъ отецъ, чтобы заплатить долги Петруши. А между тѣмъ, Маша и Катя подростаютъ. Петя годъ отъ году убавляетъ приданое сестеръ. «Какъ быть? чтò дѣлать?» восклицаютъ нѣжные родители: «нынче молодежь стала такъ разсчетлива! Женихи не хотятъ уже довольствоваться прекраснымъ сердцемъ дѣвушки; ихъ не трогаетъ музыка, романсы и даже знаніе англійскаго языка; они говорятъ, что любовь безъ денегъ ничего больше, какъ пара лаковыхъ ботинокъ безъ подошвъ! Какъ ни бейся, слѣдовательно, надо искать мѣста!..»

Мѣсто получено.

Спустя нѣсколько времени, у васъ дѣло, судьба котораго въ рукахъ отца Петеньки, Маши и Кати. Съ первыхъ же словъ открываете вы, что отецъ, не взирая на доброту его сердца, глупъ какъ баранъ и не только ничего не можетъ рѣшить, но даже нарочно оттягиваетъ дѣло, чтобы надъ нимъ не трудиться.

«Чтó же это значитъ!» думаете вы. Но задавайте себѣ этотъ вопросъ хоть до второго пришествія, вы ровно ничего не рѣшите. Придетъ ли въ голову, что не захоти Петенька въ уланы и не нуждайся Маша съ Катей въ приданомъ, ничего бы этого не было; на этомъ мѣстѣ сидѣлъ бы другой господинъ, который можетъ быть сразу-бы рѣшилъ ваше дѣло!

Бываетъ также вотъ какъ: папенька и маменька столько же заботятся о Петѣ, Машѣ и Катѣ, сколько

слонъ о лайковыхъ перчаткахъ. Дѣти ростутъ какъ грибы, съ тою только разницей, что вторые произрастаютъ въ лѣсу, тогда какъ первыя въ домѣ. Они отлично ѣдятъ, пьютъ и спятъ, съ тѣмъ чтобы по выходѣ изъ родительскаго дома точно также умѣть ѣсть, пить, спать и родить дѣтей. Мыслительныя и духовныя способности маменьки поглощены нарядами. Когда что-нибудь не по ней, она, не говоря худого слова, даетъ оплеушины своимъ горничнымъ (теперь, впрочемъ, это выводится; какъ ни трудно побѣждать старыя привычки и обуздывать свои порывы, но, надо правду сказать, въ обузданіи ихъ видѣнъ уже нѣкоторый прогрессъ). Папенька, съ своей стороны, любитъ задавать пирушки. Можно думать, онъ бьетъ на то, чтобъ его выбрали въ предводители дворянства; ничуть не бывало! Въ немъ нѣтъ служебнаго тщеславія и на маковую росинку; онъ попросту человѣкъ весь на распашку, хлѣбосолъ, широкая натура; или онъ въ гостяхъ, или у него гости; пирушки смѣняются пирушками; сегодня всѣ у него на кулебякѣ, завтра онъ на разварной стерляди. «Деньги — навозъ, тогда только и приносятъ пользу, когда ихъ разбрасываютъ!» говоритъ онъ, хотя и не читалъ политической экономіи. Наступаютъ выборы, надо ѣхать, а денегъ нѣтъ, — закладывай деревню! Наступаютъ именины жены, званъ весь уѣздъ, обѣщанъ балъ, а денегъ нѣтъ, — продавай рощу! и т. д. Въ одинъ прекрасный день открывается, что въ долгъ никто уже не вѣритъ и перекусить нечего; продавать, закладывать также нечего. Словомъ, какъ говорится: позавтракали трюфлями, пообѣдали хлѣбомъ, пришлось ужинать стаканомъ воды.

— Мой другъ, мы разорены! восклицаетъ жена, заламывая отчаянно руки и обливаясь потоками слезъ.

— Успокойся, душенька!... Успокойся ради самого неба! нѣжно возражаетъ супругъ: — дѣла наши, конечно, очень плохи, но положеніе еще не безвыходное!... Мы всю нашу жизнь кормили и поили уѣздъ; насъ не оставятъ!... Скоро выборы, буду хлопотать о мѣстѣ, и заранѣе тебѣ ручаюсь за успѣхъ!...

Послѣ выборовъ являетесь вы въ общество сосѣдей,

только-что пріѣхавшихъ изъ губернскаго города (у всѣхъ еще горло хрипитъ отъ криковъ и желудки разстроены отъ обѣдовъ).

— Кого выбрали въ исправники? спрашиваете вы.

— Ананасова.

— Какъ, Ананасова? Того самаго Ананасова, который проѣлъ и пропилъ свое имѣніе? Онъ раззорилъ свою деревню, а вы выбрали его устраивать уѣздъ! Всѣмъ извѣстно, что Ананасовъ безпутнѣйшій человѣкъ, и сверхъ того лѣнтяй и тунеядецъ перваго номера, какъ только дѣло нейдетъ объ обѣдѣ или травлѣ зайца...

— Конечно, — возражаютъ вамъ: — что говорить! все это такъ; но съ другой стороны нельзя же... Онъ все-таки добрый, благородный человѣкъ... Притомъ, надо также взять въ разсчетъ то обстоятельство: у него такое многочисленное семейство!...

Весь уѣздъ ломаетъ себѣ шею, подводы всюду завязаютъ, даромъ что мужички тщательно объѣзжаютъ всѣ мосты; въ продолженіи года по деревнямъ скрывается опасный бродяга, бѣжавшій изъ острога и котораго поймать никакъ не могутъ; дѣла земскаго суда лежатъ подъ спудомъ; вы говорите объ этомъ всѣмъ и каждому, указываете на Ананасова, который проводитъ дни, попивая чай съ лимономъ; намекаете на обѣды, которые онъ снова началъ задавать; не пропускаете даже того обстоятельства, что онъ завелъ уже садокъ съ налимами и стерлядями и занимается ими больше, чѣмъ своею службой; на все это отвѣчаютъ вамъ:

— Конечно, правда; но что-жъ дѣлать, посудите: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ!..

Спускаясь ниже по ступенямъ помѣщичьей обстановки, мы встрѣчаемъ совершенно такіе же симптомы; разница въ томъ только, что тутъ скромнѣе требованія: все ограничивается мѣстомъ смотрителя магазиновъ, или непремѣннаго члена,—помощника исправника· Этотъ непремѣнный членъ не напоминаетъ-ли вамъ слѣдующаго: «Софронъ, что̀ ты дѣлаешь? — Ничего! — Ну, а ты, Антонъ, чѣмъ занимаешься?—Подсобляю Софрону!»—Но это мимоходомъ.

Былъ у меня пріятель, нѣкто Сюсюкинъ. На долю его выпала очень миленькая деревушка душъ въ шестьдесятъ. Жить было бы очень можно. Но вмѣсто того, чтобы заняться устройствомъ Рожновки (такъ звали деревню), чего всѣ мы ждали, зная Сюсюкина за чадолюбиваго отца, онъ началъ съ того, что купилъ старшей дочери (ей было тогда семь лѣтъ) рояль, женѣ прехорошенькій фаэтонъ, а для себя собственно завелъ три своры борзыхъ. Пріѣзжаетъ онъ разъ къ Петру Степановичу Люлюкову, родственнику, занимавшему въ уѣздѣ видное мѣсто.

— Послушай, Вольдемаръ, говоритъ ему Люлюковъ:- вѣрю, что ты разстроился; вѣрю, вполнѣ, братецъ, сочувствую твоему положенію; основываясь на этомъ, совѣтывалъ бы тебѣ послужить. Что говорить! — скучно; ты не привыкъ стѣснять себя, но теперь мѣстечко бы тебѣ пригодилось...

— Какое же я могу занять мѣсто?..

— Конечно, для начала нельзя быть очень взыскательнымъ; начни съ маленькаго; оно прочиститъ тебѣ дорогу къ другому; оно дастъ мнѣ поводъ предложить тебя на выборахъ къ другой должности...

— Что-жъ мнѣ дѣлать!..

— Возьми теперь пока мѣсто смотрителя сельскихъ магазиновъ...

— Въ чемъ же состоитъ эта обязанность?

— Получать жалованье! сказалъ Люлюковъ, лукаво подмигивая лѣвымъ глазомъ.

— Какъ? И больше ничего?

— Ничего рѣшительно!

И точно; съ полученіемъ мѣста, Сюсюкинъ точно канулъ въ воду; въ продолженіе двухлѣтней его службы, ни одинъ магазинъ не видалъ его въ глаза.

Разъ одному изъ такихъ небогатыхъ помѣщиковъ я сунулся-было посовѣтовать заняться устройствомъ образцоваго постоялаго двора въ нашемъ уѣздномъ городѣ. Меня дѣйствительно тронуло отчаянное положеніе, въ которомъ находилось его семейство, состоящее изъ жены, бабки, престарѣлой тёщи и восьмерыхъ дѣтей, малъ-мала-

меньше. Боже, еслибъ вы только видѣли, какъ онъ обидѣлся! На меня напустились даже и другіе сосѣди.

— Какъ? Что̀ вы говорите! Въ чемъ же тогда будетъ отличіе между дворяниномъ и простымъ дворникомъ? и т. д.

А между-тѣмъ никто для него ничего не дѣлалъ. Потомъ уже узналъ я, что, когда онъ съ горя сдѣлался отчаяннымъ пьяницей, надъ нимъ сжалилась одна добрая душа и предложила его въ непремѣнные члены земскаго суда.

Переходя отъ помѣщиковъ къ дворянамъ-домовладѣльцамъ, мы встрѣчаемъ до такой степени одинаковые случаи, что рѣшительно считаемъ лишнимъ о нихъ распространяться. За рѣдкими исключеніями, домъ — тоже деревня; какъ здѣсь, такъ и тамъ, нравы, потребности, взглядъ на вещи остаются неизмѣнно тѣ же.

Считаю не лишнимъ замѣтить однакожъ, что какъ первые, такъ и послѣдніе (не выключая изъ того числа ученыхъ и художниковъ, не служащихъ, но чающихъ опредѣлиться на службу), всѣ чувствуютъ въ равной степени неодолимое отвращеніе отъ частныхъ занятій, промышленности, службы по конторамъ, частнымъ заводамъ, фабрикамъ и т. д.; они съ одинаковымъ рвеніемъ хлопочутъ о казенномъ, или, какъ еще говорится, коронномъ мѣстѣ.

Оно и понятно.

Въ первомъ случаѣ волей-неволей надо работать; даромъ не дадутъ денегъ; чуть-чуть что̀—и откажутъ. Казенное мѣсто (въ этомъ собственно заключается главное убѣжденіе «несостоятельныхъ почтенныхъ людей, обремененныхъ многочисленнымъ семействомъ»), во-первыхъ, легче достать; во-вторыхъ, оно ни къ чему почти не обязываетъ. Того и смотри, дадутъ еще крестъ, аренду или пенсію.

Примѣчаніе. Одинъ господинъ, которому прочелъ я эту главу въ рукописи, сообщилъ мнѣ слѣдующіе два разговора, подслушанные имъ въ разныхъ концахъ нашего отечества; помѣщаемъ ихъ съ благодарностью:

— Милостивый государь, говорилъ промотавшійся помѣщикъ одному важному лицу, у котораго просилъ мѣста:—даю вамъ мое благородное дворянское слово!..

— Дайте лучше просто честное слово, это будетъ вѣрнѣе! перебилъ тотъ.

— Славное у меня мѣсто! сказалъ разъ нѣкто Бодасовъ своему пріятелю.

— Ты хочешь сказать: доходное!

— Ты привязываешься къ словамъ: не все-ли это равно! весело возразилъ Бодасовъ.

II.

Отставные.

Не желая затруднять читателя многосложными выводами и опредѣленіями, скажемъ коротко и ясно, что въ категорію «отставныхъ несостоятельныхъ почтенныхъ людей» не входятъ:

Во-первыхъ, лица высшихъ общественныхъ положеній и тѣ также, которыя достигли извѣстныхъ уже степеней на служебномъ поприщѣ. Причина ясная: такія лица никогда почти не бываютъ въ чистой отставкѣ. Лишившись одного мѣста, они тотчасъ же получаютъ другое, часто несравненно лучше перваго. Примѣръ этого встрѣчаемъ мы въ началѣ этого очерка, и надѣемся, онъ не первый и не послѣдній.

Во-вторыхъ, лица, вышедшія въ отставку по своему желанію. Они или богаты, или руководились въ этомъ случаѣ особенными убѣжденіями. Въ обоихъ случаяхъ, какъ тѣ, такъ и другіе тщательно избѣгаютъ службы, развѣ призоветъ ихъ къ тому само общество съ ясными доказательствами, какъ они для него необходимы.

Втретьихъ, лица, отставленныя не по своей винѣ.

Послѣднія у насъ чуть-ли не исключеніе.

Нельзя же предполагать въ самомъ дѣлѣ такой ужъ

страшный наплывъ способныхъ или превосходныхъ личностей, чтобы подъ конецъ ими вовсе не дорожили.

Остается, слѣдовательно, говорить о тѣхъ отставныхъ, которые, имѣя чѣмъ жить, не довольствуются своимъ состояніемъ и лѣзутъ изъ кожи, чтобы снова поступить на службу.

Первый взглядъ на индивидуума такого рода сопровождается всегда вопросомъ: «отчего онъ въ отставкѣ?..»

Вопросъ самымъ невольнымъ образомъ бросаетъ нѣкоторую тѣнь подозрѣнія на человѣка.

Положимъ, онъ лишился мѣста не по своей винѣ.

Тогда является слѣдующее размышленіе:

Слухъ, молва, замѣняющія у насъ пока такъ успѣшно газеты, даютъ оцѣнку въ своихъ кругахъ каждому дѣйствительно полезному человѣку. Молва сыщетъ его въ отставкѣ. Ему предложатъ сто частныхъ мѣстъ прежде, чѣмъ онъ подумаетъ просить ихъ.

— Какъ же могло случиться, что ты въ отставкѣ? спрашиваешь себя снова, и вмѣстѣ съ этимъ, самъ собою, приходитъ въ голову случай съ Самосвистовымъ.

— Тебя отставили? спросилъ N. N., встрѣтивъ на улицѣ Самосвистова.

— Да, и совершенно напрасно; даже глупо сдѣлали, что отставили: я только-что устроилъ свои дѣла и готовился было приняться за служебныя...

Отставные «сомнительные» рѣдко служили по гражданскому вѣдомству.

Сидѣнье-ли на департаменскихъ и канцелярскихъ стульяхъ соединено уже съ тѣмъ, чтобы пріучать природу человѣка къ осѣдлости; мирныя-ли бумажныя занятія способствуютъ къ тому, чтобъ охлаждать темпераментъ и воображеніе, но только чиновникъ (за исключеніемъ развѣ экстренныхъ случаевъ) рѣдко выходитъ изъ колеи, въ которую разъ вдвинула его судьба. Онъ обращается къ пройденному поприщу безъ сожалѣнія, но и безъ злобы; поглядывая съ улыбкой кротости и умиленія въ будущее, онъ спокойно, безъ лихорадочной торопливости, двигается впередъ по предписанной ему дорогѣ. Дорога не всегда шоссейная, это правда; чины,

разставленные по ней, какъ версты, постепенно затушевываются по мѣрѣ ихъ отдаленія; онъ, не унывая однакожъ, идетъ впередъ. Словомъ сказать, чиновникъ остается чиновникомъ до скончанія своего вѣка.

Исключенные изъ службы по своей винѣ (это обыкновенно или страшные тупицы, для которыхъ слѣдовало бы устроить особую богадѣльню, страннопріимный домъ, или что нибудь въ этомъ родѣ, или положительно никуда уже негодные люди), они рѣдко ищутъ мѣста; тѣмъ рѣже это случается, чѣмъ долѣе сидѣли они на службѣ. Вообще замѣчено, что люди, привыкшіе къ воздуху и почвѣ департаментовъ и канцелярій, легко уподобляются тѣмъ растеніямъ, которыя не выносятъ пересадки, не уживаются на новой почвѣ; они положительно вянутъ, чахнутъ, большею частію спиваются съ кругу, гибнутъ или влачатъ презрѣнную жизнь, поддерживаясь на счетъ жены, которая съ дѣтьми клеитъ коробочки для аптекъ или выпрашиваетъ подаяніе посредствомъ извѣстнаго рода писемъ.

Нужно ли говорить, что самый кровный, самый породистый типъ «отставныхъ сомнительныхъ людей обремененныхъ семействомъ», поступаетъ въ эту категорію прямо изъ служившихъ прежде въ военномъ вѣдомствѣ?

Вы узнаете такого субъекта по слѣдующимъ примѣтамъ,—не считая, конечно, упорнаго стремленія занять казенное мѣсто:

Онъ всегда въ нѣкоторомъ родѣ проливалъ кровь за отечество, и если въ отставкѣ, то причиной этому злые люди, личные враги, не разъ даже посягавшіе на его жизнь.

Онъ скорѣе готовъ будетъ, кажется. вычистить вамъ сапоги, чѣмъ показать свой формулярный списокъ.

Вы просите его объяснить, хоть приблизительно, какого рода желаетъ онъ мѣсто; ему совершенно все равно; онъ готовъ куда угодно,—лучшее доказательство, что онъ никуда не годенъ.

Онъ съ особеннымъ стараніемъ напираетъ всегда на фразу: «многочисленное семейство», и придаетъ ей особенно чувствительную интонацію.

Слушая его, можно думать, что общество, правительство, наконецъ вы сами виноваты отчасти, что у него такъ много дѣтей.

Напрасно будете вы увѣрять его, что въ этомъ нѣтъ особенной заслуги, что такое обстоятельство могло развѣ поощряться въ древнія времена ради вопроса заселенія или пожалуй и теперь, но только на пустынныхъ берегахъ Амура; онъ непоколебимо остается при убѣжденіи, что дѣти даютъ ему право на особенное вниманіе общества. Онъ будетъ настаивать на этомъ до тѣхъ поръ, пока вы не объявите рѣшительно, что не желаете встрѣчаться съ нимъ на пути жизни.

Но этимъ еще не кончится. Въ скоромъ времени (если только вы лицо вліятельное), вы получаете письмо отъ знакомаго господина или дамы (чаще отъ дамы); въ немъ говорится, что такой-то господинъ былъ у васъ, просилъ о мѣстѣ и безуспѣшно; васъ просятъ войти въ его положеніе и постараться опредѣлить его.

— Вы писали мнѣ о такомъ-то? спрашиваете вы, встрѣчая господина или даму, писавшихъ письмо.

— Да; вы его опредѣлили?

— Нѣтъ.

— Ахъ, какой вы, право, ужасный человѣкъ!

— Помилуйте, съ какой же мнѣ стати опредѣлять его! Что онъ, инвалидъ что ли?

— Нѣтъ, но у него такое многочисленное семейство.

— Старшіе дѣти его, я справлялся, опредѣлены на казенный счетъ; объ остальныхъ я буду хлопотать; что-жъ касается до него, онъ можетъ работать.

— Помилуйте, ему уже пятьдесятъ лѣтъ! Какая тутъ работа!

— Начать съ того, что люди старѣе этого да работаютъ; во-вторыхъ, у него пенсія.

— Онъ говоритъ, что этого ему недостаточно...

— Ну это его дѣло; зачѣмъ не умѣлъ онъ быть полезнымъ на столько, чтобъ остаться на службѣ...

— Фи, какой вы холодный человѣкъ!

Когда субъектъ такого рода достигаетъ довольно крупнаго чина, онъ очень охотно принимаетъ мѣсто

управляющаго большимъ имѣніемъ въ хлѣбородныхъ губерніяхъ, берется управлять заводомъ, снисходить даже до смотрителя большого казеннаго дома. Но положительно можно сказать, когда чинъ не великъ, любимѣйшимъ мѣстомъ «отставнаго несостоятельнаго» всегда было, есть и будетъ мѣсто городничаго.

Назойливость, съ какою преслѣдуется должность городничаго, объясняется не прежде, какъ когда встрѣтите вы вашего просителя въ уѣздномъ городѣ, встрѣтите его жирнымъ, расплывшимся, сидящимъ на пролеткѣ, возимой лошадьми пожарной команды, и провожаемаго низкими, не столь почтительными, сколько робкими поклонами мѣстныхъ торгующихъ купчиковъ и мѣщанъ.

III.

СЛУЖАЩІЕ.

Обратимся снова къ важному лицу, о которомъ упоминается на первой страницѣ по поводу серебрянаго кубка.

Примѣръ этотъ, указывая только съ одной стороны, какъ рѣдки въ настоящее время герои, способные добровольно отказываться отъ даровыхъ земныхъ благъ, объясняетъ съ другой стороны, что недостаточно еще служить и даромъ получать жалованье, чтобы поступить въ категорію «несостоятельныхъ, служащихъ почтенныхъ людей». Для этого необходимо еще не довольствоваться своимъ мѣстомъ, необходимо лично или черезъ посредство покровителей стремиться къ болѣе выгоднымъ назначеніямъ, если можно, стараться даже занять въ одно время два, три и болѣе мѣста.

Если предположить, что въ основаніе такого рода дѣйствій входитъ поговорка: «рыба ищетъ гдѣ глубже, человѣкъ ищетъ гдѣ лучше», то прямо можно сказать, что «сомнительные почтенные люди» руководствуются ложнымъ принципомъ.

Рыба, уходя въ глубину морскую, ищетъ обыкновенно

тишины, уединенія, спокойствія; такое стремленіе прямо даже говоритъ въ пользу ея мирныхъ наклонностей. Лежа на брюхѣ, пропуская воду черезъ жабры, проглатывая время отъ времени собрата, для поддержанія существованія, она въ сущности не приноситъ особенной пользы, но также не причиняетъ особаго зла; въ морѣ остается все столько же рыбы и столько же воды. Нептуну и другимъ морскимъ божествамъ все равно, слѣдовательно, опускается ли рыба въ глубину, или идетъ на поверхность моря; въ обоихъ случаяхъ она имъ ничего нестоитъ. Кто знаетъ также, быть-можетъ, вовсе не лѣнь и не любовь къ комфорту влекутъ рыбу на дно морской пучины; она ищетъ тамъ спасенія отъ лютаго врага, отъ хищной акулы; вотъ эта послѣдняя такъ всегда почти лѣзетъ вверхъ, всегда рыщетъ въ какомъ-то безпокойствѣ, всегда пучитъ глаза свои съ такимъ жаднымъ, ненасытнымъ видомъ, какъ-будто ей мало плавать въ одномъ морѣ,—нѣтъ, нельзя ли еще разомъ плескаться въ трехъ-четырехъ моряхъ.

Итакъ, если ужъ пошло на сравненіе съ рыбами, вѣрнѣе будетъ, кажется, сравнить служащихъ лицъ, стремящихся зацѣпить нѣсколько мѣстъ разомъ, — съ рыбой акулой.

Свойства совершенно тѣ же. Разница единственно въ томъ, что послѣдняя дѣйствуетъ въ морѣ, тогда какъ первые на сушѣ; разница, пожалуй, еще въ наружномъ видѣ.

Наружность двуногихъ акулъ представляется большею частію въ чрезвычайно отшлифованномъ, привлекательномъ видѣ. Ихъ отличаетъ солидная и въ то же время красивая поступь, пріятность манеръ и любезность; многіе могутъ даже служить образцами въ знаніи утонченныхъ свѣтскихъ пріемовъ.

Вы очарованы обращеніемъ великолѣпнаго Македонскаго, очарованы его казенною квартирой, отдѣланною со вкусомъ, приносящимъ величайшую честь штатному архитектору, служащему въ томъ же вѣдомствѣ, очарованы также дѣтьми Македонскаго, маленькими Македонскими, получающими такое изящное и фундаменталь-

ное образованіе въ казенныхъ заведеніяхъ; очарованы госпожею Македонской, успѣвшею еще сохранить поэтическую прелесть своего институтскаго воспитанія; но все это именно и ставитъ васъ въ тупикъ, когда узнаете вы, что Македонскій хлопочетъ еще примкнуть къ своей должности директорство такого-то спеціальнаго завода.

«Боже, чего-жъ еще надо?» восклицаете вы въ наивности души. Но, можетъ-быть, приходитъ вамъ тутъ же въ голову, можетъ быть Македонскій особенно изучалъ такую-то отрасль промышленности; можетъ-быть имъ руководитъ мысль, «что, конечно, тяжело занимать два мѣста, но что же дѣлать? каждый долженъ быть готовъ жертвовать своимъ временемъ и спокойствіемъ, когда дѣло идетъ о пользѣ, которую мы можемъ принести...»

Ничуть не бывало!

Здѣсь вопросъ снова разрѣшается Петенькой, Машей и Катей; снова открывается, что общество или такая-то промышленность въ полной зависимости отъ Пети, Маши и Кати, и должны отвѣчать за устройство ихъ будущаго благосостоянія.

Пораженный такою странностью, начинаешь наблюдать за Македонскимъ; стараешься дознаться, чѣмъ будутъ руководствоваться при опредѣленіи его къ директорству новой спеціальной части. Открывается... Но это уже составляетъ достояніе слѣдующей главы, гдѣ разсуждается о томъ, за что даютъ мѣста и какъ они пріобрѣтаются.

Какъ видите, соединеніе въ одномъ лицѣ литератора, помѣщика и чиновника не такъ еще удивительно, какъ соединеніе въ одномъ лицѣ нѣсколькихъ, часто самыхъ разнородныхъ должностей.

Наблюденія наши нерѣдко приводили насъ къ открытію большой непослѣдовательности, чтобы не сказать безсмыслицы.

Такъ, напримѣръ, всѣмъ извѣстно, Опухловъ всю свою жизнь посвятилъ изученію свойствъ хлѣбныхъ зеренъ; смотришь, ему неожиданно дали мѣсто директора стеариноваго завода. Мерлушкинъ довелъ игру въ пикетъ и палки до степени высокаго художества; смотришь, онъ

занимается успѣшнымъ разведеніемъ рыбы въ прѣсныхъ водахъ имперіи и т. д.

— Скажите пожалуйста, спросилъ разъ М* у своего пріятеля:—на какомъ основаніи К* засѣдаетъ въ Т* комитетѣ?

— А какъ же? Вѣдь у него собственный домъ на Литейной! отвѣчалъ пріятель.

И точно, другого основанія не было.

Затѣмъ слѣдуетъ еще опредѣленіе къ такимъ мѣстамъ, которыя ни къ чему не обязываютъ, гдѣ положительно нечего дѣлать, или гдѣ можно ничего не дѣлать...

Такихъ мѣстъ много; мы ограничимся хоть мѣстами докторовъ и архитекторовъ казенныхъ мѣстъ, такъ-какъ мы не говорили еще о служащихъ ученыхъ и художникахъ.

Уже титулъ «свободный художникъ» ясно говоритъ, кажется, что архитекторъ лицо частное, вольнопрактикующее. Но многимъ архитекторамъ недостаточно еще, если ихъ пригласятъ произвести или поправить такую-то постройку, точно также, какъ недостаточно многимъ докторамъ дѣлать свои визиты частнымъ образомъ. Тутъ вѣдь въ виду только деньги; это само собой; но кто себѣ врагъ, отчего же не получать чины, кресты, казенную квартиру, дрова и свѣчи, когда представляется возможность? Доходя такимъ образомъ до зубныхъ врачей, которые точно также занимаютъ коронныя мѣста, мы всегда удивлялись, какъ еще сдерживаетъ до сихъ поръ свою зависть все неслужащее человѣчество!

— Вы намѣрены, кажется, передѣлать печи? спросилъ В. у Ф.

— Да.

— Совѣтую вамъ пригласить архитектора Z; онъ особенно много занимался новыми системами отопленія.

— Зачѣмъ же? у насъ свой архитекторъ.

— Сколько онъ получаетъ?

— Семьсотъ рублей жалованья, квартиру, отопленіе, освѣщеніе и, сверхъ того, награду въ концѣ года.

— Прекрасно; помнится, вы говорили, что въ десять послѣднихъ лѣтъ у васъ въ домѣ не происходило ника-

кихъ построекъ и перемѣнъ; вы стало-быть даромъ истратили семь тысячъ рублей, не считая, чего стоитъ квартира, дрова и т. д.

— Все это такъ, мой почтеннѣйшій; но что же дѣлать, когда въ штатѣ у насъ полагается архитекторское мѣсто? Къ тому же, признаться, я самъ хлопоталъ объ опредѣленіи къ намъ теперешняго нашего архитектора.

— Что же побудило васъ къ этому? экономія?

— Нисколько; во-первыхъ, онъ прекраснѣйшій человѣкъ; во-вторыхъ, слѣдовало тоже взять въ разсчетъ и то обстоятельство: онъ обремененъ такимъ многочисленнымъ семействомъ!..

Тотъ же разговоръ можетъ съ успѣхомъ прикидываться къ докторамъ, зубнымъ врачамъ, окулистамъ, акушерамъ и т. д.

Не думаете ли вы, что все это создано съ тою исключительною, благодѣтельною цѣлью, чтобъ избавить начальствующихъ лицъ отъ траты денегъ, когда имъ, или, все равно, ихъ женамъ, дочерямъ и родственницамъ требуется вырвать зубъ, вылечить мигрень или дешево выстроить дачу?

Москва, но еще больше Петербургъ, служитъ главнымъ притокомъ всѣмъ чающимъ прирастить къ своимъ доходамъ доходы казенныхъ мѣстъ. Вслѣдствіе этого можно сказать безъ преувеличенія, что теперь въ Петербургѣ одно только свободное мѣсто, именно—Исаакіевская площадь!

IV.

СПОСОБЫ ПРІОБРѢТЕНІЯ МѢСТЪ И ПРИЧИНЫ ОПРЕДѢЛЕНІЯ КЪ МѢСТАМЪ.

На свѣтѣ даромъ ничего не дѣлается. Участіе, которое одинъ человѣкъ принимаетъ въ судьбѣ другого, необходимо должно на чемъ-нибудь основываться. Это такія истины, противъ которыхъ, конечно, никто не станетъ спорить.

Лица со вліяніемъ (каждый человѣкъ, сравнительно, вліятеленъ передъ другимъ, стоящимъ ниже его на ступеняхъ общественной лѣстницы) должны, слѣдовательно, точно также руководствоваться какимъ-нибудь мотивомъ, чтобы стараться объ опредѣленіи ближняго.

Однимъ управляетъ въ отношеніи къ вамъ сердечное влеченіе; другой питаетъ несомнѣнную увѣренность въ вашихъ способностяхъ, талантахъ, честности, знаніи и проч.; третій беретъ во вниманіе тѣ услуги, которыхъ вправѣ будетъ отъ васъ требовать и т. д.

«Сомнительный почтенный человѣкъ, обремененный многочисленнымъ семействомъ», получивъ мѣсто, можетъ иногда ничего не дѣлать; но чтобы получить мѣсто, онъ неизбѣжно долженъ дѣлать что-нибудь.

Умноженіе семейства считается въ этомъ случаѣ ни во что. Мы знаемъ множество примѣровъ, которые доказываютъ, что повтореніе фразы «многочисленное семейство...» и даже самый фактъ, что дѣтей дѣйствительно было изобиліе, ровно ни къ чему не послужили. За такими примѣрами ходить не далеко.

Всѣмъ было извѣстно, что Яхонтовъ, словно какъ нарочно, родился для такой-то должности; всю свою жизнь посвятилъ онъ изученію своей части. Однажды баронъ Фукъ, лицо, отъ котораго зависѣло мѣсто, приглашаетъ къ себѣ Яхонтова. Поговоривъ съ нимъ, баронъ Фукъ находитъ въ немъ человѣка основательнаго и между прочимъ обращаетъ къ нему такую рѣчь:—«Вижу, вы точно превосходный хозяинъ; послушайте: я купилъ недавно имѣніе и мнѣ хотѣлось бы пріобрѣсти для него машины; будьте такъ добры, выберите мнѣ ихъ у лучшаго нашего механика; я отмѣтилъ что мнѣ нужно на этомъ спискѣ».— Яхонтовъ ѣдетъ къ механику; машины куплены. «Онѣ стоятъ двѣ тысячи рублей и механикъ требуетъ половину денегъ немедленно», говоритъ Яхонтовъ, возвращаясь къ барону Фуку. У послѣдняго въ это время какъ нарочно не случилось денегъ; Яхонтовъ сказалъ, что это ничего,— и взялся отдать изъ своихъ. Проходитъ недѣля, другая; механикъ неотступно пристаетъ къ Яхонтову, прося его объ уплатѣ второй половины. Яхонтовъ отправляется къ

барону и деликатно разсказываетъ ему дѣло. Баронъ Фукъ выслушалъ его на этотъ разъ съ явнымъ неудовольствіемъ:—«пусть подождетъ», сказалъ онъ. Проходитъ мѣсяцъ. Механикъ лѣзетъ съ ножомъ къ горлу и грозитъ скандаломъ. Яхонтовъ снова ѣдетъ къ барону. На этотъ разъ баронъ, оглянувъ его съ удивленіемъ, отдалъ ему сполна всѣ деньги. Но уже съ этого дня надежду получить мѣсто какъ рукой сняло.

Тутъ многочисленности семейства было недостаточно, говорили пріятели Яхонтова,—слѣдовало еще, и это главное, слѣдовало Яхонтову *понять* барона Фука.

«Несостоятельные почтенные люди», отыскивающіе мѣсто, кромѣ дѣтей, должны еще запасаться или быть надѣлены отъ природы особенною понятливостью, тонкимъ чутьемъ, находчивостью, изобрѣтательностью, ловкостью, передъ которой умѣнье пройдти по проволокѣ или канату сущее ребячество. Нигдѣ быть-можетъ не требуется столько такта, сколько на трудномъ пути отыскиванія хорошаго выгоднаго, мѣста.

Вотъ вамъ, напримѣръ, образчикъ безтактности:

Кислякову не везло; сколько ни бился онъ, сколько за него ни хлопотали, начальникъ не обращалъ на него вниманія. Кисляковъ рѣшился наконецъ лично дѣйствовать; для этой цѣли онъ началъ съ того, что выходилъ на улицу, какъ только начальникъ отправлялся гулять; онъ принялъ намѣреніе попадаться ему какъ можно чаще и каждый разъ отвѣшивалъ ему низкій поклонъ. Онъ хотѣлъ этимъ выразить ему свою почтительность, уваженіе и вмѣстѣ съ тѣмъ хотѣлъ обратить на себя выгодное вниманіе начальника. Вотъ однакожъ что вышло послѣ первыхъ трехъ попытокъ: начальникъ призвалъ ближайшаго начальника Кислякова и сказалъ ему сухо, даже съ сердцемъ: «Вашъ Кисляковъ рѣшительно надоѣлъ мнѣ; онъ поминутно кланяется мнѣ на улицѣ и тѣмъ самымъ заставляетъ меня самого, на морозѣ, вынимать руки изъ кармановъ и снимать ему шляпу; внушите ему, что кланяются только знакомымъ; кромѣ того, что я вижу въ этомъ фамильярность, онъ рѣшительно меня безпокоитъ; внушите ему это, пожалуйста!»

Съ этого времени несчастный Кисляковъ пропалъ совершенно и, сколько ни хлопоталъ, никуда уже не могъ опредѣлиться.

Добросовѣстные изслѣдователи «несостоятельныхъ» положительно утверждаютъ, что вообще плохо также достигаютъ своихъ цѣлей люди талантливые и такіе также, которыхъ называютъ: горячія головы. Первымъ сильно вредитъ излишекъ самолюбія, обидчивости и даже нѣкотораго достоинства; вторые идутъ по большей части напроломъ, лѣзутъ прямо съ параднаго крыльца, не подозрѣвая, что съ этой стороны несравненно больше препятствій, чѣмъ съ задняго хода. Человѣкъ разсудительный отлично понимаетъ, что фортуна покровительствуетъ смѣльчакамъ только развѣ въ военномъ дѣлѣ. Основываясь на этомъ, въ то время, какъ горячія головы, не разбирая преградъ, берутъ приступомъ парадную лѣстницу,—люди разсудительные пробираются по черной, знакомятся съ камердинеромъ, предлагаютъ крестить у него ребенка или, все равно, предлагаютъ имъ другое что-нибудь не менѣе пріятное. Такой пріемъ имѣетъ даже особый техническій терминъ; это называется: *снюхаться, войдти въ сношенія или соприкосновенія.* Признано вообще, что въ извѣстныхъ случаяхъ успѣшнѣе дѣйствовать снизу вверхъ, чѣмъ сверху внизъ.

Аксіома. Человѣкъ, носящій въ головѣ одну назойливую мысль и постоянно ее развивающій, сильнѣе того, у кого въ головѣ копошится обиліе мыслей.

Примѣры. Одно, очень важное лицо имѣло весьма простительную слабость для человѣка уже преклонныхъ лѣтъ—поддерживать свою наружность разными косметическими средствами. Взглянувъ на себя въ зеркало до туалета, онъ съ ужасомъ видѣлъ въ немъ старую обезьяну; взглянувъ послѣ туалета, не могъ достаточно налюбоваться Аполлономъ Бельведерскимъ. Въ первомъ случаѣ ни одинъ еще смертный не видалъ его. Переходя разъ утромъ прямо изъ постели въ отдаленную комнату, значительное лицо потрясено было видомъ Шилохвостова (незначительнаго чиновника въ его управленіи); Шилохвостовъ, съ своей стороны, не обнаружилъ никакого

удивленія при появленіи грознаго начальника; напротивъ, онъ умышленно принялъ непочтительную позу, положилъ голову между ладонями и даже, говорятъ, просвисталъ какой-то итальянскій мотивъ: глаза его, небрежно смотрѣвшіе на знатнаго старца, ясно, казалось, говорили: нѣтъ, братъ, это не ты; онъ красавецъ—заглядѣнье; ты какой-то рыхлый старичишка. Словомъ, онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не узналъ его. Начальнику это очень понравилось. Одѣвшись, онъ призвалъ Шилохвостова, который на этотъ разъ счелъ нужнымъ сробѣть и растеряться; но важное лицо обласкало его, спросило, что ему надо, и узнавъ, что Шилохвостовъ присланъ съ докладомъ, по случаю болѣзни обыкновеннаго докладчика, приказалъ ему постоянно являться съ докладомъ. Шилохвостовъ лелѣялъ цѣлые два года сцену, которую такъ удачно разыгралъ. Съ тѣхъ поръ путь его умазался словно мыломъ; гдѣ онъ остановится—неизвѣстно!

Можно было бы еще привести городничаго, который, въ ожиданіи пріѣзда губернатора, цѣлые пять дней охранялъ въ чистотѣ лужу передъ подъѣздомъ уѣзднаго суда, имѣя въ виду лично перебросить черезъ нее доску въ ту минуту, какъ подъѣдетъ къ крыльцу губернаторъ; можно бы присовокупить, что его превосходительство, обойдя въ этотъ пріѣздъ наградой всѣхъ чиновниковъ, отличилъ одного только городничаго; но и этого довольно, кажется, чтобы пояснить силу одинокой мысли, постоянно развиваемой и питаемой.

Все приведенное нами (считая также извѣстный способъ посылать просить женъ, когда онѣ хорошенькія) носитъ впрочемъ печать обыкновеннаго и отзывается чѣмъ-то грубымъ. Между «несостоятельными почтенными людьми» такимъ пріемамъ даютъ значеніе не болѣе, какъ простому сложенію или вычитанію. До дифференціальнаго исчисленія доходятъ весьма немногіе.

Для разрѣшенія высшихъ задачъ въ дѣлѣ расчищенія себѣ дороги необходимо быть, такъ сказать, свыше одареннымъ. Тутъ даже ума мало; требуются многія душевныя и даже физическія качества.

Какое, напримѣръ, соединеніе энергіи и ловкости нужно,

чтобы не только не останавливаться передъ лужами и грязью, но умѣть перескочить черезъ нихъ съ особенною граціею. Что скажете вы, напримѣръ, о высокомъ искусствѣ умѣть повиноваться съ такою пріятностью, чтобы лицо, отъ котораго вы зависите, находило особенное наслажденіе отдавать вамъ приказанія?

Предположите тысячу человѣкъ, скроенныхъ математически по одной мѣркѣ; предположите ихъ въ одинаковой степени равными по чину, заслугамъ и способностямъ. Если, не взирая на такія условія, одинъ изъ нихъ въ состояніи обратить на себя особенное вниманіе начальника,—смѣло заключайте, что онъ изъ числа одаренныхъ свыше. Такой случай именно произошелъ съ Берендѣевымъ. Значительное лицо, въ рукахъ котораго находилась судьба этихъ тысячи человѣкъ, скроенныхъ по одной мѣркѣ, отличило Берендѣева до такой степени, что оставило его у себя обѣдать (не въ примѣръ прочимъ), и потомъ пригласило его къ себѣ въ ложу. Мало того, въ скоромъ времени Берендѣева позвали на классическій музыкальный вечеръ, куда приглашались только избранные.

— Какъ же это такъ!—говорили мы въ то время:—мы знаемъ навѣрное, что Берендѣевъ ровно ничего не смыслитъ въ классической музыкѣ...

— Ошибаетесь,—отвѣтили намъ:—вчера онъ всѣхъ очаровалъ, играя *à quatre mains* Бетговенскую сонату съ дочерью значительнаго лица.

Когда Берендѣевъ успѣлъ выучиться на фортепіано, какимъ образомъ дошелъ до уразумѣнія Бетговена,—это навсегда останется его тайной. Онъ выросталъ не по днямъ, а по часамъ, какъ сказочный герой, и постепенно поднимался въ гору. Вскорѣ стало извѣстнымъ, что Берендѣевъ постоянно засѣдаетъ въ салонѣ, куда допускались лишь высшія лица и притомъ съ оттѣнкомъ набожности.

— Какъ же такъ?—спрашивали многіе:—вѣдь онъ прощалыга и, вдобавокъ, положительно ни во что не вѣруетъ.

— Что?!... Какъ?!...—возражали на это съ горячно-

стью: — вы, стало-быть, просто не имѣете о Берендѣевѣ никакого понятія, или принимаете его за другого! Посмотрѣли бы вы вчера, когда онъ разсказывалъ объ Іерусалимѣ; слушая его, всѣ плакали!...

По прошествіи года, не существовало чуть-чуть значительнаго дома, гдѣ бы Берендѣева не принимали съ распростертыми объятіями; онъ сдѣлался необходимымъ лицомъ на всѣхъ раутахъ, вечерахъ, интимныхъ собраніяхъ и даже домашнихъ совѣщаніяхъ.

Ему довольно было одного утра, чтобы всюду поспѣть, вездѣ перебывать, вездѣ оставить пріятное впечатлѣніе.

Въ два часа онъ приглашался къ разрѣшенію затруднительнаго финансоваго вопроса; въ три часа, гуляя по Петергофу и проходя мимо рѣшетки роскошной дачи, вы видѣли его играющимъ въ *cerceau* съ дѣтьми значительнаго лица; въ пять часовъ онъ былъ уже во фракѣ и бѣломъ галстукѣ и ѣхалъ въ Царское-Село на дипломатическій обѣдъ; въ девять часовъ входилъ онъ въ гостиную, гдѣ засѣдали министръ, генералъ и еще третье лицо безъ особеннаго значенія. «Ваше высокопревосходительство, честь имѣю кланяться; какъ здоровье вашего высокопревосходительства?» говорилъ онъ, низко кланяясь министру. — «Ваше превосходительство, какъ ваше здоровье?» говорилъ генералу. — «Здравствуйте!» говорилъ третьему лицу, протягивая только мизинецъ *).

Въ одиннадцать часовъ, заглянувъ на минуту въ салонъ набожной N, Берендѣевъ стремительно перелеталъ въ салонъ помпадуръ Шарлоты Ѳедоровны, гдѣ всѣхъ очаровывалъ своею веселостью.

Святители! воскликнешь бывало: святители, какъ достаетъ его на все это!? Не на шутку начинаешь думать, что Берендѣевъ, подобно Пинетти, въ состояніи выѣхать въ одно время изъ двадцати-семи заставъ Москвы. Но что такое Пинетти! Онъ школьникъ передъ Берендѣевымъ! Послѣдній въ состояніи предложить руку, получить

---

*) Въ провинціи, лица, подражающія Берендѣеву, ввели въ обыкновеніе называть: «ваше превосходительство» каждаго, кто только достигъ чина статскаго совѣтника; обычай этотъ поддерживается съ большимъ успѣхомъ и нравится многимъ предводителямъ дворянства.

согласіе и жениться на Шарлотѣ Ѳедоровнѣ! Если онъ не сдѣлалъ этого, такъ потому единственно, что ему ничего уже не оставалось почти желать, и это «почти» могло быть достигнуто другимъ способомъ. Онъ зналъ, что сокровеннѣйшее желаніе Шарлоты Ѳедоровны состояло въ томъ, чтобы пріобрѣсти огромный каменный домъ въ Морской; зналъ также, что пріобрѣтеніе этого дома давно гложетъ сердце значительнаго лица, пламеннаго поклонника и прямого покровителя Шарлоты Ѳедоровны. Вопросъ весь заключается въ полутораста тысячахъ, которыхъ достать положительно неоткуда. Берендѣевъ взялся уладить дѣло. Онъ отыскалъ какого-то милліонера-подрядчика, уговорилъ его купить домъ во что бы то ни стало и уступить его потомъ Шарлотѣ Ѳедоровнѣ за сущую бездѣлицу. Домъ пріобрѣтенъ. Подрядчикъ получилъ на нѣсколько милліоновъ подрядовъ, и значительное лицо, въ избыткѣ благодарности, не зная уже, чѣмъ пополнить недостающее «*почти*» въ карьерѣ Берендѣева, изобрѣло для него несуществовавшее до того мѣсто.

Къ чести нашей надо сказать, у насъ не рѣдко встрѣчаются факты, которые прямо обращаются даже въ похвалу нашихъ душевныхъ и сердечныхъ свойствъ. Многіе случаи даже умилительны и, слушая ихъ, нѣтъ возможности воздержаться отъ слезъ.

Александръ Петровичъ Помпейскій, нѣжный отецъ многочисленнаго семейства, выдалъ старшую свою дочь за барона Гаденбурга. У Гаденбурга не было никакого состоянія. Состояніе Помпейскаго заключалось въ большомъ каменномъ домѣ, который приносилъ очень ограниченные доходы; почти половина его была занята семействомъ; при домѣ находился, правда, отличный старый садъ,—но согласитесь сами, что̀ сталъ бы съ нимъ дѣлать баронъ Гаденбургъ, еслибы Помпейскій отдалъ его въ приданое дочери? Недостаточность средствъ зятя и старшей дочери сокрушала нѣжное сердце Помпейскаго. Неоднократно прибѣгалъ онъ къ знатному Строфокамилову, прося его объ опредѣленіи зятя, — и всякій разъ безуспѣшно. Неожиданно, Строфокамиловъ переѣзжаетъ въ громадный казенный домъ, непосредственно примыкающій къ саду

Помпейскаго и отдѣляющійся отъ послѣдняго только каменною стѣной. Помпейскій узнаетъ стороною, что Строфокамиловы, мужъ и жена, упомянули разъ о томъ, какъ-бы хорошо было, еслибы дѣти ихъ могли дышать свѣжимъ воздухомъ въ сосѣднемъ саду. Помпейскій въ ту же ночь проламываетъ казенную стѣну, устраиваетъ красивую калитку и посылаетъ ключъ къ Строфокамиловымъ. Въ тотъ же день, подъ тѣнью раскидистой березы, произошла трогательная и совершенно случайная встрѣча между госпожею Помпейской и госпожею Строфокамиловой; въ полдень нельзя было довольно налюбоваться невинными играми маленькихъ Строфокамиловыхъ и Помпейскихъ; мѣсяцъ спустя, Помпейскій самъ рыдалъ, какъ дитя, когда Строфокамиловъ объявилъ ему, что его зять, баронъ Гаденбургъ, получилъ превосходное мѣсто.

V.

ПОКРОВИТЕЛИ.

Подъ этимъ названіемъ слѣдуетъ разумѣть тѣхъ добродѣтельныхъ особъ обоего пола, которыя, не имѣя возможности лично дать мѣсто или награду, берутся тѣмъ не менѣе достовлять то и другое и часто достигаютъ своей цѣли.

Дамы — надо быть справедливымъ — всего успѣшнѣе дѣйствуютъ на этомъ поприщѣ.

Касательно дамъ, можно, впрочемъ, вывести такую аксіому: чѣмъ покровительница красивѣе, или чѣмъ выше ея общественное положеніе, тѣмъ больше у нея шансовъ устроить ваше дѣло.

Наблюденія надъ покровителями вообще доказали, что слѣдуетъ раздѣлить ихъ на двѣ категоріи:

1) *Невинно-добродушно-наивныхъ.*

2) *Дѣйствующихъ на основаніи задней мысли.*

Первая исключительно почти состоитъ изъ тѣхъ нѣжныхъ, нервныхъ и впечатлительныхъ женскихъ существъ, которыя съ ужасомъ скрещиваютъ на груди руки и воз-

водятъ глаза къ небу, когда узнаютъ, напримѣръ, что на свѣтѣ есть нужда и бѣдность. Достаточно произнести фразу: «многочисленное семейство», чтобы потрясти ихъ нервы; достаточно выслушать имъ разсказъ о чужомъ горѣ, чтобъ онѣ залились слезами, какъ петергофскій фонтанъ. Онѣ такъ добры, что готовы, кажется, выбѣжать на улицу и держать зонтикъ надъ уткой во время ненастья. Къ нимъ причисляются также старушки, которымъ стоитъ сказать съ особымъ театральнымъ эффектомъ: «*Oh, ma mère! ma mère était une sainte femme!*» или занять ихъ разсказомъ о плачевномъ состояніи Іерусалима, чтобы расположить ихъ въ свою пользу.

Напрасно будете вы стараться открыть имъ глаза, напрасно скажете, что такой-то не стоитъ, чтобъ о немъ хлопотали, что если онъ займетъ такое-то мѣсто, это скорѣе будетъ вредно, чѣмъ полезно для общества; напрасно объясните вы имъ общее правило «сомнительныхъ почтенныхъ людей», правило, состоящее въ томъ, что проситель подаетъ умывальникъ, когда проситъ, и потомъ часто выливаетъ остатокъ воды на голову покровителя, когда достигъ своей цѣли; напрасно докажете, какъ дважды два четыре, что такой-то проситель ничего больше, какъ кувшинъ, который нагибается, чтобы зачерпнуть,— васъ не слушаютъ; вамъ скажутъ, что вы смотрите на вещи сквозь черную призму и повторятъ съ горячностью:

— Какое мнѣ дѣло! Онъ проситъ, онъ прибѣгаетъ ко мнѣ; я должна думать о томъ только, что велитъ дѣлать христіанскій долгъ, — я должна помочь ему!..

Дама бросается въ карету, мечется изъ одного конца города въ другой, взбѣгаетъ на высочайшія лѣстницы (кучеръ ея между-тѣмъ часто мерзнетъ на морозѣ), преслѣдуетъ вліятельныхъ лицъ въ салонахъ, на улицѣ, и даже задаетъ у себя музыкальные вечера и танцовальные чаи, съ тѣмъ, чтобы успѣшнѣе исполнить повелѣніе христіанскаго долга.

— Что за ангелъ эта М.! говорятъ вамъ: — представьте, моего Мишу никуда не хотѣли опредѣлить! Она такъ хлопотала, что Миша поступилъ, даже не въ примѣръ другимъ мальчикамъ, и даже безъ экзамена.

Какъ видите, результатъ дѣйствій, внушенныхъ христіанскимъ долгомъ, не всегда бываетъ справедливъ и приноситъ полезные плоды; тѣмъ не менѣе между покровителями этого рода и лицами второго разряда такая же неизмѣримая разница, какъ между истинно-почтенными людьми и «сомнительными».

Послѣдніе краснорѣчиво доказываютъ, что съ виду даже лучшія побужденія наши всегда скрываютъ долю личнаго интереса.

Такіе покровители, безспорно, перестали бы существовать, еслибы покровительство съ одной стороны не давало возможности сознавать собственную силу и превосходство,— словомъ, не льстило бы самолюбію,—съ другой стороны, не приносило бы существенныхъ выгодъ самому покровителю.

Одна дама отказывалась хлопотать за X., который неожиданно получилъ очень важное мѣсто. Ей передали объ этомъ.

— Боже! воскликнула она съ испугомъ: — могла ли я это предвидѣть!

Она въ ту же секунду приказала заложить карету и отправилась съ визитомъ къ женѣ X.; дорогой заѣхала еще нарочно къ Бале, чтобы купить конфектъ для маленькихъ X.

Хохулкинъ, напримѣръ, глубоко ненавидѣлъ Бузулукина и ужь, конечно, не разогнулъ бы пальца, чтобы вытащить его изъ опасности. Онъ тѣмъ не менѣе бьется какъ рыба объ ледъ на дворянскихъ выборахъ, распинается и задаетъ обѣды, чтобы доставить Бузулукину почетное мѣсто.

— Взгляните, говорятъ вамъ, указывая съ умиленіемъ на сѣдую голову Хохулкина: — вотъ истинная-то добродѣтель! вотъ она гдѣ!.. Не любитъ человѣка и между-тѣмъ хлопочетъ за него, какъ за родного сына!..

Да, дѣйствительно умилительно смотрѣть на все это, но только въ другомъ смыслѣ. Бузулукинъ, избранный стараніями Хохулкина, выкажетъ ему въ знакъ благодарности истинно сыновнія чувства: онъ не допуститъ, чтобы размотанное имѣніе Хохулкина продалось съ публичнаго торга, и даже сниметъ съ него опеку!..

— Нѣтъ, я уже исправилась отъ страсти покровительствовать! — говорила намъ на-дняхъ одна почтенная старушка: — я перестала охотиться за вліятельными лицами, давно не осаждаю ихъ письмами, давно не пристаю къ теткамъ зятя, пріятеля секретаря начальника отдѣленія такого-то директора! Повѣрите ли, я даже не крещу теперь малютокъ безъ разбору! И въ самомъ дѣлѣ, что же это такое: приходитъ господинъ, проситъ окрестить сына или дочь, и потомъ что-жъ оказывается? Мало того, что придется опредѣлить всѣхъ крестниковъ и крестницъ куда-нибудь на казенный счетъ, надо пристроить папеньку, его брата, свояка, зятя, и всѣмъ имъ выхлопотать или крестикъ, или награду... Нѣтъ, слуга покорный! На этотъ случай я застраховала себя теперь такою фразой: милостивый государь, говорю я: — по нашему закону это важная обязанность; я такъ глубоко проникнута ею, что рѣшительно не чувствую себя ни въ состояніи, ни въ силахъ принять на себя всю ея отвѣтственность!.. Вообще, во всемъ, что касается покровительства, опытъ научилъ меня крѣпко держаться такихъ правилъ: или вовсе не покровительствовать, потому-что, необдуманно дѣлая добро одному, часто причиняешь вредъ цѣлому обществу; или, ужь если пошло на то, хлопотать о тѣхъ только, которые ищутъ частной должности; тутъ больше вѣроятія, что проситель не боится труда и не имѣетъ цѣли жить у Христа за пазушкой, какъ говорится. Но стоитъ только замѣтить мнѣ, что такой-то господинъ особенно настойчиво приступаетъ съ казеннымъ мѣстомъ, я напрямикъ ему отказываю!..

— И прекрасно дѣлаете! возразили присутствующіе въ одинъ голосъ.

КОШКА и МЫШКА.

(ПОВѢСТЬ).

I.

ОСЕННІЕ ВИДЫ И МАЛЬЧИКЪ СЪ БОЧЕНКОМЪ.

Къ концу осени, когда нѣтъ еще снѣга, но утромъ и вечеромъ начинаетъ порядочно уже подмораживать, выпадаютъ иногда такіе ясные, лучезарные дни, что на минуту обманываешься и думаешь: не апрѣль-ли опять на дворѣ?.. Солнце горитъ такъ же ярко, въ воздухѣ столько же блеска, тѣни на обнаженныхъ холмахъ такъ же легки и прозрачны! Не достаетъ только воркованья весеннихъ ручейковъ, запаха земли и пѣсни жаворонка, чтобъ подкупить васъ совершенно.

Въ одинъ изъ такихъ дней, утромъ, часовъ около десяти, въ околицѣ села Ягодня показался бѣлокурый мальчикъ лѣтъ тринадцати. Мальчикъ, какихъ бы то ни было лѣтъ, и съ какими бы то ни было волосами: бѣлыми, черными или рыжими, принадлежитъ къ самымъ обыкновеннымъ сельскимъ явленіямъ. Но мальчикъ, о которомъ идетъ рѣчь, заслуживалъ особеннаго вниманія: онъ несъ за плечами ведерный боченокъ, обвязанный старымъ кушакомъ, концы котораго находились въ рукахъ его.

Будь за плечами этого мальчика корыто, ушатъ, связка хворосту, плетеная кошелка съ мякиной, пукъ сѣна; возсѣдай тамъ другой мальчикъ—младшій братишка, — или болтайся за плечами лапти или даже новые смазные сапоги, ничего бы не было удивительнаго, но боченокъ — особенно съ желѣзными обручами и новой точеной деревянной пробкой, воля ваша, такое обстоятельство невольно возбуждало любопытство!

Начать съ того, что посудинки этого рода вовсе не въ употребленіи въ крестьянскомъ хозяйствѣ: нечего класть туда; потомъ, боченокъ не по карману; наконецъ, извѣстно было, что во всемъ околоткѣ такимъ боченкомъ обладала одна только дьячиха; и то достался онъ ей по случаю: одна изъ приходскихъ помѣщицъ подарила. Съ какой же стати мальчикъ этотъ, непринадлежащій ни съ которой стороны дому дьячихи, несъ этотъ боченокъ?.. Но мальчика мало, казалось, занимали такія соображенія. Выйдя за околицу, онъ тряхнулъ боченокъ съ самымъ беззаботнымъ видомъ, перенесъ концы кушака въ лѣвую руку, поправилъ свободною рукою шапку, которая лѣзла на глаза, и, весело посвистывая, зашагалъ по дорогѣ.

Дорога, укатанная недавно еще проѣзжавшими подводами съ овсяными и ржаными снопами, звенѣла подъ ногами и лоснилась на солнцѣ, какъ сѣрый полированный камень. Вправо отъ нея неоглядно желтѣли поля, покрытыя шаршавымъ жнивьемъ; слѣва тянулись крестьянскія гумна, обнесенныя старымъ землянымъ валомъ, съ торчавшими кое-гдѣ плетнями и ветлами, побросавшими свои листья. Тѣнь отъ плетней и ветелъ мѣстами пересѣкала дорогу, отпечатывая на ней прихотливые узоры инея, который превращался въ капли и пропадалъ, какъ только убѣгала тѣнь и прикасались къ нему лучи солнца; отъ канавки, наполненной листомъ, кустами крапивы и полыни, побѣлѣвшими отъ изморози, несло острой свѣжестью. Но чѣмъ темнѣе рисовались плетни и стволы ветелъ, тѣмъ ослѣпительнѣе сверкали за ними скирды и крыши гуменъ; чѣмъ тише было вправо отъ дороги, тѣмъ шумнѣе было за ветлами. Тамъ изъ конца въ конецъ немолчно звучали удары цѣпа, шумѣла рожь, па-

давшая звонкими, сухими зернами на гладко убитый мерзлый токъ, слышался говоръ народа, шелестъ голубей и крикъ галокъ, перелетавшихъ съ мѣста на мѣсто.

Въ числѣ пернатыхъ, воробьи, какъ и всегда впрочемъ, отличались особенною егозливостью и трескотнею. Недаромъ называютъ ихъ въ простонародьи ворами и разбойниками! Глядя, какъ суетились они, какъ задирали одинокихъ галокъ и какъ потомъ таращили сѣрыя свои перышки, когда которая нибудь изъ этихъ птицъ выказывала намѣреніе напасть въ свою очередь; какъ обсыпали они тогда сосѣднюю ветлу и разомъ принимались пищать и бить крылышками,—можно было думать, что они считали себя здѣсь полными хозяевами и приходили въ такую ярость потому лишь, что защищали собственность.

Такія продѣлки сильно забавляли мальчика; можно сказать, воробьи сдѣлались даже единственнымъ предметомъ его вниманія, какъ только ступилъ онъ на дорогу. Слѣдя за ними быстрыми, веселыми глазами, онъ то ускорялъ шагъ, то замедлялъ его; каждый разъ, какъ крикливая стая, сдѣлавъ неожиданный поворотъ въ воздухѣ, опускалась на макушку ветлы, мальчикъ припадалъ къ землѣ и начиналъ подкрадываться; брови его подымались и лицо выражало быстроту и лукавство; въ чертахъ и движеніяхъ явно проглядывало намѣреніе подкрасться ближе и застать птицъ врасплохъ; но нетерпѣніе всякій разъ портило дѣло: не успѣвъ сдѣлать трехъ шаговъ, онъ суетливо свѣшивалъ на бокъ свою ношу и принимался стучать камнемъ въ дно боченка, издававшаго при этомъ какой-то глупый глухой звукъ.

Боченокъ былъ пустъ, — это ясно; иначе быть не могло: одна пустота боченка могла объяснить прыжки мальчика, легкую его поступь и веселость; не могъ бы онъ въ другомъ случаѣ бѣгать за воробьями и не сталъ бы такъ громко смѣяться, когда птицы, испуганныя грохотомъ боченка, пугливо и врозь разлетались. Мальчикъ выказывалъ, впрочемъ такой веселый нравъ, что могъ бы, кажется, смѣяться и подъ болѣе тяжелой ношей. Веселость его проистекала, повидимому, столько же изъ нрава,

сколько отъ здоровья и довольства жизнью; отъ полныхъ щекъ его, разрумяненныхъ остротою утренняго воздуха, дышало свѣжестью; въ чертахъ не было слѣда лишеній и преждевременнаго утомленія. Онъ былъ въ лаптишкахъ, старомъ полушубкѣ, очевидно принадлежавшемъ рослому человѣку, и шапкѣ, которая, конечно, могла только принадлежать владѣльцу полушубка; но все это было, однакожъ въ порядкѣ; заплатъ было много; попадались даже заплатки изъ синяго и бураго сукна; но не висѣли онѣ лохмотьями, а тщательно обшиты были кругомъ бѣлыми здоровыми нитками; короче сказать, все показывало очень счастливаго мальчика,—мальчика береженаго, вволю пичкавшаго хлѣбъ и кашу, не лишеннаго нѣжныхъ материнскихъ попеченій. Уже самая фигура его, крѣпкая, пышащая здоровьемъ и похожая издали на медвѣженка, ставшаго на заднія лапы, краснорѣчиво подтверждала такія предположенія.

Онъ продолжалъ стучать въ боченокъ и посвистывать до-тѣхъ-поръ, пока не миновалъ гуменъ. Тутъ онъ тряхнулъ шапкой какъ-то сверху внизъ и безъ помощи рукъ надвинулъ ее на глаза. Солнечные лучи, не заслоняемые вѣтлами и скирдами, били ему теперь прямо въ глаза. Дорога выходила на пологую, ярко освѣщенную луговину, за которой вдалекѣ круто выросталъ горный уступъ, окутанный тѣнью. Съ лѣвой стороны луговины мелькали послѣднія кровли села: тамъ же, но только несравненно ближе къ дорогѣ, возвышалась старая деревянная церковь, обнесенная рѣшеткой. Глубокій, воздушный просторъ за церковью наполненъ былъ яркимъ солнечнымъ сіяніемъ; отъ церкви черезъ лугъ шла длинная тѣнь, въ которой точно такъ же серебрилась изморозь, отпечатывая на травѣ углы колокольни, крестъ и тонкія полоски рѣшетки.

Мальчикъ съ боченкомъ продолжалъ спускаться и посвистывать. Внезапно онъ замолкъ и остановился. Посреди мертвой тишины послышались стоны... Они раздались за церковной оградой, гдѣ находилось кладбище... Случись такое обстоятельство ночью или даже въ сумерки, мальчикъ бросилъ бы свой боченокъ и полетѣлъ бы безъ оглядки въ село; но теперь онъ ограничился тѣмъ, что сталъ вслуши-

ваться. Румяное лицо его, исполненное до настоящей минуты разсѣянностью и дѣтскою беззаботливостью, осмыслилось выраженіемъ вниманія. Онъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ церкви. Стоны усиливались и превращались въ рыданія. Немного погодя, мальчикъ остановился у ограды; приложивъ щеки къ рѣшеткѣ, увидѣлъ онъ высокаго, худощаваго мужика, который закапывалъ могилу; баба между-тѣмъ, лежала навзничь подлѣ ямы и отчаянно колотилась головою о-земь.

Лицо мужика знакомо было мальчику; онъ зналъ, что мужика звали Андреемъ; онъ встрѣчалъ его въ селѣ, встрѣчалъ въ церкви по воскресеньямъ, встрѣчалъ на дорогѣ, на мельницѣ. Онъ слышалъ, какъ родные, говоря о немъ, называли его всегда бѣднымъ. Все это припомнилъ мальчикъ, и видъ знакомаго человѣка въ слезахъ и горѣ еще сильнѣе пробудилъ его любопытство. Но любопытство находило особенную пищу въ отчаяніи бабы; она билась у могилы и приговаривала на-распѣвъ:

Охъ тяжко мнѣ... тяжко!
Ахъ ты, сизый голубь мой,
Ненаглядное дитятко!..
Кто мнѣ теперь защебещетъ?
Кто меня сердцемъ порадуетъ?

— Полно, жена... Охъ!.. Знамо, тяжко! Какъ быть!.. Власть Божья!.. говорилъ въ то же время мужикъ, тяжело переводя одышку и продолжая закапывать могилу.

— Батюшка!.. батюшка! голосила еще отчаяннѣе баба: — охъ, батюшка!.. Егорушка... дитятко мое... бѣлянушка!.. Засыпали твои свѣтлые глазушки, кормилецъ мой... Не воротишься ужь оттоль, родной мой!.. Охъ!.. Тяжко!.. Тяжко мнѣ горькой! ..

— Полно!.. ну, полно... Какъ быть!.. Христосъ съ нимъ, проговорилъ Андрей, продолжая работу и часто останавливаясь, чтобы отереть слезы, которыя текли по щекамъ его и въѣдались въ морщины.

Прислушиваясь къ такимъ рѣчамъ, мальчикъ машинально слѣдилъ глазами за лопатой Андрея. Мерзлые комки земли сыпались съ лопаты въ могилу; она постепенно мельчала. Вотъ тамъ мелькалъ еще уголокъ, куда проникалъ лучъ

солнца: но земля засыпала его. И никогда уже въ этотъ уголокъ не глянетъ солнце! Никогда также не увидитъ дневного свѣта и Егорушка! Что сталось теперь съ нимъ, такъ недавно еще бѣгавшимъ, кричавшимъ и рѣзвившимся на улицѣ? Впрочемъ, ему вѣрно теплѣе теперь, чѣмъ отцу и матери, которыхъ едва прикрываютъ лохмотья! Но за то, какъ холодно ему будетъ, когда морозъ насквозь прохватитъ рыхлую землю могилки! Какъ страшно будетъ Егорушкѣ въ глухую зимнюю ночь, когда живой человѣкъ не пройдетъ мимо кладбища; когда по округу рыщетъ только сѣрый волкъ, прислушиваясь чуткимъ ухомъ къ лаю собакъ и свисту вѣтра... Вѣтеръ гудитъ въ стропилахъ колокольни и вѣетъ изъ-за угла церкви сыпучій снѣгъ... Винтомъ крутится снѣгъ въ мерзломъ воздухѣ и ложится косыми полосами поперегъ погоста...

Такія соображенія легко могли представиться воображенію мальчика съ боченкомъ за плечами, а впрочемъ не ручаюсь; достовѣрно то, что онъ отошелъ отъ ограды тогда только, тогда Андрей засыпалъ могилу, поднялъ жену и повелъ ее съ погоста. Мальчикъ возратился на дорогу; разъ или два останавливался онъ, чтобы посмотрѣть имъ въ слѣдъ; но вдругъ, какъ-бы вспомнивъ о чемъ-то, пошелъ впередъ по скату ускоренными шагами. Немного далѣе, когда совершенно уже открылся луговой скатъ, спускавшійся къ горному уступу, мальчикъ увидѣлъ бабу, которая вязала пучки льну, разостланнаго по травѣ ровными рядами; за нею тотчасъ же показались другія бабы, занимавшіяся тою же работой. Дорога проходила мимо, и первая баба окликнула мальчика, какъ только онъ съ нею поровнялся.

— Гришутка!

— Эй! весело отозвался мальчикъ.

— Откуда, изъ села?

— Да.

— Посылали стало зачѣмъ? вмѣшалась другая молоденькая бабенка, оставляя также работу и приближаясь къ мальчику:—зачѣмъ посылали?

— Вишь, боченокъ! сказалъ мальчикъ, встряхивая своей ношей.

— Здравствуй, Гришутка! промолвили еще двѣ другія, выходя на дорогу:—отколь?

— Да ужъ сказалъ—изъ села! возразилъ мальчикъ:— за боченкомъ посылали; вина хотятъ взять...

— Что у васъ, праздникъ, что ли? спросили въ одинъ голосъ бабы.

— Сестра родила... отвѣчалъ мальчикъ.

— Ой ли! Когда?..

— Ахти, касатки! воскликнула молоденькая бабенка:— кого родила, мальчика или дѣвочку?..

— Мальчика...

— То-то, я чай, дядя-то Савелій возрадовался! ась?.. Семь лѣтъ ждалъ внучка-то! И ты, небось, радъ, Гришутка? а?.. Радъ, я чай? Самъ дядей сталъ теперича... Дядя теперь!.. Дядя!..

— То-то, касатушки, онъ съ нами ноньче и здороваться-то не хотѣлъ! подхватила самая молоденькая, поглядывая на мальчика лукавыми глазами: — идетъ-себѣ, какъ чуфара какой, право! Смотрѣть даже не хочетъ... Ахъ ты, дядя! дядя!.. примолвила она, засмѣявшись, и неожиданно нахлобучила ему шапку на глаза.

— Ну!.. оставь!.. Чего ты... Полно! закричалъ Гришутка, откидываясь въ сторону и дѣлая неимовѣрныя усилія бровями, чтобы приподнять шапку на лобъ.

То-то у него и щеки-то ноньче какъ разгасились! вишь красныя да жирныя какія! подхватила другая, подскакивая къ мальчику прежде, чѣмъ успѣлъ онъ поднять шапку, и прикладывая ладони къ щекамъ его, которыя были такъ свѣжи, что баба почувствовала свѣжесть даже на ладоняхъ своихъ.

— Оставьте! Ну!.. Что пристали?.. Ну!.. кричалъ мальчикъ, тщетно стараясь освободить глаза отъ шапки и отбиваясь отъ бабъ, которыя, радуясь случаю побаловать и посмѣяться, обступили его кругомъ, тискали и дергали во всѣ стороны.

— А, нутка-сь, тяжелъ ли боченокъ-то? говорила одна, налегая руками на посудинку и выгибая назадъ мальчика.

— Не пуще тяжелъ! смѣялась другая, дергая концы

кушака, перехватывавшаго плечи мальчика и нагибая его впередъ.

— Бабы,—вали его на земь! вали, разбойника! крикнула третья.

Въ ту же секунду нѣсколько рукъ обхватили его; но чье-то плечо перекосило шапку Гришки на бокъ, и правый глазъ его освободился изъ мрака; это обстоятельство мигомъ воскресило въ немъ бодрость, начинавшую уже падать; онъ началъ рваться во всѣ стороны, работать локтями, брыкаться ногами, двигать боченкомъ, и прежде чѣмъ бабенки, посреди хохота и крика, успѣли возобновить осаду, ловко вывернулся изъ кружка и стремглавъ пустился внизъ по дорогѣ. Скачки мальчика приводили въ движеніе старую пробку, проткнутую когда-то въ боченокъ, и которая лежала тамъ, прилѣпившись ко дну; принимая шумъ прыгавшей пробки за погоню, Гришка первую минуту летѣлъ стрѣлою и безъ оглядки. Онъ вскорѣ очнулся, однакожъ, и остановился, чтобъ перевести духъ.

— Экія вѣдьмы! закричалъ онъ, быстро оборачиваясь къ верхней части луговины, гдѣ стояли бабы, хохотавшія во все горло: — право, вѣдьмы!.. Вѣдьмы! вѣдьмы! подхватилъ онъ скороговоркою и постепенно усиливая голосъ.

Бабы захлопали въ ладоши и сдѣлали движеніе, какъ-будто пускались догонять его. Гришутка задвигалъ ногами и снова полетѣлъ безъ оглядки. Онъ остановился тогда уже, когда добѣжалъ почти до подошвы лугового ската и ясно увидѣлъ, что опасенія его ни на чемъ не основывались; бабъ не было даже видно: ленъ разстилался въ небольшой лощинѣ, которая дѣлалась замѣтною только издали; бабы принялись, видно, опять за работу и наклоненное положеніе скрывало ихъ отъ взоровъ мальчика. Тѣмъ не менѣе, онъ счелъ долгомъ назвать ихъ нѣсколько разъ вѣдьмами; облегчивъ себя какъ-будто отъ огромной тяжести, онъ бодро тряхнулъ боченкомъ и началъ прыгать по камнямъ, служившимъ переходомъ черезъ ручей; ручей бѣжалъ между подошвой пройденнаго лугового ската и горнымъ обрывомъ, который подымался почти отвѣсно.

Въ этомъ мѣстѣ подводы переѣзжали обыкновенно въ бродъ, а дорога, перехваченная ручьемъ, снова показы-

вала колеи свои между берегомъ и обрывомъ; она слѣдовала теченію ручья и шла влѣво. Немного погодя, мальчикъ обогнулъ часть ската, и церковь въ высотѣ предстала передъ нимъ, обращенная другимъ своимъ фасомъ; обернувшись назадъ, онъ могъ бы увидѣть также село Ягодню, которое, съ этой точки дороги, цѣликомъ почти рисовалось и смотрѣло своими окнами, игравшими на солнцѣ, на небольшую долину, по которой вился ручей. Но Гришутка не думалъ оборачиваться. Его привлекали другіе предметы; то на одномъ изъ камней усаживалась ворона и требовалось задержать шагъ, подобраться къ ней ближе и пугнуть ее съ мѣста; то останавливали его вниманіе маленькіе заводья ручья, покрытыя блистающими иглами льда, не успѣвшаго еще оттаять на солнцѣ; нельзя же было пройти мимо, не надломивъ ледяной корочки, не пососавъ ее.—Ледъ теперь въ диковинку; шутка! какъ давно его не было! Трудно также было утерпѣть, чтобы не спихнуть камня, который висѣлъ надъ ручьемъ и, казалось, самъ просился упасть въ воду; или не пустить по ручью обломка древесной коры и не полюбоваться, какъ пойдетъ она вилять и прыгать между камнями; какъ буркнетъ и пропадетъ она въ пѣнѣ, сбиравшейся подлѣ уступовъ, и какъ потомъ снова поплыветъ, слѣдуя прихотливому изгибу.

Мѣстами берега покрыты были кустами лозняка, который укрѣплялся даже кое-гдѣ посреди ручья въ видѣ маленькихъ островковъ. Но какъ плачевно смотрѣли теперь эти островочки. Чѣмъ сильнѣе пронизывало ихъ солнцемъ, тѣмъ замѣтнѣе выказывалась ихъ бѣдность; вмѣсто частой, непроницаемой зелени, всюду торчали голые, холодно-лоснящіеся прутья, перепутанные поблекшей ежевикой, засыпанные у основанія листомъ, похожимъ на луковичную скорлупу и жалобно хрустѣвшимъ при самомъ легкомъ вѣтрѣ. Проходя мимо, Гришутка открывалъ иногда между прутьями сѣренькое пушистое гнѣздо; такое открытіе давало ему всякій разъ случай дивиться, какъ не замѣтилъ онъ его прежде, проходя тутъ лѣтомъ. Что же была эта за птица такая?.. Должно быть крохотная какая-нибудь! и куда она теперь дѣлась?..

«Погоди, постой, лѣто опять придетъ, прилетитъ она опять на прежнее мѣсто выводить яйца!..»

И мальчикъ, озираясь на стороны, старался замѣтить камень, земляной выступъ, овражекъ противъ куста съ гнѣздомъ, чтобы не обознаться, когда придетъ время прямо напасть на слѣдъ.

А между-тѣмъ, щеки долины расходились, склоны съ обѣихъ сторонъ понижались, каменистый грунтъ замѣтно дѣлался мягче и покрывался травою, по которой плавно теперь, безъ пѣны и шуму, спускался ручей. Вскорѣ открылись пространные луга, кой-гдѣ замкнутые лѣсистыми холмами. Вся эта плоскость, залитая тѣмъ же блестящимъ, хотя холоднымъ сіяньемъ, казалась совершенно гладкою; нигдѣ не было видно деревушки. Но тутъ и тамъ подымались вдалекѣ тонкія струйки дыма. Нѣсколько ближе, хотя очень еще далеко, выступало строеніе съ высокой остроконечной кровлей, которая вырѣзывалась синеватымъ треугольникомъ подъ сверкающимъ краемъ горизонта. Еще ближе, возносилась группа вётелъ; между головастыми ихъ стволами и сквозь голые сучья мелькалъ на солнцѣ бревенчатый новый амбаръ съ лѣпившимися къ нему избою и навѣсомъ. Ручей, откинувшись отъ дороги, дѣлалъ два, три поворота, пропадалъ раза два и снова сверкалъ у вётелъ; дорога шла прямо къ амбару. При видѣ старыхъ вётелъ и амбара, разсѣянный, безпечный видъ мальчика исчезъ тотчасъ же; онъ снова какъ-будто вспомнилъ о чемъ-то, и теперь уже съ озабоченнымъ и совершенно дѣловымъ видомъ ходко пошелъ впередъ.

Мало-по-малу, не въ дальнемъ разстояніи за вётлами, показался берегъ рѣки, тянувшійся прямо къ строенію съ высокой кровлей, мелькавшей въ отдаленьи. Ручей бѣжалъ къ рѣкѣ; но прежде чѣмъ въ нее скатиться, онъ замыкался плотиной и наполнялъ небольшой прудъ, обсаженный съ одного бока вётлами; къ тому же боку примыкалъ амбаръ, изба и плетни съ навѣсомъ. Въ лѣтнее время все это должно было пропадать въ зелени; но теперь опавшій листъ позволялъ разсматривать два водяныя колеса, прикрѣпленныя къ амбару, и подъ ними

досчаной жолобъ; сквозь щели досокъ просачивались длинныя серебристыя водяныя нити, между-тѣмъ какъ съ дальняго конца жолоба каскадомъ ниспадалъ водяной стержень, обдававшій пѣной всю нижнюю часть амбара. Вода очевидно пущена была отъ избытка, потому-что колёса оставались неподвижными. Прудъ сверкалъ какъ зеркало; и на незыблемой его поверхности ясно отражались стволы вётелъ съ ихъ прутьями, часть плетня, калитка въ плетнѣ и ярко освѣщенный амбаръ съ его кровлею, обсыпанною мучною пылью; мѣсто, гдѣ вода изъ пруда устремлялась въ жолобъ, представлялось неподвижною стеклянною массой; быстрота стремленія выказывалась только утками, которыя, какъ ни спѣшили двигать красными своими лапками, но все-таки едва плыли противъ теченія.

Обогнувъ прудъ (дорога проходила по той сторонѣ пруда и упиралась прямо въ ворота амбара, которыя были теперь заперты), Гришутка ступилъ на гибкую доску, брошенную черезъ жолобъ противъ калитки. Въ другое время, онъ, конечно, не преминулъ бы попугать утокъ, и безъ того уже бившихся изъ силъ, чтобы выплыть изъ стремнины; не преминулъ бы также остановиться посреди доски и покачаться надъ водою, въ которой представлялся онъ стоявшимъ вверхъ ногами со своимъ боченкомъ,—но надо думать, не до того теперь было. Онъ суетливо перешелъ доску, поглядѣлъ сначала въ щель калитки и, принявъ вдругъ рѣшительное намѣреніе, вступилъ на дворикъ мельницы.

II.

Семейная радость и приготовленія.

— Это ты, молодецъ?.. Что долго такъ? А я думалъ ноги твои быстрыя; думалъ—духомъ слетаешь...

Голосъ этотъ, нѣсколько надорванный, но снисходительный какой-то и очень мягкій, принадлежалъ старичку, который сидѣлъ подъ навѣсомъ двора, верхомъ на обрубкѣ

бревна, и работалъ что-то топоромъ. Именно только такой голосъ и могъ принадлежать этому старику: онъ какъ-то шелъ къ нему, отвѣчалъ его кроткому, ухмыляющемуся лицу, дополнялъ, если можно такъ выразиться, то впечатлѣніе, которое производилъ старикъ съ перваго взгляда. Прозвучи голосъ его хрипло, какъ тупая пила въ гниломъ деревѣ, или раздайся какъ изъ бочки, это было-бы тоже, какъ еслибъ воробей гаркнулъ по-вороньему. Если хотите, старикъ, наружнымъ видомъ своимъ, отчасти даже смахивалъ на воробья: тѣ же прыткость и суета въ движеніяхъ, такой же вострый носъ и быстрые глаза, тѣ же, относительно разумѣется, личные размѣры; разница сходства состояла въ томъ собственно, что воробей весь сѣрый, тогда какъ у старика сѣрыми были однѣ брови; волосы его бѣлѣли какъ снѣгъ и разсыпались волокнистыми, какъ трепленный ленъ, прядями по обѣимъ сторонамъ маленькаго, но чрезвычайно умнаго и оживленнаго лица.

— Что-жъ такъ долго, а? повторилъ старикъ, поглядывая на Гришку.

Нельзя сказать, чтобы мальчикъ очень смутился; онъ запнулся однакожъ, не нашелъ, что отвѣтить и, чтобы поправиться, поспѣшилъ спустить съ плечъ боченокъ и поставить его на видъ.

— Это-то я вижу... вижу... промолвилъ старикъ, потряхивая головою:—да былъ долго зачѣмъ?.. вотъ что...

— Бабы, дядюшка... задержали... онѣ все...

— Какія бабы? спросилъ удивленный старикъ.

— Лёнъ на лугу вязали. Я иду... а онѣ... онѣ и давай привязываться. Я и то все въ бѣжки... почитай всю дорогу... ничего съ ними не сдѣлаешь!.. озарныя такія...

— Какія же это бабы?.. Съ чего-жъ бы имъ такъ-то привязываться... Ну, братъ, тутъ что-то не ладно. Шишковато больно говоришь! Не ладно что-то, Гришунька...

При имени «Гришунька» неловкость мальчика мигомъ пропала. Онъ зналъ очень хорошо, что когда старикъ хотѣлъ бранить его или вообще былъ не въ духѣ, то звалъ его всегда Гришкой, Григоріемъ; когда же былъ въ духѣ,

другого названія не было, какъ Гришутка, Гришаха, или Гришунька. Пора было привыкнуть мальчику къ такимъ оттѣнкамъ: онъ жилъ у старика третій годъ; онъ приходился роднымъ братомъ его снохи, и старикъ взялъ его у родителей съ тѣмъ, чтобы пріучать исподоволь къ мельничному дѣлу.

— Ну что-жъ смотришь-то? а?.. подхватилъ старикъ:—боченокъ принесъ, ну и ладно; чего глядишь-то?.. али что здѣсь въ диковинку?

— Нѣть, дядюшка, смотрю: гдѣ-жъ это собаки-то наши? возразилъ мальчикъ, къ которому снова возвратилась его вѣтренность и разсѣянность:—собакъ невидать...

— Экъ забота припала... собакъ не видать!.. а!.. Волки съѣли.

При этомъ старикъ осклабилъ беззубыя свои десны и засмѣялся. По всему было видно, что находится онъ въ отличномъ расположеніи духа; веселость свѣтилась въ его глазахъ, проглядывала въ движеніяхъ сѣдой головы, которая самодовольно покручивалась; тѣсно было, казалось, веселости въ груди его и она вырывалась оттуда сама собою.

— Поди, о чемъ сокрушается: о собакахъ! Эхъ, паренекъ, паренекъ!.. вотъ ужь подлинно: молодо — зелено!.. Чѣмъ собакъ-то высматривать, онѣ, слышь, за Петрухой побѣжали, не пропадутъ небось! ты погляди-ко сюда лучше, сюда погляди. Совсѣмъ, почитай, ужъ покончилъ... ну, что, хорошо-ли?..

Предметъ, на который указывалъ старикъ, дѣйствительно заслуживалъ вниманія: изъ-подъ навѣса, бросавшаго густую тѣнь на дворъ, высовывался длинный гибкій шестъ; въ конецъ шеста проходило старое ржавленное кольцо, отъ кольца спускались четыре коротенькія веревки, которыя расходились и прикрѣплялись концами къ угламъ деревянной рамы, обшитой внутри посконной холстиной и представлявшей подобіе неуклюжаго мѣшка.

— Ну, какова штука-то, ась? сказалъ старикъ, пригибая нѣсколько шестъ веревками и вдругъ выпуская ихъ изъ рукъ, причемъ рама и мѣшокъ начали прыгать.

— Что-жъ это, дѣдушка? спросилъ мальчикъ, слѣдя за эволюціями мѣшка и рамы.

— А что ты думалъ?

— Качка?

— Хе, хе, хе!.. залился старикъ:—знамо, что качка, а не амбарный ящикъ, ну, молодецъ, сказывай: хорошо, что-ли?

— Хорошо, дядюшка!

— Эвна! эвна! эвна! произнесъ старикъ, снова приводя въ движеніе люльку и подпираясь ладонями въ бока: — эвна! знатно будетъ лежать нашему молодцу!.. Подобью еще дно войлочкомъ, да тюфячекъ положимъ... вотъ тутъ еще маленько веревки того... самъ вижу — криво; все въ правый бокъ забираетъ. И тогда повѣсимъ!.. Хорошо будетъ спать моему внучку и твоему племяннику, Гришутка; словно въ лодочкѣ! не ворохнется...

Тутъ ухмылявшееся лицо старика сдѣлалось вдругъ серьезнымъ; онъ отвернулся и склонилъ голову.

— Дай только Господь пожить ему, сердечному... Создай такую милость, царица небесная!.. произнесъ онъ вполголоса, крестясь медленно, съ разстановкой.

Гришутка, не спускавшій съ него глазъ, машинально снялъ шапку.

— Ты, Гришаха, не встрѣчалъ дорогой Петра? спросилъ старикъ, расправляя брови.

— Нѣтъ, дядюшка.

— Чтой-то всѣ вы ноньче какъ замѣшкались? День такой: хлопотъ полонъ ротъ, а они ухомъ не ведутъ... точно, право, зарокъ дали...

— Вотъ онъ никакъ, дядюшка... Вотъ ѣдетъ! крикнулъ Гришка и побѣжалъ отворять ворота, за которыми слышался шумъ подъѣхавшей телѣги.

Щелкнулъ деревянный засовъ, ворота пронзительно заскрипѣли и въ темномъ днѣ навѣсовъ открылся вдругъ ярко-сіяющій квадратъ съ лошадью на первомъ планѣ, телѣжкой и сидѣвшимъ въ ней молодымъ парнемъ. Но прежде чѣмъ Гришка успѣлъ взять лошадь подъ уздцы, его чуть не сшибли съ ногъ двѣ собаки: одна сѣрая,

большая, похожая на волка; другая нѣсколько меньше, черная, съ желтыми зрачками, полузаслоненными шаршавыми бровями, покрытая вся взъерошенными завитками, дѣлавшими ее похожею издали на мячикъ, обшитый чернымъ мохнатымъ бараномъ.

— Дядюшка дожидаетъ, сказалъ Гришка, отбиваясь одною рукою отъ собакъ, другою хватаясь за поводья.

— Да, пора бы! давно пора! отозвался старикъ съ другого конца навѣса.

Телѣга въѣхала на дворъ. Изъ нея вылѣзъ свѣтлорусый малый, лѣтъ двадцати-семи, средняго роста, но плотный, приземистый, дышащій силою и здоровьемъ. Это былъ сынъ старика и мужъ Гришкиной сестры. Насколько бралъ онъ противъ отца силой, настолько, казалось, уступалъ ему въ расторопности, живости и той быстрой смѣткѣ и смышленности, которая отражалась въ глазахъ и каждой чертѣ старика. Малый поглядывалъ даже нѣсколько простакомъ, но, впрочемъ, былъ усердный помощникъ отцу, надежная, плотная опора его старости; малый онъ былъ кроткій, покойный, честный; свойства эти явно отпечатывались на его широкомъ, кругломъ лицѣ, опушенномъ снизу бородкой, сквозь которую просвѣчивали толстыя, добрыя губы и время отъ времени сверкалъ рядъ зубовъ бѣлизны ослѣпительной.

— Что такъ поздно? спросилъ старикъ, выходя къ нему навстрѣчу.

— Ничего не сдѣлаешь, батюшка, смиренно возразилъ сынъ:—Василья дома не было: пришлось обождать.

— Ну, что-жъ, купилъ?

— Купилъ, батюшка, все купилъ, что ты наказывалъ: солонины одинъ пудъ, баранины двадцать фунтовъ, масла и гороху на кисель...

— Много, чай, разсорилъ денегъ-то? спросилъ старикъ, прищуриваясь.

— По той цѣнѣ взялъ, какъ ты сказывалъ...

— Вотъ это хорошо!.. Эй, тетка Палагея! подь къ намъ! закричалъ старикъ, суетливо обращаясь къ крылечку избы.

— Иду, кормилецъ, иду!.. прохрипѣлъ голосъ въ сѣ-

няхъ, и появилась затѣмъ старушка со впалою грудью и лицомъ, сморщеннымъ, какъ черносливъ.

Старикъ взялъ ее изъ Ягодни, на все время, пока лежать будетъ сноха его; сверхъ обычныхъ хлопотъ по хозяйству, Палагея обязывалась, за два съ полтиной, состряпать крестинный обѣдъ, назначенный на завтра.

— Ну, тетка Палагея, стряпня твоя пріѣхала!.. Бери, кроши, повертывай, — да въ печку ставь!.. Готовы ли горшки-то?..

— Готовы, касатикъ!.. У насъ духомъ-леткомъ! Было бы изъ чего, родимый,—за мною дѣло не станетъ... Не смигнешь,—все представлю въ твое удовольствіе!.. бодрясь, говорила старуха, подходя къ телѣгѣ и принимаясь вытаскивать кулечки.

— Гришутка, полно тебѣ съ собаками-то возиться!.. вишь, время нашелъ! подсоби теткѣ Палагеѣ въ избу таскать... Ты, Петруха, присовокупилъ старикъ, понижая голосъ и указывая глазами на старуху:—ты за нею поглядывай... баба-то вострая; не доглядишь — и крупицы себѣ отсыпетъ, и ветчинки отрѣжетъ, и маслица отольетъ... Хозяйкѣ твоей, знамо, не до того теперь, — съ малымъ возится... Ну, а у священника былъ?

— Былъ.

— Что-жъ онъ?

— Какъ обѣдня отойдетъ, говоритъ, тутъ и окрестимъ; пріѣзжать велѣлъ.

— Ну, а къ свату Силаеву и куму Дрону заѣзжалъ звать ихъ?

— Нѣтъ, батюшка, не успѣлъ... Василій добре задержалъ меня съ покупками... Я схожу къ нимъ, какъ уберусь.

— Да, малый ты съ затылкомъ! рази у насъ одно это дѣло-то?.. Ну, да ладно; авось тамъ справимся какъ-нибудь... Пока ты въ село пойдешь, а я за виномъ съѣзжу; Гришунька боченокъ принесъ. Ну, и я безъ тебя не сидѣлъ скламши руки... погляди-ка поди, примолвилъ старикъ, подводя сына къ люлькѣ и снова приводя ее въ движеніе:—эвна! эвна! эвна какъ! Хорошо, что ли?

— Хорошо, батюшка... Я, батюшка, какъ по лугу

ѣхалъ, повстрѣчалъ три воза изъ Протасова; къ намъ на мельницу ѣдутъ; скоро, чай, будутъ... Встрѣтился также Андрей со мною...

— Какой Андрей?

— Да нашъ, изъ Ягодни... Схоронилъ ноне опять парнишку; послѣдняго схоронилъ...

— Что ты!.. Экой горькой этотъ мужикъ, право! И что за диковина такая: не стоятъ у него ребяты да и полно! Всѣ въ одно время, почитай, рѣшились, въ одну осень нынѣшнюю... И бѣдность-то, да и горе-то... Что-жъ, не сказывалъ онъ, зачѣмъ шелъ? заключилъ старикъ, посматривая вопросительно.

— Нѣтъ, не сказывалъ; никакъ мѣшокъ несъ съ рожью; должно быть, молоть идетъ.

— Гм! гм! хорошо все это, только не по времени; право, недосугъ; Богъ съ ними совсѣмъ и съ возами-то! Сидишь, бываетъ, дѣлать нечего, никто не ѣдетъ; нонѣ хлопотъ не оберешься,—всѣ какъ нарочно повалили...

— Я, батюшка, схожу пока хозяйку провѣдаю, перебилъ сынъ.

— Ступай!.. Я здѣсь поуправлюсь... вотъ качку надо еще приладить... Эй, Гришунька! эй!

— Что, дядюшка?

— Распряги лошадь, поставь ее на мѣсто, а телѣгу отодвинь—сейчасъ воза пріѣдутъ!

Мальчикъ побѣжалъ къ лошади; старикъ снова усѣлся верхомъ на обрубокъ и началъ тесать колышки, предназначавшіеся для распорки рамъ на люлькѣ.

Лошадь была уже распряжена и мальчикъ возился съ телѣгой, когда въ свѣтломъ отверстіи отворенныхъ воротъ, показался Андрей, тотъ самый мужикъ, который хоронилъ ребенка. Съ перваго взгляда Гришка не призналъ его, Андрей былъ очень высокъ ростомъ; но теперь согнутый въ дугу подъ тяжестью мѣшка, перекинутаго черезъ плечо, казался онъ маленькимъ человѣкомъ. На немъ были тѣ же лохмотья; къ нимъ теперь присоединялась еще шапка, которой не было у него на кладбищѣ. Медленнымъ, отягченнымъ шагомъ пошелъ онъ прямо къ старику, шаговъ за пять снялъ онъ шапку; несмотря на холодъ, лобъ его

былъ совершенно мокръ и черные волосы свивались на лбу и вискахъ.

— Богъ помочь, Савелій Родіонычъ! сказалъ онъ, сбрасывая мѣшокъ на земь.

— А! здорово, братъ, Андрей... здорово!.. сказалъ старикъ, насаживая топоръ въ обрубокъ и вставая: — слышалъ я о твоемъ горѣ, слышалъ! сынъ сказывалъ! Какъ быть-то, братъ, какъ быть!.. Знать такъ Господу Богу угодно... Его, знать, воля святая, подхватилъ онъ съ сожалѣньемъ. Частію также, старикъ повелъ такую рѣчь съ умысломъ: онъ не сомнѣвался, что Андрей пришелъ съ какою-нибудь просьбой и хотѣлъ ему не дать на это времени; старикъ былъ «крѣпковатъ въ счетахъ», какъ говорятъ въ простонародьи.

Андрей слушалъ, свѣсивъ руки и потупя голову; красивое лицо его, поблѣднѣвшее отъ усталости, изрытое нуждою и лишеніями всякаго рода, выражало глубокую скорбь; но въ скорби этой было что-то покорное, тихое; онъ, какъ видно, свыкся уже съ ударами рока, не возмущался ими, и если слезы текли по раннимъ его морщинамъ, такъ это было совершенно противъ воли: не могъ онъ никакъ совладать съ ними.

— Да, проговорилъ онъ съ разстановкой:—да, Савелій Родіонычъ, — Господь послѣдняго взялъ... Одинъ былъ... и того теперь нѣту, сирота сталъ, Савелій Родіонычъ, какъ есть сирота теперь...

Онъ не договорилъ, отвернулся и отеръ лицо изнакомъ ладони.

— Да... Какъ быть... власть Божья!.. промолвилъ Савелій тономъ, сквозь который проглядывало эгоистическое чувство счастливаго человѣка:—у тебя вотъ, Господь, творецъ милосердный, отнялъ, а мнѣ далъ! ты нонѣ, Андрей, схоронилъ дѣтище, а у меня нонѣ въ ночь внучекъ родился! семь лѣтъ ждалъ, молилъ Господа, — не было; а теперь послалъ Господь!.. Власть Божья! Его не переспоришь... Вѣдь у тебя было никакъ всего трое ребятъ? одинъ, помнится, косинькой такой, маленечко еще на ногу припадалъ... нога-то съ кривинкой была... Этотъ, что ли, померъ?

— Этотъ, Савелій Родіонычъ...

— Ну, этотъ, Господь съ нимъ! обиженный былъ человѣкъ... Не былъ бы тебѣ помощникомъ... Калѣка былъ!

— Нѣтъ, Савелій Родіонычъ, этого мнѣ жалчѣе... другихъ хоронилъ, словно не такъ горько было!.. Косинькаго всѣхъ жалчѣе, Савелій Родіонычъ!.. Ужъ такъ-то жалко... кажись... Пришелъ въ избу, гляжу — нѣтъ его, нѣтъ Егорушки, вспомнилъ... индо даже отъ сердца оторвалось у меня... Косинькаго всѣхъ жалчѣе!..

— Что говорить... послѣдній былъ; своя полоса мяса!.. Что говорить! сказалъ Савелій, поглядывая на стороны:— Ты, братъ Андрей, не серчай на меня... Ей-Богу некогда... недосугъ ноньче... У насъ нонѣ хлопотъ-то и-и-и!..

— Я за дѣломъ къ тебѣ, Савелій Родіонычъ...

— Гм! Какое же твое дѣло?.. Коли можно...

— Да помолоть пришелъ... одинъ мѣшокъ всего...

— Ну, что-жъ, засыпай!...

— Только... нельзя ли какъ-нибудь, Савелій Родіонычъ.. Какъ передъ истиннымъ Богомъ говорю: нѣтъ у меня ничего... отъ похоронъ гроша не осталось... за помолъ отдать нечего...

Савелій поморщился и почесалъ затылокъ.

— Сдѣлай милость, Савелій Родіонычъ!... право, на хлѣбецъ, на одинъ хлѣбецъ муки нѣтъ...

Савелій смотрѣлъ въ землю и пожималъ губами.

— Дядюшка, къ намъ возы ѣдутъ!—Три воза! крикнулъ Гришка, стоявшій въ воротахъ.

— Вишь, тебѣ Господь Богъ посылаетъ, Савелій Родіонычъ! вымолвилъ Андрей.

— Н... ну Богъ съ тобой! засыпай! ступай только скорѣе, пока тѣ не подъѣхали, сказалъ старикашка, принявъ снова свой добродушный видъ. — Гришутка, отцѣпи колесо поди,—у первой снасти!..

Минуты двѣ спустя, внутри амбара послышалось шипѣнье жорнова, который вскорѣ разошелся и пошелъ порхать, посылая изъ амбарной двери легкіе клубы мучной пыли.

— Петрунька, сказалъ Савелій, останавливая сына

послѣ того, какъ возы въѣхали на дворъ, установились и пущена была въ ходъ вторая снасть: — какъ же намъ, слышь, быть теперь?

— Что-жъ, батюшка?

— Ты идешь въ село теперь на крестины звать; можетъ тамъ опять промѣшкаешь; до вечера, можетъ, пробудешь; дни теперь короткіе... Тутъ вотъ эти, прости Господи, пріѣхали! прибавилъ онъ, указывая глазами на подводы:—мнѣ отъ нихъ отойдти нельзя никакъ... А кто-жъ теперь за виномъ-то поѣдетъ?..

— Пошли, батюшка Гришку,—онъ съѣздитъ!

Старикъ пожалъ губами и покачалъ головою.

— Что-жъ такое! продолжалъ сынъ:—развѣ мудрость какая! подалъ деньги цѣловальнику — и все тутъ; боченокъ вѣдь ведерный, обмѣрить нельзя: дѣло все на виду...

— На виду-то, на виду... Оно такъ... Да малый-то... думается, того... Ну, да ладно, ступай!.. произнесъ Савелій, одумавшись: — эй, Гришка, крикнулъ онъ, когда Петръ исчезъ въ воротахъ:—поди запрягай лошадь; смотри только, какъ дугу надѣвать станешь, мнѣ скажи, самъ не затягивай...

— Дай я подсоблю ему, сказалъ Андрей, выходя изъ амбара:—мнѣ пока дѣлать нечего.

Онъ пошелъ навстрѣчу мальчику, который велъ уже лошадь. Когда подвода была готова, Савелій велѣлъ Гришкѣ надѣть шубенку и взять шапку. Тотъ вытаращилъ сначала удивленные глаза; но потомъ, какъ-будто вмѣстѣ съ этимъ приказаніемъ соединилось для него великое счастіе, полетѣлъ въ избу и разомъ даже перескочилъ черезъ всѣ ступеньки крылечка.

— Посылать его хочешь? спросилъ Андрей.

— Да, вина взять на завтра, возразилъ Савелій, запуская съ озабоченнымъ видомъ руку за пазуху и вынимая оттуда кожаный кошель:—что это, какъ вино стало у насъ нонѣ дорого!.. Четыре цѣлковыхъ за ведро... Виданное ли это дѣло!.. И добро бы вино-то было хорошее, спорое... а то лѣшій ихъ знаетъ, прости Господи, чего туда подливаютъ, разбойники!.. Бывало, два съ полтиной

платили; теперь хуже стало, а всѣ четыре цѣлковыхъ отдай... Бѣда да и только!..

— Все теперь вздорожало, Савелій Родіонычъ; за что ни возьмись. все дороже.

— Охо-хо! говорилъ Савелій, высчитывая на ладони деньги:—стало ужъ времена такія пришли... времена такія тугія... Такія времена!

Надѣть полушубокъ и схватить шапку было для Гришки дѣломъ одной минуты; онъ возвратился на дворъ прежде еще, чѣмъ старикъ успѣлъ сосчитать деньги.

— Дядюшка, я здѣсь! сказалъ онъ, торопливо застегивая на ходу верхнюю пуговицу у полушубка и любопытно поглядывая то на лицо старика, то на ладонь съ деньгами.

— Я здѣсь, дядюшка!.. повторилъ нетерпѣливо мальчикъ.

— Вижу... вижу!.. Шесть гривенъ, да полтина... да двугривенный... бормоталъ старикъ: — возьми боченокъ, Гришутка, положь его въ телѣгу, прибавилъ онъ мимоходомъ и возвышая голосъ:—еще три четвертака... Всего четыре цѣлковыхъ... Вишь ты эти деньги? заключилъ онъ, обращаясь къ мальчику.

— Вижу, дядюшка!

— Что-жъ ты видишь-то?

— Деньги, дядюшка!

— Да сколько ихъ?

— Не знаю...

— То-то же и есть!.. прытокъ больно... охъ ужъ ты у меня, смотри!.. слушай, тутъ четыре цѣлковыхъ, продолжалъ старикъ, копотливо завертывая мелкую монету въ двѣ замасленныя рублевыя бумажки: — смотри не оброни!..

— Нѣтъ, дядюшка, въ рукѣ держать буду; не выпущу!

Савелій покачалъ головою, молча разстегнулъ ему полушубокъ, ощупалъ овчину внутри, опять покачалъ головою; молча потомъ снялъ шапку мальчика, внимательно осмотрѣлъ тулью, приподнялъ ее и, вложивъ туда деньги, крѣпко опять надвинулъ шапку на голову Гришки.

— Смотри у меня не сымать шапки дорогой! ска-

залъ онъ: — поѣдешь теперь въ кабакъ, возьмешь тамъ ведро вина, скажи цѣловальнику: «боченокъ-то ведерный, видно будетъ, какъ обмѣришь!».. Постой! возвысилъ голосъ старикъ, видя, что мальчикъ бросился къ телѣгѣ: — погоди! экъ его носитъ какъ!.. знаешь ли еще, гдѣ кабакъ-то?

— Какъ же, дядюшка! какъ не знать... я рази впервой... кабакъ за рѣкою...

— Погоди!.. перебилъ старикъ, выказывая въ свою очередь нетерпѣніе: постой!.. экъ его носитъ!.. ну что ты похваляешься-то? что похваляешься? кабакъ, знаю за рѣкою... да вѣдь за рѣкою-то у насъ два кабака; какъ, проѣдешь рѣку, отъ перевоза будетъ двѣ дороги; одна пойдетъ влѣво, другая прямо, на-лѣво не ѣзди; ступай прямо... слышишь?

— Слышу, дядюшка!

— А коли слышишь, садись да поѣзжай; вотъ еще что: смотри у меня, лошадь не гнать! Пріѣдешь домой, я погляжу: коли потная она, вихры намну!.. помни же, что сказано: шапки не сымай дорогой; какъ въ кабакъ пріѣдешь, тогда только сыми...

Послѣднія слова сказаны были мальчику, когда онъ сидѣлъ уже въ телѣгѣ и держалъ вожжи. Андрей взялъ лошадь подъ уздцы и вывелъ ее изъ воротъ. Гришка свистнулъ собакѣ, которая полетѣла за нимъ, и вскорѣ собака и телѣга пропали изъ виду.

— Андрей, крикнулъ старикъ, когда тотъ возвратился: — побудь пока здѣсь въ амбарѣ; погляди за помольцами, на минутку въ избу схожу, сноху провѣдаю, погляжу на внучка...

— Ладно, Савелій Родіонычъ.

— Постой!.. поди-ка сюда... вымолвилъ старикъ, направляясь къ той сторонѣ навѣса, гдѣ висѣла люлька: — ты, братъ, повыше меня, достанешь безъ подставки... сыми кольцо съ шеста... кстати, ужъ заодно пойду качку въ избѣ прилажу... погоди! присовокупилъ онъ, останавливая одной рукой Андрея, другой рукой приводя въ движеніе люльку: — теперь, кажись, ровно идетъ... Эвно! эвно!.. ладно, сымай теперь!

Андрей исполнилъ его просьбу.

— Побудь же пока въ амбарѣ-то, повторилъ дядя Савелій.

И пропустивъ кольцо въ костлявые свои пальцы, вытянувъ руки, чтобы дно люльки не тащилось по землѣ, онъ поплелся въ избу, сохраняя во все время на лицѣ самодовольную улыбку.

III.

МАЛЕНЬКАЯ БІОГРАФІЯ МАЛЕНЬКАГО ЧЕЛОВѢКА.

Эпоха, въ которую родился Савелій, относится къ весьма отдаленному времени. Лучшимъ доказательствомъ этого служитъ то, что помѣщики имѣли тогда право продавать крестьянъ своихъ по одиночкѣ. Теперь, благодаря просвѣщенію, которому такъ справедливо удивляемся и мы, и европейцы, — право продажи душъ по одиночкѣ не существуетъ.

Теперь крестьяне продаются не иначе, какъ цѣлымъ семействомъ: оно и человѣчнѣе, и даже выгоднѣе.

Сосѣду понравился, напримѣръ, вашъ столяръ; онъ предлагаетъ за него очень выгодныя условія.

— Человѣкъ отличный! говорите вы съ одушевленіемъ:—превосходный! кладъ—не человѣкъ! При случаѣ, онъ можетъ даже красить крыши, составлять лаки... жена его также отличная женщина...

— Но жены его и дѣтей мнѣ не надобно, возражаетъ сосѣдъ: — я хочу имѣть одного только столяра; онъ одинъ мнѣ нуженъ...

— Безъ жены и дѣтей не могу... не могу! говорите вы съ убѣжденіемъ:—развѣ не знаете вы, что я уже не могу этого сдѣлать...

— Дѣлать нечего, продайте всю семью... мнѣ собственно все равно!.. Но въ такомъ случаѣ денежныя условія останутся тѣ же...

— Что вы! что вы!.. Христосъ съ вами!.. говорите вы, пораженные безстыдствомъ и наглостью сосѣда: —

жена его отличная прачка; она даже тонкіе кружевные воротнички стираетъ! Отпустите ее на оброкъ,—она принесетъ вамъ вѣрныхъ пятнадцать цѣлковыхъ!.. Наконецъ, у него есть еще мальчикъ лѣтъ двѣнадцати, удивительный мальчикъ! Самоучкою выучился грамотѣ, пишетъ какъ писарь, почеркъ чисто каллиграфическій... у меня въ семействѣ даже зовутъ его каллиграфомъ... Словомъ, замѣчательный мальчикъ! Года черезъ четыре-пять, онъ принесетъ вамъ рублей тринадцать оброку, если не больше!.. Я бы никогда не разстался съ этимъ ребенкомъ и его матерью... Я уступаю ихъ единственно потому, что отецъ мнѣ не нуженъ; а такъ-какъ по закону одно лицо продать невозможно, рѣшаюсь уже заодно продать все семейство...

Сосѣду столяръ нуженъ до зарѣзу, онъ предлагаетъ, сверхъ положенной суммы за отца, кое-что еще за мать и сына,—и вы остаетесь, слѣдовательно, въ барышахъ противъ того, какъ было бы при продажѣ одной души. Но все это дѣло постороннее и выставлено здѣсь единственно въ защиту успѣха нашего просвѣщеннаго вѣка.

Савелій Родіонычъ принадлежалъ къ другой губерніи, а не къ той, гдѣ теперь находился. Семи лѣтъ отъ роду, проданъ онъ былъ на свозъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью въ село Ягодню, гдѣ въ то время земли было вчетверо противъ числа душъ. Переселеніе изъ родины на новое мѣсто совершилось очень благополучно; не обошлось, конечно, безъ слезъ, воплей и даже криковъ отчаянья при разлукѣ, нельзя же: сердце не камень! Привелось прощаться съ родными, которыхъ никогда больше не увидишь, привелось разставаться навѣки съ погостомъ, на которомъ покоились кости отцовъ и проч. Но нѣтъ такого горя, которое не умалялось бы временемъ. Поплакали и перестали. Семейству Савелія выстроили избенку и отвели землю. Мѣстность Ягодни, воздухъ, вода, жизнь при тогдашнемъ помѣщикѣ — все было лучше, чѣмъ на родинѣ. При всемъ томъ, переселенцамъ какъ-то не посчастливилось на новомъ мѣстѣ. Мать Савелія видимо чахла; къ началу осени слегла она, а къ концу отдала Богу грѣшную свою душу. На второй годъ, Савелій остал-

ся круглымъ сиротою, потому что отецъ его тоже «переселился», т. е. переселился въ такой край, откуда никакой помѣщикъ—предлагай онъ хоть все свое состояніе, не могъ бы уже достать отца Савелья.

Сирота началъ переходить изъ одного семейства въ другое. На вызовъ управляющаго, нѣтъ ли желающихъ взять мальчика на воспитаніе, многія семейства изъявляли величайшую готовность; мальчика отдавали; но вскорѣ явилась необходимость отнять его у воспитателей: одни заставляли пахать его на восьмилѣтнемъ возрастѣ, другіе отдавали его внаймы въ сосѣднюю деревню, третьи выказывали явное намѣреніе воспитать его для той цѣли собственно, чтобы отдать за сына въ солдаты, когда придетъ очередь, и т. д. Такія распоряженія не отвѣчали видамъ управляющаго, который, къ счастію, былъ человѣкъ разсудительный и, главное, очень добрый. Онъ рѣшился испробовать еще разъ и отдалъ сироту одинокому мужику, жившему съ женою. Мужикъ брался воспитать мальчика; онъ обѣщалъ даже усыновить его. На этотъ разъ можно было, кажется, положиться на воспитателей. Несмотря на крайнюю бѣдность новыхъ хозяевъ мальчика, они не посылали его ни пахать, ни отдавали внаймы сосѣдямъ. Жизнь Савелія пошла не-въ-примѣръ лучше прежняго. Вскорѣ началъ онъ свыкаться съ хозяевами; мало-по-малу и тѣ стали привыкать къ нему. Мальчикъ былъ впрочемъ славный, — хотя надо сказать (и въ этомъ старикъ и старуха сознавались съ сокрушеннымъ сердцемъ),—онъ поѣдалъ у нихъ множество хлѣба. «Къ росту что-ли онъ такъ, или прежде добре ужъ голодалъ много, говорили они, — но только съѣдаетъ — Христосъ съ нимъ!—словно взрослый! не напасешься никакъ!..»

Годъ отъ году, однакожъ, меньше каялись они, что взяли его и меньше жалѣли хлѣба. Хлѣбъ шелъ въ прокъ мальчугану; онъ росъ, крѣпчалъ, привязывался къ старикамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, не шутя, дѣлался имъ полезенъ. На тринадцатомъ году, онъ свободно уже управлялся съ сохою; и это вовсе не потому, чтобы много понукалъ хозяинъ,—но по своей охотѣ. Въ прежнее время,

когда выходила старику очередь ѣхать въ ночную, или отрывали его другія мірскія и барскія дѣла, — поле его часто гуляло (батрака нанять было не на что), собственныя работы его останавливались, плетень оставался недоплетеннымъ, лошадь неприбранною и проч.; теперь онъ оставлялъ малаго, и если послѣдній не приводилъ дѣла къ полному успѣху, то, по крайней мѣрѣ, все же хоть сколько-нибудь подвигалъ его. И все дѣлалось у него какъ-то скоро, охотно, весело; все какъ-то давалось ему и спорилось въ рукахъ его. Старикъ занимался нѣсколько плотничнымъ ремесломъ; Савелій любилъ присматриваться къ такой работѣ. Лѣтъ пятнадцати онъ владѣлъ топоромъ ничуть не хуже своего воспитателя. Прошелъ годъ, другой. Около этого времени, въ Ягоднѣ перестраивали церковь, которую мы видѣли. Савелій попалъ въ число плотниковъ.

Выборъ этотъ опредѣлилъ, можно сказать, судьбу его. Церковь перестраивалась своими мужиками, но ими завѣдывали два испытанные егорьевскіе плотника. Съ первыхъ же дней замѣтили они, что никто не строгалъ досокъ глаже Савелія, никто такъ чисто не выводилъ желобковъ для стока воды, никто не былъ такъ смѣтливъ, ловокъ и смѣлъ съ топоромъ и на подмосткахъ. Они дали ему рубить углы и потомъ посадили за рамы. Но гдѣ особенно отличился Савелій, такъ это когда пришлось убирать узорчатыми подзорами наружныя стѣны и церковные навѣсы. Онъ выдолбилъ въ доскѣ такой красовитый узоръ, что всѣ только ахнули и рѣшили, что лучше не выдумать. Теперь уже не существуютъ эти деревянные фестоны, служившіе когда-то лучшимъ наружнымъ украшеніемъ церкви; обливаемые дождемъ въ продолженіе пятидесяти лѣтъ, съѣдаемые червоточиной и плѣсенью, они истребились совершенно; въ одномъ только мѣстѣ, съ восточной стороны церкви, тамъ, гдѣ алтарь и гдѣ тѣснятся могилы, осталось еще одна—сѣрая тесина съ треснувшимъ и полуосыпавшимся узоромъ; но и этотъ послѣдній остатокъ виситъ уже на одномъ гвоздѣ и день ото дня грозитъ упасть на ближнюю могильную плиту и разсыпаться въ прахъ...

Слухомъ, говорятъ, земля полнится. Въ окрестностяхъ сдѣлалось извѣстнымъ, что въ Ягоднѣ находится ловкій плотникъ; слухъ не замедлилъ проникнуть на мельницы, которыхъ тогда уже было довольно много въ околоткѣ. Мельники стали звать Савелія.

— Что-жъ, батюшка, сказалъ Савелій, когда старикъ завелъ рѣчь объ этомъ предметѣ;—коли ты съ матушкой отпустите, я бы пошелъ пожалуй; плотничья работа далась мнѣ; супротивъ всякаго другого дѣла имѣю я къ ней охоту... Сдается мнѣ, худобы для дома отъ этого никакой не будетъ; емельяновскій мельникъ сулитъ отъ Святой до заговѣнья сто-тридцать рублей; восемьдесятъ рублей отдашь батраку; земли у насъ не Богъ знаетъ сколько, онъ съ нею управится; ты маленько еще подсобишь... Значитъ пятьдесятъ рублей въ домѣ останутся! Какъ умомъ ни раскидывай, все, значитъ, въ барышахъ останешься.

Такая рѣчь пришлась старику по душѣ и по разуму. Савелій отправился. Лишнимъ считаю распространяться о томъ, какъ жилъ Савелій на емельяновской мельницѣ. Достаточно сказать, что на второй годъ мельникъ сулилъ ему не сто-тридцать, а сто-восемьдесять, лишь бы остался работникъ. Одна изъ причинъ, почему жалованье усиливалось, заключалась отчасти въ томъ также, что сосѣдніе мельники старались всячески переманить къ себѣ работника. Такія обстоятельства достаточно, кажется, говорятъ въ пользу Савелія.

На десяти мельницахъ, по крайней-мѣрѣ, извѣстно стало, что лучше емельяновскаго плотника не сыскать по округу: емельяновскія колёса его издѣлья пошли въ славу столько же по чистотѣ отдѣлки, сколько и потому также, что, принимая меньше воды, вертѣли такъ же скоро, какъ прежде. Малый, сверхъ того, былъ на всѣ руки: хочешь, приставь его въ прудкѣ, вели толчею въ ходъ пустить, пошли на базаръ съ мукою или дай приглядѣть за помольцами—ни въ чемъ не сплохуетъ, ко всему гораздъ, нигдѣ не покривитъ душою; и малый-то какой: хмѣлемъ не зашибается, нравомъ кроткій, хозяина всегда готовъ уважить,—словомъ, кладъ, а не работникъ!

Савелій остался у прежняго хозяина; съ него пошелъ онъ въ ходъ и не хотѣлось идти ему на новое мѣсто тѣмъ болѣе, что на первомъ онъ привыкъ и давали ему столько же жалованья, сколько и на вторыхъ.

Маленькое хозяйство старика и старухи годъ отъ году между-тѣмъ поправлялось. Савелій во-время высылалъ имъ деньги и никогда копѣйки отъ нихъ не утаивалъ.

«Вотъ, батюшка, скажетъ, здѣсь трехъ цѣлковыхъ съ пять-алтыннымъ не въ достачѣ; ты не сумлѣвайся: два цѣлковыхъ пошли на полушубокъ; вотъ гляди: на спинѣ протерлось... новую овчину вставилъ, да на локти еще... Одинъ цѣлковый отдалъ за сапоги. А за пятьалтынный ты, батюшка, не серчай: набивной платокъ купилъ... въ праздникъ, знамо, поразгуляться захочешь, повяжешь на шею... у насъ всѣ такъ-то ходятъ; не хотѣлось, супротивъ другихъ-то... словно совѣстно!..»

Батракъ, заступившій мѣсто Савелія, попался хорошій; поля не стояли, обработывались; не то что прежде, когда, бывало, старикъ, отвлекаемый то міромъ, то барщиной, не успѣвалъ управиться со своими дѣлами. Хлѣбушка было теперь въ достачу; оставалось даже на продажу.

Но человѣкъ такъ уже сотворенъ видно, что никогда не доволенъ настоящимъ. Сколько провидѣніе ни расточай на него благъ своихъ, сколько ни балуй его, онъ все-таки стремится получить больше, все-таки продолжаетъ докучать провидѣнію, прося у него новыхъ даровъ, новаго счастія. То же было и со стариками—пріемными отцомъ и матерью Савелія. До преклонныхъ годовъ терпѣли они нужду горькую, бѣдность; Господь сжалился надъ ними: утолилъ ихъ нужду, утѣшилъ ихъ старость, пославъ имъ сына — подпору; положимъ, сынъ не былъ родной; но не все ли равно, когда жилъ онъ съ ними и радовалъ ихъ, быть можетъ, лучше всякаго кровнаго! Такъ нѣтъ же! Стоило только пооперитъся старикамъ, стоило имъ порадоваться надъ Савельемъ и возблагодарить за него Бога, — начали они возсылать къ Нему новыя мольбы, начали давать волю новымъ мечтаніямъ! Утромъ, вечеромъ ли, короче сказать, когда ни встрѣчались ста-

рикъ со старухой, только и слышно было у нихъ разговору, что вотъ, дескать, конечно, Творецъ милосердый благословилъ ихъ всѣмъ, послалъ и сынка, и достатокъ, но что ко всему этому какъ словно не достаетъ еще чего-то... Что надо бы теперь поженить сынка-то, надо бы порадоваться на его счастье, надо бы внучатъ понянчить... и проч. Слова нѣтъ, при существующихъ обстоятельствахъ, такія мечтанія не были, можетъ-статься, заносчивы; теперь любая дѣвка охотно пошла бы въ домъ къ нимъ; но все-таки, не доказываетъ ли это, что человѣкъ, даже преклонный, никогда не успокоивается, вѣчно будетъ уноситься мечтаніями и требовать большаго. Дало провидѣніе сына, — нѣтъ, мало: давай еще сыну жену, потомъ внучатъ и такъ далѣе. Старикъ и особенно старуха начали искать невѣсту. Ходить было не далеко и не долго; въ той же самой Ягоднѣ выискалась вскорѣ хорошая дѣвушка. Зимою, на побывку, пришелъ Савелій. Старики поговорили ему, показали дѣвушку; дѣвушка парню понравилась, онъ согласился — и въ тотъ же мѣсяцъ сыграли свадьбу. Мѣсяца два пожилъ онъ дома, провелъ рождественскіе праздники съ молодою женою—и снова отправился на работу. Такой уговоръ былъ у него съ содержателемъ Бархинской мельницы, слывшей въ то время первой мельницей по всей губерніи. Савелій получалъ уже теперь триста рублей въ годъ жалованья. Но счастіе не въ достаткѣ! именно: не въ достаткѣ счастіе. Сколько ни молилъ Бога Савелій, сколько ни просили старики угодниковъ, старуха ходила даже по этому предмету на богомолье; нѣтъ, не давалъ Господь дѣтей Савелью, не давалъ внучатъ старикамъ! На все остальное снизошло благословеніе; хлѣба рождалось много, скотинка велась хорошая: была корова и телка, восемь овецъ, двѣ лошади; жили они въ новой избѣ и съ широкою печью, палатями и перегородкой; остальное строеніе такъ же все поисправилось: столбы навѣсовъ были новые, плетни стояли стѣною, крыша такъ густо покрыта была соломой, что стало бы ея на три крестьянскихъ двора; сами они, и старики, и сноха, и Савелій пользовались хорошимъ здоровьемъ,—словомъ, все было такъ, что лучше и же-

лать нельзя, но дѣтей не давалъ Господь; не рождались дѣти, да и только!

Савелію было уже около тридцати-семи лѣтъ, когда неожиданно умеръ его помѣщикъ. Наслѣдники поспѣшили продать Ягодню. Новый помѣщикъ пріѣхалъ въ пріобрѣтенное. Первымъ распоряженіемъ его было — собрать налицо всѣхъ мужиковъ, работавшихъ на сторонѣ и ходившихъ по оброку. Савелій только-что нанялся тогда заправлять новой какой-то мельницей; онъ лишился мѣста и, сверхъ того, долженъ былъ еще заплатить неустойку.

Но мы оставимъ на время Савелья. Разскажемъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію Ягодни за двѣнадцать лѣтъ. Жизнь крестьянина такъ тѣсно связана съ положеніемъ его деревни; положеніе деревни находится въ такой зависимости отъ жизни помѣщика, его взглядовъ, нрава и образа управленія, что разсказывая исторію деревни, или, все равно, исторію управленія надъ нею, даешь въ то же время возможность судить о житьѣ-бытьѣ самого крестьянина.

Провидѣніе, всегда хранившее Ягодню, спасавшее ее отъ пожаровъ, неурожаевъ, моровыхъ язвъ и дурныхъ помѣщиковъ, казалось, вдругъ отъ нея отвернулось. Такъ, по крайней мѣрѣ говорили и думали крестьяне. Въ эти двѣнадцать лѣтъ, въ Ягоднѣ смѣнилось сряду пять помѣщиковъ; всѣ они, какъ на подборъ, принадлежали къ классу, извѣстному у насъ подъ именемъ: «помѣщиковъ-спекуляторовъ». Къ этому классу, благодаря Бога, весьма немногочисленному въ нашемъ отечествѣ, принадлежатъ большею частію люди темнаго происхожденія; они выходятъ изъ семинарій, изъ уѣздныхъ судовъ, изъ заднихъ рядовъ гражданской государственной службы, дослуживаются до секретарей и коллежскихъ совѣтниковъ, иногда больше и, набивъ копѣйку, пускаются пріобрѣтать имѣнія, съ цѣлью закруглить капиталъ. Такіе господа не живутъ обыкновенно въ деревняхъ своихъ. Дѣтство ихъ не запечатлѣно воспоминаніями сельской жизни, — воспоминаніями, которыя сердечно привязываютъ человѣка къ такому-то мѣсту и людямъ, ему принадлежащимъ и заставляютъ смотрѣть на все это мимо всякихъ выгодъ и раз-

счетовъ. Въ глазахъ помѣщика-спекулятора имѣніе представляетъ ничего больше, какъ капиталъ, изъ котораго стараются они извлечь по возможности больше процентовъ; на крестьянъ смотрятъ они, какъ на извѣстнаго рода свеклу, которую чѣмъ сильнѣе нажмешь, тѣмъ больше получишь изъ нея соку. Часто помѣщикъ-спекуляторъ стыдится пріѣхать въ свою деревню, потому-что дядя его былъ тамъ дьячкомъ или дворовымъ человѣкомъ. Онъ посылаетъ тогда управителя, отставного унтера какого-нибудь, или знакомаго протоколиста, которому протежируетъ и котораго выводитъ въ люди. Изъ числа помѣщиковъ, владѣвшихъ Ягодней въ продолженіе двѣнадцати лѣтъ, двое посылали туда управляющихъ, три сами являлись и лично занимались управленіемъ. Послѣдніе были самые худые. Одни дѣйствовали такимъ образомъ: не измѣняли прежней системы управленія, но только удвоили оброки; они уничтожали затяглыхъ и сажали ихъ на оброкъ; накладывали оброкъ на дѣвокъ и ребятъ свыше двѣнадцатилѣтняго возраста; женили семнадцатилѣтнихъ парней, чтобы увеличить число тяглъ; извѣстно, что съ тягла, т. е. съ мужа и жены можно больше взять, чѣмъ съ дѣвки и парня. Они продавали на срубъ рощи; продавали невѣстъ изъ крестьянскихъ и дворовыхъ дѣвокъ, продавали скотъ. Владѣя такимъ образомъ годъ или два имѣніемъ, собравъ два непосильные оброка, собравъ еще одинъ оброкъ впередъ за третій годъ, они неожиданно продавали Ягодню. Другими управляла иная система: они уничтожали оброкъ и сажали имѣніе на пашню; земля и народъ не знали отдыха. Правило, назначающее столько-то дней работать на барщинѣ, столько-то на себя, уничтожилось само собою; народъ неутомимо работалъ въ поляхъ, работалъ на кирпичномъ заводѣ, который вдругъ возникалъ въ Ягоднѣ, возилъ продавать кирпичъ въ городъ, пахалъ, молотилъ и вѣялъ, не зная сна и покоя. Выжавъ сокъ изъ земли и крестьянъ, раззоривъ въ-конецъ имѣніе, помѣщикъ на-скоро подправлялъ плетни, покрывалъ крыши, подкрашивалъ амбары, воздвигалъ кой-гдѣ красивенькія рѣшотки, и показавъ лицомъ Ягодню, выгодно сбывалъ ее другому, менѣе опытному изъ сво-

его же брата. Результатомъ этихъ двѣнадцати лѣтъ было то, что Ягодня, слывшая какъ-то чуть ли не первой деревней уѣзда, сдѣлалась послѣдней; земля истощена, лѣса порублены, крестьяне раззорены; у многихъ не только коровы не было, — не было лошади и даже курицы въ домѣ. Большая часть побиралась.

Къ этому числу не принадлежалъ однакожъ Савелій. Онъ былъ бѣденъ; куда! — слѣда не осталось отъ прежняго благосостоянія! но сравнительно съ другими, онъ все еще кой-какъ пробавлялся. Въ эту страшную эпоху раззоренья, мужичку все-таки встрѣчалась надобность поправить уголъ избы, требовалось подвести ось телѣги, починить кадку; бабамъ нужны были деревянные гребни для мычекъ, веретена, корыта; никто лучше Савелья не могъ исполнить такихъ дѣлъ, и при этомъ всегда перепадалъ ему лишній кусокъ хлѣба. Въ эти двѣнадцать лѣтъ много впрочемъ измѣнилось въ его домашнемъ положеніи: старикъ и старуха приказали долго жить; но, какъ бы въ замѣнъ такого горя, Господь услышалъ наконецъ его молитвы и послалъ ему сынка. Савелій не падалъ духомъ. Какая-то внутренняя сила, — быть можетъ вѣра въ промыслъ, быть можетъ природная потребность дѣятельности, быть можетъ то и другое вмѣстѣ, — подкрѣпили его. Онъ разгибалъ спину послѣ барщины и, приходя домой, снова сгибалъ ее, всегда находя подъ рукою какую-нибудь работу. Дѣйствіемъ этого было то, что онъ ѣлъ хлѣбъ, тогда какъ другіе побирались.

Наконецъ судьба сжалилась надъ бѣдною Ягодней. Она попала въ руки сосѣднему помѣщику, настоящему помѣщику, — коренному, какъ называли его крестьяне. Пошли тотчасъ же другіе порядки: имѣніе поступило на оброкъ, не на такой, котораго не могли платить крестьяне, но который могъ только ихъ поправить. Въ первое же воскресенье, послѣдовавшее за купчею, церковь Ягодни была полна народу. Старики стояли на колѣняхъ; бабы кланялись иконамъ и плакали; всѣ молились и благодарили Творца, внявшаго ихъ грѣшнымъ молитвамъ.

Обыватели Ягодни вздохнули. Вмѣстѣ съ ними вздохнулъ, разумѣется, и Савелій. Но вскорѣ вздохъ радости

смѣнился у него тяжелымъ вздохомъ; около этого времени онъ лишился жены. Правду говорятъ: не бываетъ радостей безъ печали!

Поплакалъ, погрустилъ Савелій; но дѣлать нечего, мертваго не воскресишь! надо было приниматься тянуть какъ-нибудь житейскую лямку. Сына своего (мальчишкѣ было тогда семь лѣтъ) поручилъ онъ жениной роднѣ, а самъ, перекрестясь, снова пошелъ ходить по мельницамъ. Дѣло было знакомо, сподручно. На мельницахъ Савелія еще помнили; думали, конечно, что силы въ немъ поубавилось; думали также, отъ дѣла отвыкъ; взяли его больше за прежнюю славу. Сначала самъ Савелій такъ думалъ; но пожилъ весну, пожилъ лѣто, плечи расходились, снова явилась прежняя смѣтка — и пошло по старому, съ тою разницею, что разуму теперь и опыту стало въ немъ больше. Мало-по-малу дѣлишки опять начали поправляться. Землю свою передалъ онъ до времени мужу родственницы, у которой находился сынишка; избу свою онъ не только не продавалъ, но всячески даже старался ее поддерживать. Когда мальчику минуло четырнадцать лѣтъ, Савелій взялъ его съ собою и опредѣлилъ сначала безъ жалованья на ту мельницу, гдѣ самъ занималъ мѣсто перваго работника. Между-тѣмъ, какъ исправлялся Савелій, поправлялись также другіе жители Ягодни; но не имѣя ремесла, не одаренные той смѣткой и дѣятельностію, которыя отличали Савелія, — они поправлялись медленнѣе. Только спустя десятокъ лѣтъ, Ягодня и ея обыватели пришли въ прежнее положеніе.

Эти десять лѣтъ принесли большія перемѣны въ бытѣ Савелія; онъ женилъ сына и самъ, къ концу этого срока, перебрался домой на жительство. Ему наскучило, видно, таскаться по чужимъ мѣстамъ, хотѣлось пожить своей волей, своимъ домкомъ-хозяйствомъ; къ тому же и кости состарѣлись, пора было на покой, на отдыхъ. Такъ разсуждали его родные и сосѣди. Савелій, надо полагать, думалъ иначе. Силы его точно истратились (ему минуло уже подъ-шестьдесятъ), лѣта ослабили его тѣло, но не угомонили духа и дѣятельности. Съ утра и до вечера копошился онъ на своемъ дворѣ, не переставалъ рубить,

строгать, плесть плетни, и ни на минуту престарѣлыя руки его не оставались праздными. Но, оказалось, не по душѣ, не по привычкѣ были старику такія мелкія, мирныя занятія; онъ словно скучалъ, ѣлъ мало, нигдѣ не находилъ себѣ мѣста. Въ свободное время, а такого было теперь много (онъ считался уже затяглымъ; одинъ Петръ сидѣлъ на оброкѣ и платилъ пятнадцать цѣлковыхъ), въ свободное время, старикъ отправлялся обыкновенно къ ручью, который огибалъ луговой скатъ села, гдѣ была церковь, извивался по долинѣ и падалъ въ рѣчку. При этомъ впаденіи, когда-то, въ давнія времена, находилась маленькая колотовка; отъ нея оставались теперь только старыя ветлы. Прогулки старика повторялись чаще и чаще. Ни одинъ человѣкъ,—даже сынъ и сноха, не подозрѣвали намѣреній старика. Вскорѣ все объяснилось; какъ домашніе, такъ и посторонніе узнали, что Савелій былъ у помѣщика, предложилъ ему выстроить на свой собственный счетъ мельницу, гдѣ была прежняя колотовка, предлагалъ платить за нее, вмѣстѣ съ сыномъ, тридцать рублей оброку въ годъ. Такъ всѣ и ахнули. Но аховъ было еще больше, когда Савелій приступилъ къ стройкѣ; особенно когда заплатилъ за два жернова двѣсти рублей, да за амбаръ еще триста.

«Поди-жъ ты!.. говорилъ народъ: — кто бы подумалъ объ этомъ?.. Виду вѣдь никакого не показывалъ;—а денегъ-то, денегъ сколько! Шутка, капиталъ какой!..»

Капиталъ былъ точно значительный. Мельница стоила Савелію шестьсотъ рублей ассигнаціями; но это еще не все: оставалось у него про запасъ еще цѣлковыхъ сорокъ. Все это, въ общей сложности, представляло капиталъ въ семьсотъ-сорокъ рублей на ассигнаціи. Дѣйствительно, страшная сумма, если принять въ соображеніе, что на составленіе ея потребовались только, всего-на-всего, какихъ-нибудь десять лѣтъ! Конечно, каждая копѣйка этого капитала досталась потомъ; для добыванія каждаго рубля требовалось работать не разгибая спины; но что могутъ значить труды сравнительно съ такимъ огромнымъ вознагражденіемъ!..

Простымъ классомъ народа вообще управляетъ рутина:

его пугаютъ всякія нововведенія; онъ боится идти новымъ путемъ и рѣдко рѣшается употребить деньги на промыселъ, на дѣло, которымъ не занимались отцы и дѣды. Сосѣди совсѣмъ не шутя жалѣли его, не шутя думали, что онъ рехнулся. Къ такому мнѣнію не мало способствовали окрестные мельники; Савелій покушался отбить у нихъ помольцевъ: они досадовали и распускали на счетъ его предпріятія самые неблагопріятные слухи, они старались даже вредить ему болѣе дѣйствительнымъ образомъ: подсылали кидать ртуть въ ручей, съ цѣлію повредить плотинѣ, которая должна была отъ этого просачиваться; говорили, что воды ручья недостаточно, чтобы поднять два жернова, что въ весенній разливъ рѣки вода пойдетъ ко двору и снесетъ мельницу, и проч.

Но не таковъ былъ Савелій, чтобы сталъ дѣйствовать наобумъ, очертя голову. Зоркій глазъ его давно высмотрѣлъ мѣстность, смѣтливый умъ исчислилъ всѣ выгоды и неблагопріятные случаи, долгій опытъ научилъ, какъ предупредить ихъ. Дѣло было слишкомъ ему знакомо, слишкомъ много лѣтъ изъ жизни своей употребилъ онъ на изученіе его, чтобы могъ обмануться. Слухи и разговоры прекратились, какъ только подняты были въ первый разъ шлюзы, оба колеса дружно завертѣлись и жернова пошли порхать такъ же скоро, какъ у сосѣдей. Всѣмъ извѣстно теперь, что, въ своемъ округѣ, мельница дяди Савелія самая исправная, даромъ что самая маленькая и стоитъ на ручьѣ, а не на рѣчкѣ: ни разу не прорвалась ея плотина, ни разу не было недостатка въ водѣ, ни разу не подмывала она двора, ни разу не задержался помолецъ; ко всему этому слѣдуетъ прибавить, что въ эти три года помолецъ уѣзжалъ всегда довольный и въ разговорахъ никогда достаточно не нахваливался обычаемъ маленькой мельницы: тамъ оставляли на распылъ меньше муки, чѣмъ у сосѣдей, никогда не оттягивали зеренъ, мука была всегда мягкая и всегда строго наблюдалась очередь: кто первый пріѣхалъ, тотъ и засыпай; не то что въ другихъ мѣстахъ, гдѣ тотъ правъ всегда, кто больше посулилъ мельнику.

Годъ отъ году, жерновамъ Савелія доставалось больше работы; барышей большихъ не было, но жить было можно:

хорошо можно было жить! Не встрѣчалась, не предвидѣлась пока надобность трогать запасной капиталъ, оставшійся послѣ постройки мельницы. Деньги лежали скрытно ото всѣхъ въ сундукѣ,—и радовали сердце предусмотрительнаго старика. Такъ было, по крайней мѣрѣ, до того дня, когда Савелій приготовился къ крестинамъ и дѣлалъ качку для новорожденнаго внучка, предмета столькихъ ожиданій и радостей.

IV.

Передряга.

Бѣдный Андрей, изъ Ягодни, давнымъ-давно уже отмололъ свой мѣшокъ ржи и оставилъ мельницу; мало того: изъ трехъ возовъ, такъ некстати тогда пріѣхавшихъ, оставался всего одинъ; и все-таки не видно было ни Петра, ушедшаго въ село съ приглашеніями, ни Гришутки, уѣхавшаго за виномъ. Время приближалось къ вечеру. Солнце садилось, усиливая съ каждой минутой пурпуровый блескъ холмовъ и отдаленныхъ рощъ, смотрѣвшихъ на западъ; съ востока, между тѣмъ, спускались синія, холодныя тѣни; они бѣжали какъ-будто отъ солнца, быстро наполняли лощины и раскидывались все шире и шире по лугамъ, оставляя кое-гдѣ за собою верхушку ветлы или кровлю, которыя, при блескѣ заката, горѣли точно охваченныя пламенемъ. Вѣтеръ не трогалъ ни однимъ поблекшимъ стебелькомъ, ни одной соломенкой на кровлѣ; но и безъ вѣтра сильно пощипывало уши и щеки. Прозрачность воздуха и ослѣпительная ясность заката предвѣщали на ночь морозъ порядочный; даже теперь, въ низменныхъ мѣстахъ, гдѣ тѣнь сгущалась, опавшій листъ и трава покрывались сѣдою изморозью. Дорога звенѣла подъ ногами. За двѣ, за три версты можно было, кажется, различить малѣйшій звукъ: лай собакъ въ отдаленныхъ селахъ, голоса на сосѣдней мельницѣ, шумъ доски, внезапно сброшенной на мерзлую землю. Но сколько ни прислушивался Савелій, нигдѣ не раздавалось дребез-

жанья телѣги: Гришутка не являлся. Напрасно также глаза старика обращались къ долинѣ, по которой вилась дорога: и Петръ не показывался. Постоявъ минуты съ двѣ у воротъ, Савелій возвращался на дворъ, заглядывалъ въ амбаръ, обмѣнивался нѣсколькими словами съ помольцемъ, который домалывалъ послѣдній возъ, и снова уходилъ въ избу.

Изба его была не велика, но было въ ней и тепло, и уютно. По случаю стряпни къ крестинамъ, было въ ней даже жарко; но это ничего; когда на дворѣ морозитъ, чувствуется особенная пріятность войти въ сильно нагрѣтое жилище. Изба ничѣмъ не отличалась отъ прочихъ избъ: направо отъ двери возвышалась печь; дощаная перегодка, отдѣлявшаяся отъ печки небольшой дверцей, упиралась другимъ концомъ въ заднюю стѣну. Два окна освѣщали эту первую половину; окна смотрѣли на западъ, и заходящее солнце било такъ сильно въ перегородку, печь и на полъ, что свѣтъ отражался подъ столомъ и лавками, оставляя кое-гдѣ только непроницаемыя пятна тѣни. Въ заднемъ углу, который называется краснымъ, хотя бываетъ обыкновенно самымъ темнымъ, виднѣлись иконы, мѣдный литой крестъ, кончики желтыхъ восковыхъ свѣчь и неуклюжій стаканчикъ изъ толстаго фіолетоваго стекла; все это располагалось на двухъ полкахъ, украшенныхъ внутри кусочками обоевъ, снаружи — грубою, но замысловатою рѣзьбою; стиль рѣзьбы былъ тотъ же, что на подзорахъ, украшавшихъ нѣкогда церковь Ягодни; она относилась, надо полагать, къ тому времени и принадлежала тому же долоту и топору. Солнечные лучи, пронизывая маленькія оконныя стекла съ радужнымъ отливомъ, золотили пыль, проходившую двумя параллельными полосами черезъ всю избу, и упирались въ чугунокъ съ водою, стоявшій у печки; надъ чугункомъ, въ темномъ, закоптѣвшемъ потолкѣ, дрожало свѣтлое пятно, которое дѣти называютъ «мышкой». Неподалеку играла кошка и четверо полосатыхъ котятъ.

Во второй половинѣ, за перегородкой, противъ печки, помѣщалась койка, устланная соломой и покрытая войлокомъ, на которомъ лежала жена Петра. Подъ рукою ея

висѣла люлька, придѣланная къ концу шеста, укрѣпленнаго въ потолкѣ; младенецъ лежалъ, однакожъ, не въ люлькѣ, а подлѣ матери. Тутъ находился также шкапикъ съ посудой, два сундучка и широкая лавка, которую Палагея, хлопотавшая у печки, уставила караваями, горшками и пирогами. За этой перегородкой было и тѣсно, и душно. Тутъ также было окно; но солнечный лучъ, встрѣчая множество угловъ и выступовъ, цѣпляясь то за люльку, то за край лавки, то проходя по ряду пироговъ, густо зарумяненныхъ яичнымъ желткомъ, производилъ здѣсь страшную пестроту; глазъ отдыхалъ только на верхней части постели, которая тонула въ мягкомъ желтоватомъ полусвѣтѣ, гдѣ покоились голова родильницы и спавшій подлѣ нея младенецъ.

— А-ай да морозецъ! знатно завертываетъ! сказалъ Савелій, входя въ избу и потирая ладонями, напоминавшими корку старыхъ древесныхъ пней:—коли такъ денька два постоитъ, пожалуй, что и рѣка станетъ... Экъ нажарили! промолвилъ онъ, повертывая за перегородку; — словно въ банѣ, право, въ банѣ!.. только что вотъ духъ другой: пирогами попахиваетъ!.. Ну, сношенька наша любезная (до рожденья внучка онъ всегда называлъ ее просто Марьей и вообще не выказывалъ ей большой нѣжности), не знаю, что мнѣ дѣлать съ нашими молодцами: о сю пору не видать! А давно бы пора, кажется...

— Пріѣдутъ, батюшка, слабымъ голосомъ отозвалась Марья.

— Вотъ есть объ чемъ умомъ раскидывать! бойко вмѣшалась Палагея, гремя въ то же время ухватомъ: — одинъ не нашелъ, должно быть, хозяевъ. Пришелъ: «дома?» спрашиваетъ. «Ушелъ», говорятъ; онъ его дожидаться сѣлъ, либо искать пошелъ... Другой въ кабакѣ сидитъ; можетъ народу много — онъ и дожидаетъ, пока другихъ не отпуститъ цѣловальникъ; знамо: парень малый, большихъ не перекричитъ; тотъ и послѣ пришелъ, да первый взялъ...

— Ну, нѣтъ, не таковскій! Шустеръ, — у-у-у — шустеръ! перебилъ старикъ, грозя пальцемъ на какой-то воображаемый предметъ:—небось, въ обиду себя не дастъ,

даромъ не величекъ!.. Не объ этомъ я совсѣмъ думаю; думаю: парнишка-то востеръ оченно, не напроказилъ бы тамъ... Ну, да вотъ пріѣдетъ, спросимъ, спросимъ... добавилъ онъ, какъ-бы заминая рѣчь и подходя къ постели родильницы: — ну, сношенька любезная, какъ можется, а?

— Ничего, батюшка, Богъ милостивъ...

— Все ты меня... къ примѣру, меня не слушаешь!.. Вотъ что...

— Въ чемъ же, батюшка?

— А хошь бы въ томъ... оченно ужъ много труда принимаешь... ей-Богу! На первыхъ-то порахъ такъ негодится... Вѣдь вотъ нарочно качку сдѣлалъ для малаго. Нѣтъ, все подлѣ себя его содержишь, все съ нимъ возишься; ну, помилуй Богъ, еще заснешь какъ-нибудь... Долго ли до бѣды!

— И-и, касатикъ, перебила Палагея: — Христосъ съ тобою! Господь милостивъ, до грѣха такого не допуститъ!

— Нѣтъ, бываетъ! бываетъ! подхватилъ Савелій тономъ убѣжденія:—вѣдь вотъ случилось же: выселовская Марѳа заспала ребенка-то!.. Коли не это, все равно другой случай можетъ выйдти: заснетъ она, подберутся какъ-нибудь котята, лицо младенцу, Христосъ съ нимъ! исцарапаютъ... Ну, что хорошаго! Васъ, бабъ, не вразумишь никакъ! Вѣдь вотъ нарочно качку сдѣлалъ, нарочно повѣсилъ подлѣ кровати: заплакалъ младенецъ—протяни только руку, либо, коли не осилишь, Палагея подастъ... Опять же теперь другое разсужденіе: развѣ ему не покойнѣе лежать въ люлькѣ, чѣмъ на кровати?.. Онъ вѣстимо, не скажетъ, а ужъ это всякій видитъ, что въ люлькѣ покойнѣе! Нарочно для спокою и сдѣлана...

Старикъ нагнулся къ младенцу.

— Агу, батюшка, агу! произнесъ онъ, потряхивая сѣдинами и комически какъ-то сморщиваясь: — слышь, сношенька... дай-ка, право... дай положу его въ люлечку... Ну, что онъ тутъ? Кормила ты его?

— Кормила, батюшка...

— Ну и ладно!.. Подь, касатикъ, подь! говорилъ ста-

рикъ, подымая ребенка, между-тѣмъ, какъ обѣ женщины молча на него смотрѣли.

Ребенокъ былъ красенъ, какъ только-что испеченный ракъ, и представлялъ пока кусокъ мяса, окутанный въ бѣлыя пеленки: ничего не было хорошаго; при всемъ томъ, морщины Савелія сладко какъ-то раздвинулись, лицо ухмылялось и въ глазахъ заиграло такое чувство радости, какого не испытывалъ онъ даже тогда, когда удачно запрудилъ первый разъ мельницу, когда пущена она была въ ходъ, когда дешево купилъ онъ жернова свои... Поди-жъ ты, суди послѣ этого, какъ устроена душа человѣческая, и на чемъ основываются иногда его радости!

Подержавъ ребенка на рукахъ своихъ съ такимъ видомъ, какъ-бы мысленно прикидывая, сколько въ немъ вѣсу, старикъ бережно уложилъ его въ люльку.

— Ну, какъ же не покойнѣе? самодовольно воскликнулъ онъ, отступая на шагъ: — какъ же не покойнѣе?.. Вишь: словно въ лодочкѣ... эвна! прибавилъ онъ, приводя слегка въ движеніе люльку:—эвна! эвна какъ!..

— Ахъ ты затѣйщикъ! затѣйщикъ! говорила, между-тѣмъ, старая Палагея, подпираясь локтемъ въ конецъ ухвата и покачивая головою:—право затѣйщикъ!..

Во время послѣднихъ этихъ объясненій, послышался шумъ приближающейся телѣжки; но Савелій громко разговаривалъ, Палагея гремѣла ухватомъ, вниманіе снохи поглощалось ребенкомъ и болтовнею тестя; такъ что никто не примѣтилъ шума извнѣ, пока, наконецъ, телѣга не подъѣхала почти къ самымъ воротамъ.

— А, вотъ и Гришутка! сказалъ старикъ.

Въ эту минуту со двора раздались такіе отчаянные крики и вопли, что ноги присутствующихъ на секунду приросли къ землѣ. Савелій опрометью кинулся изъ избы. Петръ держалъ лошадь подъ уздцы и печально вводилъ ее на дворъ; въ телѣгѣ, рядомъ съ Гришуткой, сидѣлъ человѣкъ съ худощавымъ, но багровымъ и рябымъ лицомъ, въ высокой бараньей шапкѣ и синемъ тулупѣ, плотно перехваченномъ ремнемъ.

Савелій узналъ въ немъ кордоннаго, отставного солдата, охранявшаго границу сосѣдней губерніи противъ

контрабанднаго провоза вина. Сердце старика такъ и екнуло. Кордонный держалъ за воротъ Гришку, который ревѣлъ во весь голосъ и приговаривалъ, горько всхлипывая:

— Ей-Богу не зналъ!.. отпусти!.. Золотой, отпусти!.. батюшка, не зналъ!.. Золотой, не зналъ!..

Лицо Гришутки распухло отъ слезъ; онѣ текли ручьями изъ полу-зажмуренныхъ глазъ и капали въ ротъ, разѣвавшійся непомѣрно, должно быть отъ избытка давившихъ его вздоховъ и рыданій. Шествіе закрывалъ помолецъ, остававшійся домалывать послѣдній возъ; то былъ маленькій черномазый мужичокъ, очень прыткаго, суетливаго вида; онъ, впрочемъ, какъ только увидѣлъ Савелія, выскочилъ впередъ, замахалъ руками и, страшно вытаращивъ глаза, крикнулъ надрывающимся отъ усердія голосомъ:

— Съ виномъ попался!.. Схватили!.. взяли! Съ виномъ взяли!..

— Съ виномъ попался!.. печально повторилъ Петръ.

— Какъ?.. Ахъ ты Господи! произнесъ Савелій, останавливаясь въ недоумѣніи.

Шумъ въ сѣняхъ и голосъ Палагеи заставили его обернуться. Марья рвалась впередъ на крылечко, такъ что Палагея едва могла удержать ее; лицо молодой женщины было блѣдно и вся она тряслась отъ головы до ногъ; увидя маленькаго своего брата въ рукахъ незнакомца, она вскрикнула и покачнулась.

— Куда! не пускай ее... Петръ, держи!.. Ахъ ты Творецъ милосердый! Уведите ее скорѣе!.. воскликнулъ Савелій.

Петръ бросился къ женѣ и съ помощью Палагеи увелъ ее въ избу. Въ это время кордонный соскочилъ съ телѣжки.

— Ты здѣсь хозяинъ? Ты за виномъ посылалъ? спросилъ онъ, обращаясь къ старику, который не могъ придти въ себя.

— Я, батюшка...

— Съ виномъ поймали!.. Эко дѣло! ахъ! Схватили! взяли! спѣшилъ пояснить черномазый мужичокъ, снова пуская въ ходъ глаза и руки.

— Точно, батюшка, поймали! сказалъ Петръ, появляясь на крыльцѣ и быстро спускаясь на дворъ.

Савелій ударилъ сабя ладонями по поламъ полушубка и съ сокрушеннымъ видомъ замоталъ головою.

— Дядюшка... не зналъ я... Не зналъ, дядюшка!.. рыдая, заговорилъ Гришутка: — микулинскіе мельники научили... Сказали: тотъ кабакъ ближе...

— Кто-жъ за виномъ-то посылалъ? ты, что ли? повторилъ опять кордонный, дерзко поглядывая на Савелія.

— Мы посылали! отвѣчалъ Петръ, потому-что отецъ моталъ только головою и билъ себя ладонями по полушубку.

— А вы кто такой? спросилъ кордонный Петра.

— Я сынъ его... Я, батюшка, подхватилъ Петръ:— встрѣлся я съ ними, какъ они ужь къ нашимъ воротамъ подъѣхали...

— Сейчасъ только встрѣлся! вмѣшался опять маленькій помолецъ: — подъѣхали,—онъ тутъ! Смотрю: и я подошелъ!—Эко дѣло!..

— Объ этомъ послѣ разскажешь, перебилъ кордонный: —за виномъ посылалъ вотъ онъ, — стало онъ и отвѣтитъ... Эки разбойники! присовокупилъ онъ, разгорячаясь:—свой кабакъ подъ рукою... нѣтъ, въ другой посылать надо!..

— Не зналъ я ничего!.. На мельницѣ научили... промолвилъ Гришутка истекая слезами.

— Молчи! сказалъ Петръ.

Мальчикъ приложилъ ладонь ко рту, прислонился лбомъ къ телѣжкѣ и заревѣлъ громче прежняго.

— Да что же это, батюшка... Какъ же такъ? сказалъ Савелій, нетерпѣливо махая рукою въ отвѣтъ помольцу, который мигалъ, дергалъ его за рукавъ и дѣлалъ таинственные какіе-то знаки.

— Съ виномъ попался,—и все тутъ! возразилъ кордонный:—попался въ селѣ у насъ, какъ только изъ кабака выѣхалъ; вино у нашего старосты осталось, тамъ и печать къ боченку приложили.

— Печать приложили! Припечатали!.. отчаянно возопилъ Гришутка.

— Плохо дѣло! крикнулъ помолецъ, приходя весь въ движеніе: — затаскаютъ, дѣдушка, затаскаютъ!.. Лопни глаза—затаскаютъ!..

— А то какъ же, такъ что ли сойдетъ? перебилъ кордонный:—извѣстно, проучатъ! будешь знать, какъ въ чужую губернію за виномъ ѣздить! Сказано: не смѣй, не приказано! Нѣтъ, повадились, окаянные! Ноньче повѣреннаго ждемъ; ему передадутъ, примѣрно, все разскажутъ... Завтра же въ судъ представятъ...

До настоящей минуты Савелій билъ только руками по полушубку и моталъ головою, съ видомъ человѣка, поставленнаго въ самое затруднительное положеніе; при словѣ «судъ», онъ поднялъ голову, и въ смущенныхъ чертахъ его заиграла вдругъ краска; даже шея его покраснѣла. Слово «судъ» подѣйствовало также, казалось, и на Гришутку; между-тѣмъ какъ шли послѣднія объясненія, онъ стоялъ съ разинутымъ ртомъ, въ который продолжали капать слезы; теперь онъ снова припалъ опять лбомъ къ телѣжкѣ и снова наполнилъ дворъ отчаянными рыданіями. Петръ переминался на мѣстѣ и не сводилъ глазъ съ отца.

— Вотъ бѣду-то накликали! Вотъ грѣха-то не чаяли! произнесъ наконецъ старикъ, оглядывая присутствующихъ.

Онъ еще хотѣлъ что-то прибавить, но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и быстрыми шагами пошелъ къ маленькой калиткѣ, выходившей къ ручью.

— Послушай, добрый человѣкъ!.. Эй, слышь! сказалъ онъ, останавливаясь въ калиткѣ и кивая кордонному: — подь, братъ, сюда... На два словечка!..

Багровое лицо кордоннаго приняло озабоченный видъ; онъ направился къ калиткѣ, показывая, что дѣлалъ это неохотно,—такъ, только изъ снисхожденія.

— Послушай, добрый человѣкъ, заговорилъ Савелій, отводя его къ пруду:—слышь, промолвилъ онъ, пожимая губами:—слышь! нельзя ли какъ... а?

— Это насчетъ чего? спросилъ тотъ болѣе смягченнымъ тономъ и какъ-бы стараясь взять въ толкъ слова собесѣдника.

— Сдѣлай такую милость, упрашивалъ старикъ: — сколько живу на свѣтѣ, грѣха такого не было. Главная причина, мальчикъ попался! черезъ него все вышло... Ослобони какъ-нибудь... а? Слышь, добрый человѣкъ!..

— Теперь нельзя, никакимъ, то-есь, манеромъ... Печать приложили! Къ тому, дѣло было при свидѣтеляхъ... никакъ нельзя...

— Сдѣлай милость, продолжалъ старикъ, неудовольствуясь на этотъ разъ умолять голосомъ, но пуская еще въ ходъ пантомиму и убѣдительно разводя руками, которыя дрожали.

Сѣрые, плутоватые глаза кордоннаго устремились къ амбару, за которымъ слышались голоса Петра и помольца; послѣ этого, онъ отступилъ еще нѣсколько шаговъ отъ калитки.

— Слышь, добрый человѣкъ! подхватилъ ободренный Савелій:—возьми съ меня за хлопоты... только нельзя ли какъ дѣло-то это... къ примѣру... Нельзя ли какъ ослобонить... право!..

Кордонный поправилъ баранью свою шапку, почесалъ переносицу указательнымъ пальцемъ и на секунду задумался.

— Двадцать цѣлковыхъ дашь? спросилъ онъ, понижая голосъ.

Савелія такъ огорошило, что онъ открылъ только ротъ и откинулся назадъ.

— Меньше нельзя! спокойно-убѣдительнымъ тономъ подхватилъ кордонный:—разсуди: надо теперича дать старостѣ въ селѣ, дать надо мужикамъ, которые были въ свидѣтеляхъ, надо также цѣловальнику дать; не дашь— обо всемъ повѣренному разскажутъ,—ужъ это безпремѣнно, самъ знаешь: народъ ныньче какой!.. Ну, и сосчитай: много ли сойдетъ мнѣ изъ двадцати цѣлковыхъ?.. Узнаетъ повѣренный—я черезъ это пропасть долженъ! Наше дѣло такое: мы, братецъ, затѣмъ къ должности приставлены; какъ, скажутъ, ты съ виномъ поймалъ, утаилъ отъ конторы, и съ мужика взялъ!.. Я черезъ это подлецомъ долженъ остаться передъ начальствомъ! Изъ того хлопочешь, чтобъ было изъ чего...

— Двадцать цѣлковыхъ за ведро вина! вымолвилъ старикъ, снова вспыхнувъ до самой шеи.

— Послушай, дядя, миролюбиво сказалъ кордонный:— ты не кричи,—не хорошо! мы не къ тому пришли сюда; говорилъ: помириться хочешь... такъ ты и дѣлай; а то, что кричать-то, не годится. По душѣ говорю, право, больше отдашь, коли въ судъ представятъ: за вино одно возьмутъ съ тебя втрое; такъ по закону отдашь за вино двѣнадцать цѣлковыхъ! да въ судѣ еще сколько разсоришь...

Старикъ слушалъ и смотрѣлъ въ землю; теперь, болѣе чѣмъ когда-нибудь, былъ онъ, казалось, подавленъ происшедшимъ съ нимъ случаемъ.

— Эко дѣло! эка напасть! повторялъ онъ, чмокая губами, качая головой и безнадежно разводя руками.

— Батюшка, неожиданно произнесъ Петръ, появляясь въ калиткѣ:—поди-ка сюда!

Савелій поспѣшно заковылялъ къ сыну. Тотъ далъ ему знакъ повернуть за уголъ амбара. Тамъ стоялъ маленькій помолецъ, который, какъ только показался старикъ, снова весь преисполнился быстротою.

— Слышь, дядя, торопливо заговорилъ онъ, хватая старика за рукавъ и выразительно мигая на калитку:—слышь: ничего ему не давай; плюнь! плюнь, я говорю! Окромѣ него, всѣ вѣдь видѣли! видѣли, какъ малый-то попался! При народѣ было дѣло! Дашь ему — ничего не будетъ, слухи дойдутъ, все единственно! Плюнь! Сколько ни давай,—все въ судъ потребуютъ: дѣло такое; при народѣ было; дойдутъ слухи; все единственно! обмануть хочетъ!.. Плюнь, говорю!..

Мужиченокъ торопливо отскочилъ, услышавъ шаги за калиткой. Кордонный какъ-будто догадался о чемъ шла рѣчь за амбаромъ. Онъ окончательно убѣдился въ этомъ, когда позвалъ старика, и тотъ, вмѣсто того, чтобы пойдти къ нему, задумчиво продолжалъ смотрѣть въ землю.

— Дѣло такое настоящее, сказалъ кордонный, бросая злобный взглядъ на помольца, который зѣвалъ на стропилы навѣсовъ, какъ ни въ чемъ не бывало:—мы черезъ это пропасть можемъ... Всякъ себя оберегаетъ: дѣло такое! Представятъ завтра повѣренному, ты его и проси...

Этакой народъ! сказано: въ чужой кабакъ не ходи—нѣтъ! Теперь и развѣдывайся!.. А я что?.. я не могу. Повѣреннаго проси!

Послѣднія слова сказаны были уже за воротами. Кордонный поправилъ шапку и ворча что-то подъ носъ быстро пошелъ по дорогѣ.

— Должно быть слышалъ, о чемъ мы здѣсь разговаривали... вдругъ возвратилась вся его прыткость:—вѣстимо слышалъ, либо догадался, все единственно! Видитъ: взять нечего, разговаривать не сталъ! Сколько просилъ, дядя? сколько?

— Двадцать цѣлковыхъ!..

— Ахъ онъ шитая рожа! Экъ, разбойникъ! ахъ ты! воскликнулъ мужиченокъ, порываясь какъ-то разомъ во всѣ стороны: —двадцать цѣлковыхъ! поди ты!.. Экъ махнулъ! Ахъ бестія! Эти цѣловальники, нѣтъ ихъ хуже! самые что ни есть мошенники... душа вонъ! Ей-Богу! Ахъ ты шитая рожа, поди-жъ ты!.. Ахъ онъ!..

Савелій не обращалъ никакого вниманія на слова помольца: онъ не отрывалъ глазъ отъ земли и, повидимому, размышлялъ самъ съ собою. Никогда еще не чувствовалъ онъ себя столько разстроеннымъ. Это потому, быть можетъ, что во всю свою жизнь никогда еще не былъ такъ спокоенъ и счастливъ, какъ въ послѣдніе эти три года,—когда выстроилъ мельницу и жилъ самъ по себѣ, съ сыномъ и снохою.

— Эко дѣло! проговорилъ онъ наконецъ голосомъ, который показывалъ, что складъ его размышленій былъ самый безотрадный.—Вотъ не чаяли горя-то! вотъ ужъ не чаяли!..

Помолецъ снова приступилъ-было и уже схватилъ его за рукавъ, но Савелій махнулъ только рукою, отвернулся и медленнымъ, отягченнымъ шагомъ побрелъ въ избу.

V.

ОБЪЯСНЕНІЯ. — НАДЕЖДЫ. — ПОСЛѢДСТВІЯ.

Минутъ пять спустя, старикъ снова показался на крылечкѣ.

— Григорій! крикнулъ онъ, озираясь вокругъ съ недовольнымъ видомъ:—Григорій, повторилъ онъ, возвышая голосъ.

Гришка не откликался.

— Должно быть, гдѣ-нибудь за амбаромъ, отозвался Петръ, принявшійся распрягать лошадь.

— Уберешь лошадь, позови его ко мнѣ, сказалъ Савелій, уходя опять въ избу.

Распрегши лошадь, Петръ нѣсколько разъ окликнулъ мальчика; отвѣта не было. Петръ повелъ лошадь и мимоходомъ заглянулъ въ амбарную дверь.

— Что, ай малаго-то нѣту? Неужели убёгъ? заботливо освѣдомился маленькій помолецъ, осклабляя зубы, которые были такъ же почти бѣлы теперь, какъ лицо его, выпачканное мукою:—никакъ старикъ кликалъ? Какъ не осерчать! осерчаешь! вишь набѣдовалъ какъ... насдобилъ! Стало быть запужался... завалился куда-нибудь... Испугаешься!.. подожмешь хвостъ!.. Пойдемъ; я поищу; отчего-жъ? поискать можно!.. Пойдемъ.

Петръ велъ между-тѣмъ лошадь въ клѣтушку, прилаженную къ задней части навѣсовъ; услужливый мужиченокъ слѣдовалъ за нимъ, стараясь попасть въ ногу и поминутно хватая его за рукавъ, какъ-бы желая обратить вниманіе Петра на каждый уголъ, щель, гдѣ, по мнѣнію мужичка, долженъ былъ непремѣнно сидѣть мальчикъ. Оба они вошли въ клѣть.

— Здѣсь! вотъ онъ! взялъ! взялъ! держу! закричалъ во все горло помолецъ, хватая Гришутку, который стоялъ смиренно, забившись лицомъ въ уголъ.

— Вижу, вижу! ну что кричишь-то?—сказалъ Петръ.

Ободренный словами и голосомъ Петра, Гришутка, остолбенѣвшій въ первую минуту отъ страха, зажмурилъ вдругъ глаза, раскрылъ ротъ и залился жалобнымъ воплемъ.

— Ну о чемъ плачешь-то? о чемъ? — промолвилъ Петръ:—пойдемъ, отецъ зоветъ; эхъ ты, страмникъ! страмникъ!.. право страмникъ этакой!

— Высѣкутъ, это какъ есть! И-и высѣкутъ!—подхватилъ, двигая руками и глазами, помолецъ:—какъ не высѣчь? Надо, не балуй!..

— Ничего этого не будетъ,—сказалъ Петръ: старикъ, Гришутка, ничего не сдѣлаетъ, только спроситъ... Не бойся!

развѣ не знаешь?.. Не плачь, а то хуже... — добавилъ онъ, взявъ за руку нѣсколько утѣшеннаго мальчика.

Черненькій мужиченокъ сопровождалъ ихъ до самаго крылечка; онъ вѣроятно пошелъ бы дальше, но вспомнилъ, что рожь приходила къ концу въ ящикѣ, и опрометью побѣжалъ въ амбаръ. Савелій находился за перегородкой, гдѣ лежала сноха его.

— Подойди сюда, — сказалъ онъ мальчику, который смотрѣлъ бычкомъ въ землю и пыжился изъ всей мочи, чтобы удержаться отъ слезъ: — ну, видишь, смотри! — промолвилъ старикъ, обращаясь къ снохѣ: — видишь, ничего съ нимъ не сдѣлали! не сковали, не повезли въ острогъ... Цѣлъ, видишь! Было изъ чего полошиться, бѣжать на стужу... словно полоумная какая, право!.. Хошь бы о себѣ-то подумала, объ ребенкѣ подумала... А то: зря выбѣжала на стужу, вся раскрымшись; ну есть ли разуму-то? И стоитъ ли онъ того, чтобы сокрушаться-то о немъ?.. озорникъ этакой!.. Поди сюда, — промолвилъ старикъ, снова поворачиваясь къ мальчику и выходя въ первую половину избы: — зачѣмъ поѣхалъ ты въ чужой кабакъ, а? Развѣ я не говорилъ тебѣ, куда ѣхать? сказывай... а?.. не говорилъ развѣ?.. ну, какой твой будетъ отвѣтъ, а?.. — заключилъ онъ, садясь на лавку.

Изъ объясненій мальчика открылось (голосъ его звучалъ такою искренностью, что нельзя было ему не повѣрить, и наконецъ, всѣ слова его потомъ оправдались), открылось, что виновниками всего случившагося были старшіе сыновья хозяина Микулинской мельницы, той самой, что виднѣлась въ отдаленіи. Встрѣтивъ Гришку на плотинѣ, они спросили, куда онъ ѣхалъ; онъ сказалъ; они увѣрили его, что кабакъ, куда посылалъ его дядя Савелій, былъ теперь запертъ; цѣловальникъ уѣхалъ съ женою на свадьбу сестры и возвратится только завтра; они говорили, что все равно, вино можно взять въ другомъ кабакѣ, что тотъ кабакъ еще ближе перваго, что тамъ вино не въ примѣръ даже лучше и что дядя Савелій скажетъ еще спасибо. Гришутка повѣрилъ и отправился. Онъ клялся и призывалъ всѣхъ святыхъ въ свидѣтели, что не сымалъ шапки во всю дорогу; выйдя изъ

кабака, онъ благополучно поѣхалъ въ обратный путь; но при выѣздѣ изъ села налетѣлъ на него кордонный; его схватили, повели къ старостѣ и отняли у него вино.

Дойдя до мѣста, когда къ боченку приложили печать, разсказчикъ остановился и снова залился горькими слезами, какъ-будто въ этомъ именно печатаніи боченка и заключалось собственно все несчастіе. Но Савелій не слушалъ уже его. Онъ смотрѣлъ даже въ другую сторону. Онъ притупленно молчалъ и только, время отъ времени, досадливо потряхивалъ сѣдинами, произнося упреки, относившіеся впрочемъ болѣе къ Микулинскому мельнику и сыновьямъ его. Пора бы имъ, кажется, войдти въ совѣсть! пора бы оставить его въ покоѣ! Чего имъ еще отъ него надо? Развѣ онъ на рѣкѣ поставилъ свою мельницу? Развѣ перебилъ у нихъ воду? У нихъ мельница-крупчатка о семи поставахъ, работаютъ они годъ круглый, тысячи добываютъ! Неужто мало имъ этого?.. Неужто зависть беретъ, и не довольно вредили они ему?.. Богачи, крупчатку имѣютъ, тысячи наживаютъ, а завидуютъ какой-нибудь колотовкѣ о двухъ колесишкахъ! чай пьютъ, калачи ѣдятъ крупичатые, а завидуютъ крохамъ бѣднаго человѣка! Богачи, купцы, а на какія срамныя дѣла пускаются! мальчика подучаютъ ѣхать въ чужой кабакъ, чтобы подвести подъ бѣду родителей!..

Подъ вліяніемъ такихъ соображеній, приправленныхъ еще мыслью, что дѣло съ боченкомъ не обойдется даромъ, дядя Савелій сдѣлался ворчливъ и несообщителенъ. Въ эти послѣдніе три года, какъ устроилась мельница, никто изъ домашнихъ не видалъ его такимъ пасмурнымъ, недовольнымъ. За ужиномъ, гдѣ старикъ бывалъ обыкновенно такимъ болтливымъ, онъ едва сказалъ нѣсколько словъ. Онъ послалъ Петра разсчитаться съ помольцемъ, и прежде всѣхъ завалился на печку.

Петръ, его жена и старая Палагея, разсуждая о завтрашнемъ днѣ, думали однако-жъ, что авось либо на завтра сердце старика какъ-нибудь разойдется. Предположенія ихъ оправдались. Заря слѣдующаго утра показала имъ, что лицо Савелія совсѣмъ уже не было такимъ, какъ наканунѣ; лобъ его, правда, морщился; но морщины

выражали скорѣе суетливость, чѣмъ мрачное настроеніе духа. Онъ тотчасъ же послалъ Петра за виномъ; противъ всякаго ожиданія, не выказалъ онъ даже большой досады, отсчитывая ему слѣдуемые четыре цѣлковыхъ; раза два пожалъ только губами и крякнулъ.

Прибытіе кума и кумы, поѣздка въ церковь, обрядъ крещенія, возвращеніе домой—все это замѣтно развлекло старика. Съѣхались гости, пошли поздравленія и угощенія. Не обошлось безъ того, разумѣется, чтобы не упомянуть о происшедшей вечоръ непріятности; но рѣчь объ этомъ предметѣ, благодаря стаканчикамъ винца, которые успѣли уже пропустить собесѣдники, приняла такой путанный характеръ, такъ часто прерывалась всякаго рода восклицаніями и взрывами хохота, что не имѣла никакихъ послѣдствій на расположеніе престарѣлаго хозяина. Вообще крестинный обѣдъ прошелъ весело. Савелій, сидѣвшій между кумомъ Дрономъ и сватомъ Стегнѣемъ, смѣялся даже громче ихъ, когда, къ концу угощенья, старая Палагея выскочила вдругъ изъ-за перегородки и, прищелкивая пальцами, начала отхватывать какія-то диковинныя колѣнца.

Хорошее расположеніе старика не прерывалось даже и на другой день. Онъ спалъ еще, когда на дворъ въѣхало семь подводъ съ рожью. Одно развѣ могло нѣсколько озабочивать старика: внучекъ, который былъ такъ покоенъ, началъ вдругъ ни съ того ни съ сего кричать; вмѣстѣ съ этимъ узналъ онъ также, что Марья сильно жаловалась на головную боль. Легко могло статься, что простудилась она, выбѣжавъ на крыльцо, когда привезли Гришку; но отчего бы ребенку плакать? отчего бы ему не брать груди?.. Напрасно увѣряла Палагея, что всѣ дѣти кричатъ на второй день, что крикъ внучка, можетъ, происходитъ оттого также, что просто не въ охоту грудь матери, и лучше будетъ, коли дадутъ ему рожокъ; но слова ея пропадали, казалось, даромъ. Старикъ качалъ головою и пожималъ губами.

Надо было однако-жъ обратиться къ дѣлу; не всякій день является по семи помольцевъ на мельницѣ! Двое сутокъ сряду отбою не было отъ помольцевъ; жернова

работали безъ отдыха и мучная пыль не переставала клубиться надъ амбаромъ. Въ день крестинъ и послѣдовавшій затѣмъ день Савелій не проходилъ мимо Гришки, чтобы не погрозить ему пальцемъ, или не остановиться, подперевшись въ бока, и не сказать ему: «Эхъ, ты у меня... Эхъ!.. Смотри!..»

Но теперь все это миновало; онъ звалъ его Гришуткой, Гринькой и Гришахой; словомъ, все пошло опять по старому, пока неожиданно, на четвертый день послѣ крестинъ, утромъ явился сотскій. Онъ былъ отъ станового пристава. Это обстоятельство навзничь опрокинуло мирное теченіе мыслей въ головѣ Савелія. Было отчего, впрочемъ. Оказывалось, что на Савелія поступила въ станъ «бумага» за противозаконный провозъ вина изъ чужой губерніи. Становой велѣлъ ему тотчасъ же явиться на становую квартиру. Сотскій издавна знакомъ былъ Савелію; пошли спросы-разспросы. Сотскій сказалъ, что дѣло, собственно, небольшой важности; придется только поплатиться; но сколько придется отдать—этого не зналъ онъ положительно.

— Такъ точно, хрипѣлъ сотскій, представлявшій изъ себя совершенное подобіе гриба, закутаннаго въ чахлую шинелишку, такого же цвѣта и такую же морщинистую, какъ лицо его:—денегъ съ тебя возьмутъ, такъ по положенію, это такъ точно; главная причина, проси Никифора Иваныча (такъ звали станового), его проси, чтобъ до суда не доводилъ; поблагодарить придется, не безъ этого, такъ точно; главное, безъ денегъ не суйся; возьми денегъ; требуется; лучше дай, сразу рѣши дѣло, отрѣжь; таскать начнутъ—дороже обойдется, не въ примѣръ дороже, это такъ точно...

Во время этого объясненія, Петръ стоялъ шагахъ въ трехъ и тревожно смотрѣлъ на отца, который билъ себя по полушубку и вообще выказывалъ величайшее безпокойство. Гришка, пропавшій при первомъ появленіи сотскаго, сидѣлъ между-тѣмъ въ самомъ темномъ углу клѣтушки; онъ былъ ни живъ, ни мертвъ. Но никто объ немъ не думалъ; не до него было совсѣмъ. Мигомъ заложена была телѣжка. Пока Петръ, по приказанію отца,

отсыпалъ сотскому мучицы, Савелій одѣлся. Онъ не послушалъ однакожъ сотскаго, не взялъ денегъ. Ему хотѣлось прежде уяснить хорошенько всѣ обстоятельства, убѣдиться, точно ли дѣло такой важности, какъ показалось со страху, точно ли судъ вступится въ такую бездѣлицу. «Что-жъ такое, что мальчикъ кабакомъ обознался? разсуждалъ онъ: — развѣ кто-нибудь отъ этого отпирается? Коли въ-самомъ-дѣлѣ по закону такъ требуется, онъ, пожалуй, готовъ отдать, что слѣдуетъ, — его грѣхъ! Но больше давать за что же? Лучше съѣздить лишній разъ домой, достать сколько денегъ требуется, чѣмъ брать ихъ съ собою... Можетъ, такъ какъ-нибудь, и безо всего еще обойдется; возьмешь деньги, того и смотри пронюхаютъ какъ-нибудь; тогда ужъ не отвертишься, возьмутъ, потому статья такая будетъ подходящая...

Такъ разсуждалъ самъ съ собою старикъ, всячески стараясь ободрять себя; между-тѣмъ руки его дрожали и подъ сердце подступали тоска и безпокойство. Онъ довезъ сотскаго до Ягодни, и прямо пустился на становую квартиру. Становой уѣхалъ въ городъ и раньше двухъ дней не могъ возвратиться. Савелій узналъ сверхъ того, что и письмоводителя также не было. Оставался только писарь, но послѣдній не могъ дать никакого объясненія касательно дѣла; онъ совѣтовалъ старику ѣхать въ городъ и скорѣе явиться къ становому. Покормивъ лошадь, Савелій въ тотъ же вечеръ поѣхалъ въ городъ. Отъ стана до города считалось верстъ тридцать; ему хотѣлось поспѣть туда чѣмъ свѣтъ на другое утро.

Мысли, бродившія въ головѣ старика, были такого свойства, что, конечно, не могли развлекать его пріятнымъ образомъ. Во всю дорогу, лицо его сохраняло озабоченное, задумчивое выраженіе; ни разу не оживилось оно той добродушной улыбкой, которая снова, казалось, установилась на губахъ его. Впрочемъ, и самое время измѣнилось теперь, противъ того, какъ было въ послѣдніе дни. Рыхлыя, тяжелыя тучи покрывали небо; наканунѣ, въ эту самую пору, поля ярко еще освѣщались закатомъ — теперь наступали сумерки; даль начинала уже пропадать, заслоняясь густымъ, сизымъ мракомъ. Пасмурное небо смотрѣ-

ло непривѣтливо, тускло; сѣро и голо было въ окрестности. Въ воздухѣ также произошла большая перемѣна; вмѣсто сухой морозной свѣжести, румянившей щеки и пріятно щекотавшей ноздри, дулъ теперь мягкій, но сильный, порывистый вѣтеръ. Въ мутной глубинѣ сгущавшихся сумерекъ слышно было, какъ шумѣли рощи. Сухіе листья, кружась и шуршукая, проносились мимо; отставшій листокъ падалъ иногда на дорогу и, какъ-бы не рѣшаясь пуститься одиноко въ сумрачную даль глухого поля, долго, долго катился по дорогѣ, пока, наконецъ, не встрѣчалъ новыхъ товарищей, которые подхватывали его и снова увлекали дальше... Мѣстами, на пути попадались ручьи и рѣки; дня три назадъ морозъ покрылъ ихъ ледяною корой и смѣло можно было на ней держаться; вода теперь отовсюду просачивалась и ледъ осаживался. Нельзя было ждать однакожъ ненастья. Время дождей и грязи давно миновало. Рыхлыя тучи и мягкость воздуха предвѣщали другое; съ минуты на минуту надо было ждать снѣга; снѣгъ, какъ говорится, висѣлъ надъ головою.

Савелій ѣхалъ всю ночь. Былъ уже часъ шестой, когда, сквозь рѣдѣющій мракъ, показались наконецъ городскія церкви, едва тронутыя блѣдной утренней зарею.

VI.

КОШКА И МЫШКА.

Городъ, куда не замедлилъ въѣхать Савелій, считался,—и совершенно справедливо,—однимъ изъ самыхъ значительныхъ нашихъ уѣздныхъ городовъ. Когда-то думали даже сдѣлать его губернскимъ. Онъ раскидывался по берегу большой, судоходной рѣки; здѣсь ежегодно грузилось нѣсколько тысячъ судовъ, уносившихъ въ Москву и Нижній рожь, овесъ и пшеницу. Большая часть обывателей занималась оптовой хлѣбной торговлей. Нельзя было сдѣлать десяти шаговъ на любой улицѣ, чтобы не пройти мимо лабаза, украшеннаго снаружи скамьею съ намалеванной по срединѣ шашечной доскою, на которой

возсѣдали хозяева съ сѣдыми, черными и рыжими бородами. Многія изъ этихъ бородъ имѣли милліоны. Городъ богатѣлъ и процвѣталъ годъ отъ году.

Все это не мѣшало однакожъ, что въ городѣ никакъ не могла утвердиться контора дилижансовъ. Контора устроилась прекрасно, экипажи были отличны; цѣна за мѣста назначена была самая умѣренная: отъ города до Москвы брали всего четыре цѣлковыхъ. Но почетное купечество находило болѣе выгоднымъ ѣздить съ вольными ямщиками, которые держали кибитки, устроенныя такимъ образомъ, что въ случаѣ надобности (а надобность всегда встрѣчалась), можно было помѣщаться человѣкамъ тремъ на козлахъ и человѣкамъ пяти въ рогожномъ мѣшкѣ, прикрѣпленномъ въ задней части кузова. Послѣднія мѣста обходились въ одинъ рубль. Бѣдные пустые дилижансы съ сокрушеннымъ сердцемъ взирали на то, какъ почтенное купечество погружалось въ мѣшки, проскакивало до Москвы вверхъ ногами и, погрызывая сайку, лукаво на нихъ посматривало. Контора не могла долго бороться противъ такой опасной конкуренціи: рогожные мѣшки одержали побѣду, и дилижансы скоро закрылись.

Часовъ около девяти, Савелій отправился отыскивать станового; онъ былъ у него на квартирѣ, но тамъ сказали, что Никифоръ Ивановичъ ушелъ въ Уѣздный судъ. Уѣздный и Земскій суды помѣщались въ большомъ двухъэтажномъ домѣ, смотрѣвшемъ на соборъ и отличавшемся бѣлизною наружныхъ стѣнъ. Уѣздный судъ былъ во второмъ этажѣ. Поднявшись по лѣстницѣ, Савелій вступилъ въ темную прихожую, казавшуюся еще чернѣе отъ множества шинелей, висѣвшихъ на стѣнахъ. Тутъ стояло довольно много мужиковъ, попадались даже бабы. Едва вошелъ Савелій, одна изъ бабъ тотчасъ же обратилась къ нему и, утирая слезы, сказала:

— Батюшка... кормилецъ, взмилуйся!.. Мужъ у меня ратникъ, годъ слуху объ немъ не имѣю; не знаю, живъ ли, умеръ ли... Была у ротнаго, сюда прислалъ, кормилецъ...

— Чего-жъ тебѣ надо?.. нетерпѣливо спросилъ Савелій.

— Батюшка, не сказываютъ ничего объ мужѣ-то... Пришла сюда бумага объ немъ, — да не сказываютъ...

Просила, просила, — пятьалтынный спрашиваютъ; безъ этого не сказываютъ... А нѣтъ у меня ничего, кормилецъ; пришла я, отецъ, за сорокъ верстъ... взмилуйся, не поможешь ли?..

— Какже, много у меня! Дѣло-то, можетъ, твоего хуже... проговорилъ Савелій, хмуря лобъ и не обращая вниманія на сосѣдей, которые скалили зубы.

Онъ далъ ей однакожъ грошъ и, чтобы избавиться отъ дальнѣйшихъ преслѣдованій, протискался впередъ къ двери. Посреди второй комнаты, окруженной столами, за которыми человѣкъ десять трещали перомъ, стоялъ, раздвинувъ ноги, толстый господинъ съ шитымъ воротникомъ и толстыми руками, заложенными за фалды; раздувъ брюзгливо губы, насупивъ брови, онъ неохотно слушалъ какого-то бѣлокураго человѣка, который шепталъ ему на ухо, страшно егозилъ и весь расплывался, таялъ и умилялся. Господинъ съ шитымъ воротникомъ видимо скучалъ; глаза его воспаленными бѣлками блуждали по сторонамъ; они остановились на двери въ ту самую минуту, какъ бѣлая голова Савелія высунулась изъ толпы.

— Чего тебѣ? густымъ басомъ спросилъ его господинъ съ шитымъ воротникомъ, очевидно съ тою только цѣлью, чтобы развлечь себя.

Савелій сказалъ, что онъ собственно затѣмъ здѣсь, чтобы видѣть станового Никифора Иваныча, который, такъ сказали ему, здѣсь находился.

— Никифоръ Иванычъ! забасилъ стоячій воротникъ, тяжело поворачиваясь на каблукѣ и не обращая никакого вниманія на бѣлокураго человѣка, который продолжалъ припадать къ его уху и по-прежнему егозилъ, таялъ, млѣлъ и умиленно что-то нашептывалъ.

Въ сосѣдней комнатѣ послышался голосъ и чьи-то быстрые шаги; секунду спустя, въ дверяхъ показался Никифоръ Иванычъ,—человѣкъ молодой, круглый, румяный и очень снисходительнаго вида. Савелій выступилъ два шага и поклонился.

— Что скажешь? ласково спросилъ становой, закинулъ руки за фалды и началъ перекачиваться съ носковъ на каблуки и обратно.

Савелій сказалъ, что за нимъ посылали, и передалъ ему свое дѣло.

— Знаю, знаю, перебилъ становой:—такъ это братъ ты попался? хорошъ гусь! Дѣло твое теперь уже не у меня; оно поступило сюда къ исправнику; я собственно затѣмъ тебя и вызвалъ въ станъ, чтобы ты немедленно сюда явился.

Одобренный ласковымъ видомъ станового, Савелій началъ просить, нельзя ли ему какъ-нибудь вступиться, ослобонить его.

— Что ты, братецъ, не понимаешь развѣ, что ли? Русскимъ языкомъ говорю: дѣло о тебѣ поступило уже къ исправнику; я тутъ ничего не могу; проси исправника, или вотъ, чего же лучше: сходи къ откупщику, его попроси; онъ-же, на твое счастіе, вчера въ городъ пріѣхалъ; его проси, а я ничего не могу.

Савелій слушалъ все это понуря голову и переминая въ рукахъ шапку. Живая смѣтливость и воспріимчивость духа, которыхъ не могли побѣдить годы, теперь какъ-будто его оставили. Умъ его, такъ быстро соображавшій размѣры колесъ относительно количества воды, такъ хитро придумывавшій шестерни и всякія улучшенія въ плотинахъ, такъ ловко примѣнявшій самое незамѣтное обстоятельство къ успѣху мельничнаго и плотничнаго дѣла, не давалъ ему теперь никакого объясненія и совѣта.

«Гришутка попался съ виномъ, это точно; вино по закону запрещено брать въ чужомъ уѣздѣ или губерніи, это такъ; становой вызвалъ его по этому случаю; оказывается, что дѣло уже перешло къ исправнику; почему-жъ къ исправнику? неужто въ самомъ дѣлѣ такъ важно это дѣло и будутъ его судить? его? За что же? Такая дрянь нестоющая, — ведро вина! — и сколько возни, хлопотъ, быть-можетъ, даже издержекъ?.. Что же тамъ за откупщикъ такой? Неужто властенъ онъ надъ исправникомъ? Надо къ откупщику идти... надо... А ну, какъ держитъ онъ руку исправника?..»

Все это сбивало старика съ толку и наполняло туманомъ его голову. Въ этихъ комнатахъ, передъ этими нищущими людьми, передъ этими господами въ свѣтлыхъ

пуговицахъ, онъ чувствовалъ себя какъ-будто на другой планетѣ, въ другомъ мірѣ, чувствовалъ себя совершенно отчужденнымъ, уничтоженнымъ, подавленнымъ, безъ силы, безъ воли и разума. Нѣтъ, здѣсь не то что на улицѣ Ягодни, гдѣ каждый былъ ровня, каждый готовъ былъ его послушать, каждому почти былъ онъ нуженъ при случаѣ; здѣсь не то, что на мельницахъ, гдѣ все представлялось ему такимъ понятнымъ и яснымъ; здѣсь никто не нуждается въ колесахъ, плотинахъ, совѣтахъ на-счетъ жернововъ, толчеи и снастей; здѣсь на все это плевать хотятъ и требуется здѣсь совсѣмъ другое... Робость невольно прокрадывалась въ душу старика; ласковое обращеніе станового ободрило его только на минуту. Какъ только исчезъ Никифоръ Иванычъ, два-три мужика приступили къ Савелію съ разспросами, но онъ не отвѣчалъ; онъ торопливо вышелъ на лѣстницу, надѣлъ шапку, потомъ снялъ ее, два раза перекрестился и, спустившись на улицу, спросилъ, куда идти къ откупщику.

Домъ откупщика знакомъ былъ каждому въ городѣ; Савелію стоило только обратиться съ вопросомъ своимъ къ первому человѣку, чтобы узнать дорогу. Къ тому же, домъ находился недалеко отъ присутственныхъ мѣстъ; это было большое каменное зданіе, выходившее однимъ бокомъ на пространный дворъ, обнесенный вокругъ деревянными навѣсами и другими строеніями. Савелій засталъ на дворѣ человѣкъ тридцать народа; всѣ они очевидно принадлежали къ дому; кто перекатывалъ бочки, кто набивалъ обручи, кто таскалъ мѣшки съ солодомъ. Противъ одного изъ строеній, находившагося ближе къ дому, стояла распряженная карета, возлѣ которой возился кучеръ въ черномъ плисовомъ казакинѣ. Откупщикъ дѣйствительно только-что наканунѣ прибылъ. Онъ заглядывалъ сюда разъ или два въ годъ, когда проѣзжалъ черезъ губернію, которую держалъ на откупу. Для такихъ случаевъ, въ домѣ, нанимаемомъ собственно для конторы, оставлялось нѣсколько комнатъ. Откупщикъ съ семействомъ своимъ жилъ или въ Москвѣ, или въ Петербургѣ; и тутъ, и тамъ имѣлъ онъ собственные дома; сверхъ того, въ окрестностяхъ обѣихъ столицъ были у

него дачи, отдѣланныя съ баснословнымъ великолѣпіемъ. Все это возникло вдругъ, какъ-бы по мановенію волшебнаго жезла.

Роскошь Пукина (такъ звали откупщика) давно проникла черезъ молву до уѣзднаго города, куда прибылъ онъ наканунѣ. Многіе изъ обывателей уѣзда были у Пукина въ Москвѣ и Петербургѣ; возвращаясь во-свояси, они по цѣлымъ недѣлямъ ни о чемъ больше не говорили, какъ объ убранствѣ комнатъ Пукина, о его обѣдахъ, лошадяхъ, цѣльныхъ зеркальныхъ окнахъ, рѣзныхъ потолкахъ и о томъ невѣроятномъ богатствѣ, которое позволяло ему бросать деньги, какъ песокъ. Ясно, что пріѣздъ такого человѣка долженъ былъ всегда производить впечатлѣніе въ уѣздномъ городѣ. Въ промежутокъ трехъ-четырехъ дней пребыванія Пукина, должностныя лица и многіе изъ частныхъ обывателей почти не выходили изъ дома откупщика: они пили у него чай, завтракали, обѣдали, играли въ карты и ужинали. Такъ было и теперь. Въ то время, какъ Савелій входилъ на дворъ конторы, у Пукина сидѣли гости.

Ранній часъ утра не позволялъ обществу быть многочисленнымъ; оно состояло пока изъ исправника и городничаго. Оба сидѣли съ хозяиномъ дома въ большой залѣ, смотрѣвшей окнами на дворъ. Тутъ находился также управляющій конторою и два повѣренныхъ; но послѣдніе не принадлежали обществу, — ихъ считать нечего; первый стоялъ поодаль въ какомъ-то подобострастномъ оцѣпенѣніи, два другіе торчали въ дверяхъ, сохраняя на лицахъ выраженіе благоговѣйнаго умиленія.

Не слѣдуетъ, впрочемъ, думать, чтобы обращеніе исправника и городничаго отличалось особенною фамильярностью; разница между первыми и вторыми состояла почти въ томъ, что первые стояли, тогда какъ вторые сидѣли. Иначе даже быть не могло. Начать съ того, что Пукинъ былъ благодѣтель городничаго: онъ выхлопоталъ ему мѣсто, размѣстилъ дѣтей его, помогъ выстроить домъ послѣ пожара, далъ разъ двѣ тысячи рублей, которыхъ не достало при какомъ-то казенномъ отчетѣ, и тѣмъ спасъ protégé своего отъ позора и гибели. Городничій ясно понималъ,

можетъ-статься, что благодѣтель дѣйствовалъ не спроста; понималъ онъ это, но съ своей стороны, лѣзъ изъ кожи, желая доказать Пукину свою благодарность: позволялъ держать кабаки открытыми до часу ночи и даже всю ночь, скрывалъ всѣ случаи, происходившіе въ этихъ пріютахъ и проч. и проч. При всемъ томъ, мѣра благодѣянія превышала все-таки выраженія благодарности, и городничій не могъ считать Пукина за обыкновеннаго человѣка. Что-жъ касается исправника, онъ стѣснялъ себя передъ откупщикомъ совершенно безкорыстно; онъ зналъ, что Пукинъ слишкомъ привыкъ къ лести и подобострастію, чтобы можно было подъѣхать къ нему такими путями. Исправникъ просто не могъ побѣдить въ себѣ чувства невольной робости и удивленія при видѣ человѣка, который изъ ничего сдѣлалъ себѣ милліоны и бросалъ деньгами, какъ пескомъ. Пукинъ возбуждалъ, впрочемъ, удивленіе и не такихъ добродушныхъ людей, какъ исправникъ. Одни удивлялись его генію, другихъ поражало безграничное его тупоуміе; замѣчательнѣе всего, что тѣ и другіе были совершенно правы.

Геній Пукина заключался въ слѣдующемъ: не далѣе четырнадцати лѣтъ назадъ онъ служилъ на побѣгушкахъ и, какъ говорили, исправлялъ даже самыя низкія должности у откупщика Сандараки, успѣвшаго также нажить милліоны и носящаго теперь фамилію Сандаракина. Пукинъ понравился, получилъ мѣсто повѣреннаго, потомъ дистанціоннаго, и, наконецъ, попалъ въ управляющіе конторой. Счастье ли тому способствовало, или такъ распоряжался ужъ Пукинъ, но въ два года уѣздъ, подъ его управленіемъ, далъ Сандараки вдвое больше противъ прежняго. Изобрѣтательность Пукина была изумительна; она удивляла даже Сандараки, который самъ прошелъ огонь, воду и мѣдныя трубы и давно уже ничему не удивлялся. Извѣстность и Пукина росла между откупщиками; начали его переманивать, но Пукинъ остался вѣренъ Сандараки. Послѣдній далъ ему небольшой пай въ какомъ-то большомъ предпріятіи и послалъ его уполномоченнымъ на свое мѣсто. Въ актѣ сказано было, что Сандараки даетъ мѣщанину Пукину два пая; но Пукинъ изъ двухъ ухитрился сдѣлалъ двадцать-

два, хватилъ неслыханный кушъ и учтиво тогда раскланялся съ Сандараки, который долженъ былъ поневолѣ молчать: предпріятіе было такого рода, что обязывало не раскрывать тайны. Пукинъ вышелъ сухъ и бѣлъ, какъ лебедь изъ воды, разцвѣлъ, выросъ, представилъ залоги и самъ сѣлъ въ откупщики. Онъ, говорили, былъ уже тогда въ семистахъ тысячахъ. Дѣло его пошло отлично, счастіе ни разу не измѣнило. Откупщики только ахали; многіе, несмотря на молодость Пукина, стали обращаться къ нему за совѣтами. Вскорѣ Пукинъ нашелъ покровителей между людьми сильными. Онъ такъ пошелъ вдругъ въ ходъ, что всѣ объ немъ заговорили. Онъ бралъ теперь по десяти городовъ на откупъ, бралъ цѣлыя губерніи, — и ни разу не оборвался. Начали его бояться: стоило Пукину явиться на переторжку—ему давали огромныя отступныя суммы, чтобъ онъ только не набивалъ цѣнъ, и т. д. — словомъ, въ четырнадцать лѣтъ, изъ человѣка, исполнявшаго низкія должности у Сандараки, Пукинъ сдѣлался милліонеромъ. Въ этомъ, по мнѣнію многихъ, заключалась геніальность Пукина.

Тупоуміе откупщика основывалось вотъ на чемъ: какъ только явились у него милліоны (извѣстно, какъ легко они ему достались), онъ вообразилъ себя какимъ-то всеобъемлющимъ человѣкомъ; отправляясь съ этой точки зрѣнія на пути богатства, Пукинъ тотчасъ же заразился самымъ непомѣрнымъ тщеславіемъ. Пройдя отъ доски до доски всю школу надувательства, онъ позволялъ теперь надувать себя самымъ жалкимъ образомъ. Двумъ-тремъ негодяямъ, движимымъ очевиднымъ разсчетомъ, ничего не стоило, напримѣръ, увѣрить его, что онъ, Пукинъ, ничему никогда неучившійся, едва знающій грамоту,—былъ всетаки умнѣе ихъ всѣхъ; они твердили ему съ утра до вечера, что онъ обладаетъ способностями министра, что на него устремлены взоры государства, что онъ, Пукинъ, человѣкъ популярный! Пукинъ, при всей своей плутоватости, чистосердечно всему повѣрилъ,—повѣрилъ какъ простофиля. Въ ослѣпленіи своемъ онъ толковалъ о Европѣ, разрѣшалъ вопросы высшей политики, высказывалъ сужденія о литературѣ, не понимая страшнаго комизма той

роли, которую на себя принялъ. Фиміамъ, который воскуряли подленькіе сеиды и мюриды, составившіе дворъ его, рѣшительно вскружилъ Пукину голову. Онъ помѣшался на томъ, чтобъ быть популярнымъ и чтобъ объ немъ говорили. Съ этою цѣлью собственно сыпалъ онъ такія безумныя деньги. Стоило явиться какой-нибудь дорогой вещи, будь эта вещь: домъ, лошадь, картина, главное, чтобъ она была дорога и пришлась не по карману такому-то графу и князю,—Пукинъ тотчасъ же покупалъ ее.

Все для той же цѣли купилъ онъ домъ въ Москвѣ и отдѣлалъ его великолѣпно, купилъ домъ въ Петербургѣ и отдѣлалъ его еще великолѣпнѣе. Онъ покупалъ картины, бронзу, рѣдкости. Пукинъ находился въ полномъ убѣжденіи, что совершенно достаточно знать толкъ въ пивѣ и пѣнникѣ, чтобы умѣть цѣнить произведенія искусства; онъ сдѣлался меценатомъ, покровительствовалъ художникамъ; и тутъ, также какъ и вездѣ, сыпалъ деньги самымъ безтолковымъ образомъ. Художникамъ было это, конечно, съ руки: они сбывали ему свой хламъ, получая за него больше, чѣмъ за лучшія свои картины. Но Пукину было все равно, онъ не гнался за достоинствомъ,— да и грѣхъ ему было!— ему нужно было только знаменитое имя на картинѣ, нужно было много картинъ, чтобъ говорили: «извѣстная галлерея Пукина!» — вотъ зачѣмъ онъ гнался.

Роскошная жизнь, великолѣпные обѣды, на которые не стыдились являться очень умные люди, чтобы поѣсть, попить и потомъ посмѣяться надъ Пукинымъ,—все это, весьма естественно, имѣло нѣкоторое вліяніе на мѣщанина, бывшаго на побѣгушкахъ у Сандараки. Изъ разбитнаго Степки, перетянутаго сначала полушубкомъ, потомъ чуйкой, потомъ уѣзднымъ сюртучкомъ съ высокой тальей,—образовался господинъ, съ величественной, комически-горделивой осанкой, покровительственно улыбающейся физіономіей, глубокомысленно раздувающій ноздри и съ достоинствомъ махающій руками. Онъ самодовольно судилъ и рядилъ теперь обо всемъ, не терпѣлъ возраженія и мрачно хмурилъ брови, когда что-нибудь не по немъ выходило. Такимъ являлся онъ дома, сидя въ

бархатныхъ своихъ креслахъ, на улицѣ—въ своей бекешѣ или трехтысячной шубѣ. На самомъ же дѣлѣ, былъ онъ тотъ же Степка, тотъ же прикащикъ питейнаго дома, но только въ бобрахъ вмѣсто овчины и смотрѣвшій не изъ кабака теперь, но изъ кареты, или изъ окна роскошнаго дома, въ которомъ каждый кирпичъ представлялся воображенію ведромъ пѣнника, сильно разбавленнаго водою...

Но мы, кажется, довольно уже говорили о Пукинѣ, чтобъ стоило еще распространяться о его наружности. Достаточно сказать, что Степанъ Петровичъ Пукинъ изволили откушать чай, одѣлись и вельможественно расхаживали по залѣ, возбуждая удивленіе городничаго и исправника и подобострастное благоговѣніе управителя конторы и двухъ повѣренныхъ. Онъ сдѣлалъ такимъ образомъ нѣсколько поворотовъ, когда въ дверяхъ залы показался становой Никифоръ Иванычъ.

— Честь имѣю явиться-съ, Степанъ Петровичъ! весело сказалъ Никифоръ Иванычъ, дѣлая нѣсколько шаговъ впередъ и протягивая руку хозяину дома.

Такая смѣлость, и еще въ становомъ, видимо не понравилась откупщику, онъ небрежно кивнулъ головою и подалъ палецъ, украшенный богатымъ перстнемъ.

— Здавствуйте, сухо сказалъ онъ.—У васъ тамъ въ стану опять что-то случилось, отрывисто прибавилъ откупщикъ:—первый разъ слышу, чтобъ въ одномъ и томъ же стану такъ часто случались у насъ непріятности...

— Что такое? спросилъ Никифоръ Иванычъ, съ недоумѣніемъ поглядывая на городничаго и исправника, которые укорительно качали головою.

— До меня то и дѣло доходятъ слухи, продолжалъ Пукинъ:—что въ вашемъ стану народъ поминутно попадается съ кондрабанднымъ виномъ.

— Невозможно справиться, Степанъ Петровичъ, возразилъ сконфуженный становой: — мой станъ пограничный, входитъ угломъ въ сосѣднюю губернію; наконецъ что-жъ мнѣ дѣлать? я радъ былъ бы, чтобъ этого не случалось... но это совершенно не въ моей власти.

— Я вамъ говорилъ, Никифоръ Иванычъ! произнесъ значительно исправникъ.

— Ваше дѣло ихъ преслѣдовать, Никифоръ Иванычъ,— преслѣдовать и преслѣдовать! съ жаромъ сказалъ городничій, выпуская клубъ дыма.

Городничій курилъ сигару, предложенную ему Пукинымъ; куря ее, городничій раздувалъ ноздри, щурилъ глаза, сладко вдыхалъ дымъ,—словомъ, всячески старался показать хозяину дома, что испытываетъ неописанное наслажденіе и блаженство.

— Садитесь! сухо сказалъ Пукинъ, обращаясь къ становому и принимаясь снова расхаживать.

Услышавъ шумъ на дворѣ, онъ повернулъ туда голову и подошелъ къ окну. Кучеръ Пукина гналъ въ шею какого-то сѣденькаго старичка, который хотѣлъ что-то объяснить стоявшимъ тутъ же мужикамъ и порывался впередъ.

— Спросить, что тамъ такое? произнесъ откупщикъ, кивая головою двумъ повѣреннымъ.

Тѣ полетѣли стрѣлою; черезъ минуту возвратились они и, перебивая другъ друга, сообщили, что какой-то мужикъ хочетъ непремѣнно видѣть Степана Петровича.

— Спросить, что ему надо... или нѣтъ, привести его сюда! сказалъ Пукинъ.

На этотъ разъ, за повѣренными кинулся самъ управляющій конторой. Они ввели Савелія.

— Что тебѣ надо? спросилъ Пукинъ, снисходя къ такой роли, по какому-то странному капризу, свойственному богатымъ, избалованнымъ людямъ.

— Это тотъ самый мужикъ, который... началъ-было становой.

— Что такое? нетерпѣливо перебилъ его Пукинъ.

— Который, подхватилъ Никифоръ Иванычъ: — въ послѣдній разъ съ виномъ попался.

— Точно такъ... ваша милость... заикаясь сказалъ Савелій: — по нечаянности, простите, сударь... вамъ Господь вдвое воздастъ... Сказываютъ... теперича съ меня двѣнадцать цѣлковыхъ потребуютъ... простите сударь!.. вамъ Господь втрое воздастъ!..

Добродушіе старика, который, не шутя, казалось, думалъ, что Пукинъ гонится за двѣнадцатью цѣлковыми, вырвало у послѣдняго невольный смѣхъ; съ этимъ смѣхомъ обратился онъ къ исправнику и городничему; тѣ также засмѣялись и пожали плечами.

— Простите... сударь... Помилуйте!.. повторилъ Савелій упавшимъ какимъ-то голосомъ.

Онъ чувствовалъ себя здѣсь еще болѣе отчужденнымъ, чѣмъ даже въ судѣ, передъ лицами съ свѣтлыми пуговицами. Такъ ли ужъ настроили старика впечатлѣнія нынѣшняго дня, или напуганъ онъ былъ повѣренными,—но внутренній голосъ шепталъ ему, что передъ нимъ теперь сила и воля страшная, — сила и воля, которыя все ломили, передъ которыми все должно было уступать и склоняться. Робость подступала къ его сердцу и путала его мысли; онъ казался такимъ жалкимъ, маленькимъ, раздавленнымъ, уничтоженнымъ; комкая свою шапчонку, не смѣлъ онъ поднять глазъ и слышалъ только, какъ звенѣло въ ушахъ его и какъ стучало сердце.

А между-тѣмъ, другой какой-то голосъ, извнѣ какъ словно вторгавшійся въ залу откупщика, — голосъ, сначала тихій, потомъ постепенно укрѣпляющійся, начиналъ ходить внутри и вокругъ всей конторы... Голосъ съ каждой секундой разростался и пріобрѣталъ больше и больше силы... Буря, опустошающая села, ломающая столѣтніе дубы, подымающая къ небесамъ волны морскія, уносящая кровли и хижины какъ щепки, — не такъ, казалось, реветъ и грохочетъ, какъ ревѣлъ теперь этотъ голосъ, потрясавшій до основанія, до послѣднихъ сводовъ каменное зданіе конторы... Звукъ откупщицкаго баса терялся и пропадалъ какъ едва примѣтная пискотня едва примѣтной мухи... Все заглушалось голосомъ, который постепенно возвышаясь, выростая сильнѣе и яростнѣе, покрывалъ шумъ города и все дальше и дальше распространялся, какъ громовые раскаты... И ясно, казалось, ясно для всякаго слуха говорилъ голосъ: — «Не бойся, дядя Савелій! не робѣй! смотри прямо,—смѣло и прямо смотри въ глаза откупщику Пукину! Не пугайся его, дядя Савелій, не кажись такимъ маленькимъ и подавленнымъ! Смѣлѣй, дя-

дюшка Савелій, смѣлѣй! Выпрями спину, подыми сѣдую голову, взгляни ему гордо въ глаза! Не ты передъ нимъ маленькій,—онъ передъ тобой прахъ и крошка! Ты вѣдь также капиталистъ, дядя Савелій.—У тебя сорокъ цѣлковыхъ,—и каждый грошъ твоего капитала выбитъ честнымъ трудомъ и покрытъ потомъ; — каждый грошъ его милліоновъ заклейменъ плутней! кто же изъ васъ двухъ богаче? Кто?.. Не робѣй же, дядя Савелій, — не робѣй! Ободрись и прямо смотри на откупщика Пукина, онъ прахъ передъ тобою, — честный ты труженикъ, честная, простая душа! Прахъ передъ тобою—частицей той могучей, прочной силы, передъ которой откупщикъ Пукинъ съ его милліонами ничтоженъ, какъ самая ничтожная пылинка, сорванная вѣтромъ съ кучи негоднаго сора!..»

Но слова таинственнаго голоса, — слова внятные и ясные для всѣхъ, — проходили неслышными мимо ушей Савелія. Вмѣсто того, чтобы ободриться, продолжалъ онъ комкать свою шапчонку, продолжалъ обливаться потомъ, не находя даже смѣлости повторить свое оправданіе. «Простите... батюшка!.. Помилуйте!»—вотъ все, что могъ сказать онъ, когда Пукинъ снова къ нему обратился.

— Который случай?—спросилъ Пукинъ, поворачиваясь къ управляющему.

— Двадцать-седьмой-съ! — живо возразилъ тотъ, таращa глаза и страстно какъ-то впиваясь въ лицо начальника.

Пукинъ значительно приподнялъ брови.

— Нельзя простить,—сказалъ онъ, взглянувъ на Савелія, который завертѣлъ опять шапкой:—вы этакъ всѣ, пожалуй, станете ѣздить въ сосѣднюю губернію; васъ поучить надо хорошенько, поучить—непремѣнно!.. Андрей Андреичъ, добавилъ онъ, подзывая исправника, который шарахнулся къ нему со всѣхъ ногъ:—пожалуйста, подхватилъ Пукинъ, отводя исправника нѣсколько въ сторону:—подержите у себя этого старика; онъ заплатитъ установленный штрафъ, — это само собою; но вы, сверхъ того, подержите его еще у себя на домашнемъ арестѣ; они больше даже этого боятся, чѣмъ штрафа; нужно, чтобъ знали въ народѣ, что такія продѣлки даромъ не обходятся...

Во все это время, исправникъ моргалъ глазами, внимательно слушалъ и одобрительно кивалъ головою; какъ только Пукинъ кончилъ, исправникъ обратился къ Савелію, велѣлъ ему идти къ себѣ на квартиру и дожидаться тамъ его возвращенія.

— Нельзя, господа, никакъ намъ нельзя пропускать такіе случаи безнаказанно! заговорилъ Пукинъ, входя въ роль оратора, которая всегда ему очень нравилась:—какое-нибудь ведро вина, сто, тысячу ведеръ, для насъ ничего не составляютъ! вы понимаете, тутъ дѣло не въ ведрѣ вина, а въ искорененіи злоупотребленія, въ нарушеніи порядка, нарушеніи нашихъ постановленій! Сказано народу: не ходи въ чужую губернію; онъ долженъ повиноваться! Не повинуется — заставь повиноваться!.. И наконецъ, имѣемъ мы, кажется, полное право требовать повиновенія въ отношеніи къ нашимъ постановленіямъ! Платимъ мы милліоны за такую-то губернію, такой-то городъ; я заплатилъ, далъ деньги, купилъ право — народъ долженъ пить у меня, а не у другого!.. Что-жъ бы это такое было? Хорошо бы шли откупà! Да они плевка бы тогда не стоили! не стоило бы рукъ марать!.. — продолжалъ Пукинъ, самодовольно поглядывая на присутствующихъ, которые сохраняли, за исключеніемъ, можетъ-быть, одного становового, сохраняли такой видъ, какъ-будто прислушивались къ сладчайшей музыкѣ.

Они даже били тактъ головою... Савелій сидѣлъ междутѣмъ на дворѣ исправника и ждалъ, когда тотъ явится, чтобы рѣшить его участь. Онъ ждалъ долго. По прошествіи трехъ часовъ, разнесся слухъ, что исправникъ рано дома не будетъ: онъ остается обѣдать у откупщика и проведетъ тамъ остатокъ вечера. Извѣстіе это принесъ старый инвалидъ, занимавшій должность разсыльнаго въ канцеляріи исправника.

— Гдѣ тутъ мужикъ, который къ откупщику ходилъ...: ты что ли?—спросилъ неожиданно разсыльный, взглянувъ на Савелія.

— Я, касатикъ...

— Тебя велѣно не пускать отсюда; задержать велѣно.

— Какъ же такъ, батюшка... Что же это?.. — проговорилъ Савелій, озираясь кругомъ, какъ потерянный.

— Такъ приказано!—возразилъ разсыльный, не давая другого отвѣта.

Домашнему аресту въ квартирѣ исправника подвергаются только тѣ крестьяне, которые по незначительности вины не могутъ быть посажены въ острогъ; такое право предоставлено исправнику; но онъ можетъ приводить его въ исполненіе и не приводить — по своему произволу; нѣтъ ему никакой охоты держать у себя на дворѣ посторонняго человѣка; правда, можетъ онъ заставить арестанта возить воду, колоть дрова, топить печи и проч.; но игра свѣчь не стоитъ. Сажая подъ арестъ, исправникъ, по большей части, дѣлаетъ дружеское одолженіе помѣщику, который проситъ его объ этомъ, не зная какъ справиться съ крестьяниномъ, требующимъ нѣкоторой острастки. Домашній арестъ входитъ слѣдовательно въ составъ частныхъ, домашнихъ мѣръ. Для негодяя арестанта мѣра эта недѣйствительна, если она не соединяется съ розгами; ничего не стоитъ ему убѣжать—никто за нимъ не присматриваетъ: ему скажутъ только, чтобы не смѣлъ онъ никуда выходить, — и только.

Савелій покорился судьбѣ своей и рѣшился терпѣливо дожидаться исправника. Его безпокоила мысль о домашнихъ: что-то скажутъ они, какъ увидятъ, что онъ не возвращается; пройдетъ эта ночь — и будетъ уже двое сутокъ, какъ онъ выѣхалъ изъ дому. Не мало также сокрушала его лошадь, оставленная на постояломъ дворѣ; кто объ ней позаботится? Кто дастъ корму? Вотъ ужъ часовъ шесть будетъ, какъ она, сердечная, ничего не ѣла. Старикъ сообщилъ свои безпокойства другому инвалиду, нѣсколько помоложе перваго и, какъ казалось, болѣе снисходительному. Инвалидъ не обманулъ его ожиданій:— точно оказался добрякомъ. Онъ согласился вывести старика, какъ только смеркнется и сходить съ нимъ на постоялый дворъ; за все это просилъ онъ только гривенникъ; онъ требовалъ однакожъ, чтобы арестантъ не дѣлалъ сопротивленій, когда придетъ время назадъ возвращаться. Савелію доставленъ былъ такимъ образомъ случай

переговорить съ хозяиномъ постоялаго двора; тотъ согласился оставить у себя лошадь и кормить ее.

Савелій тѣмъ охотнѣе началъ сокрушаться о семействѣ, что ничто уже его не развлекало. Исправникъ явился домой ночью; на другое утро всталъ онъ поздно, велѣлъ сказать просителямъ, чтобъ приходили завтра, и снова на весь день отправился къ откупщику. Тоска еще неотвязчивѣе, чѣмъ наканунѣ, приступила къ Савелію.

«За что же здѣсь держатъ? Хоть бы сказали, по крайней мѣрѣ, чего хотятъ? Коли штрафъ заплатить требуется, онъ готовъ это сдѣлать; но что же значитъ, что не выпускаютъ его отсюда?.. У него свои дѣла есть: у всякаго есть дѣла свои!.. Теперь самое время помола; одному Петру не управиться. Кромѣ того, живучи въ городѣ, приходится кормить лошадь ни-за-что, ни-про-что... вездѣ убытки, изъянъ!..»

Онъ не переставалъ ходить по двору и безпокойно потряхивать сѣдою головою; тоска подмывала его и не сидѣлось ему на мѣстѣ; посидитъ минуты двѣ, ударитъ себя ладонями по поламъ полушубка, — и снова пошелъ кружить по двору исправника. Въ такомъ положеніи находился Савелій, когда неожиданно попался ему благодѣтель. Благодѣтель былъ ни кто другой, какъ писарь, или письмоводитель исправника,—человѣкъ съ косымъ лѣвымъ глазомъ и флюсомъ на правой щекѣ, туго перетянутой косынкой. Савелій замѣтилъ, что писарь утромъ и въ обѣдъ прошелъ мимо него два раза и кашлянулъ; но старикъ сначала не обратилъ на это вниманія и ограничивался тѣмъ, что вставалъ и кланялся. Вечеромъ, на второй день, письмоводитель снова явился, прошелся по двору и кашлянулъ; на этотъ разъ, однакожъ, онъ остановился, подозвалъ старика и сказалъ:

— Ну что, старче, скучаешь, а?..

— Вся душа изныла, батюшка. Хлѣба даже лишился... отвѣчалъ Савелій: — хоть бы узнать только, когда конецъ-то этому будетъ... Кажись все бы отдалъ, чтобы только выпустили!.. Похлопочи, батюшка!.. вѣкъ буду за тебя молить Бога!..

— Что-жъ, это можно... сказалъ письмоводитель, мор-

гая косымъ глазомъ: — похлопотать можно... только безъ денегъ нельзя...

— Мы, отецъ, не постоимъ въ этомъ; сколько надо, готовъ отдать... Только ослобони Христа ради!.. Ослобони, батюшка!

— Тридцать цѣлковыхъ, ласково сказалъ письмоводитель.

Савелія при этомъ встряхнуло, словно кто-нибудь далъ ему тумака въ спину.

— Тридцать цѣлковыхъ, продолжалъ письмоводитель, поправляя платокъ, перевязывавшій щеку:—менѣе нельзя изъ нихъ, штрафныхъ за вино отдать надо двѣнадцать цѣлковыхъ; потомъ придется еще кой-кому дать... безъ того не выпустятъ! Не скупись, старикъ, ой, не скупись! тебя же жалѣючи говорю; вѣдь хуже будетъ: продержатъ здѣсь недѣль шесть пожалуй; тамъ пожалуй въ острогъ еще посадятъ... Ну что тебѣ: разъ отдалъ—и дѣло кончилъ; убытковъ меньше будетъ; а ужъ я похлопочу, дѣло сдѣлаю; одно говорю: выпустимъ.

— Батюшка! воскликнулъ Савелій: — у меня и денегъ-то такихъ нѣтъ... Гдѣ-жъ ихъ взять-то? Гдѣ?

— Найди какъ-нибудь, твое дѣло! У тебя лошадь здѣсь есть, —продай! Говорю: дашь эти деньги—дѣло рѣшеное, поконченное; это все въ нашихъ рукахъ! Ни за какія деньги не захочу я въ подлецахъ остаться; сказалъ: сдѣлаю, стало можно, потому и говорю; у насъ случаи такіе бывали; не въ первой; свертимъ, говорю: дай только деньги!..

Надо было на что-нибудь рѣшиться: или сидѣть здѣсь въ мучительной неизвѣстности, подвергая себя изъяну, или отдать деньги. Савелій думалъ, и какъ ни тяжело было — рѣшился на послѣднее. Затрудненіе состояло въ томъ теперь, какъ дать слухъ домой и вытребовать сына, потому-что лошадь свою Савелій ни за что не хотѣлъ продавать. Продать ее можно было одному хозяину постоялаго двора; но тотъ, зная положеніе продавца, конечно, дастъ за нея втрое меньше противъ цѣны настоящей. Съ такими мыслями сидѣлъ онъ на третьи сутки, когда услышалъ

за собою шаги; поднявъ голову, увидѣлъ онъ младшаго инвалида, который шелъ къ нему торопливо.

— Старикъ, тебя спрашиваютъ, сказалъ инвалидъ, указывая на калитку:—никакъ сынъ пришелъ провѣдать...

Савелій опрометью бросился къ калиткѣ; увидѣвъ Петра, онъ въ радостяхъ трижды поцѣловался.

— Къ тебѣ, батюшка, сказалъ Петръ, оглядывая отца безпокойными глазами (онъ едва переводилъ духъ, и, казалось, столько же происходило это отъ внутренняго волненія, сколько и отъ усталости): — добре ужъ очень объ тебѣ соскучились... Сутки нейдешь, вторыя нѣтъ тебя,— пошелъ я на становую квартиру; оттуда сюда... Началъ по постоялымъ дворамъ спрашивать, — никто не знаетъ! Тутъ напалъ на нашу лошадь... мнѣ все сказали...

— Да, перебилъ Савелій, прищуривая глаза и съ горечью потряхивая сѣдинами:—жилъ вѣкъ, ничего со мною такого не было... привелось подъ старость!.. Дорого обошлось намъ это ведро вина!.. пуще того сумлѣнья одного сколько!.. какъ быть... за грѣхи, видно, Господь наказываетъ!..

Старикъ провелъ ладонью по глазамъ и задумался.

— У насъ, батюшка, тоже есть дома не ладно, сказалъ Петръ:—мальчикъ мой добре разнемогся...

Старикъ перекрестился, не подымая головы.

— Не знаю, что такое сдѣлалось, продолжалъ Петръ:— кричитъ день-деньской и ночь всю... весь даже извелся; однѣ косточки остались!.. Палагея сказывала: у жены молоко вишь какъ-то попортилось... очень ужъ въ ту пору она испугалась, какъ Гришку схватили... сама опосля сказывала; да это не отъ того припало къ мальчику: онъ и рожка не беретъ... чѣмъ живъ, — Богъ вѣдаетъ!..

— Видно, произнесъ старикъ, покашливая: — видно, горе-то не въ одиночку ходитъ... не въ одиночку!.. Прогнѣвили, знать, Господа!..

Старикъ отвелъ сына нѣсколько въ сторону и передалъ ему отъ слова до слова разговоръ съ письмоводителемъ; требованіе тридцати цѣлковыхъ озадачило Петра ничуть не менѣе, чѣмъ отца; но это потому такъ было, что Петръ не подозрѣвалъ даже, чтобы такая сумма могла

у нихъ находиться. Узнавъ объ этомъ, Петръ началъ упрашивать старика отдать деньги. Онъ говорилъ, что денегъ этихъ пока имъ не надобно; что живутъ они и безъ нихъ по милости Создателя; что работы вволю теперь и коли Богъ благословитъ—наживутъ они опять столько же. Старикъ долго крѣпился, молчалъ, пожималъ губами; наконецъ, разсказалъ сыну, гдѣ лежали деньги и велѣлъ ѣхать домой какъ можно поспѣшнѣе.

Отсутствіе Петра продолжалось почти цѣлыя сутки; отъ города до мельницы, если даже ѣхать на-перекоски, считалось верстъ сорокъ. Лошадь плохо была кормлена; пришлось ѣхать медленно; пришлось даже лишній разъ остановиться на-перепутьи и дать вздохнуть бѣдному животному. Наконецъ Петръ явился.

Старикъ переговорилъ еще разъ съ письмоводителемъ и отдалъ ему требуемыя деньги. Письмоводитель дѣйствительно не показалъ себя подлецомъ; онъ сдержалъ слово. Остается совершенно неизвѣстнымъ, какъ устроилъ онъ дѣло (надо думать, исправникъ отчасти участвовалъ въ заговорѣ); Савелій въ тотъ же вечеръ получилъ свободу и могъ отправиться на всѣ четыре стороны. Онъ расплатился съ хозяиномъ постоялаго двора, далъ лошади перехватить корму и, несмотря, что на дворѣ была уже ночь (старика сильно тревожила мысль о внучкѣ, которому было хуже), сѣлъ съ сыномъ въ телѣжку и покатилъ изъ города.

VII.

Возвращеніе на мельницу.

Савелій и Петръ подвигались медленно. Въ ночь выпалъ снѣгъ; необыкновенная мягкость воздуха дѣлала его рыхлымъ и мягкимъ; онъ ворохами навивался на колеса и такъ отягощалъ телѣжку, что лошадь съ трудомъ ее тащила. Звѣзды заслоняли небо; но снѣжная бѣлизна окрестности распространяла ясность, и ночь была не такъ черна, какъ ожидали путешественники. Тѣмъ не менѣе,

лошадь часто сбивалась съ колеи; мѣстами дорога вовсе пропадала; Петру и Савелію приходилось пробивать первый зимній путь. Совсѣмъ уже разсвѣло, когда прибыли они въ Ягодню. Они завернули къ куму Дрону, взяли у него сани, перепрягли лошадь и, не теряя секунды, опять отправились. Минуты двѣ какія-нибудь потребовалось, чтобы спуститься по луговому скату; санишки летѣли сами собою, раскатываясь то вправо, то влѣво, и каждый разъ загребая глыбы снѣга. Лошадь, почуявъ стойло, пустилась вскачъ. Миновали ручей.

Весело подъѣзжать къ дому. Весело глядѣть, какъ постепенно показывается и выростаетъ вдалекѣ родимая кровля. По лицамъ Савелія и Петра нельзя было сказать, чтобъ они были веселы; смущеніе и безпокойство обозначались въ чертахъ отца; тяжелое предчувствіе сильнѣе вторгалось въ его душу, по мѣрѣ приближенія къ мельницѣ. Онъ слова не говорилъ съ сыномъ. Петръ также молчалъ. Молча вылѣзли они изъ саней и отворили ворота.

При появленіи ихъ на дворъ, Гришутка выглянулъ изъ-за угла амбара; онъ скрылся въ ту же секунду, и потомъ видно было сквозь щели плетня, какъ проскочилъ зайцемъ и пропалъ за клѣтушкой. Не знаю, обратилъ ли на это вниманіе Петръ; но старикъ ничего не замѣтилъ. Оба поспѣшили къ крыльцу. Вопль, неожиданно раздавшійся въ избѣ, рванулъ ихъ за сердце; они переглянулись. Въ эту минуту на крылечкѣ показалась Палагея. Нечего уже было разспрашивать: лицо Палагеи и, еще болѣе, вопль, свободно вылетавшій теперь въ полурастворенную дверь избы, ясно сказали, что все кончено...

— Очень ужъ больно убивается... проговорила Палагея: — подите къ ней... Ноньче померъ, Христосъ съ нимъ, на самой на зарѣ...

Отецъ и сынъ вошли въ избу. Младенецъ, покрытый бѣлымъ платкомъ, лежалъ подъ образами, тускло отражавшими крошечное пламя желтой восковой свѣчки. Марья сидѣла подлѣ; обхвативъ руками тѣло младенца, спрятавъ лицо въ ногахъ его, она неутѣшно плакала. Потеря ребенка, котораго она ждала шесть лѣтъ, котораго девять мѣсяцевъ потомъ такъ радостно носила подъ сердцемъ, тяж-

ко отзывалась въ душѣ ея; но къ этому примѣшивалось еще другое чувство: младенецъ тѣснѣе какъ-то привязывалъ къ ней мужа, очевидно располагалъ къ ней тестя. Душа ея, горько настроенная потерею ребенка, создавала новыя, преувеличенныя опасенія: она теряла увѣренность въ любовь мужа и расположеніе тестя.

Савелій, въ глазахъ котораго крошечное пламя свѣчки принимало видъ большого мутнаго круга, тутъ же увидѣлъ, что ему еще приходится утѣшать сноху и сына. Сдѣлавъ три земные поклона, онъ велѣлъ Петру остаться съ женою, а самъ спустился на дворъ и началъ распрягать лошадь. Поставивъ ее на мѣсто, онъ снялъ съ перекладины навѣса двѣ новенькія тесенки и медленно повлекъ ихъ къ обрубку, гдѣ дней пять назадъ сколачивалъ люльку. Съ люлькой больше было хлопотъ, чѣмъ въ теперешней работѣ. Когда Петръ вышелъ къ отцу, гробикъ совсѣмъ почти былъ оконченъ.

— Петръ, сказалъ старикъ: — тебѣ со мною идти не зачѣмъ, посиди пока съ женою; я одинъ схожу; тягость въ немъ небольшая!.. Самъ снесу его, самъ схороню... Ты здѣсь побудь... Да гдѣ-жъ Григорій? Что я его не вижу... Гдѣ онъ?

Петръ словно по чутью какому-то пошелъ прямо къ клѣти. Минуту спустя, онъ вывелъ оттуда Гришку; мальчикъ не смѣлъ поднять головы и вообще выказывалъ знаки сильнаго испуга.

— Поди сюда, Григорій! произнесъ старикъ кроткимъ голосомъ: — куда ты все прячешься... Зачѣмъ?.. Это не хорошо... Побудь здѣсь... Вотъ я его возьму съ собою, промолвилъ Савелій, обратившись къ сыну:—онъ подсобитъ; къ попу сходитъ и лопату снесетъ... Ты поди пока, посиди съ ними...

Ласковое обращеніе старика произвело, повидимому, на Гришку совсѣмъ другое дѣйствіе, чѣмъ слѣдовало ожидать; вмѣсто того, чтобы ободриться, онъ кисло какъ-то пожималъ губами и плаксиво моргалъ глазами; онъ не трогался съ мѣста, не смѣлъ поднять головы, такъ что къ верху выглядывали только два вихра на его затылкѣ и уши, которыя были такъ же красны, какъ лицо его.

Но старикъ, принявшійся за крышку гробика, снова забылъ какъ-будто о существованіи мальчика. Вскорѣ, однакожъ, былъ онъ развлеченъ стукомъ лошадиныхъ копытъ и голосомъ помольца, который въѣзжалъ на дворъ мельницы. Помолецъ поздоровался, спросилъ, есть ли свободная снасть и можно ли засыпать.

— Засыпай, добрый человѣкъ, засыпай... промолвилъ Савелій тѣмъ же кроткимъ, разслабленнымъ голосомъ, съ какимъ обращался къ Гришкѣ: — которая снасть понравится, въ ту и засыпай...

— Что же это... Никакъ у васъ покойникъ? спросилъ помолецъ.

— Внучекъ... тихо сказалъ Савелій, подбирая какъ-то во внутрь губы свои, которыя начали вдругъ морщиться:— внучекъ... Вотъ былъ онъ... а теперь... теперь и нѣту...

Полчаса спустя на дворѣ мельницы опять раздались вопли и крики; теперь были они только сильнѣе; Марья стояла на крылечкѣ; съ одной стороны держала ее Палагея, съ другой Петръ. Она рвалась къ Савелію, который выходилъ изъ воротъ, придерживая гробикъ, перевязанный кушакомъ, переходившимъ черезъ плечо старика; Гришка, также безъ шапки, слѣдовалъ за нимъ съ лопатой и скребкомъ на плечѣ. Во всю дорогу Савелій не обернулся къ своему спутнику, слова съ нимъ не промолвилъ: Гришка нарочно, казалось, ступалъ осторожнѣе и старался не шумѣть скребкомъ и лопатой, чтобы не обращать на себя вниманія. Время отъ времени, онъ заходилъ въ сторону и съ боку поглядывалъ на лицо дяди Савелія; но въ этихъ взглядахъ далеко уже не было того лукавства, той быстроты, какими отличались они нѣсколько дней назадъ, когда мальчикъ выступалъ по той же дорогѣ съ боченкомъ за спиною. Самыя мысли его были теперь какъ словно другія. Онъ не думалъ спихивать камней въ ручей, не думалъ подкрадываться къ воронамъ, садившимся иногда въ десяти шагахъ отъ дороги. Самые воробьи не занимали его, хотя, надо сказать, они такъ же шумливо, какъ и тогда, егозили въ ветлахъ, прыгали по плетнямъ и били крылышками, купаясь въ рыхломъ снѣгу.

Поднявшись въ Ягодню, старикъ зашелъ прежде всѣхъ къ куму Дрону, потомъ къ свату Стегнѣю, и попросилъ ихъ подсобить ему выкопать могилку. Тѣ сначала поохали, потомъ начали вспоминать о томъ, давно ли было, какъ пировали они на крестинахъ; но видя, что Савелію было не въ охоту плакать, взяли скребки и отправились. Пока рыли могилу, Савелій послалъ Гришку за попомъ. Обрядъ похоронъ совершился очень скоро. Немного погодя, на томъ мѣстѣ, гдѣ была яма, поднялся небольшой холмикъ. Снѣгъ валилъ густыми хлопьями. и прежде, чѣмъ Савелій успѣлъ уровнять землю, снѣгъ обсыпалъ ее точно пухомъ.

— Ну, проговорилъ Савелій, вздохнувъ какъ-то въ два пріема: — ну, внучекъ, прости!.. Думалъ, поживешь съ нами... въ утѣху будешь... Прости, внучекъ!..

— Полно, кумъ, сказалъ Дронъ:—есть о чемъ сокрушаться! Добро бы ужъ ходилъ внучекъ-то, либо лепетать началъ, а то всего только пять дней было ему...

— Богъ дастъ, другого наживешь внучка-то! проговорилъ, въ свою очередь, сватъ Стегнѣй:—сноха не старая, сынъ парень также молодякъ; какіе года ему!..

Въ отвѣтъ на такія утѣшенія, Савелій махнулъ только рукою и отвернулся. Кумъ Дронъ и сватъ Стегнѣй переглянулись, какъ-будто сказать хотѣли другъ другу: «Оставить надо; не до того теперь!» простились и пошли по домамъ.

Савелій, сопровождаемый Гришкой, который, по-прежнему, шелъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, ступалъ бережно и старался не обращать на себя вниманія, покинулъ кладбище. Неподалеку отъ церкви встрѣтились они съ Андреемъ. Савелій находился въ родствѣ съ Дрономъ и Стегнѣемъ: первый доводился ему кумомъ, второй сватомъ; Андрей былъ ему чужой, а между тѣмъ, Савелій обошелся съ нимъ гораздо ласковѣе, чѣмъ съ двумя первыми. Онъ приподнялъ шапку въ отвѣтъ на поклонъ Андрея и даже замедлилъ шагъ.

— Савелій Родіонычъ, сказалъ Андрей своимъ груднымъ тихимъ голосомъ; — послушай: у меня трое было... трое ужъ взрослыхъ! Дѣвочкѣ моей пошелъ двѣнадцатый

годъ; Егорушкѣ семь лѣтъ было... И тѣхъ схоронилъ, Савелій Родіонычъ!.. Какъ тутъ быть-то! Знать, такъ ужъ намъ Господь посылаетъ; Онъ даетъ дѣтей, Онъ и отнимаетъ... Говорю тебѣ: у меня трое было, — всѣхъ схоронилъ!

— Братецъ ты мой, промолвилъ Савелій, въ первый разъ въ этотъ день возвышая голосъ:—возьми въ толкъ: вѣдь шесть лѣтъ ждалъ внучка-то! Шесть лѣтъ просилъ о немъ Господа! Ужъ, кажется, я ли ему не радовался! Какъ радовался-то!.. А тутъ еще одно къ одному, другой случай вышелъ... Совсѣмъ сокрушился!..

— Слышалъ я, слышалъ... Сказывали! подхватилъ Андрей:—пожалѣлъ я тебя, Савелій Родіонычъ... Ну и въ этомъ также, Савелій Родіонычъ... въ этомъ также... разсуди: у тебя достатокъ: деньги были... Случись такой грѣхъ съ другимъ, съ бѣднымъ, тутъ что дѣлать? Какъ тутъ быть? Вѣстимо жаль... Ну, да Богъ съ ними! по крайности хоть ослобонился...

— Братецъ мой, послѣднее вѣдь отдалъ! Всего только и было! сказалъ Савелій, покачивая головою съ боку на бокъ:—только всего добра и было! Десять лѣтъ трудился, десять лѣтъ спины не разгибалъ и пóтомъ обливался!.. Развѣ они даромъ мнѣ достались, эти деньги-то? Подумай тоже и ты: развѣ я нашелъ ихъ, сидючи на печкѣ, да руки скламши? Десять годовъ работалъ, берегъ — и все пошло прахомъ! Въ одинъ день— все ушло... и куда ушло, подумаешь!

— Полно, Савелій Родіонычъ, полно! Господь наказываетъ, Господь и милуетъ! Кабы не Господь, на кого бы еще надѣяться! Моя жизнь тошнѣе твоей, и-и! куда! а вѣдь живу же, живу!.. Живутъ люди и не въ такой горести, Савелій Родіонычъ, право такъ! Право!

Бесѣдуя такимъ-образомъ, они незамѣтно спустились къ ручью, который просачивался теперь въ снѣжныхъ сугробахъ холодною темно-синею лентою. Тутъ Андрей и Савелій разстались; одинъ пошелъ въ Ягодню, другой направился къ мельницѣ.

Снѣгъ продолжалъ валить хлопьями. Церковь на возвышеніи и даже ближняя часть лугового ската исчезали

совершенно, какъ-бы задернутые бѣлымъ, медленно колеблющимся пологомъ. Въ двадцати шагахъ нельзя было различать предметовъ на днѣ долины. Мало-по-малу, однакожъ, въ воздухѣ стало проясниваться: снѣжная, движущаяся сѣтка замѣтно рѣдѣла. Мѣстами открывались клочки сѣраго неба, которое постепенно синѣло и сгущалось, приближаясь къ дальнему горизонту. Немного погодя, снѣгъ пересталъ падать; изрѣдка только то тутъ, то тамъ, мимо синяго горизонта, медленно пролетали, кружась и тихо опускаясь, одинокіе снѣжные хлопья.

Но перемѣна погоды встрѣчала глубокое равнодушіе со стороны Савелія; въ этомъ случаѣ, какъ и во всѣхъ впрочемъ случаяхъ, представлялъ онъ рѣзкую противоположность съ Гришуткой. Послѣдній, надо думать, обладалъ большою твердостью духа и способенъ былъ переносить съ болѣе философскимъ спокойствіемъ удары рока. Онъ повидимому замѣтно ободрялся; казалось даже, успѣлъ овладѣть всегдашнимъ своимъ расположеніемъ, или старался, по крайней мѣрѣ, развлечь себя и разсѣять. Онъ внимательно слѣдилъ за одиноко-кружившимися въ воздухѣ снѣговыми хлопьями, выводилъ носкомъ лаптя вычурные фестоны по снѣгу, не пропускалъ случая выставить изнанку ладони на встрѣчу спускавшимся снѣжинкамъ; часто даже улучалъ минуту и, закинувъ назадъ голову, ловилъ ихъ на языкъ. Правда, стоило Савелію кашлянуть или сдѣлать движеніе рукою, Гришутка выпрямлялся, выравнивалъ на плечѣ своемъ скребокъ и лопатку и вообще принималъ озабоченный, суетливо-дѣловой видъ; но это продолжалось минуту, много двѣ, послѣ чего онъ снова овладѣлъ собою и снова старался себя разсѣять.

Такъ вышли они на лугъ, который, подъ снѣжнымъ покровомъ своимъ, убѣгалъ какъ-будто еще дальше къ блѣдно-лиловымъ рощамъ и темно-синему небосклону. Тишина была мертвая; все пропало, казалось, подъ снѣгомъ и погрузилось въ глубокій сонъ. Кровля маленькой мельницы и осѣнявшія ее старыя ветлы одиноко бѣлѣли, возвышаясь подъ сизымъ, отдаленнымъ горизонтомъ. Тамъ было такъ же тихо, какъ и во всей окрестности. Не слышно было ни шума воды, ни того глухого, ровно-вздрагивающаго гула,

который показываетъ, что жернова на всемъ ходу и колеса дружно повертываются. Помолецъ окончилъ, видно, свою работу и уѣхалъ;—оно и лучше было. Такъ думалъ Савелій. На дворѣ и въ домѣ засталъ онъ ту же тишину; тишина снизошла даже какъ-будто въ самую душу обывателей маленькой мельницы. Петръ смотрѣлъ теперь не такъ печально; Марья замѣтно успокоилась. При видѣ тестя, возвращающагося съ пустыми руками, она снова заплакала; но слезы ея не сопровождались криками и воплями отчаянія; слезы ея пріостановились даже, когда Савелій подошелъ къ ней и ласково началъ утѣшать ее, ссылаясь на промыслъ, на волю Божію.

— Знаю, батюшка, Божью волю не намъ судить, ее не переспоришь,—а все горько! сказала Марья голосомъ, надорваннымъ печалью:—не забыть мнѣ, долго не забыть моего дитятку... Такъ я къ нему привыкла, такъ привязалась!.. Кажись, батюшка, вѣкъ буду я имъ беременна! вѣкъ буду носить его!.. вѣкъ его не забуду!..

Но въ горестныя минуты человѣку всегда свойственно терять надежду въ будущее, всегда свойственно преувеличивать свои страданія! Не прошло года, и уже между жителями маленькой мельницы помину не было о минувшихъ несчастіяхъ. Мирная, безмятежная радость изображалась на всѣхъ лицахъ, особенно на старческомъ лицѣ дѣдушки Савелія, которому снова пришлось сидѣть на обрубкѣ подъ навѣсомъ, снова пришлось хлопотать надъ люлькой.

Пришлось также опять за виномъ посылать; но поѣхалъ уже Петръ, а не Гришка, хотя, надо сказать, послѣдній ни за что бы теперь не попался; Гришутка замѣтно меньше зѣвалъ на стороны и вообще выказывалъ меньше разсѣянности. Крестины прошли на этотъ разъ несравненно веселѣе, чѣмъ въ былое время. Сватъ Стегнѣй, кумъ Дронъ и Палагея пѣли пѣсни; Савелій радостно потряхивалъ сѣдинами, отпускалъ ласковыя шуточки снохѣ и поминутно трепалъ по плечу Андрея, который часто заглядывалъ теперь на маленькую мельницу. Самая мельница словно раздѣляла радость своихъ хозяевъ. Въ день крестинъ, возы съ рожью не только наполняли дворъ,

но даже стояли за воротами, жернова порхали, какъ-бы порываясь пуститься въ плясъ; колесо вертѣлось безъ отдыха, обдавая пѣной нижнюю часть амбара, тогда-какъ кровля, тихо вздрагивая, посылала въ воздухъ легкія облака мучной пыли.

Микулинскій мельникъ и сыновья его продолжаютъ коситься на маленькую мельницу. Но Савелій не обращаетъ на нихъ никакого вниманія. Мельница его годъ отъ году процвѣтаетъ, годъ отъ году появляется на ней больше помольцевъ, такъ что снова приходится жернова мѣнять, совсѣмъ почти износились; впрочемъ, есть теперь на что купить, слава Богу! но это съ одной только стороны старика радуетъ; съ другой стороны, другая радость: у него внучекъ, крѣпенькій, здоровый мальчуганъ, котораго, можно сказать безъ преувеличенія, самъ дѣдушка почти вынянчилъ.

Часто, въ ясные солнечные дни, можно видѣть, какъ внучекъ ступаетъ по двору и, переваливаясь съ ноги на ногу, на подобіе утки, спѣшитъ убѣжать отъ дѣда, который выбивается изъ силъ, повидимому, чтобы поймать ребенка, хлопаетъ въ ладоши, и во все время преслѣдованія не перестаетъ ухмыляться въ сѣдую свою бороду. Но веселые крики ребенка, хлопанье въ ладоши дѣда, голосъ Петра, пѣсня Марьи постепенно умолкаютъ, по мѣрѣ того, какъ вечерняя заря угасаетъ на небѣ. Ночь спускается на землю... Все утихаетъ, кромѣ маленькой мельницы, которая, ровно вздрагивая, одна шумитъ посреди заснувшей окрестности, напоминая какъ будто о старомъ своемъ хозяинѣ. Онъ также не зналъ никогда отдыха и вѣкъ свой трудился, даже въ то время, какъ спали другіе.

ПАХАТНИКЪ И БАРХАТНИКЪ.

Не будетъ пахатника, не будетъ и бархатника.
Русская пословица.

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

ПАХАТНИКЪ.

I.

Такого продолжительнаго, нестерпимо-жаркаго лѣта не могли запомнить даже самые старые люди. Съ половины іюня до конца іюля ни разу не освѣжило дождемъ воздуха; раскаленная земля трескалась, превращалась въ камень или пыль, которая лежала тяжелымъ рыжеватымъ пластомъ на дорогахъ. Каждое утро солнце восходило багровымъ шаромъ и, подымаясь выше въ сверкающемъ, безоблачномъ небѣ, совершало свой кругъ, никому не давая отдохнуть отъ зноя. Все живущее словно умаялось и повѣсило голову. Цвѣты, не защищенные лѣсомъ или тѣнью рощи, пересохли; горохъ пожелтѣлъ преждевременно; проходя полемъ, слышно было, какъ лопались его стручья, разсыпая словно дробь свои зёрна. Трава, скошенная утромъ, начинала къ полудню пучиться, подымалась ворохомъ и звонко хрустѣла, когда брали ее въ руки. Стада упорно жались къ ручьямъ и рѣчкамъ; во всякое время дня, коровы и лошади по цѣлымъ часамъ

недвижно стояли по брюхо въ водѣ; можно было бы принять ихъ за окаменѣлыхъ, еслибъ не двигали они хвостами, стараясь отогнать мухъ и оводовъ, которые роями носились и жужжали въ воздухѣ.

Во всей природѣ, которая какъ будто изнемогала и тяжело переводила дыханіе, одни насѣкомыя бодрствовали; чѣмъ горячѣе жарило солнце, тѣмъ больше ихъ появлялось и тѣмъ громче раздавались жужжанье и шорохъ. Тамъ, гдѣ полуизсохшіе ручьи впадали въ рѣчки, роями стояли коромыслы, блистая на солнцѣ своими кисейными глянцовитыми крылышками и зелеными, словно стеклянными головками; запыленные шмели и безчисленные милліоны всякихъ мухъ и мошекъ облипали каждаго, кто только останавливался.

Въ поляхъ весь этотъ шелестъ заглушался трескотнею кузнечиковъ; изъ-подъ каждой травки, изъ-подъ каждаго стебелька немолчно дребезжалъ тотъ жесткій, металлическій звукъ, который всегда какъ бы дополняетъ впечатлѣніе страшной засухи; въ сырое время кузнечикъ поетъ не такъ звонко. Въ поляхъ, часамъ къ двумъ-тремъ пополудни, зной особенно былъ чувствителенъ. Солнечные лучи, насквозь пронизывая рожь до корня, нагрѣли, казалось, самые стебли; даже тамъ, въ глубинѣ колосьевъ, бросало въ испарину; чувствовалось, что пышетъ отъ почвы, какъ отъ жерла раскаленной печки. Васильковъ совсѣмъ не было; они давно пересохли, оставивъ тощіе зеленоватые стебли; одна павилика, туго оплетая подошву колосьевъ, разливала въ воздухѣ тонкій миндальный запахъ и пестрила своими бѣлорозовыми колокольчиками жаркое, лучезарное сіянье, наполнявшее глубину поля.

II.

Несмотря, однакожъ, на удушливый зной, отъ котораго сохло въ горлѣ и потомъ обливало тѣло, все пространство поля покрыто было народомъ; куда ни обращались глаза, отягченные солнечнымъ сверканьемъ, всюду надъ моремъ колосьевъ мелькали, то опускаясь, то поды-

маясь, бѣлыя рубашки бабъ; перегнувъ въ три погибели спину, прикрытую мокрой сорочкой, они вязали снопы; мужья ихъ, отцы и братья выступали между тѣмъ одинъ за другимъ, звонко размахивая косами.

Работа кипѣла; время было такое, что нельзя было ни на одинъ часъ отложить покоса; благодаря жаркому іюлю, едва успѣли откоситься и убрать сѣно, какъ рожь поспѣла; тамъ совсѣмъ уже налился и дозрѣвалъ овесъ,— того и смотри, сыпаться станетъ. Изрѣдка останавливался тотъ или другой работникъ, отиралъ рукавомъ загорѣлый лобъ и принимался точить косу, издававшую при этомъ сухой, острый звукъ, вторившій какъ нельзя лучше дребезжанью кузнечиковъ. Изрѣдка, та или другая баба разгибала спину, оглядывалась и торопливо направлялась выпить кваску изъ сѣраго кувшинчика, спрятаннаго въ укромномъ мѣстѣ, или шла къ люлькѣ, скрывавшей ребенка. Но едва мать успѣвала раскрыть холстяной пологъ люльки, едва припадала грудью къ губамъ младенца, голосъ старосты снова призывалъ ее къ работѣ.

— Эй, бабы, бабы! покрикивалъ онъ, являясь то тутъ, то тамъ;—что-то ужъ больно часто бѣгаете! Покормили разъ-другой—и шабашъ! Главная причина, не надо бы вовсе таскать съ собою ребятишекъ,—вотъ-что! Оставляли бы дома лучше старухамъ да бабкамъ!..

— Хорошо, Гаврило Леонычъ, коли есть такія, возразила молоденькая живая бабенка:—коли не на кого оставить, поневолѣ тащишь...

— Все же такъ часто бѣгать не приходится, возразилъ староста. — Говорю: покорми разъ-другой — и шабашъ!.. Ну ступай, ступай, полно разговаривать!.. довершилъ Гаврило Леонычъ, направляясь въ другую сторону.

Немного погодя, посреди звяканья косъ и шума падающей рядами ржи, голосъ его раздавался на дальнемъ концѣ поля.

III.

Въ голосѣ этомъ не было впрочемъ ничего повелительнаго или грознаго; съ появленіемъ старосты никто

не бросалъ въ его сторону боязливыхъ взглядовъ. Косы, правда, начинали скорѣе двигаться и бабы усерднѣе принимались вязать снопы, но это очевидно происходило не столько отъ страха, сколько отъ жалкой привычки русскаго простолюдина жить и дѣйствовать не иначе, какъ съ помощью понуканья. Гаврилу слушали точно такъ-же, какъ стали бы слушать любого мужика, поставленнаго въ старосты главнымъ управляющимъ.

Гаврило ничѣмъ не отличался отъ остальныхъ мужиковъ своей деревни; онъ только зналъ счеты и разбиралъ грамоту; основываясь на этомъ, его выбрали въ начальники и выдавали ему ежегодно пятнадцать рублей жалованья изъ главной конторы, которая находилась верстахъ въ семидесяти, въ сосѣднемъ уѣздѣ. Гаврило сильно даже скучалъ своею должностью; пуще всего сокрушало старосту, что, будучи самъ человѣкомъ домовитымъ и хозяиномъ, онъ принужденъ былъ поминутно отрываться отъ дѣла и ѣздить въ контору изъ-за каждой бездѣлицы, иногда даже такъ, безо всякой надобности. Случалось, самое нужное дѣло на рукахъ,—нѣтъ, бросай все и отправляйся! Кромѣ того, всякій разъ надо было неизбѣжно стоять съ-глазу-на-глазъ передъ управляющимъ, который внушалъ Гаврилѣ, точно такъ-же, какъ и всѣмъ, находившимся въ зависимости отъ конторы, страхъ непобѣдимый. Короче сказать, староста готовъ былъ ежегодно приплачивать еще своихъ денегъ, лишь-бы освободили его отъ должности; то же самое готовъ былъ сдѣлать каждый крестьянинъ, принадлежавшій деревнѣ Антоновкѣ.

Не только въ нравственномъ отношеніи, но и по наружности, Гаврило во всемъ былъ сходенъ съ мужиками, работавшими въ полѣ. Ему было лѣтъ пятьдесятъ; на лицѣ его, покрытомъ мелкими морщинками, явно проглядывалъ нравъ мягкій, сговорчивый и веселый. Онъ носилъ на головѣ шапку на манеръ гречишника, изъ-подъ которой, съ той или другой стороны, всегда выглядывалъ кончикъ клѣтчатаго платка; платокъ служилъ скорѣе для того, чтобы утирать лицо, чѣмъ для настоящаго употребленія. Выходя въ поле, Гаврило постоянно

вертѣлъ въ рукахъ палочку, служившую ему биркой; на ней-то надрѣзывалъ онъ ножомъ число копенъ, скирдъ, сноповъ и проч. Какъ потомъ могъ онъ добраться толку и распутать на своей биркѣ всѣ эти насѣчки, зарубки и крестики,—это останется вѣчной неразгаданной тайной.

VI.

— Ну, братцы, подкашивай, подкашивай! понукалъ Гаврило, переходя отъ одного ряда косарей къ другому:—по настоящему, къ вечеру рѣшить бы надо!.. Вотъ развѣ бабы не успѣютъ снопы довязать...

— Нѣтъ, сватъ Гаврило, ноньче не управимся, замѣтилъ коротенькій кудрявый мужичокъ, останавливаясь, чтобы снять шапку и отереть лицо:—добре ужъ оченно паритъ; раза три махнешь косой, такъ инда всего тебя размочалитъ. Не въ моготу даже...

— Не одному тебѣ, всѣмъ жарко!.. Ну-ка, сватъ, полно, бери косу-то, бери! подхватывалъ Гаврило:—оттого, что жарко, оттого и откоситься скорѣй надобно; погоди-ка денька три, въ колосѣ совсѣмъ ничего не останется... Эку сухмень сотворилъ Господь!.. эку сухмень!..

— Вездѣ сухо, вездѣ зерно сыплется, промолвилъ высокій рыжій мужикъ съ коротенькой, крутой, кудрявой бородкой.—Вотъ уже третій день никто въ свое поле не заглядывалъ! присовокупилъ онъ, не оборачиваясь къ старостѣ и продолжая косить:—значитъ, здѣсь справляйся, а со своимъ добромъ какъ знаешь,—пропадать должно!..

— Это точно, проговорилъ старый мужичокъ, усыпанный веснушками:—хошь бы на одинъ день ослобонили!.. Здѣсь хлѣбъ уберегай, а со своимъ управляйся какъ Богъ велитъ.

— Толкуютъ, точно первинку разсказываютъ, точно про то никто не знаетъ! перебилъ Гаврило, встряхивая шапкой:—опять-таки, я что-ли тому причиной?.. Такъ велѣно; кто велѣлъ,—сами знаете; подитка сладь съ нимъ! «Чтобы все поле, говоритъ, на мірской магазинъ

которое отрѣзано, убрать, говоритъ, къ воскресенью; уберутъ, говоритъ,—тогда за свое пускай принимаются!» Самъ обѣщался навѣдаться; самъ до всего доходитъ. А мнѣ что? Мое дѣло сторона; какъ велятъ, такъ и дѣлаю...

— Надо, значитъ, самимъ идти просить въ контору, сказалъ рыжій мужикъ.

— Поди-ка сунься, — много возьмешь! замѣтилъ Гаврило.

— Значитъ, продолжалъ опять рыжій мужикъ, размахивая такъ сильно косою, что звонъ ея сдѣлался вдругъ слышнѣе другихъ косъ:—значитъ, оброкъ только для виду для одного; слава только: вотъ-дескать на оброкъ отпущены! Поглядѣть,—выходитъ хуже барщины! Барщинные по крайности оброка не знаютъ; у насъ деньги оброчныя отдай само собою, а тамъ еще плетни плети вокругъ садовъ, луга коси господскіе, дороги починяй; пришла пора рабочая, хоть-бы вотъ теперича,—идти-бы убирать свой хлѣбъ,—нѣтъ, сюда ступай... Дни вишь такіе выговорили!.. Сосчитай-ка эти выговоренные дни, — много-ли время на свое дѣло останется?.. Право, барщина сходнѣе...

— Знамо такъ; Филиппъ правду сказываетъ... Это точно какъ есть!.. отозвались ближайшіе мужики.

— Поди-ка столкуй съ управителемъ, поговори ему, что онъ тебѣ скажетъ, произнесъ Гаврило съ сердцемъ:—ужъ было такое дѣло, изъ другихъ вотчинъ пріѣзжали, говорили ему,—съ тѣмъ и уѣхали! Ты свое,—онъ свое: «знать, говоритъ, ничего не хочу; мое дѣло, говоритъ, было-бы прежде всего исправно!..» А что на счетъ работы, какую теперь справляемъ, продолжалъ разсудительно Гаврило: — надо правду сказать, — браниться да жаловаться не за что: поле не господское, «мірское» *)— стало, все единственно, для себя трудимся!

---

*) Мірскимъ полемъ называется часть земли, которая отрѣзывается крестьянамъ для посѣва хлѣба, поступающаго потомъ въ такъ называемые магазины. Такой запасъ ржи и овса дѣлается на случай неурожая, недостатка зеренъ для посѣва. Въ деревняхъ, гдѣ существуетъ порядокъ, строго наблюдаютъ, чтобы въ магазинѣ всегда находился запасъ зеренъ, который обезпечивалъ-бы въ случаѣ несчастія все населеніе деревни.

— Главная причина, дядя Гаврило, заговорилъ опять мужичокъ съ веснушками: не ко времени работа,—вотъ что! Этимъ пуще всего народъ обижается; у самихъ хлѣбъ сыплется, а ты здѣсь валандайся; оно хоть и мірское дѣло,—а свое все жалчѣе упустить.

— Потому и говоришь вамъ: братцы, велѣно! какъ ни бейся, сдѣлать надо; работай дружнѣй, не тормози рукъ; здѣсь скоро отдѣлаемся, за свое скорѣй примемся... Ну, дружнѣй, ребята, подкашивай, подкашивай,— къ вечеру чтобы совсѣмъ убраться!.. подхватилъ Гаврило, возвышая голосъ и принимаясь снова ходить по полю.— Эй-вы, бабы,—полно вамъ безперечь къ люлькамъ бѣгать!.. Охъ, эти бабы пуще всего!.. Авдотья, ты никакъ съ самаго обѣда торчишь у люльки, ни одного снопа не связала... Брось, говорю!.. Эки, право, ни стыда въ нихъ нѣтъ, ни совѣсти!..

V.

Во время этихъ разговоровъ, съ той стороны, гдѣ деревня заслонялась пологими холмами, показался мужикъ. Съ перваго взгляда легко было замѣтить, что онъ не принадлежалъ къ числу обывателей Антоновки, или если принадлежалъ, то по какимъ нибудь обстоятельствамъ освобожденъ былъ отъ работы.

Длинныя ноги его, обутыя въ довольно плохенькіе сапоги, передвигались безо всякой поспѣшности; онъ разсѣянно посматривалъ направо и налѣво, время отъ времени посвистывалъ, и вообще имѣлъ видъ человѣка, который лишенъ всякихъ заботъ и вышелъ въ поле единственно затѣмъ только, чтобы прогуляться. Ему было лѣтъ подъ-сорокъ; рубашка его начала просвѣчиваться на локтяхъ и швы во многихъ мѣстахъ пообсѣклись; но зато подпоясанъ онъ былъ новымъ гаруснымъ шнуркомъ и на головѣ его, покрытой рѣденькими черными завитками, красовался совершенно новый картузъ съ козырькомъ, въ родѣ тѣхъ, какіе носятъ подгородные мѣщане и фабричные. Самъ онъ скорѣе похожъ былъ на мѣщанина, чѣмъ на обыкновеннаго поселянина; несмотря на

знойное лѣто, загаръ едва коснулся его лица и шеи; на лицѣ его, довольно еще красивомъ, не было слѣда тѣхъ морщинъ, той загрубѣлости, которыя преждевременно накладываетъ тяжелое, трудовое житье. Взглядъ его, обращавшійся какъ-то сверху внизъ, — точно онъ считалъ себя значительнѣе всѣхъ тѣхъ, съ кѣмъ встрѣчался, — не былъ лишенъ живости, точно такъ-же какъ и остальныя черты лица; въ движеніяхъ замѣтно однакожъ проглядывали лѣнь, вялость, сонливость.

Человѣкъ этотъ не былъ совершенно чужимъ и незнакомымъ лицомъ въ здѣшнихъ мѣстахъ; едва поровнялся онъ съ первыми косарями, многіе его окликнули:

— Ѳедотъ, здорово! Откуда?

— Съ люблинской мельницы...

— Дѣло, что-ли, есть?

— Да, лаконически отвѣчалъ Ѳедотъ, слегка приподымая картузъ и продолжая идти далѣе.

Замѣчательно, что въ голосѣ каждаго, кто обращался къ Ѳедоту, звучала веселость; каждый почти, заговаривая съ нимъ, прищуривалъ глаза и осклаблялъ зубы. Случалось, что иной мужичокъ, — особенно изъ молодыхъ и которые были попроще, — видя, какъ осклаблялись другіе, — схватывался попросту за бока и громко начиналъ смѣяться. Въ такихъ случаяхъ Ѳедотъ выше только подымалъ голову, весь какъ словно отъ макушки до пятокъ преисполнялся чувствомъ собственнаго достоинства и шелъ мимо, сохраняя такой видъ, какъ будто на пути попался муравей, не стоющій никакого вниманія.

Приближаясь къ мѣсту, гдѣ сосредоточивалась главная дѣятельность и куда сошелся почти весь народъ, Ѳедотъ спросилъ, какъ бы найдти ему дядю Карпа? Карпъ, оказалось, косилъ въ числѣ передовыхъ косарей и находился на дальномъ концѣ поля. Ѳедотъ медленно, какъ-бы желая похвастать своей неторопливостью, направился въ указанную сторону. Проходя мимо подводъ, которыя пріѣхали за снопами, мимо бабъ, вязавшихъ снопы, и мужиковъ, шумѣвшихъ косами, — Ѳедотъ снова освѣдомился, гдѣ отыскать дѣдушку Карпа.

Признавъ наконецъ того, кого отыскивалъ, Ѳедотъ встрепенулся и ускорилъ шагъ; онъ словно вдругъ вспомнилъ о чемъ-то; лицо его выразило озабоченность, суетливость; онъ пошелъ такъ скоро, и началъ такъ размахивать руками, что потъ выступилъ на лицѣ и даже шеѣ; подойдя къ Карпу, который продолжалъ усердно косить, не замѣчая приближающагося,—Ѳедотъ, и безъ того запыхавшійся, старался еще показать видъ, что едва переводитъ духъ отъ усталости.

VI.

— Дядя Карпъ, здорово! Къ тебѣ... озабоченнымъ тономъ проговорилъ Ѳедотъ, снимая картузъ и отирая плоскій бѣлый лобъ съ прилипнувшими къ нему жиденькими кудрями.

— А, Ѳедотъ! воскликнулъ сѣдой, какъ лунь, старичокъ, быстро поворачивая къ Ѳедоту сухощавое лицо, изрытое глубокими морщинами:—какъ ты здѣсь?..

— Къ тебѣ, дядя Карпъ... Ухъ, умаялся!—дай духъ переведу, сказалъ Ѳедотъ, стараясь показать вдвое больше усталости, чѣмъ было на самомъ дѣлѣ:—примѣрно, такое дѣло... переговорить надо...

Тутъ Ѳедотъ нахмурилъ брови, покосился на стороны и, замѣтивъ, что ближайшіе мужики остановились и посматривали въ его сторону, началъ мигать Карпу на сосѣднюю ниву, гдѣ не было еще ни одного косаря.

— Говори здѣсь,—все одно, сказалъ старикъ.

— Нельзя, суетливо перебилъ Ѳедотъ:—никакимъ то-есть манеромъ... дѣло такое... Отойдемъ, говорю...

Онъ дернулъ старика за рукавъ рубахи и силою почти отвелъ его шаговъ за десять.

— Аксенъ Андреевъ прислалъ, произнесъ онъ, быстро оглядываясь и какъ бы желая убѣдиться, что никто не слушаетъ.

— Это за чѣмъ?

— Насчетъ избы; ты избу приторговалъ... Прислалъ:

«скажи, говоритъ, Карпу,—онъ тебѣ родственникъ, часто видаетесь,—скажи: задатку надо прибавить!..»

— Вѣдь я далъ ему задатокъ, и дѣло совсѣмъ порѣшили; чего-же еще? произнесъ старикъ нетерпѣливо.

— Говоритъ, много на избу охотниковъ...

— Ну...

— Много очень народу избу торгуютъ и деньги сейчасъ отдаютъ... «Коли, говоритъ, Карпъ прибавитъ задатку, я обожду, пожалуй, а то, говоритъ, несходно!» Я затѣмъ и пришелъ къ тебѣ; ты, дядя, ноньче же безпремѣнно сходи къ Аксену. Онъ такъ и наказывалъ: сегодня переговори съ нимъ; дѣло примѣрно такое, никакимъ манеромъ нельзя оставить! примолвилъ разсудительнымъ тономъ Ѳедотъ и даже зажмурилъ глаза.—Избу я видѣлъ: изба знатная; и цѣна не большая... упустить никакъ невозможно!..

Старикъ не слушалъ послѣднихъ словъ Ѳедота; съ досадливымъ, безпокойнымъ выраженіемъ лица смотрѣлъ онъ въ землю.

— Когда видалъ ты Аксена? спросилъ онъ.

— Ныньче утромъ, въ самый обѣдъ. Какъ сказалъ онъ объ этомъ, — «дѣло такое, думаю себѣ, упустить нельзя; Карпъ Иванычъ сродственникъ, оставить негодится»,—прямо къ тебѣ бросился...

— Какъ же попалъ ты туда къ Аксену? спросилъ Карпъ, медленно направляясь къ прежнему своему мѣсту.

— Встрѣтились, по сосѣдству... Я теперь на люблинской мельницѣ... вотъ уже съ недѣлю живу въ работникахъ...

— Какъ! ты, стало ужъ не на фабрикѣ у Василья Иванова?

— Нѣтъ, разсчитался!.. Хозяева добрѐ оченно ужъ зазнались... Мнѣ здѣсь сходнѣе: хозяева — лучше быть нельзя, обходительные такіе и жалованья больше... въ недѣлю три цѣлковыхъ получаю...

Карпъ недовѣрчиво покачалъ головою.

— Ей-Богу, три цѣлковыхъ! съ живостью подхватилъ Ѳедотъ.

— Ты никакъ на мельницахъ-то прежде не живалъ... промолвилъ Карпъ разсѣянно.

— Какъ не живалъ? возразилъ Ѳедотъ съ увѣренностью:—вотъ-те разъ! Передъ тѣмъ какъ на фабрику поступилъ, только и работалъ что на однихъ мельницахъ!.. дѣло привычное... всѣ статьи примѣрно знаю; другой мельникъ того не сдѣлаетъ.

Хотя старикъ въ половину слушалъ Ѳедота, но снова покачалъ головою.

Прійдя на свое мѣсто, онъ далеко не былъ такъ бодръ и веселъ, какъ когда подошелъ къ нему Ѳедотъ; сѣдыя брови старика не оставляли нахмуреннаго положенья; несмотря на нѣсколько минутъ отдыха, онъ дышалъ тяжелѣе, чѣмъ когда безъ устали размахивалъ косою.

— Подсоби, Ѳедотъ, сказалъ онъ:—подсоби маленько, чтобъ упущенія не было; я тѣмъ временемъ дойду до снохи кваску выпью...

— Давай, давай!.. Намъ не впервые! бойко и съ величайшей готовностью проговорилъ Ѳедотъ. — Ступай, дядя, справимся!..

Ѳедотъ выпрямился, молодецки поправилъ картузъ, поплевалъ въ ладони и взялъ косу.

VII.

— Никакъ подсобить хочешь?.. произнесъ сосѣдній мужикъ.

— Намъ это дѣло въ привычку! хвастливо возразилъ Ѳедотъ: — въ нашихъ мѣстахъ, — мы на Окѣ живемъ, — луга такіе: конца краю не видно, глазомъ не обведешь! Мѣсяцъ цѣлый косимъ: весь міръ коситъ, а все остается верстъ на десять нескошеннаго мѣста... такъ и оставляемъ... скотъ травитъ.

Сказавъ это, Ѳедотъ снова поправилъ картузъ, снова поплевалъ въ ладонь и молодецки махнулъ косою; но луга косить, видно, не то что рожь; подъ косою Ѳедота жнивья осталось вдвое больше, чѣмъ слѣдовало, и колосья, захваченные имъ, легли не въ-рядъ, а раскидались на стороны.

Два молодые парня, работавшіе слѣва, громко засмѣялись.

Ѳедотъ повернулся къ нимъ спиною и осмотрѣлъ косу.

— Ну, ужъ коса! сказалъ онъ съ усмѣшкою, обращаясь къ мужику, который началъ разговоръ:—диковинное дѣло, какъ только Карпъ управляется... Какъ есть, ничего не беретъ! Дай-ка, братецъ ты мой, точило... Эхъ, была у меня коса,—вотъ такъ ужъ точно коса! подхватилъ Ѳедотъ, принимаясь водить брускомъ по лезвію: — и теперь еще двѣ такія же дома остались, — вотъ такъ косы! Случается найдешь на такое мѣсто — конятникомъ заросло, — такія мѣста есть, — махнешь косою — словно трава валится! Въ нашихъ мѣстахъ все такія-то косы; по два рубля платимъ; этихъ, какими вы косите, у насъ въ заводѣ нѣтъ, впервые вижу...

— Слышь, братъ, сказалъ словоохотливый мужичокъ: — ты этакъ по одной-то половинѣ не води точиломъ... этакъ совсѣмъ косу затупишь.

— Ничего, ладно, живетъ! возразилъ Ѳедотъ, возвращая ему точило.

Не поворачиваясь къ двумъ смѣявшимся парнямъ, Ѳедотъ снова принялся за работу: но дѣло по прежнему не клеилось; чѣмъ больше онъ храбрился, чѣмъ сильнѣе махалъ косою, тѣмъ дѣло меньше спорилось,— выходило и криво и косо.

— А, Ѳедотъ! отколь Богъ принесъ? неожиданно спросилъ Гаврило.

— Къ Карпу за дѣломъ пришелъ... Онъ отошелъ кваску испить; подсобить попросилъ...

— Да что ты, братъ, косы, что-ли, въ руки не бралъ? сказалъ Гаврило.—Смотри-ка, что натворилъ!..

Молодые парни опять засмѣялись; даже словоохотливый мужичокъ началъ ухмыляться.

— Натворишь поневолѣ! возразилъ Ѳедотъ, тыкая съ сердцемъ косу въ землю! — вишь, у васъ косы-то какія... мнѣ не въ привычку...

— А какъ же Карпъ-то коситъ? вѣдь ладно же выходитъ, не по твоему!..

— Не такую мы косьбу видали! сказалъ Ѳедотъ тономъ надменнаго пренебреженія, скрывавшимъ обиженное чувство: — въ степи жить приходилось, рожь-то вдвое повыше вашей,—косили не хуже другихъ!.. По два цѣлковыхъ въ день получалъ... стало, не даромъ; дѣло свое знаемъ...

Онъ замолкъ, увидѣвъ приближающагося Карпа.

Гаврило и сосѣдніе ребята начали было трунить надъ Ѳедотомъ, указывая Карпу на работу его родственника; но ни Карпъ, ни Ѳедотъ ничего не отвѣчали. Первый молча взялъ свою косу и продолжалъ работу, которая пошла какъ по маслу; второй, поправивъ картузъ, обратился къ старику и громко вымолвилъ:

— Приходи же смотри, какъ я сказывалъ...

— Ладно, приду, отвѣчалъ Карпъ, не поворачиваясь.

Такая невнимательная выходка со стороны старика,— и еще при людяхъ, — въ конецъ повидимому разобидѣла Ѳедота; куда ни обращались глаза, онъ всюду встрѣчалъ ухмыляющіяся лица. Помявшись съ минуту на мѣстѣ, какъ человѣкъ, который ищетъ угла, чтобы спрятаться, Ѳедотъ вдругъ повернулся спиною и, никому не поклонившись, никому не сказавъ слова, пустился мелкимъ, пристыженнымъ шажкомъ въ обратный путь.

По мѣрѣ того, однакожъ, какъ удалялся онъ отъ мѣста, гдѣ претерпѣлъ столько неудачъ, станъ его замѣтно выпрямлялся и глаза снова начали посматривать сверху внизъ; проходя мимо подводъ и бабъ, онъ выступалъ уже величественнымъ, сдержаннымъ шагомъ; дальше, онъ началъ насвистывать; еще дальше — вся фигура его приняла беззаботный видъ человѣка, который вышелъ прогуляться для собственнаго удовольствія; наконецъ Ѳедотъ окончательно пропалъ изъ виду.

VIII.

Извѣстіе, сообщенное Ѳедотомъ, сильно, казалось, встревожило стараго Карпа. До того времени болтливый и разговорчивый, онъ впалъ вдругъ въ крайнюю несооб-

щительность; на распросы сосѣдей, желавшихъ узнать, зачѣмъ былъ Ѳедотъ, старикъ отдѣлывался, говоря, что родственникъ приходилъ безо всякой цѣли, а чаще всего отмалчивался. Онъ точно такъ же усердно продолжалъ косить, хотя уже видно было, что работа шла теперь машинально и косою водило не столько сознаніе, сколько привычка такого занятія. Потъ лилъ съ него ручьями; онъ оставался однакожъ къ этому менѣе прежняго чувствительнымъ; онъ рѣже даже останавливался, чтобы дать себѣ отдыхъ, остыть и пораспра́вить спину.

Несмотря на то, что солнце совсѣмъ уже скатилось къ горизонту, въ полѣ было почти также душно, какъ въ полдень. Воздухъ, напитанный испареніями, былъ неподвиженъ; самые тонкіе стебельки, приходившіе въ колебаніе безъ всякой видимой причины, стояли теперь какъ околдованные; облако пыли, поднятое стадомъ, которое полчаса назадъ прогнали въ деревню по отдаленному холму, стояло также высоко и только постепенно мѣняло свой цвѣтъ, превращаясь изъ золотистаго въ багровое, по мѣрѣ того, какъ ниже опускалось солнце.

Наконецъ солнце скрылось.

— Дядя Карпъ, народъ по домамъ пошелъ! сказалъ сосѣдній мужичокъ.

— Шабашъ! послышалось въ отдаленіи:—шабашъ, домой! подхватили ближайшіе косари.

Карпъ молча подбросилъ косу на плечо и поднялъ голову.

Въ разныхъ концахъ поля народъ направлялся къ деревнѣ; то тутъ, то тамъ раздавался скрипъ навьюченныхъ снопами телѣгъ, которыя тяжело покачивались, пробираясь по пашнѣ.

Карпъ направился ускореннымъ шагомъ, въ надеждѣ догнать сноху свою; но ея нигдѣ не было; она не кормила ребенка, и какъ всѣ бабы, избавленныя отъ такой заботы, успѣла, вѣроятно, отойти очень далеко. Попадались только тѣ бабы, которыя поневолѣ должны были отставать, потому что еле-еле передвигали ногами, неся на спинѣ люльку, а въ рукахъ серпъ и кувшинчикъ.

При поворотѣ съ поля на дорогу, Карпъ встрѣтился съ Гаврилой.

— Ну, братъ, Карпъ Иванычъ, разобидѣли мы твоего Ѳедота, смѣясь, заговорилъ староста:—пошелъ отъ насъ—никому даже слова не промолвилъ; что за человѣкъ такой уродился! Сказываютъ, опять перемѣнилъ мѣсто; на люблинской мельницѣ нанялся теперь... Зачѣмъ это приходилъ онъ? Тебя, что-ли, провѣдать?

— Эхъ! произнесъ старикъ, махнувъ рукою.

— Развѣ что неладно?

— Такое дѣло, совсѣмъ даже въ сумлѣнье приводитъ; зарѣцкій Аксенъ, что лѣсомъ торгуетъ, прислалъ его ко мнѣ...

— Зачѣмъ?

— Сказывалъ я тебѣ, приторговалъ я у него избу, началъ Карпъ такимъ голосомъ, какъ будто у него накипѣло въ сердцѣ и онъ радъ былъ наконецъ высказаться:—задатку взялъ онъ съ меня семьдесятъ рублевъ; дѣло совсѣмъ сладили; теперь прислалъ Ѳедота, говоритъ: «прибавить надо къ прежнему задатку»; очень, вишь, много народу на ту избу охотятся и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ; «не сходно, говоритъ, ждать до осени!» Самъ суди, Гаврило Леонычъ, откуда взять теперь денегъ? Хлѣбъ не убранъ, и хошь бы и убранъ былъ,—все одно не время его продавать; только въ убытокъ продашь... Вотъ дѣло какое, — шутъ его возьми! Я третій годъ за избой гоняюсь; такъ было обрадовался; моя совсѣмъ плоха; насилу прозимовали... Коли Аксенъ заартачится, не знаю, право, гдѣ ужь искать избу; въ своей зиму никакъ не проживешь; вся кругомъ какъ есть промерзаетъ... Эхъ, шутъ его возьми! скрутилъ онъ меня этимъ по рукамъ и ногамъ...

— Почемъ за избу-то проситъ?

— Уговоръ былъ двѣсти-тридцать рублевъ, совсѣмъ ужъ было поладили...

— Сходно; по теперешнимъ цѣнамъ на что сходнѣе.

— Объ томъ и сокрушаешься; сходнѣе не найти; потому больше и жаль, Гаврило Леонычъ... вымолвилъ старикъ, насупивъ брови.

Немного погодя, сквозь сѣрѣющія сумерки открылась деревня; войдя въ околицу, Карпъ и Гаврило разстались.

IX.

Антоновка выстроена была подъ самымъ скатомъ на плоской луговинѣ, которую огибала небольшая рѣчка; во всякое время на улицѣ стояла топь непроходимая; только теперешнее лѣто могло вполнѣ просушить ее и превратить грязь въ слой пыли. Избы шли въ два порядка со множествомъ узенькихъ проулковъ; въ глубинѣ деревни, тамъ, гдѣ рѣчка дѣлала поворотъ и пропадала, высоко подымалось нѣсколько старинныхъ ветелъ; дальше, за ветлами, снова шли пологіе холмы, исполосованные оврагами и темными клиньями сосновыхъ перелѣсковъ.

Изба Карпа выходила угломъ въ проулокъ и на улицу; она дѣйствительно никуда больше не годилась какъ въ ломъ; бокъ ея, смотрѣвшій на улицу, круто выпучивался и, безъ сомнѣнія, давно-бы повалился, еслибъ хозяинъ не позаботился подпереть его двумя осиновыми плахами; всѣ пазы были вымазаны глиной, которая истрескалась отъ жары и во многихъ мѣстахъ отвалилась. Изба была одною изъ самыхъ старыхъ въ деревнѣ; Карпъ, доживавшій уже седьмой десятокъ, не помнилъ, когда ее ставили. Ветхость избы еще замѣтнѣе бросалась въ глаза отъ сосѣдства съ плетнями, которые отличались плотностью, стояли прямо на толстыхъ высокихъ кольяхъ. Карпъ не осиливалъ только съ избою; все остальное, что зависѣло отъ его рукъ и средствъ, смотрѣло какъ нельзя пригляднѣе и обличало домовитаго, дѣятельнаго хозяина.

Войдя на дворъ, Карпъ встрѣченъ былъ блеяніемъ овецъ, фырканьемъ трехъ лошадей и глухимъ чмоканьемъ коровы, которая въ сумеркахъ принимала видъ огромнаго бѣлаго камня, брошеннаго посреди двора. Старикъ повѣсилъ подъ навѣсъ косу, вступилъ въ темныя сѣни, но наткнулся на кого-то и поспѣшно отступилъ на шагъ.

— Ай, дѣдушка, чуть Ваську не уронилъ! раздался тоненькій голосокъ.

При этомъ на крыльцо выступила дѣвочка лѣтъ семи,

державшая на рукахъ толстаго, какъ пузырь, ребенка, который кряхтѣлъ и отдувался, какъ словно не его тащила дѣвочка, а онъ несъ ее на рукахъ своихъ.

— А сама что подъ ноги лѣзешь! проговорилъ ворчливо дѣдушка, входя въ избу.

Въ избѣ царствовала уже тьма кромѣшная; отъ жары едва можно было переводить духъ; мухи, бившіяся на потолкѣ и въ окнахъ, наполняли ее глухимъ журчаньемъ. Заслышавъ шумъ у печки, Карпъ обратился въ ту сторону.

— Старуха, ужинать собирай; я чаялъ, все ужъ у васъ готово...

— Сейчасъ, батюшка; сейчасъ сноха вынесетъ столъ на крылечко; здѣсь пуще жарко... Ноньче печь топили; новые хлѣбы, изъ новой муки пекла; мука бѣлая, хорошая, на скусъ хлѣбы прошлогодняго лучше...

Но и это обстоятельство, всегда почти тѣшащее душу простолюдина, столь бѣднаго на прихоти и радости всякаго рода, не произвело никакого дѣйствія на Карпа.

Онъ повѣсилъ голову, вышелъ изъ избы и снова въ сѣняхъ чуть было не сшибъ съ ногъ дѣвочку, которая, вся изогнувшись на одинъ бокъ, тащила толстаго Ваську.

— Охъ! крикнула дѣвочка, съ трудомъ пятясь назадъ:—охъ, дѣдушка,—Васька! Ваську чуть не уронилъ!..

— А ты опять подъ ноги лѣзешь!

— Что ты его взаправду все таскаешь, — сядь поди съ нимъ, Дуня! Сядь, проговорила сноха, явившаяся на крылечко собирать ужинъ.

— Здорово, батюшка! раздался голосъ изъ-подъ навѣса, и на дворѣ показался рослый мужикъ, лицо котораго невозможно было разсмотрѣть за темнотою.

Это былъ сынъ Карпа и мужъ молодой женщины, хлопотавшей съ ужиномъ. Карпъ лѣтъ уже семь освобожденъ былъ, за старостью отъ всякой работы; онъ постоянно однакожъ ходилъ въ поле и исполнялъ всѣ мірскія и господскія повинности; старикъ находилъ разсчетъ работать за сына, который въ это время управлялся въ собственномъ полѣ или занимался дома; раз-

счетъ былъ вѣренъ: Петръ (такъ звали сына) былъ однимъ изъ лучшихъ работниковъ Антоновки.

Выйдя изъ-подъ навѣса, Петръ махнулъ рукою и погналъ лошадей къ воротамъ.

— Погоди, Петруха, сказалъ старикъ прежде еще, чѣмъ сынъ коснулся воротъ:—кто ныньче у насъ въ ночномъ? Чей чередъ?

— Андрей Воробей съ ребятами поѣдетъ.

— Смотри, молодого сѣраго меренка не спутывай; онъ не сильно боекъ, не уйдетъ отъ табуна; боюсь, какъ спутаешь, зашибутъ его копытами... У Гаврилы кобыла бойкая такая, сколькихъ ужъ зашибла!

— Ладно, батюшка!

Сѣрый этотъ меренокъ дороже былъ Карпу всей остальной скотины; въ продолженіи десяти лѣтъ, старику, несмотря на всѣ старанія, никакъ не удавалось вывести ни одной лошаденки своего завода; всѣ или дохли, или оказывались слабыми; этотъ конекъ вознаградилъ его наконецъ за всѣ неудачи: сѣрый меренокъ, которому пошелъ уже четвертый годъ, удался во всѣхъ статьяхъ; старикъ не могъ на него нарадоваться и берегъ его пуще глазу.

Петръ отворилъ ворота и вышелъ съ лошадьми на улицу. Немного погодя, онъ вернулся, поднялся на крыльцо и сѣлъ подлѣ отца на лавку, которую поставила жена.

X.

— Что, какъ ноньче день? спросилъ старикъ.

— Ничего, батюшка, ладно; рожь совсѣмъ рѣшилъ, завтра возить стану.

— Сыплется, чай?

— Сыплется, только не много; въ пору захватили; умолотъ будетъ знатный!..

Въ эту минуту старуха поставила на столъ чашку съ тертымъ горохомъ, приправленнымъ масломъ.

— Ты, касатикъ, хлѣбца-то новенькаго отвѣдай, сказала она, подавая мужу полновѣсный ломоть и крѣпко

нажимая его пальцами, какъ-бы желая доказать этимъ мягкость и доброкачественность хлѣба:—отвѣдай, батюшка: съ прошлаго года новенькаго хлѣбца не ѣли...

— Ой! бабушка, пропусти! ой, не пролѣзу; охъ!.. отчаянно прокричала вдругъ Дуня, стараясь пролѣзть между столомъ и лавкой и всѣми силами упирая животъ Васьки въ край лавки, а собственный затылокъ въ столъ: — ой, не пролѣзу! бабушка, пропусти! повторила она, но уже со слезами въ голосѣ.

— Ступай, родная; ступай, Христосъ съ тобою... промолвила бабушка, торопливо отодвигая лавку.

— Ой, тятька, пропусти... ой, уроню Ваську! снова закричала Дуня, увязая на этотъ разъ между столомъ и колѣнями отца.

Петръ привсталъ и подсобилъ дочкѣ усѣсться съ Васькой между собой и дѣдомъ.

Во время этихъ переходовъ и неудачъ, повторявшихся сто разъ въ день, на долю Васьки выпадало всегда большее число испытаній, даромъ что сидѣлъ онъ постоянно на рукахъ сестры и казался вдвое ея сильнѣе. Часто тоненькія руки Дуни туго обхватывали Ваську поперегъ живота; часто, заигравшись на улицѣ съ подругами и поспѣшая на зовъ матери или бабушки, она второпяхъ брала Ваську такимъ образомъ, что онъ совсѣмъ перевѣшивался на бокъ, цѣпляясь рученками за ея рубашку; случалось даже Васькѣ висѣть головою внизъ и болтать въ воздухѣ ногами; но все это было ему рѣшительно нипочемъ; въ какое-бы трудное положеніе ни приводила его Дуня, онъ казался совершенно довольнымъ и никогда не пищалъ; но за то стоило сестрѣ попробовать посадить его на лавку или на траву, — Васька мгновенно багровѣлъ, начиналъ трясти руками, наливался весь кровью, такъ что даже кожа его лоснилась, — и разражался вдругъ пронзительнымъ воемъ, который сію же минуту привлекалъ и мать, и бабушку.

Усѣвшись со своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ, который открылъ ротъ, какъ только услышалъ запахъ ѣды,— Дуня придвинулась къ чашкѣ; ложка дѣвочки ни разу не коснулась ея губъ безъ того, чтобы сначала не по-

пасть въ ротъ брата; она пичкала его съ такимъ усердіемъ, Васька такъ уписывалъ, что отецъ и мать только посмѣивались.

Одна бабушка не раздѣляла ихъ веселости.

— Ѣшь, батюшка; кушай на здоровье, касатикъ, Христосъ съ тобою! повторяла старушка озабоченнымъ голосомъ.

Послѣ ужина Карпъ обратился къ востоку, перекрестился и потребовалъ шапку.

— Куда ты? Никакъ идти собрался? спросила старуха.

— Да; дѣло такое вышло... Шапку давай! повторилъ Карпъ, усаживаясь на ступени крыльца, чтобы снять лапти.

— Куда ты, батюшка? Никакъ взаправду идти хочешь? спросилъ въ свою очередь Петръ.

— Да, на рѣку надо сходить...

— Ты бы завтра; не то мнѣ вели,—я сбѣгаю.

— Нѣтъ, дѣло такое, надо самому идти, — приду, отдохну потомъ.

Карпъ взялъ шапку и вышелъ за ворота, плотно заперевъ ихъ за собою.

XI.

Темная звѣздная ночь давнымъ-давно обняла небо.

Выйдя за околицу, Карпъ нѣсколько разъ шмыгнулъ босою ногою по травѣ; нога его осталась почти сухою; воздухъ, не освѣженный росою, былъ тяжелъ, душенъ, точно передъ грозою; нигдѣ однакожъ не видно было признака тучи: только зарницы, вспыхивая поминутно, обливали окрестность красноватымъ свѣтомъ.

Дорога на Оку шла все время по берегу маленькой рѣчки; сдѣлавъ крутой поворотъ за Антоновкой, рѣчка протекала дномъ плоской долины и версты три далѣе впадала въ Оку. Мѣстами бока долины съуживались, мѣстами расходились, образуя по обѣимъ сторонамъ рѣчки болѣе или менѣе пространныя луговины.

Приближаясь къ первому изъ этихъ луговъ, Карпъ

услышалъ лошадиное фырканье, сопровождаемое визгомъ и глухими ударами копытъ. При блескѣ зарницъ различилъ онъ табунъ, который только-что выгнали въ «ночное». Старикъ свернулъ съ дороги и пошелъ къ лошадямъ. Почти въ ту же минуту его окликнули:

— Кто идетъ?..

— Я, отозвался Карпъ, направляясь прямо къ длинному человѣку, который такъ же скоро шелъ къ нему на встрѣчу.

— Ты, Карпъ Иванычъ? заговорилъ длинный человѣкъ тоненькой, надорванной фистулой, которая заслужила ему еще съ дѣтства прозвище Воробья: — я вечоръ еще собирался поговорить съ тобою...

— Объ чемъ это?

— Сродственникъ твой Ѳедотъ, что женатъ на твоей племянницѣ, нанялся теперь на люблинской мельницѣ...

— Знаю: ну такъ что-жъ?

— Скажи ему, произнесъ Воробей, неожиданно оживляясь, причемъ голосъ его сдѣлался еще пронзительнѣе: — скажи ему, коли станетъ онъ шляться у моей риги, или застану его опять у себя въ огородѣ,—ему такъ не сойдетъ; тамъ что ни выйдетъ, на себя пусть пеняетъ!..

— Что ты, Андрей; въ другомъ чемъ не постою за него, а на счетъ то-есть баловства такого, чтобы на чужое добро польстился,—этого за нимъ никогда не водилось; никогда объ этомъ слуху даже не было...

— Я не насчетъ того говорю, подхватилъ Воробей тѣмъ же раздраженнымъ голосомъ: — я знаю, чего ему надо; онъ, собака, къ сестрѣ моей подлащивается, вотъ что! Она хошь и солдатка, человѣкъ вольный, а пока съ нами живетъ, не хочу я этого сраму брать... Не хочу, чтобы ходилъ онъ къ намъ! Ей Богу, провалиться на мѣстѣ, — коли еще разъ застану въ ригѣ или увижу въ огородѣ, — ей Богу, мы съ братомъ намнемъ ему бока, такъ что не встанетъ!.. Такъ и скажи, коли увидишь; такъ и скажи! Ей Богу, исколотимъ всего въ одинъ синякъ! Такъ и скажи!

Въ отвѣтъ на это Карпъ только тряхнулъ шапкой и досадливо крякнулъ. Разсудивъ, что при теперешнемъ

настроеніи Воробья нечего думать поручать ему присмотрѣть за мереномъ, старикъ простился съ Андреемъ и, обѣщавъ поговорить Ѳедоту, поплелся далѣе.

Вскорѣ шумъ табуна началъ удаляться и наконецъ совсѣмъ пропалъ.

Мертвая тишина стояла надъ рѣкою и склонами долины, которые то озарялись зарницами, то погружались въ темноту непроницаемую.

Карпъ услышалъ шумъ небольшой мельницы, которую также содержалъ богатый люблинскій мельникъ. Люблинская мельница находилась уже при самомъ впаденіи рѣчки въ Оку. Миновавъ плотину и пройдя вдоль забора, ограждавшаго мельничный дворъ, за которымъ раздался сиплый лай цѣпной собаки, Карпъ продолжалъ путь другимъ берегомъ рѣки.

Съ этой стороны бокъ долины неожиданно измѣнялся; склонъ ея подымался круче, и весь, сверху до низу, покрытъ былъ густымъ орѣшникомъ; мѣстами, какъ остовы великановъ, возвышались надъ чащей сухіе столѣтніе дубы, простиравшіе къ небу черныя, причудливо изогнутыя вѣтви. Немного далѣе, лѣсъ какъ словно насильственно раздвинутый, оставлялъ съ вершины холма донизу совершенно голую почву, покрытую рядами ямъ и бугровъ, которые, каждый разъ какъ вздрагивала зарница, придавали перелѣску особенно мрачный, пустынный характеръ.

XII.

Мѣсто это считалось вообще «недобрымъ» въ околоткѣ. Тутъ, сказывали, находилась когда-то деревня, которая до послѣдней щепочки выгорѣла отъ громоваго огня. Носились также слухи, будто въ давнія времена Ока, при весеннемъ разлитіи, принесла сюда росшиву, нагруженную татарскимъ золотомъ; барка застряла именно въ этомъ мѣстѣ, послѣ чего ее до верху занесло иломъ. Лѣтъ тридцать назадъ, нашелся одинокій старый мужичокъ (Карпъ помнилъ его очень хорошо), который не шутя прельстился

сокровищами, скрывавшимися будто бы въ этомъ мѣстѣ. Онъ сталъ ходить сюда чаще и чаще; сначала ходилъ онъ такъ, ради любопытства; осмотрѣться, что ли, ему прежде хотѣлось,—неизвѣстно; потомъ началъ брать съ собою скребокъ и уже каждый день, съ утра до вечера, съ зари до зари, проводилъ время, взрывая и ворочая землю. Такъ провелъ онъ цѣлое лѣто. Онъ съ каждымъ днемъ замѣтно болѣе и болѣе впадалъ въ раздумье; мало по малу пересталъ онъ съ людьми разговаривать, началъ дичиться и бѣгать отъ ближайшихъ знакомыхъ. Разъ,—это было уже осенью,—батраки люблинской мельницы, проходя мимо этого мѣста холодною морозною зарею, нашли старика распростертаго навзничь, съ лопатою въ рукахъ: стали его окликать, подошли ближе,—онъ былъ мертвъ.

Множество бабъ и даже нѣкоторые, повидимому, степенные люди положительно утверждали, что самимъ имъ случалось, проходя мимо Глинища (такъ звали мѣсто), слышать подземный жалобный стонъ, отъ котораго сами собою начинали шевелиться уши и холодъ пробѣгалъ по спинѣ и волосамъ. Короче сказать, мѣсто считалось «проклятымъ» и рѣдкій человѣкъ, даже средь бѣлаго дня, не проходилъ мимо, не ускоряя шага.

Но Карпъ, надо полагать, не вѣрилъ такимъ слухамъ; быть можетъ также, чувство страха ослаблялось въ немъ привычкой; болѣе шестидесяти лѣтъ ходилъ онъ мимо Глинища и во все это время ни разу съ нимъ ничего не случилось. Мудренаго нѣтъ тоже, мысли Карпа слишкомъ сильно заняты были предстоящей бесѣдой съ Аксеномъ, чтобы могъ онъ обратить на что нибудь вниманіе.

По мѣрѣ приближенія къ Окѣ, лѣсъ рѣдѣлъ и щеки долины расходились, оставляя мѣсто просторнымъ лугамъ. Въ непроницаемо-темной глубинѣ сверкнула наконецъ Ока; по мѣрѣ того какъ рѣка открывалась, удушливый воздухъ замѣтно освѣжался. Слѣва, надъ берегомъ, возносились черными неправильными углами строенія большой люблинской мельницы. Дорога дѣлала неожиданно поворотъ и прямо вела къ паро̀му. Въ то время, когда Карпъ проходилъ мимо пристани, паро̀ма не было; недвижною темною точкой стоялъ онъ, казалось, на гладкой

поверхности рѣки, отражавшей миріады мигающихъ звѣздъ. Далѣе, шагахъ во ста отъ пристани, громоздилась куча бревенъ; тутъ же насупротивъ возвышалось нѣсколько новыхъ, не покрытыхъ срубовъ.

Проходя мимо одного изъ нихъ, Карпъ невольно пріостановился и оглядѣлъ его сверху до-низу; это была та самая изба, которую приторговалъ онъ у Аксена.

Карпъ прямо пошелъ къ маленькой крытой избушкѣ, въ которой, лѣтнею порою, помѣщался обыкновенно Аксенъ.

У входа, на травѣ, раскинувшись на войлокѣ и прикрывшись полушубкомъ, лежалъ человѣкъ, который храпѣлъ «во всю ивановскую».

XIII.

— Аксенъ! сказалъ Карпъ, нагибаясь къ спавшему и слегка подталкивая его:—Аксенъ Андреевъ!..

— А? проговорилъ Аксенъ, высовывая изъ-подъ овчины голову и прерывая свой сонъ безо всякаго затрудненія, — съ легкостью, свойственною вообще тѣмъ дѣятельнымъ простолюдинамъ, для которыхъ первый жизненный вопросъ—дѣло, барышъ, и которые отдаются отдыху не въ условный часъ, не когда захочется, а когда свободно и гдѣ придется.

— Къ тебѣ, Аксенъ Андреичъ! вымолвилъ старикъ не совсѣмъ увѣреннымъ голосомъ:—въ другое время недосугъ ходить; ты присылалъ ко мнѣ ноньче Ѳедота.

— Посылать — не посылалъ, только велѣлъ сказать при случаѣ: ты бы ко мнѣ какъ нибудь понавѣдался.

— Сказалъ онъ... Я все въ толкъ не возьму, Аксенъ, право, въ толкъ не возьму; вѣдь я тебѣ семьдесять рублей задатку отдалъ...

— Отдалъ.

— Тогда уговоръ у васъ былъ: семьдесять рублей задатку, а въ осень, послѣ уборки, остальныя деньги... Совсѣмъ было того — поладили; теперь что-жъ это будетъ такое? Вѣдь этакъ, Аксенъ, негодится, право негодится!..

— Экой ты, братецъ мой, чудной какой!—право, чуд-

ной! Я отъ задатка твоего развѣ отказываюсь? Говорю только: надо какъ нибудь сладить, потому выходитъ дѣло совсѣмъ несходное. Всякъ свой барышъ наблюдаетъ; ты наровишь себѣ потрафить, — я себѣ... Вотъ теперича человѣкъ двадцать напрашиваются на избу-то! — и деньги всѣ сейчасъ отдаютъ, какъ есть до копѣйки. На прошлой недѣлѣ выселовскій мужичокъ приходилъ ко мнѣ; такъ тотъ тридцать рублей лишку давалъ, въ упросъ просилъ: отдай только! Разсуди самъ теперича: люди деньги выкладываютъ, барыши даютъ; за тобой надо ждать еще два мѣсяца, пожалуй что и тогда не раздѣлаешься съ хлѣбомъ,—не соберешься съ деньгами... Суди, сходно-ли? А насчетъ задатка говорить нечего, возьми его хоть завтра...

— Что-жъ ты прежде мнѣ объ этомъ не сказывалъ? произнесъ старикъ досадливымъ голосомъ; — вишь время какое, — самая уборка! Самъ знаешь: гдѣ нашему брату достать денегъ?.. Гдѣ ихъ взять!

— Денегъ у тебя не спрашиваю; можетъ, такъ какъ нибудь безъ денегъ сойдемся.

Карпъ ясно понялъ, что Аксенъ не спроста отказывался отъ денегъ, что вѣрно держалъ на умѣ какое нибудь намѣреніе. Старикъ не показалъ, однакожъ, виду своего недоумѣнья; онъ сдѣлался только внимательнѣе прежняго.

— Вотъ къ осени коровъ стану бить на мясо, проговорилъ Аксенъ, — не найдется ли у тебя лишней скотины?..

— Всего одна корова.

— Ну, въ другомъ чемъ сойдемся... У тебя меренокъ сѣрый трехгодовалый... его отдай; цѣну, какую положишь, та и пойдетъ въ счетъ избы...

Предложеніе Аксена паразило Карпа самымъ неожиданнымъ образомъ. Онъ зналъ очень хорошо, что Аксенъ не тотъ человѣкъ, чтобы сталъ говорить зря и наобумъ касательно пріобрѣтенія лошади, что вѣрно онъ имѣлъ свои виды, что все это давно было у него обдумано.

Несмотря на свою наружную простоту и сговорчивость,

Аксенъ принадлежалъ къ числу самыхъ тонкихъ, самыхъ пронырливыхъ и хитрыхъ мужиковъ уѣзда. Способность его пронюхивать барышъ тамъ, гдѣ другіе барыша не подозрѣвали, могла только равняться съ его оборотливостью и неутомимою дѣятельностью .Аксена видѣли всюду. на всѣхъ ярмаркахъ, базарахъ, по пристанямъ въ торговые дни; онъ велъ торговлю сплавнымъ лѣсомъ, досками, солилъ солонину, торговалъ говядиной, жегъ кирпичи и известку, скупалъ рощи, сымалъ сады у помѣщиковъ. Нельзя сказать, чтобы товаръ его былъ хорошъ и отличался доброкачественностью; все дѣлалось спѣшно, зря, на живую руку: говядина была тощая, яблоки снимались не зрѣлыми, срубленный лѣсъ продавался всегда сырымъ, кирпичи были недопечены.—«Ничего, сойдетъ!» говорилъ всегда Аксенъ. И точно, крестьяне и помѣщики уѣзда поневолѣ должны были обращаться къ Аксену, который силою денегъ и дѣятельности завладѣлъ мелкою торговлею уѣзда.

Карпъ зналъ также, — и это всего болѣе приводило старика въ разстройство, — что, при простотѣ своей и сговорчивости, Аксенъ—человѣкъ крѣпкій, какъ кремень: если ужъ что заберетъ въ голову, ни за что не отступится. Нечего значитъ было и разговаривать; надо было тутъ же рѣшиться или уступить сѣраго меренка, или взять назадъ задатокъ и отказаться отъ избы. Тѣмъ не менѣе Карпу обидно какъ-то показалось уступить сразу, съ перваго слова.

— Разсуди теперь и ты, Аксенъ Андреичъ, произнесъ онъ внушительно:—у меня двѣ лошади: хорошо, отдамъ я тебѣ меренка, какъ же я при одной останусь?..

— Скоро осень, а тамъ и зима привалитъ; больше одной лошади держать тогда не зачѣмъ; у васъ же всѣ на оброкѣ, обозовъ не справляютъ; зачѣмъ двѣ лошади? Куда ихъ? только кормъ травить понапрасну... Пожалуй, я и на то согласенъ: до того времени, какъ въ полѣ работа не кончится, оставь у себя мерена, я за этимъ не погонюсь.

— Кто-жъ тебѣ объ немъ сказывалъ? спросилъ Карпъ, у котораго при этомъ словно подступило къ сердцу.

— Мало ли сюда ходитъ всякаго народу... изъ вашей деревни, изъ другихъ также;—пуще, признаться, хвасталъ сродственникъ твой Ѳедотъ...

— Онъ-то, собака, изъ чего? промолвилъ старикъ, быстро сжимая кулаки и такъ же скоро разжимая ихъ, чтобы не замѣтилъ этого собесѣдникъ.

— Ужъ этого я не знаю; только каждый день придетъ и давай хвалить... Заѣзжай, говоритъ, погляди да погляди! Было мнѣ къ вамъ по дорогѣ, я и подъѣхалъ къ вашему табуну... Ѳедотъ со мной ввязался; онъ и лошадь указалъ... Точно, лошаденка складная; шестьдесятъ рублевъ можно дать.

Подвернись въ эту минуту Ѳедотъ, старикъ разругалъ бы его на всѣ бока; мало того, вцѣпился бы, кажется, въ жиденькую бородку родственника и трясъ бы ее до тѣхъ поръ, пока волоска не осталось.

Тутъ между Карпомъ и Аксеномъ завязался сильный торгъ, который кончился тѣмъ, что Аксенъ прибавилъ за мерена еще четыре съ полтиной; на томъ дѣло и остановилось. Эти шестьдесятъ четыре съ полтиной, приложенные къ прежнимъ семидесяти рублямъ, составляли сумму, которая, въ качествѣ задатка, совершенно удовлетворяла Аксена; съ Карпа оставалось получить около ста рублей; Аксенъ соглашался ждать эти деньги до осени, какъ прежде было условлено.

— Когда же за мереномъ-то прислать? спросилъ Аксенъ.

— Хошь завтра, хошь послѣ завтра,—когда хочешь! проговорилъ Карпъ отрывисто.

Онъ поправилъ шапку, которая во время этихъ разговоровъ совсѣмъ скосилась на сторону и, простившись съ Аксеномъ, повернулъ на дорогу.

— Эй, слышь, Карпъ! крикнулъ Аксенъ, дѣлая шагъ впередъ;—слышь,—Ѳедотъ ко мнѣ просился; взять его, что ли?

— Провались онъ совсѣмъ! нетерпѣливо возразилъ Карпъ.

— Не брать, стало, что ли?

— Вѣдь онъ, собака его ѣшь, двѣ недѣли всего нанялся на люблинской мельницѣ,—чего ему еще? спросилъ Карпъ, останавливаясь:—три цѣлковыхъ въ недѣлю жалованья одного получаетъ, чего-жъ еще—собакѣ!

— Онъ, что ли, тебѣ сказывалъ? смѣясь, вымолвилъ Аксенъ:—ну, здоровъ значитъ врать-то! Всего за четыре рубли въ мѣсяцъ живетъ: за ту же цѣну и ко мнѣ просится; такъ какъ же, по твоему, взять его, что ли?

— А песъ его возьми совсѣмъ! съ сердцемъ сказалъ Карпъ, удаляясь.

XIV.

Когда Карпъ подошелъ въ окраинѣ той части берега, гдѣ находилась пристань, паро̀мъ стоялъ уже на причалѣ. Фигуры двухъ перевозчиковъ смутно обозначались на пескѣ берега; сколько можно судить по голосамъ, тутъ кромѣ перевозчиковъ находилось еще нѣсколько человѣкъ. Всѣ они сидѣли у самой воды и громко разговаривали. Проходя мимо, Карпъ явственно услышалъ голосъ Ѳедота.

Первымъ движеніемъ старика было сойдти по скату берега, и тутъ же, при людяхъ, осрамить Ѳедота и разругать его на чемъ свѣтъ стоитъ; но онъ удержался, разсудивъ тотчасъ же, что этимъ дѣла не поправишь. Къ тому же, степенный нравъ старика противился всякому шуму и брани,—особенно на міру, при чужихъ людяхъ.

«Ну его, поганца! подвернется гдѣ нибудь въ одиночку,—я ему тогда все припомню»! подумалъ старикъ, отводя глаза отъ паро̀ма.

Голосъ Ѳедота громко раздавался; замѣтно было, онъ говорилъ съ жаромъ и увлеченьемъ.

Карпъ невольно замедлилъ шагъ; минуту спустя, онъ остановился и насторожилъ слухъ; любопытно стало ему послушать, о чемъ это такъ горячо тараторилъ его родственникъ.

— Эка невидаль пять пудовъ поднять! какъ жилъ я на крупчатой мельницѣ подъ Коломной, такіе у насъ батраки были, мѣшка по четыре пшеницы въ третій верхъ

таскали! Значитъ, пудовъ по десяти! Самому бывало не однова случалось... Извѣстно, былъ я въ ту пору помоложе!.. Да это что, братцы, — вотъ дѣдъ былъ у меня, такъ точно была силища! Супротивъ него такихъ теперь и людей нѣтъ! Пойдемъ, бывало, на пристань въ базарный день, распоясается: — «выходи!» кричитъ; перваго, кто покуражился, хлобызнетъ, бывало, подъ сусолы, либо подъ микитки,—тутъ тому и конецъ... Бывало, часа по три безъ отдыха бьется, весь даже синій сдѣлается, словно чугунный котелъ; а все, кто не подвернется, — такъ и кладетъ лоскомъ. «Нѣтъ еще, говоритъ, человѣка такого, кто бы побѣдилъ меня! Былъ бы только, говоритъ, крестъ на человѣкѣ, со всякимъ буду драться, никого не боюсь!..» Такая была крѣпкая скотина!.. А насчетъ того, о чемъ прежде спрашивали, братцы,—это мнѣ наплевать! я былъ и самъ у Герасима (такъ звали люблинскаго мельника),— ни за что не остался! Нанялся я у него потому больше, что надо какъ нибудь время проволочить недѣльки еще на четыре! съ увѣренностью продолжалъ Ѳедотъ:—такой уговоръ былъ у меня съ купцомъ Бахрушинымъ... Прокофій Андреевичъ—звать... Вы, чай, объ немъ слыхали? первѣйшій купецъ въ Коломнѣ, мильонщикъ, торгуетъ на первый сортъ, и въ Москвѣ также лавку свою содержитъ... Такой уговоръ былъ у насъ: — «какъ подѣлюсь, говоритъ, съ братомъ, ты, Ѳедотъ Васильичъ, ко мнѣ поступай, и жалованье, примѣрно, и все такое, говоритъ, будетъ тебѣ по самому настоящему положенью»... Онъ сродни мнѣ доводится... по женѣ... Потому жена моя купеческаго званья... Жду, значитъ, теперича этого раздѣла промежъ братьевъ; по той самой причинѣ и поступилъ сюда... Главная причина, мы къ этой мельницкой должности не пріучены; жили все по торговой части, этимъ больше съ измалѣтства занимались, и родители мои также... Упокойный родитель трактиръ содержалъ; также лавку съ краснымъ товаромъ.

— Вы, значитъ, въ городѣ жили? спросилъ одинъ изъ слушателей.

— Нѣтъ, дома; только у насъ село больше другого города; церквей однихъ семь и всѣ каменныя; дома также

всѣ каменные; фабрикъ однихъ никакъ пять или шесть... Все богачи содержатъ, купцы московскіе и серпуховскіе... Мы къ торговлѣ съ малыхъ лѣтъ пріобучены... Во всемъ, значитъ, привычка требуется... Посади теперь любого изъ васъ, братцы, въ лавку либо въ трактиръ, какъ есть ни одинъ не управится,—въ лѣсу все единственно!..

— Гдѣ! куда тебѣ! Ужъ это какъ есть! отозвалось нѣсколько слушателей.

— Главная причина, Прокофій Андреичъ потому и звалъ меня; знаетъ, я ихнее дѣло наскрозь произошелъ... Хозяйка моя тѣмъ временемъ своимъ домомъ станетъ управляться... У нея двѣ батрачки... да еще дѣвочку нанимаетъ для подмоги.

— Что-жъ много? спросилъ кто-то.

— А ты думаешь, какъ? еще словоохотливѣе заговорилъ Ѳедотъ: — у меня домъ-то немалое количество: въ три сруба выстроенъ!.. Въ нашихъ мѣстахъ всѣ такъ строятъ; нѣтъ этихъ здѣшнихъ избъ... Внизу стряпаютъ; работницы и батраки живутъ...

— Ты развѣ и батраковъ держишь?

— А то также? Двухъ нанимаю... Кто-жъ бы землю-то сталъ пахать?.. У насъ земли и луговъ не то, что здѣсь... Ну, внизу батраки, вверху горница,—мы съ женою занимаемъ... Вотъ, братцы, коли кто изъ васъ въ Москву пойдетъ, заходите дорогой... Меня не будетъ все единственно, къ хозяйкѣ моей зайдите; скажите: «Ѳедотъ, молъ, прислалъ»; сами посмотрите наше житье... Прошлаго года домъ мой подъ трактиръ нанимали, только не отдалъ; несходно... И хозяйка такъ говоритъ: «не отдавай, говоритъ, Ѳедотъ Васильичъ; самимъ потомъ нанимать надо, одно на одно выйдетъ...» Заходите же, братцы; посмотрите на мое житье, сами скажете: изъ какого, молъ, дьявола таскаться такъ-то Ѳедоту по мельницамъ!..

— То-то и я такъ думаю... проговорилъ тономъ недовѣрія и насмѣшки одинъ изъ слушателей: — хошь бы теперича набиваешься ты къ Аксену въ работники... Изъ какой такой неволи?..

— Эхъ, братецъ ты мой! произнесъ Ѳедотъ съ такимъ выраженіемъ, что можно было думать, онъ обра-

щался къ пустому и вздорному малому, который совался въ разговоръ затѣмъ только, чтобы противорѣчить.—Говорю вамъ, братцы, пуще всего надо проволочить время. Пока Прокофій Андреичъ съ братомъ не подѣлятся, — все же одно, дѣлать нечего, деньги свои понапрасну проживать, что ли?

— Денежки-то, стало, водятся?

— Да, проговорилъ Ѳедотъ съ какою-то густотою въ голосѣ:—послѣ упокойнаго родителя тысченки двѣ можетъ осталось... и теперича есть...

— Врешь! отозвались почти всѣ въ одинъ голосъ.

— Приходите, покажу... И больше было, только домъ дорого сталъ, на стройку много пошло...

— Гдѣ-жъ у тебя эти деньги? спросилъ кто-то.

— Извѣстно, въ сундукѣ спрятаны; гдѣ-жъ имъ больше быть?..

— Ужъ подлинно: охота пуще неволи! снова замѣтилъ собесѣдникъ, обращавшійся съ недовѣрчивостью:— будь у меня такія деньги, сталъ бы я какже по чужимъ людямъ шляться...

— Говоришь такъ, братецъ ты мой, потому,—денегъ у тебя нѣтъ своихъ,—вотъ что! было бы, сталъ бы беречь ихъ, все единственно... Коли сила есть въ тебѣ, почему-жъ и не поработать? разсудительно продолжалъ Ѳедотъ: — бережешь пуще къ старости, было бы тогда чѣмъ прожить, вотъ что! Хоронишь также деньги изъ осторожности: люди бы не зарились, взаймы не просили: покажи только; тотъ: «Ѳедотъ Васильичъ, ссуди»; другой: «Ѳедотъ Васильичъ, ссуди..» Дашь,—поди ищи потомъ, не то и вовсе пропали... Ужъ вѣдь бывали статьи такія! У меня сродство большое... Есть богатые, есть и бѣдные... всякіе есть!.. Вотъ бы хошь теперь въ Антоновкѣ, можетъ знаете, старикъ живетъ, Карпомъ звать?.. сродни приводится... Также не мало ему отъ меня денегъ-то перепало... почитай, я его и поправилъ... Теперь избу новую торгуетъ... Покажи только деньги, вынь ихъ, сейчасъ пристанетъ: «дай, да дай!..» Потому больше ихъ и хоронишь!..

XV.

Карпъ слушалъ-слушалъ, и только качалъ головою, пожималъ губами и время отъ времени ударялъ ладонями по колѣнямъ. При послѣднихъ словахъ Ѳедота онъ только плюнулъ.

— Ахъ ты, провалъ тебя возьми! собака ты этакая, непутная!.. проговорилъ онъ, выходя на дорогу и ускоряя шагъ.

Перебирая все, что привелось теперь слышать, старикъ невольно забылъ на минуту свое горе; онъ началъ даже усмѣхаться.

Дѣйствительно, было надъ чѣмъ потѣшиться. Во всемъ, что говорилъ Ѳедотъ, не было правды на маковую росинку. Жилъ онъ въ маленькой разоренной деревушкѣ, гдѣ не было даже часовни; домъ его состоялъ изъ полуобвалившейся дымной лачужки, имѣвшей видъ заплаты даже въ сосѣдствѣ невзрачныхъ избенокъ; не было у него ни сохи, ни лошади, ни коровы; землю свою отдавалъ онъ за девять рублей въ годъ одному изъ сосѣдей. Жена Ѳедота доводилась, какъ извѣстно, Карпу племянницей; она была круглая сирота и самъ-же Карпъ снарядилъ ей, по силѣ своей, кой-какое приданое. Она существовала тѣмъ, что ходила работать то къ одной сосѣдкѣ, то къ другой, и жила въ страшной бѣдности. Ѳедотъ не заглядывалъ домой по цѣлымъ полугодамъ. Къ какому бы мѣсту онъ ни прилаживался, ему нигдѣ не уживалось; онъ самъ отходилъ, или его разсчитывали.

Въ первые два-три дня онъ приводилъ въ восхищеніе самаго взыскательнаго хозяина; расторопность его и усердіе въ работѣ — не имѣли границъ; онъ разомъ хватался за все, и все кипѣло и выправлялось въ рукахъ его; не только прикладывалъ онъ стараніе къ той части, для которой собственно его наняли, но радѣлъ и надсаживался тамъ, гдѣ, казалось, его вовсе не спрашивали; онъ выметалъ дворъ, чистилъ хозяйскій самоваръ, приколачивалъ жерди или доски тамъ, гдѣ онѣ

доставляли удобство; и вдругъ, на третій или четвертый день, все это радѣніе плашмя падало; онъ ни съ того, ни съ сего насупливался, переставалъ говорить, словно его чѣмъ обидѣли, и наконецъ вовсе бросалъ заниматься дѣломъ: проводилъ день-деньской сидя у воротъ или такъ билъ баклуши. И все это происходило вовсе не потому, чтобы дѣйствительно нашелъ онъ поводъ быть чѣмъ нибудь недовольнымъ; такой ужъ видно капризъ нападалъ. Вдругъ казалось ему, что хозяева не довольно его цѣнятъ и не отдаютъ ему должнаго уваженія; или выходило все изъ того, что онъ вдругъ обижался, зачѣмъ, при возвращеніи съ работы, хозяева не поставили ему самовара, тогда какъ онъ прежде вовсе не думалъ объ этомъ, никогда этого не случалось, никогда даже не думали уговариваться насчетъ самовара ни хозяева, ни самъ Ѳедотъ. Какъ только такая дурь попадала Ѳедоту въ голову, онъ дѣлался невыносимъ. Онъ начиналъ смотрѣть на всѣхъ свысока, дѣлался недоступно-гордымъ и уже съ этой минуты никого не удостоивалъ словомъ; едва-едва даже отвѣчалъ хозяевамъ, когда тѣ спрашивали о самомъ важномъ дѣлѣ.

Разсказы Ѳедота не долго, впрочемъ, занимали Карпа; пославъ его мысленно къ нечистому, старикъ снова обратился къ настоящимъ своимъ дѣламъ и снова отдался прежнимъ тревожнымъ думамъ; къ нимъ присоединялась теперь мысль объ утратѣ сѣренькаго меренка, котораго онъ такъ долго ждалъ, берегъ и холилъ съ такою заботливостью.

Такимъ образомъ Карпъ незамѣтно почти возвратился въ Антоновку; онъ не пошелъ къ околицѣ, но повернулъ задами деревни, прошелъ къ себѣ въ ригу, помолился и растянулся на соломѣ, прикрывъ лицо шапкой.

XVI.

Въ сельской трудовой жизни, особенно съ апрѣля до октября, время пролетаетъ съ неимовѣрной быстротою; не успѣваешь кончить съ одной работой, смотришь, уже

другая наготовѣ; въ иную пору скопляется вдругъ столько занятій, что длинный лѣтній день кажется короткимъ. Не смотря, что дѣло, повидимому, очень немногосложно, все ограничивается овсомъ, рожью и сѣномъ, руки неутомимо работаютъ и потъ льется ручьями въ продолженіе цѣлыхъ шести мѣсяцевъ.

Самыя эти занятія такъ разнообразны и несхожи одно съ другимъ, что каждое изъ нихъ не только вноситъ новыя условія въ жизнь простолюдина, но совершенно даже даетъ новую физіономію деревнѣ и окрестности. Всего какихъ нибудь четыре недѣли назадъ, деревни и села были пусты и оживлялись только по праздникамъ или къ вечеру, послѣ солнечнаго заката. Жизнь сосредоточивалась въ полѣ; тамъ кипѣла полная дѣятельность; тамъ отъ зари до зари неумолкаемо звенѣли косы, скрипѣли воза и раздавался говоръ. Теперь все перемѣнилось; теперь, въ свою очередь, опустѣло поле; самыя стрекозы и мухи неизвѣстно куда вдругъ дѣлись; изрѣдка слышится протяжное посвистываніе пастуха, который лѣниво подгоняетъ тощее крестьянское стадо.

Время и дожди не мало также содѣйствовали къ тому, чтобы дать окрестности другой характеръ; жара миновала и вмѣстѣ съ тѣмъ поблѣднѣло лучезарное небо, на которое нельзя было взглянуть не прищурясь. Рощи смотрятъ теперь бодро, хотя по опушкамъ начинаетъ кое-гдѣ показываться желтый листъ; луга сбросили болѣзненный видъ и снова стелются яркимъ зеленымъ бархатомъ; темныя увлаженныя десятины, только что засѣянныя подъ озимь, рѣзко отдѣляясь отъ блѣдно-желтаго жнивья, придаютъ картинность мѣстности, которая прежде затушевывалась скучнымъ, однообразнымъ сѣрымъ тономъ. Съ рѣчкой также произошла перемѣна; она стала полнѣе, такъ что сѣдые листья лопуха, которыми покрыты были песчаные откосы береговъ, кажутся теперь плавающими надъ водою. Ручьи, едва замѣтно пробиравшіеся между каменьями, звонко гремятъ теперь, унося съ быстротою обломки древесной коры и сухіе листья; но уже въ укромныхъ мѣстахъ, густо оброс-

шихъ зарею и травами, тамъ, гдѣ ручьи впадаютъ въ рѣку, — не роятся коромыслы со своими стеклянными головками и кисейными крыльями.

Но что особенно бросалось въ глаза, такъ это перемѣна въ Антоновкѣ. Она словно обновилась. Всѣ почти избы покрыты новой соломой; на задахъ деревни неуклюжія риги заслонены скирдами, которыя, привлекательно круглясь въ сжатомъ пространствѣ гуменъ, гордо возносятъ свои остроконечныя макушки. Со всѣхъ сторонъ раздаются учащенные удары цѣповъ или слышится шумъ подбрасываемаго на воздухъ зерна, которое звонко падаетъ на гладко-убитый токъ.

Въ этой дѣятельности, сосредоточенной въ деревнѣ, всегда какъ-то меньше суетливости, чѣмъ въ полѣ, даромъ-что тамъ она сжата, здѣсь разсѣяна на большомъ пространствѣ. Въ полѣ чувствуется всегда присутствіе чего-то спѣшнаго, судорожно-хлопотливаго,—словно весь работающій людъ находится подъ вліяніемъ тревожнаго какого-то ожиданія; въ деревнѣ совсѣмъ не то; прислушайтесь осенью, въ будничный день, къ деревенскимъ звукамъ—въ нихъ нѣтъ ничего безпокойнаго. Со всѣхъ сторонъ бьютъ цѣпы, шумитъ рожь, а между тѣмъ нѣтъ тревоги, нѣтъ суетливости; отовсюду вѣетъ миромъ и кротостью,—чѣмъ-то такимъ, что сообщаетъ душѣ спокойное, удовлетворенное чувство.

Тайна этого не заключается ли въ тѣхъ высокихъ скирдахъ ржи и овса, которыя заслоняютъ гумно каждаго почти крестьянина?..

XVII.

Хотя ворота карповой риги,—тѣ ворота, которыя отворялись на токъ,—были настежь раскрыты, нечего было думать приступать съ этой стороны. Изъ воротъ вылетало, клубясь и подымаясь кверху, цѣлое облако пыли; передъ входомъ громоздился ворохъ куколи, мякины и всякаго сору; кромѣ того, легкая летѣвшая пыль ослѣпила бы глаза. Надо было обогнуть строеніе и войти въ

другія ворота, также настежь отворенныя, но обращенныя къ полямъ, откуда тянулъ легкій вѣтерокъ.

При входѣ въ ригу, сначала рѣшительно ничего нельзя было разсмотрѣть отъ рѣзкаго перехода изъ свѣта подъ темную крышу, но это проходило скоро. Прежде всего выставлялись горы взбитой соломы и между ними, сквозь облако пыли, виднѣлись Карпъ, его сынъ и сноха, которые, стоя другъ противъ друга, неистово махали цѣпами, стараясь повидимому истребить другъ друга; потомъ, при взглядѣ на верхъ, постепенно выяснились кривыя стропилы и пучки соломы, изъ которыхъ поминутно вылетали ласточки, стремительно пропадавшія въ свѣтломъ пятнѣ воротъ. Подъ конецъ, глазъ совершенно привыкалъ, начиналъ даже любоваться коричневымъ полусвѣтомъ, который наполнялъ ригу и постепенно темнѣлъ, приближаясь къ воротамъ, какъ бы для того, чтобы еще рѣзче выставить всю миловидность свѣтлаго пейзажа съ клочкомъ голубого неба, зеленымъ лужкомъ и сверкающимъ бѣлымъ облакомъ, отражавшимся въ поворотѣ рѣчки.

Судя по солнцу, время приближалось къ полудню, когда за плетнемъ неожиданно раздались чьи-то охи; вслѣдъ затѣмъ въ свѣтломъ пространствѣ воротъ показалась Дуня.

Пройдя отъ дому до риги, она совсѣмъ уже запыхалась и черезъ силу поддерживала Ваську; выпучивъ глаза и засунувъ въ ротъ указательный палецъ, Васька такъ же мало повидимому заботился о рукахъ сестры, какъ паша какой нибудь о диванѣ, на которомъ покоится.

— Ухъ! вымолвила Дуня, переваливая Ваську на другое плечо.—Дѣдушка, староста зоветъ! подхватила она торопливо:—стучитъ подъ окнами, народъ собираетъ... Подъ ветлой на улицѣ народъ собирается!..

— Чего имъ тамъ надо!.. произнесъ Карпъ, опуская цѣпъ.

— Не знаю, дѣдушка! отозвалась внучка, думавшая, что вопросъ къ ней относился.

— Гаврило никакъ въ контору не ѣздилъ... замѣтилъ Петръ.

— Оттуда, можетъ, приказъ прислали, сказалъ Карпъ,

надѣвая шапку и отирая рукавомъ лицо, совсѣмъ почернѣвшее отъ пыли. Скоро время обѣдать, вымолвилъ онъ, останавливаясь въ воротахъ: — вы, какъ копну домолотите, домой ступайте; я скоро приду.

— Ладно, батюшка! отозвался сынъ, принимаясь снова за цѣпъ.

XVIII.

Народъ дѣйствительно собирался къ ветлѣ, бросавшей тѣнь на тесовую крышу мірского магазина. Еще издали Карпъ услышалъ шумный говоръ. Судя по тому, съ какою поспѣшностью крестьяне шли къ сборному мѣсту, надо было думать, причина сбора была немаловажная и слухъ о ней успѣлъ уже обѣжать деревню.

Карпъ ускорилъ шагъ.

— Карпъ, слышалъ? обратился къ нему старый мужичокъ, толкавшійся вмѣстѣ съ другими.

— Ничего не знаю...

— Оброкъ требуютъ!

— Какъ такъ?

— Теперь, говорятъ, требуютъ...

— Срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну; всегда такъ отдавали... Еще семь недѣль до срока остается...

— Теперь, говорю, требуютъ! Изъ конторы писарь съ бумагой пріѣхалъ; сказываютъ, наказъ такой изъ Питера баринъ прислалъ...

— Кто сказывалъ-то?

— Гаврило; онъ и бумагу читалъ...

Карпъ, приведенный въ смущенье такимъ извѣстіемъ, началъ протискиваться въ кружокъ, чтобы узнать что нибудь повѣрнѣе; но толку нельзя было добиться никакого; всѣ говорили въ одно и то же время, и всѣ говорили разное, перетолковывая каждый по-своему. Теперь, какъ и всегда впрочемъ въ случаяхъ мірской сходки, первымъ дѣйствующимъ лицомъ являлся рыжій Филиппъ, тотъ самый, который смѣлѣе другихъ выражалъ когда-то въ полѣ свое мнѣнье.

Голосъ его на этотъ разъ не покрывалъ остальныхъ голосовъ; тѣмъ не менѣе, плечистая фигура его, цѣлою головою почти превышавшая толпу, появлялась то въ одномъ концѣ сборища, то въ другомъ; шапка его то-и-дѣло пригибалась къ уху товарищей, съ которыми не переставалъ онъ втихомолку, но съ одушевленіемъ разговаривать.

— Гдѣ-жъ староста? Куда его носитъ! всѣ никакъ собрались... Кого еще надо?... громко наконецъ произнесъ Филиппъ, выпрямляя голову.—Эй, Гаврило! крикнулъ онъ еще громче, поглядывая на улицу и обращаясь къ старостѣ, который обходилъ послѣднія избы, постукивая въ окна.—Эй, староста! ступай! Всѣ ужъ здѣсь!..

— Иду! отозвался Гаврило, торопливо направляясь къ магазину.

Толпа разступилась и замкнула въ свой кругъ старосту. Человѣкъ десять, изъ которыхъ одинъ только разбиралъ печать, но не могъ читать писанаго, легли Гаврилѣ почти на спину.

— Что вы, братцы! сказалъ староста, ворочаясь на мѣстѣ: — думаете, что я отъ васъ утаить хочу, что въ грамотѣ писано... Бери, читай самъ, кто хочетъ...

— Ну, читай, читай! нетерпѣливо вымолвилъ Филиппъ, становясь къ старостѣ ближе всѣхъ.— Помолчи только, братцы, ничего какъ есть не слышно.

Вмигъ все замолкло.

Гаврило вынулъ изъ-за пазухи письмо и прочелъ довольно внятно и толково слѣдующее:

«Гаврило Андреевъ, съ полученіемъ сего, приказываю тебѣ собрать мірскую сходку и объявить о немедленномъ сборѣ оброка; въ случаѣ если выйдутъ какія замедленія, приказываю тебѣ не медля явиться въ контору и донести мнѣ объ этомъ.

Старшій управляющій конторой Поповъ».

Громкій ропотъ пробѣжалъ въ толпѣ; все заколыхалось и пришло въ движеніе.

XIX.

— Что-жъ намъ, братцы, дѣлать теперича? спросилъ Гаврило съ недоумѣвающимъ видомъ.

— А то дѣлать — не отдавать оброка, — вотъ и все! сказалъ Филиппъ, оглядываясь вокругъ и стараясь увѣриться, не торчитъ-ли гдѣ нибудь писарь, присланный изъ конторы. —Сказано: срокъ къ Кузьмѣ и Демьяну, — тому, стало, и быть! прибавилъ онъ рѣшительно.

— Писарь сказывалъ мнѣ, началъ Гаврило: — изъ Питера въ контору такой приказъ пришелъ; самъ баринъ велѣлъ оброкъ представить...

— Господа нашего положенія не вѣдаютъ; это все вертятъ эти мошенники управители! заговорилъ опять Филиппъ.—Православные! воскликнулъ онъ, неожиданно обращаясь къ толпѣ, причемъ лицо его сдѣлалось вдругъ такимъ же краснымъ, какъ волосы и коротенькая курчавая бородка: — провославные! что-жъ вы стоите, молчите? Надо всѣмъ отвѣтъ держать!.. Что-жъ это такое! одно, выходитъ, разоренье! До оброка цѣлыхъ семь недѣль сроку остается... Откуда теперь взять его? У многихъ хлѣбъ еще въ полѣ; а хошь и обмолотились, куда его продашь? Цѣны нѣтъ никакой теперь. Даромъ, что-ли, отдавать?

Въ толпѣ опять разомъ все заговорило, такъ что въ первую минуту невозможно было разобрать слова.

— Погодите маленько, братцы, дайте слово сказать! крикнулъ Гаврило.

Снова наступило молчаніе.

— Обо всемъ этомъ, что ты говоришь, Филиппъ, сами мы знаемъ, началъ Гаврило:—надо примѣрно, не объ этомъ... Настоящимъ дѣломъ разсудить надо... Оброка, говоришь, не платить... Велятъ—такъ заплатишь... Надо настоящее говорить... потому словесами одними ничего не сдѣлаешь...

— Изволь, я и настоящее скажу... Давно бы сказалъ... ты же перебиваешь! Настоящее то, что въ контору надо ѣхать къ управителю! возразилъ Филиппъ: — велѣли міру собраться—и собрался; міромъ и положили:

время такое,—нѣтъ силы возможности отдать оброка; къ Кузьмѣ-Демьяну отдадимъ, какъ слѣдуетъ по положенью... Теперь нѣтъ цѣны на хлѣбъ... Продать теперь—значитъ разоренье одно... такъ и сказать надо!..

Всѣ въ одинъ голосъ подхватили мысль Филиппа. Напрасно Гаврило убѣждалъ въ безполезности поѣздки къ управителю съ такимъ порученьемъ, напрасно приводилъ изъ опыта разные примѣры,—міръ поставилъ на томъ, чтобы Гаврило ѣхалъ.

Рѣшивъ такимъ образомъ, толпа стала расходиться, собираясь на улицѣ маленькими кучками, въ которыхъ громко говорили.

Карпъ вернулся домой чуть-ли не изъ послѣднихъ.

Войдя на дворъ, онъ засталъ жену и сноху подъ навѣсомъ, гдѣ стояли лошади; обѣ женщины, припавъ къ плетню лицомъ, жадно къ чему-то прислушивались. До слуха старика долетѣли въ то же время крики, раздававшіеся у сосѣда.

Скрипъ воротъ заставилъ бабъ обернуться; обѣ побѣжали къ Карпу.

— Батюшка, касатикъ, заговорила старуха:—сейчасъ Воробей съ братомъ сестру свою, солдатку, били... Такъ били,—у насъ даже слышно было... Пришли они какъ народъ сталъ расходиться—и давай колотить... Слышимъ, кричатъ... Что такое, думаемъ?.. Подошли послушать: ужъ такъ-то кричитъ—и-и-и!..

Карпъ сейчасъ-же смекнулъ, въ чемъ дѣло; но онъ былъ слишкомъ не въ духѣ, чтобы вступить въ разговоръ и дать женѣ и снохѣ объясненіе того, что происходило у сосѣда. Онъ сдѣлалъ видъ, какъ будто не обратилъ никакого вниманія на слова жены.

Поднявшись на крыльцо, онъ сказалъ только бабамъ, чтобы скорѣе собирали обѣдать.

XX.

Несмотря на то, что зори по утрамъ начинали быть довольно холодны, Карпъ все еще продолжалъ спать въ

ригѣ. Въ ночь, которая слѣдовала послѣ сборища у магазина, Карпъ, начинавшій уже засыпать, внезапно пробудился и сталъ прислушиваться. Слухъ его явственно различилъ шорохъ; но гдѣ онъ раздавался, внутри или снаружи риги,—этого въ первую минуту не могъ разобрать старикъ... Наконецъ, слышно стало, что кто-то царапался вдоль плетня и перебиралъ ногами въ высокой крапивѣ, окружавшей ригу. Немного погодя, чьи-то руки ощупали деревянный засовъ и бережно начали отворять ворота.

— Кто тутъ? крикнулъ Карпъ, торопливо приподымаясь съ соломы.

— Я... дядюшка Карпъ... проговорилъ кто-то шмыгнувъ въ ригу.

— Кто ты? еще громче крикнулъ Карпъ, дѣлая шагъ впередъ.

— Не призналъ, что-ли?.. Я, я,—Ѳедотъ! произнесъ голосъ, явно старавшійся принять характеръ примирительный, заискивающій.

— Такъ это ты! могъ только выговорить старикъ, озадаченный такимъ неожиданнымъ появленіемъ.

— Было мнѣ по дорогѣ, думалъ отдохнуть у тебя, подхватилъ Ѳедотъ скороговоркою и какъ бы стараясь замять рѣчь старика:—Аксенъ просилъ сходить въ Андреевское... насчетъ, то-есть—корова тамъ у барыни продается... такъ посмотрѣть просилъ... Я у него живу теперича... Ну, запоздалъ маленько... Дѣло не спѣшное, думаю; дай зайду къ дядѣ Карпу, отдохну до зари...

— Врешь, врешь! безстыжіе твои глаза! заговорилъ сквозь зубы и какъ-бы съ озлобленіемъ старикъ:—врешь! знаю я, зачѣмъ ты сюда шляешься! Знаю, съ какими коровами ходишь... Собака ты этакая!..

— За что-жъ ты ругаешься...

— Ахъ, ты непутный ты этакой! продолжалъ Карпъ, все болѣе и болѣе разгорячаясь: — будь я помоложе, — я бы въ тебѣ мѣста цѣлаго не оставилъ!..

— Не тотъ я человѣкъ, чтобы меня трогать! обиженнымъ тономъ возразилъ Ѳедотъ:—никто еще меня не

трогалъ... Это ужъ я вижу: значитъ, тебѣ на меня наговорили...

— Нѣтъ, не наговорили!.. Кто разболталъ Аксену про мерина, а? — кто?.. Говори, черезъ кого, коли не черезъ тебя, лошадь отошла отъ двора моего?..

— Слушай, Карпъ Иванычъ, снова скороговоркою началъ Ѳедотъ:—провалиться мнѣ на этомъ мѣстѣ, отсохни мои руки, лопни мои глаза...

— Молчи, безстыжій! Не божись лучше, не грѣши... Самъ я про все знаю.—Стой, погоди! воскликнулъ Карпъ, думая, что Ѳедотъ хочетъ улизнуть, тогда какъ Ѳедотъ отступалъ только въ сторону, боясь, чтобы Карпъ его не ударилъ: — сказывай, благо пришло къ случаю: какія и когда давалъ ты мнѣ деньги? а? Говори, когда я бралъ у тебя? Зачѣмъ-же ты разсказываешь, что ссужалъ меня деньгами, и теперь хоронишь, которыя остались,—боишься, не сталъ бы я просить на избу...

— Отсохни мои руки, лопни мои глаза... началъ было Ѳедотъ, но Карпъ не далъ ему договорить.

— Молчи, окаянный, не божись, самъ слышалъ!

— Ничего я этого не говорилъ.

— Врешь! Какъ шелъ я намедни ночью отъ Аксена, самъ слышалъ, какъ ты на парòмѣ...

— Что ты? перебилъ Ѳедотъ:—ноги моей никогда на парóмѣ не было! Все это, Карпъ Иванычъ, одни сплетки про меня пущаютъ, подхватилъ онъ невиннымъ голосомъ:—и охота только слушать тебѣ... Меня всѣ знаютъ!.. Не тотъ я человѣкъ совсѣмъ.

— Ну теперь, продолжалъ Карпъ, не обращая вниманія на оправданіе своего родственника: — сказывай, зачѣмъ пришелъ? Чего надо?.. Сестра Воробья, солдатка, приманила!.. На себя бы ты поглядѣлъ!.. Тебѣ ли, лысому чорту, такими дѣлами заниматься?.. Хоть бы людей-то постыдился, коли въ тебѣ ни стыда нѣтъ, ни совѣсти! Вѣдь черезъ тебя ссоры только въ семьѣ да брань: и то сегодня, черезъ тебя, братья ее таскали... Да и тебѣ такъ не сойдетъ... Воробей съ братомъ сами мнѣ сказывали; попадись только имъ, — тутъ тебѣ и голову поло-

жить! Они и день и ночь на сторожбѣ, какъ бы только поймать тебя; можетъ, и теперь ужъ укараулили...

— Все это сплетки одни; какъ предъ Богомъ, сплетки... неувѣренно и даже плаксиво проговорилъ Ѳедотъ.

— Ладно, сплетки!.. А пока ступай отъ меня! проваливай! чтобъ духу твоего здѣсь не было!..

— Дядя Карпъ, пусти переночевать, — сдѣлай милость... Что-жъ я, чужой тебѣ, что ли? робко промолвилъ Ѳедотъ.

— Вонъ ступай, безстыжіе твои глаза! Вонъ!

— Дядя Карпъ, сдѣлай милость...

— Не пущу! заключилъ Карпъ, выталкивая Ѳедота, который пятился назадъ:—вонъ ступай, говорю; вонъ,— и на глаза мнѣ не показывайся!..

Карпъ заперъ ворота и возвратился на солому. Шуму никакого не было теперь слышно за плетнями; изрѣдка,— и то едва примѣтно,—раздавался трескъ сухихъ стеблей, ломавшихся подъ ногами, которыми очевидно переступали съ большой осторожностью. Наконецъ все замолкло, кромѣ пѣтуховъ, которые начали вдругъ драть горло, почуявъ полночь.

XXI.

Но не успѣлъ Карпъ заснуть, шумъ въ воротахъ снова привлекъ его вниманіе; на этотъ разъ кто-то смѣло стучался.

— Кто тутъ? съ досадою крикнулъ старикъ.

— Я, дядя Карпъ! отозвался голосъ Филиппа.

Карпъ поднялся на ноги и отворилъ ригу.

— Я затѣмъ къ тебѣ въ такую пору,—не видать теперича... Не станутъ, значитъ, болтать... сказалъ Филиппъ — слышь, дядюшка, вотъ дѣло какое: я, почитай, ужъ со всѣми перемолвилъ, всѣ въ одномъ утвердились: до Кузьмы-Демьяна не отдавать оброка! Тутъ толковать нечего; знамо, не барину нужно; господа люди понятные; одна тутъ управительская воля. «Какъ, молъ, хочу, такъ и верчу!» вотъ что! Управитель у насъ новый; возьметъ

такую привычку,—житья намъ не будетъ... Мы вотъ на чемъ положили: извѣстно, одинъ человѣкъ упрется, ничего не сдѣлаетъ,—въ рогъ согнутъ! А какъ міромъ что скажутъ, коли весь міръ въ согласіи, — тутъ хошь-нехошь, ничего не возьмешь; съ цѣлой деревней ничего нельзя сдѣлать; всѣхъ къ становому не отправишь.

— Такъ-то такъ, Филиппъ, отозвался старикъ: — не вышло бы только худо изъ этого...

— Эхъ! братецъ ты мой, говорю тебѣ:—весь міръ въ согласіи; главная причина, крѣпко только надо другъ за дружку держаться! Мы чего добиваемся? Хотимъ держаться до поры возможности, чтобы время протянуть до срока; установится на хлѣбъ цѣна настоящая, хлѣбъ продадимъ тогда и оброкъ бери... Такъ, что-ли?

— Хорошо, какъ бы такъ-то...

— Главная причина, подхватилъ Филиппъ съ воодушевленіемъ:—не выдавать другъ друга! Примѣрно, хоть тебя спросятъ:—«Зачѣмъ не продаешь хлѣбъ?»—«Я, говори, ничего... міръ не велитъ; всѣмъ міромъ такъ положили ждать до осени!..» Такъ всѣ уговорились, я со всѣми перетолковалъ; всѣ на одномъ стоятъ: не продавать хлѣба до Кузьмы-Демьяна, пока цѣна не уставится... Смотри, Карпъ, не выдавай; говори заодно со всѣми...

— Кому убытки,—мнѣ разоренье, сказалъ Карпъ:— коли мнѣ продать хлѣбъ теперь, безъ цѣны,—да изъ тѣхъ денегъ оброкъ отдать, ничего на избу не останется... Надо также и на зиму малость денегъ оставить...

— То-то же и есть!.. У тебя изба, у другого свои дѣла; у всякаго такъ-то!.. Такъ слышь: какъ другіе, такъ и ты дѣлай; такой ужъ уговоръ; я затѣмъ и зашелъ къ тебѣ, чтобы какъ, то есть повѣрнѣе... Ну, прощай, время идти... заключилъ Филиппъ, суетливо выходя изъ риги.

Карпъ снова отправился на солому; но сколько ни ворочался онъ съ боку на бокъ, на этотъ разъ долго не могъ заснуть; сонъ сморилъ его тогда только, какъ пропѣли вторые пѣтухи.

XXII.

На другой день, вечеромъ, Карпъ, осмотрѣвъ свое озимое поле, и оставшись очень доволенъ всходами, возвращался въ Антоновку, когда, не далеко отъ поворота въ околицу, услышалъ за собою трескотню телѣжки. Онъ оглянулся; узнавъ по гнѣдой вислоухой лошади владѣльца телѣги, Карпъ остановился; лицо его замѣтно оживилось любопытствомъ. Немного погодя, телѣга съ сидѣвшимъ въ ней старостой, Гаврилой, поровнялась съ Карпомъ.

Уже одна наружность Гаврилы свидѣтельствовала, что поѣздка его была крайне неуспѣшна; онъ сидѣлъ нахохлившись какъ воробей послѣ дождя; глаза его противъ обыкновенія мрачно, недоброжелательно какъ-то поглядывали изъ-подъ шапки, пропускавшей большой клинъ клѣтчатаго платка, котораго онъ не думалъ поправлять.

— Что, какъ? спросилъ Карпъ, слѣдуя рядомъ съ телѣгой, которая продолжала приближаться къ околицѣ.

— Эхъ! былъ только отвѣтъ старосты.

— Худо, стало быть?

Гаврило тряхнулъ только шапкой.

— Напрасно, значитъ, съѣздилъ?

— Говорилъ тогда,—нѣтъ, не вѣрили! вымолвилъ наконецъ староста:—вышло все по-моему, какъ я говорилъ: ничего этого, о чемъ мы толковали, не беретъ въ разсужденье!.. Только ругается... Грозитъ еще станового прислать...

Карпъ зачмокалъ губами, отнялъ руку отъ перекладины телѣги и также нахохлился.

Такимъ образомъ вступили они въ околицу.

Появленіе Гаврилы на улицѣ произвело ожидаемое дѣйствіе; многіе увидѣли старосту—и слухъ о его возвращеніи мигомъ распространился по деревнѣ. Едва подъѣхалъ онъ къ избѣ своей и вылѣзъ изъ телѣги, его окружила толпа еще многочисленнѣе той, которая стояла у магазина.

Все, что было взрослаго въ Антоновкѣ, знало болѣе или менѣе причину отъѣзда старосты, и всѣ любопытствовали узнать, какой будетъ отвѣтъ изъ конторы.

Въ первыя двѣ-три минуты Гаврило не могъ выговорить слова, — его рѣшительно затормошили; наконецъ, когда старые люди подали голосъ, призывая всѣхъ къ молчанію, — Гаврило передалъ міру почти то же, что сообщилъ Карпу.

— Писарь, который вечоръ пріѣзжалъ сюда,—не совралъ намъ, продолжалъ Гаврило:—точно, грамота такая пришла изъ Питера! Мнѣ земскій сказывалъ; онъ и письмо барина видѣлъ...

— Да ты сказалъ-ли управителю, о чемъ міръ проситъ? неожиданно вмѣшался Филиппъ, просовываясь впередъ.

До той минуты онъ молча стоялъ въ толпѣ и только прислушивался.

— Ругается, кричитъ, — вотъ-те и все тутъ! ничего не сдѣлаешь! отвѣтилъ Гаврило, разводя руками: — знай, только кричитъ: «станового пришлю!..»

— Эка невидаль! перебилъ Филиппъ:- присылай, пожалуй! Мы становому то же скажемъ...

— Какже, станетъ онъ слушать! онъ, знамо, управительскую руку держитъ, вымолвилъ Гаврило: — что скажетъ ему управитель,—тому и быть...

— Это какъ есть!.. Что онъ скажетъ, тому и быть!.. Эхъ-ма... послышалось отовсюду на разные тоны.

— Православные! заговорилъ опять Филиппъ, съ живостью обращаясь къ толпѣ: — неужто взаправду разоряться? По моему вотъ что дѣлать: самимъ къ управителю ѣхать; выбрать изъ міра человѣкъ пятокъ и ѣхать... А коли не поможетъ, напишемъ тогда письмо къ барину; изъ Коломны, по почтѣ, чрезъ пять дней въ Питеръ доставятъ... Это всего вѣрнѣе... Помереть мнѣ, коли все это дѣло не отъ управителя; помереть,—коли баринъ объ этомъ вѣдаетъ...

Одобрительный говоръ пробѣжалъ въ толпѣ.

— Православные! крикнулъ ободренный Филиппъ, все болѣе и болѣе воодушевляясь:—выходи, братцы, кто къ управителю поѣдетъ! Савелій, ступай сюда въ кругъ, обратился онъ къ рослому, смуглому мужику, стоявшему ближе другихъ.

— Охотниковъ безъ меня много... проговорилъ Савелій, запинаясь и пятясь назадъ.

— Стегнѣй,—выходи! крикнулъ Филиппъ другому мужику съ оживленнымъ, рѣшительнымъ выраженіемъ лица.

Живое и рѣшительное лицо быстро скрылось въ толпѣ.

— Кумъ Демьянъ, поѣдемъ! опаски никакой нѣтъ; удастся, — ладно, — не удастся, письмо написать можно; поѣдемъ! выходи, становись въ кругъ!..

Но кумъ Демьянъ, шумѣвшій до сихъ поръ столько же. сколько самъ Филиппъ,—былъ повидимому другого мнѣнія. Онъ глухо пробормоталъ что-то, и съ этой минуты никто уже не слыхалъ его голоса.

Филиппъ, у котораго побѣлѣли губы, обратился еще къ тремъ-четыремъ человѣкамъ, во также безуспѣшно.

Толпою, гдѣ плечо одного чувствовало плечо другого, всѣ надсаживали горло, выказывали смѣлость, рѣшимость—и, казалось, готовы были города брать; но странное дѣло, какъ только дѣло касалось каждой личности порознь,—едва требовалось провѣрить силу убѣжденій цѣлаго общества по силѣ убѣжденія каждаго лица отдѣльно,—каждый, къ кому ни обращались, напрямикъ отказывался дѣйствовать и даже назадъ пятился.

— Полно, Филиппъ! ничего изъ того не будетъ, проговорилъ Гаврило, поглядывая на Филиппа, который, казалось, съ трудомъ удерживалъ кипѣвшее въ немъ негодованіе.

— Извѣстно, ничего не будетъ, когда сначала всѣ заодно, а какъ пришло къ дѣлу,—всѣ врозь, сказалъ Филиппъ: — испугались, что-ли?... примолвилъ онъ, мрачно озираясь вокругъ.

— Что ты храбришься-то! ѣхалъ бы самъ, коль охота есть! иронически замѣтилъ Гаврило.

Въ толпѣ многіе засмѣялись.

Это окончательно взорвало Филиппа.

— Что-жъ, — и поѣду, сказалъ онъ, обмѣривая глазами Гаврилу:—ты, можетъ, ничего этого не сказалъ,—какъ надобно, управителю... добре ужъ оченно страхъ взялъ!.. Потомъ пріѣхалъ, разсказываешь! такое-то молъ рѣшеніе,—а тутъ тебѣ и повѣрили...

— Повѣрили! повѣрили! перебилъ староста, передразнивая Филиппа, но вмѣстѣ съ тѣмъ изъ предосторожности отодвигаясь назадъ:—поѣзжай самъ, говорю,—авось сладишь...

Вмѣсто отвѣта, Филиппъ снова обратился къ толпѣ:

— Что-жъ, православные,—никто, стало, не ѣдетъ?.. всѣ отъ слова отступились!..

Каждый разъ, какъ взглядъ его куда нибудь устремлялся, тамъ тотчасъ-же воцарялось молчаніе и въ толпѣ замѣтно рѣдѣло.

Филиппъ плюнулъ на-земь, рванулся впередъ и быстрыми шагами пошелъ къ своему дому.

— Экой горячій! Бѣдовый!.. Рыжіе и всѣ такіе-то!.. Куды бравый какой!.. раздалось въ толпѣ.

Общее мнѣніе было таково, что Филиппъ нахвасталъ,—хотя до сихъ поръ никто еще не могъ привести случая, когда-бы Филиппъ поступилъ такимъ образомъ. Вскорѣ объ немъ совсѣмъ забыли. Вездѣ во всѣхъ отдѣльныхъ кружкахъ только и толку было, что объ извѣстіи, привезенномъ Гаврилой,—о томъ, что такая ужъ, знать, напасть пришла,—и дѣлать нечего: наступили, знать, времена такія тяжкія!

XXIII.

Между тѣмъ, братъ Филиппа и другіе члены его семейства, которое было очень многочисленно, спѣшили возвратиться домой.

Увидя, что Филиппъ не шутя приготовляется въ путь, всѣ приступили къ нему, убѣждая его не ѣхать. Но Филиппъ ничего не хотѣлъ слушать; онъ велѣлъ бабамъ идти въ избу и оставилъ при себѣ только брата, съ которымъ жилъ всегда очень дружно; они до сихъ поръ ни разу даже не поссорились.

Братъ началъ въ свою очередь убѣждать Филиппа оставить свое намѣреніе.

— Вотъ вздоръ какой! — чего ты опасаешься? возра-

зилъ Филиппъ голосомъ, который показывалъ, что сердце его еще не улеглось и кипѣло остаткомъ негодованія.

— Боюсь, братъ, не вышло бы худа изъ этого...

— Это насчетъ меня, думаешь? Ничего не будетъ! Каковъ ни есть управитель, онъ все же свой разсудокъ имѣетъ; увидитъ—не пьяница я, не бунтовщикъ какой; пріѣхалъ просить объ настоящемъ дѣлѣ.

— Хорошо, какъ послушаетъ; сказываютъ, не такой человѣкъ...

— Вретъ, Гаврило! нетерпѣливо перебилъ Филиппъ:— отсохни правая моя рука, коли не вретъ! Самъ разсуди: статочное-ли дѣло, чтобы человѣкъ, какой онъ ни есть, слушать не сталъ, коли толкомъ, настоящее говорятъ? Побожиться радъ,—Гаврило ничего этого, что надо было не сказалъ управителю; такая ужъ душа соломенная! Не токмо передъ управителемъ, другой разъ и передъ своимъ-то братомъ,—кто побойчѣе,—и то молчитъ... Ты ничего этого не опасайся. Пріѣду, скажу: такъ и такъ, повременить только просимъ до срока,—какъ по положенью... цѣна уставится,—къ Кузьмѣ-Демьяну все какъ есть представимъ...

— Дѣлай, какъ знаешь; я бы не поѣхалъ, сказалъ братъ.

— Это почему?

— Потому, если и ладно сойдетъ, послушаетъ тебя управитель,—не стоятъ они того, чтобы хлопотать...

— Думаешь, за міръ просить ѣду?... съ живостью произнесъ Филиппъ:—нѣтъ, подождутъ теперича! Пускай опять Гаврилу посылаютъ,—чортъ съ ними! Какъ знаютъ, такъ пускай сами раздѣлываются... Какъ только къ дѣлу пришло, всѣ одинъ за однимъ отступились... Ѣду за себя просить,—за семью свою. Намъ всего накладнѣе приходится; хлѣба продашь вдвое, — деньги выручишь тѣ же: по семейству по нашему, давай Богъ, чтобъ при настоящей-то цѣнѣ, на зиму хлѣба достало, покупать не пришлось; потому больше и ѣду. Нѣтъ, раздѣлывайся они какъ сами вѣдаютъ!.. Я теперь, что хошь мнѣ давай,— пальца не согну для міра,—шабашъ!..

Братъ, побѣжденный отчасти такими доводами, не старался болѣе удерживать Филиппа и помогъ ему даже запречь лошадь.

XXIV.

Какъ только узнали въ деревнѣ объ отъѣздѣ Филиппа, мнѣніе объ немъ тотчасъ-же перемѣнилось. Даже тѣ, которые на сходкѣ подтрунивали надъ нимъ заодно съ Гаврилой и говорили, что Филиппъ только храбрится и хвастаетъ, не переставали теперь выхвалять его, величали его самымъ толковымъ, дѣловымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ самымъ смѣлымъ мужикомъ деревни. Всѣ домохозяева, повѣсившіе-было голову, снова исполнились надеждой и воспрянули духомъ,—точно такъ же, какъ въ то время, когда ждали возвращенія Гаврилы. Деревня снова громко заговорила.

Гаврило, переходя изъ избы въ другую, напрасно убѣждалъ всѣхъ, что поѣздка Филиппа не принесетъ никакой пользы, кромѣ той развѣ, что его самого хорошенько проучатъ и сдѣлаютъ посмирнѣе,— что управитель,— еслибъ даже не понуждало его къ тому письмо барина,—совсѣмъ не таковскій человѣкъ, чтобы сталъ кого нибудь слушать; напрасно убѣждалъ онъ покориться и приступить къ сбору оброка, — никто не трогался съ мѣста; отовсюду встрѣчалъ онъ одинъ отвѣтъ:—«торопиться некуда; время терпитъ; дай Филиппу пріѣхать,—что Филиппъ скажетъ!»..

На другой день вечеромъ напрасно однакожъ прождали Филиппа; онъ не возвращался.

— «Что-жъ бы это значило?..» спрашивали другъ друга сосѣди.

Въ домѣ самого Филиппа началась между тѣмъ тревога: мать, жена и сестры его, одна за другой, выбѣгали на дорогу за околицу; часто та или другая выжидали его тамъ по цѣлому часу. Безпокойство замѣтно также начало овладѣвать братомъ. На слѣдующій день, въ домѣ Филиппа раздались всхлипыванья.

Прошелъ и этотъ день. Филиппъ все-таки не возвращался. Всхлипыванья въ его домѣ превратились въ громкій вопль. Братъ началъ-было уговаривать мать и сестеръ, стараясь всячески ихъ обнадежить,—ничего не помогало;

къ женѣ брата онъ уже не приступался; она лежала ничкомъ на дворѣ и голосила словно по покойникѣ.

Наконецъ, на четвертый только день, поздно вечеромъ, распространился слухъ, что Филиппъ пріѣхалъ. Немного погодя, стали разглашать по деревнѣ странныя вѣсти: говорили, будто Филиппъ какъ только вышелъ изъ телѣжки, прямо отправился къ себѣ въ ригу; ни съ кѣмъ изъ домашнихъ онъ не поздоровался, никому даже слова не промолвилъ. Обрадованная жена, съ которой жилъ онъ всегда ладно, бросилась было къ нему съ воплемъ,—онъ грубо отвелъ ее руками и сказалъ только:—«что тебѣ... давно, что ли, не видала?..» Послѣ того пошелъ онъ въ ригу. Жена, мать и сестры послѣдовали за нимъ, желая добиться какого нибудь толку,—онъ всѣхъ разогналъ, всѣмъ велѣлъ идти домой и допустилъ къ себѣ одного брата. Войдя въ ригу, Филиппъ съ сердцемъ бросилъ на земь полушубокъ, бросилъ шапку и ничкомъ повалился на солому. Два-три человѣка, которымъ потомъ удалось говорить съ братомъ, спѣшили сообщить, что Филиппъ велѣлъ брату везти хлѣбъ и продать его за первую цѣну, какую дадутъ.

— «Стало, и намъ тоже дѣлать!» былъ общій отзывъ.

Слухъ обо всемъ этомъ не замедлилъ, конечно, достигнуть ушей Карпа.

— Оброкъ не пуще великъ, а много придется теперь за него хлѣба отдать! задумчиво промолвилъ старикъ, обратившись къ сыну, который передалъ ему общую вѣсть:—хлѣба, который останется—только на зиму хватитъ для семейства... Сколько ни считалъ я всѣ эти дни, не выручишь денегъ тѣхъ, что за избу отдать надобно... Такъ, стало, тому и быть! довершилъ онъ угрюмо.

Карпъ, точно также какъ и остальные обыватели Антоновки, лишившись всякой надежды на благопріятный поворотъ дѣла, упалъ вдругъ духомъ и толковалъ теперь о томъ только, чтобы насыпать возы и везти хлѣбъ на продажу.

Такъ какъ пятнадцать рублей, получаемые Гаврилой въ видѣ жалованья, засчитывались ему ежегодно въ оброкъ,—староста на свой счетъ не очень сокрушался. Онъ тревожился тѣмъ только, что управитель, того и смотри,

пришлетъ за нимъ и потребуетъ отчетъ за медленный сборъ мірского оброка. Движимый такою мыслью, онъ еще неусыпнѣе началъ убѣждать всѣхъ и каждаго, что если ужъ вышло такое невзгодье—откладывать нечего; чѣмъ скорѣе отдашь деньги, тѣмъ скорѣе отвяжешься отъ управительскаго надзора и непріятностей, которыя грозятъ міру въ случаѣ промедленія.

— Главная причина, въ спокойствіи тогда оставятъ, вотъ что! повторялъ староста; — станемъ оттягивать, — осерчаетъ, ужъ это навѣрное такъ; пожалуй, еще станового пришлетъ... расправа начнется... что-жъ хорошаго??.

На этотъ разъ никто не возражалъ ему; вмѣсто смѣлыхъ, бойкихъ отвѣтовъ, онъ встрѣчалъ одну молчаливую покорность.

Рѣшено было всѣмъ міромъ понавѣдаться завтра же утромъ къ Дроздо̀ву и условиться съ нимъ насчетъ цѣнъ. Впрочемъ это были одни только пустые разговоры; никто не сомнѣвался, что все равно надо будетъ отдать хлѣбъ за ту цѣну, которую назначитъ Дроздо̀въ.

XXV.

То же самое ожидало крестьянъ, еслибъ они повезли теперь хлѣбъ въ ближайшіе уѣздные города. Купцы очень хорошо знаютъ, что если мужикъ въ такую пору пріѣхалъ съ хлѣбомъ,—видимое дѣло, его прижали, ему до зарѣзу надобны деньги; они спѣшатъ воспользоваться такимъ благопріятнымъ обстоятельствомъ, и въ свою очередь его прижимаютъ. Городскіе кулаки еще плутоватѣе, еще неумолимѣе деревенскихъ. Уже одно то, что крестьянинъ насыпаетъ дома рожь настоящей мѣрой, а купецъ принимаетъ ее по своей мѣрѣ, несравненно бо̀льшаго объема,—заставляетъ всегда перваго избѣгать продажи въ городѣ.

На этомъ основаніи антоновцы рѣшились прибѣгнуть къ Дроздо̀ву; ктому же онъ проживалъ отъ деревни верстахъ въ пяти всего-на-все.

Дроздо̀въ или, лучше, Никаноръ, потому что такъ

обыкновенно называлъ его народъ,'—былъ простой откупившійся на волю мужикъ, содержавшій большую миткалевую фабрику.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ средней Россіи такихъ фабрикъ развелось, — особенно въ послѣдніе годы, — такое множество, что нѣтъ почти деревни, гдѣ бы не возвышалось неуклюжаго бревенчатаго строенія, изъ котораго съ утра и до вечера слышится шумъ разматываемой бумаги и щелкотня ткацкихъ становъ. Надъ этими фабриками не существуетъ ни присмотра, ни контроля; хозяева, обезпечивая себя ежегодно домашними расчетами съ мелкими мѣстными властями,—пріобрѣтаютъ положеніе, которое ничѣмъ почти не отличается отъ положенія начальниковъ дикихъ племенъ на самыхъ отдаленныхъ архипелагахъ Тихаго океана. Самоуправство является здѣсь въ полномъ своемъ безобразіи. Хозяева по произволу измѣняютъ заработную плату; назначается такая-то цѣна за основу; основа готова,—хозяинъ перемѣнилъ цѣну, и работникъ получаетъ меньше того, на что разсчитывалъ. Бѣдные крестьяне сосѣднихъ деревень посылаютъ на фабрику своихъ дѣвочекъ и мальчиковъ для размотки бумаги; нѣтъ возможности приходить всякій день за нѣсколько верстъ и уходить вечеромъ; дѣти ночуютъ на фабрикахъ; все это спитъ гдѣ ни попало и въ повалку; можете судить о томъ, что здѣсь происходитъ и какъ, по мѣрѣ процвѣтанія фабрикъ, должна процвѣтать нравственность. Мало того хозяева рѣдко или, вѣрнѣе, никогда не разсчитываются съ народомъ на чистыя деньги. Они покупаютъ въ городахъ залежалыя партіи сапоговъ, оптомъ скупаютъ шапки, подмоченую соль, годовалую муку, перепрѣвшую крупу и т. д. и разсчитываются такимъ матеріаломъ, ставя за него всегда въ три-дорога противъ того, что стоитъ онъ имъ самимъ. Народъ слѣдовательно обутъ и одѣтъ скверно, ѣстъ худую пищу и постоянно безъ гроша денегъ.

Многіе изъ этихъ хозяевъ владѣютъ большими капиталами. Никаноръ принадлежалъ къ числу послѣднихъ. Впрочемъ, онъ продолжалъ только дѣло, начатое еще покойнымъ его родителемъ.

XXVI.

Взглянувъ на лицо фабриканта, нельзя было повѣрить, чтобы могъ онъ такъ успѣшно вести дѣла свои. Наружность Никанора ставила въ тупикъ, — такъ рѣзко противорѣчила она его дѣйствіямъ. На всемъ свѣтѣ не было, казалось, тупоумнѣе человѣка. Безцвѣтные на выкатѣ глаза, какъ у разварной рыбы, смотрѣли мутно, какъ будто угасла въ нихъ способность осмысливать предметы; плоскіе какъ щепки, волосы мертвенно висѣли по обѣимъ сторонамъ пухлаго, но крайне-болѣзненнаго лица, окруженнаго рѣдкими бакенами и такою же чахлой, жидкой бородкой; всѣ черты выражали одну сонливость, вялость, неспособность. Все въ немъ было одно къ одному; говорилъ онъ вяло, словно клещами хомутъ натягивалъ; ногами своими, обутыми въ башмаки, передвигалъ медленно, словно противъ воли. Ходилъ онъ всегда запахиваясь въ длинный бумажный набивной халатъ такого же почти грязновато-больнаго цвѣта, какъ и лицо его. Словомъ, не было возможности повѣрить, чтобы такой человѣкъ былъ на что нибудь годенъ. Дѣла его между тѣмъ шли блистательно; онъ ворочалъ такими деньгами, что ничего не значило ему усадить въ своемъ приходѣ пятьдесятъ тысячъ на постройку огромной кирпичной церкви съ круглымъ зеленымъ куполомъ.

Это не мѣшало однакожъ самому Никанору жить, какъ говорится, свинья-свиньей. Домъ его, очень помѣстительный, съ нижнимъ этажемъ кирпичнымъ, а верхомъ деревяннымъ, былъ крытъ желѣзомъ и выкрашенъ зеленой краской, оставшейся отъ церковнаго купола. Внизу помѣщались подвалы для склада товара и контора. Верхній этажъ изъ шести-семи комнатъ занималъ Никаноръ съ своимъ семействомъ.

Жилъ онъ собственно въ одной только изъ этихъ комнатъ; остальныя стояли пустыми; кое-гдѣ развѣ попадалась скамья или стояла кадушка съ квашеной капустой, прижатой кирпичемъ. Въ комнатѣ Никанора рамы не выставлялись со времени постройки дома; тамъ съ трудомъ

можно было переводить дыханіе; все смотрѣло до невѣроятности грязно,—начиная съ самой хозяйки и ея засусленныхъ, золотушныхъ дѣтей и кончая зеленымъ, какъ словно прокислымъ самоваромъ и стеклами оконъ, почти до темноты засиженныхъ мухами.

У дверей, въ высокомъ буромъ футлярѣ, доходившемъ до потолка, чикали часы съ циферблатомъ, размалеваннымъ цвѣтами; въ углу стоялъ неприслоненный къ стѣнѣ диванъ, покрытый ободранной кожей: но Боже-было-упаси сѣсть на него; особенною опасностью угрожали гвоздики и тесемка, обшивавшая кое-гдѣ кожу; подъ каждымъ гвоздемъ и складкой сидѣло, мирно пріютясь, цѣлое гнѣздо клоповъ. Все это, кромѣ, впрочемъ, дивана, который постоянно, годы цѣлые, оставался на своемъ мѣстѣ,—чистилось и переставлялось разъ въ годъ,—именно на страстной недѣлѣ передъ свѣтлымъ праздникомъ; тогда цѣлые ушаты воды разомъ проливались въ этомъ второмъ этажѣ; хляскъ воды раздавался повсюду; вода, не находя себѣ выхода, скорѣе всего утекала въ широкія щели кой-какъ сколоченнаго пола, удобряла земляную настилку, и этимъ способомъ разводила миріады блохъ, которыя несмѣтными легіонами появлялись уже къ святой.

Но Никаноръ и его семейство такъ сжились со всѣмъ этимъ, что всякое другое мѣсто показалось бы имъ крайне неудобнымъ. Незачѣмъ было, слѣдовательно, измѣнять порядка, начатаго, блаженной памяти, упокойнымъ родителямъ,—порядка, которымъ удовлетворялся сынъ и вѣрно будетъ удовлетворяться золотушное потомство.

XXVII.

Карпъ былъ одинъ изъ первыхъ, который явился къ Никанору. Войдя въ контору, старикъ засталъ тамъ хозяина. Въ конторѣ никого почти не было; стояли только двѣ бабы и оборванная дѣвочка, пришедшія за бумагой для размотки.

Тѣмъ не менѣе Никаноръ сдѣлалъ видъ, какъ будто не замѣтилъ вошедшаго. Онъ никогда не кланялся пер-

вымъ простому мужику. Никаноръ прежде былъ проще; гордость напала на него съ той самой поры, какъ воздвигъ онъ церковь и къ концу каждой обѣдни поминали его, какъ строителя храма, и подносили ему просвиру.

Карпъ подошелъ къ прилавку, раздѣлявшему контору на двѣ половины, и поклонился.

— Чего надо? спросилъ Никаноръ, едва поворачиваясь.

— Хлѣбца привезъ, Никаноръ Иванычъ... десять четвертей: не возьмешь ли?.. задобривающимъ голосомъ сказалъ Карпъ.

— Не надыть! возразилъ фабрикантъ какъ бы сквозь сонъ.

— Что-жъ такъ?.. Возьми, сдѣлай милость!..

— Столько хлѣба навезли,—дѣвать некуда.

— Всего вѣдь десять четвертей!

— Къ тому же денегъ теперь нѣту... началъ-было Никаноръ, но Карпъ перебилъ его.

— У тебя?... У кого-жъ и быть деньгамъ-то!.. Возьми, пожалуйста!

— Пять съ полтиной, коротко и сухо проговорилъ наконецъ Никаноръ.

— Какъ, за четверть? воскликнулъ Карпъ, между тѣмъ какъ фабрикантъ повернулся къ нему бокомъ и, казалось, пересталъ даже его слушать:—побойся Бога! къ Кузьмѣ-Демьяну четверть-то девять рублей стоитъ; три рубля съ полтиной на четверть хочешь нажить... Бога ты побойся!

На мутномъ лицѣ Никанора промелькнула тѣнь пренебреженья.

— Чего ты присталъ ко мнѣ, произнесъ онъ, не возвышая однакожъ голоса:—говорю не надо: вези куда знаешь... гдѣ сходнѣе...

Въ эту минуту батрачка позвала хозяина наверхъ; почти въ то же время въ контору вошелъ еще мужичокъ изъ Антоновки.

Карпъ передалъ ему свой разговоръ съ фабрикантомъ.

— Дѣлать, знать, нечего, Карпъ Иванычъ; отдать надо, отвѣчалъ тотъ:—больше не дастъ; вечоръ ужъ трое изъ нашихъ къ нему пріѣзжали; за ту же цѣну отдали.

— Знаю, сказывали мнѣ, вымолвилъ старикъ.—Я думалъ, посовѣстится, не надбавитъ ли какимъ случаемъ; потому и разговоръ такой повелъ съ нимъ.

— Какъ же, жди отъ него совѣсти, экъ захотѣлъ!.. И я свои два воза за тѣ же деньги ссыпалъ, дѣлать-то нечего!..

Съ возвращеніемъ Никанора дѣло Карпа было кончено. Фабрикантъ, поручая приказчику сходить и смѣрять привезенную рожь, говорилъ также сонливо, вяло и неохотно; казалось, онъ не подозрѣвалъ даже, какой огромный оборотъ дѣлалъ, скупая въ настоящее время хлѣбъ изъ Антоновки.

Получивъ деньги, Карпъ сѣлъ въ пустую телѣжку и вмѣстѣ съ сыномъ, помѣстившимся на другой подводѣ, отправился домой.

Путемъ-дорогой старикъ принялся въ сотый разъ сводить свои счеты; онъ какъ будто все еще не довѣрялъ прежнимъ своимъ соображеніямъ и думалъ — авось-либо выйдетъ какъ нибудь по другому.

Нѣтъ, по другому не выходило! Прежніе разсчеты были совершенно вѣрны. Отдавъ пятьдесятъ-два съ полтиной оброку, отложивъ десять четвертей на зиму для семейства, Карпъ могъ продать всего-на-всего шесть четвертей ржи и четыре четверти овса. Какъ умомъ ни раскидывай, не было возможности, даже при самыхъ счастливыхъ обстоятельствахъ, выручить изъ этого столько денегъ, чтобы добавить Аксену за срубъ, отдать плотникамъ за постановку избы, печнику за печь — и мало-ли еще сколько денегъ требуется при сооруженіи новаго дома!

Касательно перваго задатка, отданнаго Аксену, Карпъ не безпокоился; Аксенъ былъ извѣстенъ своею честностью; старикъ ни на минуту не сомнѣвался, что получитъ свои деньги. Но вотъ что неотступно его тревожило,—тревожила мысль о второмъ задаткѣ, о сѣромъ меренкѣ, который, какъ на зло, приглянулся Аксену, такъ что послѣдній имъ ненахваливался. Тутъ какъ быть? Какъ тутъ разсчитываться? Вѣрнѣе всего, Аксенъ оставитъ его за собою; вѣдь ему надо получить вознагражденіе за убытки; на

избу много было охотниковъ; не случись Карпа, Аксенъ давно бы продалъ ее съ барышами.

Карпъ такъ углубился въ свои соображенія, что поднялъ голову тогда только, какъ лошадь остановилась передъ его воротами.

Послѣ дождя, лившаго всю ночь и все утро, избенка какъ нарочно представлялась такой кислой, такъ грустно поглядывала на улицу своими крошечными окнами, полусгнившими углами и выдавшейся мокрой стѣною, что вчужѣ забирала жалость.

Понятно, такой видъ не могъ порадовать и развлечь ея владѣльца.

XXVIII.

Время, между тѣмъ, шло своимъ чередомъ, свершая въ природѣ обычные, неумолимо-неизмѣнные перевороты. Давно ли, кажется, поля, луга и рощи дышали такимъ оживленьемъ? Все это миновало! Первыми возвѣстниками наступающихъ холодовъ были, по обыкновенію, ласточки; онѣ отлетѣли съ первыми морозными утренниками. За ними, въ похолодѣвшемъ воздухѣ, пронеслись длинныя бѣлыя нити тенетника; потомъ, въ свѣтломъ, хотя уже блѣдно-зеленоватомъ небѣ, пролетѣли журавли, возбуждая отдаленнымъ крикомъ своимъ громкіе возгласы деревенскихъ мальчишекъ.

Давно ли, наконецъ, антоновская роща, одѣтая съ макушки до корня зеленью клена, березы, орѣшника и разнаго рода кустарниковъ, наполнялась веселымъ трескомъ, свистомъ и пѣніемъ каждый разъ, какъ проникалъ въ нее первый солнечный лучъ? Давно ли, кажется, было все это!.. Теперь, отъ маковки до корня, стоитъ она обнаженная, и хотя бы три раза въ сутки начинался день, не пошлетъ уже ему навстрѣчу веселыхъ, привѣтливыхъ звуковъ. Въ сѣрой, сквозящей глубинѣ рощи мелькаютъ одни голые стволы и перекрещиваются во всѣ стороны почернѣвшія обнаженныя вѣтви. Вмѣсто прохлады отовсюду несетъ сыростью и крѣпкимъ запахомъ опавшихъ

листьевъ, которые наполняютъ глубину кустарниковъ и густо устилаютъ дорогу. Изрѣдка, кое-гдѣ, тоскливо въ разладъ, чиликнетъ краснобрюхій снигирь или вдругъ въ сторонѣ зашуршукаютъ листья и черезъ дорогу пугливо пробѣжитъ заяцъ.

Все остальное, куда ни обращаются глаза, носитъ ту же печать опустѣнія. Окрестность словно состарѣлась; колеи, которыми изрыты дороги, кажутся глубокими морщинами; рѣчка, такъ долго отражавшая въ послѣднее время свинцовыя, сѣрыя тучи, усвоила навсегда какъ будто цвѣтъ ихъ, отвѣчающій, впрочемъ, общему тону печали. которымъ окутались не только окрестность, но и самое небо.

Куда дѣвался также веселый видъ деревни, когда, бывало, при находящемъ солнцѣ, ослѣпительно сверкаютъ соломенныя крыши избушекъ; когда старыя ветлы, бросая черезъ рѣку на лугъ длинныя густыя тѣни, постепенно зарумяниваются, покрываясь багрянцемъ заката; когда весь деревенскій людъ, высыпая въ эту пору на улицу и — то уходя въ сизую тѣнь, бросаемую избушками, то выступая на свѣтъ — начинаетъ пѣть пѣсни и водить хороводы, играя на солнцѣ ярко-алыми и синими платками и рубашками... Куда все это дѣлось! Антоновки узнать невозможно. Она также отжила, какъ будто вдругъ состарѣлась. Стѣны избушекъ, вымоченныя безпрерывными дождями, такъ-же почти черны, какъ улица, которая превратилась въ грязь, замѣсилась и стала непроходимою; старыя ветлы обнажили свои головастые пни, и вѣтви на нихъ торчатъ кверху, какъ волосы на головѣ взъерошеннаго человѣка. Солома на крышахъ сдѣлалась совсѣмъ сѣрою и едва-едва отдѣляется теперь на сѣромъ небѣ.

Небо пока не шлетъ еще дождя, но въ отдаленіи начинаютъ уже клубиться тяжелыя, мрачно-сизыя тучи.

XXIX.

Дядя Карпъ, котораго ненастье отрывало поминутно отъ начатой работы, спѣшилъ воспользоваться этимъ вре-

менемъ. Обрадованный, что пересталъ наконецъ дождикъ, онъ, съ помощью сына, съ утра еще выкатилъ двѣ пустыя кадки; онѣ служили старику козлами для подмостокъ; приставленныя къ наружной стѣнѣ избы и устланныя досками, кадки давали Карпу возможность достать рукою почти до крыши.

Взгромоздившись на подмостки, Карпъ старательно набивалъ глину въ пазы и трещины избенки; онъ то-и-дѣло обращался къ снохѣ, которая тутъ же въ сторонѣ мѣшала лопатою сырую глину. Бѣдная бабенка едва успѣвала управиться; съ одной стороны кричалъ свекоръ, съ другой поминутно высовывалась изъ окна свекровь съ хозяйственными разспросами, съ третьей—приводилось гнать Дуню, которая, не смотря на холодъ, никакъ не хотѣла идти въ избу. По всей вѣроятности, Дуня согрѣвалась Васькой; крѣпко перехвативъ брата поперегъ живота, она переносила его съ одного плеча на другое; но какъ терпѣлъ Васька, — это дѣлалось рѣшительно непонятнымъ! Мальчикъ перешелъ уже отъ багроваго цвѣта въ синій; но ничего однакожъ; Васька не плакалъ; онъ только кряхтѣлъ и пыжился и то, повидимому, не столько отъ стужи, сколько отъ того, что вздрагивавшая сестра слишкомъ ужъ сильно нажимала ему животъ.

Подлѣ другой стѣны, со стороны улицы, происходила также работа; Петръ приваливалъ къ стѣнѣ солому, укрѣпляя ее жердями.

По мѣрѣ того, какъ съ той и съ другой стороны подвигалась работа,избушка принимала видъ больной, хилой старушенки, которую обкладываютъ пластырями и кругомъ обвязываютъ и кутаютъ.

На улицѣ никого почти не было, кромѣ семейства Карпа. Изрѣдка проходилъ кто нибудь. Такъ прошла баба съ ворохомъ неразмотанной бумаги на спинѣ. Поровнявшись съ избою Карпа, она остановилась, поздоровалась со старикомъ и его снохою.

— Карпъ Иванычъ, сказала она:—тебѣ сродственникъ твой Ѳедотъ велѣлъ кланяться!

— Ну его совсѣмъ! ворчливо проговорилъ старикъ, продолжая шлепать глиной.

— Ты, Дарья, откуда? спросила сноха:—я думала, ты отъ Никанора.

— И то, оттуда; вишь, взяла ребятамъ разматывать! возразила Дарья, встряхивая бумагой.

— Гдѣ-жъ ты Ѳедота видѣла? Онъ вѣдь у Аксена живетъ; развѣ такъ повстрѣчались?

— Нѣтъ, касатка, нанялся онъ теперь къ Никанору; у Никанора живетъ въ работникахъ.

При этомъ Карпъ сердитѣе только шлепнулъ глиной.

Немного спустя послѣ ухода Дарьи, мѣсто ея заступилъ маленькій живой мужичокъ съ веснушками, который во время уборки ржи бесѣдовалъ съ Гаврилой.

Поглядѣвъ съ минуту молча на работу Карпа, онъ наконецъ придвинулся.

— Ничего отъ этого, сватъ, теплѣе не будетъ, сказалъ онъ: — я, какъ не было у меня новой избы, свою старую тоже глиной обмазалъ,—продуваетъ; такъ-то продуваетъ,—хуже быть нельзя.

— Коли хорошо, крѣпко смазать,—не продуетъ! отозвался Карпъ неохотно.

— Хуже, сватъ, право, хуже; тогда снутри прѣть начнетъ; у меня то же было; пойдутъ морозы, — въ окнахъ, повѣришь-ли, вотъ какія сосульки намерзнутъ! добавилъ мужичокъ, показывая отъ плеча до ладони.

Карпъ ничего не отвѣтилъ.

— Сейчасъ, сватъ, къ Филиппу заходилъ, продолжалъ словоохотливый мужичокъ: — дома нѣту, уѣхалъ; сказываютъ,—опять запилъ; года три за нимъ этого не было: зарокъ, сказываютъ, на себя наложилъ, чтобъ не пить... Теперь опять, сказываютъ, зашибается... Э! да никакъ дождикъ?.. промолвилъ онъ, подымая голову.

Карпъ, сноха и Петръ, слышавшіе весь этотъ разговоръ, сдѣлали то же самое.

Сѣрыя тучи, которыя бѣжали, казалось, надъ самою крышею, дѣйствительно начинали отдѣлять дождевыя капли; въ то же время вѣтеръ сильнѣе зашевелилъ соломой.

— Прощай, сватъ! надо скорѣй до дождя укрыться!., сказалъ мужичокъ, направляясь къ избѣ, которая стояла на самомъ краю деревни.

Пока онъ приближался къ дому, тучи, давно уже потоплявшія своею тѣнью окрестность, быстро надвигались на Антоновку. Съ каждой минутой, мѣстность, лежавшая за старыми ветлами, заслонялась и пропадала; вотъ и ветлы начали показываться какъ бы сквозь сѣрую дымку и вскорѣ пропали; дождикъ замѣтно дѣлался чаще и усиливался. Въ дальнемъ концѣ деревни, кто-то закутанный съ головою,—баба ли, мужикъ ли, разобрать было невозможно, — промелькнулъ черезъ улицу.

На минуту можно еще было различать, какъ Карпъ, его сынъ и сноха бѣгали и суетились, убирая свои кадки; но и они не замедлили исчезнуть за частою сѣтью дождя, который, крутясь и двигаясь по волѣ вѣтра, ударилъ косымъ ливнемъ и заслонилъ наконецъ самую Антоновку.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

БАРХАТНИКЪ.

XXX.

Позвольте теперь перенести васъ изъ унылой деревушки, утопающей въ грязи и облитой дождемъ, прямо въ центръ Петербурга. Переходъ, конечно, очень рѣзокъ; но тѣмъ лучше, мнѣ кажется. Безъ контрастовъ и неожиданныхъ переходовъ отъ худого къ хорошему, отъ мрачнаго къ веселому и обратно, не только романы и повѣсти, но и самая жизнь была бы однообразна и слѣдовательно невыносимо скучна.

Итакъ, поспѣшимъ войти черезъ парадную дверь въ одинъ изъ самыхъ большихъ домовъ Малой Морской. Признакомъ, что домъ, при основаніи своемъ, исключительно предназначался для вмѣщенія жильцовъ богатыхъ или такихъ, которые во что бы ни стало хотѣли прослыть за богатыхъ, — служила широкая, устланная ковромъ лѣстница, украшенная каминами и швейцаромъ.

Намъ незачѣмъ подыматься слишкомъ высоко; достаточно остановиться во второмъ этажѣ противъ двери съ мѣдной досчечкой, на которой награвировано: «Аркадій Андреевичъ Слободской».

Аркадій Андреевичъ, вмѣстѣ съ домашней его обстановкой,— начиная съ круга знакомыхъ и кончая мебелью его обширной квартиры, — составляютъ главный предметъ настоящаго повѣствованія. Мебель, особенно гостиной и кабинета, такъ великолѣпна, что, я увѣренъ, еслибъ любое кресло перенести вдругъ въ Антоновку и поставить посреди улицы, ни одинъ изъ тамошнихъ обывателей ни за что не опредѣлилъ бы, что это за штука такая; самъ приходскій священникъ сильно бы затруднился дать ему вдругъ, сразу, настоящее имя, и только развѣ послѣ нѣкотораго размышленія могъ бы рѣшить, что издѣлію сему всего болѣе подобаетъ находиться въ храмѣ для замѣщенія стариннаго сѣдалища въ алтарѣ.

Аркадій Андреевичъ былъ холостъ, любилъ роскошь и рѣшительно не видѣлъ надобности себѣ въ ней отказывать; у него было около семи тысячъ душъ, въ числѣ которыхъ, если не ошибаюсь, состояли также знакомыя антоновскія души.

Часовъ въ двѣнадцать утра, въ богато-убранномъ кабинетѣ Слободского находилось уже нѣсколько посѣтителей. По мѣрѣ того, какъ приближался день, посѣтители умножались; многіе являлись, впрочемъ, минутъ только на пять; спѣшно выкуривъ папироску, повертѣвшись передъ каминомъ, они такъ же скоро исчезали. Всѣ входили совершенно безцеремонно; брали со стола сигары и папиросы и во всемъ поступали какъ у себя дома. Кто усаживался, укладывая удобно ноги на сосѣднее кресло, кто попросту разваливался на кушеткѣ противъ пылающаго камина, кто расхаживалъ взадъ и впередъ, пуская кверху дымъ, который расходился мутными, сѣрыми клубами, потому что самое утро было мутно, сѣро и ненастно. Всѣ они по большей части были товарищами Слободского по службѣ; нѣкоторые, подобно ему, вышли въ отставку; другіе ходили въ мундирахъ. Хозяинъ дома, заслонивъ себя отъ каминнаго жара стеклянными ширмами, располагался въ вольтеровскихъ креслахъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-восьми, съ чертами лица чрезвычайно правильными и красивыми, но уже замѣтно начинающими отцвѣтать. Военная служба не оставила на немъ ни малѣйшаго отпечатка; онъ такъ же изящно одѣвался и такъ же свободно двигался въ сѣрыхъ панталонахъ, сѣромъ жилетѣ и сѣрой жакетѣ англійскаго покроя, какъ будто вѣкъ не носилъ другого платья; въ пріемахъ его не было ничего жосткаго, натянутаго; во всей фигурѣ его, начиная съ маленькихъ, красивыхъ ушей и кончая бѣлой, нѣжной кистью руки, было что-то женственное, изнѣженное. Онъ казался усталымъ, хотя всего часъ назадъ вышелъ изъ постели. Слободской не переставалъ говорить то съ тѣмъ, то съ другимъ изъ гостей своихъ; въ голосѣ его и во взглядахъ проглядывало однакожъ полнѣйшее равнодушіе, если не всегда къ предмету бесѣды, то всегда почти къ собесѣднику.

Слободской далеко не былъ мизантропомъ; равнодушіе его проистекало частію изъ жизненнаго опыта, частію изъ того также, что онъ никого не любилъ искренно изъ тѣхъ, съ кѣмъ постоянно жилъ и въ кругу которыхъ ежедневно вращался. Выраженіе: «mon ami, — il n'y à pas d'amis!», изобрѣтеніемъ котораго былъ онъ очень доволенъ, повторялось имъ каждый разъ, какъ только слышалъ онъ слово—«другъ». Слободской, тратившій большія деньги на обѣды, гдѣ за каждаго пріятеля приходилось иногда платить рублей тридцать и сорокъ, пожалѣлъ бы между тѣмъ десять цѣлковыхъ, чтобы спасти пріятеля, которому случилось бы обкушаться на его обѣдѣ.

Онъ раздѣлялъ своихъ знакомыхъ и пріятелей на три разряда. Къ первому принадлежали лица, которыя въ самомъ дѣлѣ были къ нему привязаны и любили его; до сихъ поръ онъ встрѣтилъ одного только такого; но и того убили на Кавказѣ. Ко второму разряду причислялись тѣ, которые ѣздили къ нему ради удобствъ, хорошихъ сигаръ, надежды выгодно промѣнять лошадь, занять денегъ или ради того также, что надо же дѣться куда нибудь и вертѣть языкомъ,—благо онъ существуетъ; третій родъ пріятелей состоялъ изъ лицъ, которыя положительно его ненавидѣли, но видѣлись съ нимъ, частью чтобы скрыть

настоящія свои чувства, частью потому, что пошло, глупо расходиться съ человѣкомъ, не имѣя, кромѣ затаенной ненависти, другой, болѣе основательной причины.

Изъ числа послѣднихъ не было къ счастію ни одного между посѣтителями настоящаго утра: всѣ они по большей части принадлежали ко второй категоріи. Несмотря на положительную глупость многихъ изъ нихъ, каждый, повидимому, въ отношеніяхъ своихъ къ Слободскому стоялъ на настоящей точкѣ зрѣнія; никто не обманывался въ его чувствахъ; но никому, казалось, не было дѣла до этого, никто объ этомъ не заботился; каждый думалъ о себѣ самомъ, о своемъ удобствѣ, о хорошей сигарѣ;—и точно также чувствовалъ къ хозяину самое полное равнодушіе.

Все это нисколько не мѣшало вести самую короткую, дружескую бесѣду.

XXXI.

— По-моему, одно изъ самыхъ главныхъ, самыхъ натуральныхъ чувствъ человѣка, — это чувство благодарности! говорилъ Слободской, продолжая начатый разговоръ и преимущественно обращаясь къ смуглому господину среднихъ лѣтъ, лежавшему на кушеткѣ съ сигарою въ зубахъ: — человѣкъ, не имѣющій такого чувства, на мои глаза, существо недоконченное, что-то въ родѣ получеловѣка!.. И вотъ именно этого-то чувства, — не весело въ этомъ сознаться, но надо говорить правду, — именно этого-то чувства не вижу я въ нашемъ простомъ народѣ...

Господинъ, лежавшій на кушеткѣ, выразительно усмѣхнулся.

— Я говорю такъ рѣшительно потому, что основываю свои сужденія на собственномъ опытѣ, продолжалъ Слободской:—при покойномъ отцѣ, крестьянамъ моимъ было такъ плохо, какъ хуже быть не можетъ: отецъ почти безвыѣздно жилъ въ Парижѣ; въ имѣньяхъ распоряжались управляющіе, — грабили, разумѣется, и разоряли крестьянъ до невозможности; когда я вступилъ во вла-

дѣніе имѣньями, первымъ дѣломъ моимъ было искоренить весь старый порядокъ и злоупотребленія; я смѣнилъ управляющихъ, уничтожилъ барщину и посадилъ мужиковъ на оброкъ, зная, что такое положеніе для нихъ несравненно легче барщины. Сотни, тысячи помѣщиковъ берутъ двадцать, двадцать пять рублей и болѣе оброку; я назначилъ всего пятнадцать съ семейства, — съ тягла, какъ тамъ называютъ... Кажется, сдѣлано было все, что только можно сдѣлать! Какой же вышелъ результатъ? Крестьяне сдѣлались только неисправнѣе; съ перваго же года до настоящей минуты, я только и слышу, что о недоимкахъ и недочетахъ, чего прежде, при отцѣ, никогда не бывало!.. Далеко идти не зачѣмъ; я теперь болѣе мѣсяца безъ денегъ... Пишу, пишу, — недѣли проходятъ, прежде чѣмъ пришлютъ изъ той или другой конторы какихъ нибудь четыре-пять тысячъ! Послѣ всего этого, поневолѣ прійдешь къ убѣжденію, что при снисходительномъ, гуманномъ, какъ говорятъ теперь, управленіи, народъ дѣлается только неисправнѣе и балуется; управлять имъ, какъ видно, можетъ только страхъ; горько сознаться, — но это такъ!..

— Что-жъ вы хотите, Слободской, чтобъ я сказалъ вамъ на это?.. произнесъ небрежнымъ тономъ и по-французски господинъ, лежавшій на кушеткѣ; — мнѣ отвѣчать нечего; вы, по этому предмету, давно знаете мои убѣжденія!..

XXXII.

Убѣжденія этого господина заключались въ томъ, что онъ называлъ Россію непроходимою тундрой и отвергалъ въ русскомъ народѣ, котораго величалъ тунгусомъ, всякую способность къ развитію. Происходя изъ чисто-русской фамиліи Ипатовыхъ (невозможно, кажется, подозрѣвать примѣсь чего нибудь иноземнаго), онъ ненавидѣлъ все русское, и нельзя было лучше польстить ему, какъ сказавъ, что онъ, по выговору, привычкамъ своимъ и наружности, представляетъ совершеннѣйшій типъ француза или англичанина. Не имѣя понятія о самыхъ глав-

ныхъ основныхъ фактахъ отечественной исторіи, — фактахъ, извѣстныхъ почти каждому школьнику, не прочитавъ во всю жизнь ни одной русской книги, потому что, какъ самъ онъ говорилъ, вся русская литература не стоила маленькой комедіи Октава Фелье или пословицы Мюссе, оставаясь такъ же равнодушенъ, какъ какой нибудь японецъ, къ самымъ живымъ событіямъ, совершающимся въ отечествѣ, — онъ въ то же время съ неимовѣрною жадностію поглощалъ иностранныя газеты, revue и брошюры.

Трудно найти человѣка, который былъ бы сильнѣе Ипатова, когда рѣчь заходила объ административномъ, политическомъ или финансовомъ вопросѣ въ Европѣ. Онъ зналъ имена всѣхъ замѣчательныхъ дѣятелей континента и Британіи и могъ сообщать мельчайшія подробности изъ ихъ біографіи. Пренія верхней и нижней платы, виды англійской политики, подробности касательно борьбы виговъ и тори, направленіе наполеоновской политики, отношеніе французскаго государства къ восточному и итальянскому вопросу, политическое состояніе Австріи и Германіи,—все это занимало Ипатова и дѣйствительно знакомо было ему въ той самой степени, какъ мало знакома была Россія и вообще все отечественное.

Всего замѣчательнѣе, что Ипатовъ никогда не бывалъ за границей; всю свою жизнь провелъ онъ въ Петербургѣ, изрѣдка посѣщая Москву, чтобы повидаться съ теткой, надъ которой громко всегда смѣялся, называя ее княгиней Халдиной.

Онъ проводилъ время, читая или рыская по гостинымъ, гдѣ, на изящнѣйшемъ французскомъ нарѣчіи, разсказывалъ о ходѣ современныхъ европейскихъ дѣлъ, и каждый разъ, какъ представлялся случай, проливалъ потоки жолчи, костя на чемъ свѣтъ стоитъ Россію.

Предположеніе, будто основаніемъ жолчи служило оскорбленное самолюбіе, совершенно несправедливо; съ самой юности до настоящаго времени, не произошло съ Ипатовымъ рѣшительно ничего такого, что, хотя бы кончикомъ волоска, могло задѣть его самолюбіе. Другіе слагали причину его жолчи и раздражительности на бѣд-

ность, которую скрывалъ Ипатовъ тщательнѣе своихъ пороковъ, но и это неосновательно; Россія виновата была въ этомъ, конечно, никакъ не болѣе Англіи, Франціи, Германіи, и т. д.

Въ послѣднее время Ипатовъ сдѣлался еще замѣтно терпимѣе; прежде онъ былъ рѣшительно невыносимъ. Манія его къ чужеземному доходила до того, что онъ никогда ни съ кѣмъ не хотѣлъ слова сказать по-русски; такъ напримѣръ, во время, обѣда, желая выпить стаканъ воды, онъ обращался всегда къ сосѣду и говорилъ по-французски: «Сдѣлайте милость, скажите лакею, чтобы налилъ мнѣ воды!»

Я самъ лично былъ свидѣтелемъ такого факта; хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ!

XXXIII.

— Я давно слышалъ, продолжалъ Слободской, закуривая новую сигару и опрокидываясь на спинку креселъ:—будто вся эта дикость, недобросовѣстность,—словомъ, весь этотъ нравственный упадокъ народа происходитъ отъ крѣпостного состоянія; я не защищаю его,—нѣтъ; но все-таки желательно бы знать, подхватилъ онъ. пуская струю дыма: — почему, несмотря на крѣпостное состояніе, которое началось не на прошлой недѣлѣ, въ прежнее время все шло какъ-то исправнѣе; самый народъ былъ лучше и нравственнѣе?..

— Полно, пожалуйста, Слободской! съ жаромъ заговорилъ бѣлокурый молодой человѣкъ, до сихъ поръ ходившій молча по кабинету. — Удивляюсь только, какъ можешь ты это говорить! Что теперь худо, — никто въ этомъ не сомнѣвается; но что прежде было хуже, — это такъ же вѣрно, какъ то, что ты теперь въ Малой Морской: дѣло въ томъ, что прежде жили мы въ невѣдѣніи счастливомъ, какъ говорится,—о Россіи понятія не имѣли; все было отъ насъ шито да крыто: теперь начинаемъ мы мало-по-малу съ ней знакомиться...

Ипатовъ прислушивался къ рѣчи молодого человѣка.

какъ къ чему-то очень забавному и вмѣстѣ съ тѣмъ достойному сожалѣнія; онъ считалъ всегда, что знакомство съ Россіей достигнуто въ совершенствѣ, когда произнесешь слово — «тундра»; по его мнѣнію, это легче было, чѣмъ выкурить папироску.

— Да, я утверждаю, подхватилъ тотъ же молодой человѣкъ съ прежнимъ оживленіемъ: — всему виновато крѣпостное состояніе; только оно одно могло постепенно привести въ такой упадокъ нравственность крестьянина...

— Эхъ, досадно, право, слушать, сказалъ, нетерпѣливо вставая, плотный кавалерійскій ротмистръ съ рыжими бакенами, расходившимися вѣеромъ:—у меня даже кровь въ голову бросается, когда онъ начинаетъ проповѣдывать! Знаете ли вы, Лиговской, что русскій мужикъ во сто кратъ счастливѣе меня съ вами,—да-съ!..

— Вотъ это прекрасно...

— Да, счастливѣе! подхватилъ ротмистръ, багровѣя.— Что ему дѣлается! Хлебаетъ себѣ щи, пичкаетъ съ утра до вечера пироги и сметану, да на печкѣ валяется... А тутъ, подлѣ, жена... какая нибудь толстая, бѣлая, румяная баба...

Всѣ засмѣялись, кромѣ Лиговского.

— Превосходно знаете вы, стало быть, положеніе нашего простолюдина, произнесъ онъ:—не только не ѣстъ онъ пироговъ, но часто нечѣмъ печь истопить,—ту печь, на которой, по словамъ вашимъ, онъ весь день валяется!.. Слава Богу, мы начинаемъ теперь иначе смотрѣть на вещи; я думаю, нѣтъ теперь человѣка, который не ждалъ бы ото всей души скораго уничтоженія крѣпостного права; я увѣренъ, что какъ только...

— Лиговской! Лиговской!.. смѣясь, закричалъ хозяинъ дома, указывая на верхній косякъ двери:—Лиговской, посмотри... Ты, кажется, знаешь правило!..

Къ верхнему косяку пришпиленъ былъ булавкой кусокъ бумаги съ крупною надписью: «Здѣсь не говорятъ объ эманципаціи!»

— Скажи-ка лучше, подхватилъ Слободской: — ты, который часто видишься съ Берестовымъ,—разыгралъ ли

онъ свою комедію, разошелся ли наконецъ со своей танцоркой?

— Нѣтъ, каждый день ссорятся, расходятся, потомъ мирятся и снова сходятся, — совершенно какъ старый Исакіевскій мостъ, отвѣчалъ разсѣянно Лиговской:— мнѣ кажется, они вѣкъ проживутъ такимъ образомъ.

— Съ этими барынями всегда легче сойтись, чѣмъ разойтись... сказалъ Слободской.—Сначала онѣ ни за что какъ будто не хотятъ начинать; потомъ, какъ начнутъ, ни за что не хотятъ кончить! Это всегдашняя исторія... Скажи, пожалуйста, ну а графъ Пирхъ все еще влюбленъ?

— Развѣ онъ у тебя не бываетъ?

— Бываетъ, но только давно что-то блистаетъ своимъ отсутствіемъ.

— Влюбленъ по-прежнему! Утромъ проѣзжаетъ своихъ лошадей мимо ея оконъ; въ шесть часовъ вечера провожаетъ ея карету до театра; послѣ театра торчитъ на театральномъ подъѣздѣ...

— Но какъ дѣло его? идетъ успѣшно?

— Кажется; не знаю только, чѣмъ кончится.

Ничѣмъ не кончится! замѣтилъ ротмистръ:—Пирхъ въ конецъ промотался,—даромъ что нѣмецъ; говорятъ, онъ даже долговъ не платитъ...

— Ну, это еще не доказательство! Долги платятъ теперь одни только наслѣдники... и то въ первое время своего богатства... Увидите, господа, Пирхъ достигнетъ своей цѣли; тамъ, гдѣ другой беретъ браслетами, Пирхъ возьметъ терпѣніемъ... И наконецъ, что-жъ мудренаго: оба они могутъ быть влюблены другъ въ друга...

— Какая тутъ любовь! перебилъ Лиговской, съ тѣмъ же самымъ жаромъ, какъ говорилъ объ эманципаціи и состояніи народа:—какая любовь!—если есть что нибудь у нихъ,—такъ просто обмѣнъ двухъ капризовъ.

— Ну, прощайте, господа! сказалъ Ипатовъ, приподымаясь съ кушетки:—какъ скоро рѣчь зашла о балетѣ и театрѣ, вы, по обыкновенію, никогда не кончаете:—прощайте, Слободской!..

— Прощайте! я тоже ухожу, вымолвилъ ротмистръ,

пристегивая палашъ: — ты не забылъ, Слободской, что обѣщалъ сегодня Острейху пріѣхать посмотрѣть его лошадей?

— Нѣтъ; но стòитъ-ли? Хороши-ли лошади?

— Знатные есть кони! Я купилъ у него верховую.

— Доволенъ?

— Не совсѣмъ... Лошадь во всѣхъ статьяхъ красива, проговорилъ ротмистръ, насупливая брови:—но я погорячился; нахожу въ ней сухость какую-то въ аллюрѣ; своего, природнаго въ ней мало... Понимаешь, братецъ, — нѣтъ подъ сѣдломъ фантазіи; фантазіи нѣтъ! Такъ ты пріѣдешь?

— Да, въ три часа, какъ обѣщалъ, отвѣчалъ Слободской, поглядывая на булевскіе часы, украшавшіе каминъ.

XXXIV.

Выходя изъ кабинета, Ипатовъ и ротмистръ встрѣтили въ дверяхъ камердинера, который несъ на подносѣ нѣсколько конвертовъ, запечатанныхъ казенною печатью.

— Сейчасъ съ почты принесли, проговорилъ камердинеръ, подавая ихъ барину.

Слободской распечаталъ одну повѣстку за другою, бѣгло взглянулъ на цифру, потомъ придвинулся къ столу, черкнулъ на обратной сторонѣ довѣренность на имя камердинера и велѣлъ ему, не медля ни минуты, съѣздить сначала въ полицію для удостовѣренія подписи, потомъ въ почтамтъ для полученія денегъ.

Камердинеръ вышелъ.

Въ общей сложности, повѣстки объявляли о полученіи изъ разныхъ губерній суммы въ пять тысячъ. Слободской ждалъ гораздо больше: въ другое время онъ жестоко-бы разсердился и тотчасъ-же написалъ-бы громовое письмо въ главную свою контору. Но нынѣшнее утро застало его въ хорошемъ расположеніи духа. Это обстоятельство спасло главную контору, а слѣдовательно и все, что находилось въ ея зависимости, отъ передрягъ, суеты, безпокойствъ и даже притѣсненій всякаго рода.

Слезно прибѣгаемъ къ провидѣнію, моля его продлить хорошее расположеніе духа Аркадія Андреевича Слободского.

— Слушай, Лиговской, сказалъ Слободской, поворачивая кресла къ молодому человѣку, который стоялъ спиною къ камину, расправивъ въ обѣ стороны фалды сюртука: — я ждалъ ухода Ипатова и милѣйшаго изъ ротмистромъ, чтобы пригласить тебя сегодня въ ложу.

— Спасибо; все та же ложа — литера Ц съ лѣвой стороны?

— Да. Такъ ты пріѣдешь?

— Непремѣнно; но скажи, пожалуйста, весело подхватилъ Лиговской; — какъ идутъ твои собственныя дѣла съ маленькой Никошиной?.. О другихъ ты распрашиваешь, о себѣ никогда ничего не скажешь...

— Мои дѣла, смѣясь, возразилъ Слободской: — мои дѣла пока еще въ будущемъ! Они ограничиваются, утромъ,— прогулкою по Театральной улицѣ...

— Говорятъ — улица любви! съ комическимъ укоромъ подсказалъ Лиговской: — вступивъ въ кругъ театраловъ, ты долженъ говорить ихъ языкомъ и называть вещи настоящимъ ихъ именемъ.

— Вечеромъ, когда балетъ, продолжалъ Слободской: — сижу въ ложѣ, гдѣ у насъ происходитъ стрѣльба..

— Которая, прибавь, идетъ очень удовлетворительно; въ прошлый вторникъ, я сидѣлъ въ креслахъ; едва вошелъ ты въ ложу, — она не спускала съ тебя глазъ; стоя за кулисами, она также исправно на тебя пострѣливала... Прелесть, какая миленькая дѣвочка! Но я не объ этомъ... Мнѣ хотѣлось узнать, не приступишь-ли ты къ болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ?

— Нѣтъ еще; до сихъ поръ не могъ даже хорошенько узнать, если-ли у нея какая нибудь родственная обстановка...

— Да, это статья не послѣдняя!

— Еще бы!

— Надо-бы попросить барыню Берестова разузнать объ этомъ... Но, впрочемъ, вотъ и Димъ! спроси у него.— Здравствуй, Димъ!..

XXXV.

Восклицаніе это относилось къ молодому человѣку лѣтъ двадцати-трехъ, худенькому, тщедушному, но съ пріятнымъ лицомъ, исполненнымъ огня и одушевленія, не совсѣмъ обыкновенныхъ. Въ юношѣ этомъ было что-то особенное,—какая-то внутренняя притягательная сила, которая невольно влекла къ нему и располагала въ его пользу.

Онъ дѣйствительно любимъ былъ всѣми, кто только зналъ его,—начиная съ лицъ высшаго общества, къ которому принадлежалъ онъ, и кончая скромными кружками бѣдныхъ студентовъ и художниковъ. Лучшимъ доказательствомъ хорошей природы его служило то, что всеобщее баловство и своего рода популярность не имѣли на него никакого дѣйствія; онъ былъ скромнѣе, проще и добродушнѣе многихъ, никому невѣдомыхъ юношей, съ которыми водилъ дружбу и которая, скажемъ мимоходомъ, сильно не нравилась его отцу, матери и другимъ родственникамъ.

Предразсудки и обстоятельства его окружавшіе служили съ раннихъ лѣтъ преградою всѣмъ его стремленіямъ, не дали развиться ни одному изъ его талантовъ, лишили его всякаго направленія; онъ ни на чемъ не остановился. А между тѣмъ, уже по одному тому, за что брался онъ иногда, — видно было, что̀ могло бы выйти изъ него при другихъ условіяхъ. Никогда не учась рисовать, онъ набрасывалъ эскизы и композиціи, которые обличали богато-одаренное воображеніе и сильное артистическое чутье; не учась никогда музыкѣ, онъ бѣгло разыгрывалъ à livre ouvert какіе угодно пассажи, игралъ на память цѣлыя оперы; врожденное музыкальное дарованіе высказывалось въ его вкусѣ, въ способности быстро понимать и сильно чувствовать истинно хорошее,—даже въ манерѣ пѣть романсы, которые передавалъ онъ часто лучше многихъ извѣтныхъ артистовъ. Артистическая природа еще сильнѣе выказывалась въ его разговорѣ, отличавшемся живописностью и пластикой; двумя-тремя мѣткими выраженіями умѣлъ онъ обрисовать живую фигуру или перенести слу-

шателя въ тотъ кругъ, который хотѣлъ изобразить. Принимаясь за книгу случайно, урывками, онъ прочелъ очень много: и здѣсь точно также выборъ его — показывалъ вкусъ и вѣрное чутье. Словомъ, еслибъ раздѣлить дарованія этого юноши между пятью французами и пятью англичанами,—вышло бы навѣрное десять замѣчательныхъ людей. Изъ Дима ничего не вышло; вышелъ только милый, умный, занимательный малый, который съ шестнадцати лѣтъ рисовалъ карикатуры въ альбомы барынь высшаго круга, пѣлъ романсы и цыганскія пѣсни въ обществѣ камелій, былъ необходимымъ членомъ всѣхъ холостыхъ обѣдовъ и попоекъ, являлся на всѣхъ загородныхъ гуляньяхъ, скачкахъ и празднествахъ, на всѣхъ вечерахъ и пикникахъ съ актрисами, лоретками и цыганками, — гдѣ снова пѣлъ романсы, танцовалъ, произносилъ комическіе спичи и пилъ на равнѣ съ самыми застарѣлыми питуками веселыхъ сборищъ.

Папенька его, въ это время, неизбѣжно сидѣлъ въ англійскомъ клубѣ, гдѣ провелъ болѣе двадцати лѣтъ своего существованія; маменька, которой давно минуло за сорокъ, сидѣла въ театрѣ, или разряженная въ пухъ и прахъ, въ manches courtes и décolletée, вертѣлась на какомъ нибудь балѣ, окруженная роемъ молодыхъ людей, въ числѣ которыхъ одинъ особенно отличался всегда своимъ постоянствомъ.

Димъ, настоящее имя котораго было Дмитрій, а фамилія графъ Волынскій, — вошелъ не одинъ къ Слободскому. Его сопровождалъ тоже молодой человѣкъ, но только плотный, коренастый, съ крутыми огромными икрами, выпяченной грудью, коротенькой шеей и шарообразною головою, обстриженной подъ гребенку. Господинъ этотъ, по фамиліи Свинцовъ, былъ фанатическимъ поклонникомъ Волынскаго; онъ точно влюбленъ былъ въ него до идіотства; онъ не отставалъ отъ него ни на шагъ, стремительно летѣлъ туда, гдѣ могъ быть Волынской, — словомъ, не могъ безъ него обходиться; каждое слово Волынскаго, каждая его выходка, каждая плохая острота имѣли свойство приводить Свинцова въ восторгъ и восхищенье неописанные.

— Здравствуй, Димъ! ты какъ нельзя кстати, ска-

залъ Слободской, здороваясь съ Волынскимъ и пожимая руку Свинцову, котораго называлъ всегда субъектомъ, вполнѣ достойнымъ своей фамиліи: — мы говорили здѣсь съ Лиговскимъ о Фанни Никошиной...

— За которой онъ звѣрски ухаживаетъ, хотя и скрываетъ это! подсказалъ Лиговской.

— Положимъ!.. перебилъ Слободской. — Я до сихъ поръ не знаю, есть ли у ней родня какая нибудь, папенька, маменька, бабушки, тетушки и т. д., проговорилъ онъ съ комической интонаціей.

— Если ты точно влюбленъ — не испытывай, пожалуйста, моей деликатности, сказалъ Димъ, улыбаясь: — спроси лучше, хорошенькія ли у ней ножки; мнѣ въ тысячу разъ пріятнѣе будетъ тебѣ отвѣтить...

— О ея ножкахъ я и безъ тебя знаю!.. Изъ того, что ты говоришь, я долженъ слѣдовательно заключить, что Фанни обременена многочисленнымъ и вдобавокъ, что всего прискорбнѣе, добродѣтельнымъ семействомъ...

Вмѣсто отвѣта, Волынскій подошелъ къ роялю, сѣлъ на табуретъ и взялъ нѣсколько акордовъ.

Свинцовъ засуетился, поспѣшно поставилъ каску и подошелъ къ роялю.

— Я лучше спою вамъ вещь, которую оба вы, и ты, и Лиговской, вѣрно не слыхали...

— О, это превосходно!.. Восхитительно!.. Какъ онъ поетъ это, господа!.. Послушайте, это просто — просто восхитительно! произнесъ Свинцовъ, сіяя весь съ головы до ногъ безсмысленнымъ восторгомъ.

— Свинцовъ, я уже сказалъ тебѣ разъ навсегда: — меньше восторга и больше скромности въ отношеніи ко мнѣ, сказалъ Волынскій, откашливаясь.

— Что это такое? спросили Лиговской и хозяинъ дома.

— «La Chanson du pain» Пьера Дюпона:

«Quand dans l'air et sur la rivière
De moulins se tait le tic-tac —»

— Слушайте!

Но не успѣлъ онъ спѣть первой фразы, какъ въ кабинетѣ неожиданно явилось новое лицо.

XXXVI.

На этотъ разъ предсталъ господинъ лѣтъ уже подъ пятьдесятъ, высокій, плотный, въ черномъ сюртукѣ, застегнутомъ на всѣ пуговицы, по военному. Лицо его, брюзглое и морщинистое, какъ печеное яблоко, украшалось сверху коротко обстриженными волосами, по срединѣ, круто завинченными усами; и то, и другое было такъ дурно выкрашено черною краской, что всюду просвѣчивала сѣдина и рыжеватый корень; золотые очки и коричневыя перчатки, которыя такъ были широки, что сами собою сползали съ пальцевъ, дополняли его наружный видъ.

— А, князь! закричали присутствующіе въ одинъ голосъ.

— «Bonjour!» отвѣчалъ съ какимъ-то недовольнымъ, нахмуреннымъ выраженіемъ князь, поочередно пожимая всѣмъ руки.

— Что съ вами? Вы сегодня, кажется, не въ духѣ? спросилъ Слободской.

— Нѣтъ... Ничего... возразилъ князь, насупливая брови.

— Полно врать, пожалуйста! крикнулъ Волынскій, который со всѣми рѣшительно, даже съ дряхлыми стариками, былъ на ты: всѣ знаютъ, что такое!..

— Если знаете, стало быть, спрашивать нечего! сухо возразилъ князь, принимаясь ходить изъ угла въ уголъ по кабинету.

— Самъ разсуди, братецъ, началъ Волынскій, умышленно-серьезнымъ тономъ:—какъ же ты хочешь, чтобы Фисочка Вишнякова, которой, скажемъ мимоходомъ, протежируешь ты чортъ-знаетъ изъ чего, нашла себѣ обожателя? Не самъ ли ты увѣрилъ ее, что у нея есть талантъ, бѣгалъ къ театральному начальству и хлопоталъ, чтобы перевели ее изъ балета въ Александринскій театръ; кто ее тамъ увидитъ? Останься она въ балетѣ— другое дѣло!.. И наконецъ, талантъ ея совсѣмъ не изъ тѣхъ, который можетъ обратить на нее вниманіе...

— Совсѣмъ не о талантѣ рѣчь! съ жаромъ загово-

рилъ князь: — я говорю только, — вотъ дѣвушка съ самыми блистательными условіями, молоденькая, хорошенькая, ангельски-кроткаго характера, не имѣющая никакого родства, кромѣ старой бабушки, которая безвыѣздно живетъ въ Кронштадтѣ, и при всемъ томъ, дѣвушка эта никого не находитъ, кто бы обратилъ на нее вниманіе! Да знаете ли вы: elle n'a pas de chemises! понижая голосъ и съ сильнымъ драматическимъ оттѣнкомъ, добавилъ князь, не замѣчавшій, что присутствующіе переглядывались и посмѣивались.

— Ну, такъ купи ей дюжину рубашекъ — и дѣлу конецъ! сказалъ Волынскій.

— Не могу же я одѣвать всю дирекцію! возразилъ князь патетически: — да, господа, это просто срамъ! подхватилъ онъ съ возраставшимъ негодованіемъ. — Въ прежнее время этого бы не случилось! Нынѣшняя молодежь — просто дрянь!.. Да!.. Это какія-то вялыя сосульки, и больше ничего! Я не могу говорить... объ этомъ равнодушно... Это... просто чортъ-знаетъ что такое!

Всего замѣчательнѣе было то, что князь въ негодованіи своемъ былъ какъ нельзя болѣе искрененъ. Проведя болѣе тридцати лѣтъ въ театральномъ обществѣ, въ пользу котораго отказался отъ своего собственнаго, онъ такъ съ нимъ сблизился и сроднился, такъ усвоилъ себѣ закулисную точку зрѣнія, что не шутя принималъ къ сердцу судьбу каждой неустроенной молоденькой танцовщицы или актрисы; онъ бился и хлопоталъ изо всей мочи, чтобы какъ нибудь уладить дѣло. Для этого онъ давалъ у себя обѣды, устраивалъ танцовальные вечера, куда приглашалась молодежь и театральныя дамы, сочинялъ пикники, составлялъ въ лѣтнее время разныя увеселительныя прогулки, катанья въ лодкахъ, и проч. и проч. Князь крестилъ почти во всѣхъ устроенныхъ имъ семействахъ. Когда съ его точки зрѣнія, — которая, какъ мы уже сказали, была закулисная точка зрѣнія, — удавалось ему устроить судьбу какой нибудь Ашеньки, Пашеньки или Глашеньки, онъ на нѣсколько дней совершенно перерождался расправлялъ брови, не переставалъ мурлыкать подъ носъ какія-то пѣсеньки и крѣпко

потиралъ ладонями отъ восхищенья; весело постукивая тростью по плитамъ невскаго тротуара, князь подходилъ тогда къ каждому знакомому и, радостно потирая руками, произносилъ: — «L'affaire est arrangée! Nous avons baclé l'affaire!»

XXXVII.

— Знаешь, князь, сказалъ Волынскій, перебирая клавиши:—не шутя тебѣ совѣтую, — напусти-ка ты стараго Галича на свою protegée...

— Ну его, стараго шута!

— Представьте, господа, этотъ старикашка, Галичъ, не шутя, кажется, рехнулся! сказалъ Волынскій.—Вчера сидѣлъ я съ нимъ въ ложѣ князя; на сцену выходитъ Цвѣткова; клянусь вамъ, она ни разу на насъ не взглянула; напротивъ, умышленно даже отворачивалась; князь, который на томъ свѣтѣ отвѣтитъ за Галича, потому что первый втравилъ его въ театръ и волокитство, — князь говоритъ ему: — «ты ничего не замѣчаешь, она съ тебя глазъ не сводитъ!» Смотрю, Галичъ закрылъ вдругъ глаза, припалъ головою къ перегородкѣ ложи и, пожимая намъ нѣжно руки, проговорилъ глухимъ, потухающимъ голосомъ:—«merci, merci!..»

Всѣ засмѣялись. Самъ князь улыбнулся, и съ той минуты словно повеселѣлъ.

— Но лучше всего, это исторія съ поэмой...

— Какой поэмой? спросилъ Лиговской.

— Какъ! развѣ ты не знаешь?

— Нѣтъ.

— Галичъ, котораго опять-таки подбилъ князь,—сунулся на подъѣздъ актеровъ послѣ спектакля и сказалъ Цвѣтковой какой-то комплиментъ... Та что-то ему отвѣтила, надо думать пріятное, потому что Галичъ въ тотъ же вечеръ полетѣлъ къ старухѣ, сестрѣ своей, и наотрѣзъ объявилъ ей о своемъ намѣреніи жениться на Цвѣтковой! Бѣдная старуха, говорятъ, покатилась на диванъ, и часа два не могли привести ее въ чувство... Дня четыре назадъ, сидимъ мы послѣ обѣда у князя,—является

Галичъ. Въ жизни не видалъ я болѣе уморительной и вмѣстѣ съ тѣмъ жалкой фигуры...

Волынскій подогнулъ колѣни, повѣсилъ голову на бокъ и такъ поразительно живо представилъ Галича, — что всѣ снова разразились смѣхомъ.

— Князь, которому Галичъ сообщилъ уже свою поэму въ честь Цвѣтковой, началъ его упрашивать прочесть намъ ее; я думалъ, старикъ начнетъ ломаться, — ничуть не бывало! Онъ беретъ восторженную, самодовольную позу и начинаетъ декламировать... Больше всего, промолвилъ, смѣясь, Волынскій:—больше всего понравились мнѣ слѣдующіе стихи:

«Я на Араратъ ее поставлю,
И весь міръ думать заставлю:
— Вотъ та, которую я люблю!!».

— Не правдали, это прелесть! я тотчасъ же и музыку сочинилъ.., Что-то торжественное, во вкусѣ марша Черномора изъ «Руслана и Людмилы»... заключилъ Волынскій, подходя къ роялю въ сопровожденіи Свинцова.

— Пой, я пока одѣнусь: меня ждутъ въ три часа, сказалъ Слободской, направляясь къ уборной.

Онъ возвратился однакожъ, увидѣвъ камердинера, входившаго съ толстыми пакетами, запечатанными пятью печатями.

Слободской сорвалъ обертки, положилъ деньги въ столъ и, заперевъ его ключикомъ, который носилъ всегда въ карманѣ,—ушелъ въ уборную.

Въ продолженіе четверти часа долетали до его слуха звуки фортепіано и пѣніе, прерываемое время отъ времени криками—«браво» и громкимъ хлопаньемъ.

— Господа, произнесъ Слободской, выходя въ кабинетъ совсѣмъ уже одѣтый: — я предлагаю вамъ сдѣлать мнѣ сегодня маленькое удовольствіе... Сегодня, какъ вамъ извѣстно,—балетъ; пріѣзжайте всѣ ко мнѣ въ ложу; ложа обыкновенная—литера Ц съ лѣвой стороны.

— Господа, вмѣшался Лиговской:—отказать ему нѣтъ возможности! Знаете сами, какой день сегодня: сегодня Фанни Никошина, — нечего объяснять вамъ, какое значеніе имѣетъ она для хозяина дома сего, — Фанни тан-

цуетъ сегодня свое первое па... Это нѣкоторымъ образомъ ея дебютъ!

— Еще бы! непремѣнно! Просить нечего! заговорили присутствующіе, съ участіемъ окружая Слободского, который смѣялся, какъ человѣкъ, кому ничего больше не оставалось дѣлать.

— Господа, да будетъ вамъ извѣстно, сказалъ окончательно развеселившійся князь:—я пріѣду въ ложу первымъ; безъ букета никто не впускается; «c'est de rigeur!»

— Спасибо, князь! вымолвилъ Слободской:—я прошу васъ объ этомъ, господа, не столько для своихъ цѣлей, сколько, не шутя, для того, что надо же поощрить молоденькій, начинающій талантъ.

— Знаемъ! знаемъ! замѣтилъ Волынскій.

Всѣ снова засмѣялись.

Слободской позвонилъ, открылъ ящикъ въ столѣ и вынулъ нѣсколько ассигнацій.

— Сходи сію же минуту къ Казанскому собору въ цвѣточную лавку, сказалъ онъ, подавая деньги вошедшему камердинеру:—спроси два лучшихъ букета изъ бѣлыхъ камелій,—не забудь: бѣлыхъ камелій! Скажи только хозяину: для господина Слободского,—онъ знаетъ! А что, коляска готова?

— Готова.

— Ну, господа, извините; надо ѣхать; далъ слово, заключилъ онъ, поглядывая на часы.

Всѣ взялись за шляпы и вышли изъ кабинета вмѣстѣ съ хозяиномъ дома.

XXXVIII.

Острейхъ жилъ въ Сергіевской. Слободской проскакалъ слѣдовательно по всему Невскому и Литейной въ тотъ часъ именно, когда на первой изъ этихъ улицъ, даже въ дурную погоду, бываетъ особенно людно. Коляска Слободского произвела свой всегдашній эффектъ.

Онъ имѣлъ обыкновеніе выѣзжать на страшной парѣ вороныхъ, которыхъ охотники называли «чертями и дья-

волами», а остальные смертные — «лошадьми непозволительнаго свойства»,—и при этомъ всегда бранили полицію, позволяющую скакать по городу во всѣ лопатки. Такія жалобы не совсѣмъ были справедливы; полиція нисколько не была виновата, что коляска Слободского опрокидывала извощичьи дрожки, разъ задѣла четырехъ подмастерьевъ со шкафомъ на головѣ, а разъ совсѣмъ сбила съ ногъ и чуть не задавила какую-то старушку, проходившую черезъ улицу. Полиція неоднократно отбирала лошадей у Слободского. Слободской ограничивался тѣмъ, что смѣнялъ кучера, покупалъ новую отличную пару, промѣнивалъ ее на свою прежнюю, и снова «черти и дьяволы» появлялись на Невскомъ.

Слободской вовсе не думалъ встрѣтить у Острейха многочисленную компанію. Когда онъ пріѣхалъ, общество находилось въ конюшнѣ; тамъ началась уже выводка и продажа.

На свою долю Слободской купилъ маленькаго англійскаго пони; онъ вовсе не былъ ему нуженъ, но такъ ужъ пришлось, — съ языка сорвалось, какъ говорится. Пріобрѣтеніе пони внушило Слободскому мысль заказать легонькій кабріолетъ, въ которомъ, не обременяя маленькаго коня и сидя только съ грумомъ, можно было бы ѣздить въ лѣтнее время на острова и посѣщать мысъ Елагина острова. Съ такою мыслью, Слободской, привыкшій исполнять свои прихоти и фантазіи тотчасъ же, не откладывая минуты, отправился къ своему каретнику.

Оттуда проѣхалъ онъ въ Большую Милліонную къ сестрѣ, съ которой не видался болѣе восьми дней.

Сестра его была женою великолѣпнаго, блистательнаго господина, который задавалъ каждую зиму роскошные балы и праздники, куда съѣзжался весь городъ, но который вмѣстѣ съ тѣмъ сидѣлъ постоянно безъ гроша денегъ, такъ что въ послѣдніе два года, несмотря на строжайшія предписанія докторовъ, не находилъ никакой возможности отправить жену и дѣтей въ Гапсаль для излеченія здоровья.

Отъ сестры Слободской проѣхалъ къ одной свѣтской дамѣ, которой говорилъ «вы» при мужѣ и «ты», когда

супругъ находился въ отсутствіи. Онъ ѣхалъ къ ней единственно съ тою цѣлью, чтобы только показаться на глаза и этимъ способомъ избавить себя, хоть на время, отъ преслѣдованій и длинныхъ писемъ, исполненныхъ опасеній, упрековъ, и часто, — что было всего невыносимѣе, — писемъ закапанныхъ слезами. Связь эта, продолжавшаяся всего десять мѣсяцевъ, но стоившая ему три года постоянныхъ и почти безнадежныхъ ухаживаній,—страхъ теперь ему прискучила и была въ тягость. Онъ бросился въ театральство и распускалъ слухъ о волокитствѣ за маленькой Фанни, въ той надеждѣ, что это, по всей вѣроятности, дойдетъ до дамы его сердца и ускоритъ между ними разрывъ.

Узнавъ отъ швейцара, что барина нѣтъ дома, но барыня принимаетъ, Слободской, который прежде послѣ такого извѣстія радостно взбѣгалъ по лѣстницѣ,— страшно теперь надулся. Онъ надулся еще болѣе, заставъ барыню совершенно одну. — «Хоть бы лакей какой-нибудь торчалъ въ дверяхъ!..» досадливо подумалъ онъ, ожидая начала докучливыхъ объясненій. Онъ не ошибся; дѣйствительно, началась одна изъ тѣхъ сценъ, когда женщина, чувствуя себя оскорбленною, но столько еще любящая, что мысль о разлукѣ тяжелѣй всего переносится, забываетъ вдругъ всю мелочь самолюбія и явно, нескрываясь, отдается своему горю. Но странно, чѣмъ справедливѣе были ея упреки, чѣмъ обильнѣй лились слезы, тѣмъ болѣе и болѣе ожесточалось сердце Слободского, тѣмъ сильнѣе разгоралось въ его груди чувство досады и даже злобы. Наконецъ онъ всталъ, произнесъ мелодраматическимъ тономъ:—«Encore des larmes, Madame! Encore des reproches! C'est horrible vraiment!..»—и торопливо вышелъ.

Онъ заѣхалъ еще въ два дома, чтобы оставить карточку, и велѣлъ везти себя какъ можно скорѣе въ Малую Морскую. Ему оставалось ровно столько времени, чтобы успѣть переодѣться. Онъ ѣхалъ на полу-офиціальный имянинный обѣдъ, который можно было бы назвать обѣдомъ проклятій, потому что тотъ, кто давалъ обѣдъ, проклиналъ его еще за три дня,—и тѣ, которыхъ звали, также проклинали его въ свою очередь.

Тѣмъ не менѣе обѣдъ прошелъ какъ нельзя лучше, хозяинъ и хозяйка дома были очаровательно любезны; гости также, и всѣ весело встали изъ-за стола, помышляя объ одномъ только: какъ бы поскорѣе удрать, не обижая хозяина, который съ своей стороны думалъ: какъ бы только поскорѣе освободиться!

Слободской ускользнулъ первымъ. Онъ заѣхалъ опять домой и снова переодѣлся.

— Въ Большой театръ! закричалъ онъ, влѣзая въ карету, которая стремглавъ понеслась, едва захлопнулись дверцы.

XXXIX.

Туманъ, который опустился на Петербургъ часамъ къ семи, былъ такъ густъ, что карета нѣсколько разъ должна была останавливаться, — частью, чтобы не налетѣть на другіе экипажи, катившіе по тому же направленію, — частью потому также, что лошади скользили и спотыкались на торцѣ, увлаженномъ сыростью. На театральной площади было еще хуже. Сотни экипажей стремительно неслись на площадь и храбро врѣзывались въ туманную мглу, которая ходила волнами и постепенно сгущалась; ничего нельзя было различить. Слышались только со всѣхъ сторонъ крики, неистовый грохотъ колесъ и быстрый лошадиный топотъ.

Бо́льшей возни и суматохи не могло быть, кажется, на днѣ Краснаго моря, когда волны его, разступившись стѣною, вдругъ сомкнулись и закрыли Фараоново войско.

Все это выпутывалось какимъ-то чудомъ и подкатывало къ ярко-освѣщеннымъ подъѣздамъ. Изъ экипажей поминутно выходили воздушныя, какъ сильфиды, дамы, которыя быстро исчезали въ дверяхъ, распространяя въ воздухѣ тонкій, благоухающій запахъ фіалки, ess-bouquet и геліотропа. Въ коридорахъ было почти такъ же жарко, какъ было сыро и холодно на улицѣ. Тамъ уже съ трудомъ можно было двигаться. Львы и денди всѣхъ возможныхъ возрастовъ и слоевъ общества, офицеры всѣхъ возможныхъ полковъ, дамы, молоденькія и старыя, въ

бальныхъ нарядахъ, ливрейные лакеи и капельдинеры, —все это двигалось взадъ и впередъ, взбиралось по лѣстницамъ и хлопало дверьми ложъ и партера.

Въ залѣ, наводненной свѣтомъ, было еще шумливѣе. Поминутно, то тутъ, то тамъ, ряды ложъ унизывались хорошенькими женщинами, блиставшими своими нарядами, плечами и драгоцѣнными каменьями. Хорошо было, что съ перваго взгляда доставлялась возможность вѣрно судить о томъ, чѣмъ именно слѣдовало любоваться; выставлялось только то, что дѣйствительно заслуживало вниманія; здѣсь, при всемъ желаніи усмотрѣть что нибудь другое,—можно было видѣть одну только профиль; тутъ показывалась на всеобщее удивленье часть спины, отъ которой рябило въ глазахъ и сладко вздрагивало сердце; тамъ поражала чудная бѣлизна руки съ обнаженнымъ локтемъ, который привлекательно лоснился на красномъ бархатѣ перилъ. Иногда въ той или другой ложѣ усаживалась въ кресло ветхая фигура, представлявшая одну груду драгоцѣнныхъ камней, которые блескомъ своимъ привлекали на минуту всеобщее вниманіе.

Въ глубинѣ ложъ, не считая постоянныхъ лицъ, общество то-и-дѣло смѣнялось; множество мужчинъ, старыхъ и молодыхъ, со звѣздами и безъ звѣздъ, статскихъ и военныхъ, желая до начала представленія воспользоваться свободнымъ временемъ, спѣшили отдать свои визиты и пробирались изъ яруса въ ярусъ. Въ качествѣ гостей, въ ложи являлись иногда мужья; повертѣвшись съ минуту, они спѣшили исчезнуть, чтобы скорѣе занять свое мѣсто въ креслахъ — и оставляли за спиною женъ изящнѣйшихъ молодыхъ людей, которымъ жены давали держать букетъ, бинокль, бросая на нихъ украдкою нѣжные, выразительные взгляды.

Въ половинѣ осьмого, зала театра окончательно наполнилась; въ партерѣ не было уже свободнаго мѣста. Начинали чувствоваться жаръ и духота; въ разныхъ концахъ раздавалось хлопанье и шумѣли ногами, требуя, чтобы скорѣе подняли занавѣсъ. Звуки инструментовъ, которые настроивали въ оркестрѣ, говоръ въ ложахъ и креслахъ, шумъ шаговъ, хлопанье,—все это замѣтно уго-

монилось, какъ только въ оркестрѣ появился капельмейстеръ.

Въ то же время, въ литерной ложѣ налѣво — выставились впередъ Слободской, князь, Лиговской и Волынскій, за спиною котораго показалось сіяющее безсмысленной веселостью лицо Свинцова.

Наконецъ, грянулъ оркестръ, проиграли увертюру, и при внезапно-воцарившемся молчаніи подняли занавѣсъ. Въ залѣ сдѣлалось свѣжѣе, точно пахнуло свѣжестью изъ роскошнаго тропическаго лѣса, изображеннаго на декораціи.

Не смотря на величавыя тѣлодвиженія индѣйскаго набоба, котораго невольники принесли въ паланкинѣ, не смотря на изумительные прыжки вновь ангажированнаго бордоскаго танцора, — тишина въ залѣ не прерывалась до той минуты, пока изъ-за кулисы не выбѣжала маленькая Фанни. Сигналъ аплодисментамъ, поданный изъ литерной ложи налѣво, былъ тотчасъ же подхваченъ въ креслахъ и другихъ частяхъ залы, гдѣ разсажены были агенты Слободского. Каждое движеніе Фанни сопровождалось криками «браво» и хлопаньемъ; наконецъ, когда послѣ не совсѣмъ удавшагося пируэта остановилась она и поклонилась публикѣ,—къ ногамъ ея упала цѣлая дюжина букетовъ, брошенныхъ изъ знакомой литерной ложи; въ числѣ букетовъ особенно бросались въ глаза два изъ бѣлыхъ камелій, стоившіе пятьдесятъ рублей, кто знаетъ,— можетъ быть тѣ самые пятьдесятъ рублей, добытіе которыхъ произвело (если помнитъ читатель)—цѣлую драму въ семействѣ стараго Карпа, изъ Антоновки...

Но не время ли намъ остановиться, и здѣсь—именно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ—окончить нашу повѣсть?

Намъ, конечно, ничего бы не стоило описать, какъ Слободской и его общество отправились послѣ спектакля на театральный подъѣздъ, какъ веселились они на вечерѣ у m-lle Emilie, какъ потомъ отправились всѣ вмѣстѣ ужинать къ Борелю и какъ наконецъ, часу уже въ третьемъ ночи, поѣхали всей гурьбой къ цыганамъ;—но веселое расположеніе автора вдругъ измѣнило ему; онъ извиняется передъ читателями, которые останутся недовольны такимъ рѣзкимъ окончаніемъ, и скорѣе ставитъ точку.

ДВА ГЕНЕРАЛА.

(РОМАНЪ ИЗЪ СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ).

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЗНАКОМИТЪ СЪ ПОМѢЩИКОМЪ ЛЮЛЮКОВЫМЪ И, ВМѢСТѢ СЪ ТѢМЪ, ДОКАЗЫВАЕТЪ, ЧТО ПЛАТФОРМЫ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ СУЩАЯ НАХОДКА ДЛЯ ЛЮДЕЙ СООБЩИТЕЛЬНЫХЪ.

Годъ тому назадъ, въ іюлѣ мѣсяцѣ, не помню только какого числа, у платформы одной изъ промежуточныхъ станцій Московско-Петербургской желѣзной дороги, показался коротенькій, кругленькій господинъ лѣтъ подъ пятьдесятъ, но очень еще оживленнаго, бодраго и даже храбраго вида.

Если, какъ говорятъ, каждый человѣкъ болѣе или менѣе похожъ на какое-нибудь животное, то незнакомецъ ближе всего напоминалъ тѣхъ мелкихъ, но весьма задорныхъ пѣтушковъ, которые извѣстны подъ именемъ «корольковъ».

Глаза его, табачнаго цвѣта, безпрестанно моргали; носъ, довольно объемистый, если взять въ разсчетъ незначительность роста, бросалъ тѣнь на его усы, въ которыхъ сильно уже пробивала сѣдина. Одѣтъ онъ былъ

по-лѣтнему, весь въ парусинѣ; даже картузъ, выкроенный на манеръ тѣхъ, какіе носятъ африканскіе стрѣлки, и тотъ былъ изъ парусины. Животъ его, выставлявшійся на подобіе груши, приподнималъ верхнюю часть панталонъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, округлялъ жилетъ, который, въ свою очередь, выпучивался часами и табакеркой, запрятанными въ боковые карманы.

Вообще говоря, наружность этого господина рекомендовала себя самымъ пріятнымъ образомъ: добрякъ смотрѣлъ изъ нея во всѣ глаза. Можно было держать сто противъ одного, что незнакомецъ служилъ прежде въ военной службѣ; было даже что-то такое въ его пріемахъ и походкѣ, что невольно говорило въ пользу кавалеріи противъ пѣхоты. Онъ могъ бы, кажется, съ успѣхомъ примѣнить къ себѣ слова Булгарина, ни мало не рискуя возбудить недовѣріе: «Когда я былъ молодъ и служилъ въ уланахъ, я былъ очень ловокъ и славно танцовалъ мазурку!..»

Незнакомецъ, очевидно, только что вышелъ изъ экипажа: за стрижеными акаціями и клумбами, украшавшими обѣ стороны станціи, виднѣлась объемистая, старомодная карета, запряженная четверней довольно, впрочемъ, не казистыхъ коней.

Осмотрѣвшись на обѣ стороны дороги, господинъ въ парусинѣ, въ которомъ самый близорукій изъ его знакомыхъ давно бы узналъ Сергѣя Львовича Люлюкова, сосѣдняго помѣщика, сладко понюхалъ изъ лукутинской табакерки съ изображеніемъ саней и тройки. Исполнивъ эту операцію съ видомъ человѣка, у котораго мысли текутъ невозмутимо, стройно и пріятно, онъ взглянулъ на часы; послѣ чего коротенькія его ножки пришли въ движеніе и внесли своего владѣльца по ступенькамъ платформы.

Вокругъ пустота была страшная, — совершенная тундра; солнце палило невыносимо, освѣщая спереди обгорѣлый еловый лѣсъ; влѣво и вправо убѣгали въ неизмѣримое плоское пространство сверкавшія полосы желѣзной дороги. Подстриженныя акаціи, клумбы съ цвѣтами, крашеныя рѣшетки, красивое зданіе станціи и самая до-

рога представлялись посреди всего этого чѣмъ-то въ родѣ пестраго шелковаго лоскутка, нашитаго на сермяжное, обдерганное рубище. Платформа была почти пуста. На одномъ концѣ нѣсколько бабъ и мужиковъ, въ ожиданіи поѣзда, жевали хлѣбъ, лежа на своихъ мѣшкахъ, перевязанныхъ покромками. На другомъ концѣ, бѣлокурый, курносый малый, въ сюртукѣ, только что открывалъ прилавокъ съ навѣсомъ. Но въ первую минуту это послѣднее лицо не было замѣчено Сергѣемъ Львовичемъ: блескъ платформы ослѣпилъ его совершенно.

Проведя нѣсколько разъ ладонью по глазамъ, Сергѣй Львовичъ прямо направился къ прилавку, передняя часть котораго видимо заставлялась принадлежностями съѣстной торговли. Прибытіе поѣзда не могло замедлиться, если взять въ соображеніе чудеса расторопности, выказываемыя бѣлокурымъ малымъ; пальцы его, весьма похожіе на свиныя сосиськи, съ изумительною быстротой переходили отъ водокъ яркихъ цвѣтовъ къ бутербродамъ пыльнаго и затасканнаго вида, отъ папиросъ къ бутылкамъ винъ съ иностранными ярлыками, отъ сухого миндальнаго пирожнаго къ кучкамъ мѣдныхъ денегъ. Въ ту минуту, какъ подходилъ къ нему Сергѣй Львовичъ, бѣлокурый малый выставлялъ впередъ тарелку съ слоеными пирожками, такъ искусно уложенными лицевою стороной кверху, что путешественникъ могъ убѣдиться въ совершенной ихъ негодности тогда только, когда пирожокъ попадалъ уже въ ротъ и деньги за него были отданы.

Сергѣй Львовичъ очень удивился, встрѣтивъ въ конторщикѣ незнакомое лицо.

— Я, братецъ, прежде не видалъ тебя здѣсь, произнесъ онъ, посылая въ носъ новую порцію табаку: — ты видно недавно опредѣлился?

— Третьяго дня поступилъ.

— Откуда?

— Съ Кокинской станціи...

Сергѣй Львовичъ пытливо оглянулъ прикащика моргающими глазами; мгновеніе спустя, лицо его оживилось

игривою мыслью, отъ которой ноздри его задвигались, а носъ самодовольно поморщился и потянулъ воздухъ.

— Что̀ бы ты сказалъ, братецъ, проговорилъ онъ, ухмыляясь: — еслибъ я, напримѣръ, съѣлъ у тебя нѣсколько пирожковъ, и вдругъ оказалось бы, что я забылъ взять съ собою деньги... а?

— Мы торгуемъ на чистыя.

— Ты развѣ меня не знаешь? спросилъ помѣщикъ, бодрясь и прищуриваясь.

— Никакъ нѣтъ-съ.

— Эй! Тарасенко! Тарасенко! закричалъ Сергѣй Львовичъ, увидя всходившаго на платформу унтеръ-офицера: — поди-ка, братъ, сюда!

Тарасенко, у котораго лицо совершенно почти заслонялось бакенами, усами и бровями, подбѣжалъ дробнымъ шагомъ.

— Здравія желаю, ваше высокоблагородіе! сказалъ онъ, почтительно выпрямляясь.

— Вотъ, братецъ, не хочетъ мнѣ въ долгъ повѣрить, а? Какъ это тебѣ кажется, а? вымолвилъ Сергѣй Львовичъ, подмигивая на прикащика и самодовольно ухмыляясь.

— Всего третій день здѣсь, сударь; онъ, сударь, впервой васъ видитъ, сказалъ Тарасенко: — изволите вѣрно кого-нибудь, сударь, дожидаться? добавилъ онъ, между тѣмъ какъ Сергѣй Львовичъ послалъ бутербродъ въ ротъ, обмазавъ его горчицей.

— Да, жду жену и дочь; онѣ ѣздили въ Старую-Русу, пить воды...

— Давно, сударь, изволили уѣхать?

— Мѣсяцъ назадъ; а ты ужъ и забылъ! ты же и чемоданы вѣшалъ.

— Такъ точно-съ! спохватился Тарасенко.

Сергѣй Львовичъ бросилъ гривенникъ на прилавокъ, конторщикъ поспѣшилъ подать ему сдачу; но Сергѣй Львовичъ возвратилъ ее назадъ, сказавъ съ добродушною улыбкой:

— Возьми, братецъ, себѣ! себѣ возьми!

Послѣ чего съ самымъ довольнымъ видомъ пошелъ онъ

въ другую сторону, сопровождаемый Тарасенко, который поминутно наклонялъ впередъ голову, какъ бы опасаясь не подоспѣть вовремя, когда заговоритъ помѣщикъ.

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, Сергѣй Львовичъ сунулъ руку въ карманъ жилета, вынулъ монету и какъ бы въ разсѣянности опустилъ ее въ руку Тарасенко.

— Напрасно, сударь, изволите безпокоиться... замѣтилъ служивый, принимая даръ съ большимъ, однакожъ, удовольствіемъ.

— Возьми, братецъ, возьми; ты честный человѣкъ; а я люблю честныхъ людей! сказалъ поощрительно Сергѣй Львовичъ и отвернулъ лицо; причемъ можно было замѣтить, что ноздри его двигались сильнѣе обыкновеннаго, а въ моргавшихъ глазахъ показалась влага, какъ у внезапно расчувствовавшагося человѣка.

Противъ станціи, Тарасенко зачѣмъ-то позвали. Сергѣй Львовичъ пошелъ далѣе по направленію къ водоему; поровнявшись съ группою бабъ и мужиковъ, онъ остановился.

— Откуда вы? спросилъ онъ.

— Изъ Рожновки, отозвалась одна изъ бабъ.

— Ба! это значитъ вы всего въ двадцати верстахъ отъ меня! Дудиловку знаете?

— Какъ же, батюшка!

— Ну... а меня знаете? спросилъ Сергѣй Львовичъ, потягивая носомъ воздухъ.

— Нѣтъ, касатикъ... проговорила баба, разинула ротъ, выпучила глаза и стала подниматься; остальныя лица группы лѣниво и нехотя послѣдовали ея примѣру.

— Не надо! не надо; лежите!.. торопливо предупредилъ помѣщикъ:—я такъ только спрашиваю; ложитесь, повторяю вамъ!

На этомъ самомъ мѣстѣ, онъ внезапно былъ прерванъ отдаленнымъ свисткомъ локомотива; онъ живо обернулся назадъ и торопливо зашагалъ по платформѣ, не отрывая глазъ отъ дымнаго столба и черной точки, которые быстро приближались. Минуты двѣ спустя, уже можно было различить паровозъ и машиниста, который двигалъ локтями. Еще минута, — паровозъ, шипя и фыркая, прока-

тилъ мимо, таща за собою нескончаемую цѣпь вагоновъ; раздался еще свистъ,—и поѣздъ остановился.

Въ первую секунду, Сергѣй Львовичъ рѣшительно не зналъ, въ какую сторону направить шаги свои; его моргающіе глаза, казалось, разомъ хотѣли проникнуть во всѣ окна вагоновъ; публика, хлынувшая на платформу, окончательно привела его въ замѣшательство. Онъ ринулся вправо, потомъ влѣво, наскочилъ на двухъ худощавыхъ дамъ, которыя суетливо переходили платформу, бросая вокругъ безпокойные взгляды и какъ бы отыскивая чего-то,—попалъ между двумя мужчинами, которые закуривали папироски у одной спички, чуть не сшибъ съ ногъ кадета съ яблоками въ рукахъ и, по всей вѣроятности, долго бы еще метался безъ успѣха, если-бы, неожиданно, въ сторонѣ, не послышался знакомый дѣтскій голосъ:

— Папаша! папаша, мы здѣсь!

Вслѣдъ затѣмъ, хорошенькая бѣлокурая дѣвочка, веселая и рѣзвая какъ птичка, бросилась ему на шею.

— Ба! Вѣрóкъ! здравствуй, здравствуй, мой ангелочекъ!.. Всѣ здоровы? гдѣ же мамаша? гдѣ она? заговорилъ Сергѣй Львовичъ, нѣжно цѣлуя дочь, но въ то же время блуждая глазами во всѣ стороны.

— Мамаша здѣсь... пойдемъ... она здѣсь! кричала дѣвочка, увлекая впередъ отца.

У одного изъ переднихъ вагоновъ, стояла широкая дама, съ лицомъ круглымъ, какъ сайка, но однакожъ болѣзненнымъ, увядшимъ и совершенно лишеннымъ опредѣленнаго выраженія; тончайшій наблюдатель человѣческой физіономіи, и тотъ ничего бы не сказалъ, кромѣ того развѣ, что дама эта по всей вѣроятности жестоко устала и ее сильно клонитъ ко сну. Вялые глаза ея, цвѣта фіалки крѣпко вываренной въ молокѣ, нехотя вращали мутные, луженые взгляды. При видѣ Сергѣя Львовича, она сдѣлала шагъ впередъ; но въ ту же секунду остановилась, задержанная одышкой и слезами; надъ глазами ея вмѣсто бровей, показались вдругъ два красныя пятна.

Не успѣла она поднести платокъ къ глазамъ, какъ

уже Сергѣй Львовичъ дѣлалъ усилія, стараясь обхватить ея талію своими коротенькими руками.

— Успокойся, Sophie... Дома всѣ здоровы! я здѣсь! видишь: я здѣсь! все благополучно! здравствуй, мой другъ, здравствуй! повторялъ онъ, устанавливаясь на цыпочки какъ танцоръ, чтобы достать губами до ея щекъ, которыя, какъ кисель, задрожали отъ его поцѣлуевъ:—но обо всемъ этомъ поговоримъ послѣ, послѣ! продолжалъ онъ:— гдѣ Аннушка? въ другомъ отдѣленіи?.. Надо позаботиться, чтобы скорѣе вынули вещи изъ вагона.

— Мамаша отдала багажные билеты кондуктору, живо вмѣшалась дѣвочка.

— Прекрасно! ну, а мѣшки? твой рабочій ящикъ? суетливо подхватилъ Сергѣй Львовичъ:—они еще въ вагонѣ?.. я сейчасъ... ты, Sophie, подожди пока здѣсь... сядь сюда на скамейку... здѣсь совершенно безопасно... я сейчасъ.

Сказавъ это, онъ юркнулъ съ дѣвочкой въ вагонъ, и минуту спустя, явился оттуда, отдуваясь подъ тяжестью узловъ и коробкòвъ.

— Сидите здѣсь; сію минуту отыщу Аннушку; распоряжусь насчетъ чемодановъ, проговорилъ онъ, бросаясь въ толпу и, съ первыхъ шаговъ, снова наталкиваясь на двухъ худощавыхъ дамъ, которыя бѣжали теперь съ другой стороны, но съ прежнимъ безпокойствомъ продолжали бросать растерянные взгляды, какъ-бы отыскивая чего-то. Нѣсколько далѣе, онъ встрѣтилъ Аннушку; она объявила, что чемоданы уже вынуты и она приставила къ нимъ солдата; Сергѣй Львовичъ велѣлъ ей идти къ вещамъ, а самъ поспѣшилъ возвратиться къ женѣ и дочери.

— Вещи всѣ вынуты; при нихъ Аннушка и солдатъ, сказалъ онъ, заботливо наклоняясь къ женѣ: — ну что! какъ ты себя теперь чувствуешь, какъ твои нервы? Это главное!.. помогли воды?.. кажется, все благополучно!.. у насъ также все хорошо! Надо будетъ однако подождать отхода поѣзда; будетъ удобнѣе: суеты меньше... Ахъ, Боже мой! воскликнулъ вдругъ Сергѣй Львовичъ:—подожди меня здѣсь одну секунду...

— Куда ты, Serge?.. произнесла супруга кисло-слезливымъ голосомъ.

— Я сейчасъ... только два слова... сію секунду! возразилъ супругъ, стремительно продираясь къ толпѣ, обступившей буфетъ, и усиливаясь протискаться къ высокому господину въ генеральской шинели.

Поровнявшись съ генераломъ, Сергѣй Львовичъ пріосанился, пожалъ плечами и кашлянулъ; онъ принялъ сначала видъ какъ будто не замѣчаетъ сосѣда; черты его прыгали однакожъ отъ усилій сдержать нетерпѣніе. Цѣль его очевидно состояла въ томъ, чтобы попасть въ лучъ зрѣнія сосѣда, но такъ однакожъ, чтобы послѣдній первый его замѣтилъ и первый къ нему обратился. Но такъ какъ это не удавалось, а съ другой стороны, съ минуты на минуту долженъ былъ послышаться звонокъ, Сергѣй Львовичъ сдѣлалъ еще шагъ впередъ и сталъ въ самый упоръ генералу. Тотъ только посторонился. Сергѣй Львовичъ, дорожившій каждою секундой времени, рѣшился тогда прямо приступить къ дѣлу.

— Вы меня не узнаете, ваше превосходительство? произнесъ онъ, охорашиваясь.

— Виноватъ... пробормоталъ генералъ, наклоняясь съ привѣтливою улыбкой.

— Люлюковъ... Сергѣй Львовичъ... поспѣшилъ сказать помѣщикъ.

Но такъ какъ это, повидимому, ничего не объяснило генералу, Сергѣй Львовичъ прибавилъ:

— Помните, ваше превосходительство, четыре года назадъ, мы вмѣстѣ обѣдали въ Петербургѣ у родственника моего Помпея Наколаевича Пыщина?

— Ахъ, какже... очень пріятно... сказалъ генералъ, между тѣмъ какъ Сергѣй Львовичъ видимо захлебывался отъ внутренняго удовольствія, и ноздри его расширились и двигались...

— Вы также ѣдете?.. Какъ же мы не встрѣтились? спросилъ генералъ.

— Нѣтъ, я не ѣду, ваше превосходительство... Я ждалъ жену, которая ѣздила въ Старую Русу на воды... У меня тутъ подлѣ имѣнье... Вы не можете себѣ пред-

ставить ваше превосходительство, какъ это удобно: сосѣдство съ желѣзною дорогой...

На этомъ мѣстѣ раздался звонокъ, и Сергѣй Львовичъ долженъ былъ заключить свою рѣчь торопливымъ пожатіемъ руки, которую подалъ ему генералъ, спѣшившій въ свой вагонъ. Чтобы не быть опрокинутымъ толпой, хлынувшею съ платформы, Сергѣй Львовичъ приблизился къ вагонамъ и снова увидѣлъ двухъ худощавыхъ дамъ, бѣгавшихъ съ растерянными глазами; лица ихъ выражали на этотъ разъ совершенное отчаяніе; Сергѣй Львовичъ явственно даже разслышалъ, какъ одна изъ нихъ шепнула другой: Mon Dieu, qu'allons nous faire?!.. Въ другое время, Люлюковъ, отличавшія вообще большою услужливостью, не преминулъ бы тѣмъ или другимъ способомъ вывести ихъ изъ затруднительнаго положенія; но во-первыхъ, онъ уже опоздалъ для этого; во-вторыхъ, обязанности супруга и отца давно призывали его на другой конецъ платформы.

— Прекрасно! все уже здѣсь:—и чемоданы, и Аннушка!.. заговорилъ онъ, подбѣгая къ женѣ и дочери, подлѣ которыхъ суетились: горничная, солдатъ Тарасенко и еще лакей въ синей, довольно потертой ливреѣ, съ красными выпушками.—Берите вещи, пойдемте... теперь мы можемъ отправиться... Дай мнѣ руку, мой другъ... Вѣрóкъ, ступай впередъ!.. Ты однакожъ прости меня, душа моя, что я оставилъ васъ однѣхъ, торопливо подхватилъ Сергѣй Львовичъ,—я нисколько не виноватъ! Ты знаешь, у меня вездѣ столько знакомыхъ! Меня всѣ знаютъ! я и радъ бы... но это совершенно противъ моей воли... пойдемте скорѣе, чтобы снова кого нибудь не встрѣтить... Вѣрóкъ, ступай впередъ!..

Въ отвѣтъ на такія оправданія, Софья Алексѣевна (такъ звали Люлюкову) не произнесла ни слова; луженые глаза ея смотрѣли совсѣмъ въ другую сторону; повидимому, она не слыхала даже, что говорилъ Сергѣй Львовичъ.

Спустившись съ платформы и обогнувъ станцію, семейство вышло на площадку, гдѣ ожидала ихъ старомодная карета. Кучеръ, сидѣвшій на козлахъ съ вытянутыми возжами, снялъ обѣими руками шляпу и покло-

нился. Минуту спустя, вещи были уложены и всѣ усѣлись. Лошади дружно рванули, карета двинулась и тутъ же повернула на пыльный проселокъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ КРОТОСТЬ СЕМЕЙНЫХЪ СЦЕНЪ ОМРАЧАЕТСЯ СТОЛКНОВЕНІЕМЪ НЕСОГЛАСНЫХЪ ВЗГЛЯДОВЪ НА ВЕЩИ.

Говоря по справедливости, собственно теперь только надлежало судить о томъ, на сколько Сергѣй Львовичъ обрадовался пріѣзду жены. До сихъ поръ, радость, развлекаемая, какъ мы видѣли, то тѣмъ, то другимъ обстоятельствомъ, не имѣла положительно никакой возможности сосредоточиться; она, естественно, могла вполнѣ высказаться только на свободѣ. Такъ дѣйствительно и случилось.

Не взирая на большія неудобства, представляемыя толчками кареты, Сергѣй Львовичъ не переставалъ припадать къ рукѣ жены и цѣловалъ дочь со всею горячностью нѣжнѣйшаго отца; онъ въ то же время осыпалъ ихъ заботливыми распросами о томъ, хорошо ли онѣ совершили путешествіе, гдѣ были, что видѣли, какая была погода, въ какихъ гостинницахъ останавливались и проч.

Софья Алексѣевна, между тѣмъ, только разъ обратилась къ мужу; ей хотѣлось узнать, получилъ ли онъ въ ея отсутствіе письмо отъ сына.

— Получилъ, возразилъ супругъ: — но развѣ ты не видалась съ нимъ въ Петербургѣ?

— Нѣтъ...

— Стало-быть, онъ еще въ Дерптѣ; мудренаго нѣтъ: онъ только что кончилъ свою диссертацію; вѣроятно, это обстоятельство задержало его лишнее время. Онъ пишетъ, впрочемъ, что все благополучно, все такъ хорошо, какъ нельзя быть лучше... Онъ думаетъ навѣрно пріѣхать ко дню твоего рожденія... Но ты что-то не весела, мой другъ, замѣтилъ Сергѣй Львовичъ, неожиданно перебивая

самого себя: — лицо твое ясно говоритъ мнѣ объ этомъ... Если я не привезъ дѣтей встрѣчать тебя, такъ это потому, во-первыхъ, что они не умѣстились бы въ маленькомъ тарантасѣ; большой тарантасъ до сихъ поръ еще не возвращаетъ этотъ проклятый кузнецъ... во-вторыхъ, я отчасти сдѣлалъ это съ умысломъ: мнѣ хотѣлось раздѣлить радость встрѣчи; я такъ расчелъ: на станціи,—буду я; при въѣздѣ въ деревню—дѣти!.. Тебѣ, однакожъ, кажется, не совсѣмъ-то удобно сидѣть?.. прислонись сюда... еще... еще немножко... вотъ такъ!.. Скажи-ка теперь, что дѣлается въ Петербургѣ? Ты, конечно, видѣла дядю Помпея Николаевича, заключилъ Сергѣй Львовичъ, нетерпѣливо моргая глазами.

— Да, онъ былъ у меня; потомъ я къ нему поѣхала...

— Ахъ, папаша, какъ хорошо у дядюшки! живо вмѣшалась Вѣрочка: — какая у него дача, какъ много цвѣтовъ! Онъ живетъ на Аптекарскомъ островѣ... такъ, мамаша?.. Мы тамъ вѣдь были! Какой великолѣпный садъ...

— Ну какъ вообще былъ съ тобою Помпей Николаевичъ?.. озабоченнымъ тономъ спросилъ Люлюковъ, трепля въ то же время щечку дочери.

— Какъ всегда; онъ очень хорошо меня принялъ.., возразила, какъ бы черезъ силу, Софья Алексѣевна.

— Сегодня же напишу ему и буду благодарить его! съ чувствомъ проговорилъ Сергѣй Львовичъ.

Софья Алексѣевна хотѣла что-то еще прибавить: но въ эту самую минуту, Вѣрочка, не перестававшая выглядывать на дорогу, закричала, что видна деревня; при этомъ Люлюкова замолкла и опустилась на подушки.

— Мамаша, мамаша, кричала дѣвочка: — посмотри, вотъ ужъ и садъ показался! Сейчасъ пріѣдемъ! сейчасъ! подхватила она, радостно подпрыгивая: — охъ, какъ мнѣ хочется скорѣе увидать Катю, Соню, Кокошу... тётю Зину... Ольгу Ивановну... всѣхъ, всѣхъ хочу видѣть!.. вотъ и садъ нашъ... мамаша! вотъ Катя и Соня!

При этомъ извѣстіи, пухлое лицо Софьи Алексѣевны окончательно раскисло, и она поспѣшила приложить къ нему платокъ. Сергѣй Львовичъ торопливо придвинулся къ женѣ, взялъ ея руку и также заморгалъ глазами; пред-

стоящая сцена не могла не производить на него своего разслабляющаго дѣйствія; онъ самъ былъ очень слезливъ и нервенъ,—особенно стало это замѣтно въ послѣдніе два года послѣ обнародованія эманципаціи...

Карета, миновавъ большую, сѣрую деревню, лѣпившуюся на берегу пруда, повернула вдругъ въ длинную березовую аллею. Въ глубинѣ ея показался домъ и уголъ стараго сада; минуту спустя, изъ сосѣднихъ кустовъ вышла на дорогу группа дѣтей въ бѣлыхъ платьяхъ.

— Вотъ они! вотъ они! Я ихъ всѣхъ вижу! восторженно закричала Вѣрочка, хлопая въ ладоши.

Сергѣй Львовичъ поспѣшно высунулся изъ окна.

— Скорѣй, скорѣй! крикнулъ онъ кучеру: — полно, другъ мой... присовокупилъ онъ, ныряя опять въ карету и приступая къ женѣ, которая начала всхлипывать. — Нѣтъ, я вижу, твои нервы нисколько не поправились... Ты напрасно такъ распускаешься...

Сергѣй Львовичъ, самъ, повидимому, крѣпившійся черезъ силу, приказалъ кучеру остановиться, какъ только услышалъ дѣтскіе голоса.

Едва приказаніе было исполнено, онъ распахнулъ дверцы кареты, высадилъ сначала дочь, потомъ приступилъ къ высаживанію жены, соблюдая, чтобъ она отъ волненія и слезъ, застилавшихъ зрѣніе, не оступилась какъ-нибудь на подножкахъ.

Прежде еще чѣмъ Софья Алексѣевна успѣла утвердиться на землѣ, мальчикъ лѣтъ шести и двѣ дѣвочки повисли на ея шеѣ. Сергѣй Львовичъ, желая облегчить жену, попробовалъ было приподнять дѣтей и придержать ихъ на вѣсу; но не осилилъ и ограничился тѣмъ, что ухватилъ жену подъ руку. На выручку, къ счастію, подоспѣла костлявая особа женскаго пола съ тощимъ лицомъ, украшеннымъ парою водянистыхъ глазъ на выкатѣ и римскимъ носомъ, въ значительной уже степени подсушеннымъ временемъ; тщательно гофрированные бандо рѣденькихъ бѣлокурыхъ волосъ, сердоликовая брошка на груди и пудра на лицѣ служили яснымъ доказательствомъ заблужденій человѣческихъ касательно борьбы противъ силъ природы. Дама эта (слѣдовало бы сказать: дѣвица,

потому что она не была еще замужемъ), имѣвшая въ общемъ своемъ ансамблѣ большое сходство съ подстрѣленною цаплей, доводилась Люлюковой дальнею родственницей; онѣ воспитывались въ одномъ институтѣ, и съ тѣхъ поръ никогда не разлучались.

Тутъ находилась еще гувернантка Люлюковыхъ,—молоденькая, весьма не дурная собой брюнетка, съ волосами коротко обстриженными и завитыми, какъ говорится, «въ крутую». Съ перваго взгляда можно было узнать въ ней обращикъ тѣхъ дѣвушекъ, которыхъ въ среднихъ провинціальныхъ кругахъ называютъ обыкновенно «барышнями-растрепе», а въ губернскихъ, уже болѣе утонченныхъ кругахъ «барышнями съ растрепанными чувствами». Если только подобныя опредѣленія основываются въ наружныхъ свойствахъ, гувернантка Люлюковыхъ вполнѣ ихъ оправдывала. Кринолинъ ея, качавшійся какъ колоколъ, странно выпучивался какъ-то на одинъ бокъ; рубашка изъ краснаго кумача, обшитая бѣлыми шнурками, была весьма сомнительной свѣжести; колечки на рукахъ обращали вниманіе на ея пальцы съ объѣденными ногтями. Въ ея походкѣ, взглядѣ, было что-то невыразимо самоувѣренное, заносчивое, смѣлое и рѣшительное. Она казалась очень веселою; можно было думать,—картина трогательной семейной встрѣчи пробуждала въ ней такое чувство.

— Дѣти, тише, осторожнѣе; не бросайтесь такъ!.. говорилъ разнѣженный Сергѣй Львовичъ, удерживая особенно мальчика, который, повиснувъ на шеѣ матери, барабанилъ безъ милосердія ногами по ея животу:—ну, довольно, полно!.. Вы довольно выказали вашу радость... Мамашенька вѣритъ, что вы радуетесь ея пріѣзду... мамашенька совершенно вѣритъ...

Тутъ хорошенькая гувернантка поспѣшила даже отвернуться и закашляться: смѣхъ душилъ ее.

Освобожденная отъ дѣтей, Люлюкова поступила въ объятія Зинаиды Львовны (такъ звали подругу дѣтства); послѣдняя съ какою-то пламенною восторженностью обвила Софью Алексѣевну руками и подняла даже при этомъ глаза къ небу. Послѣ этого, Люлюкова, дѣйствительно очень уставшая отъ волненій и дороги, обратилась къ гувернанткѣ.

Та ограничилась пожатіемъ руки, и поклонилась съ какимъ-то вычурнымъ достоинствомъ.

— Ну, mesdames, домой! Дѣти, маршъ впередъ! вмѣшался Сергѣй Львовичъ. — Ба! да гдѣ же Кокò! Кокò? обратился онъ къ мальчику, который въ это время успѣлъ вскарабкаться на козлы кареты. — Кокò, чтò это значитъ? кто тебѣ позволилъ? И наконецъ—какъ тебѣ, братецъ, не стыдно! мамаша только что пріѣхала, а ты, вмѣсто того, чтобы быть съ ней, какъ сёстры — ты взлѣзъ на козлы... Стыдись, братецъ, стыдись! Слѣзай скорѣй!

— Николай Сергѣевичъ, пожалуйте къ папенькѣ, пробасилъ кучеръ.

Кокó, взявшій уже одну возжу въ руки, не тронулся съ мѣста; онъ только побагровѣлъ.

— Николай Сергѣевичъ, пожалуйте, я васъ возьму на ручки... сказалъ въ свою очередь лакей въ потертой ливреѣ.

Но шестилѣтній Николай Сергѣевичъ, въ отвѣтъ на это, отвернулся и запищалъ тоненькимъ голоскомъ.

— Кокò, сію минуту долой! закричалъ Сергѣй Львовичъ, не обращая никакого вниманія на знаки, которые подавала ему Зинаида Львовна.

Зная вспыльчивый нравъ Сергѣя Львовича и предвидя сцену, Зинаида Львовна мигнула дѣтямъ, и, нѣжно взявъ подъ руку Люлюкову, повела ее скорѣе къ дому.

— Сидоръ! энергически крикнулъ между тѣмъ Сергѣй Львовичъ, обратясь къ лакею:—Сидоръ, сними съ козелъ Николая Сергѣевича и неси его въ домъ!

Распорядившись такимъ образомъ, Сергѣй Львовичъ зашагалъ, чтобы догнать жену, но былъ остановленъ гувернанткой.

— Извините меня, сказала она, бойко поглядывая своими черными глазами:—не могу я вамъ въ этомъ сочувствовать. Это... это совершенный деспотизмъ...

— Въ чемъ сочувствовать? Какой деспотизмъ? нетерпѣливо спросилъ Люлюковъ, прислушиваясь съ видимымъ неудовольствіемъ къ воплямъ сына, который неистово бился на рукахъ Сидора.

— Что̀ за бѣда, что мальчику хотѣлось посидѣть на козлахъ?..

— Помилуйте, Ольга Ивановна, горячо вступился Сергѣй Львовичъ:—мать только что пріѣхала, не успѣла поцѣловать его, какъ онъ уже шмыгъ на козлы... Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ?.. Надо ему внушить... необходимо внушить...

— Нѣтъ-съ, какъ хотите, это деспотизмъ, самый возмутительный деспотизмъ! заговорила въ свою очередь и также горячо Ольга Ивановна:—вы этимъ только насилуете въ ребенкѣ свободное проявленіе личности! Ему хочется обнять мать,—прекрасно. Хочется вмѣсто того сѣсть на козлы,—что за бѣда? Дайте ему волю располагать, по крайней мѣрѣ, своими чувствами! Заставляя его насильственно исполнять ваши желанія, вы подавляете въ немъ личное чувство и убиваете въ немъ всякую индивидуальность! продолжала Ольга Ивановна, не замѣчая въ увлеченіи своемъ, на сколько взглядъ ея касательно естественнаго развитія мальчиковъ расходился со взглядомъ на дѣвочекъ, которыхъ муштровала она самымъ крутымъ образомъ, заставляя ихъ съ утра до вечера долбить такіе предметы, которые ей самой были и скучны и не подъ силу.—Да, Сергѣй Львовичъ, заключила Ольга Ивановна, потрясая своими локонами:—дѣйствуя такимъ образомъ съ ребенкомъ, вы отнимаете у него всякую иниціативу, всякую самостоятельность!

— О какой самостоятельности вы мнѣ говорите? Я право васъ не понимаю! воскликнулъ разгоряченный помѣщикъ:—какая самостоятельность въ шестилѣтнемъ мальчуганѣ? Я хочу, чтобы прежде всего онъ меня слушалъ: вотъ и вся тутъ иниціатива! Другой я не знаю,—да-съ, и больше ничего!.. заключилъ онъ, поворачиваясь спиною и поспѣшая присоединиться къ семейству, которое подходило къ дому.

Пропустивъ Сергѣя Львовича и заклеймивъ его затылокъ презрительнымъ взглядомъ, Ольга Ивановна, къ великому удивленію, не выказала однакожъ никакого участія къ судьбѣ бѣднаго Коко̀, который тутъ же, въ двухъ шагахъ, продолжалъ биться и кричать на рукахъ Сидора.

Она прошла мимо такъ же равнодушно, какъ бы его вовсе не было; бѣдный Кокò не удостоился даже одной искры того огня, который пылалъ въ глазахъ Ольги Ивановны, когда она защищала его нравственную независимость.

Надо думать, назначеніе Ольги Ивановны состояло въ томъ, чтобы быть только проводникомъ идей извѣстнаго рода; горизонтъ ея дѣйствій ограничивался, вѣроятно, скорѣе распространеніемъ гуманитарныхъ и прогресивныхъ началъ, чѣмъ примѣненіемъ ихъ къ практикѣ; послѣднимъ какъ дѣломъ нѣкоторымъ образомъ уже матеріяльнымъ, примѣнительнымъ и слѣдовательно второстепеннымъ, могли заниматься обыкновенныя личности—трутни человѣчества.

Заклеймивъ удалявшагося ретрограда новымъ презрительнымъ взглядомъ, «отвлеченная» Ольга Ивановна направилась къ дому, который... Но нѣтъ, пусть лучше домъ будетъ въ слѣдующей главѣ.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ.

«НЕНАСЫТНЫЙ ВЕРЗИЛА», СО ВКЛЮЧЕНІЕМЪ РАЗНЫХЪ ДОМАШНИХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВЪ И ЧАСТНЫХЪ СООБРАЖЕНІЙ.

Домъ въ Дудиловкѣ, если смотрѣть на него со стороны старой почтовой дороги, откуда виднѣлся онъ верстъ за восемь, рекомендовалъ себя какъ нельзя лучше: огромный, въ два этажа, съ мезонинами, надстройками и надворными флигелями, онъ издали принималъ величественный видъ зáмка и невольно поражалъ каждаго путешественника, одареннаго сколько-нибудь близорукостью. Вблизи было, однакожъ, совсѣмъ не то: вблизи величавость исчезала, какъ исчезаетъ часто величавость, когда начинаешь разсматривать ее на близкомъ разстояніи. Глазъ встрѣчалъ неуклюжее, изветшалое строеніе, Богъ вѣсть, какъ еще державшееся. Дѣло въ томъ, что это былъ одинъ изъ тѣхъ домовъ, которые строились, лѣтъ семьдесятъ назадъ, помѣщиками, имѣвшими тысячи полторы душъ. Доставаясь потомъ по наслѣдству сыну или внуку, кото-

рымъ пришлось получить по раздѣлу всего душъ триста, дома этого рода ставятъ послѣднихъ въ чрезвычайно критическое положеніе; положеніе доходитъ до трагическаго, когда наслѣдникъ въ триста душъ, — какъ напримѣръ Сергѣй Львовичъ,—считаетъ священнѣйшею своею обязанностью поддержать достойнымъ образомъ жилище своихъ предковъ. Уже одна починка крыши и возобновленіе рамъ во второмъ этажѣ до такой степени подрѣзали финансы Сергѣя Львовича, что онъ тутъ же заложилъ бы свои триста душъ, еслибъ это не было уже сдѣлано его предшественникомъ. Словомъ сказать, домъ поглотилъ бы Сергѣя Львовича, какъ въ блаженныя времена китъ поглотилъ Іону; но встрѣтилось, къ счастью, обстоятельство, которое неожиданно его выручило.

Люлюковъ, посѣщавшій съ похвальнымъ рвеніемъ дворянскіе выборы и выбранный наконецъ въ дворянскіе предводители (съ этою цѣлью собственно и было предпринято возобновленіе дома), былъ на второе трехлѣтіе неожиданно забаллотированъ. Вотъ это какъ случилось. Сначала гг. дворяне, преисполненные чувствомъ сердечной признательности къ бывшему своему предводителю, неотступно просили его не оставлять своего поста и вновь баллотироваться. Сергѣй Львовичъ, какъ принято обыкновенно въ такихъ торжественныхъ случаяхъ, поблагодаривъ гг. дворянъ, началъ отказываться, приводя въ оправданіе домашнія свои обстоятельства (голосъ его былъ сильно растроганъ и онъ нѣсколько разъ прикладывалъ руку къ сердцу); просьбы гг. дворянъ были однакожъ такъ убѣдительны, въ ихъ голосѣ и взглядахъ проглядывало столько искренняго чувства, что Сергѣй Львовичъ не могъ бы несогласиться даже въ томъ случаѣ, еслибы въ самомъ дѣлѣ питалъ жестокое намѣреніе отказаться.

Когда послѣ баллотировки сосчитаны были шары, открылось, что гг. дворяне единодушно забаллотировали Люлюкова, или, какъ выражаются въ провинціи: «чистоганомъ прокатили его на вороныхъ».

Случай, когда гг. дворяне убѣдительно просятъ кого-нибудь баллотироваться, и потомъ на чистоту забаллотировываютъ, хотя самъ-по-себѣ не представляетъ ничего

новаго, сдѣлалъ тѣмъ не менѣе сильное впечатлѣніе на Сергѣя Львовича. Отказавшись отъ предводительства и даже отъ сношеній съ дворянами своего уѣзда, Сергѣй Львовичъ объявилъ, что не станетъ давать ни копѣйки на поддержку «ненасытнаго верзилы», — такъ называлъ онъ обыкновенно прадѣдовскій домъ. Въ то же время рѣшено было переселиться въ Москву, съ тѣмъ, чтобы пріѣзжать въ Дудиловку только на лѣтніе мѣсяцы.

Не случись впрочемъ баллотировки, Люлюковъ, все равно, рано или поздно, пришелъ бы къ тому же концу, относительно переѣзда въ столицу.

Уже доказано рядомъ самыхъ точныхъ изслѣдованій надъ природою человѣка, что какъ только финансы какого-нибудь смертнаго приходятъ въ колебаніе или упадокъ, первая забота такого смертнаго состоитъ не въ томъ, чтобъ ихъ поправить, но въ томъ, чтобы скрыть, что финансы поколебались.

Въ провинціи всего труднѣе достигнуть такой цѣли. Главнымъ препятствіемъ служитъ здѣсь слишкомъ большая короткость отношеній между людьми; короткость эту обусловливаетъ патріархальность сельскихъ нравовъ. Скромнѣйшій гость, заживаясь нѣсколько дней сряду у сосѣда, поневолѣ поставленъ въ необходимость бросить нѣсколько взглядовъ въ бокъ и уловить нѣсколько чертъ изъ закулисной обстановки гостепріимнаго крова. Всего этого, конечно, не можетъ случиться въ городѣ; тамъ даже любознательный гость рѣдко найдетъ случай заглянуть дальше гостиной.

Въ деревнѣ, слѣдовательно, малѣйшая экономическая перемѣна, вынужденная вашими обстоятельствами (не говорю уже объ уменьшеніи слугъ и лошадей; но если, напримѣръ, въ прошломъ году за обѣдомъ на имянинахъ жены подавалась спаржа, а въ нынѣшнемъ ее замѣнилъ шпинатъ съ крутыми яйцами), все это никакъ не ускользнетъ отъ проницательности сосѣда и неминуемо послужитъ ему коментаріемъ для опредѣленія грустнаго факта, что дѣла ваши въ значительной степени приходятъ въ упадокъ.

Изъ этого ясно, слѣдуетъ, что какъ только провин-

ціальнаго жителя, какъ говорится, «схватитъ поперегъ живота», первая его забота должна состоять въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе перебраться въ столицу. Начать съ того: вѣсть о вашемъ отъѣздѣ не успѣетъ еще распространиться по уѣзду, какъ уже почувствуется поворотъ въ мнѣніяхъ касательно вашей особы; слухи о вашемъ растройствѣ, подтверждаемые шпинатомъ съ крутыми яйцами, замѣнившими спаржу, и также другими не менѣе убѣдительными доказательствами, тотчасъ же встрѣтятъ энергическій отпоръ въ самомъ фактѣ отъѣзда. Всѣ заговорятъ въ одинъ голосъ: «Г* уѣхалъ съ семействомъ на зиму въ столицу; гдѣ же, говорили, растроенныя его дѣла? Все вздоръ, стало-быть, чепуха, нелѣпица и сплетни!» Возстановивъ себя такимъ образомъ до извѣстной степени въ глазахъ общества, вы извлекаете изъ вашей поѣздки ту еще выгоду, что самые эти толки неминуемо произведутъ благотворное дѣйствіе на ваше самолюбіе; послѣднее очень важно, если принять во вниманіе, что при разстроенныхъ обстоятельствахъ самолюбіе всегда болѣе или менѣе находится въ раздраженномъ состояніи. Но это еще не все: оторвавшись отъ деревни какъ коренной ея житель, пріѣзжая туда только на лѣто, а на зиму снова отправляясь въ столицу, вы можете смѣло поздравить себя съ разрѣшеніемъ труднѣйшаго жизненнаго вопроса: вы освободили себя разъ навсегда отъ роли домохозяина, которая (припомните сами!) служила вамъ всегда, при безденежьи, источникомъ самыхъ назойливыхъ огорченій. Принимая сосѣда лѣтомъ въ деревнѣ, вы сами теперь поспѣшите предупредить его относительно царствующаго вокругъ безпорядка; вы первый теперь обратите его вниманіе на треснувшую штукатурку, на бревенчатыя стѣны, на полинявшіе обои: «Мы здѣсь, какъ видите, ведемъ совершенно бивачную жизнь; главная наша квартира собственно въ Москвѣ, говорите вы, производя увеселительные жесты, приправленные добродушною улыбкой: — согласитесь сами: для двухъ-трехъ мѣсяцевъ не стоитъ устраивать; къ-тому же, лѣтомъ вездѣ хорошо. Былъ бы свѣжій воздухъ и садъ для дѣтей, — это главное!»

Въ Москвѣ вы не перестаете жаловаться гостямъ на тѣсноту и неудобства помѣщенія: «Мы здѣсь какъ на бивакѣ, повторяете вы съ тѣми же увеселительными жестами и улыбками:—ни гостиной порядочной, ни залы, гдѣ бы дѣти могли рѣзвиться свободно... какъ, напримѣръ, въ деревнѣ. Москва ваша, — ужасъ! Не требуй этого воспитаніе дѣтей, мы никогда не разстались бы съ деревней; здѣсь не столько живешь, сколько, такъ сказать, временно прозябаешь...» и т. д.

Короче, изъ всѣхъ способовъ, изобрѣтенныхъ въ послѣднее время помѣщиками, которые явно уже разстроились, но желаютъ еще поддержать свое достоинство, способъ переселенія на зиму въ столицу, подъ предлогомъ воспитанія дѣтей, самый удобный и вѣрный.

Отказавшись давать деньги на поддержку «верзилы», Сергѣй Львовичъ счелъ также необходимымъ отказаться отъ плановъ преобразованія внутри дома. Все осталось почти въ томъ же видѣ, какъ было въ старину. Зала, гостиная и кабинетъ, комнаты, гдѣ происводится обыкновенно постоянная выставка домашнихъ сокровищъ, обставлены были стародавнею мебелью; подушки на ней были такъ жестки, что каждый, кто садился на нихъ съ необдуманною смѣлостью, разбивался въ дребезги, какъ объ скалу. Улучшенія, сдѣланныя Сергѣемъ Львовичемъ, были самыя незначительныя; они почти ограничивались старымъ фамильнымъ портретомъ съ проткнутою щекой и косыми калмыцкими глазами; Сергѣй Львовичъ велѣлъ снести его съ чердака, гдѣ заѣдали его мыши, и повѣсилъ въ залѣ, гдѣ нещадно засиживали его теперь мухи. Портретъ этотъ, полуфантастическаго свойства, принадлежалъ татарину Люлюку, родоначальнику фамиліи Люлюковыхъ, — преданіе, особенно часто выставляемое на видъ приходскому священнику, отцу Леониду, успѣвшему также давно затвердить наизусть, что предки Софьи Алексѣевны были еще древнѣе и знаменитѣе: по отцу происходила она отъ древней чисто славянской фамиліи Золотухиныхъ, по матери доводилась родною племянницей Помпею Николаевичу Пыщину; послѣдній былъ человѣкъ нашего вѣка, но столь знаменитый и значительный, что

каждый разъ, какъ произносилось громко его имя (а оно иначе никогда не произносилось въ Дудиловскомъ домѣ), отецъ Леонидъ робко привставалъ со стула.

Къ портрету Сергѣй Львовичъ прибавилъ только зеленыя шерстяныя занавѣски и портьеры, которыя каждую весну и осень сопровождали семейство изъ Москвы въ деревню и обратно; такою же матеріей обиты были диваны и стулья гостиной; послѣдніе возобновлялись каждыя пять-шесть лѣтъ, и всякій разъ по сюрпризу въ день рожденья Софьи Алексѣевны. Точность требуетъ еще присоединить къ числу вововведеній нѣсколько мѣдныхъ плевальницъ и двѣ зеленыя кадки съ плющомъ, который огибалъ дверь изъ залы въ гостиную. Такое украшеніе часто впрочемъ встрѣчается въ помѣщичьихъ домахъ; оно даже совершенно непонятно, если обсудить, что плющъ всегда является въ пересохнувшемъ видѣ и, вмѣстѣ съ плевальницами, почти исключительно интересуетъ только однѣхъ домашнихъ кошекъ.

Внѣшняя и внутренняя обстановка «ненасытнаго верзилы» пришла впрочемъ къ крайнему предѣлу своей скромности только въ эти послѣдніе два года; до того времени «верзила», съ своею подновленною крышей и новыми рамами, смотрѣлъ еще бодрымъ маститымъ старцемъ, которому внуки, въ день именинъ, надѣли новую ермолку и подвязали новый галстукъ. Воздвигнутый, какъ мы замѣтили, лѣтъ семдесятъ назадъ, почти безъ жертвы со стороны прежняго своего владѣльца (рубили его даромъ крѣпостные дудиловскіе мужики и притомъ изъ не купленнаго дудиловскаго лѣса),—«верзила», казалось, вѣрить не хотѣлъ въ несокрушимость того принципа и той силы, которые его соорудили. Самый приказъ Сергѣя Львовича— не выдавать болѣе ни копѣйки на поддержку дома, встрѣченъ былъ послѣднимъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ. Дѣйствительно, пока еще не отъ чего было падать духомъ: года не проходило безъ того, чтобы закоренѣлыя старческія убѣжденія «верзилы» не встрѣчали краснорѣчиваго подтвержденія; въ стѣнахъ его то и дѣло раздавался голосъ Сергѣя Львовича: «эй, Софронъ, починить въ домѣ балконъ!» «Никаноръ, законопатить уголъ къ

саду!» «Зензевѣй! обмазать глиной фундаментъ!» и т. д. Послѣ каждаго изъ этихъ приказаній, исполнявшихся безъ прекословія, «верзила», казалось, только прищуривался и говорилъ про себя: «не выдавай пожалуй на меня денегъ,—мнѣ не хуже отъ этого; меня все-таки и чинятъ, и конопатятъ!»

Такъ продолжалось до той поры, когда разъ тѣ же стѣны «верзилы» потрясись извѣстіемъ, что Софронъ, Зензевѣй и Никаноръ ни за что уже не станутъ подновлять его, довольствуясь одними приказаніями Сергѣя Львовича, но потребуютъ еще въ придачу денежныхъ жертвъ со стороны владѣльца. Дѣло, очевидно, стало изъ рукъ вонъ плохо. Съ перваго же лѣта, «верзила», неподкрашенный и неподтыканный, пересталъ улыбаться; щеки его покрылись трещинами и морщинами какъ у старой барыни, которая вдругъ перестала бѣлиться и румяниться. Единственнымъ утѣшеніемъ «верзилы» осталась многочисленная дворня, храпѣвшая во всѣхъ его углахъ и закоулкахъ, или сновавшая по всѣмъ направленіямъ обширнаго двора; въ этомъ грезилось ему напоминаніе минувшихъ дней золотого вѣка, — вѣка его невозвратно протекшей юности. Но когда отняли у него и эту послѣднюю радость, когда въ одно прекрасное утро, изъ сорока-семи дворовыхъ людей, остались только подслѣповатый кучеръ Власъ, старая нянька Ульяна, да лакей Петръ Кондратьевичъ съ женою; когда, три дня сряду, кухня не огласилась звукомъ ножа, потому что бывшій поваръ заломилъ вдругъ такую цѣну, что Сергѣй Львовичъ приказалъ въ тотъ же мигъ вытолкать его въ зашеи; когда на опустѣвшемъ барскомъ дворѣ изрѣдка стали показываться чужіе наемные люди, Петръ, Прохоръ и горничная Аннушка, — тогда «верзила» окончательно уже опустился, пріунылъ и насупился.

Вмѣстѣ съ нимъ насупился и даже какъ-будто похирѣлъ самъ Сергѣй Львовичъ. Хотя это произошло, какъ мы видѣли, не на столько, чтобы нельзя было заключить сразу о томъ, что въ молодости онъ былъ очень ловокъ и славно танцовалъ мазурку,—близкіе его знакомые находили однакожъ, что онъ «шибко опустился». Человѣкъ

самаго веселаго нрава, безпечный и въ высшей степени снисходительный и добрый, онъ вдругъ началъ выказывать тѣ же симптомы раздражительности, какъ было послѣ измѣнической забаллотировки. Раздражительность возбуждалась теперь только другими причинами; тогда избѣгали говорить съ нимъ о дворянахъ; теперь не слѣдовало прикасаться къ крестьянамъ, «этимъ добрымъ дудиловскимъ мужичкамъ», какъ называлъ онъ ихъ прежде и «этимъ неблагодарнымъ скотамъ», какъ сталъ онъ называть ихъ въ послѣднее время.

Но объ этомъ послѣ; намъ необходимо скорѣе присоединиться къ Сергѣю Львовичу, который старается догнать жену прежде чѣмъ она войдетъ въ домъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,

состоящая изъ сюрпризовъ и короче знакомящая съ членами семейства.

Сергѣй Львовичъ настигнулъ жену уже въ прихожей; онъ вошелъ въ ту минуту, какъ она цѣловалась съ нянькой Ульяной, старушкой лѣтъ семидесяти, вынянчившей Сергѣя Львовича, потомъ поочередно всѣхъ его дѣтей. Шепнувъ что-то Зинаидѣ Львовнѣ, все еще державшей подъ руку свою подругу, Люлюковъ, къ которому успѣла возвратиться веселость, пригласилъ всѣхъ идти въ залу.

Тамъ былъ уже накрытъ столъ. Не считая двухъ пузатыхъ графиновъ съ квасомъ, на столѣ красовались: початая бутылка хересу противъ стула Сергѣя Львовича и большой букетъ цвѣтовъ противъ тарелки Софьи Алексѣевны. Голоса Кати, Сони, Маши и только-что пріѣхавшей Вѣрочки звонко долетали изъ саду въ растворенныя окна.

Какъ-бы случайно проведя жену мимо букета, Сергѣй Львовичъ пріостановился и кашлянулъ два раза. Невниманіе жены, которая такъ была поглощена Зинаидой Львовной, что не повела даже глазомъ, нѣсколько обидѣло супруга; но это продолжалось всего секунду; веселость и

оживленіе въ тотъ же мигъ отразились на его щекахъ; въ немъ видимо играла какая-то мысль, подстрекавшая въ высшей степени его нетерпѣніе и не дававшая ему угомону. Мигая украдкой Зинаидѣ Львовнѣ, онъ взялъ жену подъ другую руку, и суетливо повелъ ихъ обѣихъ изъ залы въ коридоръ, оттуда вверхъ по лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ находились собственно жилыя комнаты; тутъ, между прочимъ, была и спальня Люлюковой.

Войдя въ нее и окинувъ глазами стѣны только-что оклеенныя новыми обоями и даже издававшія кислый запахъ клея, Софья Алексѣевна ограничилась тѣмъ лишь, что обмѣнялась съ подругой выразительнымъ пожатіемъ руки. Сергѣй Львовичъ не замѣтилъ этого движенія.

— Я, Serge, очень тебѣ благодарна... но зачѣмъ все это?.. зачѣмъ?.. проговорила Софья Алексѣевна, обративъ къ мужу увлаженный взглядъ.

— Душа моя, ты давно этого желала! воскликнулъ нѣсколько умиленный супругъ,—я это зналъ! давно зналъ!..

Софья Алексѣевна отрицательно покачала головой.

— Пожалуйста не скрывай! не думай, главное, чтобы кто нибудь высказалъ мнѣ твою мысль, убѣдительнымъ тономъ подхватилъ Сергѣй Львовичъ,—ни дѣти, ни Зиночка, никто не сказалъ ни слова!.. (выразительное пожатіе руки было на этотъ разъ со стороны Зинаиды Львовны). Я нарочно ждалъ твоего отъѣзда, чтобы сдѣлать тебѣ этотъ маленькій сюрпризъ... Сущая бездѣлица: всего нѣсколько кусковъ обоевъ... конечно такъ; но посмотри, между тѣмъ, какую веселость эта бездѣлица придала твоей комнатѣ!.. добавилъ онъ, весело размахивая во всѣ стороны руками и стараясь этою оживленною пантомимой навести глаза жены на мебель и ширмы, обитыя новымъ ситцемъ.

Сергѣй Львовичъ, казалось, только и ждалъ этой минуты, восторгъ и радость неистово забушевали въ его моргающихъ глазахъ. Не давъ женѣ произнести слова, не давъ ей даже хорошенько осмотрѣться, онъ съ необычайнымъ проворствомъ схватилъ ее за талію, опустилъ въ ближайшее кресло, качнулъ ее раза два сверху внизъ, чтобы дать почувствовать эластичность новыхъ пру-

жинъ, въ тотъ же мигъ приподнялъ ее опять на ноги, тутъ же погрузилъ на сосѣдній диванъ, и снова подвергнулъ испытанію новыя пружины. Склонный увлекаться и развеселяться такъ же скоро, какъ и падать духомъ, Сергѣй Львовичъ не остановился на этомъ. Бросивъ Зинаидѣ Львовнѣ взглядъ, который ясно говорилъ: «озадачивать, такъ озадачивать!» — и вовсе не замѣчая, что глаза послѣдней магнетически устремлялись на Софью Алексѣевну, съ очевидною цѣлію поддержать въ ней нравственныя физическія силы, онъ снова приподнялъ жену и повелъ ее за ширмы, но такъ однакожъ, чтобы глазамъ ея представилась сначала одна кіота съ образами; послѣ этого онъ вдругъ повернулъ ее лицомъ къ постели, завѣшенной новымъ кисейнымъ пологомъ, прикрѣпленнымъ къ потолку розовымъ бантомъ.

— Это тебѣ отъ мухъ!.. отъ мухъ!.. воскликнулъ Сергѣй Львовичъ, приходя неожиданно въ умильное состояніе.

Тутъ онъ обнялъ жену, стараясь отвернуть голову, частію чтобы свободно моргать увлаженными глазами, частію потому, что ребро лифа какъ разъ пришлось ему поперегъ носа.

Разсудивъ въ простотѣ своей безхитростной души, что все это можетъ черезчуръ уже потрясти и безъ того разстроенные нервы супруги, Сергѣй Львовичъ объявилъ наотрѣзъ, что сюрпризы кончены; во что бы ни стало, слѣдовало ему теперь какъ можно скорѣе развлечь, разсѣять и даже укрѣпить Софью Алексѣевну. На этомъ основаніи, онъ поспѣшилъ принять веселый, улыбающійся видъ,—на что, впрочемъ, не потребовалось съ его стороны слишкомъ большихъ усилій.

— Ты устала, я знаю, заговорилъ онъ, но сдѣлай надъ собой еще крошечное усиліе: не отдыхай до поры до времени! Вопервыхъ, ты испортишь себѣ ночь, вовторыхъ, сейчасъ обѣдать, втретьихъ... но втретьихъ, я попросту самъ не допущу тебя до этого...

— Но, Сергѣй Львовичъ... начала-было супруга.

— И не говори: — не допущу, не допущу! кричалъ Сергѣй Львовичъ, размахивая руками.

— Но, Сергѣй Львовичъ... вмѣшалась Зинаида Львовна.

— Ничего не хочу слушать! — ничего, рѣшительно! продолжалъ Люлюковъ. — Что же это такое, въ самомъ дѣлѣ: ждали цѣлый мѣсяцъ, сегодня пріѣхала и вдругъ не увидишь тебя цѣлый день! Нѣтъ, ты просто и не имѣешь права лишить всѣхъ насъ удовольствія побыть съ тобою.

— Я вовсе не о томъ, Serge... сказала Люлюкова разслабленнымъ голосомъ.

— Она не о томъ вовсе, вмѣшалась опять Зинаида Львовна, начинавшая терять терпѣніе.

— Что-жъ такое? Въ чемъ же дѣло? спросилъ все болѣе и болѣе оживлявшійся Сергѣй Львовичъ.

— Мнѣ бы хотѣлось сегодня отслужить молебенъ... проговорила какъ бы черезъ силу Софья Алексѣевна.

— А, ну, это другое дѣло! Ты бы давно такъ сказала! Изволь, душа моя! сейчасъ же распоряжусь, чтобы священникъ былъ здѣсь часамъ къ пяти... проговорилъ Сергѣй Львовичъ, переходя къ снисходительному, отчасти даже серіозному тону, какъ и требовалъ предметъ разговора.—Да будетъ однакожъ извѣстно вамъ обѣимъ, промолвилъ онъ:—вамъ дается всего нѣсколько минутъ времени, — ровно столько, чтобъ освѣжить себѣ лицо водою и поправить кринолины, которые, вѣроятно, шибко измялись въ дорогѣ... Чтобы вы не тратили попусту времени, велю между тѣмъ подавать супъ! Помните же, господа: всего нѣсколько минутъ!..

Сдѣлавъ такое заключеніе уже въ шутливомъ тонѣ, Сергѣй Львовичъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты и застучалъ сапогами по лѣстницѣ.

Оставшись вдвоемъ, дамы сдѣлали такое движеніе, какъ актрисы въ живыхъ картинахъ, когда упавшая занавѣсь позволяетъ имъ перемѣнить трудную позу.

— Господи! простонала Софья Алексѣевна.

— Господи! повторила за нею Зинаида Львовна.

Послѣ этого неожиданно простерли руки одна къ другой; простоявъ такимъ образомъ нѣсколько секундъ, и не то любуясь одна другою, не то прислушиваясь къ уда-

лявшимся шагамъ Люлюкова, обѣ вдругъ ринулись впередъ и заключили другъ друга въ объятья.

— Зинаида! проговорила Софья Алексѣевна, опуская лицо на шею подруги.

— Sophie! подхватила Зинаида Львовна, томно закидывая голову и вперяя мокрые глаза въ потолокъ.

Надо сказать, однакожъ, что въ этой короткой, но выразительной сценѣ, Люлюкова показала себя несравненно холоднѣе своей подруги; у нея замѣтно не было столько огня, столько воодушевленія и экзальтаціи, какъ у послѣдней. Отчасти это понятно: Софьѣ Алексѣевнѣ было уже подъ сорокъ, тогда какъ Зинаида Львовна была моложе ея цѣлыми двумя годами!

Освободившись изъ объятій подруги, Софья Алексѣевна опустилась на диванъ, и снова вздохнула.

Зинаида Львовна съ живостью схватила ея руку.

— Понимаю тебя! понимаю! произнесла она съ чувствомъ:—между нами не нужно словъ; мы могли бы, кажется, быть нѣмыми и все-таки понимали бы другъ друга такъ же хорошо, какъ теперь понимаемъ!.. Но что же дѣлать? не всѣ созданы одинаково, и есть люди, которые... словомъ, я вполнѣ тебѣ сочувствую, вполнѣ тебя понимаю...

Зинаида Львовна не ошибалась. Проникая въ сокровеннѣйшіе изгибы души подруги дѣтства, она очень хорошо знала, чего хотѣлось въ настоящую минуту Софьѣ Алексѣевнѣ и о чемъ она такъ глубоко вздыхала; Зинаида Львовна какъ нельзя болѣе сочувствовала желанію подруги, состоявшему въ томъ, чтобы остаться въ комнатѣ, провести нѣсколько благоговѣйныхъ минутъ передъ образами, потомъ скорѣе лечь въ постель, накушаться чаю и предаться возстановительному отдыху, столь необходимому послѣ долгаго путешествія. Но что дѣлать! какъ быть! Не въ томъ ли именно и заключается высокая роль женщины, чтобы всегда и во всемъ умѣть подавлять въ себѣ желанія и стремленія? Не въ томъ ли состоитъ ея назначеніе, чтобы, подобно сказочному пеликану, приносить всегда свои чувства, и, въ случаѣ надобности, даже печенки, въ жертву тому, что люди приняли называть долгомъ? Именно такъ! Ангельская покорность, выражавшаяся

на лицѣ Софьи Алексѣевны въ то время, какъ она подымалась съ дивана (Богъ свидѣтель, однакожъ, какъ тяжело было ей это сдѣлать) не оставляла сомнѣнія, что сознаніе долга и высокое свойство самоотверженія управляли въ ея душѣ всѣми остальными чувствами. Зинаида Львовна, не перестававшая поддерживать энергію подруги, доказывала съ своей стороны, что чувства эти были ей также хорошо знакомы.—«*Онъ* этого хочетъ! *Онъ* этого желаетъ! что-жъ дѣлать! надо покориться его требованію!» повторяла она, стараясь вмѣстѣ съ тѣмъ внушить, какъ имъ необходимо торопиться, чтобы поспѣть къ приходу Сергѣя Львовича.

Легко также могло статься, что Зинаида Львовна имѣла при этомъ свою собственную, затаенную цѣль. Дѣйствительно, такъ оно и было. Затаенная цѣль Зинаиды Львовны не замедлила выступить во всемъ блескѣ своей невинности при первомъ взглядѣ Люлюковой на кусокъ розоваго мыла, купленный на собственныя деньги Зинаиды Львовны. Мыло лежало на холстяномъ квадратѣ, вышитомъ по краямъ краснымъ гарусомъ; поспѣшность, съ какою Зинаида Львовна принялась лить воду на руки подруги, не оставляла сомнѣнія, что она не придаетъ никакой цѣны этимъ маленькимъ знакамъ дружбы. Когда Софья Алексѣевна обратилась къ ней съ мокрымъ лицомъ и встрѣтила незнакомое полотенце съ шитыми концами (новый подарокъ), Зинаида Львовна и тутъ не дала ей выговорить слова; даже послѣ, когда вокругъ шеи Люлюковой обвился новый воротничокъ, а на рукахъ очутились новые рукавчики, Зинаида Львовна ограничилась тѣмъ только, что съ чувствомъ обняла ее, сказавъ: «что такъ какъ подарки эти не заключаютъ въ себѣ ничего внѣшняго, тщеславнаго (при этомъ она невольно обвела глазами новые обои стѣнъ, обивку мебели, кисейный пологъ и розовый бантъ), то деликатныя чувства Софьи Алексѣевны не только не могутъ оскорбиться ими, но она должна принять ихъ къ сердцу, такъ какъ сами они внушены чистѣйшими побужденіями нѣжнаго, любящаго сердца!»

Все это, весьма натурально, сильно тронуло Люлюкову и окончательно распустило ея нервы; такъ что, когда шаги

Сергѣя Львовича послышались на лѣстницѣ, она не въ силахъ уже была владѣть своими чувствами: она тяжело опустилась на диванъ и произнесла изнемогающимъ голосомъ:

— Еслибы ты знала только, Зиночка, какъ я устала!..

— Святая женщина! возразила на это Зинаида Львовна, съ какимъ-то дикимъ энтузіазмомъ въ глазахъ:—но что́ же дѣлать! Жизнь женщины,—испытаніе! Нашъ удѣлъ: терпѣть, страдать и приносить себя въ жертву!..

— Можно войдти? весело крикнулъ Сергѣй Львовичъ, постукивая въ дверь.

— Можно! отвѣтили обѣ женщины голосомъ, который доказывалъ, что секунды этой было имъ довольно, чтобы вполнѣ овладѣть собою и быть готовыми самоотверженно забыть себя въ пользу кого бы то ни было.

— Ну, душа моя, за священникомъ послано! Онъ будетъ въ пять часовъ, заговорилъ Сергѣй Львовичъ, щедро угощая себя табакомъ:—ну что, какъ ты себя теперь чувствуешь? Ободрилась, а? Не правда ли, удивительно всегда дѣйствуетъ, когда умоешься послѣ дороги?.. Ну и прекрасно! Пойдемте внизъ; обѣдъ давно готовъ и супъ на столѣ...

Дѣти, не исключая, конечно, и маленькаго Коко, давно ожидали въ залѣ своихъ родителей; не доставало только Ольги Ивановны: она, по обыкновенію, явилась въ ту минуту, какъ усаживались за столъ. Проходя мимо Коко, лицо котораго было еще красно отъ недавно-пролитыхъ слезъ, Сергѣй Львовичъ принялъ вдругъ строгую осанку и показалъ видъ, что не замѣчаетъ сына; собственно, Сергѣй Львовичъ былъ очень веселъ. Подтвержденіемъ этого могло служить слѣдующее обстоятельство: усадивъ жену на стулъ, онъ ловко юркнулъ къ двери прихожей, полурастворилъ ее и комически подмигнулъ стоявшему тамъ старому лысому лакею, который держалъ блюдо съ пирожками для супа. Послѣ этого, онъ также проворно вернулся къ столу и занялъ свое мѣсто.

— Знаешь ли какая новость, Сонечка, очень прискорбная новость, мой другъ, началъ Сергѣй Львовичъ, когда всѣ усѣлись (Софья Алексѣевна сидѣла спиною къ

двери, скрывавшей таинственную лысую личность):—ты не пугайся, однакожъ, мой другъ; новость, конечно, весьма непріятная, и она жестоко тебя озадачитъ; но все-таки, она не такого рода, чтобы была неисправима; впрочемъ, если взять въ соображеніе то, что теперь совершается на бѣломъ свѣтѣ... или по крайней мѣрѣ въ нашемъ отечествѣ, надобно быть ко всему готовымъ...

Зинаида Львовна взглянула на Сергѣя Львовича, повела глазами по направленію къ Софьѣ Алексѣевнѣ и съ укоризной покачала головой.

— Я уже предупредилъ Сонечку, чтобъ она не пугалась, сказалъ Сергѣй Львовичъ, выразительно кашлянувъ два раза.

При этомъ, изъ двери тихонько выплылъ таинственный незнакомецъ, представлявшій изъ себя пожилого двороваго человѣка съ широкимъ глянцевымъ лицомъ, приплюснутымъ кверху носомъ, толстымъ подбородкомъ и маленькими свиными глазками, заплывшими отъ жира; лицо его отъ одного уха до другого, отъ подбородка до лысины, которая обнимала вокругъ голову, превращено было, казалось, въ одну умилительную улыбку. Ставъ за стуломъ барыни, онъ вопросительно взглянулъ на Сергѣя Львовича. Дѣти, заранѣе предупрежденные отцомъ, поспѣшили уткнуть носъ въ тарелки, чтобы удержаться отъ смѣха.

— Представь себѣ, душа моя, кого мы лишились! продолжалъ между тѣмъ Сергѣй Львовичъ: — лишились мы, можно сказать, послѣдняго изъ нашихъ Могикановъ! Да, насъ оставилъ нашъ послѣдній вѣрный слуга: Петръ Кондратьевичъ!..

Софья Алексѣевна едва пошевелила красными пятнами, замѣнявшими ей брови. Очевидно, не стоило готовить ей сюрпризовъ; Сергѣй Львовичъ всякій разъ сознавался въ этомъ; но всякій разъ, увлекаясь какою-нибудь новою игривою мыслью, не могъ утерпѣть, чтобы не привести ее въ исполненіе. Такъ точно было и теперь.

— Гмъ! гмъ! кашлянулъ онъ снова.

Петръ Кондратьевичъ выдвинулъ впередъ блюдо съ пирожками и умильно наклонился къ барынѣ.

— Sophie, взгляни! взгляни же! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, заставляя ее поднять глаза.

— Петръ Кондратьевичъ! проговорила Люлюкова съ тѣмъ убійственнымъ равнодушіемъ, какое прикладывалось ею ко всѣмъ событіямъ жизни.

Но уже и этого было довольно. Сергѣй Львовичъ, а за нимъ дѣти, огласили залъ такимъ хохотомъ, что окна зазвенѣли. Сергѣй Львовичъ и Коко̀ смѣялись, впрочемъ, громче другихъ.

Подъ конецъ улыбнулась даже сама Софья Алексѣевна.

ГЛАВА ПЯТАЯ,

уясняющая отчасти тенденціи Ольги Ивановны. Сергѣю Львовичу дѣлаютъ сюрпризъ, передъ которымъ блѣднѣютъ и меркнутъ его собственные сюрпризы.

Въ этомъ единодушномъ взрывѣ хохота, отъ котораго окна «верзилы» дрогнули, какъ отъ землетрясенія, одна Ольга Ивановна не приняла никакого участія. Мало того: когда дѣтскій крикъ и визгъ достигли крайняго своего предѣла, она вдругъ строго выпрямилась, нахмурила брови и обвела присутствующихъ олимпійскимъ, величественнымъ взглядомъ.

Изъ этого, само-собою разумѣется, слѣдовало заключить, что Ольга Ивановна находится въ чрезвычайно раздраженномъ состояніи духа. Мы не ошибемся, кажется, если скажемъ, что виною всему было послѣднее ея объясніе съ Сергѣемъ Львовичемъ.

Собственно говоря, объясненіе это не открыло ей ничего новаго; еще менѣе могло оно подѣйствовать во вредъ или въ пользу мнѣнія Ольги Ивановны относительно Люлюкова и вообще членовъ его семейства. Мнѣнія ея были слишкомъ основательны и тверды, чтобы могли колебаться отъ такихъ ничтожныхъ случайностей. Мнѣніе было составлено чуть ли еще не въ первый день поступленія ея въ домъ (она, между тѣмъ, жила уже здѣсь безъ ма-

лаго три мѣсяца). Ольгѣ Ивановнѣ довольно было, конечно, обмѣняться нѣскольскими словами съ Люлюковыми, чтобы понять ихъ въ совершенствѣ и горько убѣдиться (съ обще-человѣческой точки зрѣнія, разумѣется), до какой степени могутъ иногда простираться человѣческая отсталость и тупоуміе. Она, можно сказать, съ перваго взгляда раскусила ихъ и съ перваго взгляда не ошиблась, назвавъ Софью Алексѣевну: «безсмысленною лепешкой», Зинаиду Львовну: «уксусною кислотой», а Сергѣя Львовича: «дикимъ плантаторомъ и, сверхъ того, пошлымъ ретроградомъ». Но это собственно ничего не значило; она тутъ же сказала себѣ, что готова примириться съ кретинизмомъ, лишь бы кретинизмъ, съ своей стороны, держалъ себя въ отношеніи къ ней или къ просвѣщенію, что въ сущности было одно и то же, скромно, смиренно и почтительно.

Но бѣда въ томъ именно и заключалась, что она никакъ не могла достигнуть такой цѣли; лучшимъ подтвержденіемъ ея неуспѣха служило послѣднее столкновеніе съ Сергѣемъ Львовичемъ. Рѣзкій и явно неуважительный тонъ Люлюкова яснѣе дня доказывалъ, что Ольгѣ Ивановнѣ давали здѣсь не больше значенія, какъ простой гувернанткѣ. При этомъ вся кровь бросилась ей въ голову, и въ сердцѣ невольно начинали шевелиться враждебныя чувствованія. Гувернантка!—одно это названіе напоминало что-то до такой степени подчиненное, рабское и, вмѣстѣ съ тѣмъ, обветшалое и отсталое, что очевидно ни въ какомъ случаѣ не могло быть примѣнимо къ Ольгѣ Ивановнѣ; она и по принципу, и по тенденціямъ своимъ была существомъ слишкомъ свободнымъ, передовымъ и современнымъ. Не даромъ, съ перваго дня поступленія ея къ Люлюковымъ, одна изъ главныхъ заботъ ея состояла въ строгомъ наблюденіи за собой, чтобы какъ-нибудь нечаянно не коснуться роли гувернантки, столь несовмѣстной съ ея достоинствомъ. Ольга Ивановна ни разу не вошла въ спальню дѣтей, не присутствовала, когда дѣвочки ложились спать, вставали, одѣвались, умывались и причесывались; она не останавливала дѣтей, когда они шалили, не вмѣшивалась въ ихъ игры, не го-

ворила имъ, за столомъ въ особенности: «держитесь прямѣе; опустите ваши плечи; не кладите пальца въ ротъ», и т. д.; все это, очень естественно, было до такой степени пошло и рутинно, что она положительно сочла бы себя компрометированною въ собственныхъ глазахъ, еслибы когда-нибудь поступила такимъ образомъ. Она предоставляла заниматься такими мелочами кому угодно: отцу, матери, Зинаидѣ Львовнѣ; могли наконецъ для этого спеціально нанять какую-нибудь «блаженную тупицу», какъ обыкновенно выражалась Ольга Ивановна, говоря вообще о гувернанткахъ.

Дѣло, кажется, было ясно; роль Ольги Ивановны сама собою обрисовывалась; но, повидимому, и этого еще не довольно было для полнаго вразумленія Люлюковыхъ. Обращаясь къ ней то и дѣло съ глупѣйшими требованіями, какъ къ простой гувернанткѣ, они ясно доказывали, что не понимаютъ прямой, настоящей обязанности Ольги Ивановны. Оставалось только, какъ говорится, разжевать да въ ротъ положить. Ольга Ивановна такъ и сдѣлала. Воспользовавшись первымъ удобнымъ случаемъ, она напрямикъ объявила, что дѣло ея собственно—«святое дѣло»—такъ она выразилась—«состоитъ исключительно въ томъ, чтобы пробуждать къ сознанію умъ дѣтей, умъ страшно запущенный отъ недостатка культуры; подвергнуть, потомъ, этотъ умъ постепенному развитію и, подготовивъ его такимъ образомъ, направить интеллигенцію къ уразумѣнію современной мысли!» Кажется, было ясно; но и тутъ-таки Ольга Ивановна положительно не уяснилась ни на волосъ въ глазахъ Люлюковыхъ.

Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна слова не промолвили, ограничиваясь тупымъ, вопросительнымъ взглядомъ; Сергѣй Львовичъ, въ знакъ удивленія, необдуманно засадилъ себѣ въ носъ такую порцію табаку, что черепъ его рисковалъ быть взорваннымъ на воздухъ какъ пороховой погребъ. Онъ съ своей стороны также не нашелъ что отвѣтить; только развелъ руками и минуты двѣ стоялъ вытаращивъ глаза, какъ баранъ на гумно.

А между тѣмъ, говоря по справедливости, Ольга Ивановна выражалась о своихъ намѣреніяхъ не только ясно, но даже скромно. Такое свойство составляетъ впрочемъ, какъ извѣстно, отличительную черту того поколѣнія и того круга молодыхъ ученыхъ, къ которому она принадлежала. Она готовила себя для поприща несравненно болѣе обширнаго, чѣмъ то, о которомъ говорила; прямымъ назначеніемъ ея было проводить свѣжія борозды въ новыхъ, непочатыхъ еще дѣвственныхъ почвахъ, и сѣять въ нихъ сѣмена новыхъ взглядовъ, новаго міросозерцанія. Въ этомъ краснорѣчиво убѣждалъ ее, точно также какъ и ея подругъ, учитель словесности Іерусалимскій, человѣкъ еще молодой, но уже столь самоотверженный и до того преданный дѣлу посѣва новаго слова и новой мысли, что нарочно съ этою цѣлью взялъ скромную должность учителя, тогда какъ, изъ его же словъ было видно, стоило ему захотѣть, чтобъ играть громкую роль въ исторіи отечества, или, какъ онъ часто самъ говаривалъ: «стать во главѣ мірового событія!» Каждое слово самоотверженнаго Іерусалимскаго тѣмъ сильнѣе врѣзывалось въ сердца слушательницъ и превращалось тамъ въ несокрушимое убѣжденіе, что самыя эти сердца были умягчены до степени ваты пламенною любовью къ наставнику.

Послѣ всего сказаннаго, никто, конечно, не станетъ спорить, что Ольга Ивановна, поступивъ въ семейство Люлюковыхъ, была положительно не на своемъ мѣстѣ. Сомнѣніе окончательно исчезнетъ, если мы скажемъ, что здѣсь, благодаря тупоумію и жалкой отсталости, не только не понимали Ольгу Ивановну, но даже во всемъ постояно ей противорѣчили. Такъ, напримѣръ, на второй или на третій день ея поступленія, дѣти, явившись по обыкновенію утромъ здороваться съ Сергѣемъ Львовичемъ, остановились передъ нимъ и, неожиданно протянувъ ему правую руку, сказали: «здравствуй, отецъ!» Въ этомъ, каждый согласится, было, конечно, больше достоинства и естественности, чѣмъ броситься къ отцу на шею, обвить его руками и назвать его папашей, папенькой или папашенькой, какъ дѣлывали они въ прежнее время. Между тѣмъ, вотъ что вышло:

— Это что значитъ? зарычалъ вдругъ Сергѣй Львовичъ дикимъ, совершенно звѣрскимъ какимъ-то голосомъ.

— Ольга Ивановна такъ приказала!... отвѣтили въ одинъ голосъ оторопѣвшія дѣти.

— Ольга Ивановна! возразилъ Люлюковъ, страшно моргая глазами:—ну пусть она себѣ тамъ какъ хочетъ, но только я вамъ приказываю здороваться со мною всегда такъ, какъ вы прежде это дѣлали!

Другой примѣръ.

Около того же времени, отецъ Леонидъ явился какъ-то въ домъ; дѣти, имѣвшія обыкновеніе бѣжать къ нему подъ благословеніе, на этотъ разъ остановились въ почтительномъ разстояніи и только присѣли.

— Это что значитъ? завопилъ опять Сергѣй Львовичъ, воспламеняясь такимъ негодованіемъ, что даже отца Леонида бросило въ жаръ.

— Ольга Ивановна такъ приказала! возразили перепуганныя дѣти.

— А я вамъ приказываю дѣлать такъ, какъ всегда дѣлали! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, не обративъ даже вниманія на то, что сама Ольга Ивановна тутъ присутствовала.

Такъ вотъ какія лица окружали Ольгу Ивановну и какъ ее здѣсь понимали!

Энергія ея, конечно, не ослабла отъ этого, и убѣжденіе не подалось ни на волосъ; но не естественно ли было ей потерять охоту дѣйствовать съ прежнею готовностью на развитіе дѣтей такихъ тупоумныхъ родителей? Это тѣмъ болѣе натурально, что сами дѣти, сама почва, доставшаяся Ольгѣ Ивановнѣ для перваго опыта (Люлюковы были первое семейство, открывшее поприще ея дѣятельности), сама почва туго какъ-то, неохотно поддавалась воздѣлыванію.

Ольга Ивановна приписывала такое обстоятельство чисто вліянію запущенности; но мы скорѣе готовы видѣть въ этомъ вліяніе подмѣси въ славянскую люлюковскую почву татарскаго элемента, что очевидно должно было значительно ослабить первую и сдѣлать ее менѣе способною для принятій «заложеній».

Познакомясь, такимъ образомъ, съ ходомъ дѣла, каждый человѣкъ, обладающій самолюбіемъ и сколько-нибудь знакомый съ чувствомъ достоинства, легко согласится, что Ольга Ивановна, сверхъ своихъ качествъ, должна еще была владѣть значительною долей терпѣнія, чтобы послѣ объясненія съ Люлюковымъ, ограничиваться молчаніемъ и кусаніемъ собственныхъ ногтей. Даже послѣ, за вторымъ или третьимъ блюдомъ, когда Софья Алексѣевна обратилась къ ней съ вопросомъ: довольна ли она дѣтьми и чѣмъ занимались они въ ея отсутствіе, Ольга Ивановна умѣла на столько владѣть собою, чтобъ отвѣтить ей спокойно и безъ явнаго раздраженія:

— Да... я ими довольна... они подвинулись впередъ... Мы прочли изъ журнала нѣсколько очерковъ римскихъ женщинъ по Тациту... Къ сожалѣнію, я должна сказать: у нихъ вообще мало любознательности къ серьезнымъ предметамъ...

Не къ чему, кажется, тутъ было придраться. Каждый отецъ, безъ сомнѣнія, пришелъ бы въ неописанный восторгъ отъ мысли, что дѣти его еще на десятомъ году читаютъ Тацита; Сергѣй Львовичъ не такъ, однакожь, понялъ дѣло; упустивъ изъ виду главное, онъ придрался къ мелочи; именно: онъ оскорбился, что въ дѣтяхъ его не нашли никакой любознательности.

— Гм! Не знаю... проговорилъ онъ обиженнымъ тономъ,—если Катя и Соня не отличаются большою любознательностью, нельзя сказать этого, по крайней мѣрѣ, о Вѣрочкѣ. Она такъ хорошо описала мнѣ ботаническій садъ, подлѣ котораго живетъ дядя Помпей Николаевичъ; въ такихъ живыхъ краскахъ представила мнѣ его дачу, ея внутреннее устройство, комнаты дяди, его вещи, что, очевидно, ничто не ускользнуло отъ ея вниманія... Впрочемъ, и то сказать надо, примолвилъ онъ,—и, вѣроятно, съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы отстранить споръ, который непремѣнно бы возникъ съ Ольгой Ивановной вслѣдствіе такого противорѣчія, — обстановка дяди Помпея Николаевича такого рода, что поневолѣ можетъ возбудить любопытство и любознательность... Кстати, душа моя, обратился онъ къ женѣ,—ты должна еще разсказать мнѣ

во всѣхъ подробностяхъ о томъ, что говорилъ тебѣ дядя, какъ онъ вообще... въ какомъ расположеніи... и прочее... Мнѣ необходимо это знать прежде чѣмъ приступлю къ письму... Я намѣренъ писать ему сегодня же...

— Это будетъ совершенно лишнее... флегматически возразила Софья Алексѣевна.

— Какъ? Почему?..

— Ты, Serge, не далъ мнѣ договорить, когда мы ѣхали въ каретѣ...

— Что-жъ такое? нетерпѣливо спросилъ Сергѣй Львовичъ.

— Дядя самъ сюда ѣдетъ; онъ будетъ у насъ черезъ четыре дня.

— Какъ?... могъ только произнести Сергѣй Львовичъ, раскрывая удивленные глаза.

Онъ откинулся назадъ, покраснѣлъ до корня волосъ и страшно заморгалъ.

— Очень просто, спокойно продолжала Софья Алексѣевна:—я застала дядю на отъѣздѣ въ деревню. Ты знаешь, онъ давно туда собирается; ему надо ѣхать мимо насъ; онъ узналъ, что въ воскресенье день моего рожденія, и далъ слово непремѣнно къ намъ заѣхать.

Еслибы могло случиться, что Софья Алексѣевна, вставъ передъ тѣмъ изъ-за стола, неожиданно сдѣлала антраша или вдругъ произнесла рѣчь на японскомъ языкѣ,—изумленіе Сергѣя Львовича не могло бы возрасти въ большей степени, какъ въ настоящую минуту.

Казалось, онъ ошалѣлъ совершенно, — ошалѣлъ какъ человѣкъ, котораго противъ всякаго ожиданія стукнули въ голову обухомъ.

Все это, впрочемъ, совершенно въ порядкѣ вещей; надо разсудить только, что Сергѣй Львовичъ, въ продолженіе своей двадцатипятилѣтней супружеской карьеры, не могъ простоять съ кѣмъ-нибудь пяти минутъ безъ того, чтобы не намекнуть, что женатъ на родной племянницѣ Помпея Николаевича Пыщина. Онъ иногда чувствовалъ даже, что поступаетъ не совсѣмъ ловко, чувствовалъ свою безтактность; но что-жъ дѣлать! желаніе высказаться все-таки перевѣшивало его волю. Принимая во вниманіе об-

щественное положеніе и мѣсто, которое занималъ нѣсколько лѣтъ назадъ Помпей Николаевичъ Пыщинъ, не многіе, впрочемъ, находясь въ родствѣ съ нимъ, рѣшились бы скромно умолчать о такомъ предметѣ. Съ нѣкоторыхъ поръ слава Помпея Николаевича начинала нѣсколько меркнуть; при всемъ томъ, еслибы пошло на сравненіе, его даже и теперь не иначе можно бы сравнить, какъ съ солнцемъ, которое хотя и клонится къ горизонту, но, тѣмъ не менѣе, въ силѣ еще ослѣпить кого угодно.

Въ провинціи, гдѣ все немилосердно запаздываетъ, не считая модъ и журналовъ, гдѣ больше живутъ прошедшимъ, чѣмъ будущимъ и даже настоящимъ,—пріѣздъ такого лица, какъ Помпей Николаевичъ, долженъ былъ произвести потрясающее дѣйствіе. Такая мысль прежде всего пришла въ голову Сергѣю Львовичу. Потрясающее дѣйствіе, какъ могутъ думать, не сопрягалось въ душѣ его съ практическими соображеніями уѣздной дипломатіи; пріѣздъ дяди уже самъ-по-себѣ, какъ фактъ, съ избыткомъ упитывалъ его тщеславіе, чтобъ оставить въ немъ мѣсто для другихъ желаній или цѣлей. Въ продолженіе двадцатипяти лѣтъ своей женитьбы, Сергѣй Львовичъ, всего два раза позволилъ себѣ мечтать о томъ, что было бы, еслибы дядя Пыщинъ вдругъ нагрянулъ въ Дудиловку!

«Боже праведный, какъ взбудоражился бы тогда весь уѣздъ, вся губернія!» Первый разъ онъ далъ волю мечтамъ своимъ въ избыткѣ радости, когда выбрали его предводителемъ уѣзда; но второй разъ, въ припадкѣ самолюбиваго огорченія, когда его такъ измѣнически забаллотировали. И вдругъ что же? Несбыточныя эти мечты осуществились! Сонъ превращается въ дѣствительность.

— Я совершенно пораженъ тѣмъ, что ты мнѣ сказала... именно пораженъ! другого выраженія не могу пріискать... произнесъ Сергѣй Львовичъ, приходя въ себя,— но, Боже мой, какъ же ты, мой другъ, ничего не сказала мнѣ прежде объ этомъ... Я просто ничего не понимаю...

— Я хотѣла сказать, но ты не далъ мнѣ договорить.

— Да, помню... помню... тогда, въ каретѣ!.. Охъ, Боже мой, Боже мой! заговорилъ опять Сергѣй Львовичъ, по-

тирая ладонью раскраснѣвшійся лобъ и щеки:—ну, признаюсь, вотъ сюрпризъ такъ ужь сюрпризъ! Можно сказать!.. Ты, однако, послушай, мой другъ: не обманулась ли ты какъ-нибудь... не послышалось ли тебѣ?

— Нисколько, возразила супруга;—онъ положительно будетъ къ намъ или въ пятницу, или въ субботу.

— Сегодня вторникъ! разъ... два... три, стало-быть черезъ три дня! воскликнулъ Люлюковъ, приходя въ движеніе до послѣдняго суставчика.

«Все это прекрасно», пронеслось въ то же время молніей въ его головѣ, «надо подумать теперь, какъ принять его, какъ устроить все надлежащимъ образомъ, какъ все уладить въ домѣ, чтобы пріемъ соотвѣтствовалъ положенію, наконецъ привычкамъ Помпея Николаевича...»

Попавъ разъ въ эту колею, мысли Сергѣя Львовича пришли въ такое же безпокойное движеніе, какъ пчелы, когда растревожатъ улей. Онъ противъ всякаго ожиданія поднялся съ мѣста, окинулъ залу растерянными глазами, и также, противъ всякаго ожиданія, сѣлъ опять на свое мѣсто. Старанія его овладѣть собою и сохранить сколько-нибудь спокойствія въ глазахъ присутствующихъ, сдѣлались къ концу обѣда окончательно безполезными. Онъ положительно не могъ дать себѣ отчета въ томъ даже, какія подавались блюда и пробовалъ онъ ихъ или нѣтъ. Полное сознаніе возвратилось не прежде, какъ раздался шумъ стульевъ, возвѣстившій конецъ обѣда.

— Ну, господа, торопливо началъ Сергѣй Львовичъ, вскакивая со стула и въ разсѣянности запрятывая салфетку въ карманъ:—какъ видите, я въ восхищеньи! Видѣть у себя дядю Помпея Николаевича было всегда моею мечтой! Это такой человѣкъ, такая личность, которая... Но что говорить! вы сами это увидите!.. Жена не могла сдѣлать мнѣ болѣе неожиданнаго, болѣе пріятнаго сюрприза!..

Тутъ онъ остановился, подбѣжалъ къ Софьѣ Алексѣевнѣ, поцѣловалъ ее въ лобъ, потрепалъ щеку первой подвернувшейся дочери, пожалъ мимоходомъ руку Зинаидѣ Львовнѣ и снова заговорилъ съ прежнимъ увлеченіемъ:

— Теперь надо подумать, какъ бы устроить все какъ

слѣдуетъ къ его пріѣзду; прежде всего, какія отведемъ мы ему комнаты? подхватилъ онъ, блуждая вокругъ глазами:—надо ихъ устроить такъ, чтобы... словомъ, надо похлопотать! Теперь не то что прежде, когда, бывало, подъ рукою полсотни дворовыхъ и вся Дудиловка въ полномъ распоряженіи: эй, Власъ, Петрушка, сдѣлать то-и-то, и тотчасъ все закипитъ и все готово... Теперь предстоитъ самимъ похлопотать.

— Только кромѣ Sophie, горячо вступилась Зинаида Львовна,—вы знаете какъ она устала... Я буду вдвойнѣ помогать вамъ.

— Нѣтъ, отчего же... я готова... вымолвила Софья Алексѣевна, у которой слипались глаза.

— Спасибо, душа моя, спасибо; я всегда былъ въ тебѣ увѣренъ... всегда зналъ, что ты... Петръ Кондратьевичъ! обратился неожиданно Сергѣй Львовичъ къ лысому лакею:—не отходи отъ меня ни на шагъ: ты нуженъ мнѣ каждую секунду!.. Итакъ, за дѣло, друзья мои, за дѣло!.. Ахъ, Боже мой, я въ разсѣянности захватилъ салфетку!.. Петръ Кондратьевичъ, возьми ее... или нѣтъ, останься здѣсь, ты мнѣ нуженъ. Коко, возьми салфетку!.. Ну, пойдемте! заключилъ Люлюковъ, порываясь изъ залы съ такою силой, какъ будто въ сосѣдней комнатѣ засѣли разбойники и ему предстояло вступить съ ними въ ожесточенный бой.

Дѣло пріисканія достойнаго помѣщенія именитому гостю, по важности своей, требовало присутствія всего семейства.

— Въ иныхъ случаяхъ, сказалъ Сергѣй Львовичъ:—ребенокъ можетъ то замѣтить, что намъ, взрослымъ, не придетъ въ голову.

Обзоръ нижняго этажа показалъ, что гостиная и кабинетъ достойнѣе другихъ комнатъ вмѣщать въ стѣнахъ своихъ дядю Пыщина; но ихъ нельзя было, однакожъ, употребить въ дѣло. Начать съ того, надо было также подумать о помѣщеніи гостей, которыхъ Сергѣй Львовичъ намѣревался позвать столько же ко дню рожденія жены, сколько для приличной обстановки почетнаго дяди; вовто-

рыхъ, гостиная и кабинетъ, разсматриваемые какъ особое жилое помѣщеніе, представляли еще то важное неудобство, что при нихъ не было... (тутъ Сергѣй Львовичъ наклонился къ женѣ и пошепталъ ей что-то на ухо, причемъ Зинаида Львовна потупила глаза и покраснѣла).

Софья Алексѣевна предложила-было свою вновь отдѣланную комнату; но Сергѣй Львовичъ рѣзко отвергъ такую мысль,—обстоятельство, въ которомъ Зинаида Львовна увидѣла съ одной стороны лишній фактъ самоотверженія своей подруги, съ другой, извлекла новый фактъ, касательно загрубѣлости чувствъ нѣкоторыхъ мужей.

— Не понимаю, отчего предложеніе Sophie отвергается вами... проговорила она кисленькимъ голосомъ: — не говорю о другихъ удобствахъ, но во второмъ этажѣ превосходные виды...

— Виды хороши, спора нѣтъ, очень хороши! перебилъ Люлюковъ:—но вы забыли лѣстницу! Надо взять также въ соображеніе лѣта дяди: шутка подниматься каждый разъ!.. И наконецъ это просто нейдетъ какъ-то... положительно нейдетъ... Вы сами увидите: это такой человѣкъ, одинъ видъ котораго укрѣпляетъ какъ-то, возвышаетъ невольно нравственную сторону каждаго, кто на него смотритъ! подхватилъ онъ восторженно: — но это мимоходомъ; главное: на первомъ планѣ должны стоять удобство и спокойствіе! Комнаты Sophie нейдутъ къ дѣлу. Что-жъ касается видовъ, ты, Зиночка, подала мнѣ прекрасную мысль; виды дѣйствительно очень важная статья, и надо объ этомъ подумать... Обойдемте-ка еще разъ всѣ комнаты; можетъ-быть, можно будетъ сладить какъ-нибудь съ видомъ...

Послѣ долгихъ колебаній и преній, въ которыхъ принимали участіе всѣ члены семейства, рѣшено было остановиться на трехъ комнатахъ, имѣвшихъ сообщеніе съ заднимъ крыльцомъ. Только нельзя было, конечно, оставить ихъ въ настоящемъ видѣ; слѣдовало наложить тутъ сильную руку и перевернуть все вверхъ дномъ.

— Просто, голова кругомъ идетъ! сказалъ Сергѣй Львовичъ, внезапно останавливаясь. Страшный напоръ мы-

слей по поводу перемѣнъ и преобразованій окончательно его озадачилъ.

Положеніе его въ настоящую минуту было весьма схоже съ положеніемъ человѣка, неожиданно попавшаго въ водоворотъ, который завертѣлъ свою жертву прежде чѣмъ та успѣла опомниться.

Сергѣй Львовичъ чувствовалъ очень хорошо, что подлѣ него, на берегу, сидѣли жена и дочь, которыя только-что пріѣхали; чувствовалъ, что требовалось, хоть для виду, отдать имъ себя на этотъ вечеръ; чувствовалъ, что на берегу находились также другія дѣти со включеніемъ постороннихъ лицъ, которыя смотрѣли на него вопросительно,—и между тѣмъ, не могъ преодолѣть силы водоворота, увлекавшаго его все глубже и глубже на самое дно, гдѣ, въ видѣ какого-то морского божества, возсѣдалъ дядя Помпей Николаевичъ Пыщинъ. Можно было судить по лицу и глазамъ Сергѣя Львовича, какъ бился онъ иногда, стараясь вынырнуть и показать присутствующимъ нормальное состояніе духа; но это продолжалось всего секунду; въ то же мгновеніе рука дяди Пыщина какъ бы высовывалась изъ водоворота, хватала его за голову и снова увлекала на самое дно пучины.

— Уфъ! произнесъ Сергѣй Львовичъ, овладѣвая собою на минуту,—друзья мои, вижу: изъ этого ничего однакожъ не выйдетъ! Мы никогда ничего этакъ не кончимъ!.. Я позвалъ васъ сюда, просилъ помочь мнѣ... но вижу: такъ дѣло не пойдетъ! Та совѣтуетъ одно, другая другое, дѣти болтаютъ немилосердно, Коко какъ-то сопитъ... Я положительно теряю голову! Чувствую, что столбнякъ находитъ!.. Нѣтъ ужъ, Бога ради, оставьте меня на минуту одного, дайте мнѣ обдумать все это на свободѣ... Я лучше послѣ зайду къ вамъ и потолкую съ вами... но теперь... Петръ Кондратьевичъ, не отходи ни на шагъ; я могу позвать тебя съ минуты на минуту...

Заключивъ такимъ образомъ, Сергѣй Львовичъ понюхалъ въ нѣсколько пріемовъ, какъ бы стараясь сосредоточить и привести въ порядокъ свои мысли, и поспѣшно зашагалъ въ кабинетъ.

ГЛАВА ШЕСТАЯ,

доказывающая, что человѣкъ можетъ проходить черезъ всѣ испытанія, можетъ проходить сквозь огонь, воду и мѣдныя трубы и все-таки остаться цѣлымъ и невредимымъ.

Сергѣй Львовичъ жестоко однакожъ ошибся, разсчитывая на тишину и уединеніе своего кабинета. Онъ, правда, усѣлся въ кресло, прислонилъ голову къ спинѣ и даже крѣпко зажмурилъ глаза. Но это нисколько не подѣйствовало въ пользу сосредоточенія мыслей. Напротивъ, не стѣсняемыя теперь посторонними сужденіями, чувствуя себя вполнѣ на свободѣ, онѣ пришли въ самое неукротимое броженіе. Пущенныя сильно въ ходъ извѣстіемъ о пріѣздѣ дяди и подстрекаемыя тѣмъ сильнѣе, что срокъ пріѣзда былъ такъ коротокъ,— онѣ поднялись, какъ рой, и задвигались во всѣ стороны, перегоняя другъ дружку. Мысль объ оклейкѣ комнатъ новыми обоями не успѣвала установиться, какъ уже отлетала въ сторону, смѣняясь мыслью о скорѣйшемъ перенесеніи сюрпризной мебели изъ комнаты жены въ комнаты, предназначенныя именитому дядѣ; послѣдняя неожиданно вытѣснялась необходимостью вырубить передъ окномъ четыре акаціи и нѣсколько кустовъ бузины, заслонявшіе видъ на главную аллею сада. Воображеніе Сергѣя Львовича, углубляясь въ садовую аллею, которую требовалось посыпать пескомъ, хватало на лету заднее крыльцо, и въ то же время остановилось на крапивѣ, которую слѣдовало скосить подъ окнами; отъ крапивы Сергѣя Львовича бросало вдругъ совсѣмъ въ другую сторону: потребовалось вдругъ достать во что бы то ни стало печатный портретъ дяди и повѣсить его въ залѣ или поставить въ кабинетѣ на самомъ видномъ мѣстѣ. Нельзя же: портретъ дяди существуетъ, находится у постороннихъ, а они родственники— и не имѣютъ его! Очевидно, не ловко. Сергѣй Львовичъ не понималъ даже, какъ прежде такая мысль была упущена изъ виду. Отъ портрета воображеніе такъ же быстро

перелетѣло къ лакею Петру, котораго немедленно надо было послать въ городъ за покупками.

Вопросъ о покупкахъ такъ усложнилъ и безъ того уже спутанный ходъ мыслей, что даже потъ выступилъ на лбу Сергѣя Львовича.

Положеніе его тѣмъ болѣе возбуждало участіе, что всѣ эти хлопоты падали собственно только на его шею. Онъ зналъ это очень хорошо, и приглашая жену къ совѣту, дѣйствовалъ столько же потому, что въ первую минуту рѣшительно растерялся, сколько изъ внутренняго, деликатнаго побужденія. Единственное занятіе Софьи Алексѣевны состояло въ томъ, чтобы производить дѣтей; но даже и это занятіе кончилось съ появленіемъ на свѣтъ Коко. Время свое она раздѣляла между кіотомъ и кузиной Зиночкою. Вся обуза хлопотъ и по хозяйству и по дому была предоставлена Сергѣю Львовичу: онъ заказывалъ обѣдъ, покупалъ провизію, даже покупалъ оборочки, кисею и башмаки дочерямъ, — занятіе, въ которомъ пріобрѣлъ онъ впрочемъ большую опытность. Несмотря на многочисленность семейства, Сергѣй Львовичъ, въ строгомъ смыслѣ слова, былъ болѣе даже предоставленъ самому себѣ, чѣмъ извѣстный Робинзонъ Крузе, если вспомнить, что у послѣдняго былъ помощникъ Пятница. На двадцати-трехлѣтняго сына своего, Петра Сергѣевича, отецъ, конечно, могъ разсчитывать; но подожди, когда-то онъ еще пріѣдетъ!

Единственная надежда почтеннаго семьянина могла основываться въ настоящую тяжелую минуту на одномъ развѣ Петрѣ Кондратьевичѣ.

Виски и пухлые свиные глазки Петра Кондратьевича были окружены множествомъ дугообразныхъ морщинъ. Когда баринъ смотрѣлъ на престарѣлаго вѣрнаго слугу,— морщины эти мгновенно собирались, и лицо послѣдняго принимало выраженіе глубочайшей преданности; когда же, повинуясь какому-то внутреннему механизму, которымъ произвольно располагалъ Петръ Кондратьевичъ, морщины расходились, лицо мгновенно принимало выраженіе ворчливо-недовольнаго состоянія духа и какъ бы го-ворило—«а чортъ бы тебя взялъ; надоѣлъ ты мнѣ пуще горькой рѣдьки!..»

Такое странное противорѣчіе физіономіи и мыслей объяснялось отчасти фальшивымъ положеніемъ, въ которое поставленъ былъ почтенный служитель, послѣдній изъ Могиканъ, или просто «лысакъ», какъ называлъ его иногда помѣщикъ, когда былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

Сергѣй Львовичъ, разчувствовавшись преданностью Петра Кондратьевича, который одинъ изъ многочисленной дворни вызвался служить своему барину,—тутъ же подарилъ ему три десятины земли. Петръ Кондратьевичъ воздвигъ на ней избу, перетащилъ туда жену, дѣтей и все хозяйство; онъ бы и самъ туда перебрался, еслибъ не остановило его неодолимое желаніе пріобрѣсти еще лужокъ, находившійся непосредственно за его усадьбой, но принадлежавшій помѣщику. Оживляемый постоянной надеждой примкнуть лужокъ къ своимъ владѣніямъ, и для этой цѣли собственно оставшись вѣрнымъ помѣщику (чорта было бы ему иначе тормошиться),—преданный Петръ Кондратьевичъ усугублялъ подобострастныя улыбки, лѣзъ изъ кожи отъ рвенія, но въ то же время сильно раздражался противъ судьбы, которая заставляла его тянуть лямку, тогда какъ онъ давно уже могъ быть собственникомъ и лежать на боку, ничего не дѣлая!

Но это мимоходомъ. Пока лужокъ не былъ еще собственностью «лысака», Сергѣй Львовичъ могъ разсчитывать на него, какъ на каменную стѣну.

Сергѣй Львовичъ, конечно, ничего этого не подозрѣвалъ. Не подозрѣвалъ онъ также другой черты Могикана, состоявшей въ томъ, чтобы подкрадываться тихомолкомъ ко всѣмъ дверямъ, припадать ухомъ къ замкамъ и скважинамъ и подслушивать, что говорили господа. Такое свойство управляло Петромъ Кондратьевичемъ, казалось, даже противъ его воли; оно влекло его подслушивать даже въ тѣхъ случаяхъ, когда баринъ одинъ сидѣлъ въ кабинетѣ. Мудренаго нѣтъ, слѣдовательно, что стоило Сергѣю Львовичу прикоснуться къ звонку, чтобы Петръ Кондратьевичъ явился на лицо въ одно мгновеніе ока.

— Ну, братъ, Петръ Кондратьевичъ, вижу: придется намъ съ тобою похлопотать; шибко похлопотать придется!

смотри же: не зѣвай! сослужи службу, старина! сказалъ Сергѣй Львовичъ.

Онъ подошелъ къ нему, и съ добродушною улыбкой нѣсколько разъ потрепалъ его по плечу.

Петръ Кондратьевичъ вполнѣ заслуживалъ такой фамильярности, почти дружескаго обращенія: дугообразныя морщинки вокругъ свиныхъ глазъ, съузившись до крайне-возможной степени, выражали столько усердія, преданности и покорности, что Сергѣй Львовичъ ни мало бы не уронилъ своего помѣщичьяго достоинства, еслибы даже облобызалъ въ эту минуту Петра Кондратьевича.

Сергѣй Львовичъ тутъ же передалъ ему во всѣхъ подробностяхъ планы свои касательно перемѣнъ и преобразованій, долженствовавшихъ изготовиться къ пріѣзду дяди.

— Теперь вотъ въ чемъ дѣло, пойми ты меня хорошенько, пойми и вникни! присовокупилъ онъ: — главное въ томъ, что на все это у насъ имѣется всего какихъ-нибудь три дня... Распорядись такъ, чтобы завтра же чѣмъ свѣтъ всѣ мужики и бабы, даже дѣвчонки и мальчишки,—послѣдніе будутъ полоть траву, расчищать дорожки, клумбы и выносить соръ,—словомъ, чтобы весь народъ былъ здѣсь на лицо... Ты, кажется, хочешь что-то сказать?.. заключилъ онъ, видя, что лицо стараго слуги странно какъ-то повело на сторону.

— Осмѣлюсь доложить, сударь, насчетъ то-есть... времени... время такое...

— Какое время?

— Покосъ, сударь...

— Знаю, братецъ; ну такъ что-жъ?

— Ничего-съ... а такъ только... то-есть къ примѣру сказать... возразилъ Петръ Кондратьевичъ, кашляя въ рукавъ съ видомъ глубокой покорности.

— Объ чемъ же стало быть рѣчь?

— Больше насчетъ того, сударь, прохрипѣлъ слуга:— не соберешь никакъ... всѣ въ лугахъ, какъ есть!

— Вотъ вздоръ какой! Неужто такъ ужъ приспичило, что оторваться нельзя на время. Время, слава Богу, не дождливое, успѣютъ собрать сѣно... И наконецъ слу-

чай такой, что, кажется, можно все бросить и побезпокоиться!.. Ты хорошенько все это объясни имъ, втолкуй!.. Впрочемъ, даже и этого не нужно; просто скажи: баринъ проситъ дескать подсобить! Они надѣлали мнѣ въ этотъ годъ столько всякихъ пакостей, что авось хоть разъ возьметъ совѣсть... Скажи имъ: баринъ ни въ чемъ никогда не утруждалъ васъ; пришелъ такой случай: докажите ему хоть разъ, что вы помните всѣ его благодѣянія!.. Самъ видишь, дѣло какое: не ждалъ не гадалъ, что такой дорогой гость ѣдетъ!.. Ну, такъ ступай же скорѣй и дѣлай такъ, какъ я сказалъ; я вполнѣ надѣюсь на твое усердіе и расторопность; какъ только переговоришь и все уладишь, приходи тотчасъ же доложить...

Оставшись одинъ, Сергѣй Львовичъ прошелся нѣсколько разъ по кабинету съ закинутыми назадъ руками и вертя между пальцами табакерку.

— Да, да, проговорилъ онъ голосомъ человѣка, сдѣлавшаго надъ собою усиліе:—вотъ до чего дожили! Оказывается, намъ надо теперь въ упросъ просить; мы ихъ покорные слуги, а не они наши!.. Да, да, все это такъ, все это безподобно; но я всегда говорилъ и всегда скажу: посмотримъ еще, что изъ всего изъ этого выйдетъ. Помоему: это ума-коловрата и ничего больше, именно ума-коловрата.

Разсудивъ очень основательно, что не время теперь предаваться тревожнымъ мыслямъ будущаго, Сергѣй Львовичъ вышелъ изъ кабинета съ намѣреніемъ освѣжить голову воздухомъ.

Въ прихожей встрѣтился онъ съ отцомъ Леонидомъ, маленькимъ старичкомъ, такого же невиннаго вида, какъ послѣдній младенецъ, котораго онъ окрестилъ. При немъ была попадья, пріѣхавшая поздравить Софью Алексѣевну съ благополучнымъ возвращеніемъ; послѣдняя представляла изъ себя особу съ черными зубами, особу такого объема и роста, и столь мужественную, что вчужѣ забиралъ страхъ при мысли, какъ рисковалъ отецъ Леонидъ, допуская ее парить себя въ банѣ вѣникомъ. Тутъ же выступалъ отецъ дьяконъ, человѣкъ коренастый, съ лицомъ выдавшимся впередъ, какъ на-скоро отесанный

клинъ, и глазами вытаращенными, какъ у рака; главная достопримѣчательная сторона отца дьякона состояла въ томъ, что жена его четыре года къ ряду рожала ему двойни; такъ что въ семь лѣтъ супружества, семейство оказалось въ прибыли на восемь человѣкъ, которыхъ, хотя безъ намѣренія, но совершенно основательно, отецъ дьяконъ называлъ всегда: «червями». Дѣйствительно, они нѣсколькими мѣсяцами раньше поѣдали всегда все, что доводилось отцу пріобрѣтать отъ паствы во время рождества и святой недѣли.

— Батюшка и матушка, здравствуйте! Здравствуйте, отецъ дьяконъ! проговорилъ не безъ торжественности Сергѣй Львовичъ,—вы видите меня въ ужаснѣйшихъ хлопотахъ: жена пріѣхала!

— Имѣемъ уже извѣщеніе. Вотъ также и матушка моя собрались и пріѣхали поздравить, смиренно сказалъ отецъ Леонидъ.

— Честь имѣемъ поздравить, глухо какъ бы сквозь перину сказала попадья.

— Имѣемъ честь поздравить съ возвращеніемъ! буркнулъ въ свою очередь отецъ дьяконъ, какъ изъ бочки.

— Спасибо, спасибо; я еще потому въ хлопотахъ, поспѣшилъ прибавить Люлюковъ:—что жена привезла извѣстіе: къ намъ будетъ на-дняхъ дорогой гость; представьте, кто къ намъ будетъ: дядюшка Помпей Николаевичъ!

При этомъ имени, Сергѣй Львовичъ невольно пріосанился и повелъ плечами. Отецъ Леонидъ поклонился; глаза отца дьякона окончательно приготовились выскочить изъ впадинъ: одна попадья не вполнѣ, казалось, поняла въ чемъ дѣло и сохранила прежнюю свою неподвижность.

— Изволили сказывать, Сергѣй Львовичъ, дяденька давно обѣщались посѣтить васъ, проговорилъ наконецъ священникъ.

—Да, обѣщалъ, а теперь,—бухъ, и ѣдетъ! Вы, батюшка, распорядитесь уже сами пожалуйста насчетъ молебна; не ждите меня. Такъ и скажите Софьѣ Алексѣ-

евнѣ; я приду, если позволитъ время. Вотъ, кстати, и Петръ Кондратьевичъ!

Давъ ему время подставить лысину подъ благословеніе и облобызать руку отца Леонида, Сергѣй Львовичъ не теряя секунды, повелъ его въ кабинетъ.

— Ну, что? спросилъ онъ.

Прежде еще чѣмъ Петръ Кондратьевичъ собрался съ отвѣтомъ, въ сердцѣ Люлюкова шевельнулось безпокойство: лицо вѣрнаго слуги не предвѣщало ничего добраго; онъ явно переминался и затруднялся приступить къ дѣлу.

— Ну? нетерпѣливо повторилъ Сергѣй Львовичъ.

— Ничего, сударь, не сообразишь, никакого то-есть толку. Ужъ это и Богъ знаетъ, что такое! проговорилъ Петръ Кондратьевичъ:—прихожу, тамъ сходка, я всѣ ваши слова, какія сказывать изволили, всѣ слова передалъ...

— Ну? произнесъ Сергѣй Львовичъ, судорожно сжимая табакерку.

— Ничего, сударь, не сдѣлаешь, словно оголтѣлые какіе! Никакимъ, то-есть, манеромъ не сообразишь: всѣ въ одномъ стоятъ.

— Что̀-жъ они говорятъ?

— Говорятъ: съ сѣномъ запоздали, косить надо!

Сергѣй Львовичъ началъ дышать такимъ ускореннымъ тактомъ и такъ тяжело, что Петръ Кондратьевичъ невольно остановился.

— Но объяснялъ ли ты этимъ канальямъ причину? спросилъ онъ, дѣлая неимовѣрныя усилія, чтобы преодолѣть свои чувства: — сказалъ ли имъ, что мнѣ теперь каждый часъ дорогъ?

— Сказывалъ, сударь; упорствуютъ все единственно; главное потому больше: узнали теперь, въ нихъ надобность есть.

— Негодяи! перебилъ Сергѣй Львовичъ, вспыхивая — какъ быть однакожъ? Дѣлать нечего; нельзя же такъ... Ступай, спроси: сколько хотятъ они за работу? Я готовъ заплатить этимъ мерзавцамъ!

— Я ужь говорилъ, сударь.

— Ну!

— Такую цѣну ломятъ, ни съ чѣмъ не сообразную; просятъ въ день по полтиннику съ души, бабы по четвертаку, ребятишки и тѣ нейдутъ меньше гривенника.

Сергѣй Львовичъ затрепеталъ весь отъ головы до пятокъ.

— Когда такъ: не надо, не надо! крикнулъ онъ такъ яростно, что сидѣвшіе въ залѣ отецъ Леонидъ, дьяконъ и попадья вздрогнули:—не надо, когда такъ! Сейчасъ же отправляйся къ Сусловку и найми тамъ народу, бабъ и мужиковъ; не хотятъ дудиловскіе, сусловскіе будутъ работать! Отправляйся сію минуту; всего двѣ версты; не теряй времени, поѣзжай верхомъ! Главное: скорѣй отвѣтъ!

Каждый, кому привелось бы встрѣтить Петра Кондратьевича въ кабинетѣ и который бы увидѣлъ его въ ту минуту, какъ онъ затворялъ за собою дверь кабинета, глазамъ бы своимъ не повѣрилъ, что передъ нимъ одинъ и тотъ же человѣкъ. Правда, лысина, свиные глазки, вся фигура и самый нанковый сюртукъ на крючкахъ, были все тѣ же; но выраженіе до такой степени измѣняло физіономію Петра Кондратьевича, что не было уже никакой возможности узнать въ ней прежняго вѣрнаго и преданнаго кабинетнаго Калеба. Слѣпой, для котораго черты лица сокрыты, и тотъ не могъ бы обмануться; стоило прислушаться: «А, чортъ бы тебя дралъ!» ворчалъ хриплый голосъ, не имѣвшій ничего общаго съ подобострастнымъ голосомъ кабинетнаго Петра Кондратьевича,—«экъ его тормошится!.. Эхъ ты, лахота̀, быкъ тебя забодай, дьяволъ тебя занеси, прости Господи!»

Проходя черезъ залу и заслышавъ страшный трескъ въ кабинетѣ, точно стулъ грохнулся объ полъ, Петръ Кондратьевичъ махнулъ только рукою и поспѣшилъ въ прихожую.

— Ну, теперь пошелъ швырять чѣмъ ни попало! проговорилъ онъ, выходя на крыльцо.

Трескъ упавшаго стула повторился, между тѣмъ, второй и третій разъ. Священникъ, отецъ дьяконъ и попадья подумали, что начались уже приготовленія и перестановка мебели къ пріѣзду сановника-дяди; но Софья Алексѣевна

и Зинаида Львовна, спускавшіяся въ это время внизъ вмѣстѣ съ дѣтьми, не могли, конечно, обмануться въ значеніи шума.

— Что-нибудь случилось. Его вѣрно чѣмъ-нибудь растревожили, пролепетала Зинаида Львовна.

— Вѣроятно, проговорила со вздохомъ Софья Алексѣевна.

Пожавъ другъ другу руку и обмѣнявшись выразительнымъ взглядомъ, обѣ спустились съ лѣстницы и боковою дверью вошли въ кабинетъ. Въ ту же секунду вбѣжали за ними Катя, Соня и Вѣрочка.

Два стула лежали на полу, одинъ въ одномъ углу, другой въ другомъ. Сергѣй Львовичъ, сидѣвшій въ креслахъ, держалъ себя обѣими руками за голову; лицо его отливало багровымъ блескомъ, а въ моргающихъ глазахъ проступали ясные слѣды сильнѣйшаго раздраженія.

— Что̀ случилось? спросили въ одинъ голосъ Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна.

— Sophie, или Зиночка, или все равно кто-нибудь изъ дѣтей, сказалъ надорваннымъ голосомъ Сергѣй Львовичъ:—скажите нянькѣ Ульянѣ, чтобъ она намочила въ уксусѣ полотенце и принесла его сюда.

Катя, Соня и Вѣрочка взапуски выбѣжали изъ кабинета.

Сергѣй Львовичъ, въ короткихъ, но выразительныхъ словахъ, передалъ присутствующимъ о всемъ случившемся.

— Эхъ, батюшка, Сергѣй Львовичъ, захотѣлъ ты отъ нихъ! проговорила нянька Ульяна, обвязывая ему полотенцемъ голову:—словно право ты мужиковъ-то и не видывалъ; впервой узналъ ихъ! Плюнь ты на нихъ! Вотъ теперь головка разболѣлась, ну, что хорошаго?.. э, право!

— Да-съ, да-съ, — вѣкъ живи, вѣкъ учись! Именно такъ! сказалъ Люлюковъ, когда нянька удалилась: — видѣли вы: стоило имъ понять, что я въ нихъ нуждаюсь, сейчасъ пошли на прижимки, сейчасъ-же торговаться и набивать цѣну! И такъ поступать со мною! Со мною! подхватилъ онъ, начиная снова горячиться.

— Что-жъ вы хотите?.. другого нельзя ожидать... замѣтила кузина.

— Ты зналъ ихъ, мой другъ... сказала ея подруга.

— Зналъ? Нѣтъ, я не зналъ ихъ! я прожилъ съ ними всю жизнь, — и не зналъ ихъ! Я тогда только ихъ понялъ, тогда только раскусилъ вполнѣ, когда обстоятельства послѣднихъ этихъ годовъ поставили меня въ горькую необходимость имѣть съ ними лично дѣло. Тутъ только они вполнѣ себя показали!.. Да, такъ поступаетъ со мною тотъ самый народъ, который я всю мою жизнь осыпалъ благодѣяніями! примолвилъ онъ вдругъ съ такою силой, что уксусная повязка слетѣла съ головы и шлепнулась на полъ, произведя звукъ пощечины.

Зинаида Львовна поспѣшила поднять ее.

— Да, это тотъ самый мужикъ, котораго я не переставалъ осыпать благодѣяніями! продолжалъ Сергѣй Львовичъ, придерживая рукою повязку на лбу, между тѣмъ какъ Зинаида Львовна, граціозно изгибая станъ, перевязывала концы на его затылкѣ: — тотъ самый народъ, которому дѣлалъ я всевозможныя снисхожденія, котораго я, первый во всемъ уѣздѣ, отпустилъ на оброкъ! Вы помните: даже послѣ уставной грамоты, послѣ того, какъ они поступили со мною совершенными скотами, не я-ли имѣлъ еще слабость уступить всѣмъ ихъ просьбамъ? Не я-ли отдалъ имъ всю оставшуюся отъ надѣла землю по два цѣлковыхъ на десятину, тогда какъ она, — это всѣ говорятъ, спросите кого угодно, — она стоитъ три рубля и три съ полтиной! Нѣтъ, больно! Воля ваша, очень больно! Это просто не люди, нѣтъ, это неблагодарные звѣри... Какое? звѣрь — тотъ лучше; тотъ по-крайней-мѣрѣ чувствуетъ благодарность...

— Мамаша! крикнула Катя, неожиданно вбѣгая въ кабинетъ: — священникъ спрашиваетъ, не начинать-ли молебенъ?

— Идите! идите! воскликнулъ Сергѣй Львовичъ, падая въ кресло и махая имъ всѣмъ рукою къ двери.

Оставшись снова одинъ, Люлюковъ испустилъ продолжительный, тяжкій вздохъ, который доказывалъ убѣдительнѣйшимъ образомъ, какъ истинно и глубоко было его душевное разстройство.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ,

СЛУЖАЩАЯ ПРОДОЛЖЕНІЕМЪ ПРЕДШЕСТВУЮЩЕЙ.

Что до насъ касается, мы всегда отдавали полную справедливость высокимъ качествамъ души и сердца Сергѣя Львовича. При всемъ томъ, если-бы пришлось изречь судебный приговоръ и рѣшить, кого надо винить въ настоящемъ случаѣ: Сергѣя-ли Львовича или крестьянъ его, — мы, не задумавшись секунды, оправдали-бы кругомъ послѣднихъ. Вовсе даже не нужно было-бы для этого восходить на судейское мѣсто, ослѣплять себѣ глаза блескомъ зерцала, прикладывать руку къ сердцу и надсаживать себѣ горло. Еще менѣе нуждались-бы мы при этомъ въ подкупѣ краснорѣчія тѣхъ ораторовъ, которые кричатъ о доблестяхъ народа, и въ доказательство, какъ близко уже подошли къ этимъ доблестямъ, нализываются до положенія ризъ съ утра и до вечера. Здѣсь дѣло совершенно чисто и факты говорятъ сами за себя.

Въ настоящемъ случаѣ поведеніе дудиловцевъ можетъ только служить самымъ неоспоримымъ фактомъ ихъ практичности и глубокаго здраваго смысла. Была-ли возможность иначе поступать съ помѣщикомъ, который самъ сознавался, что былъ для нихъ какъ чужой до послѣдняго времени? Такъ по-крайней-мѣрѣ смотрѣли на этотъ предметъ дудиловцы и, съ своей точки зрѣнія, они были совершенно правы. Что въ самомъ дѣлѣ было имъ беречь Сергѣя Львовича и входить такъ сильно въ его интересы, когда самъ онъ нимало объ этомъ не заботился! Случалось-ли когда-нибудь, чтобы дудиловцы ослушались въ чемъ-нибудь Сергѣя Львовича? Никогда не случалось! Выѣзжая каждую весну съ семействомъ въ деревню, Сергѣй Львовичъ оченъ любилъ, чтобы мужики и бабы торжественно встрѣчали его у околицы. Зная такое желаніе своего помѣщика, дудиловцы всегда были на мѣстѣ и даже подносили ему хлѣбъ-соль. Звалъ-ли ихъ Сергѣй Львовичъ на обѣдъ въ день приходскаго праздника, — обѣдъ, устраиваемый обыкновенно на барскомъ дворѣ и

отличавшійся обиліемъ баранины, солонины, пироговъ, пряниковъ, вина и браги,—не было еще примѣра, чтобы дудиловцы отказывались когда нибудь отъ приглашенія. Трогательно даже было видѣть при этомъ случаѣ, какъ самыя малыя дѣти, соревнуя своимъ родителямъ, лѣзли другъ на друга и давились кусками пирога, желая доказать свое усердіе. Сергѣй Львовичъ любилъ иногда пріѣзжать въ поле на работу, — что дѣлалъ всегда въ сопровожденіи семьи и въ видѣ partie de plaisir; пріѣзжалъ онъ съ тѣмъ обыкновенно, чтобы тотчасъ-же распустить народъ по домамъ. И что-жъ? Запомнитъ-ли кто-нибудь, чтобы дудиловцы не исполнили мгновенно воли своего барина? Виноваты-ли они, что Сергѣй Львовичъ ничего больше отъ нихъ не желалъ? Конечно не виноваты. «Люблю вокругъ себя веселыя лица! Люблю, чтобы вокругъ меня всѣ улыбались и были довольны!» говорилъ всегда Люлюковъ. Прекрасно питать въ душѣ такія благородныя чувства—спора нѣтъ. Но съ другой стороны, согласитесь сами, справедливо-ли было, живя въ деревнѣ, гдѣ, къ сожалѣнію, всегда меньше веселыхъ физіономій, чѣмъ недовольныхъ и меньше благопріятныхъ случаевъ, чѣмъ неблагопріятныхъ,—справедливо-ли было избѣгать послѣднихъ такъ тщательно, какъ дѣлалъ это Сергѣй Львовичъ? Не естественно-ли, что, дѣйствуя въ такомъ исключительномъ духѣ, онъ имѣлъ на своей сторонѣ только смѣхуновъ, весельчаковъ, и положительно отдалялъ отъ себя недовольныхъ, которые, какъ уже сказано, всегда составляютъ большинство. Показывая себя гражданамъ Дудиловки только въ торжественныхъ случаяхъ и скрывая себя отъ ихъ взоровъ тамъ именно, гдѣ-бы чаще всего они должны были его видѣть, Сергѣй Львовичъ никакимъ образомъ не могъ сдѣлаться вполнѣ популярнымъ. Именно онъ удалялъ отъ себя дудиловцевъ. Вотъ въ какой формѣ происходило обыкновенно это отдаленіе. Встрѣчалъ-ли, напримѣръ, Сергѣй Львовичъ въ собственномъ лѣсу почтеннаго гражданина, практиковавшагося въ рубкѣ дерева, — онъ никогда не шелъ къ нему прямо, никогда не нападалъ въ расплохъ. Оправдываясь передъ домашними и знакомыми тѣмъ, что боится въ этихъ случаяхъ

первой своей вспышки, боится самого себя, Сергѣй Львовичъ только лукаво себя обманывалъ; причина была совсѣмъ другого рода: по обыкновенію тѣхъ натуръ, которыхъ на офиціальномъ языкѣ называютъ слабыми или «слабцами», но въ домашнемъ, приватномъ нарѣчіи принято называть: «черносливными натурами»,—онъ попросту терялъ энергію, какъ только подходилъ критическій случай. Энергія въ немъ не держалась. Кипятясь отъ гнѣва и пыхтя, какъ паровой котелъ, отъ сдержанныхъ въ сердцѣ ощущеній, Сергѣй Львовичъ быстро удалялся, заботясь прежде всего укрыться отъ взоровъ дудиловскаго гражданина (бѣда, если въ эти минуты попадалась ему курица, копавшая клумбы: отъ яростно пускалъ въ нее чѣмъ ни попало); онъ давалъ полную волю своему негодованію тогда только, какъ достигалъ дома и запирался на ключъ въ своемъ кабинетѣ.

— «Трахъ! трахъ!..» раздавалось тогда по всѣмъ комнатамъ. «Ну пошелъ опять стулья швырять! знать чѣмъ-нибудь раздосадовали!» говорили люди. Послѣ того, онъ выходилъ всегда очень разстроеннымъ, съ головною болью, и требовалъ, чтобы нянька Ульяна обвернула ему голову полотенцемъ въ уксусѣ.

Отдаленіе Сергѣя Львовича отъ крестьянъ совершалось иногда въ другой формѣ. Такъ бывало, когда не самъ онъ наскакивалъ на неблагопріятный случай, но когда докладывали ему о проступкѣ какого-нибудь дудиловца. Тутъ уже Сергѣй Львовичъ просто былъ страшенъ; всѣ отъ него бѣжали куда ни попало. Расхаживая большими шагами по залѣ, размахивая руками, онъ гремѣлъ на весь домъ угрозами:

«Разобью въ дребезги! засѣку до смерти! разбойникъ! каналья! Не прощу тебя! ни за что не прощу!.. (Хотя домашніе знали, что въ залѣ никого не было, кромѣ Сергѣя Львовича, всѣ однакоже вздрагивали: такъ грозенъ былъ его голосъ).—Не помилую тебя, негодяя! хоть сто лѣтъ валяйся въ ногахъ. Не помилую!» кричалъ онъ, топая каблуками и посылая въ воздухъ удары кулакомъ. Когда-же приводили ему виновника, онъ мгновенно утихалъ, быстро уходилъ въ кабинетъ и приказывалъ сказать, что не хо-

четъ видѣть негодяя; чтобы съ этой минуты не смѣлъ онъ ему на глаза попадаться, и т. д.

Дѣло имѣло, впрочемъ, къ концу одинаковый результатъ: страшно разболится голова и снова идетъ нянька Ульяна примачивать ее уксусомъ. Видя такое явное отчужденіе отъ себя своего помѣщика, дудиловцы чуть-ли не рѣшили наконецъ, что у нихъ вовсе не было помѣщика. На всѣ попреки сосѣдей, у Сергѣя Львовича былъ одинъ отвѣтъ:—«Знаю, знаю, что страхъ ихъ балую; но знаю и то также, — и это, признаться вознаграждаетъ меня за все,—знаю, что они по крайней мѣрѣ любятъ меня и преданы мнѣ отъ перваго до послѣдняго! Вотъ какъ—скажи я: Софронъ, бросься въ рѣку,—онъ это сдѣлаетъ; да-съ, сдѣлаетъ, я вамъ за это ручаюсь!..»—«Попробуйте!» говорили сосѣди.—«Да что пробовать! Придетъ случай: я вамъ докажу это!..»

Случай пришелъ наконецъ.

Хотя дѣло было не въ рѣчкѣ, куда надо было броситься, а въ уставной грамотѣ, которую надо было подписывать,—все равно: пришелъ часъ испытанія.

Люлюковъ началъ съ того, что произнесъ рѣчь (онъ трудился надъ ней цѣлую недѣлю), рѣчь, въ которой ясно выразилъ мысль, что все здѣсь основано на взаимномъ довѣріи. «Мы должны вѣрить другъ другу! сказалъ онъ.—Вы докажете тѣмъ ваше ко мнѣ довѣріе, что, не въ примѣръ вашимъ сосѣдямъ, подпишете уставную грамоту. Не забудьте, ребята (на этомъ мѣстѣ кто-то громко икнулъ въ толпѣ, и Сергѣй Львовичъ остановился),—не забудьте, ребята, подхватилъ онъ, возвышая голосъ: — грамота въ Дудиловкѣ будетъ первая подписанная грамота во всемъ нашемъ уѣздѣ!.. И вамъ будетъ лестно,—и мнѣ также.»

Выслушавъ рѣчь до конца и назвавъ единодушно своего помѣщика отцомъ и благодѣтелемъ, дудиловцы согласились подписать уставную грамоту въ томъ только случаѣ, когда Сергѣй Львовичъ уступитъ имъ выгонъ за мельницей. Сергѣй Львовичъ, надававшій въ видахъ миролюбія и безъ того уже много, пришелъ въ справедливое негодованіе, но далъ однакоже и выгонъ. Пришло дѣло къ подписи. Дудиловцы не трогались съ мѣста. Препятствіемъ

было теперь болото, безъ котораго, по словамъ ихъ, не было никакой возможности согласиться. Сергѣй Львовичъ вышелъ изъ себя, но далъ болото. Дудиловцы повалились въ ноги и такъ слезно благодарили помѣщика, что тотъ не зналъ уже какъ отъ нихъ отдѣлаться. Грамота тѣмъ не менѣе все-таки не подписывалась. «Какого же еще рожна надо этимъ живодерамъ?» вскричалъ Люлюковъ, отказавшійся уже лично присутствовать при подписи и предоставившій все мировому посреднику. Дудиловцы въ одинъ голосъ отказывались подписываться, если Сергѣй Львовичъ не отрѣжетъ имъ еще семь десятинъ кустарнику.

Но главный источникъ огорченій заключался не столько въ пожертвованіяхъ, не столько въ томъ даже, какъ много обманулся онъ въ мужичкахъ своихъ, сколько въ томъ, что крестьяне сосѣда его, Бабаева, человѣка весьма суроваго, безпрекословно подписали грамоту и согласились на всѣ его условія. Не обидно-ли было въ самомъ дѣлѣ! Не самъ-ли онъ постоянно стращалъ Бабаева этою уставною грамотой; не самъ-ли сколько разъ хвасталъ, что не встрѣтитъ съ этой стороны никакого препятствія; и между тѣмъ, самъ первый такъ горько опростоволосился.

Скорбно также уязвленъ былъ потомъ Сергѣй Львовичъ тѣмъ, что у Бабаева полевое хозяйство пошло отлично, между тѣмъ какъ у него все тотчасъ же пошло къ окончательному разрушенію и безпорядку: сегодня запустили скотъ въ его луга, тамъ нарубили дровъ въ его рощѣ, а объ оброкѣ и говорить нечего; просто совсѣмъ о немъ забыли; такъ что, еслибы не посредникъ, Люлюковъ не зналъ бы, на что купить чаю и сахару.

Не малую долю огорченій и разочарованій принялъ онъ также съ дворовыми людьми. Здѣсь, какъ въ первомъ случаѣ, всего сильнѣе задѣло за сердце сравненіе съ сосѣдомъ; не странно ли, что дворовые Бабаева, человѣка, какъ уже извѣстно, суроваго, остались всѣ до единаго въ домѣ, тогда какъ у Сергѣя Львовича, который баловалъ ихъ какъ отецъ, всѣ одинъ передъ другимъ заломили вдругъ страшно-безобразную цѣну, и когда онъ отказалъ имъ, всѣ оставили его тотчасъ же, не выразивъ даже при этомъ ни тѣни сожалѣнія, ни тѣни раскаянія.

Вотъ съ этихъ-то поръ собственно перемѣнилъ онъ окончательно мнѣніе свое касательно новой реформы и не могъ говорить о ней равнодушно. Въ первое время онъ думалъ о ней совсѣмъ иначе. Когда прошелъ первый слухъ объ уничтоженіи крѣпостного права, онъ такъ даже обрадовался, что навлекъ на себя въ уѣздѣ названіе «краснаго» и былъ причисленъ къ партіи самыхъ ярыхъ либераловъ. Сергѣй Львовичъ былъ въ этомъ совершенно искрененъ. Онъ находилъ только, что такая перемѣна была совершенно лишнею для дудиловскихъ крестьянъ, которые и безъ того были свободны.

— Дѣло все въ томъ, изволите ли видѣть, такъ выражался онъ въ послѣднее время: освобожденіе, не касаясь уже того, конечно, что оно нарушило патріархальныя отношенія, которыя связывали крестьянъ съ помѣщиками и составляли, можно сказать, всю прелесть сельской жизни, не считая этого, освобожденіе, главное, сильно подѣйствовало, и вдругъ, знаете-ли, какъ-то, вдругъ подѣйствовало во вредъ нравственности народа; оно убило въ немъ чувство признательности и благодарности; сдѣлало его грубымъ непочтительнымъ, словомъ, испортило его окончательно!.. А жаль, жаль, потому что прежде были залоги!..»

Такъ и теперь отчасти размышлялъ Сергѣй Львовичъ, сидя въ своемъ кабинетѣ и невольно содрогаясь всякій разъ, когда посреди молебна отецъ дьяконъ возвышалъ голосъ, звучавшій какъ труба второго пришествія.

Само собою разумѣется, ни эти мысли о крестьянахъ, ни голосъ отца дьякона ни даже головная боль, не мѣшали Сергѣю Львовичу заниматься дѣломъ. Онъ успѣлъ въ это время просмотрѣть отъ начала до конца печатный каталогъ изъ магазина Андреева, успѣлъ отмѣтить въ немъ всѣ предметы, необходимые для пышныхъ завтраковъ и обѣдовъ, долженствовавшихъ упитывать именитаго дядю. Обыкновенно, Сергѣй Львовичъ самъ всегда ѣздилъ въ магазинъ Андреева и лично дѣлалъ свои покупки, причемъ вступалъ веегда въ нескончаемыя бесѣды съ прикащиками; на этотъ разъ онъ рѣшился послать въ Москву лакея Петра. Можно было замѣтить

также, при этомъ, измѣненіе обычного правила. Дѣлая свои покупки, Люлюковъ придерживался обыкновенно системы общеупотребительной въ провинціальныхъ домахъ, гдѣ страсть къ гостямъ и угощеньямъ, часто превышая средства хозяевъ, заставляетъ послѣднихъ покупать припасы пудами, но всегда третьяго сорта; такъ ужъ всегда отмѣчается въ спискѣ закупокъ: рису одинъ пудъ, третьяго сорта; макаронъ, 20 фунтовъ, третьяго сорта; сладкаго горошка, — 15 фунтовъ, третьяго сорта, и т. д. Система основана, главное, на томъ, чтобы всего было въ волю, въ изобиліи; чтобы гости не успѣвали очнуться отъ разнообразія угощеній; чтобы кофе слѣдовалъ за чаемъ, шоколадъ за кофе, конфеты за фруктами, мороженое за вареньемъ и т. д.

Правда, угощенія этого рода часто становятся гостю поперекъ горла; но не всѣ такъ взыскательны; для большинства, радушіе тогда вѣдь только и достигаетъ вполнѣ своей цѣли, тогда только и прославляется по уѣзду, когда гость наѣдается у сосѣда до вторыхъ и до третьихъ коликъ.

Сергѣй Львовичъ, какъ радушный хозяинъ и хлѣбосолъ, зналъ очень хорошо, къ чему приводитъ система изобилія; справедливо опасаясь ея вліянія на столичный желудокъ именитаго дяди, онъ на этотъ разъ вездѣ отмѣтилъ въ каталогѣ Андреева «первый сортъ».

Стараясь обставить дядю столько же комфортомъ, сколько и почетомъ, онъ составилъ также списокъ сосѣдямъ и главнымъ сановникамъ уѣзда, которыхъ хотѣлъ пригласить на воскресенье. день рожденія Софьи Алексѣевны. Такъ какъ времени оставалось очень мало, онъ рѣшился отправиться съ визитами нынче же вечеромъ.

Оставалось только подождать возвращенія Петра Кондратьевича, получить отвѣтъ его и повторить ему тѣ перемѣны и преобразованія, которыя предположено было исполнить.

Въ ожиданіи этого Люлюковъ снова вышелъ въ залу, чтобъ освѣжиться.

Молебенъ давно уже кончился; семейство пило чай, за исключеніемъ хозяйки дома, которая тотчасъ же послѣ

службы поднялась къ себѣ наверхъ. Священникъ, попадья и дьяконъ сидѣли передъ блюдечками съ опрокинутыми чашками; они ждали Сергѣя Львовича, чтобы встать и проститься.

— Сергѣй Львовичъ, сказала Зинаида Львовна, дѣлая ему знакъ и вызывая въ гостиную: — бѣдняжка Sophie, которая такъ устала, что едва могла достоять службу, поручила мнѣ сказать: не прилично ли будетъ также пригласить священника къ пріѣзду дяди...

— Я, душа моя, уже думалъ объ этомъ, отвѣтилъ Сергѣй Львовичъ,—только вотъ бѣда: у него подрясникъ очень плохъ. Еслибъ обѣ вы объ этомъ позаботились, не худо бы было. Въ два дня успѣете ему сшить новый... А то, право, неловко какъ-то... Вотъ еще что̀: подумайте-ка вдвоемъ, не нужно ли чего-нибудь вамъ въ Москвѣ по части туалета: я нарочно посылаю Петра сегодня же вечеромъ съ послѣднимъ поѣздомъ; я бы самъ поѣхалъ, но невозможно; необходимо сдѣлать тьму-тьмущую визитовъ... я сейчасъ же отправлюсь...

— Какъ... сегодня? сегодня?..

Зинаида Львовна остановилась, вперяя въ него взоръ укоризны.

— Знаю! знаю! но что-жъ прикажешь дѣлать, душа моя! возразилъ Люлюковъ съ очевидною неловкостью: — сама ты разсуди: сегодня вторникъ; онъ будетъ въ субботу, можетъ быть даже въ пятницу!.. Объясни все это хорошенько Sophie... Скажи ей, между прочимъ: я душевно радъ исполнить ея желаніе и приглашу священника... впрочемъ, я зайду еще къ вамъ проститься передъ отъѣздомъ!...

Передавъ священнику приглашеніе отъ имени жены,— но такъ, однакожъ, чтобы не могъ этого слышать отецъ дьяконъ, Сергѣй Львовичъ распорядился, чтобы не медля ни минуты закладывали ему тарантасъ. Послѣ того онъ кликнулъ Петра, приказавъ ему снаряжаться въ путь, но прежде вызвалъ его въ кабинетъ для полученія инструкцій и для того также, чтобъ онъ помогъ ему одѣться.

Туалетъ приближался къ концу, когда дверь кабинета скрипнула и пропустила лысину Петра Кондратьевича.

— Ну, что? съ живостью спросилъ Люлюковъ.

— Говорилъ, сударь, съ сусловскими мужиками, троихъ привелъ съ собою; говорятъ: готовы служить...

— Ну и прекрасно; очень радъ! сказалъ мгновенно повеселѣвшій помѣщикъ: — я сейчасъ одѣнусь, обойду вмѣстѣ съ вами дворъ и садъ и укажу, что надо будетъ дѣлать...

— Осмѣлюсь доложить, сударь, наши лѣзутъ! промолвилъ Петръ Кондратьевичъ: — какъ проходилъ по деревнѣ, всѣ пристали; говорятъ: чѣмъ чужихъ звать, мы лучше станемъ работать...

— Ни одного чтобы не было! крикнулъ Сергѣй Львовичъ, мгновенно вспыхивая: —слышишь, ни одного! Сначала отказались негодяи, начали даже со мной торговаться; а теперь какъ увидѣли, что дѣло безъ нихъ обойдется, давай соглашаться; — ни за что! Вонъ гони ихъ! Даромъ станутъ работать—не возьму ни одного. Слышь, Петръ Кондратьевичъ: чтобы ни одинъ дудиловскій каналья не смѣлъ здѣсь быть!...

Негодованіе, закипѣвшее въ груди Сергѣя Львовича, ограничилось на этотъ разъ только вспышкой. Оно прошло, какъ только вышелъ онъ на крыльцо и увидѣлъ сусловскихъ мужиковъ.

Сусловцы представляли съ дудиловцами такое же разительное сходство, какъ мѣдные пятаки похожи на мѣдные пятаки, вычеканенные въ Сестербекѣ въ одно и то же время. Зная, что безъ нихъ дѣло не обойдется теперь никакимъ манеромъ, они заломили тройную цѣну, прежде еще чѣмъ было имъ извѣстно, въ чемъ состоитъ работа и что отъ нихъ потребуется. Сергѣй Львовичъ на все согласился: то, что казалось возмутительнымъ со стороны дудиловцевъ, было очень естественно со стороны сусловцевъ, не связанныхъ съ Сергѣемъ Львовичемъ ни чувствомъ благодарности, ни чувствомъ преданности.

Приказавъ имъ завтра же чѣмъ свѣтъ явиться на работу, онъ торопливо поднялся на верхъ проститься съ женою.

— Душая моя, ты видишь меня въ отчаяніи. Я долженъ отправиться въ тотъ самый день, какъ ты пріѣ-

хала!.. сказалъ Сергѣй Львовичъ, цѣлуя жену въ лобъ:— но я обдумалъ: иначе сдѣлать нѣтъ никакой возможности. Зиночка передала тебѣ причину; необходимо мнѣ самому сдѣлать кой-какія приглашенія... Кстати, припомните пожалуста: не встрѣчали ли у кого-нибудь изъ сосѣдей печатнаго портрета дяди? Не слыхали ли, по крайней мѣрѣ, что онъ у кого-нибудь существуетъ? примолвилъ онъ озабоченнымъ тономъ.

Зинаида Львовна и Софья Алексѣевна отвѣчали отрицательно.

— Ужасно досадно! Достать его, между тѣмъ, необходимо. Портретъ существуетъ, а мы, родные, не имѣемъ его!... Неловко, воля ваша... Вотъ еще что: если вамъ нужно что-нибудь по части туалета для себя или для дѣтей, — я полагаю, не лишнимъ будетъ обратить вниманіе на дѣтскій туалетъ, — составьте поскорѣй списокъ и отдайте его Петру, я посылаю его ныньче съ послѣднимъ поѣздомъ въ Москву... Ну, прощайте, друзья мои... поцѣлуйте за меня дѣтей; проходя черезъ коридоръ, я слышалъ, они укладываются уже спать... Сегодня вторникъ; я вернусь домой въ четвергъ и все обдѣлаю... Надѣюсь, ты поняла, мой другъ, что одна только крайняя необходимость заставляетъ меня ѣхать въ такой день; въ противномъ случаѣ, я-бы... но ты, конечно, поняла меня и не будешь сердиться...

Такое объясненіе было совершенно лишнимъ, если припомнить, что Софья Алексѣевна съ утра еще такъ ясно выражала желаніе предаться уединенію и отдыху. Просить у нея извиненія въ отъѣздѣ не значило-ли почти то же, въ настоящую минуту, что извиняться въ томъ, что не наступаешь сосѣду на ногу. Сергѣй Львовичъ зналъ все это очень хорошо; но дѣйствовалъ единственно въ силу мягкоты своей,—мягкоты слишкомъ, впрочемъ, уже извѣстной, чтобы слѣдовало ее краснорѣчиво доказывать.

Зинаидѣ Львовнѣ также очень хорошо было извѣстно, какое дѣйствіе можетъ произвести отъѣздъ Сергѣя Львовича на нервы обожаемой подруги; дѣло было ясно какъ день. Но сердце ея имѣло, видно, свойство проливать

свой собственный свѣтъ, передъ которымъ ясность дня и самая очевидность факта равнялись густѣйшимъ потемкамъ. Отъѣздъ Сергѣя Львовича и поспѣшность его при прощаньи съ женой послужили для Зинаиды Львовны новымъ доказательствомъ непостижимой загрубѣлости чувствъ мущинъ вообще и мужей въ частности. Уѣхать! Уѣхать какъ нарочно въ самый день пріѣзда жены; въ такой день, которымъ именно слѣдовало-бы воспользоваться, чтобы выразить женѣ все свое вниманіе! Неожиданное прибытіе дяди, такъ взбудоражившее Сергѣя Львовича, ничего не значило. Всѣмъ слѣдовало пожертвовать, всѣмъ рѣшительно! Сердце не принимаетъ никакихъ отговорокъ. Положимъ, Софья Алексѣевна очень равнодушно приняла вѣсть объ отъѣздѣ мужа; положимъ, она не сказала слова, продолжала лежать на диванѣ и тотчасъ послѣ ухода мужа зажмурила глаза (въ комнатѣ такъ уже сгустились сумерки, что нельзя было различать, заснула-ли она или нѣтъ); но что слѣдовало изъ всего этого? Не убѣдительно-ли говорило все это въ пользу неисчерпаемой кротости характера и ангельской терпимости Софьи Алексѣевны?...

Зинаида Львовна не высказывала, однакожъ, высокихъ чувствъ своихъ по этому предмету. Быть-можетъ, они такъ-бы и остались сокрытыми въ тайной сокровищницѣ ея сердца; но въ эту самую минуту, какъ нарочно. послышался шумъ тарантаса, который увозилъ Сергѣя Львовича... При этомъ, она сама не понимала, что съ ней сдѣлалось (такъ послѣ открылось изъ собственныхъ ея словъ), она не могла долѣе приневоливать порывовъ своего сердца. Она быстро подошла къ раскрытому окну, прищурила глаза по направленію къ удалявшемуся экипажу и произнесла голосомъ глубоко оскорбленнаго и взволнованнаго чувства:

— О, эгоистъ! эгоистъ! эгоистъ!!...

Энергическое восклицаніе Зинаиды Львовны, пробудивъ внезапно Софью Алексѣевну, послужило поводомъ къ весьма интересному разговору.

Чувствуя неодолимую потребность передать его скорѣе читателю, мы думаемъ, однакожъ, не лишнимъ бу-

детъ прежде познакомить его короче съ тѣми отношеніями, которыя связывали двухъ подругъ.

Такъ какъ нѣтъ никакой возможности исполнить это однимъ взмахомъ пера и притомъ въ одну секунду, мы, подумавъ хорошенько, рѣшились отложить дѣло до слѣдующей главы.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ,

ИСТОРІЯ ДВУХЪ ПОДРУГЪ И ПОВѢСТЬ СЕРДЦА ГЛУБОКО ПОТРЯСЕННАГО И ВЪ ДРЕБЕЗГИ РАЗБИТАГО.

Извѣстно уже, что нѣжная дружеская связь двухъ подругъ началась съ дѣтства, и притомъ въ институтѣ. Зинаида Львовна поступила въ институтъ двумя годами позже; стремленіе другъ къ другу началось съ перваго же мѣсяца. Иниціатива принадлежала впрочемъ Зинаидѣ Львовнѣ. Объ этомъ можно судить по прилагаемому здѣсь отрывку ея журнала, который, до сихъ поръ, свято хранится въ маленькой шкатулкѣ вмѣстѣ съ письмами, переложенными цвѣточными листочками,—увы! уже давно, давно увядшими, — и другими сувенирами трогательнаго свойства, напоминающими нѣжное дѣтство и поэтическую юность. Отрывокъ этотъ начертанъ тѣмъ неуловимо тонкимъ почеркомъ, который называютъ бисеромъ; одно имя Sophie вырисовано вездѣ большими буквами съ маленькими незабудками на хвостикахъ. Вотъ что гласитъ отрывокъ:

«Съ перваго мая я начала обожать, подъ названіемъ «groseille», ангела, чудесную, восхитительную, небесную божественную, очаровательную красавицу Sophie Золотухину. Я дала себѣ слово любить *ее* вѣчно, не измѣнять до гроба, любить пламенно, безконечно, всѣмъ сердцемъ, всею душою, любить какъ жизнь, и эту любовь буду высказывать не холодными восклицаніями: люблю ее! люблю ее! нѣтъ! я ее люблю тихо, безмолвно, не словами, но всѣмъ бытіемъ моимъ!! Ахъ, еслибы только она знала, какъ много, какъ пламенно я люблю ее! тогда она вѣрно

и меня бы полюбила!.. Но нѣтъ! я еще не достойна ея любви!.. Въ продолженіе этой недѣли не было ничего замѣчательнаго, кромѣ одного дня... Блаженный день, котораго я никогда не забуду! тѣмъ болѣе, что онъ былъ первый, когда я такъ долго пробыла съ «тою», которую люблю больше своего земного существованія... Это было шестого мая, въ четвергъ, въ дежурство m-lle Фукъ; мы весь день гуляли въ саду, потому что былъ праздникъ. Мнѣ было очень весело, — особенно вечеромъ. Въ семь часовъ, или немного позже, я пошла ходить по коридору съ Варенькой Лупандиной; мы сдѣлали не болѣе двухъ туровъ; вдругъ къ намъ подходитъ ангелъ, чудесная Sophie, и мы съ ней продолжали ходить; черезъ нѣсколько минутъ «она» сказала: пойдемте въ залу!» Мы пошли: тамъ было довольно темно, потому что не было огня; но впрочемъ было такъ пріятно любоваться луной, которая была очень хорошо видна изъ оконъ и такъ ярко освѣщала залу. Въ ней было только одно четвертое отдѣленіе и еще двѣ-три дѣвицы изъ большого класса. Варенька Лупандина довольно скоро ушла, и я осталась одна въ божественною Sophie!! Мы продолжали ходить; она мнѣ очень много говорила про «блаженный изумрудъ»; я слушала ея слова и думала: кто эта особа, которая такъ счастлива?.. Къ ней нѣсколько разъ подходили двѣ дѣвицы изъ четвертаго отдѣленія, которыхъ она очень любитъ. Она одну крѣпко поцѣловала и сказала мнѣ: совѣтую ее поцѣловать, у ней такія мягкія губы. Но я этого не исполнила. Потомъ ангелъ, чудесная Sophie, пошла къ послѣднему окну и стояла довольно задумчиво, я смотрѣла на нее, и у меня сердце такъ сильно билось отъ любви къ этому неземному ангелу... Но звонъ колокольчика раздался, и я должна была съ нею разстаться!.. Ахъ, если бы кто-нибудь зналъ, какъ мнѣ больно было! Я никакъ не могла заснуть, долго переносилась мечтами въ залу, съ воспоминаніемъ каждаго слова, каждаго взгляда чудесной, дивной Sophie; мнѣ дѣлалось скучнѣе и скучнѣе... Боже, какъ я много страдаю!..»

Продолженіе свидѣтельствуетъ, что любовь юной страдалицы не замедлила увѣнчаться самымъ блистательнымъ

успѣхомъ. «Блаженный изумрудъ» былъ преданъ забвенію, и не смотря на потоки слезъ, пролитые послѣднимъ, божественная Sophie отдала на вѣки свое сердце и душу кузинѣ своей Зиночкѣ Зюзюкиной. Надо думать, не было-ли уже въ самой природѣ двухъ барышень чего-то родственнаго, подготовившаго въ сильнѣйшей мѣрѣ мистическое сліяніе ихъ душъ.

Съ этого времени, нѣжная любовь между «булкой» (такъ знали въ институтѣ Sophie Золотухину),—и «спаржей» (такимъ прозвищемъ пользовалась Зиночка Зюзюкина),—ничѣмъ уже не омрачалась. Ихъ не разъединило даже то обстоятельство, что обѣ находились въ разныхъ классахъ и были надѣлены природой совершенно противоположными способностями.

Sophie была особенно сильна въ математикѣ, физикѣ, исторіи, статистикѣ и проч.; она безошибочно и безостановочно исчисляла на экзаменѣ всѣ года достопамятныхъ историческихъ событій, не ошибалась въ родословной удѣльныхъ князей, перечисляла какъ разъ-два-три,—всѣ города земного шара, прямо писала на доскѣ выводъ труднѣйшихъ математическихъ задачъ, никогда не ошибалась въ составныхъ частяхъ воды и воздуха, — такъ что, на публичныхъ экзаменахъ, всегда приводила въ справедливое изумленіе тѣхъ почетныхъ лицъ, которыя не дремали.

У Зиночки Зюзюкиной, напротивъ, не было никакой памяти; она путалась въ собственныхъ именахъ и числахъ какъ въ дремучемъ лѣсу. Публичные экзамены особенно имѣли свойство приводить ее въ замѣшательство. При первомъ вопросѣ, она смущалась, краснѣла, потупляла глаза и забывала окончательно все, что такъ усердно вытверживала наизусть. Вы слышали, конечно, извѣстный анекдотъ съ дѣвицей, которую спросили на экзаменѣ, изъ чего состоитъ россійскій гербъ и которая такъ смутилась, что отвѣтила «орелъ» тогда только, какъ ей подсказали. «Ну, а дальше что?..» спросилъ экзаменаторъ,—что у орла въ лапахъ?—Дѣвица стала въ тупикъ. «Скипетръ... скипетръ...» подсказалъ кто-то шопотомъ. «Скрипка!» отвѣчала дѣвица. Если-бъ эта исторія не

была анекдотомъ, она, безъ всякаго сомнѣнія, могла бы случиться съ робкою Зинаидой Львовной.

Природныя способности влекли ее больше къ предметамъ изящнымъ и поэтическимъ; никто съ такимъ чувствомъ не читалъ стиховъ; никто особенно не переписывалъ ихъ въ тетрадкахъ такимъ изящнымъ почеркомъ. Тогда какъ Софья Алексѣевна блистала въ точныхъ, положительныхъ наукахъ, Зинаида Львовна считалась первою ученицей рисовальнаго учителя. Дѣти бывшей инспектрисы и теперь еще сохраняютъ два обращика, свидѣтельствующіе объ изящныхъ наклонностяхъ дѣвицы Зюзюкиной. Они заключаются въ двухъ кружкахъ ватманской бумаги величиною съ пятачекъ; одинъ изображаетъ соборъ Петра въ Римѣ, исполненный въ перспективѣ и однѣми точками; на другомъ написанъ весь прощальный гимнъ, пѣтый дѣвицами при выходѣ ихъ изъ института; имя автора гимна такъ мелко, что разобрать его можно не иначе, какъ съ помощью большого увеличительнаго стекла. Наконецъ, въ домѣ рисовальнаго учителя или, вѣрнѣе, его наслѣдниковъ, потому что самъ онъ давно уже умеръ,—можно видѣть голову Аполлона Бельведерскаго, рисованную Зинаидой Львовной и точно также выполненную однимъ пунктиромъ.

Несмотря на свою память, Софья Алексѣевна и тогда еще выказывала большую склонность ко сну и аппетиту; классныя дамы никогда не могли ея добудиться и нѣсколько разъ подвергали ее наказанію за дремоту во время классовъ. Зинаида Львовна, напротивъ, кушала какъ птичка и спала очень мало, предпочитая мечтать о своей любви или сидѣть у окна, любоваться луною и прислушиваться къ тихому шелесту вѣтра въ институтскомъ саду. Чувство безкорыстія и самоотверженія поэтической души ея и тогда уже высказывалось во всей яркости. Булки свои она постоянно отдавала обожаемой подругѣ. Софья Алексѣевна играла на фортепіано съ изумительною вѣрностію: пухлые ея пальчики быстро бѣгали по клавишамъ и никогда не ошибались; но она играла какъ машина. Мечтательная Зинаида Львовна, напротивъ, ошибалась безпрерывно, но за то каждая нота ея проникнута

была глубокимъ чувствомъ и выраженіемъ: душа слышалась! Когда, на выпускныхъ экзаменахъ, воспитанницы танцовали «pas de chale» въ общемъ кордебалетѣ, Софью Алексѣевну ставили всегда въ заднихъ рядахъ, между тѣмъ какъ ея подруга постоянно отличалась въ первыхъ парахъ. «Зюзюкина не хорошенькая, говорила инспектриса, но въ ней есть что-то интересное... и притомъ она очень граціозна!..»

Но разница способностей и вкусовъ, казалось, скрѣпляла только союзъ дружбы. Послѣ выхода изъ института, Зинаида Львовна не могла поселиться подъ одною кровлей съ обожаемою подругой. Сколько ни упрашивала объ этомъ Софья Алексѣевна свою тетку и опекуна дядю, сколько ни старалась склонить ихъ на свою сторону, выставляя имъ на видъ родственную связь съ кузиной, круглое сиротство послѣдней и ихъ дѣтскую привязанность, она ничего но могла сдѣлать.

Дѣло въ томъ, что сама Софья Алексѣевна ничего не имѣла и была, какъ говорятъ, безприданницей. Единственное достояніе ея заключалось въ томъ, можно сказать, что она происходила оть древней славянской фамиліи Золотухиныхъ. Ставьте, пожалуй, ни въ грошъ такое обстоятельство и смѣйтесь надъ нимъ сколько хотите; дѣло въ томъ, однакожъ, что Софья Алексѣевна вышла скоро замужъ, потому именно, что носила фамилію Золотухиныхъ, а не другую.

Сергѣй Львовичъ, только что вышедшій тогда изъ улановъ и получившій наслѣдство, предложилъ Софьѣ Алексѣевнѣ руку и сердце. Если бы не то обстоятельство, о которомъ мы говорили, то, согласитесь, съ чего сталъ бы онъ въ день рѣшенія своей участи обнимать всѣхъ и каждаго и повторять голосомъ, упоеннымъ отъ счастія: «Я сталъ о себѣ теперь лучшаго мнѣнія! Я теперь горжусь самимъ собою!..» Не даромъ, наконецъ, до сихъ поръ еще не могъ онъ забыть связи своей съ Золотухиными и сообщалъ о томъ такъ часто даже отцу Леониду.

Въ первые дни супружества обыкновенно ни въ чемъ не отказываютъ женѣ; нечего говорить, слѣдовательно,

что Сергѣй Львовичъ восторженно согласился пригласить Зинаиду Львовну въ Дудиловку и предложить ей поселиться подъ однимъ кровомъ съ ея другомъ. Онъ не замедлилъ, конечно, очень скоро убѣдиться, какое сокровище души, сердца и дивнаго самоотверженія пріобрѣлъ онъ въ лицѣ дальней родственницы жены своей. Съ перваго же года, при поправкѣ «верзилы», оказался недочетъ въ тысячѣ рублей, которыя тотчасъ же предложила Зинаида Львовна. Деньги эти составляли между тѣмъ ровно третью часть ея маленькаго капитала. Софья Алексѣевна и особенно Сергѣй Львовичъ пришли сначала въ ужасъ отъ такого предложенія; они ничего не хотѣли слушать; но Зинаида Львовна такъ искренно обидѣлась, такъ горячо плакала, такъ энергически объявила, что въ случаѣ отказа ни минуты не останется подъ ихъ кровомъ,—что не было уже положительно никакой возможности отказать ей. На слѣдующій годъ повторилась точь-въ-точь такая же сцена и по поводу тѣхъ же обстоятельствъ,—съ тою разницею однако, что Сергѣй Львовичъ началъ отказываться еще рѣшительнѣе, а Зинаида Львовна принялась уже собираться въ дорогу и укладываться,—отчего поперемѣнно то съ Софьей Алексѣевной, то съ Зинаидой Львовной дѣлались такіе страшные истерическіе припадки, что Сергѣй Львовичъ сейчасъ же на все согласился. Онъ едва могъ убѣдить Зинаиду Львовну считать эти двѣ тысячи, какъ священный залогъ, врученный ему на сохраненіе и согласиться получать съ нихъ ежегодно небольшіе проценты.

Долго послѣ того, Сергѣй Львовичъ не могъ говорить безъ слезъ о кузинѣ жены своей. Зная его, вы легко повѣрите, что онъ говорилъ о ней совершенно безпристрастно. Стоило самому быть сколько-нибудь чувствительнымъ и слабонервнымъ, чтобы прослезиться отъ его разсказовъ; самое черствое, самое невпечатлительное сердце не могло оставаться равнодушнымъ. Слушая добраго Сергѣя Львовича, воображеніе въ тотъ же мигъ рисовало нравственный образъ молодой дѣвушки, которая, имѣя независимое состояньице, имѣя возможность вести столичную жизнь и пользоваться всѣми удовольствіями, столь

свойственными молодости; имѣя, наконецъ, возможность сдѣлать самую скорую, самую выгодную партію, отказалась между тѣмъ отъ всего этого, зарылась въ глушь, въ деревню, — словомъ, принесла себя въ жертву, и все это ради того только, чтобы не разлучаться съ подругой дѣтскихъ лѣтъ своихъ. Личность поэтической институтки, которая, по словамъ Сергѣя Львовича, представляла сочетаніе совершеннѣйшихъ душевныхъ качествъ, невольно настраивала каждаго холостяка къ мечтательности.

Въ домѣ Люлюковыхъ начали появляться одинъ за другимъ молодые и старые сосѣди, не успѣвшіе еще отыскать идеальной подруги жизни. Въ продолженіе своихъ визитовъ, они выказывали самыя чистыя побужденія, говорили больше о счастіи семейной жизни и ея тихихъ радостяхъ; новые ихъ галстуки, напомаженныя головы и взгляды, обращенные преимущественно къ Зинаидѣ Львовнѣ, служили несомнѣннымъ знакомъ ихъ благородныхъ намѣреній. Въ эти дни Зинаида Львовна была всегда особенно интересна; причесанная и одѣтая Софьей Алексѣевной, она входила въ гостиную обыкновенно съ цвѣткомъ въ рукѣ и всегда съ такимъ видомъ, какъ будто вовсе не ожидала тамъ встрѣтить посторонняго; лицо ея мгновенно покрывалось румянцемъ, и вся фигура выражала наивное смущеніе и невинную застѣнчивость. Во время обѣда, чая или завтрака, она ни къ чему не прикасалась; взоры ея оставались потупленными и если приподнимались, то развѣ для того только, чтобъ устремиться на небо, на Софью Алексѣевну, на цвѣтокъ или на бабочку. Если встрѣчалась ей необходимость занять гостя, она обыкновенно робко приступала всегда къ разсказу о томъ, какъ однажды въ Петербургѣ, въ Духовъ день, украденъ былъ въ Лѣтнемъ саду ребенокъ. Исторія эта случилась очень давно; Зинаида Львовна ни въ какомъ случаѣ не могла быть свидѣтельницей трагическаго происшествія: но все равно, она передавала его съ такимъ неподражаемымъ чувствомъ, высказывала столько участія къ судьбѣ невиннаго малютки, что можно было тотчасъ заключить о нѣжныхъ свойствахъ ея чувствительнаго и добраго сердца.

Какъ только гость уѣзжалъ, Зинаида Львовна поспѣшно поднималась въ свою комнату и впадала въ мечтательность, которую, съ одной стороны, поддерживала Софья Алексѣевна выразительными пожатіями руки и не менѣе выразительными взглядами, съ другой стороны, Сергѣй Львовичъ. Послѣдній шумно всегда вбѣгалъ на верхъ, билъ въ ладоши, поздравлялъ «кого-то» съ побѣдой и говорилъ, что надѣется скоро всѣхъ удивить ловкостью, съ какою пройдетъ мазурку съ «кѣмъ-то», одѣтымъ въ бѣлое платье и съ вѣнкомъ флеръ-д'оранжъ на головѣ... Послѣ вторичнаго визита сосѣда, возбудившаго такія романтическія предположенія, — дѣло принимало уже болѣе серьезный характеръ. Сергѣй Львовичъ не переставалъ о чемъ-то шепотомъ совѣщаться съ женой; откуда ни возьмись, въ домѣ появлялись куски миткаля и полотна; дворовыя дѣвки дѣятельно усаживались за работу. Софья Алексѣевна просиживала по цѣлымъ часамъ, не выпуская руки Зинаиды Львовны; обрубая батистовые носовые платки, подруги дѣтства часто плакали и, опуская поперемѣнно другъ другу голову на плечо, просиживали въ такомъ положеніи вплоть до глубокихъ сумерекъ. Если деревня гостя лежала къ сѣверу отъ Дудиловки, — Зинаида Львовна замѣтно начинала просиживать часть ночи на окнѣ сѣверной стороны дома; если гость обиталъ къ югу, — она замѣтно отдавала преимущество окнамъ юга.

Не странно ли, однакожъ, что бдѣніе по ночамъ, сопровождаемое взглядами, полными томительнаго ожиданія и направленными въ ту или другую сторону Дудиловки, никогда не служило началомъ, но всегда концомъ въ романахъ изъ жизни Зинаиды Львовны! Проводила ли она безсонныя ночи на окнахъ юга, востока, сѣвера и запада, — результатъ былъ постоянно одинъ и тотъ же: сосѣдъ не повторялъ болѣе своихъ визитовъ. Проходилъ мѣсяцъ, другой; о сосѣдѣ не было ни слуху, ни духу: онъ точно вдругъ въ воду канулъ. Въ одинъ прекрасный день, Сергѣй Львовичъ неожиданно поднималъ страшный шумъ, объявлялъ наотрѣзъ, что послѣ «свинскаго» поступка такого-то, онъ вытолкаетъ его вонъ, если увидитъ когда-

нибудь на порогѣ своего дома! Въ случаѣ, еслибы сосѣдъ вздумалъ оправдаться и привелъ въ доказательство своей невинности, что онъ рѣшительно не понимаетъ, о какомъ поступкѣ идетъ рѣчь, что весь поступокъ состоитъ въ томъ, что онъ надѣлъ новый галстукъ, напомадился и бросилъ нѣсколько взглядовъ на Зинаиду Львовну, говоря о счастіи и прелестяхъ супружеской жизни,—Сергѣй Львовичъ не удовольствовался бы этимъ. Онъ твердилъ только одно: что не позволитъ шутить съ собою и, тѣмъ меньше, не позволитъ шутить сердцемъ дѣвушки ему близкой; служи онъ прежде въ статской службѣ, дѣло можетъ-быть, обошлось бы такъ или иначе; но такъ какъ онъ служилъ въ военной,—дѣло пахнетъ совсѣмъ не тѣмъ, и шутка подобнаго рода можетъ повести къ извѣстному концу весьма короткаго свойства!

Самымъ покорнымъ и кроткимъ существомъ въ этихъ случаяхъ являлась обыкновенно сама Зинаида Львовна; она не только не бранила, но, напротивъ, вступалась всегда за сосѣда противъ Люлюкова, который стоялъ на томъ, что сосѣдъ не что другое, какъ негодяй, невѣжда и притомъ человѣкъ, лишенный всякихъ нравственныхъ правилъ. Зинаида Львовна не понимала даже причины, возбуждавшей въ такой степени гнѣвъ Сергѣя Львовича; развѣ не зналъ онъ, — что Зинаида Львовна дала обѣтъ никогда не выходить замужъ? Предположивъ даже, что сосѣдъ былъ одаренъ всѣми достоинствами и качествами, она и тогда осталась бы непреклонною въ своемъ намѣреніи, и тогда отвергла бы его предложеніе! Объясненія эти кончались обыкновенно тѣмъ, что Зинаида Львовна припадала къ груди Софьи Алексѣевны и, облегчая на ней свою собственную грудь истерическими рыданіями, сообщала утѣшительную для человѣчества мысль, — что вся жизнь ея посвящена безъ раздѣла подругѣ юности и ея дѣтямъ.

Наблюдая Зинаиду Львовну послѣ каждаго изъ такихъ приключеній (ихъ было четыре въ первые десять лѣтъ ея жизни въ Дудиловкѣ), и видя, какъ она съ каждымъ разомъ болѣе и болѣе худѣла и обильнѣе орошала слезами подоконники на окнахъ юга, востока, сѣ-

вера и запада, можно было заключить безошибочно, что исторіи эти разрушительно дѣйствовали на ея дѣвственную натуру. По всей вѣроятности, такъ гибельно дѣйствовало не столько горькое сознаніе, что она лично обманулась четыре раза сряду, — о нѣтъ, вовсе нѣтъ! Чего ей было обманываться? Она никогда не мечтала выходить замужъ: никогда! никогда! Ее сушилъ и заставлялъ проливать слезы скорѣе самый фактъ обмана въ примѣненіи его вообще къ судьбѣ беззащитной женщины!.. Боже мой! На кого положиться? Кому довѣриться?.. Мужчины въ глазахъ Зинаиды Львовны были ни что иное, какъ созданія безъ сердца, созданія, движимыя однимъ грубымъ, ничѣмъ несокрушимымъ эгоизмомъ. Взглядъ этотъ не допускалъ исключеній. Кого исключить? Не Сергѣя ли Львовича? Этого только не доставало! Сергѣй Львовичъ былъ, если хотите, добрякъ въ своемъ родѣ, существо, въ которомъ не совсѣмъ еще угасло человѣческое чувство, но что-жъ изъ этого? Не принадлежалъ ли онъ все равно къ своему полу, не былъ ли все-таки мужчиной? Доказательства такой неоспоримой истины были передъ глазами какъ Зинаиды Львовны, такъ и Софьи Алексѣевны. Не ясно ли онѣ видѣли, что стоило Сергѣю Львовичу прожить три года съ женою, — три года только, чтобы мужская природа его успѣла вполнѣ восторжествовать и высказаться во всей грубой наготѣ своей.

Онъ говорилъ, что любитъ жену; но кто-жъ ему вѣрилъ? Развѣ такъ любятъ? Куда же дѣвались эти ласки, нѣжность и предупредительность, сопровождавшія первые мѣсяцы супружества?.. Три года! — Боже милостивый! три года, — и все прошло, оставивъ послѣ себя одну жизненную сухую прозу! Но этого мало. Вслѣдствіе чудовищнаго своего охлажденія (иначе нельзя было объяснить себѣ его поступки), онъ на четвертый годъ дошелъ до того, что позволилъ себѣ замѣтить... Что-бы вы думали?.. Позволилъ себѣ сказать, что жена его день-деньской ничего не дѣлаетъ!.. Чѣмъ-же еще хотѣлъ онъ, чтобъ занялась Софья Алексѣевна, женщина, которая въ эти первые три года супружества носила три раза подъ

сердцемъ залогъ любви, и подарила мужу трехъ восхитительныхъ дѣтей?

Но и этого мало...

Встрѣчая запутанные счеты въ расходахъ по хозяйству, и часто недовольный столомъ, когда бывали гости, Сергѣй Львовичъ явно началъ придираться къ Софьѣ Алексѣевнѣ. Забывъ всякое чувство уваженія и деликатности, онъ началъ вдругъ подтрунивать, дѣлая разные косвенные намеки на женъ, которыя нерадѣютъ по хозяйству, которыя только сами кушаютъ, не заботясь нисколько, повидимому, о томъ, что̀ будутъ кушать другіе и проч., и проч. Онъ иронически называлъ такихъ женъ «барынями»; и надо было видѣть выраженіе лица его, когда вдругъ послѣ этого, ни съ того, ни съ сего, начиналъ онъ сѣтовать на недостатокъ средствъ и вообще на разстроенныя свои обстоятельства. О послѣднемъ онъ распространялся, быть-можетъ, безъ всякаго намѣренія; но все равно, деликатно ли было касаться такого предмета при Софьѣ Алексѣевнѣ, которая, какъ извѣстно, не принесла ему никакого состоянія? Сбросивъ съ себя разъ навсегда лицемѣрную маску, которую надѣваютъ мужчины, когда ухаживаютъ за женщиной, и которую бросаютъ, какъ только достигли своей цѣли, Сергѣй Львовичъ,—да, этотъ самый добродушный Сергѣй Львовичъ,—пошелъ еще далѣе...

Онъ сталъ то и дѣло твердить о вредѣ, который неминуемо долженъ отразиться на дѣтяхъ, если мать, въ отношеніи къ нимъ, ограничивается только ласками и поцѣлуями, а въ остальномъ предоставляетъ ихъ совершенно попеченію кормилицъ, нянекъ и мамокъ. Обо всемъ этомъ говорилось, конечно, опять-таки не прямо;—еще бы! Приступая къ такимъ объясненіямъ, Сергѣй Львовичъ выказывалъ нерѣшительность, мялся, пріискивалъ выраженія; но, благодаря Бога, Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна надѣлены были слишкомъ тонкимъ инстинктомъ, чтобы тотчасъ же не понять, о комъ идетъ здѣсь рѣчь и къ кому относятся эти намеки!

Спрашивается: чего-жъ хотѣлъ въ самомъ дѣлѣ Сергѣй Львовичъ отъ бѣдной жены своей? Боже праведный,

чего хотѣлъ этотъ человѣкъ отъ женщины, которая, можно сказать, принесла ему въ жертву судьбу свою, закабаливъ себя вмѣстѣ съ нимъ въ скучную деревню? Взвѣсилъ ли онъ хоть разъ въ жизни то обстоятельство, что ежегодно ставилъ ее въ интересное положеніе и подвергалъ ее слѣдовательно адскимъ мукамъ родовъ? Понялъ ли онъ, что всѣ эти косвенные намеки и грубыя требованія относились къ женщинѣ, получившей утонченное образованіе? къ женщинѣ,—въ дѣтствѣ еще поражавшей всѣхъ необыкновенными успѣхами въ физикѣ, статистикѣ и знаніи иностранныхъ языковъ? Все было забыто, или, вѣрнѣе, должно было быть принесено въ жертву безпощадному эгоизму! Да, эгоизму, потому что, не имѣя средствъ окружить такую женщину обстановкой, для которой она была, такъ сказать, спеціально и даже исключительно приготовлена,—Сергѣй Львовичъ не долженъ былъ позволить себѣ на ней жениться! Грубыя свойства его природы заглушали въ немъ, повидимому, даже сознаніе самыхъ простыхъ вещей. Справедливо гордясь всегда своею связью съ отраслью Золотухиныхъ, онъ требовалъ между тѣмъ отъ этой отрасли того же, что могъ бы требовать отъ жены темнаго происхожденія, всосавшей съ молокомъ мѣщанскія привычки и мѣщанскія наклонности. Не ясно ли послѣ всего сказаннаго, что Сергѣй Львовичъ не въ состояніи былъ оцѣнить сокровище, которое судьба такъ безпощадно бросила въ его объятія. Можно было спросить у всего свѣта: понялъ ли Сергѣй Львовичъ то возвышенное существо, которое, — увы!—носило его имя? и весь свѣтъ, несмотря на свою холодность и равнодушіе, весь свѣтъ, конечно, отозвался бы въ одинъ голосъ; не понялъ! не понялъ! не понялъ!..

Но свѣтъ хранилъ упорное молчанье; свѣтъ ничего не зналъ объ этомъ. Объ этомъ знали только двѣ женщины, двѣ подруги дѣтства, связанныя мистическимъ союзомъ душъ. Свѣтъ ихъ ограничивался узкимъ горизонтомъ Дудиловки, мрачными стѣнами «верзилы» и двумя небольшими комнатами верхняго этажа, гдѣ обѣ женщины особенно любили проводить печальную жизнь

свою. Однѣ эти комнаты, единственные свидѣтели того, какъ обѣ подруги просиживали ночи, тихо бесѣдуя другъ подлѣ друга, какъ часто проливали онѣ слезы и вздыхали, однѣ эти комнаты въ состояніи были передать грустную повѣсть о томъ, какъ горько чувствовать себя существомъ возвышеннымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не понятымъ и не оцѣненнымъ!..

Взглядъ Зинаиды Львовны на свѣтъ и на мужчинъ въ особенности не вдругъ получилъ характеръ полной своей безнадежности; къ этому приведена была она однимъ происшествіемъ. Оно занимаетъ такую важную роль въ ея жизни, что я упрекалъ-бы себя до гробовой доски, если бы позабылъ когда нибудь довести его до свѣдѣнія читателя.

Все это случилось въ той самой Дудиловкѣ, ровно пять лѣтъ до настоящаго времени. Зинаида Львовна была слѣдовательно уже въ томъ возрастѣ, когда поэты сравниваютъ дѣвушку съ поблекшимъ цвѣткомъ, забытымъ на клумбѣ въ концѣ сентября.

Весною какъ-то въ Дудиловку явился сослуживецъ Сергѣя Львовича, бывшій эскадронный командиръ его и давно уже вышедшій въ отставку. Звали его Александръ Карловичъ Ластъ.

Ротмистръ Ластъ, человѣкъ лѣтъ около пятидесяти, принадлежалъ къ числу самыхъ молчаливыхъ холостяковъ, когда-либо украшавшихъ россійскіе полки и даже человѣчество. Даже въ молодости, въ полку, онъ отличался такимъ свойствомъ; единственная рѣчь, съ какою онъ обращался къ товарищамъ, проводившимъ у него иногда день, заключалась въ слѣдующемъ: «будемъ чай пить!» или: «будемъ обѣдать!» или: «будемъ ужинать!» Больше онъ ничего не говорилъ. Проведя послѣ отставки нѣсколько лѣтъ уединенной жизни въ курляндской деревнѣ, ротмистръ Ластъ сдѣлался еще несообщительнѣе. Надо было быть такимъ человѣкомъ, какъ Сергѣй Львовичъ, чтобъ изловчиться залучить къ себѣ такого человѣка, какъ Ластъ, уговорить его пріѣхать въ домъ, гдѣ были дамы. Дѣло въ томъ, что Ластъ пріѣхалъ.

Когда Сергѣй Львовичъ рекомендовалъ его женѣ и

Зинаидѣ Львовнѣ, Ластъ низко кланялся, причемъ лицо его принимало всякій разъ выраженіе какой-то притупленной задумчивости. Во время обѣда, присутствующіе разъ только услышали его голосъ; это было послѣ того, какъ Люлюковъ перебралъ всѣ полковыя воспоминанія, потрепалъ Ласта по плечу и сказалъ:

— Да, братъ, веселое было времячко!

Ластъ отвѣтилъ:

— Было весело!

Вставая изъ-за стола, Зинаида Львовна, сидѣвшая подлѣ гостя, случайно уронила платокъ. Ластъ, несмотря на очевидную свою неповоротливость (онъ сидѣлъ и держался такъ прямо, что можно было думать, ему не было ни какой возможности согнуться), ротмистръ Ластъ поспѣшилъ однакожъ поднять платокъ; подавая его Зинаидѣ Львовнѣ, онъ снова отвѣсилъ одинъ изъ своихъ задумчивыхъ поклоновъ.

Этимъ заключилось все, чѣмъ ознаменовалъ себя гость въ первый день своего пріѣзда. Тѣмъ не менѣе Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна, удаляясь въ свои комнаты, вынесли самое выгодное впечатлѣніе о гостѣ. Онъ былъ молчаливъ, это правда; но не всегда-ли недостатокъ внѣшняго блеска говоритъ въ пользу внутреннихъ качествъ? Молчаливость Ласта, сопровождавшаяся какою-то задумчивостію, не была-ли слѣдствіемъ горькихъ испытаній, быть-можетъ, даже трагическихъ сердечныхъ потрясеній?.. Обѣ удивлялись и искренно сожалѣли, какъ могъ онъ до сихъ поръ остаться холостякомъ? Принимая во вниманіе его скромность и спокойствіе нрава, онѣ рѣшили, что Ластъ представляетъ именно тотъ рѣдкій обращикъ мужчины, изъ котораго выходятъ хорошіе мужья и добрые отцы семейства. Проведя второй день съ ротмистромъ подъ одною кровлей, дамы окончательно укрѣпились въ своихъ убѣжденіяхъ.

Случилось однакожъ, что въ этотъ второй день ротмистръ Ластъ, отличавшійся, между всѣми своими качествами, несокрушимымъ здоровьемъ (онъ точно отлитъ былъ весь изъ чугуна), почувствовалъ вдругъ къ вечеру страшную головную боль. На третій день боль такъ уси-

лилась, что принуждены были уложить его въ постель, нарочно приготовленную въ комнатѣ, примыкавшей къ кабинету Люлюкова. На четвертый день у ротмистра открылась горячка; такъ по-крайней-мѣрѣ объявилъ уѣздный докторъ.

Какъ водится обыкновенно въ подобныхъ случаяхъ, всѣ въ домѣ начали ломать голову, стараясь объяснить себѣ причину внезапной болѣзни гостя. Какъ это обыкновенно также бываетъ, мнѣнія отличались страшнымъ противорѣчіемъ и никто ровно ничего не рѣшилъ. Сергѣй Львовичъ сваливалъ всю вину на блюдо грибовъ за ужиномъ; онъ самъ чувствовалъ, что его послѣ того часто бросало въ жаръ. Зинаида Львовна приписывала бѣдствіе тому, что ротмистръ, выпивъ одинъ за другимъ шесть стакановъ чая,—она помнила очень хорошо, потому что сама ему наливала,—имѣлъ послѣ этого неосторожность просидѣть весь вечеръ у отвореннаго окна. Софья Алексѣевна стояла на томъ, что ротмистръ, гуляя по саду съ ея мужемъ, вѣроятно жестоко промочилъ себѣ ноги и не замѣтилъ этого, и т. д. Послѣднее предположеніе ближе всего впрочемъ подходило къ истинѣ: ротмистръ Ластъ, оконтуженный во время первой польской кампаніи въ правый глазъ и видя ясно только лѣвымъ, дѣйствительно легко могъ ступить въ лужу и не замѣтить этого. Какъ-бы то ни было, болѣзнь гостя приняла вскорѣ самый опасный характеръ. Она повергла хозяевъ дома въ совершенное отчаяніе.

— Не знаю, что́ дѣлать! говорилъ Сергѣй Львовичъ, поднимаясь на верхъ въ женскую половину:—бѣднаго Ласта положительно нельзя такъ оставить!.. Онъ постоянно въ бреду; не перестаетъ бредить и метаться... Формально не знаю, что дѣлать! Эти дуры, наши горничныя и даже старая нянька, испугались Богъ знаетъ чего, всѣ боятся не только сидѣть ночь подлѣ больного но даже боятся войти въ его комнату!..

При этомъ, лицо Зинаиды Львовны неожиданно покрывалось яркимъ румянцемъ. Софья Алексѣевна крѣпко схватила ее за руку. —Что съ тобою, Зиночка? спросила она.

Но смущеніе Зинаиды Львовны было такъ велико,

что въ первую минуту она ничего не могла выговорить. Дрожащимъ, взволнованнымъ голосомъ объявила она наконецъ, что готова ходить за больнымъ...

Сергѣй Львовичъ бросился обнимать ее; Софья Алексѣевна ограничилась только новымъ выразительнымъ пожатіемъ руки; она слишкомъ хорошо понимала свою подругу, чтобъ удивляться въ ней такой чертѣ великодушія.

Въ тотъ-же вечеръ, Зинаида Львовна приняла на себя многотрудную должность сестры милосердія. Первый разъ, какъ она приблизилась къ комнатѣ больного, ноги едва держали ее; сердце рвалось и вздрагивало, какъ-бы приготовляясь выпрыгнуть; казалось, вся стыдливость, вся застѣнчивость, всѣ дѣвическія свойства, скоплявшіяся тридцать-пять лѣтъ въ груди ея, разомъ воспрянули и заговорили.

Мало-по-малу она привыкла однакожъ и вся отдалась великодушной своей роли.

Больной замѣтно сталъ поправляться. По прошествіи шести недѣль, онъ могъ уже выходить на свѣжій воздухъ, къ великой радости Сергѣя Львовича и Софьи Алексѣевны. Иной разъ, стоя у окна и видя, какъ Зинаида Львовна водила подъ руку выздоравливающаго, супруги едва могли удержаться отъ слезъ. Такая картина хоть кого-бы впрочемъ тронула! Любуясь ею, супруги невольно пришли къ убѣжденію, что пріѣздъ добряка Ласта и самая болѣзнь его не нарочно-ли устроены премудрымъ провидѣніемъ съ тѣмъ, чтобъ опредѣлить наконецъ судьбу Зинаиды Львовны...

Кто изъ нихъ первый подалъ такую мысль, кто пустилъ ее въ ходъ, кто возвелъ на степень несомнѣннаго факта—положительно не извѣстно. Извѣстно только, что во все время болѣзни и потомъ, въ часы прогулокъ, между ротмистромъ Ластомъ и Зинаидой Львовной не было положительно произнесено ни одного слова. Ластъ ограничился тѣмъ, что разъ выразилъ свои чувства Сергѣю Львовичу касательно Зинаиды Львовны. Онъ сказалъ ему: «Прекрасная дѣвица; чувствительно благодаренъ!»

Тѣмъ не менѣе, какъ только Ластъ выздоровѣлъ и уѣхалъ, въ домѣ появилось больше чѣмъ когда-нибудь

кусковъ полотна и миткаля; дворовыя дѣвушки тотчасъ-же усажены были за работу. Даже Софья Алексѣевна пробудилась отъ апатіи; она дѣятельно занялась обрубкою батистовыхъ платковъ; Зинаида Львовна между тѣмъ, сидя подлѣ своей подруги, задумчиво выводила на углахъ платковъ готическія вензеля З. и Л. Что-жъ касается Сергѣя Львовича, ему просто не сидѣлось на мѣстѣ; онъ бѣгалъ по всему дому, билъ въ ладоши и даже подпрыгивалъ; разъ по двадцати по-крайней-мѣрѣ въ сутки назначалъ онъ даже день, когда пройдется мазурку съ «кѣмъ-то», одѣтымъ въ бѣлое платье и съ вѣнковъ померанцевыхъ цвѣтовъ на головѣ. Никто не сомнѣвался, что Ластъ уѣхалъ такъ скоро единственно съ тою мыслію, чтобы сдѣлать необходимыя распоряженія въ своей курляндской деревнѣ и по дорогѣ заказать приданое въ Петербургѣ.

Такъ думала, повидимому, даже сама Зинаида Львовна. Съ перваго дня, какъ уѣхалъ Ластъ, Софья Алексѣевна едва могла оторвать ее отъ окна, смотрѣвшаго на сѣверъ. Увѣренность въ будущемъ счастіи ясно проступала въ чертахъ ея; самыя неудачи прошлыхъ лѣтъ, казалось, изгладились изъ ея памяти. (Если помнитъ читатель, она вообще имѣла слабую память.) Короче сказать, Зинаида Львовна отъ головы до ногъ сіяла довольствомъ и счастіемъ. Она краснѣла, потупляла глаза и хмурила брови въ тѣхъ только случаяхъ, когда развеселившійся Сергѣй Львовичъ начиналъ вдругъ приставать, описывая при всѣхъ картину, какъ Зинаида Львовна будетъ кормить своихъ дѣтей. Сергѣй Львовичъ былъ всегда впрочемъ неумѣренъ, какъ въ радости, такъ и въ горести.

Юбокъ, чепцовъ и кофтъ, не считая другихъ сокровенныхъ принадлежностей женскаго туалета, нашито было множество. Обрубка платковъ подошла къ концу. Сергѣй Львовичъ съѣздилъ разъ въ Москву и привезъ въ подарокъ Зинаидѣ Львовнѣ три платья, изъ которыхъ одно было изъ бѣлаго муаръ съ кружевной отдѣлкой.

Ластъ, между тѣмъ, не подавалъ о себѣ слуха. Прошелъ мѣсяцъ, другой,—Ластъ продолжалъ молчать. Прошелъ еще мѣсяцъ...

— Странно! Непостижимо!.. Ужъ не заболѣлъ ли онъ опять?.. повторялъ Сергѣй Львовичъ.

Наконецъ, съ почты получены повѣстки на страховое письмо и посылку изъ Петербурга.

Сердце Зинаиды Львовны такъ вдругъ забилось, и она почувствовала такую дрожь въ ногахъ, что едва ли бы устояла на мѣстѣ безъ поддержки Софьи Алексѣевны.

Въ тотъ же мигъ повѣстки были подписаны и отправлены съ нарочнымъ въ городъ.

Письмо получено; получена также посылка.

Послѣдняя заранѣе всѣхъ поражаетъ малымъ своимъ объемомъ; неужели здѣсь часть приданаго?.. быть не можетъ!..

Сергѣй Львовичъ читаетъ письмо; оно адресовано на его имя. Внезапно глаза его начинаютъ моргать самымъ зловѣщимъ образомъ, краска бросается въ лицо, дыханіе становится неровнымъ.

Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна, томимыя предчувствіемъ, судорожно схватываютъ другъ друга за руку.

— Что случилось? спрашиваютъ онѣ въ одинъ голосъ.

— Это такъ не пройдетъ! возражаетъ Сергѣй Львовичъ.

— Боже мой! Что случилось? повторяютъ несчастныя женщины, цѣпенѣя отъ ужаса.

— Скотъ! вскрикиваетъ Сергѣй Львовичъ.

— Что случилось?.. повторяютъ снова обѣ женщины, едва переводя духъ.

Сергѣй Львовичъ читаетъ письмо. Въ немъ всего нѣсколько строкъ. Ротмистръ Ластъ чувствительно благодаритъ всѣхъ за попеченія и проситъ Зинаиду Львовну принять на память небольшой подарокъ...

Вскрываютъ посылку: она заключаетъ въ себѣ кожаный рабочій баульчикъ со всѣми принадлежностями для шитья и вышиванья, сдѣланными впрочемъ очень искусно подъ аплике.

Но уже Зинаида Львовна не видитъ этого предмета. Она лежитъ безъ чувствъ на диванѣ. Пользуясь этою минутой, Софья Алексѣевна умоляетъ мужа скорѣе спрятать баульчикъ, чтобъ онъ не попался какъ-нибудь на

глаза несчастной подруги въ ту минуту, какъ она снова придетъ въ чувство. Сергѣй Львовичъ горячится и весь пѣнится отъ негодованія. Въ этотъ день онъ несчетное число разъ принимается писать Ласту; но каждый разъ, написавъ только: «Милостивый государь...», бросаетъ листъ въ сторону и бьетъ кулакомъ въ столъ. Юбки, чепцы, кофты, платки, съ готическими вензелями З. и Л., поспѣшно запрятаны на дно сундуковъ; приняты всѣ предосторожности, чтобы ничто не напоминало Зинаидѣ Львовнѣ горе, такъ нежданно, такъ глубоко ее поразившее. Ее принуждены были облить нѣсколько разъ водою, чтобы привести въ чувство.

Первымъ дѣломъ ея было успокоить присутствующихъ касательно ея участи. Она говоритъ, что все это ничего... что не знаетъ даже, изъ чего такъ горячится Сергѣй Львовичъ?.. Развѣ не знаетъ онъ, Боже мой, развѣ онъ не знаетъ, что если бы могло даже осуществиться то, что предполагалось, она, все равно, отказала бы въ своей рукѣ... кто-жъ не знаетъ, что жизнь ея давно отдана безъ раздѣла Софьѣ Алексѣевнѣ и ея дѣтямъ...

Въ голосѣ ея слышится однакожъ, вопль и дребезжаніе разбитаго въ дребезги сердца; вопль этотъ не можетъ обмануть Софью Алексѣевну. Послѣдняя такъ долго не выпускаетъ руку подруги изъ своей руки, что часто засыпаетъ въ этомъ положеніи. Только Люлюкова и еще одинъ изъ подоконниковъ сѣверной стороны «верзилы» могутъ сказать, чего стоилъ Зинаидѣ Львовнѣ этотъ послѣдній ударъ, нанесенный въ самую чувствительную сторону ея дѣвственнаго, но увы! слишкомъ пылкаго и довѣрчиваго сердца.

Собственно только послѣ этого злополучнаго событія взглядъ Зинаиды Львовны относительно свѣта и людей получилъ свой послѣдній, глубоко безотрадный характеръ. Софья Алексѣевна не могла, конечно, не раздѣлять тѣхъже убѣжденій; это ужъ само собою разумѣется. Въ мысляхъ двухъ подругъ, представлявшихъ трогательное сочетаніе сіамскихъ близнецовъ въ нравственномъ смыслѣ, не могло быть разногласія; онѣ столько лѣтъ жили одною

жизнію, дышали однимъ воздухомъ, питались вздохами и несчастіями другъ друга! Надо отнести однакоже къ чести Зинаиды Львовны: душа ея не совсѣмъ еще зачерствѣла; остался въ ней уголокъ для симпатіи къ человѣчеству; она глядѣла на свѣтъ и на людей не столько съ горечью, сколько съ глубокимъ чувствомъ сердечнаго соболѣзнованія. Ей «жаль было человѣка», какъ она говорила. Съ истинно-ангельскою терпимостью относилась она къ слабостямъ человѣческимъ; мало того, сама даже дѣлала этимъ слабостямъ значительныя уступки; такъ, напримѣръ, продолжала осыпать себя пудрой и даже часто подрумянивала себѣ щеки ломтиками изъ свеклы. Все это имѣло разумѣется только внѣшнее значеніе. Въ самомъ же дѣлѣ, она положительно отказалась отъ свѣта и обратилась къ небесамъ, отыскивая въ нихъ единственное счастіе. Не такъ ли оно и слѣдовало! Одна безпредѣльность могла отвѣчать безпредѣльности ея чувствъ и возвышенныхъ стремленій.

Оставалось сожалѣть, что небо получило только клочокъ ея сердца и незначительную уже долю душевнаго жара, такъ безплодно растраченнаго на землѣ; но такъ впрочемъ всегда почти бываетъ!

Съ этого времени пальцы ея, столь искусные въ дѣлѣ изображенія на канвѣ махровыхъ розъ, собачекъ и пастушковъ съ пастушками, исключительно занялись вышиваньемъ рясъ, воздуховъ и проч.

Съ того же времени, не только въ постъ, но даже по середамъ и пятницамъ, передъ Зинаидой Львовной и Софьей Алексѣевной неизмѣнно стало появляться грибное кушанье. Въ великій постъ онѣ совсѣмъ даже отказались отъ пищи; обѣ питались однимъ чаемъ, въ который не клали даже сахару; его замѣняла ложка меду; рѣдкая недѣля стала обходиться безъ молебна и акаѳиста.

Новое настроеніе двухъ подругъ, весьма натурально, долженствовало окончательно отдалить ихъ отъ Сергѣя Львовича.

По настоящему давно пора было это сдѣлать!

Мы уже видѣли, какъ, еще въ первые годы своего

супружества, приложилъ онъ старанія, чтобы раскрыть бездну между собою и своею добродѣтельною женой. Послѣдній поступокъ, когда онъ принялъ на себя исключительное обязательство заботиться о дѣтяхъ и даже покупать имъ башмаки, довершилъ отчужденіе отъ него двухъ кроткихъ существъ, именуемыхъ Софьей Алексѣевной и Зинаидой Львовной. Оправдывая свои дѣйствія тѣмъ, что желаетъ избавить жену отъ лишнихъ хлопотъ и заботъ и самъ не замѣчая, какъ лжетъ немилосердно, потому что Софья Алексѣевна въ жизнь свою ничѣмъ не занималась и ни о чемъ не хлопотала, онъ доказалъ только, какъ далеко простиралась его деспотическая и всепоглощающая природа.

Съ тѣхъ поръ онъ шагу не сдѣлалъ для примиренія.

Снисхожденіе его (снисхожденіе?!..) относительно новаго настроенія жены и кузины ровно ничего не доказывало. Начать съ того, что въ первое время онъ явно даже высказалъ имъ свое неудовольствіе; сколько разъ потомъ позволялъ онъ себѣ трунить надъ ними. Не онъ ли наконецъ, тая въ сердцѣ безсильную досаду, не онъ ли разсказалъ по секрету, что оставляетъ въ покоѣ жену и кузину потому собственно, что самъ видитъ: всѣ замѣчанія его ведутъ лишь къ тому, чтобъ усилить фанатизмъ «дудиловскихъ кликушъ!» Да, это было его собственное выраженіе!

Послѣ этого все уже было кончено; чаша оскорбленій переполнилась! Сергѣй Львовичъ могъ сколько угодно ухаживать за женой, могъ дѣлать ей сюрпризы, могъ посылать ее въ Старую Русу на воды, могъ сколько угодно говорить, что «Софьѣ Алексѣевнѣ не достаетъ только истинныхъ огорченій, чтобы перестать считать себя несчастною!..» Ничѣмъ уже нельзя было исправить дѣла, никогда уже не суждено было закрыться той пропасти, которая, простирая свою зіяющую пасть, раздѣляла Софью Алексѣевну отъ деспотическаго, холоднаго супруга.

Теперь мы можемъ съ чистою совѣстью перейти къ разговору, который происходилъ между подругами послѣ отъѣзда Сергѣя Львовича.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ПЕРЕДАЕТЪ РАЗГОВОРЪ, ВЫЗЫВАЮЩІЙ НА РАЗМЫШЛЕНІЕ.

Не лишнимъ будетъ замѣтить, что разговоръ происходилъ не въ спальнѣ Люлюковой, но въ комнатѣ Зинаиды Львовны. Послѣдняя увела туда подругу, какъ только дѣти простились съ матерью и ушли спать.

Софьѣ Алексѣевнѣ, безъ всякаго сомнѣнія, покойнѣе было лежать у себя въ постели; отъ этого, надо думать, самая сладость бесѣды получила бы для нея больше прелести. Но въ настоящемъ случаѣ все зависѣло отъ Зинаиды Львовны и она рѣшила иначе. Она нашла, что бесѣда съ подругой утратитъ свою сладость, если будетъ происходить въ ея «собственной» комнатѣ. Назовите это пожалуй слабостью, мелочностью, сентиментальниченьемъ съ ея стороны,—назовите чѣмъ угодно! Согласитесь только, что слабости этого рода, какъ исключительная принадлежность нѣжныхъ и любящихъ сердецъ, заслуживаютъ нашего полнаго уваженія.

Можно предположить, наконецъ, что комната Зинаиды Львовны особенно располагала къ дружескимъ, интимнымъ изліяніямъ.

Дѣйствительно, мирная эта келья не наводила свѣтскихъ, тщеславныхъ мыслей; стѣны ея и предметы, ихъ обставлявшіе, ничего бы не сказали холодному наблюдателю. Что могъ бы онъ извлечь, напримѣръ, при видѣ стараго комода, покрытаго вязаною салфеткой, комода, уставленнаго зеркаломъ и десяткомъ самыхъ невинныхъ бездѣлушекъ, между которыми главную роль играла стеклянная птичка для духовъ съ пробочкой вмѣсто хвоста? Комодъ могъ имѣть значеніе только для Зинаиды Львовны и Софьи Алексѣевны; только онѣ знали, что въ немъ хранится шкатулочка съ записочками и сувенирами ихъ драгоцѣннаго, невиннаго дѣтства! То же самое слѣдуетъ сказать о трехъ портретахъ, повѣшенныхъ рядомъ и изображавшихъ господина съ владимірскимъ крестомъ, даму

въ наколкѣ и, между ними, грудного ребенка съ голубыми глазами, занимавшими половину головы; портреты принадлежали лицамъ, давно покинувшимъ жизнь, давно отдыхавшимъ подъ холодною плитою могилы; то были: двоюродная сестра Зинаиды Львовны, урожденная также Зюзюкина, ея мужъ и единственный ихъ ребенокъ. Какое значеніе могли имѣть эти изображенія для посторонняго? Они ничего не говорили даже Сергѣю Львовичу. Мало того: онъ утверждалъ всегда, что ими не можетъ особенно интересоваться даже Зинаида Львовна, если взять въ расчетъ, что въ жизнь свою не видала въ глаза этихъ родственниковъ и знала о нихъ только по наслышкѣ. Онъ никогда не входилъ въ комнату Зинаиды Львовны безъ того, чтобы не улыбнуться при видѣ лоскутка чернаго крепа, которымъ задрапированы были внизу портреты, а также безъ того, чтобы не подмигнуть саркастически на каллиграфическую надпись: «увы, ихъ больше нѣтъ!», которую Зинаида Львовна наклеила подъ среднею рамкой... Мы, съ своей стороны, видимъ во всемъ этомъ честные, естественные порывы души нѣжной, чистой и глубоко чувствительной! Но что говорить о предметахъ, которые доступны только избраннымъ.

Перейдемъ лучше къ разговору.

— О, эгоистъ! эгоистъ! эгоистъ! повторяла съ напряженнымъ чувствомъ Зинаида Львовна, какъ только тарантасъ, уносившій Сергѣя Львовича, выѣхалъ за ворота.

При послѣднемъ восклицаніи, на кушеткѣ, гдѣ покоилась Софья Алексѣевна, послышался вздохъ.

Зинаида Львовна, чувствуя, что зашла, можетъ быть, слишкомъ уже далеко, оставила окно, подбѣжала къ кушеткѣ и, ставъ на колѣни, напечатлѣла нѣсколько поцѣлуевъ на утомленныхъ глазахъ подруги.

— Ты на него слишкомъ уже нападаешь... слабо проговорила Софья Алексѣевна.

— Ты ангелъ! ангелъ!..

— Онъ право не виноватъ...

— Божественная женщина!..

— Ты слишкомъ ко мнѣ снисходительна... Боже мой, когда подумаю: какіе вы всѣ для меня добрые...

— Святое существо...

— Не говори этого, Зиночка; тебя увлекаетъ дружба и привязанность.

— Нѣтъ, мой другъ, я не увлекаюсь; я счастлива, но покойна. Да, я покойна!.. Уже одно то, что ты называешь насъ «всѣхъ» добрыми, доказываетъ неизмѣримую доброту твоего собственнаго сердца, твоего драгоцѣннаго, золотого сердца! — съ чувствомъ прибавила Зинаида Львовна: — гдѣ же наша доброта? подхватила она, минуту спустя, съ горькою, задумчивою усмѣшкой:— въ чемъ ты видишь ее?.. Не въ тѣхъ ли ничтожныхъ бездѣлушкахъ, которыми мы встрѣтили тебя сегодня?

— Нѣтъ... Но все-таки, не доказываютъ ли онѣ...

— Ничего не доказываютъ! перебила Зинаида Львовна съ энергіей, которой никакъ нельзя было ожидать отъ такой чувствительной особы.

— Во всемъ этомъ одно меня огорчаетъ, продолжала Софья Алексѣевна:—онъ въ самомъ дѣлѣ думалъ, что я желала всего этого... Мнѣ тяжело думать, какъ онъ хлопоталъ для меня, суетился, тратилъ деньги...

— Я это предчувствовала! вымолвила Зинаида Львовна, сдѣлавъ выразительный жестъ:—прошу тебя, Sophie, ради самого неба, не огорчай себя такими мыслями! Вопервыхъ, повѣрь мнѣ, ты, наконецъ, сама слишкомъ хорошо его знаешь, чтобы не понять этого; повѣрь мнѣ, онъ дѣлалъ все это для самого себя, для того больше, чтобы чѣмъ-нибудь занять свою безпокойную дѣятельность!.. Я не хочу сказать, чтобъ онъ о тебѣ не думалъ... О нѣтъ! нѣтъ!.. Но, какъ всѣ мужья, Serge эгоистъ, страшный эгоистъ! Устроивая всѣ эти сюрпризы, какъ онъ ихъ называетъ, и тратя на нихъ деньги, онъ имѣлъ, конечно, больше въ виду свое собственное удовольствіе... Нѣтъ, Sophie, нѣтъ, ты напрасно ажитируешь себя такими мыслями. Твоя женская гордость, твое достоинство не должны возмущаться; они могутъ быть покойны! И наконецъ, что-жъ такое? Что-жъ такое, въ самомъ дѣлѣ?.. Проживши съ нимъ двадцать-пять лѣтъ, проживши такъ, какъ ты жила, ты, кажется, заслуживаешь, чтобы для тебя сколько нибудь безпокоились...

— Я не должна забывать: я всѣмъ ему обязана... Ты знаешь, какъ тяжело думать...

— Не знаю, — но чувствую и вполнѣ тебѣ симпатизирую, подхватила Зинаида Львовна, горячо пожимая руку подруги: — когда я думаю объ этомъ, мнѣ всегда кажется: я бы, по крайней мѣрѣ, скорѣй согласилась умереть, чѣмъ выйдти замужъ за человѣка, котэрый былъ бы меня богаче... хотя бы даже одною копѣйкой! Жить и каждый часъ, каждый мигъ страдать отъ мысли, что я всѣмъ ему обязана, а между тѣмъ сама не могу отплатить ему тѣмъ же... О, я понимаю, какъ должно страдать при этомъ благородное сердце женщины!.. Но ты, Sophie, ты, другъ мой, другое дѣло; ты искупила своею жизнію всѣ эти страданія! Въ эти двадцать-пять лѣтъ супружества ты тринадцать разъ носила подъ сердцемъ священный залогъ и, слѣдовательно, тринадцать разъ подвергала себя всѣмъ ужасамъ мученій и даже смерти!..

— О, я не сержусь на него! произнесла Софья Алексѣевна съ истинно-ангельскою кротостью:— нѣтъ, напротивъ, я очень ему благодарна. Только зачѣмъ все это? Къ чему? Все это такая мелочь, такое ничтожество!..

— Ну, разумѣется!.. Но подумай съ другой стороны: всѣ ли могутъ понимать вещи, какъ мы ихъ понимаемъ? Много ли людей на свѣтѣ, у которыхъ чувства возвышены и тонки? Сердце твое слишкомъ благородно; оно не должно оскорбляться мелочами, которыя тебя окружаютъ... Я впрочемъ предвидѣла, что всѣ эти приготовленія скорѣе огорчатъ тебя, чѣмъ обрадуютъ. Но что будешь съ нимъ дѣлать? Ты знаешь, какъ онъ упрямъ и настойчивъ!.. Возьми, напримѣръ, хоть сегодняшнюю его выходку, продолжала Зинаида Львовна голосомъ, въ которомъ замѣтно теперь проглянуло больше грусти, чѣмъ увлеченія:—я очень понимаю, что пріѣздъ дяди Помпея Николаевича долженъ былъ сдѣлать на него большое впечатлѣніе; ты передала ему это извѣстіе такъ неожиданно; онъ такъ давно мечталъ увидѣть дядю въ своемъ домѣ;—все это очень понятно... О, я все это понимаю,— все рѣшительно! Но съ другой стороны, во всемъ должны

быть границы; гдѣ же эти границы? Я не требую невозможнаго; я слишкомъ хорошо знаю всѣ его слабости, чтобы требовать больше того, сколько можно ожидать; но согласись, мы имѣемъ, кажется, полное право требовать, чтобъ онъ, по крайней мѣрѣ, выказывалъ тебѣ уваженіе и внимательность!.. Помилуй, душа моя: ты была цѣлый мѣсяцъ въ разлукѣ съ нимъ,—пріѣзжаешь,—и что же?.. Онъ въ этотъ самый день, какъ ни въ чемъ не бывало, спокойно себѣ отправляется дѣлать визиты!.. Его не удержало даже чувство приличія и деликатности; не удержала мысль, что тебя можетъ огорчить такая выходка!.. Онъ не подумалъ даже, что такой поступокъ можетъ дурно подѣйствовать на дѣтей... Въ самомъ дѣлѣ: что послѣ этого остается думать дѣтямъ? Какой примѣръ? Что можетъ подумать эта молоденькая гувернантка? Люди наконецъ!.. Нѣтъ, это не благородно!—не благородно!..

Тутъ Зинаида Львовна остановилась и приготовилась взять носовой платокъ столько же для себя собственно, сколько для того, чтобъ утереть имъ глаза Софьи Алексѣевны, которые, какъ ей казалось, должны были въ эту минуту переполняться слезами. Нагнувшись къ обожаемой подругѣ, она замѣтила, что глаза ея были закрыты.

Зинаида Львовна поднялась съ мѣста, переставила свѣчку такъ, чтобы пламя не раздражало зрѣнія обожаемой подруги, придвинула стулъ къ кушеткѣ и расположилась на немъ; скрестивъ руки и вытянувъ ноги, она снова обратила умиленный взоръ на лицо Софьи Алексѣевны.

Глаза послѣдней попрежнему оставались закрытыми.

Не знаю, отчего это случилось: вѣтеръ ли сильнѣе пахнулъ въ окно, или Зинаида Львовна прежде еще чувствовала щекотанье въ горлѣ—только она вдругъ громко закашлялась, не успѣвъ даже приложить руку къ губамъ своимъ.

— Гм! гм! гм!..

— Да... это ужасно... дядюшка... это ужасно!.. внезапно пролепетала Софья Алексѣевна, раскрывая глаза.

Зинаида Львовна поспѣшила взять ея руку, нагнулась и нѣжно поцѣловала ее въ лобъ.

Послѣднія слова Софьи Алексѣевны ясно доказывали, что впечатлѣнія бывшаго разговора слишкомъ сильно подѣйствовали на ея нервы; они преслѣдовали ее даже во снѣ. Само собою разумѣется, забота Зинаиды Львовны должна была состоять теперь въ томъ, чтобы какъ можно скорѣе перемѣнить предметъ разговора и по возможности стараться развлечь, разсѣять грустныя мысли подруги.

— Кстати, о дядѣ... сказала она, игриво перебирая пухлые пальцы Люлюковой: — я столько лѣтъ слышу о немъ отъ твоего мужа... Въ самомъ же дѣлѣ, знаю только, что онъ очень важный генералъ и больше ничего!.. Ты, Sophie, никогда не говорила мнѣ о немъ, какъ о человѣкѣ... Скажи, пожалуйста, въ этомъ отношеніи, какъ онъ: интересный старичокъ?...

— Онъ еще не совсѣмъ старикъ... промолвила Люлюкова.

— Однакожъ?

— Ему, я думаю, лѣтъ пятьдесятъ... или около этого...

— Не странно ли это? оживленно заговорила Зинаида Львовна, усиливаясь разсѣять окончательно грустныя впечатлѣнія подруги, и съ этою цѣлію принимаясь теперь нѣжно похлопывать ея ладонями одну о другую:— не странно ли это?... Я не могу дать себѣ отчета, но сколько ни припоминаю, дядя твой всегда представлялся мнѣ дряхлымъ какимъ-то старичкомъ; не слыша о немъ очень давно,—твой мужъ никогда не удостоиваетъ меня говорить о немъ; онъ бережетъ видно разсказы о дядѣ для своихъ пріятелей,—я, признаюсь, подумала даже:— не умеръ ли онъ?... При этомъ мнѣ приходило даже въ голову: какъ хорошо, что Помпей Николаевичъ не былъ женатъ; по крайней мѣрѣ, не останется послѣ него опечаленнаго семейства, плачущей жены, рыдающихъ дѣтей... Ты, Sophie, просто меня удивила; принимая въ соображеніе высокое положеніе Помпея Николаевича, его долгую служебную карьеру, я всегда воображала встрѣтить въ немъ стараго, старенькаго старичка...

Зинаида Львовна очень хорошо знала Помпея Николаевича,—на сколько можно знать человѣка по слухамъ; но дѣло было не въ этомъ: какъ мы уже сказали, дѣло

состояло въ томъ, чтобы повернуть разговоръ и развлечь, разсѣять грустныя мысли подруги. Тѣмъ не менѣе, она съ большимъ любопытствомъ начала прислушиваться, когда заговорила подруга.

— Вовсе нѣтъ; я увѣрена, тебя удивитъ даже его наружность, сказала Софья Алексѣевна, растягивая слова:— я не видала его теперь ровно пятнадцать лѣтъ; онъ въ это время почти не перемѣнился: такой же свѣжій, статный мужчина, какимъ былъ прежде... немножко только больше посѣдѣлъ. Я увѣрена, еслибъ онъ захотѣлъ, онъ могъ бы даже жениться... онъ такъ еще свѣжъ, такъ бодръ; я сама удивилась...

Вообще въ этотъ вечеръ Зинаида Львовна чувствовала себя очень нервною и впечатлительною; быть можетъ, къ этому особенно располагалъ теплый воздухъ іюльской ночи и лунный свѣтъ, проходившій голубоватыми, серебристыми лучами въ отворенное окно; во всякомъ случаѣ, слова подруги замѣтно оживляли ее, пробуждая въ ней ту милую егозливость, которая не оставляетъ дѣвушекъ даже въ той порѣ, когда, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, онѣ могли бы имѣть кучу взрослыхъ дѣтей.

— Одно мнѣ не понятно въ отношеніи къ Помпею Николаевичу, сказала Зинаида Львовна, произнося его имя съ особенною какою-то мягкостью; — что за мысль оставить Петербургъ, оставить великолѣпную дачу и ѣхать въ деревню...

— Онъ теперь уже въ отставкѣ...

— Какъ? вымолвила Зинаида Львовна съ живѣйшимъ участіемъ. Послѣдняго обстоятельства она, дѣйствительно, не знала.

— Онъ говорилъ мнѣ, что ему надоѣлъ Петербургъ, прискучила служба, продолжала Люлюкова... Онъ вообще показался мнѣ очень недовольнымъ; я замѣтила, онъ положительно даже скучаетъ.

— Быть можетъ, какая нибудь тайная, сердечная страсть... промолвила Зинаида Львовна, чувствуя, что и у нея при этомъ болѣзненно сжалось сердце.

— О, нѣтъ, подхватила Люлюкова,—онъ просто уѣз-

жаетъ въ деревню съ тѣмъ, чтобы пожить въ тишинѣ, успокоить себя послѣ городского шума, устроить въ деревнѣ домъ... такъ по крайней мѣрѣ онъ самъ сказалъ мнѣ.

Лицо Зинаиды Львовны покрылось румянцемъ; — въ комнатѣ было душно, даже жарко.

— Изъ того, что ты говоришь о немъ, я заключаю, что у него должна быть добрая, кроткая натура... Да, кроткая, и добрая!.. заключила Зинаида Львовна послѣ паузы, въ продолженіе которой сидѣла она, склонивъ голову на бокъ и вперяя задумчивые глаза въ ночной полусвѣтъ, посеребренный мѣсяцемъ.

Софья Алексѣевна ничего не отвѣчала. Обративъ къ ней лицо свое, Зинаида Львовна замѣтила, что глаза подруги снова сомкнулись.

— Боже, что-жъ это я дѣлаю!.. воскликнула она, торопливо вставая со стула:—сижу здѣсь и болтаю безъ умолку, забывая, что давно пора тебѣ успокоиться, давно пора лечь въ постель... Ангелъ мой, прости меня!—подхватила она, принимаясь цѣловать Софью Алексѣевну съ какою-то восторженною экзальтаціей:—я такъ обрадовалась, что снова ты здѣсь, снова держу твою руку въ своей рукѣ, и обѣ мы сидимъ въ моей комнатѣ, что сама себя не помню!.. Дай мнѣ поднять тебя... Вотъ такъ... еще... облокотись сильнѣе... ты такъ устала, бѣдняжка, что едва держишься на ногахъ!..

Крѣпко обнявъ совсѣмъ почти заснувшую подругу, она повела ее въ спальню, не переставая удивляться, до чего можетъ довести радость встрѣчи и не переставая во всю дорогу называть себя эгоисткой.

Десять минутъ спустя, когда въ комнатѣ Люлюковой стало совсѣмъ темно, Зинаида Львовна быстро вбѣжала къ себѣ, взяла листокъ бумаги и, придвинувъ къ нему свѣчку, начертила нѣсколько строкъ; тщательно свернувъ записку, она спустилась внизъ, спросила у Аннушки: «не уѣхалъ ли Петръ на желѣзную дорогу?» и получивъ отрицательный отвѣтъ, велѣла передать ему скорѣе записку, содержавшую, какъ она сказала, списокъ необхо-

димѣйшихъ покупокъ, которыя поручала ему сдѣлать въ Москвѣ.

Лакей Петръ, прибывъ на станцію желѣзной дороги около часу ночи и желая сообразить, какого рода покупки поручали ему сдѣлать, началъ приводить въ порядокъ три-четыре списка, сложенные въ его карманѣ; развернувъ записку Зинаиды Львовны, онъ прочелъ слѣдующее:

«Коробку лучшей пудры (рисовой) у Буиса на Кузнецкомъ мосту; тамъ же: розовой губной помады и кольдкрему».

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ.

НОВОЕ ЛИЦО И ПЕРВЫЯ ЕГО ВПЕЧАТЛѢНІЯ ВЪ ДУДИЛОВКѢ.

Ночь была чудная, тихая и теплая; мѣсяцъ еще не показывался надъ горизонтомъ и только звѣзды весело мигали въ безоблачномъ небѣ...

Но что-жъ это я дѣлаю?... Я совсѣмъ забылъ, что принялъ твердое намѣреніе избавить читателя отъ описаній картинъ природы! Усовершенствованіемъ этимъ, противъ обычной моей методы, обязанъ я, конечно, не столько самому себѣ, сколько постороннему лицу, которому тутъ приношу чувствительную благодарность.

Годъ тому назадъ, судьба свела меня съ любителемъ россійской словесности, человѣкомъ, котораго цѣлый уѣздъ справедливо считаетъ своимъ представителемъ по части просвѣщенія (на блистательномъ обѣдѣ, данномъ имъ въ прекрасномъ помѣстьи, онъ первый высказалъ благородную мысль, складываться вчетверомъ, чтобы выписывать, по крайней мѣрѣ, хоть «Полицейскія Вѣдомости»). Удостоивъ меня бесѣдой о литературѣ, почтенный ревнитель просвѣщенія (умалчиваю о его имени изъ уваженія къ его скромности) выразилъ мнѣніе, что такъ какъ описаніе вообще, и описанія природы въ особенности, значительно всегда затягиваютъ и охлаждаютъ интересъ повѣствованія, онъ издавна держится такого правила: сряду

пропускаетъ всѣ страницы, сколько-нибудь тѣсно напечатанныя и останавливается на тѣхъ только, которыя веселятъ взоръ частыми пробѣлами, словомъ, гдѣ идетъ бѣглый, живой разговоръ.

Убѣжденный вполнѣ, что мнѣніе почтеннаго представителя просвѣщенія служитъ выраженіемъ мнѣнія большинства, я тутъ же рѣшился ему покориться.

Такимъ образомъ тотчасъ же истреблена была картина іюльскаго утра, которою начиналась повѣсть. По той же причинѣ и здѣсь точно также слѣдуетъ воздержаться отъ описанія красотъ ночи, блеска звѣздъ и чуднаго благорастворенія воздуха.

Достаточно будетъ сказать, оно и короче, и ближе къ цѣли, что время приближалось часамъ къ десяти вечера, когда тарантасъ, вмѣщавшій Сергѣя Львовича, началъ подбираться къ границѣ дудиловскихъ владѣній. Оставалось всего какихъ-нибудь двѣ, двѣ съ половиною версты до подъѣзда «верзилы».

Хотя верхъ тарантаса былъ откинутъ, и вся фигура Сергѣя Львовича довольно явственно обозначалась въ полусумракѣ, не было, однакожъ, никакой возможности уловить, что именно въ эту минуту выражали черты его. Но это ничего; стоило взглянуть на взмыленныхъ лошадей, бѣжавшихъ какъ-то въ разладъ, съ опущенными головами, и тяжело переводившихъ духъ, чтобъ убѣдиться, что Сергѣй Львовичъ, въ эти послѣдніе дни, не терялъ минуты времени; кучеръ, качавшійся на козлахъ, поминутно засыпавшій и встряхивавшій головой, могъ въ свою очередь свидѣтельствовать, что Сергѣй Львовичъ не давалъ отдыха ни ему, ни себѣ, ни лошадямъ, даже въ ночное время.

— Ну, что, Власъ, усталъ? умаялся? спросилъ Сергѣй Львовичъ, неожиданно обращаясь къ кучеру.

Сообщительность Люлюкова точно также, какъ и его дѣятельность, никогда не знала угомону; онъ долженъ былъ говорить во что бы ни стало, когда не спалъ.

На вопросъ его не послѣдовало никакого отвѣта.

— Власъ, ты никакъ спишь? промолвилъ Люлюковъ, возвышая голосъ и слегка дергая возницу за рукавъ.

— Я... гм... никакъ нѣтъ! отозвался Власъ, встряхиваясь и принимаясь дергать вожжами.

Тарантасъ постепенно, между тѣмъ, приближался къ дорогѣ, соединявшей Дудиловку со станціей желѣзной дороги. Недалеко отъ поворота, слухъ Сергѣя Львовича пораженъ былъ отдаленнымъ свистомъ локомотива.

— Власъ, надо думать, поѣздъ подъѣхалъ къ станціи? заговорилъ опять Люлюковъ:—слышишь?... Слышь? повторилъ онъ, напрягая слухъ.

Визгъ локомотива повторился въ другой и третій разъ.

— Власъ!... Власъ, ты спишь, кажется?

Съ козелъ послышалось только какое-то несвязное мычаніе.

— Что ты говоришь? спросилъ Сергѣй Львовичъ.

— Говорю: такъ точно; машина пріѣхала... Ну, вы, любезныя! подхватилъ онъ, медленно сворачивая на дудиловскую дорогу.

«Да, завтра точно также свистнетъ локомотивъ, и привезетъ можетъ быть, дядю Помпея Николаевича, подумалъ Люлюковъ:—очень даже можетъ-быть; онъ такъ и сказалъ: или въ субботу, или въ пятницу; завтра пятница!»

— Власъ, а Власъ, постой-ка на минуту, сказалъ Сергѣй Львовичъ, хватаясь рукою за передокъ и стараясь приподняться:—постой, придержи лошадей; мнѣ сдается, кто-то ѣдетъ въ нашу сторону... Слышишь?

— Слышу.

— Странно; кто бы это могъ быть! Дорога отъ станціи ведетъ къ намъ и больше никуда... Развѣ мужикъ какой-нибудь?

— И то телѣга, промолвилъ Власъ.

— Телѣга-то, телѣга, а ты все погоди... Слышишь?

— Слышу, ѣдутъ.

«А ну, какъ дядя?» внезапно мелькнуло въ головѣ Люлюкова. При этомъ его съ ногъ до головы обдало жаромъ и потъ выступилъ подъ козырькомъ, выкроеннымъ на манеръ африканскихъ стрѣлковъ.

Онъ быстро повернулся спиною къ кучеру, и вперилъ

безпокойно-моргающіе глаза на дорогу, которую только-что проѣхалъ.

Стукъ отъ копытъ скакавшей лошади и дребезжанье не то телѣги, не то экипажа, замѣтно приближались.

Часы, запрятанные въ боковой карманъ жилета Сергѣя Львовича, не такъ, казалось, скоро чикали, какъ скоро забилось его сердце, когда показалась на дорогѣ черная, впередъ движущаяся масса, за которой видимо клубилось облако пыли.

— Эй, прочь съ дороги! крикнулъ чей-то хриплый голосъ:—чего тамъ стали?

— Стой, стой! закричалъ Сергѣй Львовичъ, у котораго окончательно занялся духъ:—стой!.. Кто ѣдетъ?

Послѣднія слова произнесъ онъ, соскочивъ уже на-земь и стоя на дорогѣ.

Экипажъ, уже совсѣмъ подъѣхавшій и оказавшійся простою телѣгой, внезапно остановился; изъ телѣжки выпрыгнулъ человѣкъ средняго роста и, сколько можно было различить въ полумракѣ, одѣтый въ пальто и въ сѣрой шляпѣ на головѣ. Онъ быстро подбѣжалъ къ Сергѣю Львовичу.

— Пьеръ! Батюшки! Ты-ли это? Голубчикъ!.. закричалъ Сергѣй Львовичъ. восторженно порываясь впередъ.

—Папаша, здравствуй! отозвался веселый голосъ.

Сергѣй Львовичъ и тотъ, кого онъ назвалъ Пьеромъ, заключили другъ друга въ объятья и начали звонко и горячо цѣловаться.

— Вотъ не ждалъ, не гадалъ! Какими судьбами?.. Впрочемъ, я ждалъ тебя, ждалъ каждую минуту; вѣдь ты-же писалъ, что непремѣнно будешь ко дню рожденья матери... Что-жъ ты, злодѣй ты этакой, хоть-бы предупредилъ меня! Я-бы по-крайней-мѣрѣ выѣхалъ къ тебѣ на встрѣчу. Ну, да все равно: ты пріѣхалъ; главное дѣло, слѣдовательно, сдѣлано!

— Всѣ у насъ здоровы? Все благополучно? спросилъ Пьеръ, пожимая руку отца.

— Все какъ нельзя лучше, то-есть, такъ было по-крайней мѣрѣ во вторникъ, три дня назадъ; надѣюсь и теперь, Богъ милостивъ, все исправно... Ну, здравствуй!

здравствуй! Что́-жъ ты здѣсь стоишь, однакожъ? Успѣемъ наговориться и въ тарантасѣ... Садись, голубчикъ... Перетаскивай ко мнѣ въ тарантасъ свои вещи... суетился Люлюковъ, между тѣмъ какъ кучеръ Власъ кланялся молодому барину и тотъ съ нимъ здоровался.

— У меня всего одинъ чемоданъ и сакъ!...

— Ну и прекрасно,—сюда ихъ, сюда! А возницу твоего мы отпустимъ... Сколько ему?

— Я сейчасъ отдамъ, сказалъ сынъ.

— Это еще что? воскликнулъ отецъ: — ну нѣтъ, братъ, это еще погоди: молода, какъ говорится, въ Саксоніи не была!..

Люлюковъ старшій подбѣжалъ къ владѣльцу телѣги, разсчитался съ нимъ и вдобавокъ, на радостяхъ, всыпалъ ему цѣлую пригоршню мѣдныхъ денегъ. Сынъ въ то время перенесъ свои вещи въ отцовскій тарантасъ.

Минуту спустя, оба усѣлись, и тарантасъ снова покатилъ по дорогѣ.

— Уфъ! промолвилъ Сергѣй Львовичъ, трепля сына по рукѣ:—ну, братъ, перепугалъ-же ты меня!..

— Чѣмъ-же?

— Представь себѣ, я думалъ: это ѣдетъ дядя Помпей Николаевичъ!

— Дядя моей матери?

— Да, впрочемъ, что-жъ я говорю? вѣдь ты, братъ, ничего еще не знаешь! восторженно подхватилъ отецъ:— онъ будетъ къ намъ завтра или послѣ завтра навѣрное...

— Какая скука! произнесъ неожиданно сынъ.

— Какъ скука?..

— Разумѣется, продолжалъ сынъ спокойнымъ голосомъ: — неужели ты видишь въ этомъ какое-нибудь удовольствіе?

Сергѣй Львовичъ былъ, повидимому, крѣпко озадаченъ.

— Удовольствія особеннаго не вижу, промолвилъ онъ, какъ бы оправляясь:—вижу честь, которую дѣлаетъ намъ Помпей Николаевичъ своимъ визитомъ; и... и это весьма натурально, не можетъ... то-есть, я весьма ему благодаренъ... потому что такой человѣкъ, какъ онъ...

— Что-жъ въ немъ особеннаго?

— Какъ что особеннаго? произнесъ Сергѣй Львовичъ, болѣе и болѣе удивленный: — помилуй, это такой человѣкъ, который, и по важности своей, и по положенію, и по связямъ...

— Намъ-то въ этомъ какая надобность? весело, хотя съ прежнимъ спокойствіемъ спросилъ сынъ: — и наконецъ, ты ошибаешься, прибавилъ онъ, взявъ отца за руку: — Помпей Николаевичъ Пыщинъ былъ когда-то важенъ, когда важность доставляло офиціальное служебное положеніе, а не личныя заслуги и достоинства... Но это время прошло; теперь слава Пыщина померкла, или проще сказать, онъ сошелъ съ пьедестала и стушевался...

— Ну, братъ, теперь пошелъ!.. пошелъ! проговорилъ Сергѣй Львовичъ обиженнымъ какимъ-то тономъ, и въ то-же время кивнулъ сыну на кучера, прося его понизить голосъ:—знать такое ужъ время пришло; все вверхъ тормашкой, все теперь шиворотъ на выворотъ: яйца учатъ курицу... Очень хорошо знаю: для вашего брата— стоитъ только имѣть сѣдые волосы, чтобы никуда уже не годиться; вонъ его, стараго дурака! изъ ума дескать выжилъ!..

— Не знаю, какъ другіе... Ты можетъ и правъ отчасти... что до меня, я первый готовъ уважать старость... когда она заслуживаетъ уваженія, конечно; нельзя-же такъ: старикъ, — ну, стало-быть, и падай ницъ предъ нимъ! Я вообще готовъ уважать кого угодно; для этого надо только, чтобы лицо чѣмъ нибудь себя заявило; въ Помпеѣ Николаевичѣ, признаться, ничего не видно такого...

— Ну, полно говорить объ этомъ: тебя, я знаю, не переспоришь! Вотъ тебѣ новость; я увѣренъ, послѣдняя придется тебѣ по вкусу, заговорилъ отецъ такъ оживленно, что казалось, прошла его досада:—представь, что я узналъ въ эти три дня, разъѣзжая по уѣзду съ приглашеніями сосѣдей къ пріѣзду... ко дню рожденія матери...

Тутъ Сергѣй Львовичъ на секунду пріостановился и

нагнулся къ сыну, чтобъ увѣриться: не подсмѣивается-ли онъ? Успокоивъ себя на этотъ счетъ, онъ продолжалъ:

— Да, представь себѣ: Липецкой сдѣланъ губернаторомъ!

— Какой Липецкой?

— Боже мой, нашъ сосѣдъ! Липецкой, сынъ покойнаго бѣдняка Ильи Петровича, тотъ самый Липецкой, который опредѣленъ былъ на казенный счетъ, — я-же и хлопоталъ объ этомъ въ свое время, потому что у отца не было чѣмъ платить въ корпусъ; который, потомъ, изъ корпуса поступилъ въ военную академію, оттуда перешелъ въ штабъ на Кавказъ, потомъ отличился подъ Севастополемъ, хватилъ генерала, попалъ въ свиту и теперь, наконецъ, назначенъ губернаторомъ!.. Его не сегодня, завтра ждутъ въ губернію... Ты его очень хорошо знаешь!..

— То-есть, не столько знаю, сколько слышалъ!.. Вотъ этотъ дѣйствительно не то, что Помпей Николаевичъ... Тутъ совсѣмъ другое дѣло...

— Я такъ и зналъ! Еще-бы! воскликнулъ Сергѣй Львовичъ, посмѣиваясь иронически, что очевидно стоило ему большого труда: — еще-бы не хорошъ: вашего поля ягода! Человѣкъ современный, новаго поколѣнія, какъ ему не быть хорошимъ!..

— Совсѣмъ не потому; потому что Липецкой изъ ничего, довольно сказать: былъ чуть-ли не съ дѣтства запрятанъ въ кадетскій корпусъ! изъ ничего, при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, умѣлъ сдѣлаться человѣкомъ просвѣщеннымъ, полезнымъ, благороднымъ... Таковъ по-крайней-мѣрѣ общій голосъ; а это даромъ не дается!.. Вотъ, такого человѣка я готовъ уважать сколько тебѣ угодно!.. Хороши мы однакожъ съ тобою! смѣясь, подхватилъ Петръ Сергѣевичъ: — три мѣсяца не видались, встрѣчаемся и цѣлыя пять минутъ говоримъ Богъ знаетъ о чемъ, тогда какъ у насъ столько предметовъ, которые намъ близки...

— Ну, нѣтъ, братъ, нѣтъ! главное: я-то хорошъ во всемъ этомъ! перебилъ Сергѣй Львовичъ: —я началъ, слѣдовательно я виноватъ, а не ты!.. Хотя въ послѣднихъ

письмахъ ты и разсказываешь мнѣ подробно о дѣлахъ своихъ,—я хочу теперь слышать о нихъ лично отъ тебя самого... Спасибо, душа моя; ты меня много, много порадовалъ своими успѣхами! Ты мнѣ ничего не пишешь однакожъ въ послѣднемъ письмѣ: какъ ты защищалъ свою диссертацію? Магистръ университета, Петръ Сергѣевичъ Люлюковъ, магистръ университета! произнесъ Сергѣй Львовичъ, возвышая голосъ, какъ-бы съ тѣмъ, чтобы довести это до свѣдѣнія кучера Власа:—ну, разсказывай теперь, разсказывай обо всемъ, какъ можно подробнѣе...

— Разсказывать нечего, возразилъ сынъ: — все обошлось очень удовлетворительно; я совершенно покончилъ съ университетомъ, получилъ дипломъ и теперь, какъ видишь, ѣду къ тебѣ, домой, въ деревню... Настоящее не дурно; что будетъ впереди, — того не знаю... Скажи-ка ты лучше, что у насъ въ Дудиловкѣ подѣлывается? Какъ здоровье матери? Что сестры и братишки... Что Зинаида Львовна?..

— Что, душа моя: перемѣнъ большихъ нѣтъ! Мать попрежнему хандритъ,—слова живого не добьешься! Я уже писалъ тебѣ, что посылалъ ее въ Старую Русу пить воды; но сколько замѣтно, — и это ни къ чему не повело! Зиночка продолжаетъ смотрѣтъ однимъ глазкомъ на кіотъ, другимъ въ зеркало; дѣти учатся и здоровы; мужики, какъ и слѣдуетъ ожидать, и какъ я заранѣе предсказывалъ, бездѣльничаютъ напропалую и окончательно спиваются съ кругу... Вотъ впрочемъ новость: у насъ новая гувернантка!

— Ты прекрасно сдѣлалъ, что рѣшился наконецъ разстаться съ этой... какъ бишь ее... m-lle Фолишонъ, что ли? Она положительно никуда не годилась; ну, а эта какъ?

— Да какъ тебѣ сказать? дѣвица просвѣщенная; экзаменъ выдержала; знаетъ много, — это видно: только не понутру что-то; очень ужь самолюбива, и притомъ, мысли такія... Впрочемъ, я въ этомъ плохой судья, какъ самъ знаешь; курсъ моихъ наукъ окончился, когда я съ грѣхомъ пополамъ могъ подписывать свое имя;—время, братъ, такое тогда было!.. Можетъ-быть, тебѣ она и понравится; Ѳедоровы въ Москвѣ рекомендовали, мать и взяла ее...

Въ такомъ духѣ бесѣдовали они до той минуты, какъ впереди раздался лай собакъ, возвѣстившій, что тарантасъ проѣзжалъ мимо пруда и деревни.

— Знаешь ли что? оживленно воскликнулъ Сергѣй Львовичъ, повѣствовавшій въ послѣднее время о сюрпризахъ, которые сдѣлалъ женѣ:—давай-ка, сотворимъ славную штуку; не показывайся сегодня матери!.. Къ тому же, теперь поздно, всѣ ужъ давно укладываются, и ты только напрасно растревожишь ее на ночь... Не лучше ли будетъ, завтра утромъ: какъ только мать одѣнется, я поднимусь къ ней на верхъ и постараюсь такъ устроить, чтобъ, разговаривая съ нею, она смотрѣла въ окно; въ это самое время ты стой за дверью; я кашляну, ты въ комнату и поднесешь ей чашку чаю...

— Ха, ха, ха!.. смѣялся сынъ.

— Ха! ха! ха! закатился въ свою очередь Сергѣй Львовичъ, объясняя повидимому смѣхъ сына своимъ особеннымъ образомъ:—для этого, главное, надо такъ устроить, чтобы никто не могъ подозрѣвать въ домѣ твоего пріѣзда; Власъ будетъ молчать, я за это ручаюсь...

— Что-жъ, по твоему, надо для этого сдѣлать?

— Спрячься!.. сказалъ Сергѣй Львовичъ, весь приходя въ движеніе и живо схватывая сына за руки.

При этомъ, Петру Сергѣевичу невольно пришла на память штука, которую сыгралъ съ нимъ отецъ ровно семь лѣтъ назадъ и совершенно по тому же поводу. Бывъ еще тогда въ гимназіи и спѣша ко дню рожденія матери, онъ пріѣхалъ въ Дудиловку сутками раньше; нарочно торопился для этого; отецъ точно также встрѣтилъ его на дорогѣ и упросилъ спрятаться до утра торжественнаго дня; чтобы вѣрнѣе достигнуть такой цѣли, онъ засадилъ мальчика на чердакъ, гдѣ послѣдній чуть не исжарился подъ желѣзною кровлей, которую накаливало солнцемъ съ ранняго утра до поздняго вечера. Штука эта, которую, въ послѣдствіи, молодой Люлюковъ называлъ первымъ своимъ знакомствомъ съ испытаніями Сильвіо Пеллико подъ пломбами Венеціи, — слишкомъ была ему памятна, чтобъ онъ желалъ когда-нибудь повторенія ея надъ собою. Зная очень хорошо, что отецъ его былъ все тотъ же,

и не сомнѣваясь на секунду, что самъ онъ въ глазахъ отца, не смотря на свои двадцать три года, все тотъ же четырнадцатилѣтній мальчикъ, Петръ Сергѣевичъ поспѣшилъ отклонить угрожавшее бѣдствіе.

— Теперь поздно, сказалъ онъ: — я думаю насъ и безъ того никто не замѣтитъ...

— А люди? суетливо заговорилъ отецъ: — люди сейчасъ разболтаютъ!.. Душенька, потѣшь меня... Ну, сдѣлай милость!..

— Если ты этого непремѣнно хочешь, я готовъ пожалуй... Скажи только, какъ это сдѣлать...

— Стой! Шт! проговорилъ Сергѣй Львовичъ, приказывая кучеру остановиться: — мы какъ разъ теперь для этого на самомъ выгодномъ мѣстѣ; выходи изъ тарантаса и ступай въ садъ; я между тѣмъ пріѣду домой, какъ ни въ чемъ не бывало и нарочно постараюсь такъ сдѣлать, чтобы всѣ скорѣе улеглись; черезъ полчаса проберись тихонько къ окну моего кабинета... Я буду ждать; тамъ же на диванѣ и постель тебѣ приготовлю!..

Послѣднія слова сказаны были однакожъ съ замѣтно меньшею живостью; молчаніе сына не предвѣщало ничего добраго; оно подавало мысль, что сынъ мало сочувствуетъ выдумкѣ; такое открытіе нѣсколько пріудержало и даже смутило Сергѣя Львовича. Сынъ, между тѣмъ, продолжая молчать, вылѣзъ изъ тарантаса и пошелъ къ саду.

— Пьеръ!.. сказалъ Сергѣй Львовичъ, покашливая съ видимою неловкостью.

Петръ Сергѣевичъ остановился.

Сергѣй Львовичъ проворно вылѣзъ изъ тарантаса и суетливо подошелъ къ сыну.

— Ты, вѣдь, братъ, такой народъ... сказалъ Сергѣй Львовичъ нерѣшительнымъ какимъ-то голосомъ и, чтобъ поправиться началъ вертѣть пуговицу на пальто сына: — ты вотъ теперь ничего не говоришь, только молчишь... да... молчишь только... а потомъ... Ты пожалуйста, Пьеръ, не стѣснясь... Я придумалъ все это такъ, ради шутки... Вотъ и насчетъ Помпея Наколаевича также... Ты молчишь, Пьеръ, а между тѣмъ, потомъ будешь надо мною смѣяться...

— Помилуй, папа, какъ тебѣ не стыдно! живо заго-

ворилъ Петръ Сергѣевичъ, схватывая руку отца и крѣпко ее пожимая:—развѣ я давалъ тебѣ когда нибудь поводъ думать такимъ образомъ?... Если тебя все это занимаетъ, ты совершенно правъ; не зачѣмъ тебѣ рѣшительно стѣсняться передо мною... Всѣ эти затѣи меня самого очень забавляютъ, поспѣшилъ присовокупить онъ, замѣтивъ въ моргающихъ глазахъ отца блеснувшую влагу:—я сейчасъ же докажу тебѣ это. Смотри—вотъ!...

Съ послѣднимъ словомъ и прежде чѣмъ отецъ опомнился, Петръ Сергѣевичъ перескочилъ черезъ плетень и пропалъ въ кустахъ.

Проведя украдкою пальцами по глазамъ, Сергѣй Львовичъ вернулся къ гарантасу, и занялъ свое мѣсто съ какимъ-то смиреннымъ и пристыженнымъ видомъ.

— Пошелъ домой! сказалъ онъ голосомъ, которому старался возвратить прежнюю бодрость.

Дудиловскій садъ былъ очень великъ, и въ добавокъ приводился ровесникомъ «верзилѣ». Та часть его, которая примыкала къ дорогѣ и извѣстной аллеѣ, была особенно глуха и запущена. Но Петръ Сергѣевичъ, бѣгавшій по этому саду съ первыхъ лѣтъ дѣтства, изучилъ до такого совершенства всѣ его изгибы и захолустья, что могъ безошибочно попасть на какой угодно пунктъ, даже съ завязанными глазами; одной секунды было довольно ему, чтобы мысленно начертить планъ сада и выбрать точку для своей прогулки.

— Экой добрякъ этотъ отецъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, что за чудачина! Боже мой, что за чудачина!.. думалъ онъ, шагая какъ журавль въ травѣ, которая, какъ изъ лейки, осыпала его сапоги росою.

Онъ очень любилъ отца. Чувство это, для него самого, стало замѣтно усиливаться въ послѣдніе годы; постоянно наблюдая за собою, онъ пришелъ мало-по-малу къ убѣжденію, что чувство это, такъ горячо жившее въ его дѣтскомъ сердцѣ, когда онъ былъ еще въ деревнѣ, снова и какъ бы само собою начало возвращаться, какъ только высвободился онъ изъ подъ вліянія гимназическаго круга товарищей; онъ помнилъ очень хорошо, какъ съ перваго же года, проведеннаго въ гимназіи, каждая выходка

отца, которая прежде приводила его въ восторгъ или которую не замѣчалъ вовсе, начала дѣйствовать на него раздражительно, и часто даже заставляла стыдиться родителя.

У Сергѣя Львовича была, напримѣръ, слабость разсказывать всѣмъ и каждому объ успѣхахъ и способностяхъ сына; такъ какъ мальчикъ дѣйствительно отлично учился и съ каждымъ годомъ дѣлалъ значительные успѣхи, Сергѣй Львовичъ, все болѣе и болѣе подстрекаемый, не могъ утерпѣть, чтобы не говорить объ этомъ не только съ знакомыми, но даже съ посторонними; онъ заводилъ знакомство на улицахъ, въ магазинахъ и въ театрахъ нарочно иногда съ тѣмъ, чтобы сообщить мимоходомъ: что вотъ, дескать, какой сынишка у меня—постоянно полные баллы и постоянно на золотой доскѣ!.. Все это, конечно, было лишнее; но болтливость эта, доходя иногда черезъ товарищей до пятнадцатилѣтняго сына, приводила его тогда въ совершенное бѣшенство; онъ краснѣлъ, горячился, выходилъ изъ себя и, въ припадкѣ глупѣйшаго мальчишескаго самолюбія, готовъ былъ тогда, передъ смѣявшимися товарищами, отказаться отъ такого чудака и болтуна-отца, каковъ былъ его родитель. Въ первый университетскій годъ онъ чувствовалъ къ отцу полнѣйшее равнодушіе. Этому, какъ онъ объяснялъ потомъ, много содѣйствовало также, что тогда онъ провелъ около двухъ лѣтъ въ разлукѣ съ отцомъ и вообще отдаленъ былъ отъ умягчающаго, теплаго вліянія семейной жизни. Дѣйствительно, оно такъ и было, потому что, когда онъ сталъ проводить каникулярное время въ деревнѣ—все пошло иначе; дурь и дребедень, навѣянная на него въ гимназіи и засорившая ему голову, къ счастію, не успѣла еще пройдти въ сердце. Умъ его, начинавшій уже тогда работать, живо рисовалъ ему образъ пятнадцатилѣтняго дрянного и самолюбиваго мальчугана, который стыдится отцовскихъ слабостей и шутокъ, но въ то же время не стыдится выманивать у него денегъ. Умъ его скоро съумѣлъ отдѣлить наносное, случайное отъ существеннаго; онъ увидѣлъ, что, замѣчая тогда только мелочь отцовскихъ слабостей, которыми такъ

мальчишески возмущался, не замѣчалъ вовсе тѣхъ добрыхъ, честныхъ и сердечныхъ свойствъ отца, которыми могъ бы справедливо гордиться. Сердце его, обогрѣтое мало-по-малу семейнымъ очагомъ, снова раскрылось и приняло, — но уже теперь сознательно, то, что смутно, хотя живо двигало имъ въ дѣтскіе годы. Онъ замѣтно больше любилъ отца, чѣмъ мать; онъ всячески угождалъ Софьѣ Алексѣевнѣ, ухаживалъ за нею; но его невольно влекла къ отцу внутренняя симпатія, тогда какъ къ матери чувствовалъ онъ только привязанность. Петръ Сергѣевичъ мало видѣлся съ сестрами и братишкой Коко̀; онъ не считалъ ихъ однакожъ чужими, и лучшимъ тому доказательствомъ служитъ, что онъ безпрестанно посылалъ имъ книги, въ письмахъ спрашивалъ объ ихъ успѣхахъ и, каждый разъ, какъ пріѣзжалъ въ деревню, очень усердно съ ними занимался.

Даже и теперь онъ думалъ о нихъ, пробираясь въ тѣни старыхъ яблонь и стараясь выйдти на дорогу къ маленькой, тинистой рѣчкѣ, которая живописно изгибалась въ нижней части сада.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ.

ВСТРѢЧИ. ПЕТРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПРОДОЛЖАЕТЪ УДИВЛЯТЬСЯ.

Достигнуть рѣчки, куда направлялся Петръ Сергѣевичъ, можно было только однимъ путемъ: необходимо было пересѣчь въ томъ или другомъ мѣстѣ большую липовую аллею. Макушки липъ высоко подымались надъ яблонями; освѣщенныя мѣсяцемъ, который то выглядывалъ изъ за тучъ, то снова прятался,—онѣ издали указывали дорогу; пробираясь къ нимъ прямо черезъ траву, Петръ Сергѣевичъ круто повернулъ въ аллею, и въ тотъ же мигъ очутился носъ къ носу съ незнакомою дамой въ бѣломъ пеньюарѣ.

Онъ хотѣлъ отброситься назадъ, но уже было поздно: дама испустила пронзительный визгъ и понеслась со всѣхъ ногъ по аллеѣ.

— Ради Бога, не пугайтесь! крикнулъ ей вслѣдъ Люлюковъ, подумавъ въ то же время: — вотъ исторія! Подниметъ теперь гвалтъ по всему дому; а, главное, пропалъ отцовскій сюрпризъ... Кто бы это былъ, однакожъ?.. Вѣрно, новая гувернантка... Онъ побѣжалъ за нею, убѣдительно упрашивая ее не пугаться и остановиться.

Выбѣжавъ на свѣтлую площадку, шагахъ въ пятидесяти отъ дому, Ольга Ивановна,—это была точно она,— остановилась въ нерѣшительности.

— Кто вы?.. Что вамъ угодно? Не подходите или я закричу!.. отозвалась она, приготовляясь снова къ побѣгу.

— Ради Бога, тише! вы перепугаете весь домъ, отвѣтилъ Петръ Сергѣевичъ, продолжая подвигаться.

Шагахъ въ пяти, онъ снялъ шляпу и поклонился.

— Извините меня пожалуйста!.. Я, кажется, очень испугалъ васъ... Мудренаго нѣтъ: мы такъ нечаянно встрѣтились... Притомъ, вы вовсе меня не знаете... Я сынъ Сергѣя Львовича и только-что съ нимъ пріѣхалъ...

— Петръ Сергѣевичъ? вопросительно сказала Ольга Ивановна, къ которой въ тотъ же мигъ возвратилась храбрость. Она украдкой пристегнула на переди какую-то пуговку и смѣло шагнула впередъ.

— Очень рада съ вами познакомиться! сказала она, протягивая руку, которую тотъ поспѣшилъ пожать, радуясь въ душѣ, что дѣло обошлось такъ благополучно.

Ольга Ивановна, не медля секунды, постаралась поставить его на настоящую точку зрѣнія касательно своей особы; она объявила, что не можетъ быть ему совершенно чужою, потому что, скоро уже три мѣсяца, какъ занята воспитаніемъ и развитіемъ его сестеръ и брата. Она присовокупила къ тому, что такъ какъ оба они вышли подышать свѣжимъ воздухомъ, то могутъ теперь безпрепятственно продолжать прогулку.

Защитница человѣческихъ правъ употребляла, казалось, всѣ старанія, чтобы сразу, съ первыхъ словъ выставить себя въ глазахъ новаго знакомаго такою, какъ она есть, то-есть образцомъ самой усовершенствованной развитости, образцомъ, которому не знакомы, даже смѣшны и презрѣнны мелочи и кривлянья обыкновенныхъ бары-

шень. Желаніе это такъ заняло ея мысли, что, повидимому, вытѣснило изъ ея памяти непріятныя впечатлѣнія этого утра.

Люлюковъ, имѣвшій уже случай встрѣчаться съ эманципированными дѣвицами или «дикими барышнями» какъ ихъ теперь называютъ,—выразилъ тѣмъ не менѣе большое любопытство.

— Скажите пожалуйста, Петръ Сергѣевичъ, развѣ вы не зашли въ домъ, когда пріѣхали? Я слышала отсюда шумъ тарантаса; этому всего какихъ-нибудь пять минутъ...

Люлюковъ разсказалъ ей, въ чемъ дѣло, и просилъ никому не говорить.

— О, разумѣется...

— Вы смѣетесь? спросилъ онъ, улыбаясь въ свою очередь.

— Извините, Петръ Сергѣевичъ... впрочемъ вамъ самимъ смѣшно...

— Я смѣюсь, потому что вы смѣетесь... вы знаете: смѣхъ заразителенъ...

— Меня смѣшитъ, вопервыхъ: мысль самого сюрприза, заговорила Ольга Ивановна:—согласитесь, въ этомъ слышится что-то до такой степени сентиментальное, отжившее, что невольно переноситъ къ забавамъ прошлаго столѣтія... Переноситъ къ дѣдушкамъ и бабушкамъ, фижмамъ и пастушкамъ, что не мѣшало, однакожъ... прибавила она съ какою-то торопливостію и вовсе не замѣчая, что переходъ былъ не кстати: —что не мѣшало этимъ сентиментальнымъ пастухамъ и пастушкамъ заковывать въ кандалы крестьянъ и засѣкать ихъ до смерти!..

— Ну, а вовторыхъ... перебилъ Люлюковъ.

— Вовторыхъ, съ кокетливымъ лукавствомъ продолжала «отвлеченная» Ольга Ивановна: — вовторыхъ,—извините меня, мнѣ смѣшно, что вы, именно вы,—согласились на такую затѣю вашего отца... тогда какъ между нимъ и вами ничего не можетъ быть общаго...

Послѣднее заключеніе, снова сдѣланное поспѣшно, не кстати, какъ съ бока припека, доказывало только со стороны Ольги Ивановны нетерпѣливое желаніе заявить какъ

можно скорѣе собесѣднику ея смѣлый, независимый взглядъ на вещи.

— Странно было бы даже, вовсе даже несовмѣстно, промолвила она: — еслибы между вами могло быть что-нибудь общее...

— Однакожъ?... замѣтилъ собесѣдникъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы вызвать гувернантку на дальнѣйшую откровенность.

— Разумѣется, есть общее между вами, подхватила она съ живостію: — матеріально вы, конечно, связаны тѣмъ, что получили отъ отца право существованія, хотя, сказать по правдѣ, васъ это ровно ни къ чему не обязываетъ, потому что вы не просили у него жизни, и наконецъ онъ далъ вамъ ее совершенно безсознательно... Но я говорю здѣсь о сродствѣ духовномъ и интеллектуальномъ... Въ послѣднемъ случаѣ, вы, какъ человѣкъ вполнѣ развитой и современный, должны чувствовать себя разъединеннымъ съ вашимъ отцомъ, принадлежащимъ къ поколѣнію отсталому и отжившему; при вашихъ стремленіяхъ, вамъ должны казаться смѣшными и абсурдными его понятія и дѣйствія; вы можете принять въ нихъ фиктивное участіе, —изъ угожденія къ отцу,— но ни въ какомъ случаѣ не примете во всемъ этомъ активнаго участія,—ни въ какомъ случаѣ! Это положительно невозможно!..

«Ну, конечно! Экъ куда занеслась сія дѣвица!» подумалъ Люлюковъ и прибавилъ громко:

— Изо всего, что вы мнѣ сказали, я заключаю: вамъ должно быть жестоко у насъ скучно; отецъ и мать стары, вы имъ сочувствовать не можете; Зинаида Львовна, сколько я ее знаю,—далеко вамъ не пара; сестры пока еще дѣти; сосѣдей интересныхъ не бываетъ... Словомъ, вы здѣсь совершенно однѣ. Успѣли-ли вы по крайней мѣрѣ хоть сколько нибудь свыкнуться съ деревенскою жизнію?..

— О, нѣтъ, нѣтъ! подхватила Ольга Ивановна, ни мало не замѣчая ироническаго тона собесѣдника, и подъ вліяніемъ своей мысли показать себя въ выгоднѣйшемъ свѣтѣ, все далѣе и далѣе залетая въ просакъ:—деревня! Есть-ли возможность къ ней привыкнуть? Одинъ видъ

этихъ несчастныхъ избъ, свидѣтельницъ рабства и угнетенія, одинъ видъ этихъ мужиковъ, напоминающихъ униженіе человѣческаго достоинства... Вы упоминаете о сосѣдяхъ... Боже!.. Не говорю о вашемъ отцѣ, онъ еще добрый человѣкъ; но остальные, которыхъ здѣсь видишь... Всякій разъ сердце сжимается, какъ подаешь кому-нибудь руку: вотъ, думаешь, это можетъ-быть та самая рука, которая поднималась на своего ближняго!.. При моихъ убѣжденіяхъ,—вы теперь отчасти ихъ уже знаете,—согласитесь, трудно свыкнуться съ деревенскою жизнію, если убѣжденіе истинно, а не призракъ... Оно... оно наполняетъ всего человѣка и не можетъ... не можетъ не сказаться въ его дѣйствіяхъ... Оторвите убѣжденіе отъ жизненной его основы и оно... да, и оно, если не потеряетъ своего разумнаго смысла, легко можетъ... (тутъ Ольга Ивановна на секунду пріостановилась, какъ бы стараясь что-то припомнить), оно легко можетъ показаться странностью и поведетъ только къ произвольнымъ толкованіямъ...

«Я уже читалъ гдѣ-то эту фразу... Не помню только въ какомъ журналѣ,» подумалъ Петръ Сергѣевичъ.

Ольга Ивановна говорила съ большимъ увлеченіемъ; можно бы замѣтить, однакожъ, что восторженное состояніе не совсѣмъ заглушало въ ней желаніе произвести также на собесѣдника выгодное впечатлѣніе своими глазами и наружностію; бесѣдуя съ нимъ такъ оживленно, она тѣмъ не менѣе изловчалась всегда становиться такимъ образомъ, чтобы свѣтъ мѣсяца падалъ ей на лицо и сообщалъ ему интересную прелесть; могло также статься, что къ восторженному состоянію не мало также содѣйствовала тайная увѣренность. что въ минуты увлеченія черты Ольги Ивановны принимаютъ всегда особенно эффектное выраженіе, а глаза сверкаютъ даже опаснымъ блескомъ для слушателя.

— Да, тяжело протянуть руку помѣщику! подтвердила она, бросивъ такой энергическій взглядъ, что Петра Сергѣевича невольно потянуло сказать: «какіе у васъ хорошенькіе глаза...»

— Но мужики теперь свободны и рабства не существуетъ... проговорилъ онъ.

— Да, съ одной стороны... Но съ другой, какая-же это свобода? какая свобода, когда рядомъ помѣщикъ все еще существуетъ, и втайнѣ поддерживается все-таки его власть...

— Но помѣщикъ, каковъ онъ ни есть, представляетъ образованное сословіе...

— Помилуйте, Петръ Сергѣевичъ, это сословіе давно сгнило, давно отжило! Его долженъ замѣнить народъ; въ одномъ народѣ заключается вся свѣжесть и сила...

— «Быть можетъ и такъ... только что-то ужъ очень наобумъ и притомъ слишкомъ кудряво, чтобы могло-быть искреннимъ съ ея стороны... Какіе у нея, однакожъ, хорошенькіе глаза!..» прибавилъ онъ тутъ же мысленно.

— Да, народу недостаетъ только образованія, продолжала между тѣмъ Ольга Ивановна, и дѣло нашего поколѣнія, святое дѣло, состоитъ именно въ томъ, чтобы сблизиться съ народомъ, постичь его духъ и раскрыть ему глаза!.. заключила она, не замѣчая вовсе, повидимому, въ своемъ увлеченіи, какъ снова жестоко сама себѣ противорѣчила.

Въ три мѣсяца она ни съ однимъ еще мужикомъ слова не промолвила; ни разу даже не зашла въ избу навѣстить больныхъ бабъ и ребятъ, предоставляя такое мелкое занятіе сентиментальной и комической Зинаидѣ Львовнѣ, этой «уксусной кислотѣ», какъ она ее называла. Въ скорбномъ убѣжденіи, что ее принимаютъ здѣсь зò гувернантку, и постоянно раздражаясь мыслію, что неуваженіе къ ней хозяевъ дома неминуемо отражается на прислугѣ, она очень даже дурно обращалась съ послѣднею, такъ что Аннушка нѣсколько разъ даже приходила съ жалобой, говоря, что силъ нѣтъ никакихъ: такая «пронзительная» и капризная барышня! Особенно жестоко противорѣчила себѣ Ольга Ивановна касательно убѣжденія о необходимости сліянія съ народомъ для передачи ему просвѣщенія; въ первые пять дней, какъ она поступила къ Люлюковымъ, она дѣйствительно привела въ свою комнату сына Петра Кондратьича; непоколебимымъ желаніемъ ея было просвѣтить его умъ и сдѣлать изъ него со временемъ, очень даже скоро, замѣчательнаго

гражданина; но жаръ ея простылъ на второмъ урокѣ и дѣло кончилось пшикомъ; она положительно не могла вынести запаха конопляннаго масла на головѣ питомца и также не могла вынести всегда босыхъ его ногъ съ пальцами, выворочеными точно какою-то машиной, нарочно для того изобрѣтенною. Разсудивъ, что питомецъ, какъ обращикъ двороваго сословія, былъ уже нѣкоторымъ образомъ попорченъ, она завербовала уже свѣжаго, такъ сказать непочатаго, крестьянскаго мальчика; но тутъ оказалось невозможнымъ выдержать и одного урока. На этомъ остановилось стремленіе къ народному образованію. Вообще говоря, готовности въ ней была бездна и постоянно кипѣло въ ней желаніе посвятить себя, но чему именно посвятить: наукѣ ли, или человѣчеству, она положительно не могла дать себѣ въ томъ яснаго отчета; въ безсиліи своемъ и ради утѣхи собственному своему самолюбію, Ольга Ивановна ограничивалась восторженными изреченіями и пересыпкою словъ: истина, дѣятельность, культура, міросозерцаніе, почва, развитіе и т. д.; короче сказать, пересыпала фразами и словами, которыя затвердила, читая журнальныя статьи, или которыя случайно вошли въ ея ухо во время лекцій самоотверженнаго ея учителя Іерусалимскаго.

Въ то время, какъ мы все это разсказывали, Ольга Ивановна не теряла времени, такъ что, когда пришлось гуляющимъ расходиться, Петръ Сергѣевичъ сказалъ себѣ. что хотя и много «видѣлъ дикихъ барышень, но Ольга Ивановна была безспорно совершеннѣйшимъ образцомъ своего рода; словомъ она вполнѣ достигла своей цѣли.

Фигура молоденькой гувернантки, а можетъ также и глаза ея такъ его озадачили, что вмѣсто того, чтобы пойдти къ дому направо, онъ взялъ налѣво, и чуть было снова не наткнулся на другую женскую особу, также въ бѣломъ пеньюарѣ. Она скрылась впрочемъ такъ быстро, что онъ едва разсмотрѣлъ ея фигуру.

— Что за чортъ? подумалъ онъ: — это рѣшительно вечеръ какихъ-то таинственныхъ столкновеній!.. Что это была не Ольга Ивановна, въ томъ не могло быть сомнѣнія; разставшись съ нею, онъ увидѣлъ, что она пошла

совсѣмъ въ другую сторону; послѣдняя фигура очевидно могла принадлежать только Зинаидѣ Львовнѣ. Прождавъ минутъ пять на мѣстѣ, Люлюковъ осторожно прокрался къ дому, соблюдая при этомъ, чтобы постоянно держаться въ тѣни высокихъ кустовъ бузины. Въ верхнемъ этажѣ «верзилы» всѣ огни были погашены; тишина вокругъ была мертвая; внизу въ одномъ только окнѣ, гдѣ находился кабинетъ Сергѣя Львовича, горѣла свѣчка; самое окно было отворено.

Петръ Сергѣевичъ бережно подошелъ къ окну и постучалъ въ косякъ.

— Папаша, ты здѣсь? спросилъ онъ въ полголоса.

— Здѣсь, душа моя, здѣсь и жду тебя уже минутъ десять, отозвался отецъ, высовываясь на воздухъ: — ну, давай руку... полѣзай скорѣе... Ты на меня не сердишься?

— Какой вздоръ! Напротивъ, я даже тебѣ очень благодаренъ, проговорилъ сынъ, но тѣмъ не менѣе крякнулъ и покачалъ головой, когда пришлось совершить восхожденіе въ отцовскій кабинетъ.

Пробравшись туда не безъ того, чтобы ссадить себѣ локоть,—Петръ Сергѣевичъ осмотрѣлся кругомъ; не мало изумился онъ, увидѣвъ, что столы, окна и даже стулья уснащены были множествомъ свертковъ и коробокъ самаго разнокалибернаго формата; даже на полу возвышались два полновѣсные ящика и подлѣ торчалъ неуклюжій, туго набитый кулекъ.

— Что это у тебя за магазинъ? спросилъ онъ.

— Покупки, душа моя, которыя привезли безъ меня изъ Москвы, сказалъ Сергѣй Львовичъ, потирая лобъ съ видомъ суетливой озабоченности: — согласись: нельзя же кой-какъ принять Помпея Николаевича... Ты знаешь, впрочемъ, поспѣшилъ онъ прибавить: — я вообще люблю, чтобы день рожденія матери справлялся, какъ слѣдуетъ... Сосѣдей въ этотъ день съѣзжается обыкновенно довольно много; надо обо всемъ этомъ подумать...

— А это что? спросилъ сынъ, подходя къ столу и увидя на немъ большой листъ съ литографскимъ изображеніемъ толстаго, курносаго и короткошейнаго генерала. Въ первую минуту онъ не обратилъ вниманія на под-

пись, обозначавшую внизу: «Его высокопревосходительство, П. Н. Пыщинъ, кавалеръ и т. д.».

— Портретъ дяди, какъ видишь...

Мысль, что портретъ этотъ, наконецъ найденъ и въ его рукахъ, такъ снова оживила и обрадовала Сергѣя Львовича, что онъ не могъ долѣе скрывать передъ сыномъ настоящихъ своихъ чувствъ.

— Да, удалось таки мнѣ, наконецъ, добыть его! проговорилъ онъ:—выпросилъ я его у жены бывшаго исправника, который служилъ когда-то при Помпеѣ Николаевичѣ... Одно чортъ возьми, досадно; нѣтъ ни стекла, ни рамки; придется завтра поддѣлаться къ Зиночкѣ; упрошу ее убѣдить Sophie одолжить на нѣсколько дней стекло и раму съ ея литографированной «Mater dolorosa»... Они какъ разъ придутси по этому листу...

Тутъ Петръ Сергѣевичъ, сколько ни крѣпился, не въ силахъ былъ долѣе владѣть собою; онъ залился смѣхомъ.

— Ахъ, папа! папа! Чудной ты право человѣкъ!.. сказалъ онъ; но въ ту же секунду остановился, подошелъ къ Сергѣю Львовичу, расправилъ ладонями въ обѣ стороны его сѣдые волосы и поцѣловалъ его въ лобъ.

Неловкость Сергѣя Львовича мгновенно получила замѣтное облегченіе.

Пройдя какъ бы случайно мимо стола и закрывъ украдкою портретъ какимъ-то счетомъ, онъ весело заговорилъ о предстоящемъ днѣ рожденія. Онъ началъ просить сына помочь ему въ многотрудной роли хозяина дома и также не менѣе трудной роли изобрѣтателя тѣхъ невинныхъ затѣй, безъ которыхъ, конечно, не долженъ обойтись такой торжественный праздникъ.

— Одно, братъ, плохо, вымолвилъ подъ конецъ со вздохомъ Сергѣй Львовичъ: — не тѣ ужъ времена, что бывало прежде! Теперь нечего и думать устроить, напримѣръ, сельскій праздникъ, какъ, помнишь, въ старину бывало! Того и смотри, скажутъ: а сколько за это пожалуете? да еще торговаться станутъ!.. Да, таковъ, братъ, нынче народецъ! Другое тоже скверно: денегъ нема, то-есть вотъ какъ нема: послѣ этихъ покупокъ, — а онѣ, самъ видишь, необходимы,—просто сѣлъ безъ гроша...

— Если очень нужно, пожалуй, я могу дать; немного, конечно, но все же на первый случай вывезетъ изъ необходимости... У меня съ собою рублей триста; возьми, если надо.

Сергѣй Львовичъ былъ крайне озадаченъ. Онъ зналъ, что денегъ, которыя могъ удѣлить сыну, едва было достаточно на его содержаніе, — и это обстоятельство составляло чуть ли не величайшее его огорченіе. Онъ положительно не постигалъ, какимъ образомъ сынъ могъ скопить столько денегъ.

— Не думалъ даже копить, возразилъ сынъ:—я получилъ ихъ за переводы разныхъ статей.

Сергѣемъ Львовичемъ овладѣлъ окончательно столбнякъ.

— Какихъ статей?

— Съ англійскаго.

— Развѣ ты знаешь по англійски?

— На столько, чтобы переводить, знаю; я въ эти два года очень усердно занимался этимъ языкомъ; видишь, пригодилось! прибавилъ онъ, посмѣиваясь.

Сергѣя Львовича болѣе всего удивляла простота, съ какою сынъ говорилъ обо всемъ этомъ. Хоть бы простеръ онъ объятія, бросился отцу на шею и сказалъ: «папенька, я заработалъ деньги моими трудами, примите ихъ, они вамъ нужны!».. или, напримѣръ, сколько-нибудь утѣшилъ самолюбіе старика и, вмѣстѣ съ тѣмъ, свое собственное, разсказавъ о томъ, какъ трудился, какъ не спалъ ночей, какъ всѣ хвалили его переводы и т. д. Хоть бы словами выказалъ, по крайней мѣрѣ, что деньги — плодъ его трудовъ,—сколько-нибудь ему дороги и, отдавая ихъ отцу, онъ доказываетъ ему этимъ, какъ много его любитъ; словомъ, сдѣлалъ бы что-нибудь такое, что такъ свойственно въ его лѣта и что самъ Сергѣй Львовичъ сдѣлалъ бы, конечно, въ свое время и при тѣхъ же обстоятельствахъ. Нѣтъ! удивительно! Говоритъ такія вещи, которыя сами собою хватаютъ за сердце, говоритъ слова, отъ которыхъ на глазахъ навертываются слезы, а въ груди таетъ сердце, и все это такъ просто, какъ будто дѣло идетъ о самыхъ обыкновенныхъ бездѣлицахъ!

«Непостижимо! Странный молодой человѣкъ!» думалъ

Сергѣй Львовичъ долго за полночь, лежа уже въ своей постели:—«все это очень странно!.. Не такъ, по крайней мѣрѣ, какъ было въ прежнее время... Можетъ и въ самомъ дѣлѣ теперь лучше, и они правы... Впрочемъ и то также не досказалось: развѣ много такихъ молодыхъ людей, какъ Пьеръ?.. Боже, какое сердце! и какъ же уменъ при этомъ! какъ уменъ, у-у-у!.. Не постигаю только, въ кого такой орелъ уродился!..».

Не подкупленные къ Петру Сергѣевичу отцовскимъ пристрастіемъ, мы отзовемся о немъ гораздо скромнѣе. Насъ особенно пугаетъ мысль, чтобы, чего добраго, не заподозрилъ насъ читатель въ желаніи выставить молодого Люлюкова какъ идеальную какую-нибудь личность. Оборони, помилуй Боже! Начать съ того, опытъ уже доказалъ намъ, что въ русскихъ повѣстяхъ никогда еще не удавались идеалы, даже если брали ихъ изъ нѣмцевъ или грековъ. Надо думать, общество наше слишкомъ еще мало подготовило матеріаловъ для такихъ лицъ, можетъ быть и то также, что въ погонѣ за идеалами, ищутъ такихъ высокихъ свойствъ ума и добродѣтелей, какихъ не существуетъ вовсе въ натурѣ смертныхъ, гуляющихъ въ Петербургѣ, въ Москвѣ и украшающихъ собою пятьдесятъ семь губерній россійскаго государства...

Петръ Сергѣевичъ Люлюковъ, молодой человѣкъ, какихъ довольно на бѣломъ свѣтѣ, то-есть умный по природѣ, съ честными побужденіями, хорошимъ сердцемъ и твердою волей; послѣднее, впрочемъ, рѣже встрѣчается.

Въ томъ, что онъ отлично учился съ гимназическихъ классовъ и еще усерднѣе принялся за свое образованіе, когда получилъ степень кандидата, ничего также нѣтъ удивительнаго; сколько есть такихъ, которые дѣлаютъ то же самое, полагая очень основательно, что университетъ есть ничего больше, какъ приготовительная, образовательная школа въ широкихъ размѣрахъ. Въ томъ, что онъ смиренно, хотя энергически, продолжалъ заниматься своимъ дѣломъ, ни разу не подумалъ производить на семнадцатомъ году своей жизни всемірные перевороты, надо видѣть только, съ одной стороны, присутствіе здраваго смысла (на это, согласитесь, не много требова-

лось), съ другой стороны, искреннее сердечное влеченіе образовать себя какъ можно основательнѣе, чтобы въ свою очередь получить по совѣсти право учить другихъ и вообще быть полезнымъ, гдѣ бы то ни было, въ Перми или въ Петербургѣ, въ Тамбовѣ или въ Каширѣ.

Вотъ и все, что мы о немъ скажемъ; до идеала далеко, какъ видите!

ГЛАВА ДВѢНАДЦАТАЯ,

ОТКРЫВАЮЩАЯ СНАЧАЛА ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫЯ ХУДОЖЕСТВЕННЫЯ ДАРОВАНІЯ ВЪ МАЛЕНЬКОМЪ КОКÒ И ЗНАМЕНУЮЩАЯ СЕБЯ ПРИ КОНЦѢ ВЕЛИКИМЪ СОБЫТІЕМЪ.

Было еще довольно рано, то-есть, собственно говоря, рано было для Сергѣя Львовича, который пробуждался обыкновенно часовъ около девяти, когда на другое утро голосъ его неожиданно раздался въ саду и перепугалъ нѣсколькихъ птицъ, мирно сидѣвшихъ на своихъ вѣтвяхъ. Солнце, плывя въ безоблачномъ лучезарномъ небѣ, обогрѣвало кроткими пока еще лучами широкую лысину Петра Кондратьевича, выступавшаго шагахъ въ полутора отъ своего господина. Пройдясь по боковымъ дорожкамъ и главной аллеѣ, словомъ, побывавъ вездѣ, гдѣ предполагалось водить дядю Пыщина, обойдя потомъ вокругъ дома и заглянувъ на заднее крыльцо, Сергѣй Львовичъ остался очень доволенъ. Комнаты, предназначенныя для вмѣщенія именитаго гостя, осмотрѣнныя еще наканунѣ и потомъ вторично сегодня, также, казалось, оставили Сергѣя Львовича въ удовлетворенномъ состояніи духа.

Онъ закидывалъ уже правую ногу на крыльцо и вдругъ остановился.

— А мостъ? спросилъ онъ, обращаясь къ Петру Кондратьевичу.

— Мостъ сдѣлали...

Не удовольствовавшись, видно, такимъ лаконическимъ

отвѣтомъ, Сергѣй Львовичъ быстро повернулъ въ садъ и снова зашагалъ въ глубину аллеи.

Петръ Кондратьевичъ по неволѣ долженъ былъ принять то же направленіе.

Сжатые кулаки его приблизительно выказывали о состояніи его чувствъ въ настоящую минуту; лицо, впрочемъ, говорило еще краснорѣчивѣе; въ чертахъ его и заплывшихъ свиныхъ глазкахъ ясно отпечатывались такія слова: «Эхъ ты, латоха̀, латоха̀, чтобы тебя черти ѣли. Право, словно оголтѣлый какой, латошитъ деньденьской безъ угомону!»

Въ концѣ аллеи, спускавшейся гласисомъ, извивалась извѣстная уже тинистая рѣченка, которую правильнѣе было назвать ручьемъ, но въ которой, по словамъ Сергѣя Львовича, ловились раки вкуснѣе гатчинской форели. Черезъ нее, съ незапамятныхъ временъ, шелъ мостикъ, устроенный изъ березовыхъ брусьевъ съ неободранною берестой, который извѣстенъ былъ въ семействѣ подъ именемъ: «pont rustique»; непосредственно за мостомъ возвышалась искуственная земляная насыпь, украшенная четырьмя колонами и куполомъ; все это были еще прадѣдовскія затѣи; въ послѣдніе годы, мостъ, колонны и куполъ пришли въ самое плачевное состояніе; они, безъ всякаго сомнѣнія, скоро бы повалились, если бы Сергѣй Львовичъ, передъ отъѣздомъ своимъ, три дня назадъ, не вспомнилъ о нихъ случайно и не велѣлъ осмотрѣть ихъ, подновить и подкрасить.

И здѣсь точно также онъ остался очень доволенъ. Знай онъ, что всѣми этими чудесами расторопности управлялъ не столько Петръ Кондратьевичъ, сколько маленькій лужокъ, котораго домогался Петръ Кондратьевичъ, Сергѣй Львовичъ, ни мало не думая, подарилъ бы его послѣднему. Но Сергѣй Львовичъ ничего не подозрѣвалъ. До того ли было ему, чтобы думать объ этомъ въ настоящее время! И безъ того голова шла кругомъ...

Въ тѣ часы, какъ Сергѣй Львовичъ заботился такимъ образомъ о своемъ хозяйствѣ, обитатели «верзилы» покоились еще сладкимъ утреннимъ сномъ; исключеніе со-

ставляла только Зинаида Львовна. Она пробудилась въ это утро еще раньше Сергѣя Львовича.

Она сомнѣвалась даже, — спала ли она въ самомъ дѣлѣ въ эту ночь, или такъ только полежала, сомкнувъ утомленныя вѣжды; она и теперь еще не могла оправиться,—такъ сильно взволновала ее вчерашняя встрѣча гувернантки, которая прогуливалась ночью въ самой глухой части сада... Боже! она не могла повѣрить этому!.. Убѣждая себя, что благодаритъ судьбу за то, что она не дала ей подслушать преступнаго разговора, Зинаида Львовна только ласково себя обманывала. Дѣло извѣстное: при нѣкоторой долѣ ханжества, а у Зинаиды Львовны доля эта достигла весьма почтеннаго размѣра; въ сердцѣ всегда открывается лишній клапанъ не только для любопытства, но даже для тайнаго расположенія къ скандалу и вообще всему скромному. Вся штука въ томъ, что она увидѣла преступную гувернантку только издали и подошла къ ней, когда она удалялась. Дѣвственныя чувства Зинаиды Львовны поднялись въ ея сердцѣ и взволновались, какъ содовые порошки, опущенные въ воду; къ этому присоединялась еще другая причина, не мало также встревожившая госпожу Зюзюкину; не даромъ поминутно подходила она къ комоду, брала зеркало и подносила его къ окну; не даромъ также, я полагаю, меланхолическіе глаза ея проявляли въ этомъ случаѣ такое безпокойство; дѣло было ясно, какъ на ладони: каждый взглядъ подтверждалъ убѣжденіе, что ночь, проведенная безъ сна и притомъ въ нравственныхъ потрясеніяхъ, не обошлась безъ послѣдствій для римскаго носа, и безъ того уже такъ жестоко подсушеннаго временемъ. Такое открытіе, очень натурально, должно было усилить волненіе каждой особы прекраснаго пола, которая, въ извѣстныя лѣта, дѣятельно поддерживаетъ тайную связь съ кольд-кремомъ, пудрой и ломтиками свеклы для щекъ.

Въ это утро Зинаида Львовна разъ десять по крайней мѣрѣ подходила къ двери Софьи Алексѣевны; раза два-три она даже умышленно скрипнула дверью въ надеждѣ услышать голосъ пробуждающейся подруги. Но

Софья Алексѣевна какъ нарочно спала сномъ праведницы. Слѣдовало удивляться, какъ инстинктъ сердца, какъ этотъ инстинктъ, который вообще такъ чутокъ, какъ этотъ инстинктъ, повторяемъ мы, не подсказывалъ ей, что она съ каждою лишнею минутой усиливала безпокойство и мучительное томленіе своей подруги!

Наконецъ, часамъ уже къ девяти, когда внизу раздался звукъ чашекъ и послышались голоса дѣтей, Зинаида Львовна уловила кашель въ спальнѣ Софьи Алексѣевны.

Она вошла; но сдѣлавъ три шага, почувствовала потребность остановиться, чтобы перевести духъ.

Волненіе изобразилось вдругъ такими явными чертами на лицѣ ея, что Софья Алексѣевна тотчасъ-же это замѣтила, даромъ что успѣла открыть всего одинъ глазъ.

— Зиночка, что съ тобою? спросила она, окончательно раскрывая глаза.

У Зинаиды Львовны ровно достало на столько силы, чтобы приложить руку къ груди.

— Зиночка, мой другъ, что съ тобою? повторила Софья Алексѣевна, на этотъ разъ уже садясь на постели.

— Ужасно! ужасно!.. могла только проговорить Зинаида Львовна, схватывая руку подруги и опускаясь въ изнеможеніи на сосѣдній стулъ.

— Ради Создателя, ты меня пугаешь... произнесла Люлюкова, у которой, при этомъ, ротъ началъ нервически подергиваться.

Зинаида Львовна сдѣлала сверхъестественное усиліе:

—Я видѣла... вчера... вечеромъ, въ саду... поздно... гувернантку...

Софья Алексѣевна вздрогнула.

Далѣе, въ эту минуту по крайней мѣрѣ, Зинаида Львовна положительно не могла проговорить слова.

— Что-жъ она тамъ дѣлала? наивно спросила Софья Алексѣевна.

Подруга поднялась съ мѣста, простерла впередъ руки и упала на грудь Люлюковой.

— Несчастная женщина!! воскликнула она, обливая ея щеки слезами.

— Какъ?.. Онъ?.. Serge?.. произнесла, обмирая, Софья Алексѣевна.

— Несчастная жертва!! подхватила еще энергичнѣе Зинаида Львовна:—да, только этого недоставало! не правда ли,—только этого!..

Въ самую эту минуту на лѣстницѣ раздались знакомые шаги Сергѣя Львовича.

— Твой мужъ!.. шепнула Зинаида Львовна, чувствуя, какъ холодъ пробѣжалъ въ ея волосахъ при одномъ имени этого человѣка:—сегодня же мы все откроемъ!..

— Сегодня же... простонала Софья Алексѣевна, въ изнеможеніи падая на подушки.

— Можно войдти? весело крикнулъ Люлюковъ.

— Нѣтъ! нѣтъ! Sophie еще въ постели! съ ужасомъ отозвалась Зинаида Львовна.

— Господи! крикнулъ Сергѣй Львовичъ:—добро бы вы спали, а то вѣдь также разговариваете!.. А между тѣмъ чай давно на столѣ, давно десятый часъ! Мы васъ давно ждемъ...

— Мы скоро будемъ готовы... откликнулась опять Зинаида Львовна, едва находя силы превозмочь трепетаніе своего сердца.

— Минутъ черезъ десятокъ, Зинаида Львовна кой-какъ одѣла свою подругу. Она даже уговорила ее сойдти внизъ; но тамъ, видно, данъ уже былъ mot d'ordre, въ спальню вбѣжали дѣти; за ними вошла Ольга Ивановна.

Появленіе гувернантки произвело тѣмъ больше дѣйствія, что она прежде никогда сюда не входила.

Софья Алексѣевна почувствовала вдругъ слабость въ ногахъ и робко поклонилась, не смѣя даже взглянуть ей въ глаза. Зинаида Львовна быстро отошла въ дальній конецъ комнаты,—и каждый, кто увидалъ бы ее въ эту минуту, невольно сказалъ бы, что если существовала когда-нибудь статуя, аллегорически представляющая оскорбленную добродѣтель, она теперь передъ его глазами,—правда, нѣсколько только пострадавшая отъ времени;—но, впрочемъ, таковы вѣдь почти всѣ драгоцѣнныя античныя изваянія...

Ольга Ивановна взглянула на Люлюкову, потомъ пе-

ревела удивленные глаза на ея подругу и, обративъ ихъ наконецъ къ дѣтямъ,—сказала, чтобъ они отправлялись внизъ; послѣ этого она вышла изъ спальни, какъ ни въ чемъ ни бывало.

— Какой апломбъ! какое безстыдство! Боже, такъ молода и уже такъ...

Зинаида Львовна не договорила и только потрясла головой.

— Ужасно! проговорила Софья Алексѣевна.

Но «ужасной тайнѣ»,—виновницѣ столькихъ тревогъ, суждено было открыться совсѣмъ другимъ путемъ и гораздо скорѣе, чѣмъ предполагали обѣ подруги.

Стоило Сергѣю Львовичу войдти въ комнату, при этомъ замѣтимъ, лицо кроткой Софьи Алексѣевны сдѣлалось совершенно зеленымъ, а носъ и щеки Зинаиды Львовны побѣлѣли какъ полотно,—стоило Сергѣю Львовичу усѣсться подлѣ жены и заставить ее выглянуть въ окно; стоило вслѣдъ затѣмъ показаться Петру Сергѣевичу, — что, сказать мимоходомъ, сдѣлалъ онъ очень неловко,—«ужасная тайна», плодъ устарѣлаго, но тѣмъ не менѣе еще пылкаго и живого воображенія, — обнаружилась сама собою и лопнула какъ мыльный пузырь. Осталось пожалѣть, что все это стоило Зинаидѣ Львовнѣ безсонной ночи и повело ее въ послѣдствіи къ лишней тратѣ огуречнаго кольд-крема, употребленнаго въ значительномъ количествѣ.

Мы не станемъ входить во всѣ подробности сюрприза; достаточно сказать, — онъ превзошелъ даже ожидаемое дѣйствіе: Софья Алексѣевна чуть не покатилась навзничь въ истерическомъ припадкѣ, Зинаида Львовна взвизгнула и, рыдая, упала на грудь молодому человѣку, дѣти, стоявшія въ это время за дверью, повисли на рукахъ и ногахъ брата, Сергѣй Львовичъ залился восторженнымъ смѣхомъ и забилъ въ ладоши; — но въ ту же минуту проворно отошелъ къ окну и отвернулся, такъ что нельзя было рѣшить, подаетъ ли онъ кому-нибудь на дворѣ таинственные знаки, или по просту проводитъ пальцами по моргающимъ глазамъ; словомъ, эффектъ былъ полный, и сюрпризъ удался какъ нельзя лучше.

— Такъ это ты, Пьеръ, гулялъ вчера въ саду, сказала Зинаида Львовна, послѣ того, какъ дѣти Сергѣя Львовича удалились:—а я, признаться, ужасно перетревожилась... Мнѣ, Богъ знаетъ, что представилось... прибавила она, нѣжно глядя ему въ глаза.

— Развѣ гувернантка дала поводъ думать что-нибудь въ этомъ родѣ? спросилъ Петръ Сергѣевичъ.

— Нѣтъ, я не говорю этого... Сохрани Богъ!.. Скажи, кстати, какъ вообще она тебѣ понравилась?.. присовокупила Зинаида Львовна, какъ бы стараясь замять прежній разговоръ.

— Не скажу, чтобы совсѣмъ...

— Не правда ли? Я такъ и думала... Спроси у матери, если я не предсказывала, что эта Ольга Ивановна тебѣ не понравится.

— Это правда... сказала Софья Алексѣевна, съ трудомъ припоминая, повидимому, когда было сдѣлано предсказаніе.

— Всего ужаснѣе, мы обѣ замѣтили, у нея нѣтъ никакой религіи... Она положительно ни во что не вѣруетъ...

— Это правда, подтвердила опять Софья Алексѣевна.

— Ну, это ея дѣло, оно при ней и остается; религія—дѣло совѣсти... проговорилъ Петръ Сергѣевичъ: — главное въ томъ, сколько могу я судить по вчерашнему разговору съ ней, она положительно не годится въ гувернантки ни нашимъ дѣтямъ, ни какимъ другимъ; чему можетъ она учить, когда у нея самой фанаберія въ головѣ? къ тому же, она положительно сама ничего не знаетъ; дипломъ дали ей, видно, за ея хорошенькіе глаза... Сегодня я изъ любопытства попросилъ отца украдкою принести мнѣ нѣсколько учебныхъ тетрадокъ сестеръ; разсматривая поправки Ольги Ивановны, я убѣдился, что она писать даже правильно не умѣетъ по-русски; поправки ея усѣяны самыми дѣтскими ошибками... Дѣло между тѣмъ идетъ о римскихъ женщинахъ по Тациту! какъ видно изъ диктовки... Нѣтъ, гдѣ ей учить! Дѣло ея только путать и портить!...

Цѣлое утро, вплоть до завтрака, Петръ Сергѣевичъ не выходилъ изъ спальни матери.

Часамъ къ двѣнадцати семейство собралось внизъ къ завтраку. Тутъ поднялась ужасная сумятица между дѣтьми; каждый хотѣлъ занять мѣсто подлѣ брата, и никто не хотѣлъ уступить одинъ другому. Сергѣй Львовичъ предложилъ наконецъ бросить жребій; онъ выпалъ на долю Кокò; три дѣвочки въ тотъ же мигъ обѣжали вокругъ стола, усѣлись рядомъ противъ старшаго брата и страстно впились въ него своими глазками, ловя на лету каждое его движеніе и безпрестанно ему улыбаясь.

Все это, казалось, очень пріятно дѣйствовало на Петра Сергѣевича. Онъ былъ очень веселъ и говорилъ со всѣми, не исключая, конечно, и Ольги Ивановны, которая, хотя и украдкою, но не переставала также бросать взгляды въ его сторону.

Въ туалетѣ ея, замѣтно на этотъ разъ, оказалось больше тщанія: шитая рубашка сомнительной свѣжести смѣнилась платьемъ съ лифомъ, который очень выгодно обрисовывалъ ея стройную талію; обстриженные волосы не развѣвались во всѣ стороны, какъ будто ихъ тормошилъ бурный вѣтеръ, но разсыпались правильными локонами по обѣимъ сторонамъ ея свѣжихъ щекъ; глаза щурились и примѣтно интересничали; шея граціозно изгибалась, не производя уже тѣхъ судорожныхъ, жесткихъ движеній, какъ бывало прежде.

Все это приводило только къ убѣжденію, что Петръ Сергѣевичъ могъ съ перваго взгляда производить очень выгодное впечатлѣніе, несмотря на то даже, что черты его не отличались особенною красотой. Онъ не былъ высокаго роста, не поражалъ бѣлизною и свѣжестію, столь свойственными блондинамъ, но не имѣлъ также той матовой блѣдности, которая дѣлаетъ молодыхъ людей такъ интересными въ глазахъ женщинъ. Сѣрые глаза его смотрѣли очень умно и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ-то мягко и спокойно; открытый лобъ его былъ очень гладокъ, и зубы сверкали бѣлизной.

Послѣ завтрака всѣ приглашены были въ кабинетъ Сергѣя Львовича; тамъ происходила раздача подарковъ,

которые Петръ Сергѣевичъ привезъ для дѣтей. Восторгъ и упоеніе были неописанные. Никто изъ присутствующихъ не могъ перечесть поцѣлуевъ, которые пришлось получить щекамъ старшаго брата. Но всѣхъ довольнѣе былъ положительно маленькій Кокò; ему достался большой ящикъ съ красками. Спачала какъ только открыли ящикъ, онъ обмеръ и минуты полторы стоялъ, разинувъ ротъ и раскрывъ изумленные глаза; потомъ вдругъ схватилъ въ обѣ руки подарокъ, какъ бы боясь, чтобъ его снова у него не отняли,—и быстро отправился въ дальній уголъ; потомъ поцѣловалъ ящикъ и разсмѣялся какимъ-то вздрагивающимъ, судорожнымъ смѣхомъ; потомъ, также неожиданно, усѣлся къ столу съ самымъ серіознымъ, озабоченнымъ видомъ, и началъ раскладывать краски одну подлѣ другой, соблюдая при этомъ, чтобъ одна краска не переступала другую.

— Ну, господа, сказалъ Сергѣй Львовичъ, весело оглядывая присутствующихъ: — мы не ошибемся, кажется, если, послѣ всего, что здѣсь сейчасъ происходило, заключимъ смѣло и рѣшительно,—да, смѣло и рѣшительно, что нашъ Кокò будетъ со временемъ знаменитый художникъ!

Тутъ лицо Сергѣя Львовича приняло неожиданно заботливое выраженіе, какъ будто онъ вспомнилъ о чемъ-то; онъ взялъ подъ руку старшаго сына и отвелъ его въ дальній уголъ.

— Послушай, душа моя, проговорилъ онъ: — у меня къ тебѣ просьба: уговори пожалуйста какъ нибудь нашихъ барынь, я разумѣю мамашу и Зиночку, уговори, чтобъ онѣ одолжили мнѣ на нѣсколько дней стекло и рамку съ Mater dolorosa... Подумавъ, я пришелъ къ заключенію: самому мнѣ просить объ этомъ совершенно безполезно; навѣрное ничего не выйдетъ... Сôслужи мнѣ, голубчикъ, такую службу.

— Очень охотно, возразилъ сынъ, закусывая губы и стараясь показать отцу совершенно спокойный видъ.

— Ну, а теперь, добавилъ Сергѣй Львовичъ ужъ громко: — не хочешь ли взглянуть какъ лихо подновили

карету и какую молодецкую четверню подобралъ я, чтобъ ѣхать сегодня на желѣзную дорогу...

— Нѣтъ, избавь отъ послѣдняго, сказалъ сынъ: — я рѣшительно никакого толку не знаю въ каретахъ; я въ нихъ, по всей вѣроятности, никогда ѣздить не буду... душно, неловко не люблю, поспѣшилъ онъ прибавить, чтобы не навести отца на соображенія экономическаго свойства, которыя всегда печально какъ-то на него дѣйствовали:—въ лошадяхъ я окончательно ничего не смыслю: везетъ, ну и хороша по-моему!..

— Да, вотъ еще что, господа, перебилъ Люлюковъ старшій, хлопнувъ сына по плечу и потомъ обратясь ко всѣмъ вообще:—да будетъ вамъ извѣстно: мы сегодня обѣдаемъ раньше обыкновеннаго; поѣздъ пріѣзжаетъ ровно въ шесть; мнѣ, слѣдовательно, надо быть на станціи въ половинѣ шестого.

— Не знаю какъ теперь, но мы, кажется, всегда прежде обѣдали въ два; до шести еще много времени, замѣтилъ Петръ Сергѣевичъ.

— Мы и теперь держимся такой методы; но только такъ говорится—въ два. Смотришь: всегда садимся въ половинѣ третьяго; тамъ и пошлò: тра-та-та, ра-та-та, смотришь, половина пятаго; тамъ опять съ кѣмъ-нибудь заболтаешься, вотъ тебѣ и всѣ шесть!.. Я сегодня ни въ какомъ случаѣ не долженъ опоздать; это было бы крайне неловко, даже неприлично... Нѣтъ ужъ вы, пожалуйста, въ этомъ отношеніи никогда мнѣ ничего не говорите; я человѣкъ, нервный; меня постоянно волнуетъ мысль: ну, а какъ опоздаю?.. Съ этими желѣзными дорогами просто бѣда; чувствую даже, что мнѣ вредно; поэтому, даже безъ особенной надобности, я всегда пріѣзжаю прежде всѣхъ; пусть смѣются! Мнѣ какое дѣло! Я спокоенъ, а это не бездѣлица при моихъ нервахъ. Такъ ты, Пьеръ, уладишь то, о чемъ я просилъ тебя? Да? Хорошо, я буду, слѣдовательно, спокоенъ.

Послѣ обѣда, который въ самомъ дѣлѣ не замедлилъ послѣдовать за завтракомъ, Зинаида Львовна позвала молодого Люлюкова и Софью Алексѣевну въ свою собственную комнату; желая ознаменовать чѣмъ-нибудь пріі-

ѣздъ дорогого гостя, она собственными своими ручками сварила кофе. Она думала также пригласить и остальныхъ членовъ семейства, но пока хотѣла посидѣть съ Пьеромъ и Sophie наединѣ и наслаждаться тишиною, которая такъ отвѣчала кроткой любви сына къ матери, матери къ сыну и ея собственнымъ чувствамъ въ отношеніи къ нимъ обоимъ.

Къ сожалѣнію, не долго суждено было продолжаться такому наслажденію; не успѣла Зинаида Львовна усадить гостей своихъ, не успѣла взять ихъ за руки и взглянуть имъ нѣжно въ глаза, какъ вдругъ внизу послышался ужаснѣйшій крикъ, сопровождаемый паденіемъ стула и голосомъ Сергѣя Львовича, который покатился какъ громъ по всему дому.

Петръ Сергѣевичъ, не сомнѣваясь ни минуты, что кто-нибудь изъ дѣтей ушибся, стремительно побѣжалъ внизъ.

Первыя лица, которыхъ онъ встрѣтилъ въ залѣ, были: Ольга Ивановна и сёстры; послѣднія окружали гувернантку, дѣлали отчаянные жесты и заливались горькими слезами.

Едва Петръ Сергѣевичъ показался въ залѣ, Ольга Ивановна смѣло подошла къ нему и даже схватила его за руку.

— Петръ Сергѣевичъ, произнесла она, сверкая глазами:—вы человѣкъ благородный и вполнѣ современный, вы не допустите такого возмутельнаго, антигуманнаго насилія! Это ужасно!..

— Что такое? спросилъ тотъ, думая не на шутку, что случилось какое-нибудь несчастіе.

— Что такое? Что случилось? заговорили въ свою очередь Зинаида Львовна и Софья Алексѣевна, показывая въ дверяхъ испуганныя лица.

— Мамаша, тетя Зина! закричали три дѣвочки, бросаясь съ воплемъ къ вошедшимъ: — папаша хочетъ сѣчь Кокошу!

— Нѣтъ, вы не допустите до такого униженія человѣческаго достоинства! Вы слишкомъ развиты и человѣчны для этого! снова подхватила Ольга Ивановна, энергически пожимая руку Люлюкову: — мы не дадимъ бѣд-

наго мальчика въ жертву такого тиранства, не правда ли? Къ счастію, онъ скрылся, и его теперь вездѣ ищутъ...

Софья Алексѣевна закрыла лицо руками; Зинаида Львовна поспѣшила обхватить ея талію.

Въ самую эту секунду, дверь изъ гостиной въ кабинетъ такъ громко хлопнула, что всѣ вздрогнули.

— Гдѣ онъ? Гдѣ онъ!.. Гдѣ этотъ негодяй? Не нашли его?.. А, всѣ уже здѣсь?.. крикнулъ Сергѣй Львовичъ, — но въ тотъ же мигъ остановился, увидѣвъ подходившаго къ нему Петра Сергѣевича.

Сергѣй Львовичъ тутъ же опустился на стулъ, одною рукою ухватилъ голову, другою стукнулъ себя по колѣну.

— Что съ тобою? Скажи пожалуйста? спросилъ сынъ: — что случилось?..

— А то случилось, что я его высѣку!..

Дѣвочки снова залились слезами; Ольга Ивановна сдѣлала выразительный жестъ, какъ въ балетахъ, когда желаютъ показать крайнюю степень возмущенныхъ чувствъ; Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна ближе только прижались другъ къ другу.

— Высѣку! высѣку! упрямился Сергѣй Львовичъ.

— Полно, папаша, какъ тебѣ не грѣхъ... проговорилъ почти шопотомъ Петръ Сергѣевичъ: — изъ чего ты такъ горячишься... Помилуй: въ твои лѣта, въ твоемъ положеніи! Успокойся пожалуйста.

— Да ты знаешь ли, что надѣлалъ это негодяй? вымолвилъ Сергѣй Львовичъ, значительно укрощаясь, но все еще съ нѣкоторою запальчивостію.

— Все равно, чтобы онъ ни сдѣлалъ, не стоитъ такъ горячиться...

— Въ наше время не сѣкутъ-съ! вмѣшалась неожиданно Ольга Ивановна и чуть-было не испортила дѣла.

Сергѣй Львовичъ вскочилъ какъ ужаленный и вскрикнулъ, мгновенно разгорячась:

— Не сѣкутъ?.. А я вамъ докажу, что сѣкутъ! Вы мнѣ, пожалуйста, этой фонаберіи своей современной не подпускайте!..

— Полно, ради Бога, твердилъ сынъ: — вспомни: тебѣ за шестьдесятъ, ему всего шесть лѣтъ...

— Сергѣй Львовичъ, прости его!.. слезливо промолвила Софья Алексѣевна.

— Прости, папаша! Прости, онъ больше не будетъ!.. воскликнули въ одинъ голосъ дѣти и Зинаида Львовна.

— Нѣтъ-съ, извините; вы прежде извольте посмотрѣть, что онъ надѣлалъ и потомъ уже просите за него прощенья, если только у васъ хватитъ на это духу! сказалъ Сергѣй Львовичъ тономъ сосредоточеннаго раздраженія:—не угодно ли вамъ сюда пожаловать за мною, сюда въ кабинетъ; заключилъ онъ, торопливо выходя изъ залы и направляясь въ свою комнату, куда всѣ за нимъ послѣдовали.

Въ кабинетѣ прежде всего бросился въ глаза столъ съ разбросанными на немъ бумажками, стаканомъ съ водою, тарелкой, кистями и красками, и взоры всѣхъ съ любопытствомъ устремились на эти предметы.

— Нѣтъ, не сюда надо смотрѣть, не сюда! произнесъ Сергѣй Львовичъ глубоко огорченнымъ голосомъ: — не сюда! Вотъ куда надо смотрѣть!

Сказавъ это, онъ схватилъ со стола большой листъ и торжественно развернулъ его.

Глазамъ присутствующихъ предсталъ тогда портретъ дяди Помпея Николаевича Пыщина, которому Кокò уморительнѣйшимъ образомъ подрумянилъ щеки, лобъ и подбородокъ, подвелъ зеленыя брови, сдѣлалъ какой-то кокъ и провелъ густую тѣнь подъ носомъ, отчего носъ дяди Пыщина сталъ еще курносѣе; въ этомъ видѣ, портретъ какъ двѣ капли воды напоминалъ физіономію разсерженнаго оранг-утанга.

Какъ ни взбѣшенъ былъ Сергѣй Львовичъ, никто не могъ удержаться отъ смѣха; смѣхъ конченъ былъ въ ту же секунду, подавленъ кашлемъ, охами удивленія. Но Сергѣй Львовичъ, и безъ того, ничего бы не примѣтилъ.

Потрясая въ воздухѣ портретомъ и впиваясь въ него раздраженными, моргающими глазами, онъ повторялъ только:

— Да, вотъ что онъ сдѣлалъ! Вотъ что сдѣлалъ!..

— Оно можетъ-быть даже къ лучшему... нечаянно вырвалось у Петра Сергѣевича.

— Пожалуйста, Цьеръ, не говори мнѣ объ этомъ ни слова! Ты ничего не знаешь! Портретъ этотъ взялъ я у жены нашего бывшаго исправника; она дорожитъ имъ пуще зеницы ока! Что я скажу ей теперь?..

Петръ Сергѣевичъ сдѣлалъ въ это время какое-то таинственное движеніе рукой; оно послужило для всѣхъ сигналомъ обступить Сергѣя Львовича и просить у него помилованія.

Зная Сергѣя Львовича, каждый охотно повѣритъ, что на это не потребовалось слишкомъ большихъ усилій.

— Хорошо, хорошо... Скажите только, какъ отыщете этого негоднаго мальчишку, скажите ему, чтобы не попадался мнѣ на глаза. Попадется, я за себя не отвѣчаю. Вы знаете, какъ я горячъ и вспыльчивъ!.. Боже мой, однакожъ, что-жъ это я?.. Скоро четвертый часъ! спохватился онъ, взглядывая на часы:—хорошо еще, я прежде распорядился, чтобы закладывали лошадей. Эй, дѣти, бѣгите кто-нибудь, скажите Петру, чтобъ онъ скорѣе шелъ и давалъ мнѣ одѣваться!

Но Петръ легокъ былъ, видно, на поминѣ; не успѣлъ Сергѣй Львовичъ проговорить послѣднихъ словъ, камердинеръ вошелъ въ двери.

— Сергѣй Львовичъ, сказалъ онъ: — къ намъ ѣдетъ какая-то коляска, четверней; сейчасъ на проспектъ поворотила.

— Вотъ не кстати-то! проговорилъ Люлюковъ:—однакожъ, кто бы это былъ?

Онъ вышелъ въ залу; всѣ за нимъ послѣдовали.

Цѣлый рядъ оконъ въ залѣ открывалъ видъ на дворъ и часть аллеи; въ глубинѣ ея клубилось облако пыли, изъ котораго выглядывали головы бѣжавшихъ лошадей.

Не удовлетворившись этимъ, Сергѣй Львовичъ поспѣшно выбѣжалъ въ прихожую.

— Боже мой, это, кажется, дядюшка! неожиданно воскликнула Софья Алексѣевна.

Дѣйствительно, секунду спустя, въ дверяхъ показался Сергѣй Львовичъ. Лицо его выражало столько замѣша-

тельства, что можно было думать, онъ, до прихода сюда, случайно вломился головою въ улей и выскочилъ оттуда.

— Ѣдетъ!.. Онъ!.. Ѣдетъ!! задыхаясь, произнесъ онъ, тараща глаза; и вдругъ, неизвѣстно по какимъ причинамъ, подбѣжалъ къ этажеркѣ съ нотами и началъ приводить ихъ въ порядокъ.

— Полно, папа, какъ тебѣ, право, не стыдно! Чего ты такъ растерялся; что за важность! уговаривалъ Петръ Сергѣевичъ, между тѣмъ какъ дамы суетливо оправляли платья и приглаживали волосы.

Зинаида Львовна сдѣлала какой-то неопредѣленный жестъ и, вспыхнувъ какъ макъ, торопливо скрылась въ коридорѣ.

— Я ничего... говорилъ Сергѣй Львовичъ, обдергивая жилетъ и блуждая во всѣ стороны глазами: — главное, все это такъ неожиданно... я думалъ, онъ по желѣзной дорогѣ.

— Что-жъ ты стоишь, однакожъ? Если пріѣхалъ, надо идти встрѣчать: пойдемъ! промолвилъ Петръ Сергѣевичъ, увлекая отца въ прихожую.

Помпей Николаевичъ Пыщинъ входилъ въ эту минуту, сопровождаемый молодымъ, высокимъ лакеемъ, который поспѣшилъ снять съ него пальто.

Генералъ Пыщинъ представлялъ изъ себя рослаго человѣка, лѣтъ шестидесяти пяти, но такого еще плотнаго, что можно было, кажется, раздавить на его тѣлѣ сухую горошину, не причинивъ ему малѣйшаго вреда. Шарообразная голова его, съ сѣдыми волосами, обстриженными подъ гребенку, постоянно закинутая назадъ, выходила почти изъ плечъ, отчего самыя плечи казались еще круче вздернутыми кверху; лицо его, раздутое какъ пузырь, красное и выбритое гладко, въ лоскъ, какъ говорится, украшалось по серединѣ коротенькимъ носомъ; вздернутый конецъ котораго раздваивался, словно его перерѣзали ниткой. Быть-можетъ, это предубѣжденіе, но вообще принято уже желать, чтобы носъ у людей былъ нѣсколько бо̀льшаго масштаба. Подъ носомъ закручивались коротенькіе щетинистые усы, кончики которыхъ, круто нафабренные, смотрѣли въ широко раздутыя ноздри;

подъ узенькимъ мясистымъ лбомъ, изъ-подъ бровей, похожихъ на два пучечка, выглядывали маленькіе, сѣрые, татарскіе глаза. Движенія его были величественны, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, казались тугими, какъ его тѣло; онъ поворачивался не иначе, какъ всѣмъ корпусомъ; кости его словно не имѣли суставовъ и представляли одну сплошную массу. На немъ былъ военный сюртукъ безъ эполетъ, застегнутый на всѣ пуговицы. Въ профилѣ (такого важнаго человѣка слѣдуетъ разсмотрѣть со всѣхъ сторонъ) генералъ Пыщинъ обрисовывалъ линію, которая круто выпучивалась на груди, рѣзко перехватывалась у пояса, выступала снова круто у живота и наконецъ пропадала у конца его сапогъ; сзади, затылокъ, крѣпко упиравшійся въ воротникъ, изображалъ двѣ мясистыя складки, потомъ молодецки выгибалась спина, и линія, сдѣлавъ неопредѣленно-крутой выступъ, снова пропадала у пятокъ.

Увидѣвъ Сергѣя Львовича, генералъ не сдѣлалъ никакого восклицанія, сказалъ только: «здравствуй!» и протянулъ ему руку съ пучечками волосъ, не сгибая пальцевъ. Но такъ какъ Люлюковъ бросился къ нему, обвилъ руками его животъ и принялся цѣловать его въ грудь, Помпей Николаевичъ долженъ былъ, по необходимости, отвѣтить ему чѣмъ-нибудь въ свою очередь; онъ прижалъ спину Люлюкова ладонью и чмокнулъ губами по воздуху.

На Петра Сергѣевича, который стоялъ тутъ же, генералъ Пыщинъ не обратилъ никакого вниманія; машинально только повелъ глазами въ его сторону.

— Боже мой, какъ я счастливъ! заговорилъ Сергѣй Львовичъ: — мы васъ ждали, ждали! Но какъ же случилось такъ странно: почему не пріѣхали вы по желѣзной дорогѣ?

— Я прямо изъ деревни; оттуда уже сюда, коротко, но внятно сказалъ генералъ.

— Позвольте, Помпей Николаевичъ, позвольте представить моего сына, сказалъ Люлюковъ, выставляя впередъ съ восхищеннымъ видомъ Петра Сергѣевича.

— Очень радъ! возразилъ генералъ:—въ университетѣ?

— Былъ, но давно уже вышелъ. Получилъ даже магистра!

— Похвально! сказалъ генералъ, у котораго глаза такъ уже, видно, были устроены, что не могли никакъ смотрѣть на собесѣдника, но всегда устремлялись куда-то вдаль, черезъ голову собесѣдника.

Послѣ этого, генералъ тряхнулъ плечами и прямо направился въ залу, причемъ полъ задрожалъ подъ его ногами.

Съ первыхъ шаговъ, его встрѣтила Софья Алексѣевна съ восклицаніемъ: «дядюшка!» и припала къ груди его; на этотъ разъ, спина Помпея Николаевича обрѣла на столько гибкости, что губы его пришлись какъ разъ ко лбу племянницы.

Въ отвѣтъ на реверансъ Ольги Ивановны, генералъ наклонилъ голову и даже погремѣлъ шпорами.

— А вотъ и дочери, Помпей Николаевичъ, суетливо заговорилъ Сергѣй Львовичъ: — одну, впрочемъ, вы уже знаете, Вѣрочку, маленькую путешественницу! А это другая... Дѣти, что-жъ вы стоите? Здоровайтесь съ дяденькой, скажите: bonjour, mon oncle! Здравствуйте, дядюшка! Catherine!

Катя замѣтно колебалась; Сергѣй Львовичъ задвигалъ бровями.

— Bonjour, mon oncle! сказала она, дѣлая реверансъ.

Вѣрочка и Соня послѣдовали ея примѣру.

— Здравствуйте... очень милы! сказалъ генералъ.

Во время этой сцены Петръ Сергѣевичъ досадливо взглянулъ на отца, покраснѣлъ и отвернулся.

Помпей Николаевичъ пожалъ еще разъ руку Софьѣ Алексѣевнѣ и пошелъ впередъ, причемъ полъ снова заколебался.

Сергѣй Львовичъ въ это время подвернулся къ сыну.

— Портретъ, ради Бога, спрячь портретъ! шепнулъ онъ, давая ему знакъ, чтобъ онъ прошелъ для этого кругомъ, черезъ коридоръ.

Петръ Сергѣевичъ, не сказавъ слова, вышелъ.

— А кто эта дама? спросилъ генералъ, понижая голосъ и указывая племянницѣ глазами на Ольгу Ивановну!

— Гувернантка, шепнула та.

— Прекрасная особа! сказалъ генералъ, запуская руку въ задній карманъ, чтобы вынуть оттуда носовой платокъ.

Сергѣй Львовичъ воспользовался этою секундой; онъ мигнулъ женѣ и шепнулъ ей вскользь:

— Ради Бога, займи его и будь любезнѣе; я сію секунду явлюсь. Извините, Помпей Николаевичъ, добавилъ онъ громко:—я на секунду васъ оставлю.

— Прошу безъ церемоніи, возразилъ генералъ, направляясь въ гостиную съ племянницей.

Первымъ дѣломъ Сергѣя Львовича было отыскать камердинера дяди: заботливо разспросивъ его о привычкахъ генерала, онъ сказалъ ему, чтобы лично всегда обращался къ нему, какъ только въ чемъ-нибудь встрѣтится надобность. Проходя по коридору, онъ приказалъ скорѣе ставить самоваръ и велѣлъ сказать повару, чтобъ онъ, на всякій случай, былъ наготовѣ и держалъ ухо востро.

Успокоенный нѣсколько, онъ вернулся въ гостиную, гдѣ уже засталъ дядю, сидящаго на диванѣ. Софья Алексѣевна фланкировала его справа; Петръ Сергѣевичъ сидѣлъ насупротивъ, но нѣсколько дальше. Какъ ни досадно было ему на отца, онъ на столько любилъ его однакожъ, чтобы дѣлать все возможное, только бы удержать его отъ суетливости, въ припадкѣ которой отецъ дѣлалъ всегда глупости.

Софья Алекѣевна успѣла уже въ это время сообщить дядѣ о своей подругѣ, сказавъ, что къ великому несчастію у нея теперь жестокій мигрень, и она находится въ своей комнатѣ.

— Радъ буду познакомиться, былъ отвѣтъ дяди Пыщина:—много учились?

Съ такимъ вопросомъ обратился онъ неожиданно къ Петру Сергѣевичу.

— Съ десяти лѣтъ учится! вмѣшался упоенный Сергѣй Львовичъ:—я, признаться, въ первое время опасался даже за его здоровье. Особенно, сколько помню, много мучился онъ съ латинскимъ или, кажется, съ греческимъ языкомъ.

— Ты ошибаешься, папаша, возразилъ Петръ Сер-

гѣевичъ, слегка покраснѣвъ:—ты принимаешь вѣрно одно за другое; я никогда даже не учился греческому языку.

— Нѣтъ, сказалъ генералъ, окончательно вдавливая шею въ плечи:—про греческій языкъ худо не говорите; на греческомъ языкѣ всѣ хорошіе сочинители писали!

По всему видно было, генералъ Пыщинъ находился сегодня въ отличномъ расположеніи духа. По крайней мѣрѣ ни Люлюковъ, ни жена его никогда не видали дядю такимъ разговорчивымъ и веселымъ.

Но я полагаю, не остановиться ли намъ на этой бесѣдѣ, такъ какъ она кстати и скоро кончилась. Лишнимъ будетъ также, я думаю, распространяться о томъ, какъ проведенъ былъ остатокъ вечера, какъ генералъ кушалъ чай, ужиналъ и какъ, наконецъ, Сергѣй Львовичъ повелъ его въ назначенные для него апартаменты и простился съ нимъ, пожелавъ ему отъ всей души сладкаго сна и пріятныхъ грезъ.

Несравненно важнѣе то, что предстоитъ разсказать впереди, касательно важнаго лица, осчастлившаго «верзилу» своимъ высокимъ посѣщеніемъ.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ,

ПРЕДСТАВЛЯЮЩАЯ НА РАЗСМОТРѢНІЕ МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ БІОГРАФІИ ЗНАМЕНИТАГО МУЖА.

Приступая къ изображенію замѣчательной личности Помпея Николаевича Пыщина, я долго собирался съ духомъ, долго углублялся въ самого себя. Внутренній голосъ постоянно твердилъ мнѣ одно и то же: онъ говорилъ, что для полнаго достиженія такой цѣли, для полнаго успѣха, необходимо было-бы прежде всего: «прослѣдить путемъ собственныхъ выводовъ за организмомъ современной мысли и всѣми развѣтвленіями и видами, которые даются предметомъ, вступающимъ въ область самостоятельнаго»...

Такъ, по крайней мѣрѣ, въ важныхъ случаяхъ, со-

вѣтуетъ дѣлать одинъ изъ представителей современной отечественной критики.

Не сомнѣваясь ни минуты, что каждое слово критики, каждое даже мимолетное ея замѣчаніе, которымъ бы воспользовался литераторъ, неминуемо ведетъ послѣдняго къ уясненію собственныхъ мыслей, ведетъ его къ улучшенію и усовершенствованію, — я проникался также необходимостію: «поставить свою личность въ разрѣзъ съ дѣйствительностью», какъ совѣтуетъ другой, не менѣе достойный просвѣтитель человѣчества.

Но такъ ужъ видно судьбой устроено, что недостаточно одной готовности слѣдовать мудрымъ совѣтамъ. Меня, по-крайней-мѣрѣ, не привела она ни къ какому счастливому результату.

Сколько ни сидѣлъ я, крѣпко зажмуривая глаза, сколько ни усиливался проникнуть глубокій смыслъ приведенныхъ выше изреченій, —увы! я не понялъ въ нихъ ни одного слова!..

Предоставленный такимъ образомъ на собственный произволъ, оставшись, такъ сказать, безъ подпоры, оставшись при собственныхъ своихъ средствахъ, я, весьма натурально, тутъ же убѣдился, что едва-ли совладаю съ трудною своею задачей. Но какъ быть? дѣло уже было начато, не оставлять же его! Что касается до того, чтобы сохранить своему герою отъ начала до конца «объективный» характеръ, или придать ему «силы духовно-конкретнаго созданія», я уже и не помышлялъ вовсе; насчетъ послѣдняго отложено даже было всякое попеченіе.

Сознаюсь чистосердечно—даже теперь беретъ страхъ, какъ подумаю обо всемъ этомъ! Боюсь, чтобы, послѣ всего сказаннаго, вся повѣсть не вышла «всецѣло» чѣмъ-то въ родѣ «потенціи безъ содержанія...

Что-жъ дѣлать! Вы знаете, добрѣйшій человѣкъ не-можетъ дать болѣе того, сколько позволяютъ ему его средства!

Такое объясненіе необходимо было, чтобъ заранѣе оправдать передъ читателемъ тѣ ошибки и промахи, ко-

торыми, безъ сомнѣнія, будетъ усыпана наша біографія Помпея Николаевича Пыщина.

Все, что можемъ мы сказать относительно дѣтства и первыхъ годовъ юности этого замѣчательнаго человѣка, заключится въ весьма немногихъ словахъ. Дѣтство Пыщина въ одномъ отношеніи весьма даже схоже съ дѣтствомъ россійскаго государства: какъ то, такъ и другое, въ равной степени «покрыто мракомъ неизвѣстности». Изъ бумагъ, которыя прошли чрезъ наши руки, какъ-то: двухъ фамильныхъ документовъ и незначительнаго письма бабки Пыщина, видно, что Помпей Николаевичъ сынъ небогатаго штабъ-офицера, не получившаго ни одной раны подъ Очаковымъ. На шестомъ году, Пыщинъ былъ записанъ въ II* кадетскій корпусъ, а на восьмомъ, поступилъ въ оный корпусъ.

Корпусный архивъ за 1804, 1805 и 1807 годы не обогатилъ насъ большими свѣдѣніями. Въ спискахъ кадетовъ, противъ имени Помпея Пыщина, вездѣ выставлено рукою заботливаго начальства: «Поведенія благонадежнаго; рачителенъ къ службѣ, фунтовикъ хорошій; въ наукахъ слабъ, хотя и старателенъ». Здѣсь же въ архивѣ, конечно, не безъ трудовъ и пожертвованій съ нашей стороны *), отыскали мы бумагу, которая показываетъ, что Помпей Николаевичъ шестнадцати лѣтъ выпущенъ въ офицеры, и записанъ въ N* пѣхотный полкъ.

Тутъ на нѣкоторое время наступаетъ для біографа эпоха густѣйшаго мрака; единственною путеводною точкой служитъ только формулярный списокъ; изъ него узнаемъ, что П. Н. Пыщинъ, четыре года спустя послѣ зачисленія въ N* пѣхотный полкъ, сдѣланъ батальоннымъ адъютантомъ, потомъ полковымъ, а въ 1817 году взятъ въ адъютанты корпуснымъ командиромъ.

Мы ни секунду не сомнѣваемся, что столь быстрымъ и успѣшнымъ повышеніемъ обязанъ онъ единственно самому себѣ. Протекціи у него тогда не было; адъютантская служба, заключая его почти безвыходно въ канцеляріи и

*) Старшему писарю дано за то пять руб.; но когда дѣло пришло къ развязкѣ, онъ потребовалъ еще пять, грозя въ противномъ случаѣ не показать документа.

не давая ему возможности отличаться на полѣ брани (онъ не участвовалъ ни въ одномъ сраженіи), могла только, естественно, задерживать его карьеру, а не ускорить ее. По всей вѣроятности, уже тогда начали обнаруживаться въ немъ тѣ замѣчательныя способности, которыя, проявляясь потомъ съ такою силой, отмѣтили, можно сказать, каждый шагъ его послѣдующей карьеры.

Дѣйствительно, такъ оно и было. Краснорѣчивѣйшимъ подтвержденіемъ служатъ разсказы сослуживца и, вмѣстѣ съ тѣмъ, товарища молодыхъ лѣтъ Пыщина. Лицо это давно уже въ отставкѣ, и мы тутъ же спѣшимъ принести ему чувствительную благодарность за доставленные намъ матеріалы.

Повѣтствуя о старыхъ годахъ своей службы, почтенный разскащикъ всегда оживлялся; особенно было это замѣтно, когда вспоминалъ онъ бывшаго своего товарища. Онъ говорилъ, что видитъ его какъ теперь передъ глазами.

«Чортъ его знаетъ, какъ онъ это дѣлалъ!» говорилъ сослуживецъ (мы отстраняемъ здѣсь отъ себя всякую отвѣтственность въ способѣ выраженія: наше дѣло историческая вѣрность). «Чортъ его знаетъ, какъ изловчался Пыщинъ, чтобы являться всегда въ новомъ мундирѣ съ иголочки, между тѣмъ какъ былъ бѣднѣйшимъ офицеромъ! Сапоги его всегда отливали глянцемъ; волосы его, коротко обстриженные и всегда гладко примазанные, выставляли на видъ прямой какъ стрѣла проборъ, такъ старательно иногда прохваченный, что проступала даже кровь».

Во время адъютантства Пыщина, господствовалъ такой порядокъ, какого, конечно, ни прежде, ни послѣ не было ни въ одной военной концеляріи. Разскащикъ повѣствуетъ: «Съ перваго же дня, писаря перестали напиваться; стоило имъ заслышать шаги Пыщина, чтобы мгновенно почувствовать холодъ въ мозгу костей своихъ». — «А былъ еще молодой человѣкъ!» прибавляетъ сослуживецъ.

Касательно физической силы, все заставляетъ предполагать, Помпей Николаевичъ совершенно уже тогда сложился.

Вотъ какъ свидѣтельствуетъ объ этомъ сослуживецъ: «Пыщину ничего не стоило проводить на пролетъ безсонныя ночи и не спускать глазъ съ писаря, соблюдая, чтобы каждый приказъ написанъ былъ каллиграфическимъ образомъ. Оборони и помилуй Богъ, если слово такъ придется, что надо перенести слогъ на другую строчку; терпѣть не могъ этого! «Засѣку, кричитъ бывало, задеру до смерти!»

Помпей Николаевичъ никогда не являлся въ кругу товарищей, никогда не участвовалъ въ ихъ пирушкахъ и попойкахъ. Взамѣнъ этого, его всегда можно было встрѣтить, чуть свѣтъ, затянутаго въ мундиръ и стоящаго въ пріемной начальника, въ ожиданіи приказа. Не успѣетъ начальникъ послать за нимъ, онъ тутъ уже на лицо. «Гдѣ особенно надо удивляться выдержкѣ и терпѣнію Пыщина, прибавляетъ сослуживецъ,—такъ это въ тѣхъ случаяхъ, когда начальникъ бывалъ не въ духѣ; бывало, какъ звѣрь какой подлетитъ съ пѣной у рта, только и слышишь: я васъ, сударь мой, я васъ! — Пыщинъ стоитъ какъ вкопанный, не моргнетъ глазомъ; только, бывало, покраснѣетъ; онъ уже и тогда былъ полнокровенъ»...

Здѣсь снова все застилается на нѣкоторое время мракомъ; единственною путеводною точкой опять-таки служатъ отмѣтки формулярнаго и послужного списковъ. Изъ нихъ видимъ мы, какъ Помпей Николаевичъ постепенно возвышался въ чины, какія получалъ награды и какъ, наконецъ, произведенъ былъ въ полковники.

Мы имѣемъ поводъ думать, что къ повышенію его много въ свое время способствовалъ Аракчеевъ. Не утверждаемъ ничего положительно; но такъ, по крайней мѣрѣ, заставляютъ предполагать разныя соображенія времени и притомъ свойства характера и вкусовъ Аракчеева, который скорѣе всѣхъ могъ оцѣнить способности Пыщина. Въ эту эпоху, которую многіе историки справедливо называютъ декоративною и лакировальною, Пыщинъ скоро успѣлъ обратить на себя лестное вниманіе начальства.

Тамъ, гдѣ требовалось прикрыть, замазать, навести лоскъ, отвлечь глазъ отъ докучнаго зрѣлища дѣйстви-

тельности, и успокоить взоръ и чувство на декораціи, полковникъ Пыщинъ не зналъ себѣ соперниковъ. У него всегда все было гладко, чисто, подстрижено, причесано, натерто, подтянуто; вездѣ блисталъ внѣшній порядокъ, наружная тишина, приличное, благонравное спокойствіе. Все это, весьма натурально, не могло не обратить на себя вниманія Аракчеева. По всей вѣроятности, онъ и далъ Пыщину случай развить свои способности.

Вскорѣ Пыщинъ получилъ такую часть управленія, гдѣ прежде всего требовались чистота, порядокъ и акуратность: гдѣ главную роль должна была играть систематическая окраска заборовъ и безукоризненная, точнѣйшая пригонка въ одну линію тротуарныхъ столбовъ.

Семь лѣтъ и ровно четыре мѣсяца послѣ смерти Аракчеева, мы застаемъ Помпея Николаевича уже въ чинѣ генералъ-майора. Онъ исправляетъ тогда должность не столько военную, сколько гражданскую, и притомъ скорѣе по ученой части, чѣмъ по административной.

Въ этомъ переходѣ нѣтъ ничего удивительнаго; надо взять въ соображеніе время. Не каждый ли день случалось тогда, что человѣкъ, занимавшійся спеціально тридцать лѣтъ какою нибудь частію, положимъ хоть лѣсоводствомъ, но повышенный въ чинъ, не отвѣчавшій настоящей его должности, назначался вдругъ директоромъ, положимъ хоть казеннаго стеариноваго завода?.. Безпрестанно случалось! Каждая эпоха имѣетъ свою собственную логику.

Ученая часть нашла впрочемъ въ Помпеѣ Николаевичѣ строгаго, но любознательнаго начальника. Бывъ уже въ тѣхъ лѣтахъ, когда для обыкновенныхъ людей кругъ образованія и познаній давно оконченъ и хлопоты по службѣ замѣняютъ усилія къ просвѣщенію, Пыщинъ, тѣмъ не менѣе, выказалъ замѣчательное расположеніе сблизиться съ наукой. Въ какіе-нибудь три-четыре мѣсяца, онъ настолько уже успѣлъ познакомиться съ классиками древности, что вездѣ стоялъ за нихъ горою и утверждалъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, что всѣ хорошіе сочинители писали на греческомъ и латинскомъ языкѣ.

Строгъ онъ былъ собственно только противъ неря-

шества и неакуратности. Послѣднія эти свойства составляютъ, какъ извѣстно, главную черту лицъ ученаго сословія и, надо думать, имѣлись прежде всего въ виду при назначеніи Помпея Николаевича на новую должность. Никто, конечно, не могъ успѣшнѣе истребить неряшество и неакуратность и, вмѣсто нихъ, водворить блистательнѣйшій порядокъ и благочиніе; за это ручалась вся предшествовавшая его карьера.

Любя присутствовать на экзаменахъ, не милосердно преслѣдуя учениковъ за длинные волосы и незастегнутыя пуговицы, и въ то же время, преслѣдуя инспекторовъ и директоровъ за нелакированные столы и ненатертые полы, онъ любилъ также посѣщать библіотеки; но и здѣсь точно также непрестанною заботой его было подтягивать служащихъ и не допускать ихъ къ безпорядку. Такъ, напримѣръ, посѣтивъ разъ библіотеку какого-то заведенія и найдя, что книги на полкахъ стояли не подъ ранжиръ, онъ тотчасъ же обратилъ на это вниманіе и немедленно потребовалъ отчета. Когда ему объяснили происхожденіе пустыхъ мѣстъ на полкахъ тѣмъ, что нѣкоторыя книги разобраны воспитанниками, Помпей Николаевичъ пришелъ въ большое негодованіе и тутъ же изрекъ слѣдующія замѣчательныя слова: «Дурныхъ книгъ нѣтъ; всѣ надо читать по порядку! А то: эта не хороша, другая негодится; въ этомъ явно проглядываетъ своеволіе!.. Брать и читать всегда по порядку!..»

Взглядъ и система, которые вводилъ Помпей Николаевичъ въ управленіе по ученой части, само собою разумѣется, не могли встрѣтить тамъ большого сочувствія. Не такова-ли впрочемъ участь всѣхъ преобразователей и реформаторовъ? Кромѣ того, давно уже сказано, что изо всѣхъ путей, какіе можетъ избрать человѣкъ, ученое поприще самое неблагодарное. Пыщинъ какъ бы нарочно призванъ былъ на это поприще, чтобы возвести такое изреченіе на степень непреложной аксіомы. Въ непродолжительномъ времени, каждое дѣйствіе Помпея Николаевича встрѣтило въ обществѣ цѣлый хоръ враждебныхъ истолкователей. Бесѣдуя съ людьми того времени, мы часто имѣли случай слышать о немъ мнѣнія,

насквозь пропитанныя недоброжелательствомъ. Мнѣнія эти распространялись, разумѣется, никѣмъ другимъ, какъ подчиненными Помпея Николаевича; остается только удивляться близорукости и вмѣстѣ съ тѣмъ недобросовѣстности общества, которое, не разбирая, откуда шли слухи, спѣшило разносить ихъ по свѣту. Главнымъ источникомъ зла служила демократическая зависть нѣкоторыхъ философовъ и ученыхъ, окружавшихъ Пыщина.

Чувство это, ненасытное въ своихъ требованіяхъ, возбудилось тѣмъ, вѣроятно, что Помпей Николаевичъ, шествуя неуклонно къ своей цѣли, и ни передъ чѣмъ не останавливаясь въ благихъ своихъ начинаніяхъ, прогналъ вдругъ нѣсколькихъ учителей, замѣнивъ ихъ тотчасъ-же другими, не столько, правда, учеными, сколько извѣстными всему свѣту, какъ лица въ высшей степени акуратныя и благонамѣренныя. Общественное мнѣніе, возбужденное злонамѣренными людьми, не позаботилось опять-таки спросить: кто? какъ? и откуда? Оно наименовало Помпея Николаевича: «баши-бузукомъ». Стоило произнести гдѣ нибудь: «Пыщинъ», въ тотъ-же мигъ эхо подхватывало: «баши-бузукъ».

Самыя невинныя дѣйствія Помпея Николаевича ловились на лету, и упитанныя ядомъ клеветы облетали свѣтъ. Разъ, справедливо чѣмъ-то разгоряченный, назвалъ онъ въ классѣ какого-то учителя дуракомъ и погрозилъ выбросить его тутъ-же изъ форточки; это подняло цѣлую бурю. Въ другой разъ какой-то чиновникъ пришелъ требовать у Помпея Николаевича объясненія, за что исключилъ онъ его изъ службы, и началъ приводить разныя доказательства своей невинности; Помпей Николаевичъ возразилъ ему: «Мнѣ не нужно фактовъ для вашего исключенія; достаточно мнѣ собственныхъ моихъ соображеній!» Фраза эта, сказанная очень спокойно и съ большимъ достоинствомъ, не замедлила сдѣлаться обладаніемъ цѣлаго общества; два мѣсяца, по-крайней-мѣрѣ, носились съ нею какъ съ какимъ-то курьезомъ.

Мы не станемъ здѣсь подвергать критическому обсужденію ни образа дѣйствій, ни характера Помпея Николаевича. Пусть займется этимъ тотъ, на чью долю вы-

падетъ болѣе обширная разработка этихъ матеріаловъ; наше дѣло доставить только возможно большее число достовѣрныхъ фактовъ для будущаго біографа. При всемъ томъ, было-бы крайне несправедливо съ нашей стороны пройдти молчаніемъ вышеприведенныя обвиненія. До сихъ поръ, они всею своею массой напали на Пыщина; онъ одинъ отвѣчалъ за всѣ свои дѣйствія; никто не позаботился взглянуть на дѣло съ другой точки зрѣнія, никто не подумалъ спросить: чѣмъ была возбуждаема строгость Помпея Николаевича, и не были-ли отчасти виноваты въ этомъ сами обвинители?

Такой вопросъ тѣмъ болѣе требуетъ обсужденія, что Помпею Николаевичу приходилось дѣйствовать въ кругу лицъ, которыя, такъ сказать, въ исторіи человѣчества, заявили уже себя въ высшей степени людьми безпокойными. Самонадѣянность, обидчивость и раздражительность всегда отличали ученое сословіе. Помпей Николаевичъ вынужденъ былъ также входить иногда въ соприкосновеніе съ литераторами; тутъ ужъ и говорить нечего; лукавство, юркость, самолюбіе, нетерпимость послѣднихъ, вошли въ поговорку. Будемъ же справедливы! Если съ первыхъ дней поступленія своего на новое поприще, Пыщинъ взглянулъ снисходительно на науку, и наоборотъ, если съ перваго дня нашелъ необходимымъ принять рѣшительныя и крутыя мѣры противъ жрецовъ науки, надо думать, послѣдніе дали къ тому сильнѣйшій поводъ.

У насъ передъ глазами множество фактовъ; всѣ они ясно доказываютъ, что Помпею Николаевичу чуть ли не каждый день приходилось бороться противъ дерзости, неуваженія и ничѣмъ неудержимой строптивости. Такъ, напримѣръ, профессоръ, только что вытѣсненный Помпеемъ Николаевичемъ и замѣщенный другимъ вполнѣ по вкусу начальника, проходя какъ-то мимо гимназіи, встрѣтилъ у подъѣзда коляску начальника; онъ сдѣлалъ видъ, что не узналъ экипажа и спросилъ кучера: «чья коляска?»—«Его превосходительства, генерала Пыщина», сказалъ кучеръ. «Смотри, братъ, вези хорошенько, возразилъ тотъ, тебя за это профессоромъ сдѣлаютъ!» Разъ, одинъ магистръ университета, явившись къ Пыщину,

началъ проситься въ инспекторы гимназіи; пораженный такою самонадѣянностію (молодому человѣку было всего тридцать семь лѣтъ), Помпей Николаевичъ сказалъ ему: «Вы бы ужъ лучше прямо просились въ американскіе короли...—«Я не зналъ, что это отъ васъ зависитъ!» дерзко возразилъ молодой человѣкъ. Одинъ изъ вновь опредѣленныхъ Помпеемъ Николаевичемъ учителей, движимый чувствомъ высокой нравственности, сообщилъ ему тайно, что въ числѣ чиновниковъ находится одинъ, который неумѣренно употребляетъ крѣпкіе напитки. Помпей Николаевичъ, въ юности еще преслѣдовавшій писарей за пьянство, приказалъ на другой же день вызвать къ себѣ такого-то чиновника. Увидавъ его въ пріемной, онъ прямо пошелъ къ нему. «Вы пили водку?» спросилъ онъ, пристально поглядывая ему въ глаза. Дѣло, кажется, было просто; чиновнику оставалось повиниться и дать клятву объ исправленіи; вмѣсто того, онъ показалъ видъ, какъ будто не понялъ начальника, и, лукаво улыбнувшись, отвѣчалъ ему: «Не извольте безпокоиться, ваше превосходительство, покорно благодарю; я уже пилъ и даже закусилъ!..»

Такихъ исторій мы можемъ приводить до завтра; но, кажется, и этихъ достаточно, чтобы понять, противъ какого духа приходилось бороться Пыщину.

Довольно сказать, Помпей Николаевичъ былъ вполнѣ счастливъ, когда неожиданно призвали его къ другой должности. Правда, она была значительнѣе, выше предшествующей и служила ему какъ бы наградой.

Мѣсяца не прошло послѣ вступленія Помпея Николаевича на новую должность, и уже каждый могъ узнать изъ офиціальныхъ мѣстныхъ газетъ о благотворномъ вліяніи такого назначенія. Вліяніе это, какъ видно, отразилось даже на дѣтяхъ. Вотъ, между прочимъ, въ какихъ выраженіяхъ говоритъ объ этомъ авторъ статьи, помѣщенной въ одной изъ такихъ газетъ: «Трудно увидѣть что-нибудь отраднѣе того зрѣлища, которое ежедневно почти совершается въ нашемъ городѣ! Каждый разъ, какъ его высокопревосходительство Помпей Николаевичъ Пыщинъ проѣзжаетъ въ коляскѣ, дѣлая свою

утреннюю или вечернюю прогулку, дѣти толпами выбѣгаютъ на улицу, стараясь наперерывъ смотрѣть въ глаза своему начальнику съ удовольствіемъ, ярко изображающимся въ невинномъ ихъ взглядѣ. Извѣстно однакожъ, что прежде тѣ же самыя дѣти отличались большою дикостію; при встрѣчѣ съ начальникомъ, они поспѣшно убѣгали, гонимыя паническимъ какимъ-то страхомъ, и, напрягая всѣ силы дѣтскихъ мышцъ своихъ, старались укрываться куда нибудь подъ ворота и даже прятались въ бочки. Прекрасная перемѣна въ воззрѣніи невинныхъ малютокъ на своего начальника, конечно, можетъ быть приписана только нравственнымъ внушеніямъ инспекторовъ мѣстныхъ школъ, наставниковъ и родителей. Его высокопревосходительство поручилъ выразить имъ свою искреннюю благодарность. Вотъ собственныя слова его: «Мнѣ особенно было пріятно замѣтить почтительное, благонравное выраженіе дѣтскихъ лицъ!» Вмѣстѣ съ тѣмъ, его высокопревосходительство пожертвовалъ пятьдесятъ рублей на окраску тумбъ и фонарныхъ столбовъ, находящихся передъ школами города, а также на окраску наружныхъ дверей тѣхъ школъ, дабы этимъ показать дѣтямъ заботливое о нихъ попеченіе начальства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, внушить имъ должное чувство опрятности и порядка.»

Начавшись подъ такими счастливыми предзнаменованіями, новая дѣятельность Помпея Николаевича принесла ему, можно сказать однѣ только радости. Любовь и уваженіе, овладѣвшія такъ внезапно дѣтскими сердцами, перешли постепенно въ сердца ихъ родителей и вскорѣ овладѣли сердцами всѣхъ гражданъ, ввѣренныхъ его заботливому попеченію. Мы заключаемъ это изъ того, что на новомъ мѣстѣ Помпей Николаевичъ оставилъ за собою больше дорогихъ воспоминаній, чѣмъ гдѣ бы то ни было; ни откуда не могли мы почерпнуть столько свѣдѣній о немъ; нигдѣ не сообщали ихъ такъ охотно. Едва узнали о нашемъ намѣреніи собирать матеріалы для его біографіи, всѣ наперерывъ начали доставлять свѣдѣнія, прося убѣдительно не оставить ихъ безъ вниманія. Множество писемъ свидѣтельствуютъ, что здѣсь

помнятъ не только Помпея Николаевича, но даже его письмоводителя, нѣкоего Ѳомина; съ своей стороны онъ также часто показывалъ себя истиннымъ отцомъ. Встрѣчалось ли у кого-нибудь запутанное дѣло, стоило зайдти къ Ѳомину, поговорить съ нимъ приватно, наединѣ,— дѣло мгновенно получало благопріятный ходъ и быстро вызывало резолюцію.

Мы имѣемъ документы, изъ которыхъ видно, что даже старый камердинеръ Помпея Николаевича,—и тотъ оставилъ послѣ себя самыя теплыя воспоминанія. Послѣдній точно также неоднократно избавлялъ просителей отъ труда прибѣгать къ Помпею Николаевичу и вести дѣло форменнымъ порядкомъ, что, какъ извѣстно, всегда сопряжено съ большою тратой времени. Добрый этотъ человѣкъ, пользовавшійся большимъ довѣріемъ генерала, находилъ всегда способъ склонить его въ пользу просителя, и дѣло обдѣлывалось какъ бы само собою. Въ доказательство того, какъ цѣнили и любили Ѳедора Андреевича (такъ звали камердинера), приведемъ, что когда Богъ послалъ ему сына, многіе почтенные граждане и чиновники такъ долго спорили, кому быть крестнымъ отцомъ, такъ долго не уступали одинъ другому этой чести, что младенецъ могъ быть окрещенъ только на третьи сутки послѣ появленія своего на свѣтъ.

Что касается самого Помпея Николаевича, трогательно даже видѣть: каждое ничтожнѣйшее изъ его дѣйствій, каждая фраза, каждое слово, произнесенное мимоходомъ, до сихъ поръ живо сохранились въ памяти гражданъ. Стоитъ заговорить о немъ, лицо каждаго мгновенно просвѣтлѣетъ и озаряется веселостію.

Да, счастливъ начальникъ, умѣвшій вселить такія чувства въ сердца своихъ подчиненныхъ.

Отеческая заботливость Помпея Николаевича дѣйствительно превосходитъ все, что мы встрѣчали до сихъ поръ у лицъ, начальствующихъ надъ чѣмъ бы то ни было. Она простиралась не только на людей, ввѣренныхъ его надзору, но даже распространялась на постороннихъ, чужестранцевъ и даже иновѣрцевъ. Такъ, когда персидскій посолъ, проѣзжая въ Петербургъ, остановился въ городѣ,

гдѣ управлялъ Помпей Николаевичъ, и, знакомясь съ послѣднимъ, сказалъ ему чрезъ своего переводчика: сколь пріятно видѣть солнце, озаряющее природу, такъ пріятно видѣть вельможу русскаго, улыбающагося привѣтливо послу персидскому; какъ вѣтерокъ колеблетъ вѣтки деревъ и струитъ поверхность водъ, такъ дружба, соединяющая россіянъ и персовъ, выражается во взаимныхъ привѣтствіяхъ ихъ уполномоченныхъ...» Помпей Николаевичъ, выслушавъ все это до конца, ласково обратился къ чужестранцу и сказалъ переводчику: «спроси, не холодно-ли ему было?..»

Чувства сердечной заботливости и отеческаго попеченія, само собою разумѣется, не дѣйствовали во вредъ энергіи и силѣ воли; тамъ, гдѣ встрѣчалась въ нихъ надобность, энергія и сила воли выказывали себя во всей своей свѣжести.

Узнавъ случайно, что рабочій народъ и вообще служащій классъ людей часто терпитъ крайнюю обиду при разсчетахъ съ хозяевами, особенно купцами и мѣщанами, Помпей Николаевичъ приказалъ повѣстить, чтобы съ этого дня каждый человѣкъ, самаго простого званія, имѣющій какую-нибудь жалобу,—обращался прямо къ нему. Едва разнесся слухъ объ этомъ по городу, не стало утра, чтобы десятками не являлись просители. Помпей Николаевичъ, не смотря на многочисленность дѣлъ, имѣлъ, однакожъ, терпѣніе выслушивать каждаго. Мало того, онъ простиралъ свою заботливость до того, что старался даже здѣсь воспользоваться случаемъ и незамѣтно внушать просителямъ, кто бы они ни были, чувство порядка; онъ начиналъ съ того обыкновенно, что разсортировывалъ просителей и ставилъ ихъ въ два ряда, соблюдая, чтобъ они приходились подъ ранжиръ. Послѣ того, вызвавъ тяжущихся и ставъ между ними, наклонялъ онъ голову на одинъ бокъ и внимательно прислушивался; затѣмъ наклонялъ голову на другой бокъ и также внимательно прислушивался. Размотрѣвъ такимъ образомъ дѣло съ двухъ сторонъ, онъ выпрямлялъ голову и обращался къ письмоводителю:

— Ѳоминъ, удовлетворить! говорилъ обыкновенно Помпей Николаевичъ.

Послѣ этого ничто уже не могло поколебать его рѣшимости.

Удовлетворить! Особенно былъ онъ строгъ, когда жалоба поступалала противъ лица купеческаго сословія. онъ не любилъ купцовъ по убѣжденію и всегда говорилъ:

— Надо держать ихъ въ ежовыхъ рукавицахъ!

— Въ послѣднихъ случаяхъ Помпей Николаевичъ не выслушивалъ даже оправданій, не принималъ никакихъ возраженій. Подозвавъ Ѳомина, онъ говорилъ коротко и ясно:

— Удовлетворить!

Справедливый во всѣхъ случаяхъ своей жизни, онъ не пощадилъ разъ даже перваго купца города и милліонщика Лепехина, на котораго пришла жаловаться кухарка, говоря, что Лепехинъ обсчиталъ ее на цѣлковый, выдавая ей мѣсячное жалованье.

— Ѳоминъ, вызвать завтра Лепехина! сказалъ Пыщинъ.

Когда на другое утро Лепехинъ явился, Помпей Николаевичъ не позволилъ ему даже рта открыть; онъ сдѣлалъ шагъ впередъ и грозно ему замѣтилъ:

— Я вамъ дамъ грабить народъ! Я здѣсь для порядка! Вы всѣ мошенники, плуты! Удовлетворить! Безъ разговора! Ѳоминъ, удовлетворить!..

Увлеченный справедливостію и участіемъ къ беззащитнымъ бѣднякамъ, Помпей Николаевичъ въ одномъ только ошибся; онъ не разсчелъ, что эти бѣдняки, поощренные его заступничествомъ, злонамѣренно имъ воспользуются. Дѣйствительно, по прошествіи нѣсколькихъ дней, не стало отъ нихъ отбою; они полѣзли толпами и, если не доставало мѣста въ пріемной, крикливо осаждали подъѣздъ начальника. Дѣлать было нечего, требовалось принять энергическія мѣры; позванный полицеймейстеръ получилъ приказаніе, чтобы съ этой же минуты каждый, кто явится, забранъ былъ въ часть и крѣпко высѣченъ. Этимъ только можно было остановить безпорядокъ и своеволіе.

Во все время управленія своего въ городѣ, Помпей Николаевичъ разъ, можно сказать, взволнованъ былъ до-

садливымъ чувствомъ; мы приводимъ его здѣсь какъ исключеніе. Въ одинъ лѣтній день, на многихъ улицахъ, на канцелярскихъ столахъ и въ лавкахъ перехвачено было множество подкидныхъ листковъ, на которыхъ начертаны были стишки, очевидно направленные противъ Помпея Николаевича, или, вѣрнѣе, противъ его способа рѣшать дѣла.

Вотъ эти стишки:

«Наше судопроизводство.
«Встань направо!
И онъ подлецъ,—и ты не права!
Ѳоминъ! обоихъ посадить!
Ихъ допросить! Мнѣ доложить! Имъ объявить!»..

Досада Помпея Николаевича не столько возбуждалась, конечно, этими ничтожными стишонками, сколько тѣмъ, что никакъ не могли отыскать негодяя автора, не смотря на то даже, что весь городъ поставленъ былъ на ноги и полиція трое сутокъ какъ угорѣлая металась, высунувъ языкъ. За исключеніемъ этого случая, дни Помпея Николаевича текли не невозмутимо-стройно. Такъ жилъ онъ пять лѣтъ, распространяя вокругъ себя миръ и порядокъ, водворяя чистоту и спокойствіе, когда вдругъ вызванъ былъ въ Петербургъ, гдѣ получилъ извѣстіе, что мѣсто его отдано другому.

Сколько ни старались мы проникнуть тайну неожиданнаго переворота въ служебной карьерѣ Помпея Николаевича, старанія наши оказались тщетными. Самъ Помпей Николаевичъ не могъ дать себѣ въ этомъ опредѣлительнаго отчета. Достовѣрно только то, что удаленіе это вовсе нельзя было считать немилостію.

Новое мѣсто было тѣмъ хорошо, говорили эксперты въ дѣлѣ пріобрѣтенія коронныхъ мѣстъ, пенсій, арендъ и казеннаго содержанія, тѣмъ хорошо новое мѣсто, что, оставляя Помпея Николаевича въ совершенномъ покоѣ, не требуя отъ него никакой дѣятельности, оно давало отличное жалованье, которое, вмѣстѣ съ его пенсіей, составляло круглую, увѣсистую цифру. Говорили, что Пыщинъ въ этой должности будетъ какъ нельзя больше на своемъ мѣстѣ: — головоломной работы рѣшительно ника-

кой, только въ сроки получать жалованье, обязанность, которую выполнитъ онъ со всею акуратностію, такъ всегда его отличавшею.

Не такъ однакожъ смотрѣлъ, повидимому, на этотъ предметъ Помпей Николаевичъ. Новое мѣсто, не смотря на весь почетъ свой, равнялось въ глазахъ его не болѣе, не менѣе, какъ чистой отставкѣ. Онъ увидѣлъ, что, переводя его сюда, ему ясно сказали, что въ немъ больше не нуждаются. Человѣкъ, который чуть ли не съ шестнадцати лѣтъ привыкъ къ страшной дѣятельности, привыкъ управлять и повелѣвать, не могъ, конечно, ужиться съ пассивною ролью человѣка, для котораго вся дѣятельность ограничивалась полученіемъ жалованья, обѣдомъ въ клубѣ и прогулкою по Невскому проспекту. Для могучей натуры Пыщина дѣятельность была такою существенною потребностію, какъ масло для лампы, если хотятъ, чтобы она горѣла; отнимите это масло,—лампа потухнетъ. Такъ было и съ Помпеемъ Николаевичемъ. Въ первые шесть мѣсяцевъ онъ постарѣлъ цѣлыми десятью годами.

Къ этому, надо сказать, много также способствовалъ Петербургъ. Здѣсь каждый день доставлялъ ему двадцать случаевъ убѣдиться, что удаленіе его отъ прежней должности равнялось паденію и что часъ его пробилъ. Иначе нельзя было истолковать себѣ обстоятельства, что въ клубѣ, на гуляньи, въ обществѣ, — словомъ, вездѣ, Помпей Николаевичъ встрѣчался съ молодыми людьми, часто прежними своими подчиненными, которые занимали виднѣйшія мѣста и дѣйствовали на службѣ, между тѣмъ, какъ онъ, — онъ, Пыщинъ, былъ отстраненъ отъ всякаго дѣла. Встрѣчая, кромѣ того, на каждомъ шагу противорѣчіе самымъ кореннымъ своимъ убѣжденіямъ, онъ въ первое время рѣшился-было подать въ отставку и удалиться въ Москву. Разсудивъ, однакожъ, основательно, что мѣрою этою никому ничего не докажетъ: лишится только значительнаго оклада; разсудивъ, съ другой стороны, что какъ ни пассивна занимаемая имъ должность, она все-таки должность, служба, а безъ службы ему предстоитъ положительно нравственная смерть, онъ отложилъ такое намѣреніе.

Единственною отрадой почтеннаго старика было пріѣзжать иногда лѣтомъ въ деревню, не въ ту деревню, которая была по дорогѣ къ Сергѣю Львовичу, но въ другую, которую Помпей Николаевичъ купилъ подъ Петербургомъ, какъ только рѣшился не подавать въ отставку. Мирный пріютъ этотъ тѣшилъ старца.

Тамъ, отдыхая душевно, находилъ онъ удовольствіе вспоминать свою счастливую, но трудовую юность; движимый этими воспоминаніями, движимый также, можетъ быть, чувствомъ признательности къ покойному благодѣтелю Аракчееву и желая почтить его память, Помпей Николаевичъ старался устроить въ имѣніи тотъ же порядокъ, который, въ его время, былъ въ Грузинѣ. Онъ разбивалъ вездѣ маленькія правильныя клумбы, сажалъ въ линію и въ равномъ разстояніи другъ отъ друга деревья, пробивалъ вездѣ по шнуру линіи, которыя украшалъ тумбочками,—словомъ, проводилъ время въ мирныхъ занятіяхъ, отвѣчавшихъ его врожденнымъ вкусамъ и наклонностямъ.

Съ крестьянами держалъ онъ себя совершеннымъ отцомъ. Онъ входилъ во всѣ мелочи ихъ семейнаго и хозяйственнаго быта, лично чинилъ судъ и расправу, заботился объ ихъ дѣтяхъ, заботился даже о ставняхъ ихъ жилищъ, требуя, чтобы всѣ ставни выкрашены были одинаковою краской. Короче сказать, онъ былъ не столько помѣщикомъ, сколько патріархомъ въ своей деревнѣ.

Вставъ всегда очень рано, обливалъ голову студеною водою и потомъ, обтеревъ всего себя губкой, отчего на полу оставался всегда большой лучеобразный мокрый кругъ съ сухимъ центромъ, Помпей Николаевичъ вооружался складнымъ пальмовымъ аршиномъ и предпринималъ крѣпительную утреннюю прогулку.

Выступая ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ, онъ неизмѣнно направлялся сначала къ небольшому полю ржи, которое приказывалъ засѣвать, повидимому, съ тою лишь цѣлью, чтобы каждое утро доставлять себѣ удовольствіе, вымѣрять аршиномъ, на сколько увеличился ростъ хлѣба. Послѣ того осматривалъ онъ клумбы, дорожки, столбы; если замѣчалъ что гдѣ-нибудь краска отлупилась, или

валялась какая-нибудь нечистота,—онъ тотчасъ же отмѣчалъ это въ особую книжку и, возвратясь домой, отдавалъ приказаніе немедленно исправить безпорядокъ.

Прогулку свою кончалъ онъ обыкновенно тѣмъ, что проходилъ по улицѣ и каждый разъ, остановившись, — сегодня передъ одною избою, завтра передъ другой,—требовалъ къ себѣ хозяйку.

— Здравствуй, матушка, говорилъ онъ, привѣтливо кивая.

— Здравствуйте, ваше превосходительство.

— Ты хозяйка?

— Я, ваше превосходительство.

— А корова у тебя есть?

— Есть, ваше превосходительство.

— А телята есть?

— Есть, ваше превосходительство.

— И куры есть?

— Есть, ваше превосходительство.

— Сколько куръ?

— Три, ваше превосходительство.

— Мало куръ! А цыплята есть?

— Нѣтъ, ваше превосходительство.

— Отчего нѣтъ?

— Собаки поѣли, ваше превосходительство.

— Не должно быть! Недосмотръ значитъ! говорилъ Помпей Николаевичъ, отечески нахмуривая брови: — а дѣти есть у тебя?

— Есть, ваше превосходительство.

— Гдѣ они?

— Въ работѣ, ваше превосходительство.

— Сколько получаютъ жалованья?

— Двадцать рублевъ, ваше превосходительство.

— Береги деньги! внушительно говорилъ Помпей Николаевичъ, послѣ чего шелъ далѣе, съ тѣмъ, чтобы на другое утро распространить свою заботливость, точно также, по порядку, на сосѣднюю избу.

Устроивъ здѣсь образцовое хозяйство, онъ задумалъ, ради скуки и развлеченія, сдѣлать то-же самое въ наслѣдственной деревнѣ. Съ этою цѣлью взялъ онъ двад-

цати-осьми-дневный отпускъ, сѣлъ въ вагонъ желѣзной дороги и посѣтилъ мѣста, которыя, по справедливости, всегда будутъ гордиться, что служили ему родиной и первою колыбелью.

Такъ вотъ какую жизнь велъ въ послѣднее время человѣкъ, который, болѣе сорока лѣтъ, удивлялъ своими способностями не только подчиненныхъ, но даже постороннихъ,—который и теперь,—былъ-бы только просторъ для его дѣятельности,—могъ-бы оставить еще болѣе рѣзкій слѣдъ своего существованія и прибавить нѣсколько лишнихъ вѣнковъ къ числу тѣхъ, которые, и безъ того, такъ уже пышно обвивали его голову.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ.

СЕРГѢЙ ЛЬВОВИЧЪ СНОВА ВЪ КРИТИЧЕСКИХЪ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХЪ И СНОВА ТЕРЯЕТЪ ГОЛОВУ. ПЕТРЪ СЕРГѢЕВИЧЪ ПРАКТИКУЕТСЯ ВЪ ХОЗЯЙСТВѢ.

Утромъ, на другой день послѣ того, какъ прибылъ въ Дудиловку знаменитый родственникъ, Петръ Сергѣевичъ проснулся позже обыкновеннаго. Это произошло вотъ отчего: наканунѣ, какъ только увели дядю Пыщина въ приготовленные для него покои, Петръ Сергѣевичъ приступилъ къ устройству помѣщенія для себя собственно: онъ занялъ прежнюю свою комнату во второмъ этажѣ, на концѣ коридора, и провозился далеко за полночь, раскладывая книги и разбирая бумаги.

Онъ, вѣроятно, проспалъ-бы еще долѣе; но его разбудилъ ускоренный шумъ на лѣстницѣ: секунду спустя, дверь его комнаты скрипнула и пропустила голову Сергѣя Львовича.

Съ перваго взгляда пришла ему мысль, что съ отцомъ вѣрно произошла какая-нибудь непріятность. Онъ не ошибся; первымъ словомъ Сергѣя Львовича было:

— Ты видишь меня въ совершенномъ отчаяніи!..

— Что случилось?

— Я просто не знаю, что дѣлать! произнесъ Сергѣй Львовичъ голосомъ глубочайшей скорби и унынія.

— Что-жъ такое?

— Вотъ! братецъ,—вотъ!.. проговорилъ Сергѣй Львовичъ, неожиданно прикладывая ладонь къ губамъ и вдругъ отводя ее на цѣлую четверть.

— Я все-таки ничего не понимаю...

— Его укусила муха!

— Кого?

— Помпея Николаевича! Узнаю, что онъ проснулся, прихожу къ нему здороваться,—вглянулъ:—вотъ губа!—вотъ!.. подхватилъ Сергѣй Львовичъ, снова отводя ладонь на четверть отъ губы.

Лицо Сергѣя Львовича было проникнуто выраженіемъ такого искренняго, душевнаго разстройства, что скорѣе возбуждало состраданіе и жалость; но какъ быть! Петромъ Сергѣевичемъ овладѣло въ эту минуту то невольное чувство, которое заставляетъ смѣяться, при видѣ, когда съ человѣка сорветъ шляпу и унесетъ ее въ воду, или когда кто-нибудь неожиданно шлепнется въ лужу.

Сергѣй Львовичъ не шутя обидѣлся.

— Не понимаю, чему тутъ смѣяться! сказалъ онъ, краснѣя: — ты видишь, какъ меня это безпокоитъ, и смѣешься!..

— Прости меня, Бога ради! Это совершенно противъ воли... поспѣшно заговорилъ сынъ, дѣлая надъ собою усиліе: — но ты сказалъ мнѣ объ этомъ такъ неожиданно, я не успѣлъ очнуться; главное, ты произнесъ это такимъ страннымъ голосомъ...

— Да, тебѣ легко говорить! горячо перебилъ Сергѣй Львовичъ:—ты стань на мое мѣсто; Помпей Николаевичъ пріѣхалъ всего на какихъ-нибудь два дня — и вдругъ такое несчастіе!..

— Это вездѣ могло случиться...

— Да, но отчего же случилось именно у меня? крикнулъ Сергѣй Львовичъ, судорожно сжимая кулаки.

— Во всякомъ случаѣ, ты напрасно себя такъ тревожишь; ты нисколько не виноватъ.

— Нѣтъ, виноватъ! виноватъ!.. Надо было предви-

дѣть такой случай, надо даже все предвидѣть! Я долженъ былъ устроить ему пологъ, или повѣсить темныя занавѣси... Я даже думалъ объ этомъ; но, чортъ возьми,— всего не успѣешь!...

— Все равно, сердись не сердись,—теперь не исправишь, перебилъ Петръ Сергѣевичъ: — надо подумать, нельзя-ли пособить горю...

— Да что-жъ тутъ сдѣлаешь?! Я тебѣ говорю:— вотъ! вотъ!—подхватилъ Сергѣй Львовичъ, повторяя снова свой выразительный жестъ ладонью:—я такъ обрадовался его пріѣзду, такъ давно ждалъ его: надо же, чтобъ это случилось! Завтра, какъ нарочно, съѣдутся гости; главное, разумѣется, съ тѣмъ и пріѣдутъ, чтобъ взглянуть на него... это очень понятно; что-жъ я скажу имъ? Помпей Николаевичъ очевидно не можетъ показаться въ такомъ видѣ; онъ наконецъ самъ сказалъ, что не выйдетъ изъ своей комнаты... Проклятая муха! чортъ ее дралъ туда затесаться! укуси она няньку Ульяну или Петра Кондратьевича... нѣтъ:—туда именно занесла ее нелегкая!..

— Повторяю тебѣ: ты напрасно себя такъ тревожишь; быть можетъ завтра все пройдетъ; я слышалъ, въ этихъ случаяхъ удивительно помогаетъ примочка изъ холодной воды съ солью...

— Какъ это дѣлается?

— Очень просто: развести соль въ водѣ, напитать тряпку и прикладывать къ больному мѣсту...

Сергѣй Львовичъ крѣпко притиснулъ раскраснѣвшійся лобъ ладонью и выбѣжалъ изъ комнаты. Все это произошло такъ скоро, что Петръ Сергѣевичъ едва успѣлъ очнуться, какъ уже каблуки отца застучали по ступенькамъ лѣстницы.

Минутъ черезъ десять Петръ Сергѣевичъ былъ одѣтъ. Въ нижнемъ коридорѣ встрѣтилъ его отецъ.

— Я послѣдовалъ твоему совѣту, сказалъ онъ:—приложили! онъ теперь пьетъ чай...

— Ну и прекрасно; увидишь,—пройдетъ! возразилъ сынъ.

Оба вошли въ залу.

Семейство было въ полномъ сборѣ и окружало чайный столъ. Происшествіе съ дядей Пыщинымъ, но еще болѣе, вѣроятно, состояніе духа Сергѣя Львовича, замѣтно дѣйствовали во вредъ веселости. Всѣ молчали, переглядывались и казались не въ своей тарелкѣ; дѣти улыбались тогда только, когда отецъ, расхаживавшій какъ маятникъ взадъ и впередъ съ закинутыми за спину руками, отходилъ въ дальній конецъ залы. Зинаида Львовна казалась болѣе другихъ разстроенною. Взглянувъ на ея голову, на которой каждый волосокъ былъ тщательно подобранъ, гофрированъ и напомаженъ, можно было думать, что она въ это утро готовилась къ чему-то особенному; но вдругъ пришли и обманули ея надежды; ситцевый пеньюаръ наброшенный на ея плечи и такъ рѣзко противорѣчившій тщательному убору головы, краснорѣчиво подтверждалъ такое предположеніе. Легко также могло статься, что такъ дѣйствовало на нее скорбное происшествіе съ дядей Пыщинымъ; оно, весьма натурально, должно было вызывать въ ея душѣ тяжелыя воспоминанія о другомъ гостѣ, который точно также пріѣхалъ въ Дудиловку и точно также занемогъ.

Софья Алексѣевна, повидимому, инстинктивно проникала въ тайныя чувства своей подруги и внутренно ей сочувствовала.

Одна Ольга Ивановна, какъ говорится, въ усъ себѣ не дула. Она была даже веселѣе обыкновеннаго: это сдѣлалось замѣтнымъ послѣ того особенно, какъ поздоровался съ ней Петръ Сергѣевичъ. Въ черныхъ глазахъ ея, въ выраженіи лица и даже во всей ея фигурѣ, было что-то заигрывающее; туалетъ ея отличался на этотъ разъ безукоризненною свѣжестію. Горничная Аннушка рѣшительно не понимала, чему слѣдовало приписать перемѣну въ обращеніи гувернантки; капризная и «пронзительная» по обыкновенію, Ольга Ивановна сдѣлалась вдругъ ласкова; учтиво начала упрашивать горничную выгладить платье, юбки и даже,—чего никогда не было—подарила ей рублевую бумажку!

Петръ Сергѣевичъ не могъ, конечно, знать такихъ подробностей; онъ не былъ однакожъ ни слѣпъ, ни близо-

рукъ; въ качествѣ зрячаго, ему никакъ нельзя было не примѣтить, что улыбки Ольги Ивановны, ея взгляды и,— кто знаетъ?—быть-можетъ самый туалетъ, — предназначались собственно для него одного.

Не довольствуясь общимъ разговоромъ, Ольга Ивановна поминутно обращалась къ Петру Сергѣевичу съ вопросами, имѣвшими явную цѣль вызвать его на отвлеченную бесѣду самаго запутаннаго свойства. Послѣ чаю она нѣсколько разъ подходила къ нему, разспрашивала, не привезъ ли онъ съ собою новыхъ книгъ, новыхъ журналовъ, и какіе именно. Даже послѣ, когда Петръ Сергѣевичъ пошелъ гулять въ садъ, Ольга Ивановна, увлекаемая любознательностію къ наукѣ и литературѣ, поспѣшила надѣть шляпку и пустилась за нимъ въ догонку.

Надо думать, молодой Люлюковъ не чувствовалъ въ это утро особенной потребности къ ученымъ разговорамъ; едва мелькнула вдалекѣ шляпка Ольги Ивановны, — онъ быстро юркнулъ въ густую аллею изъ акацій и, ускоряя шагъ, поспѣшилъ выбраться изъ сада.

Дорогой пришла ему мысль сдѣлать большую прогулку въ поляхъ, которыхъ онъ такъ давно не видалъ; они были теперь въ полномъ блескѣ; рожь совсѣмъ уже дозрѣла; много если черезъ недѣлю должно было начаться жнитво. Прежде, однакожъ, чѣмъ пуститься въ дальній путь, Петръ Сергѣевичъ нашелъ нелишнимъ зайдти домой, запастись сигарами и спичками. Чтобы не терять времени, онъ вышелъ изъ саду боковою калиткой и направился мимо задняго фаса флигеля, гдѣ помѣщалась прислуга.

— Здравствуйте, батюшка, Петръ Сергѣевичъ, сказала баба...

Люлюковъ тотчасъ же узналъ въ ней жену кучера Власа; она исполняла въ домѣ должность прачки и занималась теперь развѣшиваніемъ бѣлья на веревкахъ, подпертыхъ кольями.

Петръ Сергѣевичъ поздоровался съ ней и подошелъ къ старухѣ въ ту минуту, какъ она вынимала изъ кор-

зины пару женскихъ чулокъ съ протертыми пятками и продранными кончиками.

— Постой, Дарья, постой, промолвилъ Люлюковъ, останавливая руку, которая готовилась повѣсить чулки на веревку: — послушай, неужто чулки эти наши?

— Барскіе, батюшка...

— Быть не можетъ! Помилуй, они всѣ прорваны, всѣ въ лохмотьяхъ!.. кто-жъ станетъ носить ихъ?

— У мамзели, батюшка, всѣ такіе-то...

— Такъ, стало быть, это Ольги Ивановны чулки?..

— Ея, батюшка! У нея три пары, и всѣ такія-то; а юпки, батюшка, и того хуже, пояснила старуха: — какъ есть однѣ дырья!..

Воображеніе мигомъ нарисовало Люлюкову Ольгу Ивановну, разодѣтую съ такимъ изяществомъ въ розовое кисейное платье, съ обшивочками à la vieille, съ широкою лентой вокругъ пояса, съ воздушною «модести» на груди, съ ножками, обутыми въ узенькія прюнелевыя ботинки, которыми,—такъ ему показалось, — она особенно хотѣла пощеголять сегодня.

— А ну, какъ у ней и тамъ чулки-то такіе же протертые, какъ эти?.. невольно подумалъ Люлюковъ, приближаясь къ дому. Петръ Сергѣевичъ самъ потомъ сознавался, что въ эти минуты Ольга Ивановна сдѣлалась для него не только смѣшна, но даже жалка и какъ-то противна.

— Въ этомъ случаѣ никакъ нельзя оправдывать ее бѣдностью, говорилъ онъ тогда Зинаидѣ Львовнѣ, которая, съ свойственнымъ ей сердолюбіемъ, принялась защищать гувернантку: — достало же у нея денегъ накупить нѣсколько платьевъ, платочковъ, лентъ, колечекъ: достаетъ у нея наконецъ времени набивать голову всякою дребеденью подъ предлогомъ развитія; не лучше ли было-бы сначала выучиться штопать чулки и потомъ уже пускаться въ отвлеченные предметы и заботиться объ исправленіи человѣчества!..

Изъ дому Петръ Сергѣевичъ принялъ прежнее направленіе; но пошелъ уже не черезъ садъ, а полевою

дорогой, которая огибала съ этой стороны садъ и вела въ деревню.

Передъ нимъ разстилались на солнцѣ неоглядныя золотистыя поля ржи, мѣстами перемежеванныя обширными пустырями, отдыхавшими подъ паромъ. Тамъ въ одномъ мѣстѣ пестрѣло стадо, лежавшее на отдыхѣ; дальше, горизонтъ подергивался словно какою-то дымкой и слегка переливался волною въ знойномъ раскаленномъ воздухѣ; слѣва, панорама заслонялась зеленою стѣною яблонь, покрытыхъ плодами.

Поглядывая время отъ времени въ эту сторону, чтобъ отвести глаза отъ солнца; Петръ Сергѣевичъ невольно спросилъ себя, какая могла быть причина,—помимо крѣпостного права, разумѣется,—что прежніе помѣщики занимались своимъ хозяйствомъ, любили свои деревни, вездѣ воздвигали такія прочныя постройки, разводили огромные сады, рыли канавы, насаживали деревья,—между тѣмъ, какъ теперь постройки только продаются, а если и дѣлаются, то какія-то жиденькія, словно на одинъ годъ, деревья рубятся, плетни валятся, канавы заростаютъ?

Мысль эта возбуждена была въ немъ двумя обстоятельствами: онъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что не было уже высокихъ старыхъ березъ, которыми когда-то обсаженъ былъ весь садовый валъ; съ другой стороны, его поразила ветхость загородки: плетень валился вправо и влѣво; рѣдко гдѣ подпиралъ его колъ; мѣстами плетень даже лежалъ на землѣ, опутанный бурьяномъ и крапивой.

На этомъ мѣстѣ своихъ хозяйственныхъ размышленій, онъ былъ внезапно прерванъ такимъ страшнымъ хрюканьемъ, что даже вздрогнулъ. Обративъ глаза въ ту сторону, онъ увидѣлъ трехъ свиней, которыя, расхаживая съ большимъ комфортомъ въ тѣни яблонь, обшаривали ихъ корни.

— Славный у отца порядокъ, нечего сказать! произнесъ онъ, потряхивая головою: — что-жъ удивительнаго, что прежде садъ давалъ, говорили, дѣду двѣ тысячи;— теперь самъ отецъ разсказываетъ, что радъ-радехонекъ, когда получитъ съ него сто рублей!...

Петръ Сергѣевичъ перешелъ черезъ плетень, вооружился длинною хворостиной и погналъ свиней изъ саду, соблюдая, чтобъ онѣ не разбѣгались, а держались въ кучкѣ.

Выбѣжавъ на дорогу, свиньи, подгоняемыя Петромъ Сергѣевичемъ, направились по прямой линіи къ стаду.

Люлюковъ увидѣлъ пастуха, который лежалъ на спинѣ, раскинувъ руки и задравъ кверху лицо, облѣпленное мухами. Онъ спалъ мертвецки и храпѣлъ во всю ивановскую.

Собака разбудила его прежде, чѣмъ подошелъ къ нему Люлюковъ.

— Вотъ, братецъ, сказалъ Петръ Сергѣевичъ ровнымъ, веселымъ голосомъ, между тѣмъ какъ пастухъ, вскочившій на ноги, пялилъ глаза и кланялся:—я сейчасъ выгналъ трехъ свиней изъ барскаго сада: скажи, пожалуйста, ты какъ нанимался: стережешь ты одно только крестьянское стадо, или вмѣстѣ съ нимъ также и нашихъ коровъ?

— Десять коровъ барскихъ тутъ ходятъ... отозвался пастухъ.

— Ты получаешь за нихъ особое жалованье?

— Получаю...

— Сколько?

— По рублю въ лѣто съ коровы.

— Ну, такъ слушай же, любезный; только слушай хорошенько, чтобы сразу понять въ чемъ дѣло: если когда-нибудь увижу я свиней въ саду, или вообще тамъ, гдѣ имъ быть не слѣдуетъ, я всякій разъ буду вычитать изъ твоего жалованья! это какъ Богъ святъ! Ты ночью что дѣлаешь, примолвилъ онъ:—спишь?

— Сплю, проговорилъ озадаченный пастухъ.

— Стало-быть днемъ ты долженъ караулить стадо и дѣлать свое дѣло, а не спать! За то тебѣ и жалованье платятъ; ты думалъ, такъ, здорово живешь станутъ давать деньги! Если тебѣ трудно угоняться за ними, принайми мальчика, помощника. Такъ помни же, что я сказалъ: чѣмъ намъ ссориться, мнѣ вычитать у тебя жалованье, тебѣ на меня пенять,—дѣлай-ка лучше свое дѣло

какъ слѣдуетъ; если не ладно, такъ какъ я сказалъ тебѣ, такъ и сдѣлаю; хочешь свое добро поберечь, — береги чужое!...

Заключивъ такимъ образомъ, Петръ Сергѣевичъ повернулся спиною къ пастуху и снова направился къ саду, но взялъ на этотъ разъ значительно правѣе, чтобы попасть на тотъ конецъ его, изъ-за котораго выглядывала деревня. До послѣдней было добрыхъ полверсты; чтобы попасть туда, необходимо было перейдти узкій, но длинный лугъ, который съ этой стороны отдѣлялъ садъ отъ полей; знакомая намъ тинистая рѣчонка проходила въ нижней части сада, послѣ того уже, какъ дугою окаймляла лугъ, который, весною, при разливѣ, покрывался водою. Трава тутъ была всегда превосходная; Сергѣй Львовичъ хвасталъ даже, что тутъ больше цвѣтовъ и клеверу, чѣмъ травы.

Петра Сергѣевича удивило, что лугъ этотъ до сихъ поръ не былъ еще скошенъ.

Но такъ уже видно суждено было, что въ это утро долженъ онъ былъ наскакивать на безпорядки отцовскаго управленія. Обративъ глаза къ деревнѣ, онъ увидѣлъ съ той стороны на лугу чуть ли не цѣлый табунъ крестьянскихъ лошадей.

— Безподобное здѣсь житье, какъ я вижу, только не для отца, конечно! проговорилъ онъ:—но нѣтъ, однакожъ; довольно, что я былъ сегодня свинопасомъ; за всѣмъ не угоняешься; добро, конечно, наше, — но и ноги у меня не чужія!..

Онъ остановился, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ саду, но вдругъ перемѣнилъ намѣреніе и направился прямо въ деревню. Въ ту минуту, какъ онъ входилъ въ околицу, съ противоположнаго конца, — подальше деревни, — послышались пѣсни, сопровождаемыя мѣрнымъ звяканьемъ въ косу, извѣстный акомпаниментъ сельскаго хорового пѣнья.

— Что это, бабушка, за пѣсни такія? спросилъ Люлюковъ у первой встрѣчной старухи.

— Мужики, батюшка, да бабы съ покоса идутъ... Знать время обѣдать.

Петръ Сергѣевичъ пошелъ впередъ. Онъ задерживалъ шаги очевидно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы встрѣтиться съ толпой, когда она вступитъ въ деревню.

Пѣсни и говоръ замѣтно приближались; вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ-за лощины все выше и выше приподнимались грабли и косы, сверкавшія на солнцѣ; запестрѣли наконецъ платки на головахъ бабъ и дѣвокъ. Немного погодя, можно было уже различать лица и цвѣтъ бородъ. Надо думать, народъ тоже замѣтилъ идущаго къ нимъ на встрѣчу молодого барина. Толпа заволновалась и расширилась; пѣсня смолкла. Петръ Сергѣевичъ пошелъ ходчѣе. Минуты двѣ спустя, онъ буквально былъ окруженъ чуть ли не всѣмъ населеніемъ Дудиловки; всѣ лѣзли другъ на дружку, стараясь ближе къ нему протискаться, ближе заглянуть ему въ глаза; большая часть лицъ выражали любопытство. Петръ Сергѣевичъ замѣтилъ нѣсколько бабёнокъ и парней, которые, глядя на него, скалили зубы, толкали другъ друга локтемъ и шептались.

— Здравствуйте, братцы, здравствуйте, бабы! произнесъ Петръ Сергѣевичъ, приподнимая фуражку.

Со всѣхъ сторонъ посыпались привѣтствія.

Больше впрочемъ было шума, возни и давки: всѣ лѣзли впередъ, тискались и толкали другъ друга.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ, въ томъ числѣ лысый мужикъ съ соколиными глазами, бывшій староста, выступили впередъ.

— Пожалуйте, батюшка, ручку... сказалъ онъ, осклабляясь и кланяясь.

— Пожалуйте ручку... тутъ же подхватили другіе два мужика и какая-то старая баба.

— Совсѣмъ, братцы, не надо этого, сказалъ Петръ Сергѣевичъ, запрятывая руки въ карманы: — руки цѣлуютъ только на образахъ! Я вотъ что хотѣлъ сказать вамъ: сейчасъ, проходя черезъ нашъ лугъ, я встрѣтилъ тамъ вашихъ лошадей; я хочу знать, чьи это лошади?..

— Ѳедосѣевы!

— Анъ врешь!

— Анъ твои!

— Степановы!

— Врешь!

— Твои! посыпалось вокругъ перекрестнымъ огнемъ.

— Все равно, братцы, чьи-бы онѣ ни были, сейчасъ надо послать кого-нибудь выгнать ихъ оттуда!

Въ толпѣ пробѣжалъ шопотъ; но въ ту же секунду онъ возвысился и вдругъ со всѣхъ концовъ раздалось:

— Ступай, твои!

— Врешь,—твои!

— Самъ ступай!

Никто однакожъ не трогался съ мѣста.

— Что-же вы, братцы, долго ли будете спорить? Я говорю вамъ, чтобы сейчасъ же выгнать лошадей съ моего луга! вымолвилъ Петръ Сергѣевичъ, возвышая голосъ:— Куда же всѣ вы теперь бросились? присовокупилъ онъ въ ту же секунду, видя, что человѣкъ двадцать разомъ бросились къ околицѣ: — стойте! довольно для этого одного, двухъ ребятъ; ступайте сюда; мнѣ надо переговорить съ вами...

Тутъ онъ остановился и оглянулъ толпу, которая обступила еще плотнѣе и съ большимъ любопытствомъ впилась въ него глазами.

— Вотъ что̀, братцы, началъ онъ твердымъ, спокойнымъ голосомъ:—вы, пожалуйста, зарубите слова мои въ памяти, чтобы потомъ, какъ случай такой выйдетъ, никто не могъ сказать: не знаю да не слыхалъ! Если вы впередъ станете травить мои луга, мало того: если я увижу хоть одну лошадь или корову у себя на лугу или въ хлѣбѣ, прошу не гнѣваться,—я тотчасъ же велю загнать скотину къ себѣ на дворъ; тогда сами на себя пеняйте: не выпущу ее безъ штрафа!..

— Помилуйте, батюшка Петръ Сергѣевичъ, заговорили разомъ нѣсколько человѣкъ: — усмотрѣть никакъ нельзя... Это что̀-жъ такое?.. Мы вами никогда не обижались... Это что-жъ?.. Такихъ законовъ никогда прежде не было...

— Ну, а теперь, братцы,—такъ будетъ!

— Воля милости вашей, только этакъ будетъ оченно ужъ обидно; это что̀-жъ будетъ такое? заговорили опять

вокругъ:—дѣло наше сосѣдское.. Другой разъ ваша скотина къ намъ зайдетъ; мы никогда этимъ не обижаемся...

— Въ чужомъ добрѣ никто не укащикъ; какъ знаете, такъ и дѣлайте, перебилъ Петръ Сергѣевичъ: — любо вамъ пускать къ себѣ скотину, — пускайте; только, мой совѣтъ, коли хотите послушать, мой совѣтъ вотъ какой: хватайте и мою скотину, коли къ вамъ зайдетъ; какой штрафъ я съ васъ возьму, такой и съ меня берите...

— Какъ это можно! Смѣемъ ли мы такъ супротивъ васъ дѣлать! сказалъ бывшій староста.

— Ну, это, братецъ, вздоръ! тутъ же отрѣзалъ Петръ Сергѣевичъ: — не смѣешь то, что̀ по закону слѣдуетъ, а смѣешь то, что противъ закона: смѣешь рубить чужой лѣсъ, смѣешь травить чужіе луга! Знаемъ мы все это! Батюшка былъ добръ съ вами, вотъ вы и вздумали, что вамъ все позволено, все можно... все ваше; бери, тащи чужое, какъ свое собственное!..

— Эхъ, батюшка Петръ Сергѣевичъ! воскликнулъ бывшій староста:—кто-жъ и миловать-то насъ станетъ, какъ не ваша милость? Вы надъ нами Богомъ утверждены: вы наши отцы, мы ваши дѣти!..

— Ну, это опять, братецъ, вздоръ! Вы не дѣти наши, мы не отцы вамъ; никогда такими и не были! Это все бабы выдумали.

Въ толпѣ кое-гдѣ засмѣялись.

— Какъ же такъ, батюшка... Нѣтъ, такъ ужъ Богомъ уставлено: вы наши отцы, мы ваши дѣтки! лукаво упорствовалъ староста: — вотъ все единственно, вы къ намъ теперь пожаловали, въ вотчину вашу,—такъ-то мы вамъ всѣ батюшка, возрадовались! Потому... оченно вами довольны... право слово; продли Богъ вѣка ваши... потому, оченно мы васъ любимъ...

— Это ужъ какъ есть...

— Батюшка, пожалуйте ручку! проговорила опять таже старуха.

— Оченно вами довольны, батюшка,—всѣ довольны; оченно мы васъ любимъ... умасливали также другіе изъ близъ стоявшихъ.

Нѣкоторые, настоятельнѣе прежняго, начали просить поцѣловать ручку.

Но Петръ Сергѣевичъ снова засунулъ руки въ карманы и ограничился тѣмъ только, что объявилъ, что самъ радъ ихъ видѣть, и явись только случай,—докажетъ имъ на дѣлѣ, что любитъ ихъ не притворно, но истинно.

— Такъ помните-же, братцы, что̀ я вамъ сказалъ. Законъ опредѣлилъ по уставной грамотѣ,—которое ваше, которое мое, — пусть каждый свое добро знаетъ, пусть каждый свое и оберегаетъ! Какъ я не смѣю по закону, по правдѣ, тронуть колоса въ вашемъ полѣ, такъ и вамъ не дамъ прикоснуться къ моему добру... Передъ тѣмъ какъ я лошадей вашихъ нашелъ на моемъ лугу, я выгналъ изъ моего сада вашихъ свиней, которыя портили яблони...

— Звѣрь такой, Петръ Сергѣевичъ, никакъ не устережешь его... самая что ни есть безпокойная тварь... У насъ у самихъ всѣ огороды перекопали...

— Ну, это ваше дѣло! Я у себя этого не позволю; очень понятно, что пастухъ одинъ за всѣмъ не угоняется... Но что̀, напримѣръ, дѣлаютъ у насъ вотъ эти! эти! эти! подхватилъ Петръ Сергѣевичъ, указывая на ребятишекъ, которые тотчасъ же попрятались: — только баклуши бьютъ! заставьте ихъ стеречь по очереди! Такъ, такъ-то, братцы, уговоръ лучше денегъ! добавилъ онъ, снова возвышая голосъ:—слово мое крѣпко: какъ сказалъ такъ и сдѣлаю! А пока прощайте; и вамъ время обѣдать, и мнѣ также! заключилъ онъ, выходя изъ толпы, которая торопливо дала ему дорогу.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ СЕРГѢЙ ЛЬВОВИЧЪ ПОЛУЧАЕТЪ ЗНАЧИТЕЛЬНОЕ ОБЛЕГЧЕНІЕ И НЕОЖИДАННУЮ РАДОСТЬ. ГОСТИ НАЧИНАЮТЪ СЪѢЗЖАТЬСЯ.

Въ то время какъ Петръ Сергѣевичъ приближался къ дому, отецъ его расхаживалъ въ залѣ; увидѣвъ сына изъ оконъ, Сергѣй Львовичъ торопливо выбѣжалъ къ нему на встрѣчу.

Лицо Сергѣя Львовича выражало обычную свою суету и озабоченность; на этотъ разъ, однако же, въ чертахъ его замѣтно меньше проглядывало унынія и тревоги.

— Я вездѣ искалъ тебя, душа моя! Ну, спасибо, спасибо! заговорилъ онъ, пожимая руку сыну:—твой совѣтъ оказался въ самомъ дѣлѣ очень дѣйствительнымъ: стало припадать; замѣтно припадаетъ!.. заключилъ онъ, выразительно нажимая верхнюю губу ладонью.

— Увидишь, завтра ничего не будетъ... Все пройдетъ!

— Дай-то Богъ, дай Богъ!.. Онъ очень не въ духѣ; и это понятно... Ты гдѣ былъ?

— Такъ, прогуливался...

— Знаешь: у насъ гости... неожиданно перебилъ Сергѣй Львовичъ.

— Какъ, уже?..

— Да, понятно, братецъ, всѣмъ любопытно его видѣть... ты одинъ не принимаешь этого...

— Кто же пріѣхалъ?

— Берендѣева, Лизавета Ивановна...

— Наша судейша?

— Да, только одна, безъ мужа; дѣла его задержали; онъ завтра будетъ.

Въ залѣ Петръ Сергѣевичъ встрѣтилъ Ольгу Ивановну; она расхаживала по залѣ съ закинутыми назадъ руками.

— Вы гуляли? спросила она, покрываясь румянцемъ безо всякой видимой причины.

— Да, прошелся для моціону; у меня голова болитъ...

— Ахъ, не хотите-ли о-де-колону?.. Это отлично помогаетъ; я сейчасъ принесу вамъ, заботливо вымолвила Ольга Ивановна, дѣлая шагъ впередъ; причемъ выставилась впередъ узенькая ножка, обтянутая щегольскою ботинкой...

— Нѣтъ, нѣтъ, покорно благодарю; такъ пройдетъ! поспѣшилъ отвѣтить Петръ Сергѣевичъ, подумавъ въ то же время:—«А ну, какъ подъ этою хорошенькой ботинкой дырявые чулки? Навѣрно такъ; прачка сказала: всего три пары и всѣ одинаково въ лохмотьяхъ!..

— У васъ гостья, Петръ Сергѣевичъ, вы это знаете? подхватила Ольга Ивановна.

— Да, отецъ сказывалъ...

— Жалѣю васъ, искренно жалѣю... произнесла Ольга Ивановна, устремляя на него интересные глаза.

— Почему?

— Вамъ сейчасъ придется занимать эту повседневную посредственность! Это одинъ изъ тѣхъ жалкихъ обращиковъ человѣчества, о которыхъ помните я вамъ говорила...

— Это давнишняя моя знакомая! возразилъ Люлюковъ, направляясь въ гостиную.

Тамъ сидѣли его мать, Зинаида Львовна и госпожа Берендѣева.

Послѣдняя полулежала на диванѣ, въ разслабленной какой-то позѣ и обмахивала себя вѣеромъ. Въ гостиной вовсе не было жарко; кромѣ того, Лизовета Ивановна была замѣчательно прохладно одѣта относительно плечъ и спины; они сквозили изъ-подъ кисеи; но такъ уже принято у ней было, на основаніи свѣтскихъ правилъ ею изобрѣтенныхъ, что свѣтская дама, гдѣ бы она ни сидѣла: въ гостиной, у себя дома или у чужихъ, непремѣнно должна «для контенансу» держать въ правой рукѣ лорнетку, вѣеръ или шитый платокъ; мелкія уѣздныя дамы недаромъ пазывали ее гордячкой и аристократкой.

Лизавета Ивановна представляла изъ себя довольно субтильную даму, которую, по одеждѣ и особенно издали,—всегда можно было принять за шестнадцатилѣтнюю дѣвочку,—но у которой, тѣмъ не менѣе, сынъ брилъ уже бороду и говорилъ такимъ басомъ, что всѣ вздрагивали. Она была такого нѣжнаго сложенія, что всегда представлялась какимъ-то вздохомъ, вылетающимъ изъ кисеи; она вся какъ бы испарялась и улетучивалась. Мужъ и домашніе ходили вокругъ нея на цыпочкахъ, кашляли и чихали неиначе какъ въ ладонь. Она очень любила новости; но разспрашивая о нихъ или сообщая ихъ (она то и другое дѣлала съ одинаковымъ удовольствіемъ), — употребляла самыя деликатныя выраженія, согласовавшіяся съ нѣжностію и деликатностію ея на-

туры; она, напримѣръ, никогда не рѣшилась бы сказать: такая-то дама завела интригу; но всегда смягчала выраженіе, говоря: такая-то дама завела «предметъ» или чаще: «objet»... Казалось, она жила для того только, чтобы полулежать на кушеткѣ и принимать разслабленныя позы, выставляя впередъ свою ножку: она убѣждена была и даже громко высказывала убѣжденіе, что имѣетъ самую маленькую ножку въ губерніи. Стоило заговорить въ ея присутствіи о женскихъ ногахъ, Лизавета Ивановна приходила тотчасъ въ безпокойство, или, вѣрнѣе, приходила въ безпокойство ея нога и нечаянно выставлялась впередъ до самой щиколки; — точно на перекличкѣ: — «Сидоръ» — «Здѣсь»!..

Дѣтскій туалетъ ея служилъ какъ бы эмблемой ея дѣтскихъ чувствъ и желаній. Такъ, въ городѣ, любители устроили однажды спектакль въ пользу бѣдныхъ. Лизавета Ивановна ни за что не хотѣла помѣститься въ первый рядъ; она нашла, что тамъ душно, жарко, тѣсно и потребовала, чтобъ ей поставили между первымъ рядомъ и оркестромъ особое кресло, на которомъ она расположилась, держа въ правой рукѣ платокъ и вѣеръ, а въ лѣвой лорнетку. Само собою разумѣется, многіе этимъ даже обидѣлись и тотчасъ же пустили слухъ, что судейша помѣстилась такимъ образомъ, желая отличить себя отъ остальныхъ, въ качествѣ первой дамы послѣ предводительши; но чего не сочинятъ! Спектакль этотъ не обошелся однако безъ приключенія, — какъ все, что затѣвается въ уѣздахъ.

Сынъ Лизаветы Ивановны исполнялъ роль Бурдюкова (играли сцену Гоголя «Тяжба»); онъ, надо замѣтить, какъ двѣ капли воды похожъ былъ на мать, которая, сказать по совѣсти, была очень дурна собою. Случилось такъ, что едва только Лизавета Ивановна заняла свое мѣсто (піеса уже началась; но судейша, руководимая свѣтскими своими правилами, нарочно пріѣхала къ этому времени), — случилось такъ, что въ самую эту минуту, сынъ ея, т.-е. Бурдюковъ выступилъ на авансцену и произнесъ слѣдующую фразу: — «Когда покойница рожала, подойди къ окну баранъ, и нелегкая подстрекни его заблеять..»

При этомъ всѣ прыснули; многіе не могли даже удержаться и громко засмѣялись.

Съ Лизаветой Ивановной сдѣлался нервный припадокъ; ее долго не могли оттереть никакимъ спиртомъ.

— Мсье Пьеръ,—здравствуйте,—bonjour!.. произнесла Лизавета Ивановна, какъ только молодой Люлюковъ показался въ дверяхъ.

Она протянула ему руку, — такую же сухую, какъ птичья лапка — и, томно прищуривъ глаза, осмотрѣла его съ головы до ногъ; послѣднее сдѣлано было съ тою цѣлью, чтобъ осмотрѣть покрой его платья и потомъ заказать точно такое же мужу, — человѣку, о которомъ Лизавета Ивановна непрестанно заботилась, стараясь, наружно по крайней мѣрѣ, придать ему видъ свѣтскаго человѣка; нельзя было иначе; не надо было забывать, что, за отсутствіемъ предводителя, Берендѣевъ исполнялъ его должность.

Съ первыхъ же словъ, Лизавета Ивановна забросала Люлюкова разспросами о Петербургѣ и столичной жизни, но такъ тонко однакожъ, что можно было думать, ей все это очень хорошо извѣстно и она говоритъ объ этомъ развѣ для того только, чтобъ освѣжить свои воспоминанія. Жалобы на деревенскую скуку и сѣтованія противъ общества уѣзднаго города полились каскадомъ, въ который, время отъ времени, то Зинаида Львовна, то Софья Алексѣевна прибавляли свою струйку.

Такъ продолжалось во время обѣда и даже послѣ обѣда. Петръ Сергѣевичъ дѣйствительно заслуживалъ сожалѣніе, какъ выразилась Ольга Ивановна. Но какъ быть: встать и утечь отъ Лизаветы Ивановны, которая тараторила безъ умолку,—значило натолкнуться на Ольгу Ивановну, которая караулила его въ залѣ; какъ ни бейся— приходилось выбирать изъ двухъ золъ меньшее: или свѣтскую уѣздную болтовню судейши, или отвлеченныя умозрительныя бесѣды Ольги Ивановны; онъ выбралъ меньшее, разумѣется, и остался въ гостиной съ Берендѣевой.

Къ счастію, довольно еще часто заглядывалъ туда Сергѣй Львовичъ. Появленіе его всякій разъ дѣйствовало

какъ-то освѣжительно, давало новый вспрыскъ разговору и вносило въ него веселость.

— Ну что, какъ больной? спрашивали обыкновенно присутствующіе, какъ только онъ показывался въ дверяхъ.

— Да; какъ онъ?.. подхватывала всегда Зинаида Львовна, выказывая при этомъ особенное участіе.

— Слава Богу, лучше; гораздо лучше! возражалъ Сергѣй Львовичъ всякій разъ болѣе и болѣе радостно.

Послѣ того онъ дѣлалъ таинственный знакъ сыну, отводилъ его къ окну или въ уголъ и, выразительно прикладывая палецъ къ верхней губѣ, шепталъ торопливо:—«припадáетъ! замѣтно припадáетъ!»

Онъ впередъ объявилъ, что ни за что не рѣшится сообщить постороннимъ настоящую причину, заставляющую дядю Пыщина скрываться отъ взоровъ публики; дѣло понятное: Помпей Николаевичъ рисковалъ быть поставленъ въ комическое положеніе, — чего никакъ не слѣдовало допускать, взявъ въ соображеніе, что этимъ могло нарушиться должное къ нему уваженіе.

— Ты не знаешь еще провинціи, сказалъ онъ какъ-то сыну:—здѣсь изъ мухи слона сдѣлаютъ!..

— Неужто скажутъ, что его слонъ укусилъ?..

— Скажутъ, увѣряю тебя, скажутъ! отъ нихъ все станется!..

Во время чая, послѣ того, какъ подали уже свѣчи,— явились новые гости. Они подъѣхали такъ тихо, что присутствіе ихъ было замѣчено тогда только, какъ они вошли въ залу, гдѣ сидѣли дѣти и Ольга Ивановна.

То были два помѣщика, среднихъ лѣтъ, два пріятеля,—Францъ Ивановичъ Мерзенгеймеръ и Карлъ Ивановичъ Гаденбургъ.

Въ общемъ они были даже нѣсколько похожи другъ на друга: оба были бѣлокуры, оба съ пунцовыми щеками и глазами мутно-голубоватаго цвѣта; разница состояла въ томъ, что фигура Мерзенгеймера тянулась въ вышину, и лобъ его, приплюснутый съ боковъ, обличалъ постоянно тревожное состояніе мыслей; тогда какъ фи-

гура Гаденбурга сплющивалась, и лобъ его, очень выпуклый, носилъ всѣ знаки невозмутимаго мыслительнаго спокойствія.

Несравненно бо̀льшую разницу представляли ихъ судьба и характеры.

Мерзенгеймеръ, служившій когда-то поручикомъ въ армейскомъ полку и имѣвшій тогда всего-на-все одинъ чемоданъ, который едва вмѣщалъ его мундиръ, двѣ рубашки и головную щетку (сапожныя колодки привязывались обыкновенно веревкой къ верху чемодана), — неожиданно женился на единственной дочери довольно зажиточной вдовы помѣщицы. Деревенская скука, говорятъ, была главною побудительною причиной, заставившею дѣвушку отдать руку поручику Мерзенгеймеру. Мудренаго нѣтъ; въ деревнѣ любовь вообще очень не взыскательна. Неизвѣстно, способствуютъ ли тому особенныя свойства воздуха, или просто скука, — но только въ деревнѣ сердце пріобрѣтаетъ всегда значительную долю мягкости и всегда охотно превращается въ какой-то тоскующій паразитъ, готовый прицѣпиться къ любой коркѣ, чтобы пустить въ нее свой росто̀къ.

Достойно замѣчанія, что послѣ женитьбы своей Францъ Ивановичъ сдѣлалъ надъ собою словно нравственную какую-то разсортировку, имѣвшую тотъ конецъ, что всѣ дрянныя свойства свои, которыхъ было очень много, отдалъ женѣ, а хорошими, въ которыхъ оказывался значительный недочетъ, предоставилъ пользоваться обществу. Не было сосѣда услужливѣе, любезнѣе и обходительнѣе Мерзенгеймера. Заболѣвалъ ли у кого зубъ или голова,—онъ стремительно летѣлъ на помощь: въ карманахъ его сосѣди всегда могли найдти мятныя лепешки, рецепты отъ разныхъ болѣзней и даже коробку съ гомеопатическою аптечкой. Для людей онъ былъ весь медъ и патока и готовъ былъ, кажется, каждую минуту принести себя въ жертву изъ угожденія каждому. Жену, между тѣмъ, держалъ онъ въ ежовыхъ рукавицахъ и обходился съ нею такъ круто, что всѣ дивились только, какъ она не хлопочетъ о разводной. Приводили даже фактъ, что уѣзжая изъ дому (что случалось безпрерывно), Мерзен-

геймеръ запиралъ ящикъ отъ чая и сахара и бралъ всегда ключъ съ собою.

Карлъ Ивановичъ Гаденбургъ представлялъ въ этомъ отношеніи самый разительный контрастъ. Единственный наслѣдникъ хозяйственнаго помѣстья (отецъ его былъ акушеръ), — онъ женился на бѣдной дѣвушкѣ, которая страшно взяла его въ руки. Вотъ какъ было дѣло.

Жила-была очень обѣднѣвшая помѣщица и съ нею множество дочерей уже въ нѣкоторой степени заматерелыхъ. Когда Карлъ Ивановичъ влюбился въ младшую изъ нихъ и сдѣлалъ предложеніе, княгиня и княжны Киргитуйскія (такимъ титломъ и фамиліей пользовалось обѣднѣвшее семейство) не вдругъ изъявили согласіе: съ одной стороны ихъ страшилъ mesaillance—сынъ акушера! съ другой, и это главное, останавливала ужасная неразвитость Гаденбурга. Ему не сказали, однакожъ, ни да, ни нѣтъ, и предложили выждать два года, подъ тѣмъ предлогомъ, что требовалось короче ознакомиться съ его душевными качествами. Надо полагать, однакожъ, въ семействѣ княгини дѣло съ бракомъ было уже втайнѣ рѣшено; потому что съ того же дня всѣ сестры наперерывъ принялись развивать Гаденбурга, заставляя его перечитывать, почти вытверживать наизусть критическія статьи нашихъ журналовъ за послѣднее десятилѣтіе. Но такъ какъ, съ одной стороны, развитіе подвигалось очень туго, съ другой стороны, уходили лѣта невѣсты,—рѣшено было сдѣлать свадьбу раньше положеннаго срока, съ тѣмъ, однакожъ, чтобы, послѣ торжества, тотчасъ же всѣмъ приняться доразвивать молодого. Семейство Киргитуйскихъ, не медля ни минуты, переѣхало въ домъ Гаденбурга; благодаря денежнымъ средствамъ, позволившимъ теперь дѣйствовать просторнѣе, приступлено было немедленно къ выпискѣ всѣхъ журналовъ безъ исключенія. Все это ни къ чему не повело, однакожъ; вскорѣ Киргитуйскія ясно увидѣли, что, съ одной стороны, обманулись въ своихъ ожиданіяхъ. Гаденбургъ, понукаемый женою, тещей и свояченицами, не только не обнаруживалъ успѣховъ въ развитіи, но даже день ото дня тупѣлъ и замѣтнѣе сбивался съ толку. Дружбу Мерзенгей-

мера и Гаденбурга объясняли тѣмъ только, что оба сходились, чтобы наговориться всласть на родномъ языкѣ.

Когда Францъ Ивановичъ и за нимъ Карлъ Ивановичъ вошли въ гостиную, Сергѣя Львовича тамъ не было.

— Софьѣ Алексѣвнѣ свидѣтельствую свое нижайшее почтеніе! любезно произнесъ Францъ Ивановичъ, отвѣшивая пружинный поклонъ, то-есть низменный, но какъ-то вдругъ расправлявшійся.

— Ммм... свое почтеніе... отозвался, какъ эхо, Гаденбургъ, застѣнчиво выступая впередъ.

Затѣмъ Мерзенгеймеръ поздоровался съ Зинаидой Львовной и Лизаветой Ивановной.

Карлъ Ивановичъ повторилъ всѣ движенія своего пріятеля.

Берендѣева протянула имъ обоимъ руку, какъ лицамъ, которыхъ близко знаешь, но которымъ не даешь большой цѣны. Она изумительно постигала всѣ эти оттѣнки.

— Вы, господа, уже, кажется знакомы... проговорила хозяйка дома, переводя лукавыя глаза свои отъ гостей къ сыну.

— Помилуйте, какъ же! подхватилъ съ подслащенною радостію Мерзенгеймеръ: — рѣдко только имѣемъ удовольствіе встрѣчаться... Давно ли въ нашихъ краяхъ?.. Но вотъ, кажется, съ кѣмъ Петръ Сергѣевичъ не знакомъ еще! подхватилъ онъ, рекомендуя Карла Ивановича.

Петръ Сергѣевичъ пожалъ обоимъ руки и придвинулъ имъ стулья.

— Какъ здоровье вашей супруги? спросили въ одинъ голосъ Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна, обращаясь къ недоразвившемуся Гаденбургу.

— Покорно благодарю... очень хорошо...

— Мадамъ Гаденбургъ, вмѣшалась Берендѣева: — имѣетъ, кажется, намѣреніе подарить насъ скоро маленькимъ сосѣдомъ...

— Четвертымъ по счету! пояснилъ Мерзенгеймеръ.

Гаденбургъ ничего не сказалъ, только покраснѣлъ.

— Ну, а ваша жена что подѣлываетъ? спросила судейша, отнесясь къ Францу Ивановичу.

— Ничего особеннаго, возразилъ тотъ разсѣянно:—

по обыкновенію сидитъ дома, никуда не выѣзжаетъ... Такой ужъ, знаете, уединенный характеръ... Но гдѣ же Сергѣй Львовичъ? спросилъ онъ, очевидно желая замять рѣчь.

— Онъ сейчасъ здѣсь былъ... сказалъ Петръ Сергѣевичъ.

— Вотъ онъ! подхватила Зинаида Львовна.

— Здравствуйте, господа! закричалъ еще изъ залы Сергѣй Львовичъ:—вотъ это можно назвать любезностью съ вашей стороны! добавилъ онъ, появляясь уже въ гостиной съ протянутыми руками: — впрочемъ, Францъ Ивановичъ всегда любезенъ и акуратенъ! Бьюсь объ закладъ, что онъ подбилъ Карла Ивановича пріѣхать сегодня; вы подъѣхали, однакожъ, такъ тихо, господа, что я даже и не слыхахъ... Что это? произнесъ онъ неожиданно, видя, что Францъ Ивановичъ суетливо рылся въ боковомъ карманѣ сюртука.

— Вотъ что-съ! отвѣчалъ тотъ, подавая ему письмо съ какою-то вычурною любезностію.

— Откуда?

— Со станціи; проѣзжая мимо съ Карломъ Ивановичемъ, я велѣлъ остановиться и зашелъ спросить, не было-ли тутъ писемъ: на мою долю ничего не оказалось; было только одно на ваше имя; я и захватилъ его.

— И отлично сдѣлали! Искреннее вамъ за то спасибо!... Отъ кого бы это было?... проговорилъ Сергѣй Львовичъ, разламывая печать и приближаясь къ свѣчкѣ:— Ба! Липецкой! воскликнулъ онъ, взглянувъ на подпись:— извините, mesdames, извините, господа... я сейчасъ... заключилъ, онъ, суетливо приступая къ чтенію.

Съ каждою секундою лицо его свѣтлѣло и въ моргавшихъ глазахъ проступало больше радости. Наконецъ, онъ напалъ уже, видно, на такой пунктъ, который переполнилъ восторгомъ его сердце и не позволилъ дольше скрывать чувства.

— Господа, онъ будетъ къ намъ завтра!... Вы знаете, конечно, что Липецкой назначенъ къ намъ губернаторомъ?... Объ этомъ такъ давно носились уже слухи; да, онъ назначенъ, и завтра будетъ къ намъ обѣдать!... Но

я вамъ лучше прочту, подхватилъ Сергѣй Львовичъ, обводя всѣхъ сіяющими глазами:—вотъ что онъ пишетъ:

«Сердечно уважаемый... ммм... завтра (такого-то числа) ѣду я принимать въ свое управленіе вашу губернію; дорога почти касается вашего имѣнія; станція отъ васъ всего въ шести верстахъ. Не хочу проѣхать мимо, не пожавъ руки Софьи Алексѣевны и вашей. Мнѣ слишкомъ хорошо памятны дружескія отношенія, которыя связывали васъ съ покойнымъ отцомъ моимъ... Поѣздъ останавливается на вашей станціи всего на пять минутъ и въ два часа; я отправлю дальше багажъ, а самъ пріѣду навѣстить васъ. Будьте такъ добры, пришлите къ тому времени экипажъ. Цѣлую ручки Софьѣ Алексѣевнѣ, а васъ сердечно обнимаю... Преданный вамъ душевно»— гм... и такъ далѣе... — О, я никогда въ немъ не сомнѣвался! съ увлеченіемъ заговорилъ Сергѣй Львовичъ, моргая глазами, въ которыхъ блеснула влага:—я всегда истинно, душевно любилъ его! подхватилъ онъ, забывая, вѣрно, что въ послѣдній разъ видѣлъ его десять лѣтъ назадъ, когда тотъ пріѣзжалъ къ отцу въ отпускъ:—это истинно прекраснѣйшій и благороднѣйшій человѣкъ; я убѣжденъ, вся губернія раздѣлитъ мое мнѣніе! Да, я очень этимъ доволенъ... очень обрадованъ... Спасибо еще разъ, добрѣйшій Францъ Ивановичъ! Помнишь ли ты его, Sophie? Помнишь этого молоденькаго офицера, сына добрѣйшаго Ильи Петровича? Я же, помнишь, такъ еще хлопоталъ, лѣтъ двадцать назадъ, когда дѣло шло объ опредѣленіи его въ корпусъ. И вотъ онъ теперь губернаторъ! (Тутъ Сергѣй Львовичъ выставилъ нѣсколько грудь и повелъ плечами) да, губернаторъ! Впрочемъ, онъ такъ блистательно служилъ, такъ блистательно отличался во всѣхъ отношеніяхъ, что ничего тутъ нѣтъ удивительнаго!... Да, я буду очень радъ его видѣть!.. Думаю, ему особенно также пріятно будетъ встрѣтить у насъ Помпея Николаевича... Потому что, вы знаете, конечно, господа, замѣтилъ какъ бы мимоходомъ Сергѣй Львовичъ, обращаясь къ сосѣдямъ:—Помпей Николаевичъ Пыщинъ, дядя жены, у насъ теперь...

— Я слышалъ, что онъ у васъ будетъ, но не зналъ,

что онъ уже здѣсь... проговорилъ удивленный Мерзенгеймеръ.

— Помилуйте, онъ здѣсь уже со вчерашняго дня! сказалъ Сергѣй Львовичъ такимъ тономъ, какъ-будто дѣло шло о прошломъ мѣсяцѣ:—да, я увѣренъ, Липецкой встрѣтитъ его здѣсь съ особеннымъ удовольствіемъ... Заслуги Помпея Николаевича, высокое положеніе... Но кто-жъ этого впрочемъ не знаетъ? Кому не лестно пожать руку такому замѣчательному человѣку!..

При этомъ Францъ Ивановичъ невольно покрутилъ головою и обтянулъ жилетъ. Несмотря на свою независимость, несмотря на свою врожденную гордость, приправленную еще гордостію голаго эстляндскаго поручика, который вдругъ сдѣлался достаточнымъ русскимъ помѣщикомъ, Францъ Ивановичъ питалъ въ душѣ слабость умиляться, обомлѣвать, даже, какъ говорили, «ползать въ ногахъ» передъ всякимъ величіемъ.

— Гдѣ-же его высокопревосходительство?.. спросилъ онъ, чувствуя въ эту минуту какое-то особенное уваженіе къ дому Люлюковыхъ.

— Онъ не такъ-то здоровъ сегодня и потому остался въ своей комнатѣ, возразилъ Сергѣй Львовичъ.

На этомъ мѣстѣ онъ остановился, взглянулъ на сына, таинственно указалъ на верхнюю губу и мигнулъ ему, давая знать, что все идетъ благополучно.

— Что съ нимъ?.. Если нужно что-нибудь его высокопревосходительству, — вы знаете, Сергѣй Львовичъ, я готовъ съ величайшимъ удовольствіемъ... Вамъ извѣстно, я всегда имѣю даже при себѣ гомеопатическую аптечку...

— Нѣтъ, благодарю васъ, авось безъ этого обойдется... У него нѣсколько болитъ голова; теперь ему гораздо лучше; онъ уже легъ въ постель и кажется даже заснулъ... возразилъ Сергѣй Львовичъ, приступая тутъ же къ исчисленію заслугъ Помпея Николаевича и въ то же время пересыпая ихъ, для разнообразія, подробностями объ успѣхахъ его на поприщѣ общественной дѣятельности.

Петръ Сергѣевичъ, конечно, ни въ чемъ не противорѣчилъ отцу. Время отъ времени только, когда Сергѣй

Львовичъ заходилъ уже черезчуръ далеко, онъ старался уравновѣсить похвалы, возносимыя Пыщину, вставляя нѣсколько словъ въ пользу заслугъ Липецкаго. Францъ Ивановичъ, по обыкновенію своему, совершенно соглашался съ Сергѣемъ Львовичемъ, когда тотъ говорилъ о Пыщинѣ, и совершенно опять соглашался съ Петромъ Сергѣевичемъ, когда тотъ заводилъ рѣчь объ Липецкомъ. Софья Алексѣевна и Зинаида Львовна горячо стояли за перваго; Берендѣева замѣтно склонялась на сторону послѣдняго.

Одинъ Гаденбургъ не высказалъ своего мнѣнія. Онъ молчалъ во все время, краснѣлъ, пыжился, потуплялъ глаза, приподнималъ ихъ неожиданно, какъ-бы собираясь что-то спросить, часто съ этою цѣлію дѣлалъ напряженныя усилія, потиралъ лобъ, но все-таки не произносилъ слова.

Часъ спустя послѣ ужина, гости и хозяева лежали въ своихъ постеляхъ, огни вездѣ были погашены, и «верзила», окутанный съ одной стороны непроницаемымъ мракомъ, съ другой, освѣщенный полнымъ мѣсяцемъ, величественно рисовался посреди полей, окружавшихъ Дудиловку.

ГЛАВА ПЕСТНАДЦАТАЯ.

НАДЕЖДЫ ЗИНАИДЫ ЛЬВОВНЫ НЕОЖИДАННО РАЗРУШАЮТСЯ. НОВЫЯ ЛИЦА.

На другое утро солнце освѣтило чистое безоблачное небо. Сергѣй Львовичъ, укладываясь спать наканунѣ, не даромъ, видно, лишній разъ перекрестился и сказалъ себѣ: «Дай только Богъ, чтобы погода не сыграла завтра какой-нибудь скверной штуки!»

День обѣщалъ быть прекраснымъ.

Поля весело улыбались; ярко освѣщалась зелень стараго сада, и еще ярче сверкала роса, убиравшая листья своими алмазными каплями. Птицы, какъ-бы предчувствуя, что въ этотъ день произойдетъ что-то особенное, словно сговорились наканунѣ и наполняли окрестность звонкимъ пѣніемъ.

Все это, само собою разумѣется, значительно пріободрило Сергѣя Львовича и пріятнѣйшимъ образомъ подѣйствовало на расположеніе его духа. Онъ велѣлъ разбудить себя какъ можно раньше. За одинъ разъ выбрившись и одѣвшись, чтобы потомъ не терять на это времени, онъ бережно, на цыпочкахъ, прокрался къ комнатѣ, занимаемой камердинеромъ блистательнаго дяди.

Камердинеръ, котораго, скажемъ мимоходомъ, откармливали на убой, какъ борова, былъ уже на ногахъ; въ настоящую минуту онъ занимался тѣмъ, что ваксилъ сапоги его высокопревосходительства.

— Еще не просыпался! сказалъ онъ, какъ только Сергѣй Львовичъ высунулъ голову въ дверь.

— Ну что, какъ?.. Не замѣтилъ ли, братецъ? спросилъ Сергѣй Львовичъ, прикасаясь пальцемъ къ верхней губѣ.

— Не замѣтилъ; спятъ повернувшись къ стѣнѣ, отвѣчалъ камердинеръ.

Послѣ этого, первымъ дѣломъ Сергѣя Львовича было позвать повара. Часъ по-крайней-мѣрѣ прошелъ въ совѣщаніяхъ касательно разныхъ перемѣнъ блюдъ и пока не былъ окончательно утвержденъ и улаженъ весь порядокъ обѣда. Затѣмъ потребовалось полчаса, чтобы бѣгло осмотрѣть садъ и переговорить съ Петромъ Кондратьевичемъ относительно угощенія кучеровъ и лакеевъ пріѣзжихъ гостей, снабженія лошадей овсомъ и сѣномъ, — словомъ, относительно такого рода распоряженій, чтобы въ этотъ день все ликовало и радовалось.

— Вотъ еще что̀, заключилъ Сергѣй Львовичъ, передъ тѣмъ, чтобы отпустить Петра Кондратьевича:—какъ пойдешь по деревнѣ, скажи, пожалуй, мужикамъ и бабамъ, что если хотятъ посмотрѣть на генерала, пусть идутъ, могутъ даже пѣть пѣсни!.. Можешь даже передать, что будетъ имъ три ведра вина...

Все это сказано было очень внушительно, хотя въ пріемахъ Сергѣя Львовича явно проглядывало желаніе показать, что мысль эта пришла ему такъ только, мимоходомъ.

На часахъ было уже семь, когда онъ вернулся до-

мой. Тамъ пока еще вездѣ царствовала тишина; только въ дальнемъ концѣ нижняго коридора, гдѣ располагались комнаты дяди, время отъ времени скрипѣли сапоги камердинера. Зная, что дядя имѣетъ обыкновеніе вставать очень рано, и не сомнѣваясь, что онъ уже на ногахъ, Люлюковъ прямо прошелъ къ его двери. Въ это самое время изъ нея выходилъ камердинеръ.

— Всталъ Помпей Николаевичъ?

— Встали; чай кушаютъ, отвѣчалъ лакей.

Сергѣй Львовичъ пріотворилъ дверь.

— Можно войдти? спросилъ онъ умягченнымъ донельзя голосомъ.

— Войди! возразилъ коротко и сухо генералъ.

Помпей Николаевичъ сидѣлъ въ широкихъ креслахъ подлѣ окна и пилъ чай; онъ совсѣмъ уже былъ одѣтъ, выбритъ, вытертъ губкой, спрыснутъ водою и приглаженъ. Все было въ порядкѣ, кромѣ только верхней губы, на которую обратился, конечно, первый взглядъ Сергѣя Львовича; опухоль значительно уменьшилась, но все не на столько еще, чтобы нельзя было ее не замѣтить, — обстоятельство, придавшее лицу генерала особенную какую-то надутость и угрюмое, крайне несообщительное выраженіе.

Люлюковъ почувствовалъ болѣе чѣмъ когда-нибудь неловкость въ присутствіи дяди Пыщина; онъ поспѣшилъ однакожъ подавить въ себѣ такое чувство и произнесъ съ самымъ привѣтливымъ, веселымъ видомъ:

— Добраго утра, Помпей Николаевичъ; какъ почивали?

— Изрядно; поздравляю! присовокупилъ генералъ, приставляя къ рукѣ собесѣдника два пухлые, коротенькіе пальца.

— Благодарю васъ! проговорилъ Люлюковъ, пожимая съ чувствомъ эти два пальца: — да, да, прибавилъ онъ меланхолически: — да, какъ подумаешь, Сонечкѣ моей еще стукнулъ годъ; еще лишній годъ!

— А сколько лѣтъ? спросилъ генералъ, косясь въ окно.

— Сегодня сорокъ четыре года!

— Изрядно!.. сказалъ генералъ:—помню вотъ какую... примолвилъ онъ, опуская ладонь къ полу.

Не сомнѣваясь ни секунду, что воспоминанія прожитого времени могутъ только усилить и безъ того уже мрачное настроеніе дяди Пыщина, Сергѣй Львовичъ поспѣшилъ перемѣнить разговоръ. Онъ счелъ даже не лишнимъ прибѣгнуть къ другимъ, болѣе дѣйствительнымъ мѣрамъ. Онъ началъ съ того, что предложилъ легкую прогулку по саду. Такъ какъ это не взяло, Сергѣй Львовичъ убѣдительно сталъ упрашивать пройдтись хоть до его кабинета; какъ ни ничтоженъ былъ такой переходъ, онъ все-таки давалъ возможность сдѣлать нѣсколько шаговъ, обстоятельство, которымъ никакъ не слѣдовало пренебрегать Помпею Николаевичу, человѣку, привыкшему каждое утро дѣлать моціонъ. Генералъ согласился не прежде, какъ Сергѣй Львовичъ убѣдилъ его, что въ домѣ всѣ еще спятъ и никто ихъ не встрѣтитъ. Какъ только они отправились, Люлюковъ приказалъ перенести чай въ кабинетъ, на томъ основаніи, сказалъ онъ, что Помпею Николаевичу покойнѣе будетъ посидѣть здѣсь, пока будутъ убирать его комнаты. Чтобы не было опасеній со стороны встрѣчъ, Сергѣй Львовичъ поспѣшилъ даже запереть на ключъ дверь изъ кабинета въ гостиную. Имѣя въ виду одно только: во что бы ни стало развлечь и разсѣять мрачное настроеніе дяди Пыщина, Сергѣй Львовичъ приступилъ тотчасъ же къ исполненію своего намѣренія.

— Я еще не сообщалъ вамъ, Помпей Николаевичъ, заговорилъ онъ, стараясь придать своему лицу самое веселое выраженіе: — не сообщалъ еще вамъ: вчера получилъ я неожиданно новость; вчера, какъ только вы уснули, мнѣ привезли письмо отъ Липецкаго.

— Какого Липецкаго?

— Вы его знаете, Помпей Николаевичъ; того самаго Липецкаго, который шесть лѣтъ назадъ, послѣ крымской кампаніи, сдѣланъ былъ генераломъ... и такъ хорошо пошелъ...

— Знаю! круто перебилъ Пыщинъ: — мать, говорятъ, содержала пансіонъ въ Москвѣ; брала по сту рублей съ дѣвочекъ...

— Подробности эти мнѣ неизвѣстны; я зналъ ее, когда она жила еще здѣсь; дѣйствительно, она очень тогда нуждалась... Онъ назначенъ къ намъ губернаторомъ и будетъ сегодня у насъ...

Сергѣй Львовичъ тутъ только спохватился; тутъ только увидѣлъ, какого далъ маха мимо своей цѣли.

Брови генерала насупились; подбородокъ и нижняя губа выставились впередъ. Онъ сдѣлался угрюмъ, какъ Эльбрусъ передъ грозой.

— Шаркунъ! Голышъ!.. разразился наконецъ Помпей Николаевичъ, задѣтый, какъ видно, за самое живое мѣсто: — такое нынче время, любезнѣйшій. Безъ роду, безъ племени, будь только молодъ да боекъ, — вотъ и дорога!.. Мы ужъ не годимся, любезнѣйшій!.. Студенты да шаркуны нами нынче командуютъ, любезнѣйшій!..

— Какъ это можно?.. энергически отвергъ Люлюковъ, внутренно ужасаясь тому, что самъ надѣлалъ; — какъ это можно?.. Нѣтъ, Помпей Николаевичъ, позвольте вамъ сказать, вы въ этомъ случаѣ ошиб... напрасно, то-есть, такъ думаете! Никто изъ насъ не забылъ, да и не забудетъ заслугъ тѣхъ лицъ, которыя... какъ вы, напримѣръ, сорокъ лѣтъ служили отечеству... Мы всѣ, да, всѣ мы, всѣ смотримъ на васъ съ уваженіемъ и высоко васъ почитаемъ... Карьера этихъ современныхъ дѣятелей, какъ ихъ называютъ, пока еще впереди; неизвѣстно еще, что-то они намъ покажутъ, чѣмъ отличатся... Вы, Помпей Николаевичъ, вы уже сдѣлали блистательно свое дѣло!.. Нѣтъ, вы напрасно такъ думаете, Помпей Николаевичъ, подхватилъ Сергѣй Львовичъ, чувствуя, что теперь или никогда настала минута исправить промахъ: — нѣтъ, напрасно; скажу болѣе, извините меня, несправедливо... Да, вотъ какъ-съ, я вамъ доложу: стоило только сказать мнѣ, что вы будете, всѣ сосѣди, всѣ лица — старыя и молодыя, даже дамы, все это встрепенулось и выразило живѣйшее желаніе васъ видѣть! Я бы желалъ, чтобы вы при этомъ присутствовали. Это былъ совершеннѣйшій восторгъ! Вотъ даже, на что ужъ простой народъ — мужики, и тѣ, какъ узнали о вашемъ пріѣздѣ, отбою не даютъ... всѣ, всѣ рѣшительно хотятъ васъ видѣть и от-

дать вамъ дань высокаго уваженія... Вы, впрочемъ, сами убѣдитесь въ этомъ сегодня, когда съѣдутся гости...

— Неловко! сказалъ Пыщинъ, издали указывая пальцемъ на губу.

Мысль, что дядя не покажется гостямъ, повергла Сергѣя Львовича въ крайнюю степень смущенія и тревоги. Онъ началъ краснорѣчиво убѣждать и доказывать, что опухоль совсѣмъ уже не замѣтна и даже при этомъ нѣсколько разъ нагнулся, какъ бы желая сказать: «да гдѣ же она въ самомъ дѣлѣ? Гдѣ-жъ эта опухоль, которую, при всемъ желаніи, нельзя даже увидѣть...»

— Неловко! упорствовалъ генералъ.

— Ей-Богу же ничего! Право ничего! твердилъ Сергѣй Львовичъ, даже краснѣя отъ напора убѣдительной силы.

Бесѣда эта не прерывалась никакимъ шумомъ извнѣ и внутри дома. Никто еще не просыпался. Единственнымъ исключеніемъ въ настоящемъ случаѣ опять-таки была Зинаида Львовна. Она открыла вѣжди немного погодя послѣ того, какъ возсталъ отъ сна Сергѣй Львовичъ.

Пробужденіе ея точно также сопровождалось самыми пріятными впечатлѣніями. Небо было такъ чисто и лучезарно; зелень, обрызганная росой, дышала такою свѣжестью; птички такъ весело пѣли...

Подъ такими впечатлѣніями сама она встрепенулась, какъ птичка, и рѣзво оставила свое дѣвическое ложе; взглядъ, брошенный въ зеркало, стоявшее подъ извѣстными тремя портретами, задрапированными чернымъ крепомъ, пришелся какъ нельзя больше кстати: онъ замѣтно подѣйствовалъ въ пользу ея счастливаго настроенія духа. Не медля секунды, Зинаида Львовна приступила къ туалету.

Если Сергѣю Львовичу понадобился часъ времени, чтобъ установить порядокъ обѣда, Зинаидѣ Львовнѣ, весьма натурально, потребовалось никакъ уже не меньше на то, чтобы привести въ порядокъ и установить сложныя комбинаціи касательно прически головы и еще больше времени на то, чтобы привести эти комбинаціи въ исполненіе.

Оставалось теперь привести въ исполненіе другую, быть-можетъ, еще сложнѣйшую операцію: оставалось пустить въ ходъ новый кольд-кремъ, пудру и губную помаду, купленные надняхъ у Буиса на Кузнецкомъ мосту; если принять въ соображеніе, что римскій носъ Зинаиды Львовны, ея щеки и шея потребовали сорока лѣтъ, чтобы придти въ настоящее положеніе, всякій согласится, я думаю, не легко было, въ какіе-нибудь полчаса, заставить все это помолодѣть на двадцать лѣтъ по-крайней-мѣрѣ.

Взявъ во вниманіе ранній часъ утра, она разсудила, однакожъ, что успѣетъ этимъ заняться; она вспомнила, что, прощаясь вчера съ Сергѣемъ Львовичемъ, совершенно забыла спросить у него новое платье, которое выписалъ онъ изъ Москвы для Софьи Алексѣевны. Самъ Сергѣй Львовичъ говорилъ, что платье это необходимо должно было лежать на стулѣ передъ постелью жены и остановить на себѣ ея вниманіе, какъ только она откроетъ глаза. Зинаида Львовна тѣмъ больше сочувствовала этой мысли, что къ платью этому приготовила новый воротничокъ и рукавчики.

Движимая нѣжнымъ, дружескимъ чувствомъ, она торопливо встала со стула, наскоро набросила старый капотъ, прошла тихонько по коридору и начала спускаться съ лѣстницы, поминутно останавливаясь и поглядывая черезъ перилы, изъ предосторожности, чтобы, Боже сохрани, кто-нибудь не увидалъ ее въ такомъ костюмѣ,— съ причесанною головой, но лицомъ не приведеннымъ еще въ порядокъ.

Къ Сергѣю Львовичу она настолько уже привыкла, что не пугалась его.

Но вездѣ было покойно; никого не было видно. Зинаида Львовна смѣлѣе спустилась внизъ. Подойдя къ боковой двери кабинета, она вдругъ услышала за собою шаги: встрепенувшись, какъ испуганная газель, Зинаида Львовна смѣлымъ движеніемъ руки распахнула дверь и влетѣла въ кабинетъ въ ту самую секунду, какъ Сергѣй Львовичъ убѣдительно доказывалъ именитому родственнику, что опухоль на губѣ его вовсе не замѣтна.

Зинаида Львовна испустила пронзительный крикъ и

бросилась къ двери, которая въ тотъ же мигъ захлопнулась; мысль, что замокъ двери всегда такъ крѣпко защелкивался, что съ нимъ приходилось биться цѣлыхъ полчаса,—молніей пронеслась въ ея головѣ; она стремительно кинулась къ другой двери; но та оказалась запертою. Зинаида Львовна снова взвизгнула и закрыла лицо руками; распахнувшійся неожиданно капотъ заставилъ ее опять взвизгнуть и быстро прикрыть грудь руками.

При появленіи Зинаиды Львовны, генералъ поднялся на ноги и приложилъ ладонь къ губѣ. Сергѣй Львовичъ раскрылъ удивленные глаза и въ первую секунду совершенно растерялся; онъ тутъ же однакожъ оправился, подбѣжалъ къ Зинаидѣ Львовнѣ, шепнулъ ей ободрительно:—«ничего!»,—кашлянулъ, и, обратясь къ дядѣ, сказалъ:

— Это наша дальняя родственница... институтская подруга жены моей... вамъ жена о ней говорила...

— Очень пріятно... глухо пробормоталъ генералъ, насупивъ брови и все еще держа ладонь на губѣ.

— Вы вѣроятно помните добрѣйшаго Льва Захаровича Зюзюкина... продолжалъ пояснять смущенный Сергѣй Львовичъ:—это ея отецъ... Она его дочь... Но, Зиночка, успокойся ради Бога.

— Оставьте меня... выпустите отсюда... со слезами на глазахъ, задыхаясь отъ волненія, простонала Зинаида Львовна, оставивъ одну руку на груди и быстро закрывая другою лицо:—выпустите... мнѣ дѣлается дурно...

— Ей дѣлается дурно!.. произнесъ Сергѣй Львовичъ, пугливо бросаясь къ двери.

На этотъ разъ ему какъ-то посчастливилось; скобка уступила при первой нажимкѣ,—и Зинаида Львовна выскользнула какъ вихрь въ коридоръ.

— Странно!.. замѣтилъ генералъ, отнимая ладонь отъ губы.

— Непостижимо! Непонятно, зачѣмъ она ворвалась сюда! промолвилъ Люлюковъ.—А! видно, насчетъ жениного платья! спохватился онъ въ ту же секунду:—я приготовилъ женѣ сюрпризъ, новое платье, и забылъ вчера отдать его... Она вѣрно за нимъ...

— Начинаютъ однакожъ вставать... я пойду къ себѣ... сказалъ генералъ.

— Но вы выйдете къ намъ, Помпей Николаевичъ!.. убѣдительно подхватилъ Сергѣй Львовичъ:—столько лицъ желаютъ васъ видѣть... Столько лицъ нарочно съѣдутся...

— Посмотримъ! сказалъ генералъ, направляясь въ свои комнаты.

Въ домѣ, въ самомъ дѣлѣ, начинало обнаруживаться движеніе. Пока двигалась еще только прислуга. Ходили лакей и горничная Берендѣевой (она никогда не выѣзжала безъ такой свиты), ходилъ лакей Мерзенгеймера (послѣдній былъ выпрошенъ Люлюковымъ для прислуги во время обѣда), затѣмъ — нянька Ульяна, Петръ, горничная Аннушка и проч.

Часъ всеобщаго пробужденія въ помѣщичьихъ домахъ, когда заночевываютъ гости, вообще сопровождается всегда большой суетой прислуги. Начать съ того: никому не хочется идти за водой; это служитъ обыкновенно первымъ предлогомъ недоразумѣній и ссоръ между домашними лакеями и наѣзжими. Вы сами, я думаю, не разъ замѣчали, съ какою осторожностію лакеи утромъ подавали вамъ умываться; это дѣлалось съ тою цѣлію, чтобъ осталось больше воды для другого гостя, а если нѣтъ такого, то все равно, чтобы сберечь ее на завтра. Но кромѣ воды, мало-ли еще другихъ поводовъ къ вознѣ и суматохѣ.—«Скорѣе, скорѣе давайте полотенце...»—«Барыня спрашиваетъ полотенце.» — «Да, много у насъ полотенецъ-то! Зачѣмъ своихъ не берете!» — «Гдѣ у васъ умывальникъ? Баринъ спрашиваетъ мыться... давай скорѣй умывальникъ!...» — «Какъ же, найдешь, сейчасъ! Здѣсь и лоханки не добудешь...» — «Ахъ, батюшки, да какъ же быть? Ахъ!» — «Ступайте въ сѣни: я кажись вечоръ видѣлъ умывальникъ за дверью; ступай, пока другой не взялъ!...» Ну, что ты ее морочишь: бѣги на верхъ; я его на окнѣ видѣлъ подъ канареечною клѣткой...» — «Ахъ ты Господи!» — «Гдѣ у васъ вакса?» — Спроси у Ивана!» — «Иванъ, гдѣ вакса?» — «Семенъ взялъ!» — «Воды, скорѣй горячей воды; баринъ хочетъ бриться...» — «Горячъ больно: подождетъ! плиту еще не нагрѣвали...» — «А какъ-

же утюгъ-то? Ахъ, барыня спрашиваетъ воротнички... ахъ!!...»—и проч. и проч. Короче сказать, извѣстный порядокъ барскихъ старыхъ домовъ, отличающихся гостепріимствомъ: были бы гости упитаны стерлядками и упоены тончайшими го-лафитами; а тамъ, какъ гости будутъ спать, какъ будутъ умываться, какъ... и прочее, объ этомъ гости должны уже сами заботиться!

Пока слуги возились такимъ образомъ въ нижнемъ этажѣ «верзилы», вверху происходила также возня, но только совсѣмъ другого рода.

Новорожденная Софья Алексѣевна пробудилась; но вмѣсто того, чтобъ увидѣть сюрпризное платье и услышать поздравительныя рѣчи, — она увидѣла заплаканное лицо своей подруги и услышала ея раздирающіе вопли.

Дѣти совсѣмъ уже одѣтыя и готовыя идти съ поздравленіями, услышавъ плачъ въ комнатѣ матери, стремительно туда побѣжали; къ нимъ вскорѣ присоединился Петръ Сергѣевичъ; за нимъ тотчасъ же явилась Ольга Ивановна; въ ту же секунду прибѣжалъ впопыхахъ Сергѣй Львовичъ. Всѣ общими силами принялись успокоивать Зинаиду Львовну, не забывая въ то же время поздравлять Софью Алексѣевну, такъ что, въ первую минуту, положительно нельзя было составить себѣ отчета въ томъ, что тутъ происходило. Увѣщанія взяли наконецъ верхъ; всѣ обратились къ Зинаидѣ Львовнѣ, прося ее остановить слезы и рыданія и убѣждая ее, какъ они неумѣстны въ такой день, когда все должно было ликовать и радоваться!

По обыкновенію своему, Зинаида Львовна выказала ангельскую кротость; она не хотѣла только слушать Сергѣя Львовича; она говорила, что послѣ его поступка... короче сказать, онъ самъ долженъ былъ понять, чего могъ онъ ожидать послѣ такого поступка со стороны дружескаго чувства той, которая... но довольно; она не хотѣла даже досказывать мысли. Напрасно Сергѣй Львовичъ старался убѣдить ее, что ни въ чемъ не виноватъ, что самъ тогда очень оторопѣлъ и смутился; она ничего не хотѣла слушать. Не довольствуясь громкими изъявленіями своего негодованія, она даже мысленно повторяла себѣ,

что между ею и Люлюковымъ произошелъ разрывъ, котораго не исправитъ теперь сама могила.

Время между тѣмъ проходило: съ минуты на минуту надо было ждать, что гости, заночевавшіе въ домѣ, выйдутъ въ гостиную; пронесся даже слухъ, что туалетъ Берендѣевой приближается къ концу. Надо было также спѣшить идти внизъ по другой причинѣ: въ это утро, по принятому обычаю, долженъ былъ совершиться молебенъ; Сергѣй Львовичъ заказалъ его къ десяти часамъ нарочно съ тѣмъ, чтобы выгадать больше времени.

— Вотъ что, душа моя, озабоченно сказалъ Сергѣй Львовичъ, явившійся полчаса спустя къ женѣ, съ тѣмъ, чтобы вести ее внизъ: — дядя заупрямился и рѣшительно не хочетъ показаться гостямъ раньше обѣда, уговори его, убѣди, иначе весь день будетъ манкированъ!.. Главное, убѣди его, что ничего не замѣтно! добавилъ онъ, выразительно дернувъ себя за правый усъ.

Проводивъ жену въ комнату дяди, Люлюковъ поспѣшно вернулся въ гостиную, гдѣ засталъ уже Берендѣеву, Мерзенгеймера и Гаденбурга; ихъ занималъ Петръ Сергѣевичъ.

Сергѣй Львовичъ обнаружилъ удивительное соображеніе и распорядительность, заказавъ молебенъ къ десяти часамъ. Не успѣла кончиться служба, какъ уже начали, одинъ за другимъ, съѣзжаться гости.

Первыми явились судья и исправникъ. Они пріѣхали вмѣстѣ.

Ѳедоръ Андреевичъ Шлыковъ (такъ звали исправника) былъ человѣкъ громаднаго роста, толщины соотвѣтственной, съ лицомъ багроваго и даже синеватаго цвѣта, черными курчавыми волосами, опухшими заспанными глазами и широкимъ придавленнымъ носомъ, издававшимъ постоянно какое-то сопѣнье. При малѣйшемъ движеніи, краска бросалась ему въ голову, онъ пыхтѣлъ и отдувался, дѣлаясь тогда весьма похожимъ на большой горшокъ, изъ котораго крутымъ бугромъ выступаетъ перекипѣвшая каша. Касательно избранія его въ настоящую должность, господами дворянами, говоря безъ лести, руководила самая благородная, филантропическая цѣль;

имъ хотѣлось опредѣлить къ мѣсту и дать средства къ существованію собрату, обремененному четырнадцатью человѣками дѣтей. Самъ Ѳедоръ Андреевичъ смотрѣлъ на свою должность съ такой точки зрѣнія, что прежде всего требовалъ оставить его въ покоѣ. Со стороны этого кроткаго человѣка вопросъ: какъ исполнить дѣло? былъ заклятымъ врагомъ вопроса: какъ не исполнить дѣла? Ѳедоръ Андреевичъ, впрочемъ, очень хорошо себя чувствовалъ. Въ три года, вставъ три раза со стула, — разъ, чтобы встрѣтить архіерея, два раза, чтобы встрѣтить губернатора, онъ получилъ двѣ награды и взялъ маленькаго Станислава.

Павелъ Павловичъ Берендѣевъ имѣлъ видъ тщедушнаго, тощаго, плохо выкормленнаго чиновника. Несмѣлая и прилизанная наружность его справедливо всегда возмущала аристократическія чувства Лизаветы Ивановны. Что онъ робѣлъ передъ женою, тутъ нѣтъ ничего удивительнаго; несравненно достойнѣе замѣчанія, что Павелъ Павловичъ, человѣкъ совершенно независимый по состоянію и правившій столько лѣтъ почетную должнось, робѣлъ, нѣмѣлъ и обливался потомъ въ присутствіи каждаго, сколько-нибудь значительнаго лица. Такъ, разъ онъ прибѣжалъ впопыхахъ къ предводителю, прося его разрѣшить вопросъ: слѣдуетъ-ли ему ждать губернатора у заставы и быть при шпагѣ? И когда предводитель сказалъ, что нѣтъ въ этомъ никакой надобности, что дѣло встрѣчи касается скорѣе исправника и городничаго, Павелъ Павловичъ все-таки не послушалъ; онъ простоялъ въ одномъ мундирѣ шесть часовъ сряду, отчего схватилъ такой жестокій флюсъ (онъ же былъ подверженъ флюсамъ), что три недѣли пролежалъ въ постели. Первымъ словомъ его, какъ только пожалъ руку Люлюкову, было спросить:

— Пріѣхалъ ли его высокопревосходительство?

— Еще третьяго дня! Я васъ съ нимъ познакомлю! Вы его увидите! восторженно сказалъ Сергѣй Львовичъ.

Увѣренность въ его голосѣ объяснялась тѣмъ, что, заглянувъ, минуту назадъ, въ комнату дяди, онъ увидѣлъ его мундиръ, разложенный на диванѣ.

Сергѣй Львовичъ, сіявшій отъ радости, поспѣшилъ тутъ же сообщить извѣстіе о Липецкомъ, который назначенъ къ нимъ губернаторомъ; теперь это вѣрно, потому что самъ Липецкой писалъ ему вчера объ этомъ, и сегодня будетъ сюда обѣдать.

— Насъ уже извѣстили объ этомъ; вы потому видите насъ въ мундирѣ, сказалъ судья, пожимая губами: — мы съ тѣмъ и пріѣхали, чтобы въ два часа ѣхать на станцію встрѣчать его превосходительство.

— Прекрасно, и оттуда вмѣстѣ ко мнѣ обѣдать!

При словѣ: «обѣдать», исправникъ встрепенулся.

— Мы такъ и разсчитывали, глухо произнесъ онъ.

Вслѣдъ за Берендѣевымъ и Шлыковымъ подъѣхало семейство Дроздовыхъ. Оно было очень многочисленно и состояло, во-первыхъ, изъ самого господина Дроздова, сѣдаго, нахмуреннаго помѣщика, похожаго на стараго римскаго трибуна (какъ ихъ изображаютъ обыкновенно наши художники на своихъ академическихъ программахъ), но на самомъ дѣлѣ, такого же скучнаго, какъ петербургскій осенній день; во-вторыхъ, состояло оно изъ супруги его, Анны Ефимовны, больше, впрочемъ, извѣстной подъ именемъ «матери Гамлета». Названіе основывалось на томъ, что всѣ актрисы, исполнявшія эту роль, отличались большею частію почтенными лѣтами и такою же почтенною тучностью; въ ея взглядѣ и походкѣ, кромѣ того, было даже что-то трагическое. Взглянувъ на ея талію и затѣмъ переведя глаза на ея дочь, никто не удивлялся, что она могла произвести на свѣтъ такое дюжее дѣтище. Мамзель Титишь (такъ звали въ семействѣ старшую дочь) уже нѣсколько лѣтъ металась какъ угорѣлая и кусала свои подушки отъ желанія выйдти замужъ; она принадлежала къ числу тѣхъ барышень неопредѣленнаго возраста, которыя говорятъ: «тогда», упоминая о чемъ-нибудь бывшемъ за десять лѣтъ, и «перестаньте», когда вы вовсе не думали начинать; бутондамуры были самымъ замѣчательнымъ украшеніемъ ея лица. За нею слѣдовалъ братъ, гимназистъ лѣтъ пятнадцати, смотрѣвшій какъ-то косо изподлобья и весьма похожій на маленькаго озлобленнаго хорька.

Но самою замѣчательною личностью, прибывшей съ Дроздовыми, безспорно былъ гувернеръ ихъ дѣтей—Порфирій Павловичъ Мурзахановъ.

Это былъ человѣкъ лѣтъ двадцати-пяти, съ волосами блѣдно-грязнаго цвѣта, лицомъ геморoидальнаго свойства и красными пальцами грязнаго вида; узенькія, блѣдныя губы его непріятно какъ-то подергивались въ углахъ: знакъ ненасытнаго, но подавленнаго самолюбія; мутные сѣрые глаза какъ-то презрительно прищуривались, поглядывая свысока, нехотя обращались даже къ тѣмъ, кто говорилъ съ нимъ; выраженіе лица его было въ высшей степени надутое, самонадѣянное; оно обличало чувство величайшей увѣренности въ самомъ себѣ и сознаніе неизмѣримаго превосходства надъ остальными смертными.

Петръ Сергѣевичъ зналъ Мурзаханова нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ университетѣ. Но они не сошлись съ первой встрѣчи.

Мурзахановъ принадлежалъ тогда къ кружку людей, которые напивались по принципу, желая доказать тѣмъ свое сочувствіе къ вопросу о народности. Если кто-нибудь въ ихъ кругу начиналъ пить не шутя и превращался въ стельку, объ немъ говорили, что виною всему русская натура, съ которою, ради неизмѣримой широты ея, никакой нѣтъ возможности совладать.

Просторъ этихъ широкихъ натуръ уживался, однакожъ, очень хорошо въ крошечныхъ, затхлыхъ, грязныхъ и душныхъ комнатахъ, гдѣ крѣпко пахло тулупомъ, гдѣ нерѣдко случалось находить въ углу блинъ, завалявшійся съ прошлой масляницы. Широта натуры отлично также уживалась, съ другой стороны, со взаимнымъ обожаніемъ десятка людей и безусловнымъ поклоненіемъ одного другому: «Ты, Вася, великъ!»—«Нѣтъ, ты, Петя, великъ!» и т. д.

Иногда, впрочемъ, кромѣ водки, освѣжали они себя еще другимъ способомъ: это называлось собственно уже духовнымъ, нравственнымъ освѣженіемъ; сведя знакомство съ ямщикомъ или дворникомъ, они зазывали его къ себѣ, и, пропустивъ съ нимъ третью, четвертую, услаждали себя созерцаніемъ могучей, цѣлой, непорочной натуры,

стараясь, въ то же время, наговориться съ нею «по душѣ».

Потомъ Мурзахановъ принялъ неожиданно другое направленіе, принялся уничтожать авторитеты и откровенно говорилъ, что считать себя выше другихъ, уважать свое мнѣніе, какое бы оно ни было, выше мнѣнія другого, есть первый долгъ каждаго человѣка, которому сколько-нибудь доступно самоуглубленіе. Онъ тогда уже рѣдко сталъ посѣщать лекціи, говоря, что тамъ нечего слушать.

Въ настоящее время, Петръ Сергѣевичъ менѣе чѣмъ когда-нибудь могъ имѣть надежду обратить на себя вниманіе Мурзаханова. Начать съ того, что Мурзахановъ снова перемѣнилъ направленіе. Коренное убѣжденіе его заключалось теперь въ томъ, что Россія неминуемо погибнетъ, если въ самомъ скоромъ времени не принять мѣръ для ея спасенія. Мѣры, проповѣдуемыя Мурзахановымъ, не совсѣмъ отвѣчали основной мысли: основная мысль дышала новизною и свѣжестью, тогда какъ мѣры,— если не измѣняетъ намъ память,—были уже пущены въ ходъ тысяча восемьсотъ шестьдесятъ три года назадъ, именно при царѣ Иродѣ; разница состояла въ томъ, что тогда дѣло шло объ истребленіи младенцевъ, тогда какъ здѣсь предлагалось истребленіе людей, начиная отъ старчества до зрѣлыхъ лѣтъ исключительно.

Приведеніе въ дѣйствіе старой этой системы истребленія допущено было въ настоящемъ случаѣ, вѣроятно, потому только, что время не позволяло изобрѣсти ничего новѣе, такъ какъ Россія уже стояла на краю погибели.

Одна добродушная провинціальная дама, которой Мурзахановъ передалъ когда-то свои убѣжденія, не шутя перепугалась.

— Ахъ, Боже мой! произнесла она: — какъ же это? Значитъ всѣ наши помѣщики и чиновники, всѣ лица, которыя занимаютъ какія-нибудь должности, даже въ Москвѣ и Петербургѣ... всѣ они будутъ истреблены и погибнутъ...

— Всѣ, рѣшительно! Потому что все это гнило и требуетъ обновленія.

— Но, Боже мой, какъ же такъ... останется государство... говорила дама, все болѣе и болѣе пугаясь.

— А мы-то на что? сказалъ Мурзахановъ:—мы управимъ!

— Да какъ же такъ... я все не понимаю... Вотъ въ чужихъ краяхъ государствомъ управляютъ все больше пожилые и опытные люди... Какъ же у насъ тогда будетъ? Молодые люди по большей части еще неопытны...

— Какъ только гнилье вонъ, и мы заступимъ его мѣсто, вы увидите, какъ пойдетъ дѣло!

Кромѣ новаго этого направленія, Мурзахановъ былъ недоступенъ Петру Сергѣевичу еще по другой причинѣ.

Разговаривая утромъ съ Берендѣевой, Петръ Сергѣевичъ узналъ, что Мурзахановъ, давно отвергшій все существующее, занимается теперь очень серіозно сочиненіемъ новой религіи. Очевидно, послѣ этого, нечего уже было и подступать къ нему.

Петръ Сергѣевичъ, движимый больше любопытствомъ, не утерпѣлъ, однакожъ; онъ приступилъ уже къ первымъ вопросамъ, но въ эту самую минуту, все вокругъ заволновалось и пришло въ движеніе. Разнесся слухъ, что идетъ его высокопревосходительство.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ.

ДВѢ ЗВѢЗДЫ ИЗЪ КОТОРЫХЪ ОДНА ЗНАЧИТЕЛЬНО ТЕРЯЕТЪ СВОЙ БЛЕСКЪ И СКЛОНЯЕТСЯ КЪ ГОРИЗОНТУ.

Дѣйствительно въ дальнемъ концѣ залы послышались тяжелые размѣренные шаги; казалось, выступала статуя командора въ послѣднемъ дѣйствіи «Донъ-Жуана».

Въ самую минуту, какъ Помпей Николаевичъ Пыщинъ, сопровождаемый Сергѣемъ Львовичемъ, выходилъ изъ коридора въ залу, — дворъ огласился пѣсней и въ растворенныхъ окнахъ ярко зепестрѣла толпа двигавшагося народа.

— Видите ли, Помпей Николаевичъ, даже они,—они вамъ радуются!.. воскликнулъ Люлюковъ.

Но онъ ошибался; дудиловцамъ было совершенно все

равно; они побѣжали бы на барскій дворъ съ тѣмъ рвеніемъ, если-бы сказали имъ, что тамъ будутъ показывать барана съ золотыми рогами, курицу, которая пропоетъ пѣтухомъ и т. д. Дѣло было не въ этомъ, однакожъ: эффектъ произведенъ, и встрѣча удалась какъ нельзя болѣе.

Замѣдливъ на секунду шагъ, чтобы показаться народу и кивнуть гвловою, Помпей Николаевичъ Пыщинъ направился далѣе; подобравъ плечи, выгнувъ спину и выставивъ впередъ грудь, онъ тѣмъ же ровнымъ, размѣреннымъ шагомъ вступилъ въ гостиную и, остановясь по серединѣ, отвѣтилъ общимъ поклономъ на реверансы и поклоны присутствующихъ.

Послѣ того онъ еще круче приподнялъ плечи и еще выпуклѣе выставилъ грудь.

Заглянувъ въ эту секунду въ гостиную, можно было подумать,—павлинъ вошелъ нечаянно въ курятникъ.

Представленіе началось, какъ только дамы, окончивъ свой реверансъ, заняли прежнія мѣста свои, а мужчины, разогнувъ спины, собрались всѣ въ одну кучу, — за исключеніемъ впрочемъ Мурзаханова и его питомца, гимназиста Дроздова; послѣдніе незамѣтно выюркнули въ залу.

Софья Алексѣевна представила дядѣ дамъ; Сергѣй Львовичъ приступилъ къ мужчинамъ; онъ началъ по старшинству, съ судьи, разумѣется.

Пыщинъ положилъ въ ладонь оторопѣвшаго судьи два неразогнутыхъ пальца и слегка наклонилъ на бокъ голову, какъ бы готовясь что-то выслушать.

— Нашъ исправникъ! продолжалъ Сергѣй Львовичъ, простирая руку съ особеннымъ какимъ-то вывертомъ по направленію къ Шлыкову.

На этотъ разъ Пыщинъ ограничился только снисходительнымъ взглядомъ и спросилъ:

— Гдѣ вы прежде служили? въ драгунахъ?.

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство...

— Въ кирасирахъ?

— Никакъ нѣтъ, ваше высокопревосходительство; до настоящей моей должности нигдѣ не служилъ, произнесъ Шлыковъ, дѣлаясь синимъ отъ одышки.

— Странно: сказалъ генералъ.

Онъ представить себѣ не могъ, чтобы человѣкъ такого роста и сложенія нигдѣ не служилъ; и прежде всего, конечно, ему пришла мысль о драгунахъ и кирасирахъ. Вообще говоря, Помпей Николаевичъ представить себѣ не могъ человѣка не служащаго и тѣмъ менѣе могъ себѣ представить человѣка никогда не служившаго.

Представленія продолжались, и наконецъ дошла очередь до Мерзенгеймера, который попалъ какъ-то подъ конецъ, хотя и совался постоянно впередъ. Отвѣшивая низкій поклонъ, такъ что руки его повисли по бокамъ, какъ вѣтви плакучей березы, Францъ Ивановичъ въ то же время слѣдилъ украдкой за каждымъ движеніемъ генерала, приготовляясь почтительно схватить его руку, какъ только тотъ ее протянетъ; но такъ какъ этого не случилось, Мерзенгеймеръ, разгибаясь постепенно, просеменилъ нѣсколько шажковъ назадъ, — какъ это дѣлаютъ актеры, когда ихъ вызываютъ.

По окончаніи церемоніи, Помпей Николаевичъ повернулся всѣмъ корпусомъ и занялъ приготовленное ему мѣсто не далеко отъ окна.

Въ тотъ же мигъ начали разносить шоколадъ.

Это было очень кстати, потому что разговоръ рѣшительно не завязывался. Напрасно Сергѣй Львовичъ усиливался, какъ говорятъ, соединить, слить общество, напрасно перебѣгалъ онъ отъ одной группы къ другой, напрасно поощрялъ своихъ сосѣдей, мигая на стулья, умышленно разставленные невдалекѣ отъ именитаго дяди: ничего не помогало.

Величавая сановитость Помпея Николаевича такъ съ перваго раза всѣхъ озадачила, повергла всѣхъ въ такой благоговѣйный трепетъ,—что никто не рѣшался тронуться съ мѣста. Даже аристократическая Берендѣева и трагическая Анна Ефимовна Дроздова, ни передъ кѣмъ до сихъ поръ не спускавшія флага, — и тѣ потеряли свою увѣренность. Разъ только Дроздовъ, понукаемый хозяиномъ дома, возвысилъ голосъ; но и то лучше было-бы, еслибъ онъ этого не сдѣлалъ, какъ выразился потомъ самъ Сергѣй Львовичъ. Выразительно кашлянувъ, Дроз-

довъ неожиданно повелъ рѣчь о томъ, что нѣтъ ничего глупѣе привычки заводить въ домѣ канареекъ и маленькихъ собачекъ; къ животному привыкнешь, сказалъ онъ, и всегда кончается тѣмъ, что его кто-нибудь раздавитъ или задушитъ; онъ довершилъ рѣчь свою тѣмъ, что послѣ того, какъ былъ у него «чин-карлъ съ острова Мадеры», и его разорвали собаки,—онъ далъ себѣ слово отдѣлаться разъ навсегда отъ такой привычки.

Но и этотъ голосъ пронесся точно въ пустынѣ; никто не поддержалъ его. Дамы вопросительно переглядывались; мужчины стояли на прежнихъ мѣстахъ своихъ, поглощенные видомъ Пыщина.

Петръ Сергѣевичъ, изъ угожденія отцу, принимался нѣсколько разъ разговаривать съ дядей; но и это ни къ чему не повело. Пыщинъ ограничивался нѣсколькими лаконическими отвѣтами—и только. Онъ продолжалъ плотно сидѣть, какъ свая, окованная морозомъ, или, вѣрнѣе, какъ мистическое индѣйское раззолоченное божество, окруженное трепещущими идолопоклонниками. Послѣднее сравненіе было ближе къ истинѣ; для полноты сходства, оставалось только присутствовавшимъ повалиться на полъ и лежать ницъ передъ Пыщинымъ. Въ настоящую минуту, по крайней мѣрѣ, Помпей Николаевичъ ни въ какомъ случаѣ не могъ жаловаться на недостатокъ уваженія. Тѣмъ не менѣе, онъ казался не въ духѣ и ни на кого не обращалъ снисходительнаго вниманія. Всѣ ждали, вотъ-вотъ заговоритъ онъ; но онъ молчалъ, — и всѣ молчали, кромѣ мужиковъ и бабъ, которые горланили на дворѣ пѣсни.

Раздраженный подъ конецъ этими пѣснями, Сергѣй Львовичъ отдалъ приказаніе, чтобъ они замолкли; въ сердце его начинало уже проникать безпокойство; но, къ счастію, пріѣхалъ предводитель.

Николай Астафьевичъ Ананасовъ (такъ звали предводителя) представлялъ изъ себя сѣдого старика, шибко разбитаго на ноги, но очень еще бодраго духомъ, веселаго и предпріимчиваго; носъ еще украшался большими очками, которыя онъ часто переводилъ на лобъ, когда хотѣлъ придать особенное значеніе своему взгляду.

Онъ былъ въ черномъ фракѣ, бѣлыхъ канифасовыхъ панталонахъ и въ такомъ-же жилетѣ.

— Нашъ предводитель дворянства! провозгласилъ напряженно Сергѣй Львовичъ, представляя Ананасова.

Пыщинъ привсталъ и подалъ ему всю ладонь.

Онъ вообще выказалъ ему лестное вниманіе и обошелся привѣтливо, что было тотчасъ же принято къ свѣдѣнію присутствующими.

— Замѣтили, господа, шепнулъ Мерзенгеймеръ, поймавъ въ залѣ судью и исправника, которые собирались ѣхать на станцію встрѣчать губернатора:—замѣтили, онъ Ананасову два раза пожалъ руку?..

— Да, и въ третій хотѣлъ пожать; но вѣроятно, былъ чѣмъ-то развлеченъ... отозвался Берендѣевъ.

— Какъ вообще вы нашли его?

— Орелъ! сказалъ исправникъ.

— Левъ! подтвердилъ судья.

— Замѣчательная особа, это видно, вымолвилъ Мерзенгеймеръ:—только, кажется, очень ужъ надмененъ...

— Каковъ-то будетъ новый нашъ губернаторъ? подхватилъ судья, безпокойно прищуриваясь.

— А вотъ посмотримъ! сказалъ исправникъ, поглядывая на часы и направляясь къ прихожей.

Въ гостиной, между тѣмъ, произошла точно перемѣна декораціи. Какихъ нибудь пяти минутъ достаточно было Ананасову, чтобы сдѣлать то, чего, при всѣхъ усиліяхъ, не могъ достигнуть Сергѣй Львовичъ.

Мало того, что Николай Астафьевичъ отъ природы былъ очень краснорѣчивъ и находчивъ, — долгая предводительская карьера въ значительной еще степени выработала и усовершенствовала въ немъ эти способности. Большой прожектеръ, составитель проектовъ объ эманципаціи, объ улучшеніи финансовъ, онъ самъ на дѣлѣ былъ плохой помѣщикъ, крѣпостникъ отъявленный и, къ довершенію, самъ такъ управилъ своими финансами, что совсѣмъ промотался. Но это ничего не значило; онъ зналъ очень хорошо, что пока онъ начальникъ опеки, ему нечего ея бояться. Основываясь на этомъ, онъ не падалъ духомъ и продолжалъ веселостью поддерживать свое достоинство, хотя многіе и

находили, что веселость его ничего больше, какъ улыбка умирающаго гладіатора. Ораторство составляло впрочемъ самую видную черту его даровитой натуры; потому собственно такъ долго и держался онъ на предводительскомъ мѣстѣ, что въ разговорахъ съ кѣмъ угодно и о чемъ угодно не находилъ себѣ въ губерніи соперника.

Въ одинъ мигъ успѣлъ онъ всѣхъ связать и завести оживленную бесѣду. Онъ умѣлъ какъ-то разомъ касаться всѣхъ предметовъ и всѣхъ занимать въ одно время.

Почтительно обращаясь къ Помпею Николаевичу,—и даже зажмуривая при этомъ глаза,—онъ разспрашивалъ его о тѣхъ заслуженныхъ генералахъ, которые могли быть его товарищами: съ дамами говорилъ онъ о текущихъ новостяхъ, съ мужчинами—о хозяйствѣ и псовой охотѣ.

Сергѣй Львовичъ былъ въ восторгѣ; въ изъявленіе своей признательности, онъ нѣсколько разъ подходилъ къ Ананасову и выразительно пожималъ ему руку. Онъ тутъ же подвелъ къ нему сына и просилъ полюбить молодого человѣка.

Въ такомъ благопріятномъ положеніи было дѣло, какъ вдругъ пронесся слухъ, что ѣдетъ губернаторъ.

При этомъ извѣстіи, ораторъ остановился. Всѣ снова заволновались. Сергѣй Львовичъ улыбнулся и медленно вышелъ изъ гостиной; ступивъ въ залу, онъ быстро однакожъ побѣжалъ впередъ на своихъ коротенькихъ ножкахъ.

Въ глубинѣ прихожей увидѣлъ онъ молодого, довольно красиваго генерала, который торопливо снималъ съ себя пальто; исправникъ и судья, стоявшіе за нимъ, ухватили-было каждый за рукавъ, но генералъ ловко вывернулся, сказавъ;

— Помилуйте, господа, что вы?

Замѣтивъ Сергѣя Львовича, молодой генералъ быстро пошелъ ему на встрѣчу.

Сергѣй Львовичъ простеръ-было руку, но генералъ обнялъ его и началъ цѣловать въ обѣ щеки.

— Я вдвойнѣ счастливъ, что вижу васъ сегодня, заговорилъ онъ:—господа судья и исправникъ были такъ

добры, сказали мнѣ, что нынче день рожденія Софьи Алексѣевны; какъ это кстати! Ну что вы, какъ, почтеннѣйшій Сергѣй Львовичъ? здоровы ли всѣ ваши? И Петръ Сергѣевичъ здѣсь, я слышалъ...

— Здѣсь! здѣсь!.. подтвердилъ совершенно разстроганный Люлюковъ:—здѣсь также дядя жены, Помпей Николаевичъ Пыщинъ!..

Но послѣднее извѣстіе не произвело особеннаго впечатлѣнія на молодого генерала; онъ сказалъ только: «да, мнѣ говорили господа исправникъ и судья;—очень буду радъ познакомиться»; и взявъ подъ руку Сергѣя Львовича, направился въ залу.

Въ дверяхъ гостиной его встрѣтила Софья Алексѣевна; за нею толпилось все общество, кромѣ только Пыщина. Послѣдній остался на своемъ мѣстѣ и мрачно покосился на дверь.

— Боже мой, какъ давно мы не видались! весело заговорилъ Липецкой послѣ первыхъ привѣтствій и снова принимаясь цѣловать руку Люлюковой: —здравствуйте, Софья Алексѣевна! здравствуйте, Зинаида Львовна! узнали ли вы меня?.. Неужто это Петръ Сергѣевичъ? подхватилъ онъ, протягивая руку молодому Люлюкову и крѣпко ее пожимая:—Господи, какая перемѣна! Встрѣться я съ вами случайно, я бы не узналъ васъ...

Но Сергѣй Львовичъ не далъ договорить. Подхвативъ Липецкаго подъ руку, онъ суетливо повелъ его къ Пыщину, который въ это время привсталъ.

— Очень радъ... коротко и сухо сказалъ Пыщинъ въ отвѣтъ на привѣтствіе Липецкаго.

Послѣ того онъ тяжело опустился въ свое кресло и сдѣлался вдругъ еще угрюмѣе.

Губернаторъ тотчасъ же обратился къ хозяину дома.

— Сергѣй Львовичъ, познакомьте насъ пожалуйста... проговорилъ онъ, обводя глазами присутствующихъ и кланяясь дамамъ:—съ двумя моими сослуживцами я уже имѣлъ удовольствіе познакомиться...

— Позвольте, ваше превосходительство, третьему сослуживцу самому себя представить: здѣшній уѣздный

предводитель дворянства! сказалъ Ананасовъ, выступая впередъ, улыбаясь и расшаркиваясь.

— Очень радъ, что случай устроилъ раньше наше знакомство, сказалъ Липецкой, пожимая ему руку.

Сергѣй Львовичъ представилъ ему поочередно всѣхъ гостей своихъ. Липецкой съ каждымъ обмѣнялся нѣсколькими привѣтливыми словами; онъ пожалъ руку даже Мурзаханову, не смотря на то, что тотъ смотрѣлъ на него какъ-то свысока и какъ-бы изъ милости. Съ дамами онъ былъ особенно любезенъ; онъ не пропустилъ безъ вниманія даже мать Гамлета и Ольгу Ивановну. Послѣ того, онъ потребовалъ, чтобы Софья Алексѣевна представила ему дѣтей своихъ, и когда ихъ привели, онъ всѣхъ перецѣловалъ, а Коко взялъ на руки, высоко поднялъ на воздухъ и сказалъ:

— У, какой молодецъ!..

Всѣ были въ восторгѣ. Чувство это въ значительной степени поддерживали судья и исправникъ; переходя отъ одного къ другому, они разсыпали восторженныя похвалы новому начальнику.

Сергѣй Львовичъ заботливо между-тѣмъ разставлялъ полукругомъ стулья передъ Пыщинымъ, который продолжалъ коситься въ бокъ. Но случилось такъ, что Софья Алексѣевна находилась въ это время на другомъ концѣ гостиной. Липецкой прямо пошелъ къ ней и, подозвавъ Петра Сергѣевича, расположился на диванѣ между хозяйкой дома и ея сыномъ. Дамы поспѣшили къ нимъ присоединиться; кавалеры послѣдовали ихъ примѣру.

— Помните ли, говорилъ между прочимъ Липецкой:— я послѣдній разъ былъ у васъ съ покойнымъ отцомъ... Какъ теперь помню: Софья Алексѣевна подарила мнѣ тогда какую-то книжку съ картинками, Сергѣй Львовичъ вызвался хлопотать объ опредѣленіи моемъ въ корпусъ; на немъ, какъ теперь вижу, былъ тогда фракъ; онъ куда-то собирался ѣхать. Петръ Сергѣевичъ, конечно, ничего этого не помнитъ! Онъ былъ вотъ какой каплюшка... Сергѣй Львовичъ, сколько могло быть тогда лѣтъ Петру Сергѣевичу?

Люлюковъ, суетливо перебѣгавшій въ эту минуту отъ

дяди Пыщина на противоположный конецъ гостиной, гдѣ столпилось все общество, какъ разъ былъ тогда подлѣ Липецкаго.

— Лѣтъ пять, я думаю! отвѣчалъ онъ наобумъ.

Тутъ принялся онъ выдѣлывать телеграфическія знаки глазами и головою, по направленію къ дядѣ Пыщину.

Положеніе послѣдняго было, дѣйствительно, не завидно и требовало немедленнаго подкрѣпленія; онъ остался совершенно одинъ; ему измѣнилъ даже Ананасовъ, присоединившійся къ общему кружку.

Липецкой поспѣшилъ вывести Сергѣя Львовича изъ затрудненія. Онъ всталъ и, сдѣлавъ видъ, какъ-будто въ этомъ дѣйствіи его не было ничего преднамѣреннаго, подошелъ къ Помпею Николаевичу. Сергѣй Львовичъ торопливо за нимъ послѣдовалъ, продолжая производить телеграфическіе жесты, имѣвшіе цѣлью направить туда же остальныхъ гостей своихъ.

— Вы, ваше высокопревосходительство, кажется, также нашъ помѣщикъ? спросилъ губернаторъ, призывая на помощь всю свою любезность.

— У меня здѣсь небольшое имѣніе, возразилъ Пыщинъ голосомъ, который рѣзко противорѣчилъ смиренію словъ его

— И часто здѣсь бываете, ваше высокопревосходительство? почтительно освѣдомился губернаторъ.

— Нѣтъ, сказалъ Пыщинъ, тономъ, отстранявшимъ на этотъ разъ всякое поощреніе къ дальнѣйшей бесѣдѣ.

Сергѣй Львовичъ вмѣшался въ разговоръ и началъ объяснять, что у Помпея Николаевича другая деревня въ Петербургской губерніи. Но Липецкой уже мало повидимому этимъ интересовался. Казалось, его гораздо больше занималъ садъ Сергѣя Львовича.

— Какой славный у васъ садъ! сказалъ онъ, обращаясь къ окнамъ:—я имѣю большую слабость къ этимъ стариннымъ садамъ.

— Отсюда садъ не такъ еще хорошъ, промолвила Софья Алексѣевна, не замѣчавшая телеграфическихъ знаковъ своего мужа:—онъ особенно выигрываетъ изъ залы.

— Ахъ, это правда! неожиданно подхватила дѣвица Дроздова, поощренная матерью.

— Оттуда особенно хорошо видна аллея, замѣтилъ Мерзенгеймеръ, у котораго давно чесался языкъ вставить свое словцо.

Липецкой подалъ руку Софьѣ Алексѣевнѣ и прошелъ въ залу, гдѣ давно уже накрывали столъ.

Общество цѣликомъ двинулось за ними, къ великому замѣшательству Сергѣя Львовича, который снова увидѣлъ себя одного съ Пыщинымъ. Сергѣй Львовичъ, не зная самъ почему, начиналъ уже какъ-то робѣть въ присутствіи дяди. Онъ снова забѣгалъ отъ Пыщина къ Липецкому, отъ Липецкаго къ Пыщину, который продолжалъ сидѣть угрюмо, поглядывая въ бокъ.

Но положеніе дяди Пыщина было уже, повидимому, неисправимо; оно ухудшалось съ каждой минутой. Куда ни направлялся Липецкой, всѣ за нимъ слѣдовали; онъ говорилъ—всѣ его слушали; взгляды, улыбки, вниманіе присутствующихъ—обращались исключительно къ нему одному. Ободренные его простотою обращенія, обласканные его привѣтливостью, даже робкій судья и заспанный исправникъ вмѣшались теперь въ разговоръ. Дамы, очарованныя его любезностію, выгружали на перебой весь свой репертуаръ изысканныхъ фразъ и выраженій. Зинаида Львовна, до сихъ поръ стыдливо какъ-то прятавшаяся, не стыдилась выказывать всѣмъ свое восхищеніе. Всѣ чувствовали себя какъ-то легко, развязно. Словомъ, восторгъ былъ общій. Съ каждою секундой, Липецкой торжествовалъ болѣе и болѣе, и, въ свою очередь, съ каждою секундой, Сергѣй Львовичъ все болѣе и болѣе смущался и терялъ голову.

Успѣхъ молодого губернатора былъ такъ великъ, что Петръ Сергѣевичъ, заглянувъ на минуту въ залу и встрѣтивъ тамъ Ольгу Ивановну, Гаденбурга, гимназиста и Мурзаханова, не безъ удивленія услышалъ, что даже между ними рѣчь шла о Липецкомъ.

— Ахъ, вотъ и Петръ Сергѣевичъ! воскликнула Ольга Ивановна:—скажите: какое сдѣлалъ онъ на насъ впечатлѣніе?

— Отличный человѣкъ! сказалъ Люлюковъ.

— Да, отрадное явленіе, не правда ли? подхватила Ольга Ивановна.

Въ эту минуту Сергѣй Львовичъ торопливо вошелъ въ залу.

— Пьеръ, сказалъ онъ, отводя сына и понижая голосъ до шопота: — я, право, не знаю, что мнѣ дѣлать: дядя опять одинъ! Хоть бы ты какъ-нибудь помогъ мнѣ.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? Видишь: онъ самъ всѣхъ отдалилъ отъ себя своею важностью.

— Я совершенно теряю голову; вся надежда на Ананасова!

Сергѣй Львовичъ много также разсчитывалъ на обѣдъ, который, по его мнѣнію, невольно долженъ былъ сомкнуть общество и присоединить его къ дядѣ Пыщину.

Основываясь на этомъ, онъ приказалъ скорѣе подавать супъ, и какъ только это было исполнено, онъ вошелъ въ гостиную, вычурно подалъ руку Берендѣевой и подвелъ ее къ Помпею Николаевичу, прося его вести даму въ залу.

Липецкой поспѣшилъ дать руку хозяйкѣ дома, предводитель взялъ мать Гамлета, и все общество потянулось гуськомъ въ залу.

Сергѣй Львовичъ распорядился такъ, чтобы помѣстить Пыщина на свое почетное мѣсто, между Берендѣевой и хозяйкой дома; насупротивъ посадилъ онъ губернатора и предводителя. Петръ Сергѣевичъ, хлопотавшій на другомъ концѣ стола, усадилъ Гаденбурга рядомъ съ Ольгой Ивановной, а насупротивъ помѣстилъ Мурзаханова. Самому ему пришлось сѣсть не вдалекѣ между Зинаидой Львовной и гимназистомъ Дроздовымъ.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ,

ИЗОБРАЖАЮЩАЯ ЯРКИМИ КРАСКАМИ ВСЮ НЕСОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ ПЛАНОВЪ И РАЗСЧЕТОВЪ СЕРГѢЯ ЛЬВОВИЧА.

Шампанское было уже налито и предводитель выказывалъ явные знаки, что хочетъ сказать привѣтствіе новорожденной.

Легкій, едва примѣтный звукъ ножа по стакану заставилъ всѣхъ обратить глаза на Ананасова.

Онъ всталъ съ бокаломъ въ рукѣ и, обратясь къ Софьѣ Алексѣевнѣ, выразительно кашлянулъ.

Милостивая государыня, Софья Алексѣевна! провозгласилъ ораторъ:—въ сей день, для всѣхъ насъ пріятный, день, ознаменованный столь радостными встрѣчами (тутъ онъ на секунду пріостановился и, слегка наклонивъ голову, взглянулъ на Пыщина и потомъ на губернатора), мы всѣ... всѣ мы... (тутъ обвелъ онъ глазами весь кругъ стола), мы всѣ собрались сюда въ это памятное для насъ число роскошнаго іюля мѣсяца, чтобъ отпраздновать съ радостнымъ чувствомъ день вашего рожденія... Позвольте же, отъ имени всѣхъ, поздравить васъ отъ чистаго сердца, и пожелать, чтобы день этотъ сопровождался всякій годъ такими же радостями... Софья Алексѣевна, мы пьемъ за ваше здоровье!..

— Ура! Ура! разнеслось по залѣ.

Тутъ Зинаида Львовна, державшая себя вообще такъ тихо, что никто почти не замѣчалъ ея присутствія, рѣшилась наконецъ выступить на сцену. Она поднялась съ мѣста и, граціозно обойдя вокругъ стола, бросилась цѣловать свою подругу. Дѣти и Сергѣй Львовичъ послѣдовали ея примѣру; но Сергѣй Львовичъ исполнилъ это съ какою-то лихорадочною торопливостью. Не давъ даже всѣмъ гостямъ подойдти къ женѣ и чокнуться съ ней бокаломъ, Сергѣй Львовичъ быстро возвратился къ своему мѣсту, налилъ новый бокалъ и, поднявъ его высоко на воздухъ, неожиданно прокричалъ какимъ то отчаяннымъ, потрясающимъ голосомъ:

— Господа!.. Милостивые государи!!.. Позвольте... Я предлагаю здоровье Помпея Николаевича... Уррра!..

— Ура! крикнулъ Ананасовъ и за нимъ, нѣсколько слабѣе, губернаторъ.

— Господа, здоровье Помпея Николаевича! еще энергичнѣе прокричалъ Сергѣй Львовичъ:—уррра... а! а!..

— Ура! крикнули на этотъ разъ только предводитель и домашніе, въ числѣ которыхъ особенно рѣзко прозвучалъ голосъ Кокò.

— Ура! крикнулъ въ третій разъ Сергѣй Львовичъ.

На этотъ разъ отозвался почти одинъ Кокò,—обстоятельство, заставившее Сергѣя Львовича покраснѣть до ушей и пробѣжать вокругъ стола безъ всякой видимой надобности.

Въ то время, какъ Пыщинъ наклонялъ голову и благодарилъ, чтó, сказать мимоходомъ, дѣлалъ онъ не расправляя нахмуренныхъ бровей, Петръ Сергѣевичъ почувствовалъ, что сосѣдъ гимназистъ тронулъ его за рукавъ. Онъ нагнулся очень неохотно, потому что сосѣдъ этотъ успѣлъ уже надоѣсть ему до смерти; онъ поминутно просилъ Петра Сергѣевича придвинуть ему конфекты и фрукты, которыми столько же объѣдался, сколько украдкою набивалъ карманы.

— Чтò вамъ угодно? спросилъ Люлюковъ.

— Отлично! шепнулъ гимназистъ:—чортъ съ нимъ!..

— Съ кѣмъ? нетерпѣливо спросилъ Петръ Сергѣевичъ.

— Съ этимъ генераломъ, которому такъ слабо кричали... Ихъ надо истреблять...

— За чтò?

— Поганое старичье...

Петръ Сергѣевичъ не успѣлъ возразить, какъ почувствовалъ на другомъ рукавѣ прикосновеніе Зинаиды Львовны.

— Замѣчаешь, Пьеръ, какъ онъ грустенъ!..

— Кто?

— Помпей Николаевичъ...

Люлюковъ невольно взглянулъ въ ту сторону, гдѣ сидѣлъ Пыщинъ, но въ ту же секунду отвелъ глаза къ Ананасову, который снова застучалъ въ стаканъ.

Ананасовъ стоялъ теперь съ бокаломъ передъ губернаторомъ.

— Ваше превосходительство! началъ онъ звучнымъ горловымъ голосомъ:—позвольте мнѣ выразить вамъ отъ имени всѣхъ присутствующихъ... я увѣренъ, всѣ радостно примутъ мое предложеніе.

— Конечно! Да!.. Да! О, разумѣется!.. Да!.. раздалось вокругъ.

У Сергѣя Львовича тоскливо при этомъ заныло сердце; онъ украдкой взглянулъ на Пыщина, но тотчасъ же опустилъ глаза въ тарелку.

Ораторъ между тѣмъ продолжалъ:

— Позвольте выразить вамъ при этомъ благопріятномъ случаѣ, что, присутствуя здѣсь, между нами, вы даете намъ возможность ощущать, такъ сказать, двойную радость: мы радуемся, вопервыхъ, видя передъ собою заслуженнаго героя Севастополя, героя, успѣхи котораго заставляли не разъ биться сердца наши... Во-вторыхъ, мы радуемся вамъ, какъ новому начальнику этого края, начальнику, на котораго возлагаемъ наши лучшія надежды...

— Ура! урра!.. дружно загремѣло вокругъ.

Но тутъ же всѣ опять смолкли, увидя, что Липецкой поднялся съ мѣста.

— Позвольте также и мнѣ съ своей стороны отблагодарить васъ, сказалъ онъ, весело поглядывая на всѣ стороны: —надежды, о которыхъ вы упоминаете, я всѣми силами постараюсь оправдать, а пока радуюсь искренно, что вижу васъ и сердечно благодарю за привѣтствіе!..

Но тутъ уже поднялся такой гамъ, что въ первую минуту можно было думать, что столъ рухнулся на полъ со всѣми приборами.

Положеніе Сергѣя Львовича стало окончательно невыносимо. Онъ вертѣлся на стулѣ, какъ на острыхъ шпилькахъ. Каждую минуту вскакивая и вскрикивая: ура! чтобы вторить общему гаму, онъ въ промежуткахъ пугливо взглядывалъ на дядю Пыщина и принимался дѣлать ему разныя угожденія, какъ-то: подливалъ вина, подчивалъ конфектами, подносилъ грушу, ломтикъ ананаса и проч.

На такія изъявленія вниманія дядя Пыщинъ не обращалъ. повидимому, никакого вниманія. Онъ продолжалъ неподвижно сидѣть и только время отъ времени угрюмо переводилъ глаза изъ стороны въ сторону.

Но когда положеніе Сергѣя Львовича окончательно пришло къ полной своей безотрадности, такъ это послѣ обѣда, когда всѣ встали изъ-за стола, и дядя Пыщинъ,

подавъ руку Берендѣевой, повелъ ее прямо въ гостиную, между тѣмъ, какъ губернаторъ, заговорившись въ это время съ хозяйкой дома, повелъ ее изъ залы на балконъ и такимъ образомъ, совершенно противъ воли, увлекъ туда же за собою все общество.

Все это произошло такъ неожиданно, что общество было уже на балконѣ, прежде чѣмъ Сергѣй Львовичъ могъ привести въ порядокъ свои чувства и успѣлъ принять какія-нибудь предупредительныя мѣры.

Увидя Пыщина въ гостиной одного съ Берендѣевой, онъ быстро задвигалъ коротенькими своими ножками и побѣжалъ туда же, выражая на добромъ лицѣ своемъ всѣ признаки глубочайшаго замѣшательства.

Къ счастію, выручила Берендѣева.

— Ахъ! воскликнула она пугливымъ дѣтскимъ голоскомъ:—mon général, прибавила она, изгибаясь во всѣ стороны въ одно и то же время: — mon général, общество отправилось въ садъ... теперь такъ хорошо въ саду... воздухъ и цвѣты... Пойдемте и мы туда же, mon général....

— Къ вашимъ услугамъ, сударыня! сказалъ Пыщинъ, прогремѣвъ шпорами, но бросивъ строгій взглядъ на Сергѣя Львовича.

Люлюковъ не видѣлъ этого взгляда; онъ стремительно летѣлъ за фуражкой именитаго родственника.

Минуты двѣ спустя, Пыщинъ, Берендѣева и Люлюковъ вступили въ аллею.

— Mon général, пролепетала Лизавета Ивановна: — долго будемъ мы имѣть счастіе видѣть васъ въ нашихъ краяхъ?...

— Я сейчасъ ѣду, сударыня... отозвался Пыщинъ.

— Помилуйте, Помпей Николаевичъ... какъ?.. куда?.. спросилъ Люлюковъ, теряясь въ своихъ доводахъ и путаясь въ мысляхъ.

— Куда, mon général?.. подхватила Лизавета Ивановна съ выраженіемъ неописаннаго сожалѣнія.

— Въ деревню, сударыня! глухо отвѣчалъ генералъ.

Сергѣй Львовичъ началъ убѣдительно упрашивать его остаться хоть еще сколько-нибудь времени, хоть до

вечера, хоть до чая... Онъ надѣялся въ это время успѣть сколько-нибудь поправить дѣло; онъ думалъ, что вечеромъ, при разъѣздѣ гостей, общество поневолѣ должно будетъ выказать больше вниманія Помпею Николаевичу; онъ надѣялся, что тогда хоть сколько-нибудь загладится въ памяти дяди Пыщина неблагопріятное впечатлѣніе этого дня и вообще пребыванія его въ Дудиловкѣ.

Но убѣжденія слабо дѣйствовали на Пыщина. Въ его глазахъ проглядывала рѣшимость, которая замѣтно дѣлалась тѣмъ непреклоннѣе, чѣмъ ближе подходилъ онъ къ обществу, въ главѣ котораго красовался молодой губернаторъ.

Зинаида Львовна первая замѣтила приближающихся и первая извѣстила объ этомъ присутствующихъ. Передовыя пары тотчасъ же замедлили шагъ; за ними остановилось все общество.

Подходя къ ближайшимъ парамъ, Сергѣй Львовичъ выразительно мигнулъ Берендѣевой и повелъ ее и Пыщина прямо на-проломъ по срединѣ аллеи. Общество разступилось, дало имъ дорогу и, снова сомкнувшись, послѣдовало за ними.

Маневръ этотъ, имѣвшій цѣлью втиснуть дядю Пыщина на первый планъ, удался какъ нельзя больше.

Софья Алексѣевна въ тотъ же моментъ оставила своего кавалера, подошла къ дядѣ и приготовилась пропустить руку подъ свободный его локоть, но уже идти было некуда.

Они стояли на самомъ краю рѣки, такъ что даже кринолинъ Берендѣевой почти касался маленькаго мостика.

Сергѣй Львовичъ умышленно не хотѣлъ объявлять въ эту минуту объ отъѣздѣ дяди. Въ головѣ его, способной, какъ извѣстно, на разныя хитрыя выдумки, мелькнула неожиданно новая мысль; чтобы дать дядѣ Пыщину возможность въ послѣдній разъ показать себя во всемъ блескѣ и величіи, онъ придумалъ поставить его на минуту подъ куполъ бесѣдки, которая, если помнимъ, стояла на возвышеніи, и куда, конечно, никто бы не могъ за нимъ

послѣдовать, потому что тамъ съ трудомъ помѣщались три человѣка.

Но такъ ужъ видно опредѣлено было судьбою, что въ этотъ день дядя Пыщинъ первенствовать ни въ чемъ не будетъ.

Сергѣй Львовичъ только-что открылъ ротъ, чтобы пригласить Помпея Николаевича ступить на мостъ, какъ вдругъ Мерзенгеймеръ, державшій подъ руку мать Гамлета, неожиданно оставилъ ее, обратился къ близь-стоявшимъ дамамъ, и сказавъ: «я вамъ покажу дорогу», вошелъ на мостъ.

— Францъ Ивановичъ!.. Позвольте!.. Позвольте! началъ-было Сергѣй Львовичъ.

Но онъ не докончилъ своей фразы: слова замерли въ груди его, и на секунду онъ остановился, прикованный къ мѣсту.

Вотъ что случилось.

Не успѣлъ Францъ Ивановичъ сдѣлать трехъ шаговъ, мостикъ затрещалъ и погнулся на сторону; еще мигъ, мостикъ протрещалъ вторично и цѣликомъ хряснулъ въ воду.

Все это произошло такъ скоро, что прежде чѣмъ присутствующіе успѣли сдѣлать движеніе, прежде чѣмъ успѣли всѣ вскрикнуть, Мерзенгеймеръ барахтался въ водѣ и призывалъ отчаянно на помощь.

Мысль, что еще минута, и то же могло случиться съ дядей Пыщинымъ, молніей промелькнула въ головѣ Сергѣя Львовича и обдала его холоднымъ потомъ; онъ мгновенно однакожъ, пришелъ въ себя и первый бросился въ воду; за нимъ послѣдовалъ-было Липецкой, но Петръ Сергѣевичъ опередилъ его и оставилъ на берегу, гдѣ происходила страшная сумятица, посреди которой визгъ дамъ игралъ, конечно, не послѣднюю роль. Первая роль принадлежала теперь безспорно Карлу Ивановичу Гаденбургу. Онъ шатался по берегу, наполняя воздухъ неистовыми возгласами; положеніе его было въ самомъ дѣлѣ ужасно: съ одной стороны порывался онъ броситься въ воду и спасти друга, съ другой останавливала его мысль о новыхъ панталонахъ и новомъ жилетѣ, которые, безъ

сомнѣнія, погибнутъ при этой операціи и которые онъ ощупывалъ съ выраженіемъ глубочайшей нерѣшительности и борьбы самой отчаянной; къ довершенію суматохи, Зинаидѣ Львовнѣ сдѣлалось дурно; послѣднее, можно сказать, было, однакожъ, очень кстати; дамы бросились ее поддерживать и такимъ образомъ, освободивъ мѣсто у края берега, дали возможность обоимъ Люлюковымъ скорѣе вывести Франца Ивановича.

Мужчины мгновенно обступили его.

— Прежде чѣмъ приглашать туда гостей, ты бы починилъ свой мостъ! сказалъ Пыщинъ, строго взглянувъ на Сергѣя Львовича.

— Не ушиблись ли вы? заботливо спросилъ губернаторъ.

Францъ Ивановичъ былъ очень раздраженъ и сконфуженъ, но случилось какъ-то, что послѣ заступничества Пыщина и участія губернатора, онъ мгновенно почувствовалъ облегченіе и успокоился; онъ началъ даже посмѣиваться и благодарить, пожимая всѣмъ руки, не выключая изъ того числа Сергѣя Львовича, который ухаживалъ за нимъ и умолялъ не сердиться. Софья Алексѣевна присоединила также свои извиненія. Зинаида Львовна, дурнота которой прошла, какъ только сказали ей, что Мерзенгеймера благополучно вытащили на берегъ, поспѣшила со своей стороны подойдти къ нему.

Внезапно она вскрикнула и, безъ сомнѣнія, покатилась бы на траву, еслибы не подхватили ее Софья Алексѣевна, мать Гамлета и ея дочка. Вслѣдъ за тѣмъ, раздался другой крикъ, еще болѣе пронзительный, хотя и вырвался изъ слабой груди Берендѣевой.

Мгновенно всѣ остановились и въ одинъ голосъ спросили:

— Что такое?..

— Ракъ!.. Ракъ!.. Боже мой, ракъ!.. могла только произнести Берендѣева, простирая впередъ руку.

Глаза присутствующихъ невольно устремились сначала на ея руку и уже потомъ, слѣдуя движенію руки, перешли къ тощей икрѣ Мерзенгеймера, на которой, прицѣпившись къ панталонамъ, дѣйствительно висѣлъ одинъ

изъ тѣхъ раковъ, которые, по словамъ Сергѣя Львовича, были вкуснѣе гатчинской форели.

Смѣлымъ движеніемъ руки Сергѣй Львовичъ схватилъ рака и перекинулъ его черезъ макушки березъ.

Въ напряженіи Сергѣя Львовича замѣтно проглянуло что-то нервное и лихорадочное; въ соединеніи съ волненіемъ отъ мысли, что это точно также могло постигнуть дядю Пыщина; въ соединеніи съ чувствомъ благодарности, что съ дядей Пыщинымъ ничего этого не случилось, — движеніе это подкосило послѣднія силы Сергѣя Львовича.

— Петруша, поддержи меня... У меня что-то зарябило въ глазахъ... проговорилъ онъ, простирая руку къ сыну.

Петръ Сергѣевичъ подбѣжалъ къ нему; но это была фальшивая тревога; Сергѣй Львовичъ въ ту же минуту вырвался изъ рукъ сына и побѣжалъ догонять дядю Пыщина съ такою поспѣшностью, какъ-будто давно ждалъ своихъ ногъ, и онѣ явились вдругъ къ его услугамъ.

Петръ Сергѣевичъ, между тѣмъ, отсталъ на минуту, чтобы почистить панталоны, которые были выпачканы въ тинѣ. Къ нему неожиданно подвернулся гимназистъ Дроздовъ. Люлюковъ давно уже замѣтилъ, что юноша этотъ юлилъ подлѣ него. Хорьковое лицо гимназиста выражало на этотъ разъ еще больше ядовитости; онъ потиралъ маленькими своими ладонями и производилъ судорожныя движенія корпусомъ, заставляя въ то же время подпрыгивать карманы на фалдахъ мундирчика, набитые конфектами и фруктами.

— Что съ вами? спросилъ Люлюковъ.

— Экая досада, что не съ нимъ это случилось...

— Что случилось? Съ кѣмъ?..

— Да съ этимъ старикомъ... То-то хорошо было-бы... Его бы тогда окончательно уходили...

— Начать съ того, никто не думалъ его уходить; онъ бы самъ тогда провалился.

— Ну, все равно, отлично, что никто не обращаетъ на него вниманія... я это замѣтилъ... Чортъ съ нимъ! Я его ненавижу...

— За что же? спросилъ удивленный Люлюковъ.

— Ихъ всѣхъ надо ненавидѣть и истреблять! подхватилъ гимназистъ съ какимъ-то азартомъ.

— На это я вотъ что скажу вамъ, проговорилъ Люлюковъ, которымъ овладѣло вдругъ досадливое раздраженіе:—вы бы начали съ того лучше, что истребили конфекты и фрукты, которыми набили себѣ карманы...

Тутъ онъ раза два притронулся ладонью къ его фалдамъ и поспѣшилъ вернуться къ обществу, оставивъ далеко за собою озадаченнаго мальчугана.

Войдя въ домъ, Петръ Сергѣевичъ былъ встрѣченъ извѣстіемъ, что Помпей Николаевичъ велѣлъ уже закладывать лошадей и сейчасъ ѣдетъ.

Дѣйствительно, минутъ черезъ десять Пыщинъ, одѣтый по дорожному, вышелъ въ залу, сопровождаемый племянницею, ея дѣтьми и Сергѣемъ Львовичемъ.

Послѣдній, надо думать, заглянулъ передъ тѣмъ въ гостиную и, обойдя гостей своихъ, шепнулъ каждому нѣсколько предупредительныхъ словъ; надо думать, онъ особенно долго толковалъ съ Липецкимъ, потому что, какъ только Пыщинъ явился въ залѣ, Липецкой въ тотъ же мигъ направилъ туда шаги свои и такимъ образомъ увлекъ туда же все общество.

Помпея Николаевича буквально окружили. Онъ ни въ какомъ случаѣ не могъ теперь жаловаться на недостатокъ вниманія. Всѣ въ одинъ голосъ вторили Липецкому и выражали Пыщину сожалѣніе, что онъ такъ скоро оставляетъ Дудиловку.

Но это, повидимому, мало уже дѣйствовало на именитаго родственника. Приподнимая плечи и круто выпучивая грудь, онъ только медленно поворачивался всѣмъ корпусомъ, угрюмо поглядывалъ вокругъ и изрѣдка отвѣчалъ на всѣ привѣтствія лаконическими отрывистыми словами. Испытанія этого дня окончательно какъ-бы придавили и приплюснули ему мозгъ, хотя и говорили, что послѣдній былъ у него изъ корельской березы. Казалось, Пыщинъ какъ будто обрюзгъ нѣсколько; мудренаго нѣтъ: пустой фарсъ, которому мы смѣемся въ театрѣ, часто въ дѣйствительности бываетъ трагедіей. Кто-жъ не знаетъ,

наконецъ, что одного вихря и нѣсколькихъ минутъ грозы достаточно, чтобы разрушить самую плодоносную, самую цвѣтущую долину...

Садясь въ коляску, Пыщинъ не потрепалъ даже дѣтей по щекѣ; онъ ограничился тѣмъ, что слегка прикоснулся губами ко лбу племянницы, кивнулъ головою Петру Сергѣевичу и едва замѣтно притронулся къ ладони Сергѣя Львовича, который стоялъ передъ нимъ, какъ ошпаренная курица, и робко поглядывалъ съ выраженіемъ истинной, сердечной скорби.

По всей вѣроятности, сердечная скорбь его не ослабла даже тогда, когда коляска дяди Пыщина выѣхала изъ березовой аллеи и когда Сергѣй Львовичъ вернулся съ семействомъ въ залу.

Едва Сергѣй Львовичъ показался въ залѣ, все общество мигомъ обступило его, и каждый въ запуски принялся увѣщевать его и успокоивать. Изъ постороннихъ болѣе всѣхъ трудились надъ этимъ Липецкой и старый предводитель Ананасовъ. Они, безъ сомнѣнія, не замедлили бы достигнуть своей цѣли, если бы въ то же время не пришлось имъ разрушить начатое; оба объявили, что пора ѣхать, потому что скоро семь часовъ и надо поспѣть къ поѣзду, который отходитъ въ восемь. Липецкому не было никакой возможности ждать ночного поѣзда; его ждали въ городѣ, и необходимо было прибыть туда сегодня же вечеромъ.

Напрасно Сергѣй Львовичъ и Софья Алексѣевна уговаривали, чтобы, по-крайней мѣрѣ, другіе гости остались провести вечеръ. Оказалось, имъ также не было никакой возможности согласиться. Будь это въ другое время, никто бы не сталъ противорѣчить, никто бы даже не подумалъ отказаться отъ радушнаго приглашенія; но теперь, какъ нарочно, у каждаго было дѣло, требующее немедленнаго возвращенія домой.

Часамъ къ десяти никого уже не было.

Софья Алексѣевна, утомленная до невозможности, тотчасъ же ушла въ свою комнату, сопровождаемая Зинаидой Львовной. Сергѣй Львовичъ, обѣгавшій въ этотъ день болѣе двадцати пяти верстъ, но еще болѣе изне-

моженный нравственными потрясеніями, не замедлилъ послѣдовать примѣру жены. Дѣти, нѣсколькими минутами раньше, были уведены Ольгою Ивановной, бросившею при прощаньи такой взглядъ на молодого Люлюкова, что тотъ не могъ его вынести и принужденъ былъ опустить глаза.

Оставшись одинъ, Петръ Сергѣевичъ хотѣлъ - было зайдти къ отцу, но, подумавъ, что сонъ будетъ для него теперь полезнѣе утѣшеній, тутъ же оставилъ свое намѣреніе.

Улегшись въ постель, онъ долго не могъ заснуть, долго ворочалси съ боку на бокъ; нетерпѣливый шумъ шаговъ, безпокойный какъ учащенные звуки маятника, раздаваясь въ тишинѣ, не переставалъ тревожить слухъ его; не сомнѣваясь, что такъ могла расхаживать теперь только «отвлеченная» Ольга Ивановна, трудившаяся вѣрно надъ разъясненіемъ словъ и мыслей Мурзаханова, Петръ Сергѣевичъ, въ досадѣ, не разъ пожелалъ ей выйдти за него замужъ.

Наконецъ шаги умолкли.

Вскорѣ все стало тихо внутри и вокругъ «верзилы», который, казалось, одинъ только бодрствовалъ и задумчиво глядѣлъ на окрестность, подернутую серебристымъ паромъ.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ,

ВЪ КОТОРОЙ ДРАМАТИЧЕСКОЕ НАЧАЛО И БЛАГОПРІЯТНЫЙ КОНЕЦЪ.

Тишина, воцарившаяся въ дудиловскомъ домѣ, не долго продолжалась. Противъ всякаго ожиданія, она разрѣшилась драмой самаго «раздирательнаго» свойства.

Подобно тому, какъ это бываетъ иногда въ театральныхъ представленіяхъ, здѣсь, точно также, передъ трагедіей разыгралась сначала комическая сцена.

Вотъ какъ было дѣло.

Ровно три дня послѣ описанныхъ выше событій, утромъ Петръ Сергѣевичъ сидѣлъ въ своей комнатѣ, окру-

женный сестрами; Кокò сидѣлъ верхомъ на его колѣняхъ. Внезапно Кокò пристально взглянулъ на брата и воскликнулъ:

— Ахъ, бьятецъ, какъ тебя Ойга Ивановна юбитъ!..

Петръ Сергѣевичъ раскрылъ удивленные глаза, даже слегка покраснѣлъ.

— Я очень увѣренъ въ этомъ... сказалъ онъ, стараясь придать словамъ своимъ самый натуральный тонъ:— я не злой какой-нибудь, чтобъ она стала меня не любить...

— Нѣтъ, Пьеръ, нѣтъ: Кокò не такъ сказалъ; Ольга Ивановна въ тебя влюблена! еще неожиданнѣе возвѣстила вдругъ Вѣрочка.

На этотъ разъ Петръ Сергѣевичъ былъ не шутя озадаченъ; онъ едва могъ скрыть свое удивленіе.

— Чтò это ты, Вѣрочка, какой вздоръ говоришь...

— Нѣтъ, право влюблена!

— Ужасно влюблена! ужасно! подхватила Катя, произносившая послѣднее слово всегда съ какимъ-то усиленно напыщеннымъ выраженіемъ.

— Ахъ, дѣти мои, какой только вы вздоръ говорите!.. произнесъ Петръ Сергѣевичъ, усиливаясь преодолѣть и смѣхъ, и досаду, все вмѣстѣ: — понимаете-ли вы только, чтò такое любовь?.. этакіе пустяки!.. И, наконецъ, кто могъ сообщить вамъ такой вздоръ?..

— Мы сами видѣли! прокричали въ одинъ голосъ дѣвочки.

— Какъ? Чтò видѣли? спросиль еще болѣе изумленный братъ.

— Вотъ видишь ли, начала Вѣрочка, самая бойкая изъ трехъ. — у Ольги Ивановны есть такая маленькая зеленая книжечка; она записываетъ туда все чтò съ ней случается, все, чтò она думаетъ; мы нашли эту книжку и прочли...

— Какъ же вамъ не стыдно читать чужіе журналы? это все равно, что читать чужія письма! недовольнымъ голосомъ сказалъ братъ.

— У Ольги Ивановны такой вездѣ безпорядокъ... ея вещи никогда не убраны и вездѣ валяются... начала

оправдываться Катя.—Вѣрочка нашла книжку и мнѣ показала...

— А мнѣ Катя показала! торопливо проговорила Соня.

— А Соня разсказала Коко́...

— Нѣтъ, ты первая разсказала...

— Ну все равно, перебилъ Петръ Сергѣевичъ:—вамъ во всякомъ случаѣ не слѣдовало трогать чужой вещи; и наконецъ, какъ я вамъ говорю,—все это вздоръ; вы ровно тутъ ничего не поняли...

— Какже не понять? воскликнула Вѣрочка: — тамъ вездѣ написано: «Боже, я влюблена въ него!—Я люблю его!.. — Я не могу жить безъ него!..»

— Что-жъ тутъ удивительнаго! Она пишетъ все это, вѣроятно, о своемъ братѣ, объ отцѣ, объ родственникѣ какомъ-нибудь...

— Совсѣмъ нѣтъ! Совсѣмъ нѣтъ! горячо вступилась Катя:—тамъ же вездѣ написано: «Пьеръ! Пьеръ! Пьеръ!..»

— Нѣтъ, сначала написано вездѣ только: «П. — П. — П. и П. Л.» съ живостью перебила Соня: —а ужъ потомъ: «Пьеръ!»

— А потомъ цѣлый листъ исписанъ: — «Петръ Сергѣевичъ Люлюковъ! — Петръ Сергѣевичъ Люлюковъ!..» добавила Вѣрочка.

— Ну, слушайте же, что я вамъ скажу, промолвилъ братъ: — вы тутъ все-таки ровно ничего не поняли и приняли одно за другое... Если вы меня любите, прошу васъ впередъ не болтать такихъ пустяковъ; всѣ станутъ смѣяться надъ вами, а я, не шутя, разсержусь на васъ... Ступайте теперь въ садъ; мы сегодня учиться не будемъ; играйте тамъ до тѣхъ поръ, пока васъ не позовутъ домой...

Проводивъ ихъ въ садъ, онъ прямо пошелъ въ кабинетъ отца; но, не заставъ его тамъ, вышелъ въ залу и встрѣтился съ Ольгой Ивановной.

— Вы, кажется, кого-то ищете, Петръ Сергѣевичъ?.. спросила она, подходя къ нему.

— Да, мнѣ хотѣлось бы на минуту увидѣть отца, проговорилъ Люлюковъ съ примѣтною неловкостью.

— Онъ въ комнатѣ Софьи Алексѣевны; я сейчасъ слышала тамъ его голосъ...

Петръ Сергѣевичъ поблагодарилъ ее, и торопливо поднялся наверхъ.

Между Люлюковыми было уже полное согласіе касательно того, что Ольгу Ивановну нельзя больше оставить въ домѣ; не было только рѣшено, въ какой именно день сказать ей объ этомъ. Къ тому же, въ послѣднюю эту недѣлю было сколько хлопотъ, что нечего даже было думать приступать къ какому-нибудь дѣлу.

Встрѣтивъ въ комнатѣ матери отца и Зинаиду Львовну, Петръ Сергѣевичъ безъ обиняковъ передалъ имъ разговоръ съ сестрами и настоятельно сталъ требовать, чтобъ Ольгѣ Ивановнѣ какъ можно скорѣе отказали,—сегодня же, если не представляется къ тому препятствій.

— Мнѣ жаль ее!.. меланхолически произнесла Зинаида Львовна.

— Мнѣ также... повторила Софья Алексѣевна.

— А мнѣ и подавно! подхватилъ Петръ Сергѣевичъ:— только, что-жъ дѣлать! Признаться сказать, мнѣ сестренокъ своихъ еще жальче!..

— Еще бы! съ горячностью сказалъ Сергѣй Львовичъ: — я давно зналъ, что этимъ кончится; но только не вмѣшивался въ это дѣло, потому что взяли Ольгу Ивановну вотъ эти наши барыни... и мнѣ не хотѣлось лишній разъ ссориться...

Рука Зинаиды Львовны нечаянно проскользнула къ рукѣ обожаемой подруги и произвела легкое, но знаменательное пожатіе.

Тутъ рѣшено было сегодня же объявить Ольгѣ Ивановнѣ, чтобъ она укладывалась. Вопросъ заключался въ томъ теперь, кто возьметъ на себя тяжелую обязанность сказать ей объ этомъ.

Сергѣй Львовичъ ни въ какомъ случаѣ не брался; онъ чувствовалъ себя сегодня очень нервнымъ, говорилъ что пожалуй, чего добраго, еще не выдержитъ и ослабнетъ въ самую критическую минуту.

Петръ Сергѣевичъ былъ того мнѣнія, что лучше всего взяться за это дѣло матери и Зинаидѣ Львовнѣ; въ ще-

котливомъ дѣлѣ женщины всегда какъ-то находчивѣе, способнѣе смягчить, умаслить, подсластить горечь.

Сдавъ такимъ образомъ сцену объясненія на руки матери и Зинаидѣ Львовнѣ, Петръ Сергѣевичъ совѣтовалъ имъ тотчасъ же позвать Ольгу Ивановну, а самъ, до окончанія переговоровъ, увелъ отца въ садъ.

Они проходили больше часу. Не мало впрочемъ времени требовалось Петру Сергѣевичу, чтобы подводить отца ко всѣмъ повалившимся заборамъ, заросшимъ канавамъ, поломаннымъ деревьямъ и доказать ему, какъ неосторожно было ввѣриться старому плуту Петру Кондратьевичу. Сергѣй Львовичъ былъ совершенно согласенъ. Онъ говорилъ, что уже, послѣ исторіи съ мостомъ, убѣдился въ этой истинѣ и окончательно прозрѣлъ въ отношеніи къ старому «лысаку».

Встрѣтивъ раза два дѣтей въ саду, они повторили имъ, что могутъ играть здѣсь до тѣхъ поръ, пока за ними не пришлютъ.

Возвратясь домой, отецъ и сынъ направились въ кабинетъ.

Немного погодя, вошла къ нимъ Зинаида Львовна.

Глаза ея были красны; римскій носъ, подсушенный временемъ, и щеки, изрытыя внутренними, сердечными потрясеніями, увлажались слезами.

— Ужасно! проговорила она:—я едва могла вынести! Рыданіями своими она разрываетъ намъ сердце...

При этомъ извѣстіи, ротъ Сергѣя Львовича слегка покривился, и глаза заморгали сильнѣе обыкновеннаго,— обстоятельство, заставившее его тотчасъ же прибѣгнуть къ табакеркѣ съ изображеніемъ саней и тройки.

— Вамъ, главное, слѣдовало бы намекать ей на энергію, говорить ей о твердости душевной силы... Уговаривайте ее тѣмъ, подхватилъ Петръ Сергѣевичъ:—что люди съ истиннымъ развитіемъ должны смотрѣть на жизнь гораздо серьезнѣе...

— Все это было уже говорено! Мы все ей сказали, что было только возможно!.. перебила Зинаида Львовна, дѣлая безотрадный жестъ: — она ничего слышать не хочетъ! Она все-таки рыдаетъ навзрыдъ, какъ ребенокъ....

О, Пьеръ! Она въ самомъ дѣлѣ влюблена въ тебя! Въ самомъ дѣлѣ!..

— Мудрено что-то въ одну недѣлю... Не вѣрится!..

— Повѣрь, братецъ, ей! Повѣрь! сказалъ повеселѣвшій Сергѣй Львовичъ, мигая на Зинаиду Львовну:—она вѣдь знатокъ этого дѣла!..

— Ну, ужъ вы всегда!.. Самъ эгоистъ и безъ сердца... Послушай, Пьеръ, подхватила она;—что-жъ намъ дѣлать однакожъ?..

— Я и подавно не знаю! досадливо сказалъ Петръ Сергѣевичъ:—не могу же я на ней жениться!.. Я ее не люблю вовсе; да хоть бы и полюбилъ, нашелъ бы столько силы, надѣюсь, чтобы побѣдить въ себѣ такое чувство... Мнѣ такая жена не годится!..

— А какая же тебѣ нужна? Какая? спросилъ съ живостью Сергѣй Львовичъ.

— Вопервыхъ, такая, которая бы мнѣ понравилась... Говорятъ, впрочемъ: любовь зла, полюбишь и козла!.. Но авось, Господь отъ козла бы избавилъ...

— Ну, а вовторыхъ?

— Вовторыхъ, хотѣлось бы встрѣтить дѣвушку съ умомъ природнымъ, натуральнымъ, не искаженнымъ всею этою фальшью направленія, которая носитъ громкое названіе развитія. Я бы хотѣлъ простую, спокойно-разумную дѣвушку, которая прежде всего не была бы куклой, но человѣкомъ, равнымъ мнѣ во всемъ, которая могла бы мнѣ быть поддержкой и помощницей во всемъ рѣшительно, которая умѣла бы даже облегчить мнѣ жизнь матеріяльную, не гнушалась бы хозяйственными занятіями...

— Фи! Матеріялистъ! воскликнула Зинаида Львовна.

Въ это время въ кабинетъ вошла Софья Алексѣевна.

Надъ глазами ея, вмѣсто бровей, были красныя пятна,—знакъ, что она также плакала; но вообще она казалась не въ примѣръ спокойнѣе своей подруги.

— Ну, что? спросили всѣ въ одинъ голосъ.

— Разливается-плачетъ; ничѣмъ нельзя ее утѣшить... отвѣчала Софья Алексѣевна, тяжело опускаясь на ближайшее кресло.

— Знаете что, сказалъ Петръ Сергѣевичъ:—вы всѣ,

конечно, очень хорошо понимаете, какъ неловко въ настоящую минуту ея положеніе... Положимъ, хоть все это вздоръ, пустая вспышка празднаго воображенія, потому, что нельзя же полюбить серьезно въ одну недѣлю; — но все-таки несравненно было бы удобнѣе, еслибъ она больше не встрѣчалась со мною... Скажите ей, что за мной неожиданно прислали... положимъ хоть губернаторъ... Я сію же минуту оптправлюсь дня на три... Начать съ того, при отъѣздѣ ея, я долженъ же буду съ ней проститься; тутъ пожалуй выйдетъ такая сцена, которой вовсе неслѣдовало бы видѣть сестренкамъ... Къ тому же, рано или поздно, все равно, надо будетъ сдѣлать визиты: я сдѣлаю это теперь; отзвоню — и съ колокольни долой; потому что больше, надѣюсь, не придется уже дѣлать повторенія...

— Я тебя не понимаю... проговорилъ Сергѣй Львовичъ.

— И я также!.. подхватила Зинаида Львовна.

— И я! повторила за нею Софья Алексѣевна.

— Очень просто:—вопервыхъ, некогда будетъ; я займусь дѣломъ: я человѣкъ-трудовой и рабочій; вовторыхъ, я полагаю: надо и самимъ принимать! Мы не на столько богаты, чтобы держать открытый домъ и задавать пирушки. Такъ хорошо было прежде, папаша; самъ видишь: другое теперь совсѣмъ положеніе; теперь,—если самимъ не заняться дѣломъ,—того и смотри, ничего не останется... А надо, чтобъ осталось, потому что слѣдуетъ приберечь вашу старость, да еще и сестрамъ что-нибудь оставить... Такъ-ли, отецъ?..

Тутъ Сергѣй Львовичъ снова усиленно какъ-то заморгалъ глазами и хотѣлъ было отвернуться, но сынъ не далъ ему на это времени; онъ подошелъ къ нему, раздвинулъ ладонями въ обѣ стороны его сѣдые волосы и звонко поцѣловалъ его въ лобъ, затѣмъ поцѣловалъ также мать и влѣпилъ летучій поцѣлуй Зинаидѣ Львовнѣ.

Часъ спустя, Петръ Сергѣевичъ распрощался съ родными и уѣхалъ.

Когда три дня послѣ того онъ вернулся назадъ, Ольга Ивановна уже оставила «ненасытнаго верзилу».

КОНЕЦЪ.

LR
G8576

462783
Grigorovich, Dmitry Vasil'evich
Полное собраніе сочиненій.
том 8
[Translit.: Polnoe sobranie sochin

University of Toronto
Library

DO NOT
REMOVE
THE
CARD
FROM
THIS
POCKET

Acme Library Card Pocket
LOWE-MARTIN CO. LIMITED